

Восточная коллекция

А. Мещеряков
М. Грачёв

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ

ЯПОНИИ

ВОСТОЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Александр Мещеряков
Максим Грачев

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

Москва
Издательство «Наталис»
2010

УДК 94(31)(07)
ББК 63.3(5Япо)я7
М 56

Главный редактор
А. Р. Вяткин

Мещеряков, Александр Николаевич.

М 56 История древней Японии : Учебное пособие для вузов / Мещеряков А. Н., Грачев М. В. — М. : Наталис, 2010. — 544 с. : ил. — (Восточная коллекция). — ISBN 978-5-8062-0327-5

И. Грачев, Максим Васильевич.

Агентство СІР РГБ

Император и его аристократическое окружение, институты власти и заговоры, внешняя политика и стиль жизни, восприятие пространства и времени, мифы и религия... Почему Япония называется Японией? Отчего японцы отказались пить молоко? Почему японцы уважают ученых? Обо всем этом и о многом другом — в самом подробном изложении, какое только существует на европейских языках.

УДК 94(31)(07)
ББК 63.3(5Япо)я7

*Редакция благодарит издательство «Гиперион»
за помощь в подготовке этой книги*

ISBN 978-5-8062-0327-5

© Мещеряков А. Н., 2010
© Грачев М. В., 2010
© Издательство «Наталис», 2010

Предисловие

За последние десятилетия японской исторической наукой был проделан колоссальный путь. Разумеется, мы должны иметь в виду, что этот прогресс стал особенно заметен на фоне упадка всех гуманитарных наук в 30-х — первой половине 40-х гг., когда свободная и независимая исследовательская работа под влиянием чисто политических условий была маловозможна. Тем не менее творческая активность нынешних японских историков и археологов вызывает глубокое уважение. Поскольку данный учебник не ставит перед собой специальных историографических целей, мы ограничимся самыми общими замечаниями относительно состояния исторических штудий древности в современной Японии и за рубежом.

Сегодняшняя историческая наука в Японии представляет собой мощный союз историков самых разных специальностей, совокупные усилия которых поддерживаются неослабевающим вниманием широкой общественности. Упомянем хотя бы издаваемые достаточно крупным тиражом переводы древних памятников на современный язык, образовательные передачи радио и телевидения, широкое освещение последних открытий историков (археологов) всеми средствами массовой информации. Оставляя в стороне множество конкретных открытий, догадок и новых гипотез последнего времени, выделим лишь несколько основных направлений, которые сделали возможным поступательное движение исторической науки в Японии.

1. Масштабная работа археологов, обеспечиваемая самыми современными методами исследования, позволила существенно уточнить культурное, социальное и хозяйственное «наполнение» археологического периода японской истории, выявить преемственность (антропологическую, культурную и социальную) меж-

ду отдельными периодами. Для нашего тома, уделяющего главное внимание истории государственности древней Японии, особенно большое значение имели открытия в области исторической археологии, позволившие на обнаруженном эпиграфическом материале (прежде всего на материале деревянных табличек — *моккан*) проследить распространение письменности в Японии V—VIII вв., в значительной степени скорректировать или же подтвердить те данные, которые содержатся в нарративных и законодательных памятниках. Вместе с чисто текстологической критикой памятников это позволило выйти на совершенно новый уровень комментаторской деятельности. Наиболее яркий пример — недавнее (1989—1998) блестящее издание в серии «Син нихон котэн бунгаку тайкэй» издательского дома «Иванами сётэн» основного источника VIII в. — хроники «Сёку нихонги».

2. Очень плодотворной оказалась тщательно конкретизируемая исследователями идея о включении истории Японии в общеисторический контекст Дальневосточного региона, в результате чего был в значительной степени преодолен изоляционизм, свойственный прежде работам японских ученых. При этом реальная специфика исторического пути этой страны была выявлена с достаточной степенью аккуратности и корректности.

3. Широкое распространение получили исследования по отдельным регионам древней Японии. Было убедительно показано, что понятие «древнеяпонская история» следует употреблять с большой степенью осторожности, поскольку «Япония» (этот термин начинает употребляться с начала VIII в.) не представляла собой гомогенного образования. Поэтому для периода ранней японской истории многие специалисты предпочитают ныне говорить о «древней истории Японского архипелага».

Несмотря на неоспоримые достижения японских историков, они остаются для российского и западного читателя в значительной степени недоступными. В особенности это касается истории древней Японии. Основной причиной этого следует называть не столько наличие межкультурных барьеров (хотя и этот фактор нельзя сбрасывать со счета), сколько пренебрежение современного западного общества проблемами, связанными с древностью (как своей, так и зарубежной). Ориентация этого

общества на непосредственно извлекаемую «полезность» результатов науки, желание немедленного «потребления» плодов исследований диктуют общую ориентацию науки на сугубо прикладные исследования. Все остальное, что не может быть потреблено без определенной подготовки и последующей утилизации, в значительной степени остается за барьерами интереса и финансирования. Анализ глубинных причин этого явления выходит за пределы задач, поставленных перед собой авторами. Тем не менее мы считаем своим долгом отметить явное снижение интереса западных специалистов по отношению к древнеяпонской истории, а также понижение уровня имеющихся исследований. Зримым подтверждением этого является сравнительно недавно вышедший весьма солидный том «Кэмбриджской истории древней Японии» («The Cambridge History of Japan. Vol. 1. Ancient Japan». Cambridge University Press, 1993), в котором (в отличие от других томов) большинство разделов написано японскими учеными. По той простой причине, что ныне на Западе не имеется достаточного количества квалифицированных специалистов по истории древней Японии, которые могли бы составить хоть какую-то конкуренцию японским историкам. Западная японистика знала когда-то немало блестящих историков и культурологов, занимавшихся японской древностью, но ныне — увы! — настали совсем другие времена.

Сказанное выше в полной мере относится и к российской японистике. Кроме того, длительная изоляция от мировой науки, нынешнее поистине бедственное состояние финансирования фундаментальных исследований в Отечестве привносят дополнительные трудности.

Однако неудовлетворительное состояние западной и российской науки о японской древности вовсе не означает, что эта древность не нуждается в изучении, в противном случае события и институты новой-новой истории, которым уделяется основное внимание в работах историков, «провисают» и могут быть истолкованы только из самих себя. Вряд ли нужно лишний раз объяснять, что такой подход, неверный сам по себе, особенно пагубен в отношении истории Японии, одной из основных особенностей которой является преемственность социально-исторических институтов и культуроформ. В связи с этим авторы данного учебника, сознавая трудность стоящей

перед ними задачи по адекватной презентации истории древней Японии, тем не менее берут на себя смелость представить эту книгу на суд читателя. Она, безусловно, не может быть лишена многих недостатков, тем более что это первый учебник по древней истории Японии на русском языке. Мы надеемся, что он хоть в какой-то мере заполнит существующие лакуны и послужит пробуждению интереса по отношению к истории древней Японии.

При написании данного тома мы ставили перед собой следующие основные задачи.

1) Дать максимально полное представление о фактическом ходе историко-культурного процесса на территории нынешнего Японского архипелага и в древней Японии. При этом мы начинаем изложение с археологии (с палеолита) и заканчиваем его концом периода Нара (710—794), после чего в истории Японии происходят весьма существенные изменения, анализ которых представляет собой специальную задачу. Именно периоду Нара мы уделяем главное внимание, ибо в это время высокоцентрализованное государство древности достигло своего расцвета. Кроме того, в эту эпоху формируются некоторые важнейшие историко-культурные и социальные парадигмы, которые будут «работать» и в более позднее время. Иными словами, в период Нара закладываются как основы японской культуры (с сопутствующими историческими стереотипами), так и того, что мы называем «японским менталитетом». Что касается археологического периода, то он интересовал нас прежде всего с точек зрения историко-культурной и социальной, в связи с чем чисто археологическая проблематика затрагивается в учебнике в минимальной степени (в связи с этим мы подразделяем каждый из археологических периодов, как правило, на три этапа — начало, середину и конец, не прибегая к более дробной периодизации). Иными словами, археологический период японской истории является для нас необходимым, но предварительным этапом перед формированием древнего государства.

2) Осветить ту проблематику, которая становится предметом для обсуждения среди японских историков в последнее время, представить читателю новейшие открытия и достижения японских археологов и историков.

3) Внести свой скромный вклад в видение некоторых важных проблем, которые пока что не стали предметом детального анализа. Прежде всего это касается вопросов, связанных с функционированием древнего японского государства как информационно-коммуникативной системы; новой интерпретацией политической истории VIII в. с точки зрения выбора наиболее приемлемой идеологии (конфуцианство и буддизм); выделением историко-культурных парадигм, свойственных истории Японии на всем ее протяжении.

4) Соблюдая академическую строгость, сделать изложение по возможности живым и свободным, попытаться связать события, институты и культуру древности с более поздними и более известными читателю реалиями.

Основной текст учебника состоит из трех разделов (18 глав). Раздел «Географические условия и историко-культурный процесс» имеет самостоятельное значение и представляет собой попытку осмысления реалий японской истории в контексте природных условий архипелага. Остальные восемнадцать глав распределяются по разделам следующим образом. Главы с первой по пятую объединены в раздел «Доисторическая Япония», где дается характеристика археологического (дописьменного) периода японской древности. Главы с шестой по восьмую входят в раздел «Раннеисторическая Япония» и посвящены начальному этапу формирования японской государственности. И наконец, третий раздел (главы 9—18) рассматривает историю и культуру эпохи Нара (VIII в.) — время расцвета японского государства периода древности.

Учебник снабжен рядом приложений, призванных облегчить усвоение материала. Обращаем особое внимание на синхронистическую таблицу, дающую детальное изложение главных событий в истории древней Японии. Постоянное обращение к этой таблице позволяет в значительной степени конкретизировать многие общие соображения, приводимые в основной части книги.

Все встречающиеся в тексте учебника японские термины, имена и топонимы приводятся в транскрипции Поливанова с соблюдением долгот (обозначаются двоеточием) и не склоняются. Имена собственные приводятся в соответствии с японскими нормами (сначала указывается фамилия, затем имя).

В скобках указываются годы жизни, если они известны. Для правителей в скобках указываются годы правления.

Топонимы приводятся с указанием долгот за исключением тех случаев, когда в русском языке уже утвердилось иное написание, ставшее нормативным (например, Кюсю, а не Кю:сю; Киото, а не Кё:то: и т. д.).

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ

Я П О Н И И

Географические условия и историко-культурный процесс

Одной из основных особенностей географического положения Японии принято считать ее изолированность от материка, что оказало огромное влияние на жизнь ее обитателей. Однако следует иметь в виду, что географическая отделенность нынешней Японии от материка — явление историческое, т. е. имеющее свои временные границы. В эпоху плейстоцена Япония была связана с материком сухопутными мостами. Считается, что во время максимального оледенения вюрмского периода уровень океана был на 140 метров ниже нынешнего. Это позволяло проникать на архипелаг переселенцам из разных частей Азии — как с юга (через территорию нынешнего Кюсю), так и с севера (через Хоккайдо). Следует также иметь в виду, что территория современного Японского архипелага не была разделена на острова, т. е. представляла собой единый массив суши. Формирование архипелага в конфигурации, приблизительно соответствующей современной, относится к концу оледенения вюрмского периода, т. е. отстоит от нас на 17—18 тысяч лет.

Таким образом, наиболее ранняя культура обитателей Японии формировалась в результате тесного взаимодействия различных протоэтнических компонентов. В исторической перспективе (начиная с периода яёй, III в. до н. э. — III в. н. э.) наибольшее значение для формирования собственно японской культуры возымел южный морской канал, через который поступал основной информационный массив (в основном с Корейского полуострова и из Китая). Достаточно заметные этнические вливания оттуда, происходившие в несколько этапов, продолжались вплоть до VII в. н. э. Но и после этого чисто культурные связи с Дальним Востоком (в особенности с Китаем) были чрезвычайно важным фактором в эволюции японского общества.

Островам Японского архипелага присущ ряд разнообразных и разнохарактерных экологических (географических и климатических) факторов, которые оказали значительное влияние на стиль жизни японцев, их менталитет, культуру и историю.

На территории Японского архипелага не существует точки, откуда расстояние до моря или океана превышало бы сто с лишним километров. Рельеф является собой сочетание гор (около 75% суши) и равнин, разделенных горными отрогами. Причем на любом широтном срезе представлены как равнинные, так и горные участки.

Таким образом, каждый из регионов Японии, расположенных на одной широте, обеспечивает территориально близкое сосуществование трех зон, весьма отличных по своим природным условиям, на основе которых в самой непосредственной близости друг от друга в исторический период получили полноформатное развитие три хозяйственно-культурных комплекса: морской (рыболовство, собирательство моллюсков и водорослей, выпаривание соли), равнинный (земледелие с упором на заливное рисоводство) и горный (охота, собирательство, богарное земледелие, лесоводство).

Как показывает история мирового хозяйствования, каждый из этих укладов может быть вполне самодостаточным. Но их физическая приближенность друг к другу в условиях Японии предопределила возможность и даже необходимость тесных контактов между их обитателями, что выразилось в достаточно ранней специализации типов хозяйствования, а также в интенсивных обменных процессах (товарных и интеллектуальных), происходивших прежде всего на региональном микроуровне.

Следует, однако, иметь в виду, что природные условия архипелага предопределили и значительную изолированность друг от друга отдельных регионов. Начиная по крайней мере с VII в. и вплоть до «обновления Мэйдзи» (1867 г.), политико-административная карта Японии неизменно представляла собой структуру, образованную 60—70 провинциями. Подавляющее большинство из них располагало выходом к морю, а также имело в своем составе как равнинные, так и горные участки, что делало эти провинции в значительной степени самообеспечивающимися образованиями. Такая самообеспеченность ресурсами явилась материальной предпосылкой политического

сепаратизма, который мы наблюдаем на протяжении достаточно продолжительного исторического периода (без всяких оговорок о «единой Японии» можно говорить лишь после «обновления Мэйдзи»).

Кроме того, следует отметить большую протяженность Японского архипелага. Узкая гряда островов вытянута в направлении с северо-востока на юго-запад в пределах от 45 до 24 градусов северной широты, что обеспечивает сильно различающиеся между собой экологические условия обитания населения для разных регионов этой страны, чему способствует и обилие гор, служащих естественным консервантом локальных особенностей стиля жизни. Еще в XIX в. обитатели севера и юга Японии испытывали значительные лингвистические затруднения при общении друг с другом (не изжиты они окончательно и в настоящее время).

Начиная с её и вплоть до второй половины XIX в. из зоны «японской» культуры и истории в значительной степени выпадает Хоккайдо (прежде всего потому, что там было невозможно рисоводство, а японское государство было заинтересовано в первую очередь в освоении потенциально рисовыращивающих территорий). Архипелаг Рюкю в силу его удаленности от Кюсю и Хонсю также ведет вполне независимое культурно-хозяйственное и историческое существование начиная с её и окончательно попадает в сферу влияния Японии только после присоединения к ней в 1879 г., когда была образована префектура Окинава.

Японские реки, берущие свое начало в горах и впадающие в море, короткие и бурные, текут почти исключительно в широтном направлении, но ни одна из них не пересекает главные острова архипелага насквозь (т. е. пройти водным путем от Тихого океана до Японского моря было невозможно). Вследствие этого значение рек в качестве транспортных и информационных артерий было ограничено, и они не играли той глобальной объединяющей роли (хозяйственной и культурной), которая принадлежит великим рекам в других древних цивилизациях (Нил, Янцзы, Волга и т. д.). Альтернативу речному сообщению могли составлять прибрежные морские пути и, в особенности, сухопутные дороги. Строительство последних активизируется в периоды сильной централизованной власти — периоды Нара (710—784), Токугава (1603—1867), после Мэйдзи.

Следует подчеркнуть особую значимость моря для хозяйственной жизни японцев ввиду чрезвычайного богатства морепродуктов в прибрежных водах. Поскольку в непосредственной близости от архипелага встречаются теплые и холодные морские течения, это создаст очень благоприятные условия для размножения планктона и воспроизведения рыбных запасов. В настоящее время в прибрежных водах архипелага обитает 3492 вида рыб, моллюсков и морских животных (в Средиземном море — 1322, у западного побережья Северной Америки — 1744). Подавляющее большинство их концентрируется в районе Рюкю, однако наиболее продуктивные виды добываются на Хонсю и Хоккайдо. Особенно важным фактором с точки зрения добычи пищевых ресурсов было наличие богатых запасов кеты и горбуши, поднимающихся на нерест в материковые (островные) реки северо-восточного Хонсю и Хоккайдо.

Несмотря на заимствование японцами иероглифов из Китая, в стране имеют хождение и некоторые чисто японские иероглифы. Большинство из них были сконструированы ввиду отсутствия в Китае определенных видов растений и пород рыб.

В связи с этим необходимо отметить: морской промысел в прибрежной зоне являлся для Японии не чем-то, что носит по отношению к земледелию лишь дополнительный характер, но необходимым фактором его полнокровного развития в том виде, в каком оно там сформировалось. Морской промысел был для японцев основным источником животного белка, микроэлементов, соли (запасы каменной соли на территории архипелага отсутствуют). Мелкая рыба использовалась также и в качестве удобрений для сухоходного земледелия. Это позволяет говорить о фактическом (и притом весьма значительном) увеличении территории, подверженной интенсивному хозяйственному освоению.

В настоящее время среднестатистический японец потребляет около 70 кг рыбы в год. В связи с определенным оскудением рыбных запасов в прибрежной зоне Япония является в настоящее время крупнейшим импортером рыбы.

Несмотря на огромную важность моря в деле обеспечения пищевыми ресурсами, власть мыслила зоны обитания рыболовов своего рода культурной периферией. Считая себя государством прежде всего земледельческим (рисопроизводящим),

японское государство всегда уделяло основное внимание контролю над сельскохозяйственным населением. Оно постоянно занималось регулированием земельных отношений, предоставляя рыбакам достаточно большую свободу в их хозяйственной деятельности. Главные конфликты японской истории затрагивали в основном именно земледельческое население (ввиду естественной ограниченности земельных ресурсов), а море, пищевые ресурсы которого вплоть до новейшего времени можно принять за неисчерпаемые, не становилось источником конфликтных ситуаций.

Главной сельскохозяйственной культурой Японии является рис. Особенно широкое распространение получило заливное рисосеяние, принесенное переселенцами с юга Корейского полуострова в период Яэй. Существует несколько природных факторов, которые предопределили доминирование риса среди других злаковых. Это влажный и сравнительно теплый климат, обилие рек, поросшие лесами горы, «работающие» в качестве резервуаров для накопления влаги.

Для истории и культуры укоренение рисоводства имеет колоссальное значение. Оно не только создает возможности для увеличения количества прибавочного продукта и устойчивого роста населения (рис является потенциально наиболее урожайной культурой среди всех зерновых, за исключением кукурузы), но и способствует формированию «комплекса оседлости». Это связано с тем, что возделывание риса достаточно трудоемко и требует строительства ирригационных сооружений. Однако эти трудозатраты окупаются с лихвой, о чем свидетельствует устойчивый рост населения в исторической Японии.

Динамика численности населения Японии

Периоды	Количество населения (в млн чел.)
Ранний дзёмон	0,02—0,11
Средний дзёмон	0,26
Поздний дзёмон	0,16—0,08
Яэй	0,6
VI в.	5,4
VIII в.	6—6,5

Х в.	7
XI в.	9
XII в.	10
Начало XVII в.	12
1650 г.	17,2
1710 г.	27,7
1756 г.	26,1
1792 г.	24,9
1804 г.	25,5
1846 г.	26,9
1872 г.	33,1
1920 г.	55,9
1940 г.	71,8
1960 г.	93,7
1980 г.	116,4
1992 г.	123,5

Особенности природных условий архипелага оказали влияние на способы возделывания риса, что в свою очередь сказалось и на формах социальной самоорганизации японского этноса. Дело в том, что территория Японии с ее обилием коротких рек и изрезанностью рельефа требовала не столько сверхусилий государства по созданию гигантских оросительных систем, сколько налаживания сотрудничества на местном уровне для постройки сравнительно небольших ирригационных сооружений и распределения имеющихся водных ресурсов. Там же, где природные условия диктуют строительство разветвленных оросительных систем (в древнем Египте, Месопотамии, Северном Китае, Средней Азии), с необходимостью возникают ответственные за их сооружение и поддержание в порядке государственные институты, склонные легко превращаться в авторитарные формы деспотического правления. Япония избежала этой участи (даже в эпохи существования наиболее жестких режимов — периоды Нара или Токугава — в стране существовали достаточно влиятельные альтернативные социально-политические противовесы, сдержива-

ющие абсолютизм). И не в последнюю очередь это связано с отсутствием экономической необходимости в организации масштабных общественных работ.

В начале русско-японской войны, описывая атмосферу, царившую в русской армии, А. А. Игнатьев в своих мемуарах свидетельствует: «Узнав в Яхт-клубе от престарелого генерал-адъютанта об объявлении войны, Николаев спросил: “Да где же находится Япония?” Когда же Белосельский объяснил, что она расположена на островах, Николаев, улыбнувшись в свои густые седые усы, ответил: “Что ты, что ты, батюшка! Разве может быть империя на островах!”»

Находясь в целом в зоне умеренного температурного режима (за исключением Хоккайдо и Окинавы), Япония отличается чрезвычайно влажным климатом (1700—1800 мм осадков в год) — наиболее влажном в мире для данной температурной зоны. В связи с этим вегетация на островах характеризуется высокой интенсивностью — в своей температурной зоне в Японии отмечается опять же самая высокая продуктивность растительной биомассы. Это ведет к отсутствию естественных пастбищ, поскольку все открытые участки достаточно быстро покрываются деревьями и кустарниками, что делает поддержание искусственных пастбищ или же выпасов весьма трудоемким делом.

Дерево всегда составляло основу повседневной жизни всего населения Японии (строительство, многие предметы труда и быта). Камень для строительства почти не использовался ввиду того, что при землетрясениях каменные строения разрушаются легче, чем деревянные. До сих пор, несмотря на стремительную индустриализацию, леса занимают около 70% территории Японии (т. е. приблизительно ту же площадь, что и горы, на которых они произрастают).

Недостаток земли, пригодной для пастбищ, а также богатые запасы морепродуктов предопределили отсутствие полноформатного животноводческого комплекса, что имело огромные последствия не только для диеты японцев, но и для историко-культурного процесса вообще, поскольку развитый животноводческий комплекс, как известно, с неизбежностью

предполагает потребность в новых территориях и провоцирует агрессивность, направленную вовне.

Вся история Японии доказывает, что японцы не желали выходить за пределы архипелага и не прилагали существенных усилий для усовершенствования своих плавательных средств, ибо весь модус их адаптации к вмещающему ландшафту предполагал интенсивные способы хозяйствования, в то время как, например, скотоводческий комплекс Англии (с которой — далеко не всегда корректно — принято сравнивать Японию) буквально выталкивал часть ее населения во внешний мир, провоцировал экспансионистские и пионерские устремления. Японцы же, постоянно расширяя посевы заливного риса, совершенствуя агротехнику и способы рыболовства, достаточно рано (приблизительно с середины VII в.) решительно вступили на интенсивный путь развития. Замкнутости геополитического существования Японии не могла помешать даже исключительная бедность архипелага минеральными ресурсами (собственно говоря, кроме песка, глины, камня, дерева, воды и воздуха Япония не располагает сколько-нибудь значимыми природными непищевыми ресурсами).

Несмотря на бедность непищевыми ресурсами, вплоть до новейшего времени японцы не предпринимали сверхусилий ни в активизации международной торговли, ни в приобретении этих ресурсов насильственным путем, предпочитая довольствоваться тем, чем они располагают: способы хозяйственной адаптации к природным условиям позволяли это. Данный этап самоизоляции был прерван лишь во второй половине XIX в. после серьезного знакомства с Западом и началом промышленного развития, что потребовало минеральных ресурсов в том количестве, которое территория Японии обеспечить уже не могла. Отсюда — империалистическая экспансия, начавшаяся после Мэйдзи и закончившаяся полным поражением во Второй мировой войне.

Несовершенство японских кораблей вкупе с отсутствием опыта мореплавания на сколько-нибудь большие расстояния не раз приводили придворных в ужас, как только речь заходила о морском путешествии, и они изобретали всяческие предлоги, чтобы им было дозволено остаться дома.

Чтобы получить представление о том, насколько пассивно относились японцы к внешнему миру, достаточно отметить, что

первая попытка непосредственного проникновения на родину одной из основных религий Японии — буддизма — была предпринята лишь во второй половине IX в. (путешествие в Индию сына императора Хэйдзэй принца Такаока, которое завершилось его смертью в пути).⁷

Таким образом, ставшее общим местом утверждение о бедности архипелага ресурсами верно только с существенными оговорками. Длительные периоды автаркического и полуавтаркического существования (сокращение связей с материком в IX—XII вв. и почти полная самоизоляция при сёгунате Токугава, 1603—1867) доказывают, что при сложившемся комплексе хозяйственной адаптации Япония не испытывала потребности в новых территориях, а ее ресурсы были достаточны для обеспечения замкнутого доиндустриального цикла жизнедеятельности. Сложившийся способ хозяйствования мог удовлетворить не только первичные физиологические потребности человека, но и был в состоянии генерировать высокоразвитую культуру, которая невозможна без достаточного уровня прибавочного продукта. И в этом смысле Японию можно квалифицировать не как островное государство, а как маленький материк.

«Наша Япония представляет собой далекую островную страну, находящуюся к востоку от Азии. В прежние времена она не вступала в сношения с другими государствами. Она питалась и одевалась только тем, что порождала ее земля, и не чувствовала ни в чем недостатка. Но с прибытием в годы Канъэй (в 1853 г.) американцев началась торговля с иностранными государствами, и дело дошло до того, что мы сейчас видим перед собой» (Фукудава Юкити, 1834—1901, пер. Н. И. Конрада).

Тем не менее недостаток природных минеральных ресурсов (при сравнительной обеспеченности пищевыми) оказывал заметное воздействие на весь стиль жизни и менталитет японцев уже в древности и средневековье (ограничение употребления металла только в самых необходимых областях, постоянное стремление к экономии и миниатюризации, применение трудозатратных и ресурсосберегающих технологий, сравнительно малый имущественный разрыв между социальными «верхами» и «низами»).

Физическая удаленность, изолированность Японии от материка отнюдь не означали невведения японцев относительно происходящего в соседних странах (в первую очередь в Китае и Корее). Контакты осуществлялись постоянно, причем не столько на уровне товарообмена (который ограничивался по преимуществу товарами престижной экономики — предметами роскоши), сколько на уровне идей, know-how, т. е. на уровне информационном. В связи с тем, что количество путешественников на материк никогда не было слишком большим, особенную значимость приобретали письменные каналы распространения информации. Образовательная инфраструктура, созданная государством в VII—VIII вв., претерпевала значительные изменения в своих формах (государственные школы чиновников, домашнее образование, школы при буддийских храмах, частные школы и т. д.). Однако неизменным оставалось одно — престиж письменного слова и повседневное функционирование его в качестве носителя необходимой для существования общества и культуры информации. Уже первые христианские миссионеры, побывавшие в Японии в XVI—XVII вв., отмечали необычайную тягу японцев к учению. И действительно: от этого времени осталось громадное количество письменных документов — включая многочисленные сельскохозяйственные трактаты и дневники, написанные простыми крестьянами.

«Даже несмотря на то, что латынь столь непривычна для них... по своей натуре они настолько способны, искусны, обучаемы и прилежны, что это вызывает удивление, поскольку даже дети находясь в классе по три или четыре часа на своих местах не шелохнувшись, как если бы то были взрослые люди...» (миссионер Алессандро Валиньяно, конец XVI в.)

В первой половине XIX в. степень грамотности японцев практически не отличалась от передовых стран Европы и Америки того времени (40% среди мужчин и 15% среди женщин), т. е. информационные процессы еще до прихода европейцев осуществлялись там с большой степенью интенсивности. Высокий общественный статус знания явился одним из ключевых факторов чрезвычайно быстрого приобщения японцев к достижениям Запада.

«Если посмотреть в корень вещей, окажется, что различие в положении людей возникло только оттого, есть ли у человека сила знания или нет, а вовсе не оттого, что так положило Небо... Поэтому... человек от рождения ни знатен, ни низок, ни богат, ни беден. Если он учится и познаёт вещи, он становится знатым, если нет — становится бедняком, низким» (Фукудзава Юкити, пер. Н. И. Конрада).

Япония на протяжении почти всего известного нам исторического периода осознавала себя как периферию цивилизованного мира и никогда, за исключением ранней стадии формирования государственности и последнего столетия, не претендовала на роль культурного, политического и военного центра. Если учесть, что основной внешний партнер Японии — Китай — напротив, обладал гиперкомплексом своей «срединности» (и сопутствующей ему незаинтересованностью в делах японских «варваров»), то станет понятно, почему потоки информации, направленные с континента в Японию и из Японии во внешний мир, до самого последнего времени были несопоставимы по своей интенсивности. В процессах культурного обмена Япония всегда выступала как реципиент, а не как донор.

Не только сама Япония ощущала себя как периферию ойкумены, внешний мир также воспринимал ее в этом качестве. В связи с этим письменные свидетельства, с которыми приходится иметь дело историку-японисту, отличаются некоторой односторонностью: в нашем распоряжении находится сравнительно немногочисленные источники информации, имеющих происхождение за пределами Японии, и для многих исторических периодов мы лишены возможности взгляда извне, что, безусловно, часто ставит исследователя в чрезмерную зависимость от местных источников информации. А это, в свою очередь, сужает нашу способность объективной оценки, которая всегда вырабатывается при сопоставительном анализе различных взглядов.

Общепризнанным является факт широкого заимствования японцами достижений континентальной цивилизации практически на всем протяжении истории этой страны. Трудно обнаружить в традиционной японской культуре и цивилизации хоть что-то, чего были лишены ее дальневосточные соседи (свои континентальные прототипы обнаружи-

вают и знаменитые японские мечи, и сухие сады камней, и чайная церемония, и искусство выращивания карликовых деревьев *бонсай*, и дзэн-буддизм, и т. д.). Тем не менее японская культура всегда была именно японской. Мы хотим сказать, что свособразие культуры проявляется не столько на уровне изолированно рассматриваемых «вещей» или «явлений», сколько в характере связей между ними, из которых и вырастают доминанты той или иной культуры.

Чрезвычайно важно, что заимствования осуществлялись Японией на большей протяженности ее истории совершенно добровольно, а значит, страна имела возможность выбора: заимствовались и укоренялись лишь те вещи, идеи и институты, которые не противоречили уже сложившимся местным устоям. В этом смысле Япония может считаться идеальным «полигоном» для исследований межкультурных влияний, неотягощенных актами насилия или же откровенного давления извне.

Сказанное, разумеется, можно отнести к послеэйдзийской Японии лишь с определенными оговорками. Ведь «открытие» страны, связанное с событиями «обновления Мэйдзи», произошло под влиянием непосредственной военной опасности, грозившей со стороны Запада. Послевоенное же развитие в очень значительной степени определялось статусом страны, потерпевшей поражение во Второй мировой войне, и оккупационные власти имели возможность непосредственного контроля над государственной машиной Японии. До этих же пор Япония скорее ждала, что мир «откроет» ее, чем искала сама пути к сближению с ним. Страна, окруженная морем, не сумела создать быстроходных и надежных кораблей и не знала ничего такого, что можно было хотя бы отдаленно сопоставить с эпохой великих географических открытий. Эта эпоха коснулась Японии лишь в том смысле, что она была открыта европейцами.

Подобная закрытость приводила к консервации особенностей местного менталитета и стиля жизни, вырабатывала стойкое убеждение в некоей «особости» Японии, ее культуры и исторического пути.

Такая самооценка, в плену которой подсознательно находятся и очень многие западные исследователи (не говоря уже о массовом сознании), является еще одной причиной трудностей,

возникающих при интерпретации историко-культурного процесса в этой стране.

Японию часто считают страной небольшой. Это не совсем верно, ибо ее территория (372,2 тыс. кв. км) больше площади современной Италии или же Англии. Однако, как уже было сказано, значительная ее часть занята горами, что в большой степени ограничивает реальные возможности хозяйственной деятельности человека. Немногочисленные равнины (самая обширная из которых Канто: занимает площадь в 13 тыс. кв. км) и узкая прибрежная полоса — вот, собственно, и вся территория, на которой могли расселяться японцы начиная с древности и до нынешних дней. В какой-то степени это, видимо, предопределило общую историческую тенденцию к проживанию сравнительно крупными компактными группами. Так, население первой столицы Японии Нара оценивается в 100—200 тысяч человек (VIII в.). В Киото в 1681 г. проживало 580 тысяч человек. Население Эдо (совр. Токио) в XVIII в. составляло более миллиона, и он был, по всей вероятности, крупнейшим городом мира.

Эту тенденцию концентрации многочисленных групп нельзя считать изменившейся и в настоящее время: основная часть населения проживает в гигантском мегаполисе на восточном побережье страны, в то время как остальная территория остается сравнительно малозаселенной. Таким образом, речь должна идти не только о территории малой с точки зрения возможности ее заселения, но и об особенностях национального характера, хозяйственной адаптации, социальной организации, которые приводят к тому, что люди предпочитают сбиваться вместе, даже если и имеют физическую возможность к более свободному расселению.

Начиная с того периода, когда мы имеем возможность для сколько-нибудь критически обоснованного подхода, экономика Японского архипелага стояла на рельсах интенсивного, а не экстенсивного развития. Дело, возможно, в том, что уже очень рано рыболовство стало одним из основных секторов присваивающей экономики. Из этнографических же данных известно, что интенсивное рыболовство способствует возникновению ранней оседлости и высокой концентрации населения. Археологические раскопки последнего времени доказывают, что

такой подход не противоречит японским реалиям. Усвоение же протояпонцами культуры заливного земледелия, способного при значительных трудозатратах обеспечивать пищей возрастающее население, еще более усилило указанную тенденцию к концентрации.

Высокая плотность населения образует такую среду, где распространение информационного сигнала происходит с большой скоростью, что является важнейшей предпосылкой культурной гомогенности. При высокой концентрации населения на единицу площади имеются три возможности разрешения этой ситуации:

1. Не вынеся слишком тесного соседства, люди начинают взаимное истребление.
2. Самая активная часть населения покидает пределы прежней среды обитания.
3. Социальные, культурные, этнические и родовые группы «притираются» друг к другу и находят взаимоприемлемый компромисс общежития.

Если оценить ситуацию с макроисторической точки зрения, то нельзя не прийти к выводу, что в Японии был реализован именно третий вариант. С установлением сёгуната Токугава длительный период междоусобиц был окончен, и с тех пор страна не знала глобальных революционных потрясений; эмиграция конца XIX—XX вв. была крайне незначительной.

Говоря о культурной гомогенности, следует иметь в виду однородность населения страны с точки зрения этнической, языковой, религиозной, социальной и имущественной — т. е. тех факторов, которые служат источником конфликтов в других странах. Полное отсутствие притока переселенцев начиная с VIII в. позволило постепенно унифицировать этнические различия, которые, безусловно, существовали в древности. Межконфессиональных противоречий удалось избежать, поскольку действительной основой японского менталитета всегда оставался синтоизм. Его контаминация с буддизмом (религией по своему изначальному духу чрезвычайно малоагрессивной) была достигнута в основном за счет мирного межкультурного влияния. Имущественное расслоение никогда не было в Японии чересчур велико, а жесткая система предписанных социальных ролей с обоюдными правами/обязаннос-

тями верхов/низов обеспечивала четкое функционирование социального механизма (общественные конфликты возникают, как правило, именно там, где социальные роли оказываются в силу различных причин «смазаны»). В связи с этим и реально существовавшие региональные хозяйственно-культурные различия были ограничены по степени своего воздействия на динамику исторического процесса.

Относительная перенаселенность Японии в условиях невозможности «исхода» (или же психологической неготовности к нему) диктовала необходимость в выработке строгих правил бытового и социального общежития. «Китайские церемонии» японцев, которые до сих пор являются отмечаемой всеми наблюдателями чертой национального характера, — внешнее следствие такого положения вещей, когда существует жизненная необходимость гармонизации самых различных групповых и индивидуальных интересов. Обладая чрезвычайно высоким средним уровнем образованности, развитой и культивируемой индивидуальной рефлексией, японцы, тем не менее, известны на Западе своими коллективными формами поведения, понимаемого зачастую как «недоразвитость индивидуальности». Это, безусловно, не так. Речь должна идти о выработанном веками модуле поведения в критически перенаселенном пространстве. Можно сказать, что свободный и осознанный выбор японцев заключается в отказе от индивидуальной свободы ради гармонизации общественных интересов в целом.

Теснота добровольного проживания способствует формированию специфического взгляда на мир, весьма отличного от свойственного «равнинным» этносам, которым природные условия позволяют расселяться более вольготно. Общая тенденция к миниатюризации (которая прослеживается во всех областях жизнедеятельности и культуротворчества — начиная от поэтических форм *танка* и *хайку* и кончая искусством выращивания карликовых растений — *бонсай*) отмечается многими исследователями. Увлечение масштабным было свойственно японцам лишь на ранней стадии становления государственности. И даже эпос, стадийно склонный, как известно нам из других традиций, к гиперболизированному изображению событий, не демонстрирует в Японии страсти к сильным преувеличениям.

Вообще говоря, если характеризовать японскую культуру через зрительный код, то ее можно назвать «близорукой» (в отличие от «дальнозоркости» равнинных народов, в частности русских): она лучше видит, а человек, ей принадлежащий, лучше осваивает ближнее, околотелесное пространство, всегда находясь в Японии в состоянии обустроенности. Что же касается освоения пространства дальнего, то здесь эти культуры меняются местами. Японская культура как бы всегда смотрит под ноги, и стратегическое мышление, мышление абстрактное, философское, взгляд на мир «сверху», освоение дальних пространств и просторов никогда не были сильными сторонами японцев. Японское культурное пространство — это скорее пространство свертывающееся, нежели имеющее тенденцию к расширению.

Далеко не случайно поэтому, что спорадические попытки японцев к пространственной экспансии всегда заканчивались неудачей. Так было в VII в., когда японский экспедиционный корпус потерпел жестокое поражение на Корейском полуострове. Так было и тысячелетие спустя: храбрые японские воины оказались бессильны, попав в мир с другими пространственными и культурными измерениями, когда экспедиция Тоётоми Хидэёси (1536—1598), вынашивавшего планы посадить на китайский престол японского императора, вела боевые действия в Корее.

«О! Эта страна большая! Я б сказал, что она намного больше Японии» (один из соратников Хидэёси во время пребывания экспедиционного корпуса в Корее).

Крупнейший стратегический провал ждал Японию и при вступлении ее во Вторую мировую войну, когда было принято фатальное решение о нападении на Перл-Харбор. И это в то время, когда японская армия прочно увязла в необъятном Китае. И дело здесь не в природной «глупости» руководства страны, а в его в буквальном смысле этого слова «недальновидности», т. е. культурно обусловленной неспособности оперировать невиданными до сих пор геополитическими масштабами.

Ограниченность мира, в котором реально обитали японцы, привела к тому, что их достижения, признанные всем миром,

связаны прежде всего с малыми формами (включая и плоды современного научно-технического прогресса), требующими точного глазомера, умения оперировать в малом пространстве, приводить его в высокоупорядоченное состояние. Легкость, с которой японцы овладели цивилизационными достижениями Запада, обусловлена, среди прочего, и тем, что процедура тотального измерения (с которой начиная с нового времени тот связал свое благополучие) была освоена японцами очень давно и прочно, что, в частности, находит выражение в крайне разработанной шкале измерений с удивительно малой для донаучного общества ценой деления. Давнее и воплощенное в каждодневной деятельности стремление к точности и порождает известный всему миру перфекционизм японцев.

«Детское личико, нарисованное на дыне... Трогательно-милы куклолки из бумаги, которыми играют девочки. Сорвешь в пруду маленький листок лотоса и залобуешься им! А мелкие листики мальвы! Вообще, все маленькое трогает своей прелестью» (Сэй-сёнагон, «Записки у изголовья», начало XI в., пер. В. Н. Марковой).

Наивысшие достижения в миниатюрном письме принадлежат Ёсида Годо: 600 иероглифов на зернышке риса, 160 — на кунжутном семени, 3000 — на сосвом бобе. В Японии есть Музей микроискусства, где собрано около 20 тысяч образцов миниатюрного письма, для рассмотрения которого требуется по меньшей мере лупа.

Говоря о взаимосвязанности природных условий и историко-культурного процесса, мы совсем не имеем в виду, что этот процесс является жестко детерминированным. Эта взаимосвязанность задает лишь основные параметры, в рамках которых проявляются собственные закономерности социально-исторического и культурного развития. Кроме того, фактор исторической случайности также имеет огромное значение. Причудливое сцепление закономерного и случайного и образует реальный исторический процесс, изложению которого в древности и посвящена эта книга.

РАЗДЕЛ I

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЯПОНИЯ

Глава 1

Общее состояние японской археологии

Становление археологической науки. Переходя к изложению материала, относящегося к доисторической (археологической) эпохе, следует сделать несколько предварительных замечаний. Японцы всегда интересовались собственными древностями (подтверждением этому может служить хотя бы обилие исторических сочинений, продуцировавшихся этой культурой по крайней мере в VIII в.). Этот интерес проявлялся достаточно рано и по отношению к артефактам, являвшимся предметами коллекционирования.

Однако сколько-нибудь систематическое изучение и коллекционирование древних артефактов начинается только в период сёгуната Токугава. До этого времени японские знатоки древностей основное внимание уделяли все-таки анализу сообщений, которые содержались в письменных текстах, или интересовались тем, что мы сегодня называем исторической археологией, в орбиту которой традиционно входили дворцы императора и знати, а также буддийские храмы.

Первые попытки систематического изучения древних курганов относятся ко времени сёгуната Токугава: крупный феодал из княжества Мито (префектура Ибараки) по имени Токугава Мицунори (1628—1700) в 1692 г. провел раскопки одного из курганов и сделал его обмеры (после этого он восстановил сооружение). В период Токугава был также составлен список и проведены обмеры около двухсот захоронений курганного типа в Фукусато (префектура Окаяма). Появились и ученые трактаты, посвященные курганам (Сайто: Саданори, 1774—1830, Яно Кадзусада, 1794—1879). Гамо: Кумпэй (1768—1813) попытался дать типологию эволюции курганов, исходя из их формы. Аояги Танэнобу (1766—1835) исследовал погребальные керамические сосуды и инвентарь захоронений в провинции Тикудзэн (пре-

фектура Фукуока). Камэи Ниммэй (1743—1814) предположил, что обнаруженная в 1784 г. золотая печать является тем самым врученным в 57 г. н. э. китайским императором местному японскому правителю знаком инвеституры, о котором сообщается в китайской хронике «Хоухань-шу» (424 г.).

Первым из европейцев, кто познакомил Запад с японскими артефактами древности в своем труде «Ниппон», был немецкий врач Филипп Франц фон Зибольд (1796—1866), получивший доступ к коллекции ботаника Ито: Кэйсукэ (1803—1901) во время своего пребывания в Японии (1823—1828) в качестве врача голландской миссии в Дэсима.

Однако внедрение современных (западных) методов археологических исследований на профессиональной основе началось только после Мэйдзи. Оно связано с именами таких ученых, как американский биолог Э. Морс (E. D. Morse, 1835—1925), англичанин В. Гоулэнд (W. Gowland, 1842—1922) и др.

Пионером японской археологии по справедливости считается Э. Морс. Прибывший в Японию в 1877 г. для исследования моллюсков, он обнаружил в О:мори вблизи Токио доисторическую «раковинную кучу» (shell midden, японская калька — *кайдзукэ*), похожую на ту, что он раскопал ранее в Новой Англии. Получив преподавательскую должность в Токийском университете, Морс провел раскопки в О:мори и посетил со своими студентами множество других стоянок. Часть учеников Э. Морса после его отъезда самостоятельно продолжала археологические изыскания.

В. Гоулэнд, связанный по своим служебным обязанностям с Монетным двором в Осака, обследовал ряд курганных погребений в районе Осака-Нара во время своего пребывания в Японии в 1872—1888 гг. Его детальные описания и рисунки оказали большое влияние на японских археологов. Именно с его именем связывают ныне начало по-настоящему научного изучения курганного периода.

В 1896 г. было организовано Археологическое общество Японии. Формирование современной археологической школы в Японии можно отнести к началу XX в. Первый учебный курс по археологии был прочитан в 1909 г. в университете Киото.

Место археологии в общественном сознании. В настоящее время работа археологов вызывает интерес не только среди профессионалов. Она имеет и огромный общественный резонанс.

Совершенно обычным является то, что сообщения о новых находках выносятся на первые полосы газет, обсуждаются в качестве важнейших событий на телевидении. Помимо общепочтительного отношения японцев к собственной истории вообще, это объясняется и все еще продолжающимся поиском средств этнической самоидентификации, в процессе которого историческим и, в особенности, археологическим исследованиям массовым сознанием отводится в настоящее время первостепенная роль (в 1970—80-х гг. эту роль играли этнографические исследования и наблюдения иностранцев над особенностями японской культуры, образа жизни, национального характера).

В случае особенно замечательных находок территория признается археологическим заповедником и становится «музеем под открытым небом». И такие музеи пользуются настоящей популярностью у простых японских граждан.

Хороший пример являют собой раскопки поселения Ёсиногари в префектуре Сага (остров Кюсю). Это поселение было обнаружено в 1982 г. на территории, предназначавшейся для постройки технопарка. К 1986 г. стало понятно, что на этом месте располагалось крупное поселение, датируемое I—III вв. н. э. За три года полномасштабных раскопок выяснилось, что это было крупнейшее из обнаруженных до этого времени поселений эпохи яёй: около 350 жилищ и 2000 могил. Под давлением общественности и местных властей территория поселения площадью в 30 га была объявлена заповедником. К началу 1995 г. билеты на его посещение приобрели 8 миллионов человек!

Такие археологические заповедники разбросаны по всей стране. При тесноте, в которой проходит жизнь японцев, выделение таких территорий под немыслимые древности является нагляднейшим свидетельством, что эти древности зачем-то японцам нужны.

При этом следует иметь в виду, что японские археологические памятники — это не римские руины и не египетские пирамиды. Поскольку основным строительным материалом в Японии всегда было дерево, то никаких толп туристов со всего света эти музей-заповедники обеспечить не могут, хотя у человека «понимающего» организация музейного дела в этих заповедниках вызывает восхищение. Но, несмотря на равнодушие иностранцев, сами японцы посещают заповедники с отменной охотой.

По-настоящему широкие археологические исследования начались в Японии непосредственно после окончания войны. Отчасти это было связано с тем обстоятельством, что только в это время был обеспечен доступ археологов ко многим памятникам и стала возможной свободная от идеологической заданности их интерпретация. Однако получасмый на работу археологов отклик свидетельствует в первую очередь об общественных потребностях в разысканиях такого рода.

Это связано с тем, что в результате поражения во Второй мировой войне и последовавшего за ним крушения всей идеологической модели, строившейся вокруг «священной» фигуры императора, остро ощущалась потребность в чем-то другом. Для очень многих людей публичное признание императором Хирохито (Сёва) своей человеческой, а не божественной природы явилось экзистенциальным крушением. Отсюда — идеологический разброд нации, сопровождавшийся болезненным поиском общественного согласия относительно того, что является для страны наиболее важным и значимым. В это время получают широкое распространение коммунистические и социалистические идеи, появляется громадное количество самых немыслимых «новых религий». Мучительный поиск «новой» модели национального сознания включал в себя и вполне бессознательное обращение к прошлому. И в этом процессе не было ничего нового ни для Японии, ни для остального мира: такие конструкты всегда имеют в своем составе что-нибудь «историческое», отвечающее главному критерию всякой этнически ориентированной идеологии — уникальности. Это и понятно — любое событие прошлого уже состоялось, его невозможно ни отменить, ни повторить в любой другой временной и пространственной точке.

Однако в послевоенной японской модели прошлого «непропорционально» большое место заняла именно археология. Дело в том, что в предыдущий период господства тоталитаризма самоидентификация государства и этноса осуществлялась прежде всего с помощью памятников письменности, причем в первом ряду стояли, естественно, самые ранние произведения — мифологическо-летописные своды «Кодзики» (712 г.) и «Нихон сёки» (720 г.). При этом тогдашнее государство полностью монополизировало право на их интерпретацию, и честные исследователи этих произведений подвергались безжалостным го-

нениям (достаточно вспомнить хотя бы блестящего исследователя древних текстов Цуда Со:кити, 1873—1961, подвергнутого суровым преследованиям по законам военного времени). Открытое и циничное использование правящими кругами произведений древней словесности оставило горькое послевкусие: эти вполне «нормальные» для своего времени памятники стали восприниматься в качестве неперемennого атрибута авторитарной и крайне агрессивной власти, хотя дело было, разумеется, не в них самих, а в том, для чего они использовались.

Последствия такого отношения сказываются и теперь: несмотря на то что в японской школе историческому образованию уделяется чрезвычайно много времени, изучение мифологическо-летописных сводов исключено из учебных программ.

Однако традиция самоидентификации с помощью истории (обращения к прошлому) была слишком укорененной, чтобы в одночасье полностью отказаться от нее. Поэтому-то в послевоенное время место писаной истории в значительной степени заняла археология. При этом происходило постепенное «отпелушивание» конкурирующих идеологий, т. е. всего того, что не отвечало глубинным основам японской культуры, — ныне и коммунистические идеи, и голоса новоявленных религиозных лидеров свою аудиторию либо уже потеряли, либо стремительно теряют.

Одно из свойств чисто археологического материала, которое в данном случае было подсознательно сочтено за безусловное достоинство, заключается в том, что археология ничего не в состоянии сообщить нам о «событийной истории». Иными словами, нам не известны ни имена творцов археологических культур, ни их поступки. И если критический ум всегда способен предъявить любому из «исторических» деятелей определенные претензии как этического («а вот эту казнь вряд ли можно признать гуманным поступком»), так и прагматического свойства («а вот реформы эти носили половинчатый характер»), то археология в силу бесписьменных свойств материала, который ей достался в наследство, про все это не знает ничего. Поэтому как сами археологи, так и примкнувшие к ним «обыватели», озабочены совсем другими проблемами: как осуществлялась выплавка

металла, как выглядело жилище древнего человека, что он ел на ужин и т. п. И каждая новая находка утверждает аудиторию в мысли, что этот вполне абстрактный человек соображал весьма неплохо, умел многое, отправлял свои ритуалы, т. е. в чем-то был похож и на нас. Словом, между древним человеком и нами устанавливается контакт весьма интимного свойства, не отягощенный излишними подробностями о его представлениях о добре и зле.

Для того чтобы эта схема стала «движущейся моделью», надо было сжиться с мыслью, что «мы» и «они» имеем что-то общее. И тут «обычная» история, имеющая дело по преимуществу с реалиями государственно-этнического сознания («они жили в государстве Япония, и мы в нем живем — значит, все мы японцы, и культура у нас тоже общая на всех»), оказывалась бессильна. Очень показательна, что блестящая в своей экспрессии древнейшая культовая керамика периода дзё:мон (1550—300 гг. до н. э.), связанная своей глиной со всеми духами японской земли, не была до войны предметом специального искусствоведческого внимания на том основании, что создатели этой керамики еще не были японцами. Это утверждение невозможно оспорить с научной точки зрения и сегодня: ни антропологически, ни культурно этих людей невозможно считать даже протояпонцами. Однако сейчас этот ограничитель перестал быть хоть сколько-нибудь действующим, поскольку в общественном сознании произошел важнейший перелом: взамен этнически ориентированной истории утвердилось «история территориальная». И теперь учебник по «сквозной» истории Японии — это, в строгом смысле, не столько история государства Японии и японского этноса, сколько история населения, обитавшего с палеолитических времен в определенной географической зоне, которая в настоящее время носит название «Японский архипелаг».

Однако осознание этого действительно нового подхода является предметом по преимуществу научного осмысления, не выходящего за пределы страниц специализированных изданий, и не становится фактом массового сознания, вполне уверенно считающего, что люди палеолита это и есть (культурно и антропологически) непосредственные предки нынешних японцев.

Но в массовом сознании остается другой продукт археологической науки: периодизация, которая является примени-

мой исключительно только по отношению к самой Японии. Даже по отношению к термину «палеолит», достаточно прочно, казалось бы, вошедшему в научный и околonaучный оборот, наблюдаются непрекращающиеся попытки назвать его каким-то «уникальным» способом — например, периодом Ивадзюку (по названию первой обнаруженной в 1949 г. стоянки, которая была определена как палеолитическая). Все остальные археологические периоды вообще никогда не имели (и не имеют) международных соответствий. К примеру, все японцы знают, что такое «период дзёмон» (назван так по керамике с характерным «вервочным орнаментом»), но мало кто знает, что такое «неолит». Каждый скажет, что «период яёй» назван так по району Токио, где была впервые обнаружена свойственная для этого времени керамика, но словосочетание «бронзово-железный век» может вызвать лишь вопросы. Японские археологи-теоретики утверждают при этом, что номенклатура археологической периодизации была разработана европейскими исследователями на европейском материале. Японский же археологический материал никак не вписывается в предлагаемую номенклатуру.

Спору нет: поскольку любая культурная и археологическая региональная традиции безусловно обладают определенной спецификой, то и никаких формальных претензий к такой «уникальной» периодизации предъявить нельзя. Следует лишь иметь в виду, что и сами ученые, несмотря на заявляемую ими «объективность», являются продуктом своей национальной культуры со всеми плюсами и ограничениями, которые она налагает. Не следует забывать и о том, что японская периодизация, вкупе с другими археологическими фактами и артефактами, вне зависимости от интенций археологов и их широкой аудитории объективно решает не только чисто научные проблемы: весьма успешно она выполняет и важнейшую задачу по самоидентификации японского этноса.

Современные археологические исследования. Назовем хотя бы несколько непосредственно связанных с археологическими изысканиями проблем, на которых в особенности фокусируется общественное внимание в настоящее время: этногенез японцев (антропологические исследования, относящиеся по преимуществу к эпохам дзёмон и яёй); проблема местоположения

наиболее древнего, согласно китайским письменным источникам, государства Яматай во главе с Химико, «царицей» харизматического шаманского типа (продолжаются не лишённые палета сенсационности поиски ее захоронения в погребениях курганного типа); месторасположение и устройство дворцов ранних японских правителей (включая период Нара); исследования по дорожной инфраструктуре периода Нара; дешифровка новых эпиграфических памятников.

Общепризнанным в научном мире фактом является то, что современное археологическое дело поставлено в Японии на самом высоком уровне. На зависть археологам всего остального мира, археологические исследования финансируются в достаточном объеме, сами раскопки и анализ находок ведутся с применением самых последних достижений научно-технической мысли. Впечатляет также и объем выполняемых археологических разысканий: каждый год работы ведутся на 9—10 тысячах объектов (в 1961 г. — 408), ежегодно выпускается около трех тысяч (!) монографий, посвященных результатам археологических раскопок.

И, следует признать, именно археология внесла в последнее время наиболее весомый вклад в процесс осмысления древности. Причем это касается не только чисто археологических периодов (что было бы только естественным), но и исторического времени. Может быть, особенно плодотворным в этом отношении было обнаружение *моккан* — эпиграфики на деревянных табличках, относящихся к VII—VIII вв.

Набранные японскими археологами темпы исследований представляют собой серьезный вызов мировой археологической науке. Дело в том, что в настоящее время на Дальнем Востоке наблюдается существенная региональная неравномерность в освоении археологического материала. Скажем, для ранней Японии наиболее существенное значение имеют результаты работы археологов на Корейском полуострове ввиду чрезвычайно тесных контактов древних японцев (протояпонцев) именно с этим регионом. Явное отставание в этом отношении Южной Кореи (а про Северную и говорить не приходится) создает не только чисто научные проблемы, но и чревато рождением новых социальных мифов относительно прошлого. Так, упоминавшиеся *моккан* были заимствованы японцами у корейцев.

Однако в настоящее время на Корейском полуострове их зафиксировано лишь чуть более сотни, а в самой Японии — около двухсот тысяч. На основании лишь этого факта можно было бы сделать вывод о гораздо более широком распространении письменности в Японии. Однако мы всегда должны иметь в виду тот факт, что археологические изыскания проводятся в Японии с гораздо большим размахом, с чем, возможно, и связано большее число находок.

В настоящее время на территории Японии открыто более 300 тысяч археологических памятников, раскопками которых занимаются как университеты и научно-исследовательские институты (зарегистрировано около пяти тысяч профессиональных археологов), так и местные власти вкупе с любителями. При этом почти на всей территории страны (за исключением Хоккайдо и севера Хонсю) археологический сезон не знает перерывов.

В конце 60-х гг. на территории Японии было зарегистрировано лишь около 90 тысяч археологических памятников. Столь стремительное количественное увеличение находок объясняется тем, что бурному промышленному развитию сопутствовали требуемые законом «новострочные раскопки», которые в противном случае не могли бы быть осуществлены в силу естественной нехватки средств. Тем не менее эксперты сходятся во мнении, что из-за продолжающейся экспансии антропогенного характера 40 тысяч уже открытых археологических памятников будут вскоре безвозвратно утеряны.

Рассказывают, что жители Нара панически боятся вскапывать свой огород и перестраивать дом: не дай бог обнаружится там что-то археологическое. Тут же явятся представители властей с археологами, и тогда уже — прощай покой и замысленные улучшения быта!

В любом случае, однако, археологические источники по своей природе таковы, что не позволяют, как правило, дать полную и однозначную интерпретацию имеющихся данных, которые подвергаются постоянной и серьезной ревизии. Авторы не стоят на позициях археолого-исторического релятивизма, но хотят, чтобы читатель отдавал себе отчет в заведо-

мой неполноте приводимых нами данных и относительности существующих интерпретаций, которые в любой момент могут быть подвергнуты пересмотру — как ввиду новых находок, так и в силу новых подходов.

Кроме того, следует иметь в виду, что целью данного учебника является воссоздание культуры и истории японского этноса, в связи с чем основное внимание уделено не чисто археологическим характеристикам того или иного периода, но тем чертам культуры, которые, по нашему мнению, имеют отношение к формированию японской культуры и, следовательно, оказывают определяющее влияние на исторический процесс.

Глава 2

Палеолит

Первые следы деятельности палеолитического человека были открыты в 1949 г. в Ивадзюку (префектура Гумма). До этого времени считалось, что культуры палеолита на территории нынешней Японии не существовало, и она была необитаемой вплоть до эпохи дзёмон. В последующие годы по всей стране было обнаружено по крайней мере еще около пяти тысяч палеолитических стоянок (из них — около четырех с половиной тысяч относятся к позднему палеолиту, т. е. к периоду времени, начало которого отстоит от сегодняшнего дня на 30 тысяч лет), давших довольно значительный материал (в основном каменные орудия), обнаруживающий, согласно оценкам японских археологов, значительный хронологический разброс (600—13 тысяч лет назад). Нижняя граница периода определяется по появлению первых образцов керамики. Таким образом, если говорить о геологических соответствиях, то японский палеолит охватывает плейстоцен и ледниковый период.

Осенью 2000 г. в Японии разразился жуткий археологический скандал, вышедший на первые страницы газет. Обнаружилось, что наиболее удачливый исследователь палеолита — Фулзимура Синъити — фальсифицировал свои наиболее древние находки. Он воровал из запасников музеев каменные орудия древнего

человека вполне недавнего времени (возрастом 10—20 тысяч лет) и подкладывал их в раскоп в максимально удаленные от нашего времени слои. Публика ликовала, ибо вопреки всем ожиданиям получалось, что древний человек заселил территорию нынешней Японии 600 тысяч лет назад, что делало японский палеолит чуточку не самым древним в мире. Серьезные ученые испытывали сильные сомнения по поводу непрекращающихся сенсаций, но результаты «открытий» Фудзимура вошли в школьные учебники, одобренные Министерством образования.

Эпоха палеолита на территории Японского архипелага терминологически определяется по-разному. Он может называться как собственно палеолитом (*кю:сэки дзидай*), так и периодом Ивадзюку. Кроме того, раньше были в ходу термины «период пред-дзёмон» и «докерамический период» (ныне они выходят из употребления).

Сахара Макото, один из самых активных защитников термина «период Ивадзюку», считает, что выработанное европейской археологией понятие «палеолит» плохо «работает» на японском материале. Его основные аргументы сводятся к следующему: 1) употребление термина «палеолит» автоматически предполагает следующий за ним период — «неолит», которого, по его мнению, в Японии не существовало; 2) термин «палеолит» соотносится с геологической эпохой плейстоцена, в то время как конец японского каменного века приходится на ледниковый период.

Благодаря тому, что стоянки человека каменного века очень часто обнаруживаются в изолированных друг от друга извержениями вулканов слоях (пещерных стоянок обнаружено чрезвычайно мало), задачи по стратификации и созданию эволюционной типологии каменных орудий применительно не только к каждой конкретной стоянке, но и к более обширным регионам решаются довольно успешно. С другой стороны, условия залегания создают большие трудности в том отношении, что кислые почвы Японии плохо сохраняют костные остатки человека, животных, любую органику. В связи с этим японский палеолит (еще в большей степени, чем в других регионах) исследуется почти исключительно с точки зрения типологии каменных орудий.

Японские антропологи встречаются в своей работе с принципиальными сложностями, происходящими ввиду плохой сохранности исходного антропологического материала. Находки, относящиеся к палеолиту, исчисляются единицами. Наилучшей сохранностью, как это ни парадоксально, обладают костяки (несколько тысяч находок), относящиеся к дзёмон (ввиду обычая захоронений в пещерах, а также главным образом в «раковинных кучах», где в результате реакции между выделяемой раковиной известью и водой происходит удержание кальция, содержащегося в костных останках). Несколькими сотнями исчисляются находки, относящиеся к периодам йёй, кофун (III—VI вв.), Камакура (1185—1392), Муромати (1392—1568), Эдо (1603—1867). Для периодов Нара (710—794) и Хэйан (794—1185) антропологический материал практически отсутствует. Это объясняется как вышеуказанной кислотностью японских почв (для захоронений в земле), так и распространяющейся буддийской практикой трупосожжения.

Японские археологи обычно выделяют две стадии эволюции палеолитических орудий. Границу между ними образует идентифицируемый вплоть до севера Хонсю слой пемзы, образовавшийся в результате извержения вулкана на месте нынешней кальдеры Айра на севере Кюсю (21—22 тысяч лет назад). Если до этого времени каменные орудия (наиболее представительными являются рубила, трапецевидные скребки, примитивные ножи) демонстрируют единообразие на всей территории палеолитической культуры в Японии, то после извержения уже наблюдается культурная диверсификация.

Как и повсюду в это время, палеолитическое население архипелага занималось охотой и собирательством. На территории Японии, соединенной в то время с континентом сухопутными мостами, водились вымершие позже мамонты и бизоны.

Японские археологи утверждают, что уже в период позднего палеолита некоторые каменные орудия труда (ножи и топоры) демонстрируют определенное своеобразие, что позволяет говорить о существовании уже в это время зачатков своеобразной японской культуры (при этом, правда, не существует работ, подтверждающих преемственность более поздней «японской культуры» по отношению к палеолитической).

Более оправданным выглядит региональное противопоставление Юго-Западной и Северо-Восточной Японии (японские ученые традиционно называют эти регионы «западной» — к юго-западу от долины Нара, и «восточной» Японией — к северо-востоку от долины Нара) по технике обработки каменных орудий. При этом Северо-Восточная Япония (Хоккайдо, северо-восток Хонсю) обнаруживает сходство с палеолитическими культурами Сибири, а Юго-Западная — с обитателями Корейского полуострова. Таким образом, культурное своеобразие «западной» и «восточной» Японии, наблюдающееся позднее на всем протяжении японской истории, уходит корнями в эпоху верхнего палеолита.

Сильные разногласия среди японских ученых вызывают базовые оценки каменного века. Многие из них, исходя исключительно из типологии каменных орудий, склонны не выделять мезолитическую стадию, а переходить от палеолита сразу к неолиту (хотя, как будет показано ниже, японский «неолит» также обладает значительной спецификой).

Однако в любом случае носителей палеолитическо-мезолитической (или же «докерамической») культуры на территории Японии никак нельзя признать за предшественников современных японцев. Это утверждение вряд ли возможно опровергнуть как с фактической, так и с теоретической точки зрения: палеолитические памятники вообще демонстрируют скорее общность и единство человеческой культуры, чем ее диверсификацию — явление, характерное для неолита (во всяком случае, в его «классическом» понимании) и энеолита. До этого же времени мы имеем дело не с историей народа (протонарода), а с историей определенной территории и сопутствующего ей населения.

Глава 3

Дзё:мон (неолит)

В отличие от всех культур более поздних периодов (вплоть до Мэйдзи) культура дзё:мон была распространена практически на всей территории современной Японии — от Хоккайдо

(и даже севернее — Курильские острова) и до Рюкю (севернее острова Окинава). Свое название она получила от специфического вида керамики, характеризующегося «веревочным орнаментом». Сам термин «веревочная керамика» впервые зафиксирован в научной литературе в 1879 г. Он был употреблен Э. Морсом («cord-marked pottery»). Японский термин «дзё:мон» является его калькой. Однако настоящее признание термин «дзё:мон» получил с тех пор, как в 1937 г. знаменитый археолог Яmanoути Сугао выделил пять хронологически последовательных основных типов керамики дзё:мон. Начиная с этого времени вся хронология этого периода стала строиться на типологии керамики, которая в настоящее время разработана чрезвычайно подробно (выделяется около пятидесяти только «основных» ее типов).

На уровне массового восприятия (и прежде всего, разумеется, в самой Японии) культура дзё:мон также известна прежде всего по некоторым образцам своей керамики — блистательным в своей экспрессии и выразительности сосудам культового предназначения (со «змеиными» мотивами и пластическими изображениями голов животных, «вмонтированных» в венчик), хотя этот ритуальный тип регулярно появляется только ближе к концу дзё:мон.

Опуская локальные варианты керамики дзё:мон, попытаемся выделить наиболее общую схему ее эволюции, следуя за одним из лучших знатоков этого периода Дж. Киддером. В начале дзё:мон наносился вертикальный узор с помощью наложения на сырую глину отдельных нитей растительного волокна; затем волокна стали сплетать, узор наносился горизонтальными полосами в виде «елочки». Средний дзё:мон характеризуется диагональным узором. В поздний же дзё:мон превалирует геометрический узор с разнонаправленным расположением веревочных отпечатков. Обжиг осуществлялся в ямах, на дне которых разводился костер. Температура обжига составляла всего 600—800 градусов, в связи с чем эти сосуды страдали повышенной хрупкостью.

Похожая техника нанесения орнамента на глиняные сосуды использовалась в Африке (Сахара), Полинезии (Ново-Гибридные острова) и в некоторых других регионах. Однако в непосредственной близости от Японии подобная технология

не использовалась, что позволяет говорить о ее местном происхождении.

Помимо «классического» веревочного узора существует также достаточно много видов керамики, узор на которую наносился бамбуковой палочкой или же пальцами.

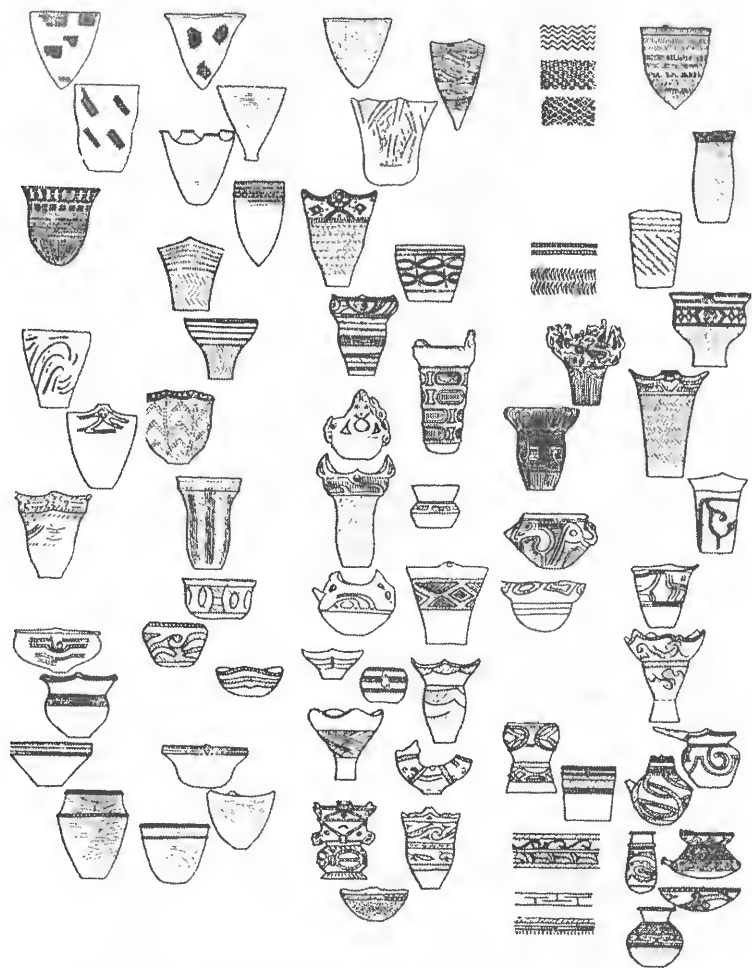

Иллюстрация 1. Основные типы керамики дзё:мон

Керамика дзё:мон использовалась для варки пицци (сначала в остродонных, а потом и в плоскодонных сосудах), хранения пищевых запасов и воды. Считается, что сосуды с низкотемпературным обжигом среднего дзё:мон теряли за ночь около 10% своего жидкого содержимого. В конце дзё:мон эти показатели улучшаются за счет покрытия поверхностей сосудов красной охрой, лощения и несколько лучшего обжига.

Если в предыдущий период культура обитателей архипелага демонстрирует активные контакты с континентом и определенную схожесть в хозяйственной адаптации (откуда и происходит принципиальная возможность заимствований), то начиная с дзё:мон на Японском архипелаге возникает вполне самостоятельная и изолированная культурная зона. И если в Китае в VI—V тысячелетиях, а на Корейском полуострове — на рубеже III—II тысячелетий до н. э. происходит переход к земледелию (прежде всего на основе возделывания проса в бассейне Хуанцзы — северная зона, и риса в Южном Китае) и полностью оседлому образу жизни, то на территории Японского архипелага формируется хозяйственный уклад, основанный на сочтании охоты (в этот период на севере архипелага начинают применяться лук и стрелы), рыболовства и собирательства.

И хотя существует немало данных о том, что контакты между населением островов и континентом все-таки существовали, обитатели Японии не усваивают земледельческой культуры вплоть до яёй. Связано это было прежде всего с разницей в степени культурного и хозяйственного развития, т. е. с готовностью к усвоению тех или иных культурных инноваций. В связи с этим и широко распространенное среди западных археологов отождествление дзё:мон с неолитом носит относительный характер, поскольку для «классического» неолита характерен переход к земледелию, т. е. производящему типу хозяйствования.

В датировках периода дзё:мон существует определенный разнобой, связанный со спорами об абсолютном возрасте первых образцов керамики и критериями описания этого периода. Так, согласно результатам радиоуглеродного анализа, наиболее ранние образцы фрагментов японской керамики датируются периодом, отстоящим от нашего времени на 13 тысяч

лет (в Китае — 10 тысяч лет), что делает японскую керамику самой древней в мире. Такое допущение, однако, весьма маловероятно из более общих соображений: степень развития континентальной культуры была намного выше. Скорее всего, проблема состоит в лучшей по сравнению с другими ареалами изученности этого периода в Японии. В любом случае, однако, понятно, что распространение керамики на островах Японского архипелага начинается с северо-западного Кюсю, т. е. с арсала, наиболее подверженного континентальному влиянию.

Некоторые ученые считают, что керамика как таковая не может служить надежным индикатором важных социальных и культурных перемен, и предлагают маркировать начало дзёмон не керамикой, а появлением «раковинных куч» (т. е. «помоск» древнего человека). Эта точка зрения находит свое подтверждение в последующем культурном развитии обитателей архипелага. Если для Китая можно считать, что появление там керамики послужило одной из ступеней перехода к земледелию, то в Японии гончарное производство и переход к производящему типу хозяйствования отстоят приблизительно на 12 тысяч лет. Производство керамики в Японии периода дзёмон, таким образом, имеет своей функцией прежде всего обеспечение потребностей доземледельческого уклада.

Мы придерживаемся точки зрения, что начало гончарного производства является лишь следствием принципиальных изменений, наблюдаемых в общем типе хозяйственной адаптации древнего человека к изменившимся условиям обитания. Иными словами: применение термина «дзёмон» носит во многом случайный характер, мало говоря об основных хозяйственных и культурных характеристиках периода. Однако следует также иметь в виду, что начало производства и применения керамики знаменует собой важнейший этап в эволюции стиля жизни древнего человека, поскольку ее использование означает возросшие возможности по хранению продуктов, употреблению в пищу новых видов растительной и животной пищи ввиду ее термической обработки. Ввиду того, что значительная часть пищевых продуктов стала употребляться в вареном виде, то в определенной мере меняется и сам облик человека: исчезают выдающиеся вперед мощные

челюсти, приспособленные к пережевыванию твердой пищи. Вследствие термической обработки происходит уничтожение различных микробов, что должно было сказываться и на продолжительности жизни человека дзёмон.

В связи с высоким уровнем детской смертности, характерным для всех обществ охотников, рыбаков и собирателей, средняя продолжительность жизни человека дзёмон составляла около 20 лет. Если же подростку удавалось перейти рубеж в 15 лет, то он имел хорошие шансы дожить до 30. Средняя продолжительность жизни в 30 лет была достигнута только около 1600 г. Рубеж в 50 лет покорился лишь в 1947 г.

Динамическое взаимодействие человека и природной среды на настоящий момент прослеживается по крайней мере начиная с периода, отстоящего от нас на 15 500 лет. Именно в это время наблюдается значительное потепление, которое дополняется повышением влажности (13 тысяч лет назад) и формированием теплого Цусимского течения, впадающего в Японское море, — климат архипелага становится морским и в своих важнейших параметрах не отличается от нынешнего, хотя к концу дзёмон среднегодовые температуры были на несколько градусов выше, чем сейчас.

Природные изменения привели к трансформации флоры; увеличению снежного покрова, скрывающего зимой корм на пастбищах; заболачиванию почв; разрастанию широколиственных лесов, поглощающих пастбища; увеличению населения и, следовательно, к усилению его давления на окружающую среду, что в совокупном результате привело к исчезновению крупных млекопитающих: слона Нюмана, крупных видов оленей (*ооцуно-дзика*), бизонов.

Для населения архипелага это означало сокращение привычной для употребления животной белковой массы и необходимость хозяйственной адаптации к новым условиям обитания. В связи с этим были изменены приоритеты в охоте (теперь это были олень, кабан, медведь, заяц, куница, енотовидная собака, птицы) и в средствах их добычи (на смену копьё приходят лук и стрелы); значительно возросла роль собирательства (каштаны, желуди, различные виды орехов),

речного и морского промыслов. Среди находок, относящихся к этому времени, значительно увеличивается количество каменных топоров, что является следствием приспособления к разрастанию лесного покрова.

Морской промысел следует выделить особо, ибо его наличие будет определять существенные черты японской культуры (в широком смысле этого слова) вплоть до настоящего времени. Непосредственной экологической предпосылкой для его начала послужил подъем уровня океана (пик подъема с уровнем на 2—3 метра выше нынешнего фиксируется 6 тысяч лет назад), в результате чего сформировались острова Хонсю, Кюсю, Сикоку и Хоккайдо, образовались прибрежные отмели с хорошо прогреваемой водой, особенно благоприятной для размножения рыбы.

Первые археологические свидетельства о начале морского промысла датируются периодом 10 тысяч лет назад. Одним из основных его видов был сбор самых различных морских моллюсков. Свидетельством этому служат неизвестные до этого времени «раковинные кучи», достигающие по площади нескольких сот квадратных метров. На настоящий момент обнаружено около двух с половиной тысяч таких «помоек» дзёмон. Большинство из них находятся на побережье, обращенном в сторону Тихого океана (около половины — в районе равнины Канто), где в силу мощных приливов и отливов существуют благоприятные условия для собирательства раковин на мелководье в момент отлива. Кроме раковин моллюсков, в раковинных кучах имеются также костные остатки различных рыб, млекопитающих и птиц.

Разнообразные природные условия Японии позволяли ее обитателям использовать альтернативные источники пищи в зависимости от сезонных изменений, погодных условий и т. д. Так, анализ содержания раковинных куч показал, что собирание раковин проходило особенно активно весной, менее интенсивно — летом. Осенью и зимой этот вид деятельности замирал. Это объясняется тем, что весной собирать раковины достаточно просто, а другие пищевые ресурсы достигаемы в меньшей степени. Осенью же и ранней зимой люди концентрировались на сборе растительной пищи (наиболее практичными, т. е. легко сохраняемым видами, были каштаны, грец-

кие орехи и желуди), ловле мигрирующих пород рыб и перелетных птиц. Зимой основными пищевыми источниками служили охота и запасы растительной пищи, сохранявшиеся в ямных кладовых. Для понимания особенностей эволюции культуры обитателей архипелага необходимо отметить, что в общеперспективной перспективе значение охоты с течением времени уменьшается. И напротив, зависимость от ресурсов моря — увеличивается.

Из крупных млекопитающих люди дзёмон больше всего охотились на оленя и кабана (с помощью луков и стрел с каменными и костяными наконечниками). Для ловли барсуков, енотовидных собак и зайцев использовались капканы. Большинство обнаруживаемых костей рыб принадлежит к тем видам, которые легко ловятся в бухтах во время приливов: окунь, кефаль, лютjanус и др. Однако останки глубоководных рыб и животных (тунец, акула, скат и даже кит) свидетельствуют о развитом и искусном морском промысле. Для добычи рыбы использовались сети (сплетенные из растительных волокон с грузилами из камня и керамики), костяные (в основном из кости оленя) крючки и гарпуны, остроги. Гарпуны были изобретены в средний дзёмон приблизительно в то же время, когда появляются долбленные лодки. Рыбаки доходили на них до островов Садо и Микуро, пересекали пролив Цугару и Корейский пролив. Лососевые, обитавшие в реках и на морском мелководье на северо-востоке архипелага, были одним из основных источников животной белковой пищи для обитателей этого региона. Для речной ловли использовались также и ловушки-загоны.

Таким образом, формирование доземледельческого хозяйственного уклада, основанного на охоте, собирательстве и активном морском промысле, отстоит от нас приблизительно на 10 тысяч лет. В период дзёмон произошла кардинальная диверсификация источников питания, которая всегда служит одной из основных характеристик устойчивости системы.

В результате этой диверсификации, улучшения возможностей сохранения пищи (ямные кладовые, керамика) стал возможен и достаточно быстрый рост населения архипелага. По оценкам Кояма Сюдзо, одного из ведущих специалистов в области исторической демографии, на начало дзёмон оно

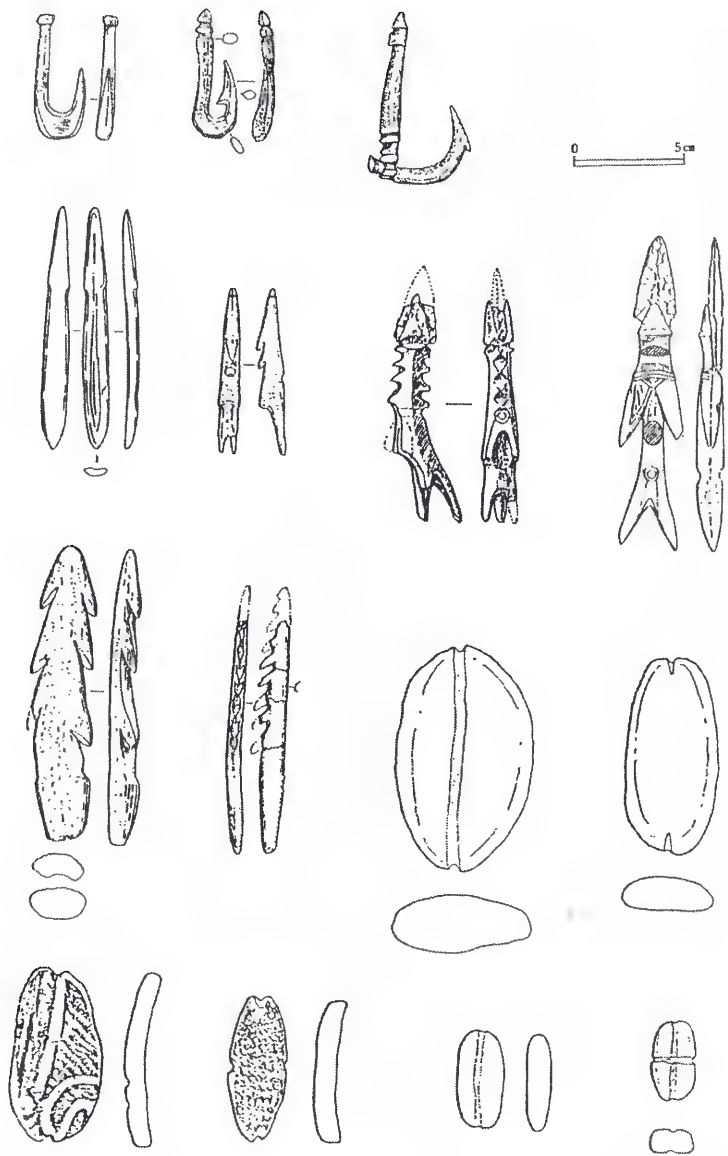

Иллюстрация 2. Рыболовные принадлежности (период дзё:мон)

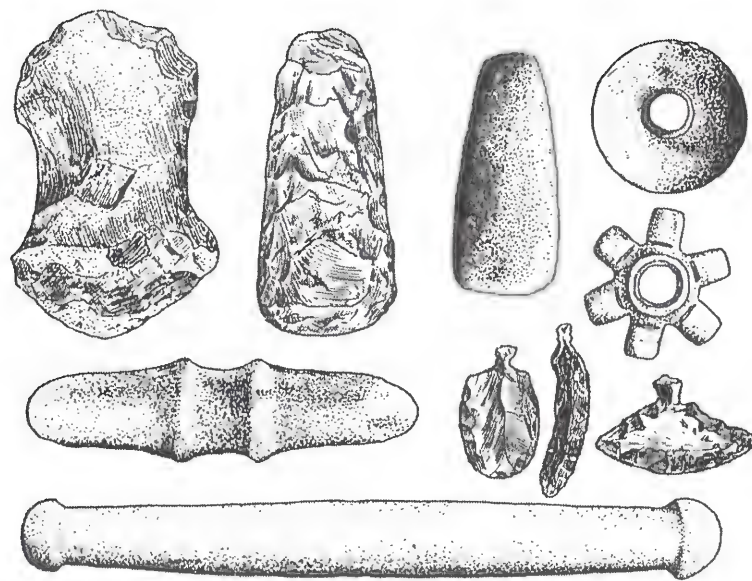

Иллюстрация 3. Каменные орудия периода дзё:мон

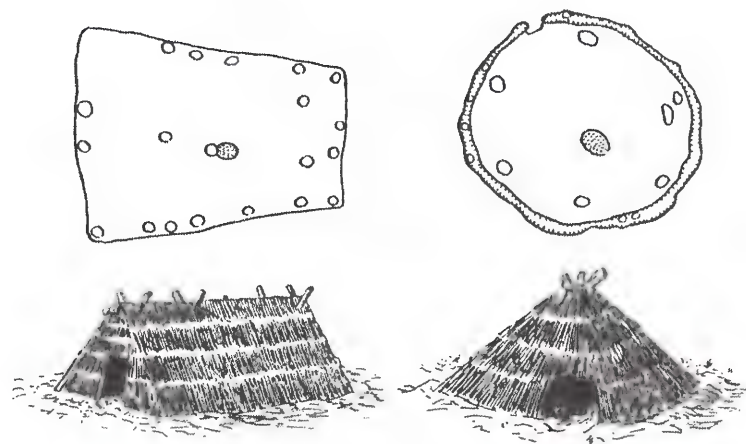

Иллюстрация 4. Жилища периода дзё:мон

оценивается в 20 тысяч человек (т. е. 7 человек на 100 кв. км), а в период наибольшего расцвета, который приходится на средний дзё:мон, оно, видимо, составляло около 260 тысяч человек, т. е. достигло плотности 1 человек на 1 кв. км. Для обществ подобного типа такую плотность населения следует признать весьма высокой. Эти показатели были достигнуты за счет богатых пищевых ресурсов архипелага.

Иллюстрация 5. Места обнаружения костей кеты и горбуши

Одним из важных социальных последствий начала морского промысла в период дзё:мон было появление поселений на берегу моря — в более раннее время прибрежные посе-

ления практически отсутствуют. Причем рыболовецкие поселения, не будучи столь многочисленны, как материковые, демонстрируют абсолютное превосходство в части концентрации населения: если поселения охотников-собираателей (располагаются в основном в горных районах) состоят из 4—5 жилищ площадью в 5—15 кв. м, то прибрежные демонстрируют значительно большую концентрацию (например, 48 жилищ в поселении на территории современного города Йокогама), причем площадь некоторых жилищ составляет от 20 до 40 кв. м. Общественно-исторический миграционный процесс этого времени состоит в том, что население горных районов спускалось в долины, все больше концентрируясь в прибрежных районах.

За последнее время было раскопано несколько крупных поселений периода дзё:мон. В наиболее крупном из них находилось до 400 жилищ (использовались в разное время на протяжении нескольких поколений). Эти жилища располагаются кругом вокруг центральной «площади». В одних и тех же поселениях обнаруживают жилища различной формы, что свидетельствует о достаточно большой свободе в выборе типа постройки. План жилища представляет собой прямоугольник или чаще круг диаметром в 4—5 м. Пол, заглубленный на 50—100 см, иногда покрыт каменным настилом. Однако более распространенным является земляной пол. В центре жилища обычно находится каменный очаг или же очаг, выложенный из керамических сосудов без дна (в самом начале периода дзё:мон очаг выносился за пределы жилища). Деревянный остов дома покрывался корой или листьями. Встречаются также и более крупные строения. Так, на стоянке Сугивадай в префектуре Акита обнаружено прямоугольное строение площадью в 273 кв. м с десятью очагами. Вероятно, оно могло служить в качестве коллективного жилища в зимнее время.

Кроме указанного типа жилища полуземляночного типа существовали и строения, пол которых располагался непосредственно на уровне земли.

Начальная фаза дзё:мон территориально связана прежде всего с Кюсю. По мере потепления и распространения широколиственных лесов к северу наблюдается и продвижение культуры дзё:мон в этом направлении. В результате оказыва-

ется, что с точки зрения присваивающего типа хозяйствования именно эта зона оказывается наиболее перспективной. Анализ стоянок дзёмон однозначно показывает, что большая концентрация населения (80% из открытых десяти тысяч стоянок) наблюдается в Северо-Восточной Японии, более благоприятной как с точки зрения собирательства (широколиственные леса с богатыми урожаями каштанов и орехов), так и рыболовства (кета и горбуша).

Относительно этого времени уже можно говорить о начале складывания различающихся между собой субкультур жителей приморья и материковой части архипелага. Причем эта разница проявляется не только на уровне образа жизни, вытекающего из рода занятий. Антропологический анализ костных остатков свидетельствует, что обитатели побережья, т. е. потребители более богатой животными белками пищи, обладали более мощным телосложением. Более того, регионализация видна и на типологии керамики (т. е. были задействованы и чисто культурные механизмы): наблюдается определенная тенденция превалирования того или иного типа на внутрисубкультурном уровне в зависимости от условий среды обитания даже в близлежащих зонах (в районе современного Токио тип Атамадаи доминирует в прибрежных районах, а тип Капудзака — в материковой части).

Кроме того, исходя из типологии керамики территорию архипелага в самом начале дзёмон можно подразделить на два крупных культурных ареала, в общем и целом совпадающих с границами указанных природных зон: юго-западный (орнамент наносился с помощью ногтей) и северно-восточный (иссеченный орнамент). Граница между ними проходит где-то в районе современного Токио, где эти виды керамики накладываются друг на друга.

В самом конце дзёмон межкультурная разница между северо-востоком и юго-западом еще более углубляется. На северо-востоке господствует орнаментированная керамика типа Камэгаока (название стоянки в префектуре Аомори), на юго-западе — орнамент практически исчезает. Членение архипелага на северо-восток и юго-запад (согласно традиционному японскому географическому делению — «восточная Япония» и «западная Япония») по культурным, хозяйственным и соци-

альным признакам сохраняется на всем протяжении японской истории.

Появление различных хозяйственных (рыболовы и охотники-собиратели) и культурных зон привело к усложнению общественной жизни и развитию обменных процессов на постоянной основе. К настоящему моменту установлено, что в качестве предметов обмена выступали: каменные орудия (существовали центры по их производству), соль (ее добывали с помощью выпаривания в керамических сосудах на морском побережье), природный асфальт (использовался в качестве клеящего вещества), продукты питания (их обмен осуществлялся по схеме «приморье — материковая часть»).

По сравнению с усилиями по разработке типологии керамики гораздо меньшее внимание было уделено проблеме использования керамики, каменных орудий и антропогенной организации среды обитания в общем контексте культуры. Работы, затрагивающие эту проблематику, стали появляться сравнительно недавно. В частности, чрезвычайно плодотворными в этом отношении стали исследования Ватанабэ Хитоси. Пользуясь этно-археологическим подходом (т. е. интерпретацией археологического материала с помощью сравнительного этнографического анализа), он пришел к чрезвычайно важным выводам обобщекультурного характера.

1. Среди охотников, рыболовов и собирателей большей оседлостью обладают те группы, которые заняты интенсивным производством керамики. Обилие и разнообразие обнаруженной керамики позволяет с большой долей вероятности предполагать значительную степень оседлости населения архипелага (время, необходимое для ее изготовления, а также невозможность возить с собой большое количество утвари).

2. Этнографический сопоставительный анализ показывает, что сообщества, обладающие низкой степенью оседлости, используют орудия небольшие по размеру и весу, применение которых имеет полифункциональный характер (шесты эскимосов, применяемые ими при строительстве переносных жилищ, для опоры при ходьбе, для колки льда, в качестве остроги). Некоторые каменные предметы и орудия носителей культуры дзёмон не подпадают под эти требования. К ним относятся *сэкибо*: (каменные жезлы неизвестного назначения,

длина которых варьируется в пределах от 30 см до 2 м), каменные ступки (*исидзара*), не поддающиеся транспортировке. Тщательная отделка ступок, не свойственная для кочевников, также указывает на сравнительно большую степень оседлости их изготовителей.

3. Наличие массовых захоронений служит надежным индикатором высокой степени оседлости (полной или же сезонной), поскольку кочевые собиратели обычно не имеют специально выделенных мест для захоронений — погребения производятся непосредственно возле места смерти. Захоронения периода дзё:мон часто располагаются в непосредственной близости от стоянок (неподалеку от раковинных куч или прямо в них). Некоторые из этих захоронений концентрируются в одном месте, что свидетельствует об определенной стабильности поселений.

4. Следы перестроек и увеличения площади землянок, обнаруживаемые в результате тщательного анализа жилищ периода дзё:мон, также говорят в пользу предположения о сравнительно долговременном обитании их владельцев в одном месте.

Комплексный анализ вышеназванных косвенных свидетельств позволил Ватанабэ Хитоси прийти к выводу, который в значительной степени противоречит ранее бытовавшему мнению о том, что носители культуры дзё:мон были кочевыми охотниками и собирателями. Его исследования показывают достаточно высокую степень оседлости населения дзё:мон, что явилось одной из ключевых предпосылок для быстрого перехода к земледельческому обществу в период яёй.

В настоящее время считается, что уже в средний дзё:мон охота, рыболовство и собирательство в Японии отличались высокой продуктивностью. Кроме того, не исключено, что в это время были сделаны первые шаги по выращиванию некоторых видов растений, в частности ямса, один из видов которого произрастает в Японии в диком виде. Первые крупные лесные пожары (связанные, видимо, с практикой выжигания леса для хозяйственного использования — строительства жилья и, возможно, примитивного подсечного земледелия), являющиеся надежным индикатором антропогенного воздействия на окружающую среду, отстоят от нас на 8500—7000 лет.

К 4600 г. до н. э. относятся первые обнаруженные следы земледельческой деятельности (гречиха). Следы возделывания проса обнаружены на рубеже II—I тысячелетий до н. э. (префектура Симанэ). Не подлежит сомнению, что около 1000 г. до н. э. подсечное земледелие практиковалось уже достаточно широко. В этот период наблюдается стремительное исчезновение древесных видов, обеспечивавших экологическое равновесие (остролистный дуб, литокарпус Зибольда, камфарное дерево, камелия японская), и распространение хвойных пород, пришедших на смену широколиственным вечнозеленым лесам, пик распространения которых приходится на V—III тысячелетия до н. э., когда климат Японии был наиболее теплым за последние 20 тысяч лет (на 2—3 градуса выше, чем ныне).

Наиболее ранние археологические свидетельства возделывания суходольного риса относятся к северному Кюсю и датируются приблизительно 1200 г. до н. э. (Итадзукэ, префектура Фукуока, и Нобатакэ, префектура Сага). Анализ фитолитов также подтверждает, что культивирование риса началось в это время на Кюсю. Таким образом, общепринятая в течение долгого времени датировка рисовосеяния началом периода яёй оказывается не совсем корректной. Следует, однако, иметь в виду, что в дзё:мон возделывание риса (как и других культурных растений) носило спорадический, в лучшем случае вспомогательный, характер и ограничивалось (как и в начале яёй) ближайшим к Корейскому полуострову регионом, не оказывая решающего влияния на стиль жизни древнего человека.

В период дзё:мон уже проявляется потребность человека укрощать свое тело. Использувавшиеся украшения могли иметь магический характер (использовались в качестве оберегов, были призваны защищать и приносить удачу), а могли служить знаками социальной, групповой, возрастной, половой выделенности. Нам известно большое количество украшений, относящихся к периоду дзё:мон. Это серьги, изготовленные из раковин, камня, глины, зубов диких животных, браслеты из раковин. Исследования погребений обнаружили, что девушкам и юношам в возрасте 17—18 лет вырывали определенные зубы и подпиливали другие, что, вероятно, было связано с обрядом инициации и (или) вступлением в брак (иллюстрация 6).

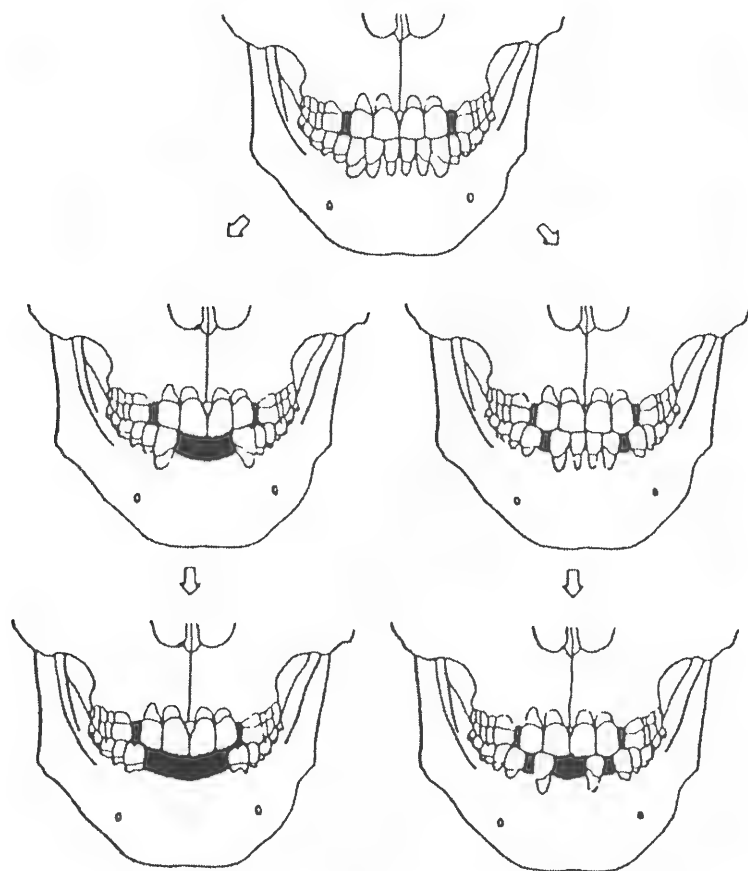

Иллюстрация 6. Экстракция зубов

Другой группой предметов, имевшей культовый характер, являются глиняные статуэтки *до:гу* высотой от 3 до 30 см (иллюстрация 7). Среди них встречаются как зооморфные, так и антропоморфные (их большинство) изображения. Сначала эта пластика имела уплощенный вид, затем приобрела объемность. Среди антропоморфных изображений встречаются своеобразно стилизованные женские фигурки с утрированными формами (вероятно — принадлежность культа плодородия), которые по своей экспрессивности вполне сопоставимы с керами-

ческими ритуальными сосудами этой эпохи. Орнаментальное украшение сосудов и *до:гу* также совпадает.

Интересно, что подавляющее большинство *до:гу* были найдены разбитыми. В настоящее время считается, что статуэтки разбивались не случайно — они были изготовлены именно для того, чтобы быть уничтоженными в процессе исполнения ритуала.

Одна из интерпретаций, принадлежащая Явата Итиро, утверждает: статуэтки использовались в обряде лечения больных или раненых. При этом разбивалась та часть статуэтки, которая подлежала исцелению у больного человека.

Однако в целом предназначение и функции *до:гу* не могут считаться окончательно выясненными. С достаточной степенью уверенности можно лишь утверждать, что *до:гу*, равно как и некоторые типы керамики дзёмон, служили для обеспечения магической связи со сверхъестественными силами иных миров. В дальнейшем пластика этого типа не получила развития в иконографической традиции синтоизма. Прямые параллели *до:гу* наблюдаются скорее в древнем «искусстве» племен Центральной Америки.

Иллюстрация 7. Глиняные статуэтки *до:гу*

Погребения этого времени свидетельствуют об отсутствии их унификации, что, вероятно, говорит об отсутствии единых представлений о посмертном существовании. Как правило, мы имеем дело с коллективными погребениями (на севере их часто окружают подобием загородки из камней), костяки в которых могут на-

ходиться как в согнутом положении (на спине, боку или животе) с ориентацией головы на юго-восток, так и в распрямленном (на спине, боку, животе) без определенной ориентации. Имеются захоронения, сделанные в раковинных кучах. Зафиксированы и погребения в керамических сосудах. Принадлежностями погребального инвентаря являются: гребни, серьги, ожерелья, браслеты и др. Погребальной одеждой служили звериные шкуры или же куски материи.

Несмотря на отмеченный выше рост населения во время дзёмон в целом, следует сказать, что в конце этого периода наблюдается определенный кризис — уменьшение количества стоянок/поселений и населения (по некоторым оценкам — до 70 тысяч человек). По всей вероятности, нагрузка на окружающую среду при возраставшем ранее населении и использовавшихся типах хозяйствования присваивающей экономики оказалась настолько велика, что привела к экологическому кризису (прежде всего — к сокращению тех видов животных, на которых охотился человек дзёмон). Стиль жизни человека дзёмон выработал свой ресурс, а используемые им средства жизнеобеспечения не подлежали дальнейшему совершенствованию. Так, например, применявшийся в то время для охоты лук был модернизирован только в XIII—XIV вв.

Показательно, что этот кризис коснулся поселений на берегу моря в гораздо меньшей степени — рыба (в особенности лососевые) и моллюски как источник питания для допромышленного общества могут считаться практически неограниченным и естественно возобновляемым пищевым ресурсом. Истощение природных богатств оказалось меньшим в Северо-Восточной Японии по сравнению с ее юго-западной частью, менее богатой продуктами собирательства, объектами охоты и рыбной ловли. В дальнейшем (в период яёй) это послужило одной из предпосылок более быстрого укоренения на юго-западе производящего типа хозяйствования, в то время как относительно стабильная экологическая ситуация на северо-востоке не способствовала поиску новых методов хозяйствования.

Выход из указанного кризиса обозначился вместе с появлением производящего типа хозяйствования, возникшего в следующий хронологический период — яёй — при самом непосредственном участии переселенцев с материка.

Глава 4

Яёй (бронзово-железный век)

В 1884 г. в районе Токио под названием Яёй-мати был обнаружен сосуд, который был позже идентифицирован как принадлежащий эпохе, пришедшей на смену дзёмон. Приблизительно с 1896 г. понятие «керамика типа яёй», введенное в научный оборот Макита Содзиро, становится общепотребительным. Несколько позже Тории Рюдзо высказал ставшее в результате общепринятым мнение, что посетителями культуры яёй, отличительными чертами которой являлись рисосеяние и производство металла, были переселенцы с Корейского полуострова. Датируется период яёй III в. до н. э. — III в. н. э. и может подразделяться на многие подпериоды. Так же, как и для дзёмон, существующие периодизации основаны прежде всего на типологии керамики и не имеют абсолютных хронологических привязок.

Несмотря на то что период яёй носит свое название по одному из районов Токио, на самом деле центр этой культуры первоначально находился на северо-западном Кюсю, откуда эта культура и получила дальнейшее распространение. Наиболее полное выражение культура яёй получает в районе современных городов Нара-Киото-Осака (так называемый район Кинки — современные столичные округа Киото и Осака, префектура Сига, Хёго, Нара, Вакаяма, Миэ), т. е. в том месте, которое через несколько веков стало центром формирования раннеяпонской государственности. Совершенно условным следует признать употребление термина «период яёй» и с точки зрения наполнения его культуросодержащей информацией, ибо «лицо» эпохи определяют не столько новые типы керамики, сколько принципиальные хозяйственные и социальные изменения (характерно, что даже среди специалистов по керамике нередко возникают проблемы, связанные с соотношением конкретных находок с периодами дзёмон или яёй, ибо технология изготовления керамики — отсутствие гончарного круга, низкотемпературный обжиг — оставалась прежней, а сосудов, строго специфичных для яёй, выявлено не так много).

Если говорить о самых общих отличиях керамики яёй от керамики дзёмон, то они сводятся к следующим. Керамика яёй

приобретает большую унифицированность. Ее типология проще, нежели керамики дзёмон; проще и орнаментальное украшение сосудов (покрытых «версочным орнаментом», отпечатками раковин, «царапинами»). Многие типы керамики вообще не имеют орнаментального украшения. Цвет керамики яёй имеет обычно красноватый оттенок, обжиг осуществлялся несколько более равномерно. Большинство типов сосудов имеют ясно выраженный утилитарный характер, а буйная орнаментальность культовых сосудов имеет тенденцию к упрощению.

В отличие от культуры дзёмон, распространенной практически на всей территории Японского архипелага, ареал яёй не затрагивает Окинаву, юг Кюсю, север Хонсю и Хоккайдо, где основу жизнедеятельности продолжают составлять собирательство, охота и рыболовство, что предопределило в исторической перспективе значительное отставание этих регионов от «основной» территории Японии. Земледельческий уклад начинает формироваться на Рюкю лишь в XII в. Айны, обитавшие на севере Хонсю и вытесненные затем на Хоккайдо, продолжают традиции каменного века практически до начала XX столетия.

На Рюкю государственность возникает только в XVI в. В XVII в. это государство было провозглашено данником княжества Сацума, расположенного на юге Кюсю, однако сёгунат Токугава не заявлял о своей юрисдикции над территорией Рюкю (местный правитель получил инвеституру в Китае). Этот архипелаг был провозглашен префектурой Окинава лишь в 1879 г. Что касается Хоккайдо, населенного айнами, то там самостоятельная государственность не формируется вообще. Остров был провозглашен территорией Японии в XVIII в., однако его широкое освоение японцами относится только ко второй половине XIX в. Таким образом, лишь к этому времени, т. е. по прошествии более двух тысячелетий, территория японского государства стала вновь совпадать с ареалом распространения культуры дзёмон.

По своим колоссальным социальным и культурным последствиям период яёй может быть приравнен к тому, что знаменитый археолог и культуролог Гордон Чайлд назвал «неолитической революцией», когда происходит переход к земледелию, т. е. произ-

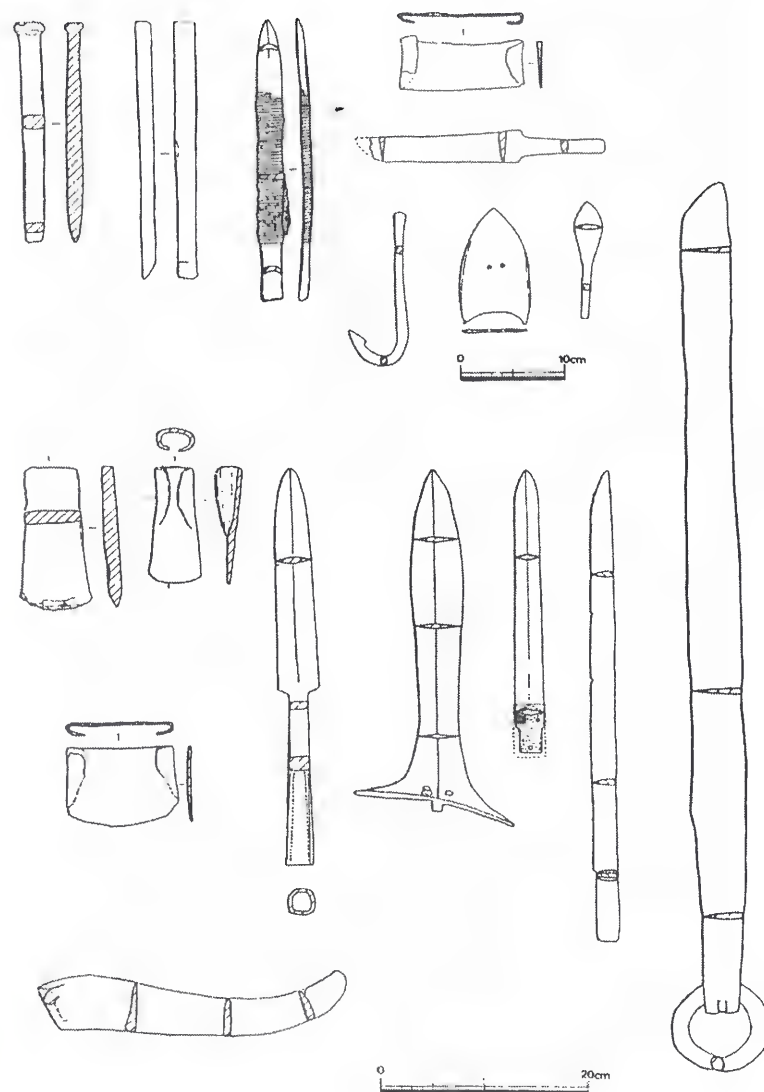

Иллюстрация 8. Железное оружие и предметы труда (период яёй)

водящему типу хозяйствования. Своеобразием исторического пути Японии следует признать то, что во время этой «революции» под непосредственным воздействием континентальной культуры было начато (хотя и весьма ограниченное) использование металла — железного оружия и орудий труда (мечи, кинжалы, копья, похи, топоры, рыболовные крючки) и бронзовых ритуальных предметов. Благодаря этим инновациям развитие японского общества стало осуществляться ускоренными темпами.

Становление культуры яёй непосредственно связано с мощным потоком переселенцев с юга Корейского полуострова, которые обосновывались прежде всего на севере Кюсю. Причины их миграции остаются до конца не выясненными. В настоящее время наибольшим авторитетом пользуется точка зрения, связывающая переселение с двумя факторами: природным и социальным. Наступившее на материке временное похолодание климата привело в движение население северных регионов Азии, начавших мигрировать на юг. А это, в свою очередь, вызвало политическую нестабильность в Китае и на Корейском полуострове. Крах Циньской империи в 207 г. до н. э. и возникновение империи Хань сопровождалось значительными миграциями на Корейский полуостров. Начиная с этого времени и до начала IV в. н. э. Корейский полуостров сотрясали войны, вызывавшие постоянный отток населения. Среди этих переселенцев были и представители племен тунгусского происхождения, принадлежащих к алтайской языковой семье (язык этих переселенцев являлся ближайшим родственником корейского), которые проникли на территорию Японского архипелага. Именно в это время начинает формироваться протояпонский язык, возникший на основе наложения протокорейского языка на местный языковой субстрат (скорее всего, аустронезийского происхождения).

Исходя из анализа различных демографических и антропологических данных, известный исследователь ранней Японии Ханихара Кадзуро пришел к шокировавшему многих выводу, что число переселенцев за период с начала яёй и до VIII в. составило около 1 200 000 человек (вычисленная Савада Гоити еще в 1920-х гг. и не подвергающаяся ревизии общая численность населения на конец VIII в. — около 6 млн человек). Хотя конкретная цифра переселенцев с материка и вызывает сильные сомнения среди многих специалистов по истории и

исторической демографии, гораздо большее число ученых все-таки сходятся во мнении, что количество переселенцев в любом случае должно было быть достаточным для кардинальных изменений во всей системе жизнеобеспечения общества, в языке, культуре в целом.

Для периода яёй не существует единого антропологического типа. В самом общем виде можно говорить о параллельном существовании «человека дзёмон» и «человека яёй», причем ареал распространения второго (имеющего антропологические признаки обитателей Северной Азии) имеет тенденцию к расширению: от Северного Кюсю и южной оконечности Хонсю — к Центральной Японии. Именно этот тип мы условно имеем в виду, когда говорим о «человеке яёй».

Антропологический анализ указывает на существенные отличия «человека яёй» от «человека дзёмон». К их числу относят следующие: «человек яёй» выше, у него более вытянутая форма черепа; поззды расставлены шире; нос более приплюснут; в связи с переходом на крахмалосодержащую пищу (рис, сладкий батат, просо, чумиза, гречиха) увеличивается количество гнилых зубов; сама форма зубов указывает на принадлежность их обладателей к обитателям Северной Азии. Антропологические традиции дзёмон гораздо сильнее в Северо-Восточной Японии (Хоккайдо, северная часть Хонсю), на Сикоку, юге Кюсю и на Рюкю. Эта же тенденция прослеживается и по данным исторической генетики.

Основанные на анализе ДНК остроумные исследования Такаба Юити показали, что «исконно» распространенные на Хоккайдо и Рюкю собаки генетически близки к своим сородичам, обитавшим в Юго-Восточной Азии. Что же касается собак Кюсю и Хонсю, то их предком был тип, распространенный в Северной Азии (в частности на Корейском полуострове).

Вместе с переселенцами привносится новая для обитателей Японского архипелага культура, хозяйственную основу которой составляло рисосеяние, в особенности заливное (наиболее ранние свидетельства возделывания риса в Южном Китае, откуда он проникает и в Корею, относятся к VI тысячелетию до н. э.). Всего же, как считается на сегодняшний день, возделывалось 37 видов культурных растений. Косвенным доказательством

уменьшающегося значения охоты служит резкое уменьшение находок наконечников стрел в археологических слоях, относящихся к началу этого периода.

Кроме того, важным свидетельством происходивших изменений могут служить данные палеоботаники. Распространение сосны и других хвойных пород, пришедших на смену широколиственным лесам, начинается в Юго-Западной Японии 2000 лет назад, в Центральной Японии — 1500 лет назад и в Северо-Восточной Японии — 800—700 лет назад. Это соответствует последовательности распространения на территории Японии интенсивного земледелия, а также сопутствующего ему производству металла и керамики с высокотемпературным обжигом, что привело к вырубанию широколиственных лесов с последующим вытеснением их хвойными породами. Таким образом, «типично японский» пейзаж с обилием хвойных пород, столь богато представленный в искусстве и литературе этой страны, являет собой реалию сравнительно недавнего времени.

Археологический эксперимент показал, что обнаруженная гончарная печь этого времени потребляет в сутки около 10 тонн дров.

Серьезное археологическое изучение культуры рисосеяния началось в 1947—1950 гг., когда были осуществлены раскопки древних заливных рисовых полей в Торо (префектура Сидзуока). Было обнаружено более 50 полей общей площадью в 75 тысяч кв. м (размер полей варьировался от 2396 кв. м до 375 кв. м). После этого рисовые заливные поля были открыты в самых разных частях страны (в настоящее время обнаружено более 230 мест возделывания риса, относящихся к периодам яёй и кофун).

Может быть, самой впечатляющей находкой стало обнаружение заливных полей в местечке Тарэянаги (префектура Аомори) в начале 1980-х гг., что резко изменило наше представление о северной границе ареала распространения древнего рисоводства. Участки расположены у подножия горы и обнаруживают чрезвычайно высокую степень привязанности к рельефу, с чем, вероятно, и связаны их миниатюрные размеры (700 участков занимают площадь всего около 4000 кв. м). Внедрение заливного рисосеяния вообще начиналось с освоения склонов пологих холмов, что, по сравнению с освоением равнинных участков, умень-

шает необходимый объем земляных работ, связанных со строительством оросительных и дренажных систем. Земля с высокими подпочвенными водами, требующая высоких трудозатрат на ирригацию, начинает разрабатываться только в период кофун.

Заливное рисоводство имеет ряд принципиальных отличий от богарного земледелия. Технология рисоводства достаточно сложна и трудозатратна: она требует создания ирригационных (оросительных и дренажных) систем; семена зачастую высаживаются не непосредственно в грунт — требуется предварительное выращивание рассады. Однако эти «недостатки» при правильном соблюдении технологического цикла оборачиваются значительными достоинствами. Участок, предназначенный для выращивания рассады, может быть лучше защищен от холодов, сорняков, насекомых и птиц, перекопка его не требует особых усилий, для удобрения не нужно большого количества органических веществ. Поскольку прорастание семян происходит на заранее подготовленной почве (на участке с ярко выраженным микроклиматом, где они защищены от холодных потоков воздуха и хорошогреваются солнцем), в перспективе создается возможность сбора двух полноценных урожаев в год (впоследствии в Японии для выращивания второго урожая то же самое поле использовалось, как правило, в качестве суходольного под богарные культуры), уменьшается риск гибели посевов. Несмотря на очевидную трудоемкость высадки рассады (*тауэ*), этот процесс может быть растянут во времени и производиться при благоприятных погодных условиях. Если добавить к этому отсутствие необходимости глубокого ежегодного перепахивания поля (большую часть времени находящегося под водой) и меньшую потребность почвы в органических удобрениях (при затоплении поля вместе с водой приносится мелкозем), то станут понятны причины, по которым дальневосточный (японский) земледелец (в отличие от европейского) был лишен многих стимулов к разведению крупного рогатого скота (как источника органического удобрения). Поэтому скотоводство не получило сколько-нибудь широкого распространения ни в Китае, ни в Японии. Кроме того, для почв, используемых под рисоводство, гораздо меньшую угрозу представляет ветряная и водная эрозия. В японском влажном климате снижается и опасность засоления почв, вызываемой сильными испарениями. Еще одним

преимуществом заливного рисосеяния является то, что поле, покрытое слоем воды, не требует прополки.

Таким образом, оказывается, что заливное рисоводство, в отличие от выращивания других зерновых, в большей степени снижает степень зависимости от погодных условий (во всех регионах, где господствующей сельскохозяйственной культурой является рис, плотность населения чрезвычайно высока). Тем не менее в благоприятных климатических и микроклиматических зонах Японии «неклассическое» рисоводство без выращивания рассады продолжало играть определенную роль достаточно долго даже в условиях господства «полного цикла» заливного рисосеяния. Урожай при этом может быть даже выше, чем при технологии с выращиванием рассады (при этом, однако, зависимость от погодных условий оказывается большей). Это показывает, что выращивание рассады не может считаться принадлежностью принципиально более высокой стадии развития земледелия — дело в конкретных климатических условиях и характере приспособления к ним.

Согласно современным оценкам, урожайность риса в период яёй составляла около 6 центнеров с гектара. Если учесть, что в теплом и влажном климате потребность в калориях существенно ниже, чем в холодном, то можно считать такой уровень вполне удовлетворительным для производства достаточного количества прибавочного продукта для жизнеобеспечения увеличивающегося населения (считается, что в период яёй оно возросло в 7—8 раз).

Как уже было сказано, культура яёй распространяется уже по всей территории архипелага, — Хоккайдо и Окинава, север Хонсю, часть Сикоку и юг Кюсю не входят в ее ареал. Объяснение относительно Хоккайдо и севера Хонсю сводится к следующим соображениям: тамошний климат неблагоприятен для рисоводства, а рыбные ресурсы (в особенности лососевые) настолько богаты, что не стимулируют поиска более интенсивных и производительных способов хозяйствования. Напомним также, что заселенность этой части архипелага в дзёмон была выше — поэтому весь культурный комплекс яёй неизбежно должен был столкнуться там с большим сопротивлением и с более мощной культурной инерцией, чем в районах, расположенных южнее.

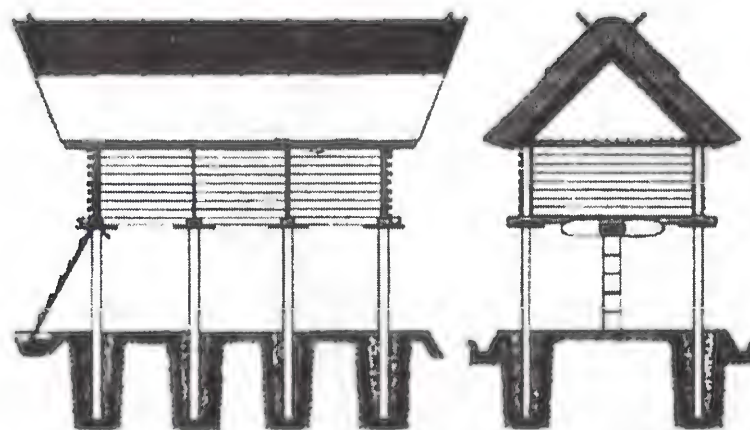

Иллюстрация 9. Зернохранилище свайного типа

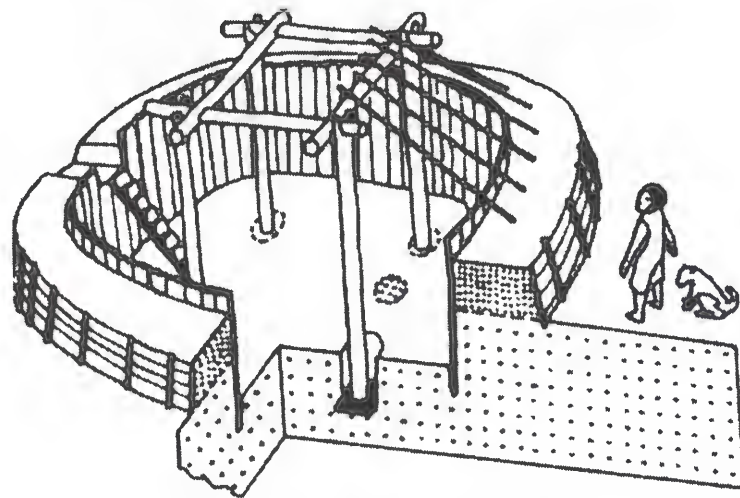

Иллюстрация 10. Жилище периода яёй

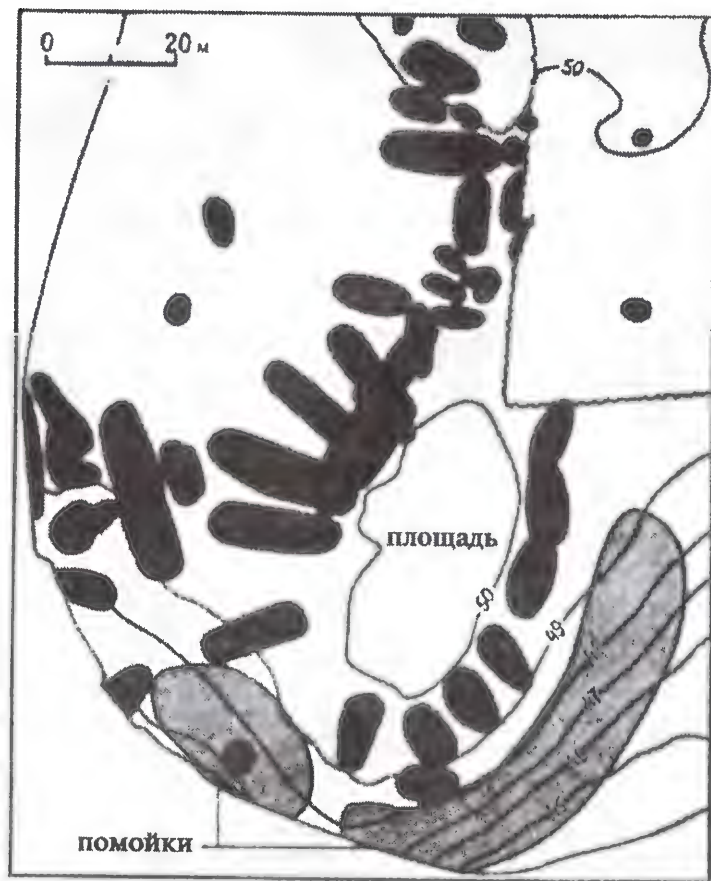

Иллюстрация 10. Поселение периода яёй

Что касается тех причин, по которым рисосеяние не получило распространения на Окинаве и южном Кюсю, то этот вопрос остается в исторической науке открытым. Рискнем предположить, что быстрый переход к производящему типу хозяйствования, наблюдавшийся на основной территории Японии, был возможен только в условиях значительного притока переселенцев. Обретя землю на севере Кюсю, Хонсю и Сикоку, они лишились стимула к дальнейшему продвижению (юг

Кюсю в силу горного рельефа неудобен для рисосеяния). Без иноэтнического и инокультурного вливания Японии, по всей вероятности, еще в течение длительного времени была бы землей рыболовов, охотников и собирателей — пример населения севера и юга архипелага свидетельствует в пользу этого заключения.

Распространение культуры яёй на Хонсю также не было равномерным. И если на юго-западе (за исключением юга Кюсю) и в Центральной Японии рисосеяние укореняется очень быстро, то на северо-востоке этот процесс протекает намного медленнее, хотя, как уже указывалось, рисосеяние в начальный период своего распространения проникло далеко на север. Но это проникновение носило «точечный» характер и не привело к далеко идущим хозяйственным и социальным последствиям ввиду отступления к югу северной границы рисосеяния.

С укоренением рисосеяния центр хозяйственной жизни архипелага сместился к югу, на север Кюсю и в Центральную Японию, где стремительно увеличивается плотность населения, численность которого к концу яёй уже превышает население Северо-Восточной Японии. Население же архипелага в целом к концу яёй составило, видимо, около 600 тысяч человек. Разумеется, это могло произойти только на основе производства значительного прибавочного продукта в производящем секторе экономики (относительная энергетическая ценность различных источников питания, которые можно получить с единицы площади, такова: олень — 1; рыба — 24—414, желуди — 342, рис — 1012). Этот процесс находит зримое отражение в появлении специально построенных деревянных хранилищ свайного типа, которые постепенно вытесняют ямные кладовые дзёмон. В результате именно в Центральной Японии и произошло формирование раннеяпонской государственности. Чрезвычайно показательно, что даже в технике рыболовства наибольшие достижения (применение различных типов сетей, металлических крючков и гарпунов с металлическими наконечниками) были достигнуты за это время в регионе Внутреннего Японского моря и Осацкого залива, т. е. в районах распространения рисосеяния и активных контактов с переселенцами.

**Динамика и плотность населения
Японского архипелага по основным регионам**
(по данным Коидзуми Киётака,
в скобках указана плотность населения на 1 кв. км)

Район	Ранний дзёмон	Средний дзёмон	Поздний дзёмон	Яёй	Кофун (рубеж V–VI вв.)
Тохоку	2000–19200 (0,03–0,29)	46 700 (0,70)	43 800–39 500 (0,65–0,59)	33 400 (0,50)	288 600 (4,31)
Канто	9700–42800 (0,3–1,34)	95 400 (2,98)	51 600–7700 (1,61–0,24)	99 000 (3,09)	993 300 (29,48)
Хокурику	400–4200 (0,02–0,17)	24 600 (0,98)	15 700–5100 (0,63–0,2)	20 700 (0,83)	491 800 (19,67)
Тюбу	3000–25300 (0,1–0,84)	71 900 (2,40)	22 000–6000 (0,73–0,2)	84 200 (2,81)	289 700 (9,66)
Токай	2200–5000 (0,16–0,36)	13 200 (0,94)	7600–6600 (0,54–0,47)	55 300 (3,95)	298 700 (21,34)
Кинки	300–1700 (0,01–0,05)	2800 (0,09)	4400–2100 (0,14–0,07)	108 300 (3,38)	1 217 300 (38,04)
Тюгоку	400–1300 (0,01–0,04)	1200 (0,04)	2400–2000 (0,07–0,06)	58 800 (1,84)	839 400 (26,23)
Сикоку	200–400 (0,01–0,02)	200 (0,01)	2700–500 (0,14–0,03)	30 100 (1,58)	320 600 (16,87)
Кюсю	1900–5600 (0,05–0,13)	5300 (0,13)	10 100–6 300 (0,24–0,15)	105 100 (2,50)	710 400 (16,91)
Всего	20 100–10 5500 (0,07–0,36)	261 300 (0,89)	160 300– 75 800 (0,55–0,26)	594 900 (2,02)	5 399 800 (18,37)

Основывая свои поселения, иммигранты и их потомки вовлекали в свое информационно-хозяйственное поле все более многочисленное местное население. Размер их поселений был значительно большим, чем в период дзёмон (в среднем — в два раза: соответственно 25 и 50 человек). Вместе с тем в это время возникали и «суперпоселения». Так, население Карако (префектура Нара) и Икэгами (столичный округ Осака) оценивается в 1300—1600 и 700 человек соответственно. Жилища обычно располагались вокруг своеобразной «площади». Основным типом жилища по-прежнему является полупземлянка.

Следует, однако, иметь в виду, что процесс укоренения нового типа рисопроизводящей культуры все-таки не был чем-то одномоментным даже в Центральной Японии. Современные исследования показывают, что жители горных районов еще очень длительное время практиковали сухопольное подсечное земледелие (при кислотном характере почв во многих регионах и при отсутствии средств повышения их плодородия — извести и удобрений — сколько-то продуктивное хозяйствование делается возможным только при выжигании растительного покрова, который к тому же обладает более коротким по сравнению с Европой и Россией восстановительным циклом) вкпе с охотой и собирательством. Население прибрежных районов юго-запада Японии продолжало заниматься в достаточной мере специализированным морским промыслом — рыболовство, собирательство водорослей, ракушек, выпаривание соли, в значительной степени обеспечивая потребности населения равнин и гор в этих продуктах.

Хотя существовали, разумеется, и промежуточные, смешанные варианты, каждый из этих хозяйственных укладов (равнинный, прибрежный и горный) носил до некоторой степени специализированный характер, не был полностью самодостаточным, что предопределило развитие натурального товарообмена. Анализ содержания раковинных куч периода яёй свидетельствует о наличии продуктообмена между населением прибрежной и материковой частей Японии: «помойки» материковых регионов содержат достаточное количество остатков морепродуктов. Жители прибрежных районов также употребляли в пищу сельскохозяйственные продукты, выращенные жителями материковой части архипелага.

Кроме указанного обмена продуктами питания, рыболовецкий комплекс испытывал серьезную зависимость от равнинных и горных районов в поставках дерева (которая имеет тенденцию к увеличению по мере сведения лесов в прибрежных районах и на равнинах в сельскохозяйственных целях, для производства металла и обжига керамики). Дерево требовалось также для строительства судов и жилищ, для приготовления пищи и выпаривания соли. К тому же в отличие, скажем, от населения Камчатки, Аляски или Океании японские рыбаки мало использовали

морские ресурсы для создания средств производства (кость морских животных, китовый ус, раковины), полностью завися в этом отношении от суши, в основном — от горных районов (кость оленя для крючков, лианы вьющихся растений, конопля и др. — для лесок и сетей).

Еще одной важнейшей особенностью времени яёй является начало применения железных и бронзовых изделий, употребление которых также напрямую связано с переселенцами. Именно поэтому в Японии периоды бронзы и железа накладываются друг на друга и не разведены во времени. Более того, применение железа даже несколько опережает во времени применение бронзы. В связи с этим существуют исследователи, которые говорят о неприменимости термина «бронзовый век» по отношению к Японии. В их периодизации «железный век» следует непосредственно за «каменным».

Техника производства изделий из бронзы известна в Китае по крайней мере с XVII в. до н. э. Применение железных орудий труда и оружия датируется V в. до н. э.

В применении металлических изделий прослеживается следующая закономерность: железные орудия относятся, как правило, к предметам практической сферы жизнеобеспечения хозяйственной и военной деятельности (мечи, наконечники копий и стрел, топоры, резцы, ножи, деревянные лопаты с металлической окантовкой, серпы, рыболовные крючки и т. д.), бронзовые изделия — к культовым принадлежностям и символам власти: культовые мечи, конья, колокола (*до:та-ку*), зеркала. Это объясняется как лучшими функциональными свойствами железа (большая твердость, лучшие режущие качества), так и континентальной традицией использования изделий из бронзы в качестве культовых и престижных.

Вначале использовались металлические орудия континентального (Корея, Китай) происхождения, потом началось собственное производство. Первые свидетельства местного металлургического производства (литейные формы — обычно каменные, хотя встречаются и глиняные, — были обнаружены более чем в шестидесяти местах раскопок) относятся прежде

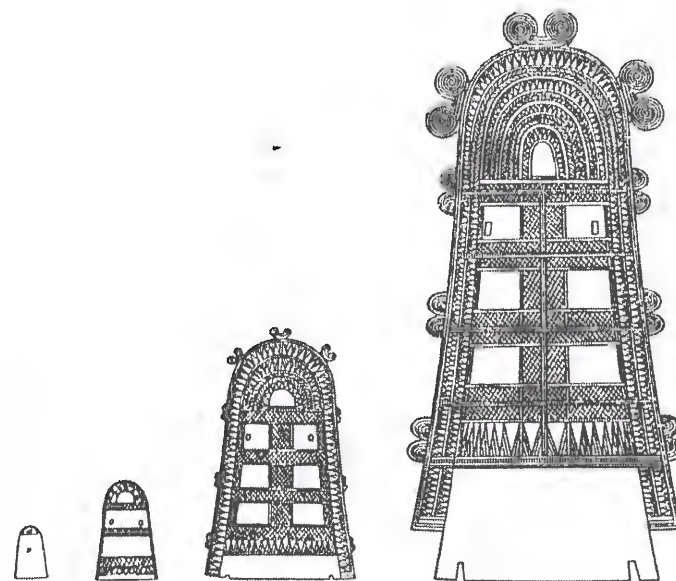

Иллюстрация 12. Колокола *до:таку* (крайний слева — корейский бронзовый колокольчик)

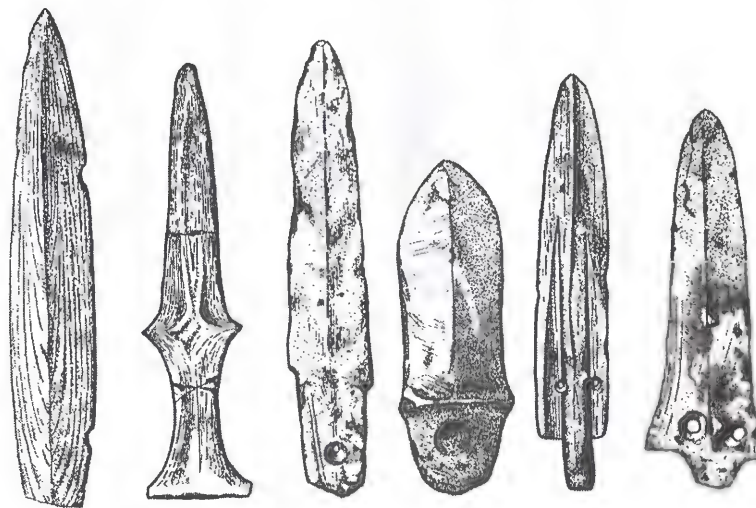

Иллюстрация 13. Каменные мечи и кинжалы

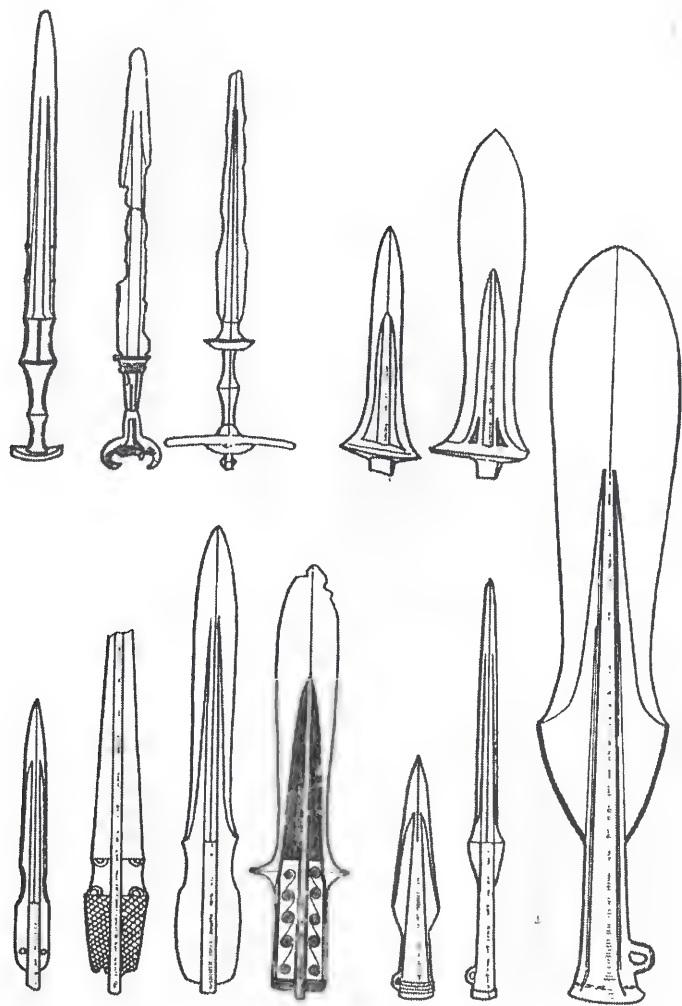
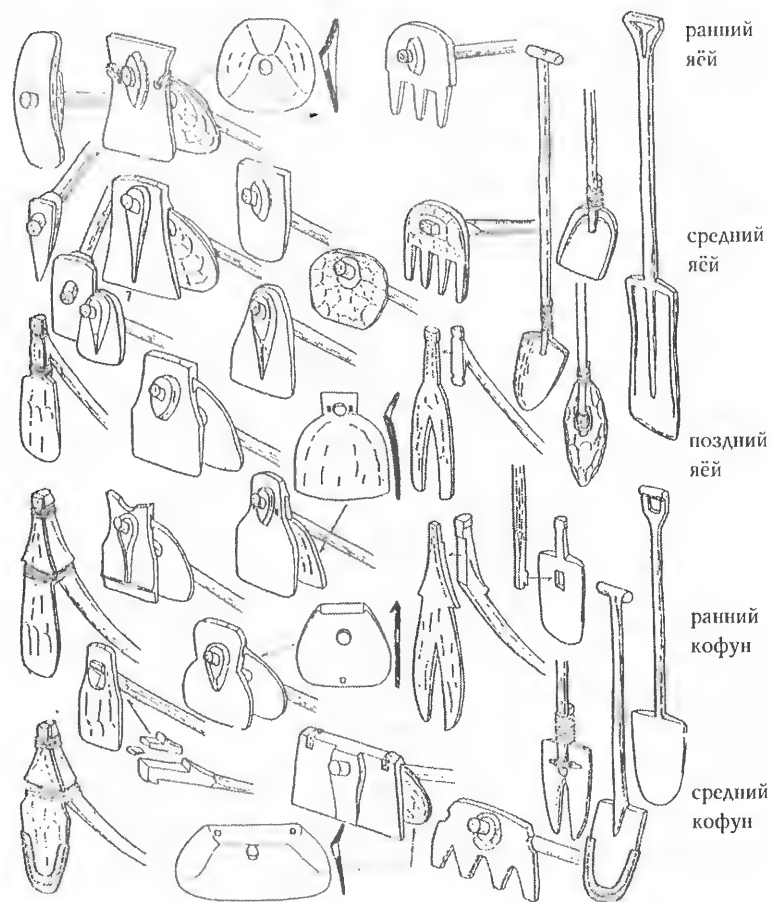

Иллюстрация 14. Бронзовое оружие

всего к северному Кюсю. Сырье в то время ввозилось с материка, и производство металлических изделий в начале яёй не было повсеместным.

Иллюстрация 15. Типы деревянных орудий
(периоды яёй и кофун)

В период яёй уже обнаруживается достаточно много случаев, когда континентальные образцы получают местное осмысление. Так, корейские по своему происхождению бронзовые боевые мечи с узким клинком превращаются в широколезвийные (не предназначались для практического применения); корейские бронзовые колокольчики были увеличены в размере приблизи-

тельно в десять раз и превратились в культовые колокола *до:та-ку* и уже не использовались в качестве музыкального инструмента; японские бронзовые зеркала также были значительно больше своих китайских прототипов. Известны и каменные имитации континентального бронзового (железного) оружия.

Раскопки поселений яёй демонстрируют хорошо развитое производство предметов быта из дерева (иллюстрация 15). Особо ценно богатый материал дали раскопки в Торо. Деревянная утварь обитателей Торо включала в себя самые разнообразные предметы — от долбленых лодок до ткацкого станка. Сельскохозяйственный инвентарь состоял из лопат, граблей и мотыг многих разновидностей, имевших ясно выраженное специализированное назначение. В ходу были деревянные ступки и пестики для помола риса. Обнаружены также ложки, черпаки, чашки, палочки для добывания огня. Считается, что эти деревянные предметы, для производства которых требовались металлические инструменты (большинство деревянных предметов сделаны из дуба), не были изготовлены в самом Торо, т. е. его обитатели уже были вовлечены в общественное разделение труда.

Вопрос о том, насколько деревянные орудия из Торо соотносятся с континентальным инвентарем, остается открытым ввиду малого количества находок на континенте. В самом Торо они сохранились только потому, что над ними в течение двух тысячелетий находились рисовые поля, ввиду чего и возник эффект «мореного дуба».

Кроме деревянных орудий труда, в Торо обнаружены и каменные — мотыги (использовались на суходольных полях), ножи (так же как в Китае и Корее, использовались для срезания колосьев риса).

Использование каменных ножей для сбора урожая связано со следующим обстоятельством. В условиях, когда для посева использовались разноразмерные семена риса, созревание урожая происходило неравномерно. Поэтому его сбор занимая длительное время — «по колоску». А для такой операции в условиях дефицита металла вполне хватало и каменного ножа.

Как видно на материалах раскопок других поселений яёй, разделение труда затрагивало не только производство деревян-

ных орудий, но также и производство металла (здесь профессионализация наиболее заметна) и — в некоторых случаях — каменных орудий труда и керамики, что указывает на окончание периода полного самообеспечения общины, рост сельскохозяйственного конечного продукта, разрушение социальной гомогенности. А это, в свою очередь, приводит к более сложным общественным отношениям и (в перспективе) — к становлению протогосударственных образований.

Важно отметить, что, судя по всему, массовое переселение с Корейского полуострова не вызвало поначалу сколько-нибудь существенных вооруженных конфликтов с местным населением, поскольку переселенцы стремились к освоению прежде всего тех малозаселенных земель в Юго-Западной Японии, которые не представляли большого интереса для малочисленных аборигенов ввиду худших условий для рыболовства и собирательства.

Однако после перехода значительной части населения архипелага в средний и поздний яёй к окончательно оседлому образу жизни (с земледелием как его основой) наблюдается тенденция увеличения социального напряжения. Новый стиль жизни сопровождался ростом населения (в результате меньшей зависимости от случайностей, неизбежно сопутствующих присваивающему хозяйству, улучшения питания, возрастания продолжительности жизни, ограниченной ранее суровыми условиями существования охотников и собирателей), его относительной избыточностью, увеличением давления на окружающую среду, нарастанием межобщинных конфликтов в результате борьбы за контроль над землей и источниками воды, чего не наблюдалось ранее, когда жизнь населения не была столь привязана к определенной территории.

Анализ погребений практически на всей территории распространения культуры яёй показывает стремительное возрастание смертей в результате насильственных действий с применением оружия во вторую половину этого периода. Еще одним свидетельством социальной конфликтности ситуации может считаться появление поселений, окруженных рвами с водой и земляными валами.

Погребения яёй, точно так же как и в предыдущий период, не демонстрируют единообразия. Как правило, все они располагаются неподалеку от поселений. Зафиксированы по-

гребения без гробов, в деревянных, керамических и каменных гробах. На северном Кюсю поверх могилы сооружалась насыпь из камней. Погребальный инвентарь там составляет бронзовое оружие, бронзовые зеркала, украшения, китайские монеты. В Центральной Японии (район современных городов Нара-Киото-Осака) могилу окружали рвом с водой. Этот тип погребения мог быть весьма масштабным. В Ками (г. Осака) имеется коллективное погребение (23 костяка) прямоугольной формы, длина которого составляет 26 м (открыты и индивидуальные захоронения подобного образца). Вместе с погребениями северного Кюсю они образуют прототип курганных погребений периода кофун. В районе Канто: и на северо-востоке Хонсю в средний яёй практиковали повторное захоронение: после того как мягкая ткань разлагалась, кости омывали и помещали в керамический сосуд. Хотя к концу яёй этот способ захоронения и был сменен на могилу, окруженную рвом с водой, сама идея повторного захоронения еще долгое время сохраняла свое значение (погребения знати в период кофун, известные как *могари*, когда между временным и постоянным захоронением могло проходить несколько лет — подробно см. главу «Период кофун»).

Погребальный инвентарь в период яёй показывает заметную тенденцию социальной дифференциации. В Сугу и Микумо (префектура Фукуока) встречаются погребения как с весьма богатым инвентарем, так и с почти полным отсутствием такового. Богатые погребения, однако, пока еще не отделены территориально и располагаются на общем кладбище. Но к концу яёй по всей Западной Японии появляются и личные погребения, расположенные отдельно, вне общего кладбища, что свидетельствует об окончательной утере общиной социальной гомогенности.

В период яёй исчезают или же имеют тенденцию к стремительному сокращению атрибуты тех ритуалов, которые играли заметную роль в религиозной жизни людей дзёмон: *до:гу*, каменные палицы (*сэкибо:*), экстракция и подпиливание зубов. Вместо этого, как утверждает традиционная точка зрения, складываются два четко выраженных ритуальных комплекса, имевших своими центрами северный Кюсю и район Кинки на Хонсю. Для первого из них характерны бронзовые

ритуальные широколезвийные мечи, для второго — бронзовые колокола (*до:таку*).

В настоящее время найдено около 500 *до:таку*. Размеры их варьируются в пределах от 20 до 130 см. При этом с течением времени наблюдается увеличение их размеров и превращение из культового музыкального инструмента (именно такие колокольчики небольшого размера находят и на Корейском полуострове) в предмет ритуала, который теряет свою музыкальную функцию (исчезает било). Многие колокола украшены изображениями животных, сценами охоты.

Упоминание о *до:таку* содержится в «Фусо: рьякки» — истории Японии, составленной в конце XI в. монахом Коэн, в которой упоминается об обнаружении такого колокола в 668 г. Из характера сообщения явствует, что функции *до:таку* были к этому времени уже прочно забыты. В хронике «Нихон сандай дзицуроку» («Истинные записи о трех императорах Японии», охватывает период с 858 по 887 г.) предполагается, что такого рода колокола принадлежали индийскому царю Ашоке (III в. до н. э.), известному покровительством буддизму.

Находки последнего времени демонстрируют, что культурное районирование по признаку мечи/*до:таку* страдает определенным упрощением. Так, на севере Кюсю зафиксированы находки колоколов, а бронзовое ритуальное оружие — в районах Кинки, Тюгоку (префектуры Окаяма, Хиросима, Ямагучи, Симанэ, Тоттори) и на Сикоку. В настоящее время многие историки считают, что в начале яёй наблюдается такая ситуация, когда культурно-типологическая характеристика регионов только по наличию в них бронзовых колоколов или же мечей не представляется возможной. Она начинает «работать» лишь в конце яёй, когда отдельные регионы уже совершили свой ритуальный выбор. Новые данные показывают сложность и вариативность реального процесса становления культуры, еще раз демонстрируя, что всякая культурная закономерность имеет скорее статистический (градуальный), нежели абсолютный характер.

Археологические открытия последних лет заставляют также предположить, что помимо Кинки, северо-восточного Хонсю и северного Кюсю существовал и четвертый крупный центр

культуры яёй — а именно Идзумо (префектура Симанэ), где наблюдается параллельное сосуществование бронзовых мечей, *до:таку* и копий, высокая агрокультура выращивания риса. По всей вероятности, население Идзумо имело чрезвычайно тесные связи с континентом и в значительной степени состояло из переселенцев.

«Бог Яцука-мидзу-омицуно изрек: “Страна облаков Идзумо, где, клубясь, поднимаются восьмьярусные облака, — юная страна, узкая, как полоска полотна. Она была создана маленькой, поэтому хочу присоединить к ней другие земли. Если взглянуть на мыс Мисасаки в корейской стране Силла, то увидишь, что мыс этот — лишний”. И тогда он взял заступ, широкий и плоский, как девичья грудь, вонзил его в землю, как вонзают острогу в жабры большой рыбы, отрубил землю, колыхавшуюся, словно камыш, и бросил на ту землю кренкую веревку, свитую из трех прядей, и начал медленно-медленно, словно лодку, тянуть-подтягивать ее. Он перебирал веревку руками и приговаривал: “Земля, иди сюда, земля, иди сюда!”» («Идзумо-фудоки», VIII в., пер. К. А. Попова).

Условия находок заставляют предположить, что, по всей вероятности, как мечи, так и колокола в обычное время хранились закопанными в земле и были предъявляемы общине только во время некоего обрядового действия. Эта модель ритуального поведения входит впоследствии в тот религиозный комплекс, который стали называть синтоизмом: храмовая святыня синтоистского храма (*синтай*) может быть предъявляема верующим лишь во время исполнения ритуального действия; в обычное же время она покоится за плотно закрытыми дверями синтоистского храма. Существуют также и храмы, в которых *синтай* не может быть показан вообще.

Древняя японская культура знает множество запретов, связанных со взглядом. Этот запрет касался не только *синтай*. Так, нельзя было смотреть на императора, на женщину при первом свидании. Простолюдин, встретивший на дороге знатного человека, был обязан отвернуться. Такой запрет, вероятно, связан с тем, что с помощью взгляда можно было нанести магический вред тому, на кого этот взгляд направлен.

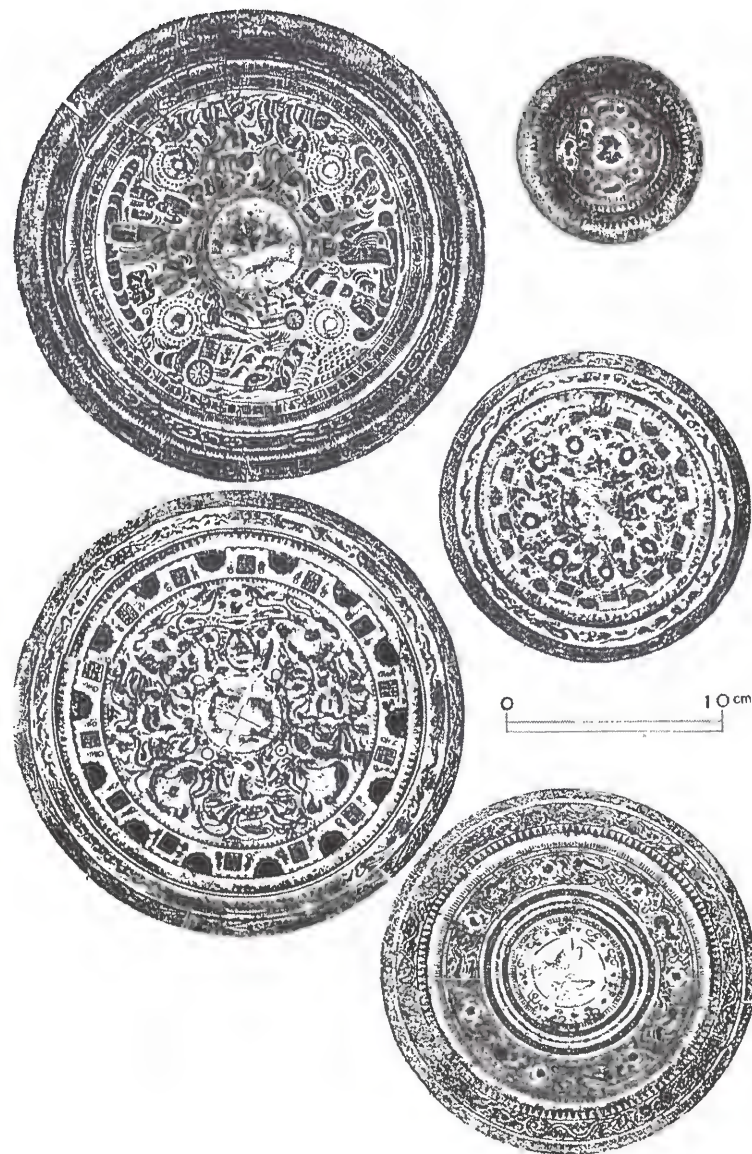

Иллюстрация 16. Бронзовые зеркала (обратная сторона)

Как это бывает столь часто в отношении древней «духовной» культуры, мы не располагаем сколько-нибудь надежными источниками и интеллектуальными средствами для реконструкции ритуалов, в которых употреблялись бронзовые мечи и колокола. Наши знания об однотипных обществах, находящихся на той же ступени развития, позволяют сделать вывод лишь самого общего свойства: эти ритуальные предметы были призваны обеспечить единство общины и защитить ее от влияния «злых сил».

Еще одним предметом ритуального назначения были бронзовые зеркала. На северном Кюсю их находят в погребениях — зеркало, считавшееся заместителем солнца, должно было освещать дорогу в мире мертвых. В районе Кинки они использовались в качестве «действенного» элемента ритуала. При этом зеркала местного производства в отличие от зеркал, ввезенных из Китая, сохранялись в земле. Начиная с позднего яёй, на северном Кюсю зеркала местного производства стали также употребляться не только в качестве погребального инвентаря, но и во время отправления ритуалов, призванных обеспечить благополучие живых. Бронзовое зеркало, используемое в качестве храмовой синтоистской святыни, продолжает сохранять свое значение и по сей день. Достаточно сказать, что оно является одной из регалий «императорского» рода.

* * *

Основными особенностями культуры яёй следует признать следующие. Становление этой культуры происходит при самом непосредственном участии многочисленного потока переселенцев с Корейского полуострова. В связи с этим были «нарушены» некоторые общисторические закономерности: на территории Японии переход к производящему типу хозяйства происходит не на стадии неолита, а на стадии бронзово-железного века. При этом бронза употребляется только при производстве предметов культа (т. е. фактически минует стадия использования бронзы в качестве материала для предметов практического назначения).

Несмотря на то что многие вопросы, относящиеся как к антропологическому составу населения архипелага времени яёй,

так и к особенностям хозяйственной и социальной жизни, не могут считаться на сегодняшний день выясненными окончательно, культурно-хозяйственный комплекс демонстрирует некоторые основополагающие характеристики, которые удерживаются и впоследствии. И в этом смысле культура яёй вполне может быть определена как протояпонская.

Преемственность будущей японской культурно-исторической парадигмы по отношению к периоду яёй прослеживается по меньшей мере по следующим пяти параметрам. 1. Сложение хозяйственного комплекса, основанного на сочетании трех главных укладов: заливное рисосеяние (равнины); морской промысел (прибрежье); охота, собирательство, богарное земледелие, лесной промысел (горные районы). 2. Распад архипелага на три главные хозяйственно-культурные зоны по оси северо-восток — юго-запад: Хоккайдо, Хонсю + север Кюсю + Сикоку, юг Кюсю + Окинава (с опережающим развитием второй). 3. Возникновение четырех главных центров протояпонской культуры: северный Кюсю, центр Хонсю (Кинки), равнина Канто, Идзумо. 4. Формирование некоторых общих принципов религиозной практики (сокрытие сакральных предметов от взгляда), определение части предметов как священных (зеркало, меч). 5. Функция материка (прежде всего Кореи и Китая) как культурного донора.

Глава 5

Курганный период (кофун)

Общая характеристика периода. Период кофун (соответствует железному веку в общесархологической типологии) получил свое название от масштабных погребальных сооружений (курганов), которые в очень значительном количестве строились в Японии III—VII вв. Сооружение курганов свидетельствует о развитии культа предков, столь типичном для этой стадии развития общества. Определенной (хотя и далеко не уникальной) особенностью Японии следует, видимо, признать то, что там культ предков был сконтаминирован с культом гор (более поздние исторические, литературные и этнографические данные также

показывают, что горы считались обиталищем душ предков практически на всем протяжении японской истории). Хотя общая идея строительства погребальных сооружений курганного типа была, возможно, заимствована из Китая (об этом свидетельствуют ориентация ранних курганов по оси север-юг, сооружение насыпи с тремя ступенями-платформами, широкое употребление в погребальной камере в качестве красителя сульфида ртути) или Кореи, на архипелаге были разработаны специфические типы курганов, отражающие особенности местной культуры.

Если говорить о социальном аспекте курганного периода, то совершенно понятно, что строительство таких огромных сооружений сопровождало процесс образования государственных (протогосударственных) структур — оно было невозможно без значительной социальной дифференциации и усиления контроля над населением. Необходимо также иметь в виду, что строительство гигантских курганов должно было обеспечиваться достаточным количеством прибавочного продукта.

Период кофун характеризуется увеличением количества атмосферных осадков и некоторым похолоданием, что сузило (отодвинуло к югу) ареал распространения заливного рисоводства и вынудило человека (общество) адаптироваться к несколько ухудшившимся условиям земледелия за счет более интенсивного и эффективного хозяйствования. Интенсификация проходила по двум основным направлениям. 1. Широкое применение металлических орудий труда, пришедших на смену деревянным. В значительной степени оно было достигнуто за счет импорта железных слитков из Китая и Кореи. 2. Активное строительство ирригационных сооружений (обводнение и осушение), что потребовало кооперации не только на деревенском, но и на региональном уровне (возникновение более сложной общественной организации и структур управления). Если в яёй разрабатываются в основном аллювиальные участки, то в период кофун очередь доходит и до дилuviальных почв. В результате значительно увеличилась площадь обрабатываемой земли, возросло количество населения, которое могло прокормиться с нее, усилилась общая централизация жизни. Зримым свидетельством происходившей концентрации власти и ресурсов может служить открытие хранилищ в Хо:эндзака неподалеку от Осака: в этих складах могло храниться около 4500 тонн риса.

При определении хронологических границ периода мы исходили прежде всего не из чисто археологических, а из социальных параметров. И поэтому нижней границей периода мы считаем IV в., когда начинают строиться огромные «царские» курганы на равнине Нара, а не III в., когда появляются первые сооружения курганного типа (*функю:бо*) на севере Кюсю (обычно они возводились на холме или возвышенности, имели квадратную форму и были окружены рвом, погребение осуществлялось в деревянных гробах с почти полным отсутствием погребального инвентаря).

Хотя строительство курганов наблюдается и на протяжении VII в., в это время резко сокращаются их размеры, и уже не они одни определяют «лицо» эпохи: деятельность государства значительно диверсифицируется. Поэтому верхнюю границу периода мы определяем рубежом VI—VII вв. Для удобства изложения мы принимаем дату 592 г. (правление Суйко), когда дворцы правителей Ямато (самопазвание раннеяпонского государства) начинают возводиться в долине реки Асука, а само это государственное образование все в большей мере начинает приобретать черты, сопоставимые со своими дальневосточными соседями — Китаем и Кореей.

Вследствие начала распространения письменности на архипелаге (подробно см. главу «Письменные источники на ранней истории Японии») для конца курганного периода появляется некоторая возможность для исторических реконструкций не только на основании археологических данных (социальная и экономическая история с большой ценой хронологического деления), но и сведений письменных источников (событийная, социальная, экономическая и институциональная история с меньшей ценой хронологического деления). Получается, что по мере продвижения во времени к концу периода кофун доля археологических данных в общеисторическом источниковедческом корпусе знания имеет тенденцию к уменьшению. Следует, однако, иметь в виду, что эпиграфических данных имеется очень мало, а сведения мифологическо-летописных сводов во многих случаях следует воспринимать с крайней осторожностью.

В отличие от периодов дзё:мон и яёй, выделение и изучение которых началось сравнительно недавно, первые работы, по-

святые курганы, датируются еще концом XVII в., что, понятно, связано с очевидной легкостью их обнаружения. К настоящему времени открыто более 10 тысяч курганов. В них хоронили государей Ямато (которых в силу сложившейся исторической традиции часто именуют «императорами»), местных правителей и родовую знать. На сегодняшний день раскопаны далеко не все курганы. Это объясняется, во-первых, тем, что их количество действительно велико, и, во-вторых, нежеланием «императорского» дома открыть ученым доступ к тем курганам, которые считаются захоронениями правящего рода (на самом деле соотношение определенного кургана с конкретным правителем в подавляющем большинстве случаев имеет гипотетический характер — оно было определено в значительной степени волюнтаристским путем в период Мэйдзи), из-за боязни потревожить души предков (число таких захоронений невелико, но они включают в себя самые большие и древние курганы в районе равнины Нара).

Курганный культурный комплекс образовался вместе с исчезновением в Центральной Японии культуры бронзовых колоколов *до-таку*. Культ оружия (бронзовых ритуальных мечей в частности) внедряется в это время на территорию Центральной Японии (район Кинки). Бронзовые и железные мечи, воинские доспехи, боевые кони являют собой один из наиболее часто встречающихся компонентов похоронного культа, что было связано с широкомасштабными военными конфликтами между отдельными территориальными образованиями, всегда сопровождающимися процессом становления государственности.

Сооружение погребальных курганов открывает собой «эпоху гигантомании», когда нарождающаяся государственность пытается утвердить себя за счет крупномасштабных проектов, которые не могли быть осуществлены ранее в силу социальных причин (этот период увлечения грандиозными проектами, в частности государственным строительством огромных буддийских храмов, постепенно заканчивается вместе с перенесением столицы в Хэйан, 794 г.). Правители самых различных рангов (и прежде всего правящий род), будучи в состоянии контролировать значительные территории с живущим на них населением, «мобилизуют» его на строительство гигантских сооружений. Достаточно сказать, что периметр погребального

сооружения, приписываемого императору Нинтоку, составляет 486 метров.

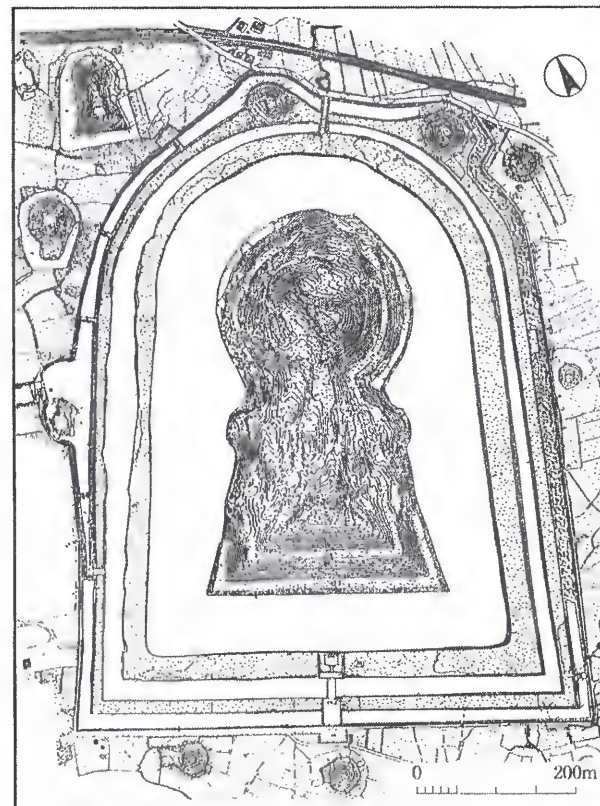

Иллюстрация 17. Курган Нинтоку

Расчеты показывают, что для возведения кургана Нинтоку были проделаны земляные работы общим объемом приблизительно в 1 405 866 куб. м. Если допустить, что переноска земли осуществлялась на расстояние в 250 м и один человек был в состоянии перенести 1 куб. м за один день, то для выполнения этого объема работ потребовалось бы около 1 406 000 человеко-дней. При предположении, что каждый день на постройке кургана трудилась тысяча чело-

век, сооружение кургана заняло бы приблизительно 4 года. Для перевозки такого объема грунта требуется 562 347 ездов пятиугольного грузовика. Кроме того, поверхность курганов могла покрываться сплошной насыпью из мелких камней и гальки, само погребальное сооружение — окружаться рвом с водой (в случае с курганом Нинтоку таких рвов было выкопано три). Археологический эксперимент, проведенный при реконструкции кургана Госикидзука (периметр — 194 м, построен на рубеже IV—V вв., расположен в современном г. Кобэ), показал, что для сооружения такой насыпи понадобилось 2 233 500 камней общим весом в 2784 тонны.

Археологический аспект. Термин «кофун» обозначает не просто «курган», но совершенно определенную систему погребения, которая эволюционировала во времени. Имеются «круглые» и «квадратные» курганы, а также различные их модификации, но наиболее специфическим, «японским» типом кургана считается «квадратно-круглый» (*дзэмно: ко:эн фун*, в англоязычной терминологии носит название *keyhole tumuli*, «курган в виде замочной скважины»). Все наиболее масштабные курганы имеют именно такую форму, что может считаться свидетельством престижности такой конфигурации. Данный тип курганов впервые появляется в районе равнины Нара в начале IV в. н. э., а затем получает распространение и в других регионах Японии, являясь, как считается, индикатором вовлечения новых территорий в политическую и культурную орбиту Ямато. Недаром места наиболее крупных скоплений курганов вне района Кинай (север Кюсю; Кибэ, побережье Внутреннего Японского моря; Овари, центральный Хонсю; Кэнэ, запад современного Токио) выступают в письменных источниках VIII в. в качестве основных пунктов доминирования Ямато (Японии). Самым северным пунктом полноформатного распространения культуры кофун следует считать современный Сэндай. Курганы обнаружены и далее к северу, но число их невелико, размеры — незначительны, погребальный инвентарь — беден. Таким образом, культура кофун занимает фактически еще меньшую территорию, нежели культура яёй. Культура кофун имеет своим центром равнину Нара (33 из 36 крупнейших курганов с периметром более двухсот метров локализуются в районе современной префектуры Нара и города Осака), и к ее ареалу можно отнести терри-

торию, включающую в себя север Кюсю — на юге, и Сэндай — на севере Хонсю.

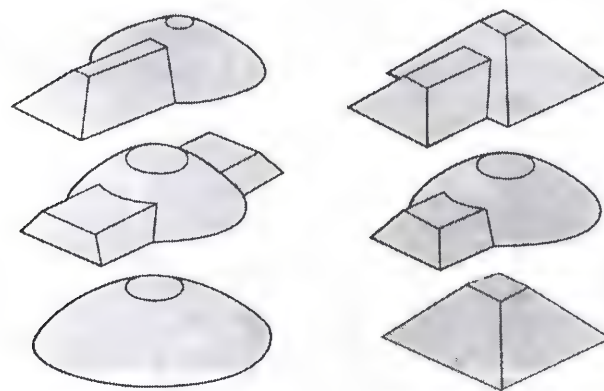

Иллюстрация 18. Типы курганов

Археологическая типология обычно выделяет три основных этапа в эволюции курганов.

Ранний кофун характеризуется строительством курганов на естественных возвышениях в районе Кинай (провинции Ямато, Ямасиро, Кавати, Идзуми, Сэццу), откуда они через побережье Внутреннего Японского моря распространяются вплоть до северного Кюсю. Эти курганы подразделяются на два подтипа: квадратно-круглый и квадратно-квадратный. Первый представляет собой круглую в плане конусовидную насыпь (под которой расположена собственно погребальная камера) с несколькими ступенями-платформами и с квадратным (трапецевидным) уплощенным апендиксом, отходящим от нее. Второй отличается от первого квадратной формой насыпи над погребальным помещением.

Образованная грубо обработанными каменными плитами погребальная камера с глиняным полом сооружалась в углублении, вырытом в той части кургана, которая предназначалась для захоронения. Погребальные камеры этого периода получили название *татэана экисицу* («каменная камера с вертикальным отверстием»), поскольку гроб загружался в нее через отверстие

сверху. В погребальной камере находился гроб, выдолбленный из бревна японского кедра (*ко:ямаки*, *Sciadopitrus verticulata*) длиной от 4 до 8 м (с течением времени деревянные гробы были потеснены каменными, в конце периода использовались и керамические гробы). Существуют также и погребения, когда гроб располагали не в камере, но захоранивали непосредственно на вершине холма.

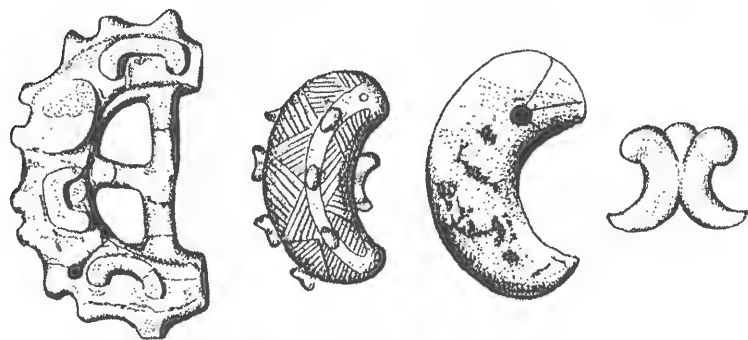

Иллюстрация 19. Магатама

Погребальный инвентарь, положенный в гроб и находящийся в камере, включал в себя короны (считается, что они изготавливались в Корее), бронзовые зеркала (китайского и местного производства), металлическое (в большинстве случаев железное, частично — бронзовое) оружие (кинжалы, мечи, алсбарды, накопечники стрел), доспехи, колчаны, орудия труда — железные ножи, топоры, пилы, серпы, гарпуны, крючки (в конце IV в. появляются яшмовые имитации кинжалов, топоров), бусы, магатама (пластины, выполненные из полудрагоценных камней в форме запятой, имевшие ритуальное назначение), браслеты из яшмы и нефрита.

Курганный период был последним (вплоть до Мэйдзи) в японской истории, когда было принято украшать тело «ювелирными изделиями» (кольца, ожерелья, серьги). Впоследствии социально-возрастной статус обозначался с помощью одежды (покроя и цветовой гаммы), причесок (начиная с периода Токугава в связи с усложнением женских причесок вошли в употребление различные гребни и заколки), широкого применения косметики (грима).

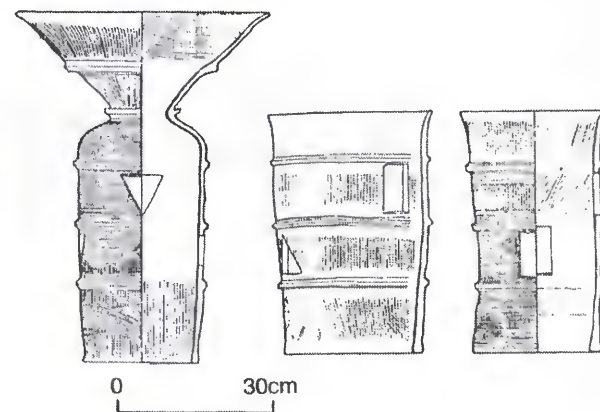
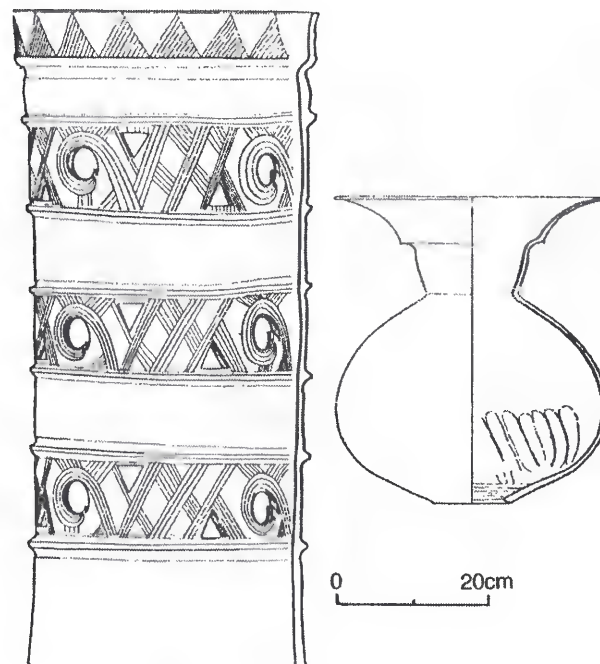

Иллюстрация 20. Ханива, выполненные в форме сосудов и цилиндров

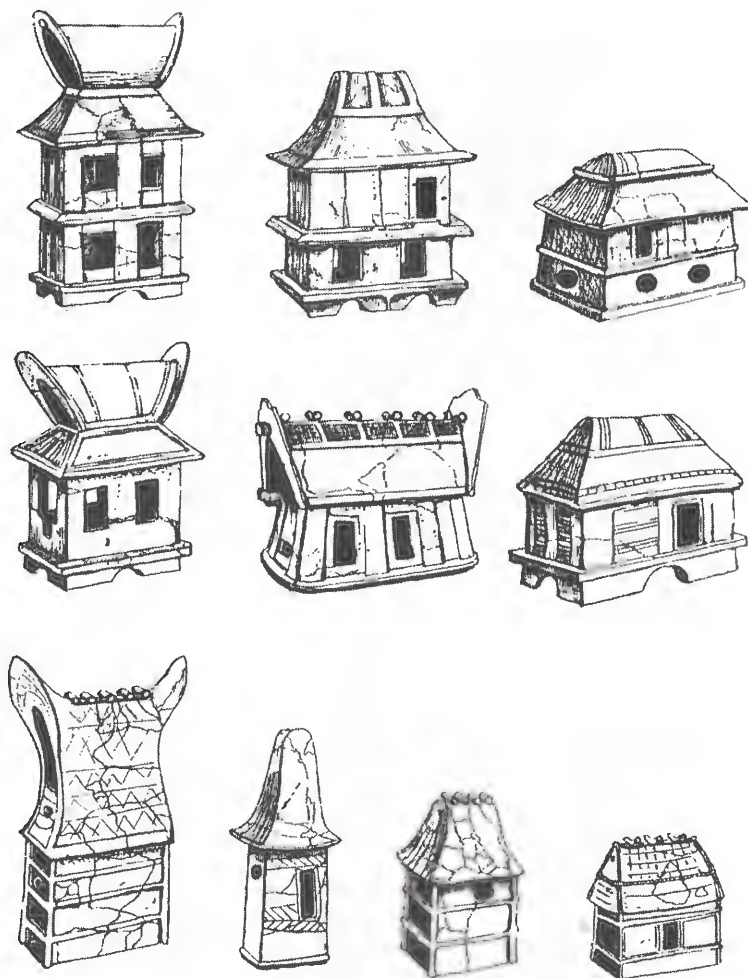

Иллюстрация 21. *Ханива*, выполненные в форме домов

У подножия кургана возводилась изгородь из камней, а на склонах его устанавливались глиняные скульптуры — *ханива* («глиняный круг»), изображающие дома, утварь, музыкальные инструменты, людей, животных. *Ханива* могли быть выполнены также в виде сосудов и полых цилиндров.

Высота наиболее крупных из обнаруженных образцов *ханива* составляет 242 см. При весьма тонких стенках сосудов (15—18 мм) вес такого экземпляра погребальной пластики был равен приблизительно 250 кг.

Ханива выполняли магическую функцию; по всей вероятности, они были призваны охранять могилы предков от пропикновения злых духов. Технология их изготовления, а также типологические черты говорят о непосредственной преемственности *ханива* по отношению к керамике яёй. Сама же идея оформления погребения с помощью глиняных фигур была, как считают некоторые исследователи, подсказана китайскими образцами, наиболее известным из которых является гробница Цинь Ши-хуана.

Одним из репрезентативных образцов (относящихся, правда, к более позднему времени) считается комплекс *ханива*, обнаруженный при раскопках кургана Тяюсюама в префектуре Гумма. В этот комплекс входит восседающий на троне мужчина, сидящая напротив него женщина (видимо, его супруга), 12 мужчин в воинском облачении, 12 «придворных» с подвешенными у пояса широколезвийными церемониальными мечами, 12 танцующих женщин. Кроме того, там же обнаружены фигурки лошадей с конюхами, лебедей, петухов.

Производство *ханива* было массовым. Так, для уже упоминавшегося кургана Ниигоку их было изготовлено около 20 тысяч штук. В более скромных погребениях находят до 200 *ханива*.

«Нихон сёки» приводит следующую легенду, касающуюся происхождения *ханива*. В правление Суйнин, когда умер его дядя, приближенные государя были похоронены живьем возле гробницы. В течение нескольких дней, пока были еще живы, они оглашали окрестности своими воплями. После смерти они стали добычей собак и ворон. Суйнин счел этот древний обычай негуманным. Через пять лет скончалась его супруга, и тогда вместо человеческих жертв были использованы их глиняные заменители — *ханива*.

Эта легенда, по всей вероятности, не имеет ничего общего с действительностью и не обнаруживает никаких археологических подтверждений — в отличие от Китая, ритуал человеческих жерт-

Иллюстрация 22. Типы лиц, представленные на ханива

воприношений в Японии никогда распространен не был. Однако человеку древности (еще в большей степени, чем человеку современному) свойственно желание знать истоки тех или иных важных для его жизни традиций — в данном случае, применению *ханива* в погребальном обряде. Кроме того, составителям свода было важно показать, что обычаи в Ямато эволюционировали в сторону увеличения гуманности. Этим задачам и отвечает данная легенда.

В средний кофун, т. е. начиная приблизительно с V в., курганы строят уже на равнинах. Часто их окружают рвом (иногда двумя или тремя) с водой, значительно увеличивая площадь, занимаемую погребальным сооружением. В наиболее богатых захоронениях присутствуют «дополнительные курганы» (*баймэ*) — «кладовые», предназначенные для помещения туда погребального инвентаря. Так, в захоронении Ари-яма, приписываемом «императору» Оджин, было найдено более трех тысяч металлических мечей и других образцов погребальной утвари. Они демонстрируют увеличение количества предметов, изготовленных на континенте — золотые ушные украшения, керамику типа суэ (имела пепельный цвет, изготовлена на гончарном круге, обжиг проводился в гончарной печи), конскую упряжь, — вытесняющих из погребений каменную утварь местного происхождения и бронзовые зеркала. В районе равнины Нара имеет тенденцию к исчезновению также и погребальная пластика *ханива*. Сначала на Кюсю (что было связано с непосредственным влиянием курганных захоронений Пэкче), а затем и в центральной части архипелага появляется погребальная камера нового типа («каменная камера с боковым входом» — *ёкоана сэкисицу*), обеспечивающая доступ туда через боковой вход. Это позволяло совершать подзахоронения.

В поздний кофун, т. е. в VI—VII вв., курганы уменьшаются в размере, но увеличиваются количественно, поскольку они стали использоваться более широким кругом правящей элиты. Появляются целые курганные «кладбища» — некоторые холмы были буквально покрыты круглыми курганами коридорного типа, имевшими в диаметре около 15 метров. Так, в курганном скоплении в Хираояма-сэндзукэ (неподалеку от Осаки) обнаружено около 600 захоронений. Погребальный инвентарь де-

монстрирует большое разнообразие предметов ежедневного обихода, отражая разницу социального положения и профессиональных занятий (личное оружие — мечи, кузнечные принадлежности). Кроме того, обнаружены украшения и керамические сосуды как континентального (*суэ*), так и местного (*хадзи* — бытовые сосуды, изготовленные без применения гончарного круга) типа с остатками пищи, предназначавшиеся, по всей вероятности, для обеспечения существования покойного в ином мире.

Уменьшение размеров курганов меньше коснулось только немногочисленных «императорских» погребений в районе Кинай. По всей вероятности, это свидетельствует о достижении большей степени подчиненности глав местных территориальных и родовых образований верховному правителю, резиденция которого находилась в этом районе. Однако и эти погребения не достигают размеров прежних «царских» курганов. Это говорит о том, что авторитет правителя достигался теперь не только за счет нескончаемого увеличения размеров его усыпальницы. В конце VI в. практически по всей территории архипелага прекращается строительство квадратно-круглых курганов, бывших в течение трех веков зримым символом власти, а на их смену в Кинай приходят в основном квадратные курганы (встречаются и круглые), которые, однако, по своей величине никогда не приближаются к размерам квадратно-круглых.

В то же самое время в середине VII в. начинается строительство нового типа царских погребений восьмиугольной формы. Сираиси Тайитиро:, ведущий специалист по курганному периоду, полагает, что именно к этому типу захоронений относятся погребения Дзёмэй, Тэпги, Тэмму-Дзито: (совместное захоронение) и Момму. Следует особо отметить, что восьмиугольная форма была монополизирована правителями страны. Таким образом, впервые в истории форма кургана начинает маркировать исключительное положение правящего рода (в квадратно-круглых курганах хоронили как самих правителей, так и высшую знать; эти курганы, кроме своих размеров, не имеют, по всей вероятности, других принципиальных отличительных особенностей). Этот факт указывает на безусловное увеличение дистанции между правителем и его подданными, какое бы высокое положение при дворе они ни занимали.

Появление восьмиугольных захоронений знаменует собой серьезные изменения в картине мира. Известно, что цифра 8 имеет особое значение в китайской религиозно-философской традиции. Укажем на то, что именно восемь триграмм (*гуа*) «Книги перемен» являются одной из основ китайской антропокосмологии. Считалось, что эти восемь триграмм выражают все многообразие явлений феноменального мира. В связи с тем влиянием, которое испытывало в это время Ямато со стороны религиозного даосизма и конфуцианства, цифра 8 становится стандартным обозначением множественности в синтоистских текстах. Кроме того, известно, что наверх трона правителя в VIII столетии было восьмиугольным, что напрямую связано с постоянным эпитетом

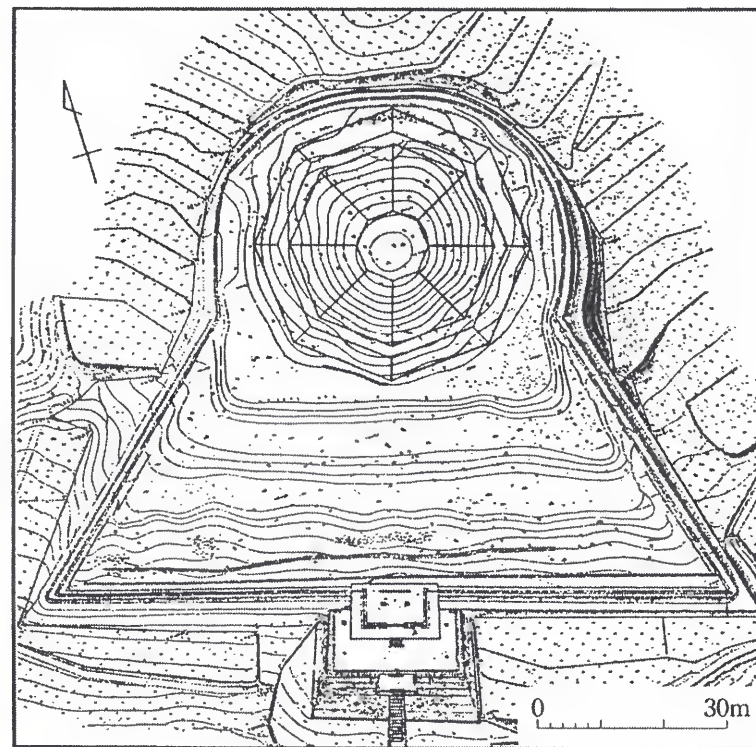

Иллюстрация 23. Восьмиугольный курган «императора» Дзёмэй

правителя *ясумисиси* — «ведающий восемью углами (страны)», что, вероятно, имеет отношение также к акту первотворения, когда божества Идзанаги и Идзанами порождают восемь островов архипелага, в связи с чем одно из древних названий Японии — Ооясима (Восемь больших островов). Совершенно не случайно также, что последующие реформы титулов-*кабанэ* и чиновничьих рангов имеют своим модулем ту же самую восьмерку. То же самое можно сказать и о «министерствах» (*сё*) в Ямато-Японии, число которых, в отличие от Китая, составляло именно восемь (в Китае министерств насчитывалось шесть). Таким образом, цифра 8 становилась атрибутом верховной государственной власти. Наиболее ранним свидетельством этого являются восьмиугольные курганы VII в.

В поздний кофун в конструкции и оформлении курганов обнаруживаются достаточно большие региональные различия. Так, на северном Кюсю *ханива* вытесняются фигурами из местного туфа, а стены камеры украшаются росписью. Курганы Восточной Японии наследуют с задержкой во времени традиции Центральной Японии V столетия. Там продолжается производство *ханива*, почти прекратившееся в Центральной Японии. Именно в этом регионе выразительность и разнообразие *ханива* достигают своего наибольшего расцвета, а количество курганов среднего размера (около 100 м по периметру) превосходит их количество в Кинай.

Известно около трехсот курганов с росписями в погребальной камере (стены, гробы). Приблизительно 2/3 из них сосредоточены на Кюсю, что может считаться одним из проявлений культурно-территориальной дифференциации. Среди росписей присутствуют различные орнаменты, фигуры людей, животных, оружие (колчаны, стрелы, луки, мечи, щиты, копья). Многие изображения — красного «священного» цвета (цвет солнца и крови, т. е. жизни), они выполнены с помощью сульфида ртути. Самым известным погребением с росписью считается курган Такамацудзука (префектура Нара), датируемый концом VII в. Его диаметр составляет 18 м, высота — 5 м. На потолке погребальной камеры нарисовано звездное небо. На стенах — мифические животные (боги-охранители четырех сторон света). На восточной

стене — солнце и синий дракон, окруженные четырьмя мужскими фигурами с одной стороны и четырьмя женскими — с другой. Западную стену украшают луна и белый тигр, также окруженные восемью фигурами мужчин и женщин. На северной стене изображено мифическое животное сюаньву (яп. *гэмпу*, гибрид змеи с черепахой). Несохранившаяся роспись южной стороны, видимо, должна была представлять собой птицу-феникса (*судзаку* — «красный сокол») — четвертого представителя животного-мифологического мира, соотносимого в китайской традиции со сторонами света. Погребальный инвентарь кургана был почти полностью разграблен. Стенные росписи Такамацудзука имеют прямые параллели с росписями корейских курганов.

Особое место в истории курганного периода занимает Идзумо. Восприняв саму идею курганных захоронений, район восточного Идзумо, продолжал, тем не менее, сохранять свою культурную идентичность вплоть до второй половины VI в. Наиболее распространенным там типом кургана был квадратный. Однако начиная с этого времени традиция строительства квадратных курганов прекращается — Идзумо входит в состав Ямато (хотя и с сохранением особого статуса).

Подчинение Идзумо в символической форме отражено в повествовании «Кодзики», где воинственный принц Ямато-такэру («богатырь из Ямато») побеждает богатыря Идзумо. «Когда вошел Ямато-такэру в пределы земли Идзумо, то замыслил убить Идзумо-такэру и завязал с ним дружбу. Тайком изготовил поддельный меч из красного дуба, привязал к поясу, и они вместе пошли купаться в водах реки Хи. Ямато-такэру вышел из реки раньше, взял меч, который отвязал Идзумо-такэру, и себе его привязал, сказав: «Обменяемся-ка мечами». Потом из реки вышел Идзумо-такэру и привязал к поясу поддельный меч Ямато-такэру. Тут Ямато-такэру стал его раззадоривать, говоря: «Давай-ка биться на мечах». Взялись они за свои мечи, чтобы их вынуть, но Идзумо-такэру не смог вытащить свой поддельный меч. Тогда Ямато-такэру выхватил свой меч и зарубил Идзумо-такэру» (пер. Л. М. Ермаковой).

Похоронный обряд. Процедура похорон в кургане включала в себя по крайней мере два ясно выраженных этапа.

1) *Могари* (временное захоронение). После смерти правителя или же другого лица высокого статуса сооружалось специальное помещение (*могари-но мия* — «временный погребальный дворец»), в которое помещались останки усопшего. Срок нахождения там тела мог продолжаться весьма долго — до нескольких лет, причем он возрастал в зависимости от социального статуса покойника. В это время строилось постоянное место упокоения — курган, а в *могари-но мия* проводились различные ритуалы, призванные умиротворить душу покойного, подготовить ее к переселению в иной мир, обеспечить переход магических потенций усопшего к его преемнику.

В условиях, когда порядок престолонаследования был фактически не определен, время проведения ритуалов в *могари-но мия* использовалось для составления различных политических комбинаций. Общая тенденция заключается в том, что «нормальным» является такое развитие событий, когда постоянное захоронение должно предшествовать восхождению на трон нового правителя. Нарушение же этого правила свидетельствует о серьезных проблемах, возникших при определении престолонаследника. При проведении похорон (ритуалов, им сопутствующих) главным лицом, ответственным за их проведение, должен был быть престолонаследник (что, по всей вероятности, было самым непосредственным образом связано с функцией правителя как верховного жреца).

Чем более упорной была борьба за престол, тем более длительным был разрыв между временным и постоянным захоронениями (средним минимальным сроком нахождения останков покойного правителя в *могари-но мия* было 18 месяцев). Особенно показательными в этом смысле являются события, связанные со смертью Бидацу (разрыв составляет 5 лет и 8 месяцев). Открытое противостояние между предводителями родов Сога и Мононобэ проявляется именно в тот момент, когда оплакивают Бидацу, находящегося во временной усыпальнице. «Нихон сёки» сообщает: «Сога-но Умако обнажил меч и произнес прощальное слово. Мононобэ-но Мория рассмеялся и сказал: “Он словно воробей, проткнутый стрелой”. Затем Мононобэ-но Мория с трясущимися руками и ногами произнес прощальное слово. Сога-но Умако засмеялся и сказал: “Нужно на него колокольчик повесить”. С этого времени стала расти

вражда между двумя министрами». Кроме того, после смерти Бидацу объявился «незаконный» претендент на престол в лице принца Анахобэ. Местом его «преступной» деятельности также становится *могари-но мия*. Хроника приписывает ему попытку силой проникнуть во временную усыпальницу и овладеть вдовой государя. Таким образом, временная усыпальница была тесно связана с событиями политической истории.

Особенным размахом отличались, естественно, ритуалы, приуроченные к смерти правителя. Сама ритуальная процедура в *могари-но мия* проводилась в несколько этапов. Ритуал состоял из четырех основных компонентов: возгласение плачей, совершение приношений пищей (приготавлилась на отдельном очаге), возгласение превозносящих достоинства покойного «эпитафий», исполнение ритуальных песен и танцев. Наиболее общий социально-политический смысл этих обрядов, в отправлении которых участвовали представители основных социальных групп, состоял в проявлении верности и лояльности по отношению как к прежнему правителю, так и к вновь избранному.

Поэтическая антология «Манъё:сю» (вторая половина VIII в.) донесла до нас немало образцов плачей. По этим поздним плачам можно составить определенное представление и о характере более ранних образцов. Вот, например, принадлежащий прославленному придворному поэту Какиномото Хитомаро (вторая половина VII в.) плач по принцу Хинамиси (букв. «Ставший в ряд с солнцем», старший сын Тэмму и Дзито:; умер в 689 г.), сочиненный в то время, когда тело принца находилось во временной усыпальнице. «В начале Неба и Земли в долине реки небесной восемь сот, тысяча целая богов собрались, собрались-расселись, божественно решая, решили: небоосвещающая богиня-солнце пусть правит Небом; страной тростниковых зарослей и тучных колосьев до тех пор, пока не соединятся Небо и Земля, пусть правит дитя божеств [принц Хинамиси]. Раздвинув-растолкав восемь слоев небесных облаков, сын солнца, сияющего высоко, спустился божественно во дворец Киёмихара в Асука, в расстеленную [перед правителем] страну, которой божественно-грузно правила государыня [Дзито:]. Но раскрылись двери пещеры небесной, и поднялся [Хинамиси] к божествам, поднялся-успокоился. Если бы наш господин, кров-

ный принц, повелевал Поднебесной, весенние цветы зацвели, полная луна засверкала, люди четырех сторон уповали на тебя, как на большой корабль, просили-ждали дождя с небес. Отчего же ты, почему пребываешь на холме Маюми во дворце-усыпальнице, высоко поднявшемся? Каждое утро ожидаем приказа, но напрасно — уже столько дней-ночей прошло... А потому люди твоего дворца не знают, куда им идти».

В этом плаче в сублимированной форме излагается содержание некоторых основных синтоистских мифов, связанных с основанием правящей династии (подробнее см. главу «Картина мира»).

2) Постоянное захоронение в кургане. Прежде всего следует отметить, что обычай повторного захоронения не является принадлежностью только японской культуры и был широко распространен в Юго-Восточной Азии (например, удаяков Борнео), хотя постоянное захоронение совершалось там в могиле, без возведения кургана.

Конкретных сведений о характере этой процедуры в Ямато почти не имеется. Какое-то представление хотя бы о ее масштабах могут дать записи VIII в. (716 г.) в хронике «Сёкунихонги», которые говорят о процессии (численностью более чем в тысячу человек), направляющейся ночью к месту постоянного захоронения принца крови Сики. В самом общем виде процедура переноса останков в курган означала переселение в иной мир. Поскольку смерть государя или же члена государственной семьи осмыслялась как «поднятие к божествам» или «божественное поднятие» (*камуагару*), то архитектоника кругло-квадратного курганного сооружения получает космологическое объяснение. Поскольку вслед за китайской космологической традицией японцы мыслили землю квадратной, а небо — круглым, то сам акт захоронения в круглой части кургана должен был символизировать переселение на небо. Знаменитый исследователь японской древности Хори Итиро подсчитал, что подавляющее большинство упоминаний о пути покойного в иной мир связано, согласно «Манъё:сю», с верхом (сокрытые в горах, облаках, подъем на небо). Что касается мифологической части сводов «Кодзики» и «Нихон сёки», несущих в себе очень древние пласты религиозных представ-

лений, то там покойный зачастую отправляется за море, скрывается на острове. Такое изменение в картине мира (вытеснение горизонтальной разметки вертикальной) объясняется постепенным вытеснением представлений автохтонных обитателей архипелага (потомков аустронезийцев с их «морской» горизонтальной разметкой мира) представлениями потомков переселенцев с Корейского полуострова (вертикальная разметка мира). В первую очередь это касается письменной культуры, фиксирующей прежде всего реалии господствующей культуры (культуры политической элиты).

По всей вероятности, погребальная камера моделировала страну мертвых (*ёмоцукуни*), фигурирующую в заключительной части мифа об Идзанаги и Идзанами — творцах островов Японского архипелага. На эту мысль наталкивают, в частности, находки в курганах косточек персика. Дело в том, что когда Идзанами скрылась в стране мертвых, то Идзанаги нарушил ритуальный запрет смотреть на нее, и тогда его стали преследовать змеи-громовники. Он смог спастись, бросив в них плоды персика. Поскольку персик известен в даосизме как чудесный плод, который, в частности, способен оборонить от злых духов, то резонно заключить, что и синтоистский миф, и устройство курганов испытали на себе его сильное влияние.

Вместе с усилением китайского влияния и иерархическим упорядочиванием государственной жизни усиливается регламентация и единообразие похоронного обряда, в результате чего начиная с VI в. умершему правителю, в соответствии с китайской практикой, присваивается посмертное имя. Сначала это было многосоставное «имя японского типа», начиная с периода Нара — китайского (состоит из двух иероглифов). Кроме этого, вводятся керамические гробы китайского образца, проведение *могари* запрещается (за исключением самого правителя и принцев крови, что может считаться подтверждением возрастающего влияния правящего рода, поднимающего свой престиж за счет монополизации определенной процедуры погребального обряда). Регламентируются также размеры погребений и количество дней, необходимых для их постройки (эти ограничения не касаются гробниц самих правителей): так, гробница принца должна была быть построена за 7 дней (при количестве работников в 1000 человек).

В исторической перспективе в японском погребальном обряде преобладающим становится все-таки буддийский ритуал трупосожжения. Следует, однако, иметь в виду, что буддизм накладывается на уже сформировавшиеся представления о пути покойного. Поэтому и вертикальный дым погребального костра однозначно истолковывается как путь души наверх — на небо, в горы, к местобитанию божеств и предков.

Социальный аспект. Династийная хроника «Вэй-чжи» обычно считается самым надежным из всех китайских источников относительно древних обитателей Японского архипелага. Она была составлена около 297 г. и охватывает период с 220 до 265 г. Несмотря на краткость (около 2000 иероглифов) и идеологическую ангажированность, ее сообщение о людях Ва (японцах), помещенное в главе о «восточных варварах», практически всегда используется для реконструкции социальной и политической ситуации на архипелаге. Однако, как нам представляется, в условиях полного отсутствия других письменных свидетельств это скорее напоминает акт историографического отчаяния, чем исследовательской стратегии. Данные «Вэй-чжи» не могут быть перепроверены по другим источникам, а некорректность тех ее сообщений, которая ясна из соображений общего характера, заставляет сомневаться и в достоверности остальных. Мы не утверждаем, что вся информация «Вэй-чжи» относительно протояпонцев является фикцией, но считаем, что в настоящее время мы лишены сколько-нибудь надежных доказательств ее достоверности.

Так, в частности, непрекращающиеся попытки отследить описываемый «Вэй-чжи» маршрут на Японские острова не приносят никакого положительного результата (хроника определяет расстояние от Корейского полуострова до страны Ва в 3000 ли, что соответствует более чем 1300 км; фактическое расстояние составляет менее 200 км). Сомнительно также утверждение хроники об обычае людей Ва татуироваться, поскольку ко времени, когда мы обладаем более достоверными сведениями, нет никаких намеков на существование такого обычая (поскольку татуировка считалась в Китае атрибутом «варварских» народов, то «Вэй-чжи» с легкостью приписывает Ва этот обычай). Этой же цели отвечает утверждение об обычае есть руками и ходить босиком. Более чем стран-

ным выглядит сообщение о существовании «рынков», которые контролируются государством (государственный контроль над рынками был свойством китайской жизни; люди Ва еще не достигли к этому времени такой степени организации общества). Аналогичным образом следует трактовать сообщение о человеческих жертвах, приносимых во время ритуала погребения правителя (в Китае такой обычай действительно существовал, в Японии — никогда). Таким же фантастическим является утверждение о том, что многие люди Ва живут более ста лет.

Исходя из традиций китайского официального летописания, мы считаем, что основной причиной, по которой отчет о людях Ва вообще появился в «Вэй-чжи», является указание на принесение царицей Химико дани Вэйской династии (238 г.) и получение там инвестиции. В связи с этим задачей летописца было показать, что люди Ва сильно уступают в части культурности китайцам, но в то же время не настолько дики, чтобы не принимать на себя благодати китайского императора.

Однако поскольку все-таки существует длительная традиция привлечения хроники «Вэй-чжи» к историческим реконструкциям относительно обитателей Японского архипелага, мы приводим основные ее положения.

Согласно «Вэй-чжи», обитатели архипелага живут на отличающихся теплым климатом гористых островах, где они занимаются возделыванием риса, конопли и тутового дерева, а также используют железные орудия, хотя и в небольшом количестве. В земле Ва насчитывается более тридцати «стран», в которых наблюдается явление, которое мы назвали бы социальной стратификацией: люди высокие имеют по четыре-пять жен, люди более низкого положения — две-три; одни люди считаются подданными других. В этих «странах» собираются налоги, а также устроены «рынки», где производится обмен товарами под надзором властей. Особо выделяется одна из этих стран — Яматай, которая главенствует над остальными и даже имеет там своих наместников, дабы держать эти страны «в страхе и ужасе».

Данные о «политической истории» Ва, сообщаемые «Вэй-чжи», гласят, что после периода длительных войн между государствами, которые управлялись мужчинами, престол Яматай заняла девственница по имени Химико (Пимико), которая

обладала магическими способностями и не показывалась людям на глаза. У нее был младший брат, который выступал в качестве медиума, помогая ей тем самым в делах управления. После смерти, последовавшей в 248 г., она была похоронена в огромном кургане.

Местоположение Яматай и соотношение Химико с историческими фигурами, упоминаемыми в японских нарративных источниках более позднего времени, является предметом постоянной научной и околону научной дискуссии. И если единственным приемлемым кандидатом для Химико является Дзингу: (поскольку японские письменные источники сообщают только об одной женщине-правительнице, хотя, согласно данным сводов, она и не прошла церемонии интронизации), то с локализацией Яматай дело обстоит сложнее. В разное время историки склонялись то к северному Кюсю, то к равнине Нара, пытаясь найти при этом какие-то археологические подтверждения. В настоящее время более авторитетной считается вторая точка зрения. Однако следует иметь в виду, что вся дискуссия относительно Яматай строится на основании одного упоминания в «Вэй-чжи». Поэтому поиски Яматай несколько напоминают попытки локализации Атлантиды, о которой также содержится одно-единственное упоминание у Платона.

Не связывая проблему формирования раннеяпонской государственности ни с Яматай, ни с Химико, мы также придерживаемся мнения о равнине Нара как о центре формирования протояпонской государственности, поскольку к III в., как свидетельствуют археологические данные, север Кюсю в определенной мере утрачивает свое технологическо-культурное преимущество в качестве региона-донора, и распространение кругло-квадратных курганов идет именно из района Киная на Кюсю (т. е. оттуда, где культура рисосеяния получила в результате наибольшее развитие), а не наоборот. Раскопки, проводимые в районе Осака-Нара-Киото, демонстрируют наличие там развитого и высокоспециализированного типа хозяйствования: поселений земледельцев, гончаров, рыбаков, солесваров, кузнецов. Наличие в крупных скоплениях кофун отличных по своему погребальному инвентарю курганов разных форм и размеров свидетельствует о далеко зашедшем процессе социальной и имущественной дифференциации. Тем не менее север Кюсю

продолжал играть значительную роль в культурной, хозяйственной и политической жизни Ямато благодаря частым контактам с материковой цивилизацией, высокому культурно-технологическому уровню населения, наличию месторождений железосодержащего песка.

На всем протяжении японской истории (вплоть до Мэйдзи) Кюсю продолжал занимать особое положение в составе японского государства. Это наложило серьезный отпечаток и на самосознание жителей острова. Даже в настоящее время, когда гомогенность японского населения достигла чрезвычайно высокой степени, на Кюсю существует движение (не пользующееся, правда, никакой популярностью), которое выступает за автономию острова.

Поселения периода кофун демонстрируют возросшую социальную стратификацию. В период яёй все люди из одной общины жили на одной территории, окруженной рвом с водой. В курганный период выделяются «управляющие», которые основывают обнесенные изгородью усадьбы, стоящие отдельно от основного поселения — точно так же, как и курганы, вынесенные за пределы кладбища для «простолудинов». Жилища последних явно подразделяются на несколько типов по размеру и конструкции (наземные, полуземлянки), которым, по всей вероятности, соответствуют и разные типы захоронений (могилы различной площади и с разным похоронным инвентарем).

Площадь поселений периода кофун значительно возрастает по сравнению с предыдущим периодом. Так, площадь одного из наиболее крупных поселений времени яёй Карако-Каги составляет 22 тысячи кв. м. Площадь же поселения курганной эпохи Макимуку, расположенного на территории той же самой префектуры Нара, равняется одному квадратному километру. Макимуку, по всей вероятности, представлял собой центр схождения многих торговых путей, о чем свидетельствует большое количество керамики, завезенной из других регионов (около 15%).

Несмотря на существующие региональные отличия в типах курганов и содержащейся в них погребальной утвари, длительность существования самой этой традиции (в Восточной Японии

строительство курганов начинается и заканчивается позже, чем в Западной), принципиальное единообразие курганов на столь значительной территории достойно удивления. Оно свидетельствует о быстрой распространения культурно значимой информации на всей территории государства Ямато. Механизмы передачи этой информации, причины их высокой эффективности не могут считаться выясненными на данный момент. Ключ к ответу на этот вопрос следует, видимо, искать в нескольких направлениях: особенностях властных отношений; высокой плотности населения; условиях расселения, способствующих быстрому прохождению сигнала; готовности населения к усвоению новой информации. Пока же мы лишь указываем на проблему и отмечаем, что и впоследствии в определенных областях японская культура продемонстрировала свои высокие потенции в части информационной проводимости.

* * *

За период кофун Япония претерпела очень значительные изменения социального и культурного порядка. Период кофун демонстрирует значительную социальную и имущественную дифференциацию, выделение непроизводительного слоя «управляющих», высокую степень отчуждения труда (трудова́я повинность). В результате разрозненные общины временн́яй были объединены под властью правителей Ямато, обосновавшихся в районе Кинай. Это стало возможным ввиду опережающего технологического развития этого региона: увеличивавшейся продуктивности хозяйства благодаря усовершенствованию ремесленнических и агротехнических навыков, более широкому применению металлического оружия и орудий труда (металлические серпы, лопаты и мотыги с железной окантовкой), активным контактам с континентом (прежде всего с государствами Корейского полуострова).

РАЗДЕЛ II

РАННЕИСТОРИЧЕСКАЯ ЯПОНИЯ

Глава 6

Письменные источники по ранней истории Японии

Поскольку дальнейшее изложение основывается уже не только (и не столько) на археологическом материале, мы должны рассмотреть проблему распространения письменности в Японии, а также определить специфику (т. е. границы допустимого использования) тех письменных источников, с которыми нам приходится иметь дело при реконструкции историко-культурного процесса. Следует при этом оговориться, что взгляды на данную проблематику значительно изменились в последнее время, что связано как с появлением новых данных (особенно это касается надписей на деревянных табличках *моккан*), так и с переосмыслением прежних.

Эпиграфика. Наиболее ранние данные эпиграфики, свидетельствующие о знакомстве обитателей архипелага с китайской письменностью, относятся еще к периоду яёй. Это не слишком многочисленные надписи на бронзовых зеркалах, произведенных в самом Китае и на Корейском полуострове. Несколько позже, с середины яёй, подобные зеркала стали изготавливаться и на территории Японского архипелага. Подавляющее большинство таких зеркал находят в захоронениях. Надписи на зеркалах представляют собой, как правило, род заклинательных текстов даосского содержания. Поскольку зеркало является моделью солнца, то многие из них украшают надписи, прославляющие солнце. Например: «Если солнце будет светить, то в Поднебесной будет очень светло». При этом считается, что все надписи на изготовленных на территории Японии зеркалах имеют прямые китайские прототипы, а формы многих знаков настолько искажены, что возникают совершенно справедливые сомнения в умении их изготовителей читать эти надписи.

Не подлежит сомнению, что среди переселенцев с материка были люди, владевшие письменностью. Однако стадийное состояние японского общества было таково, что оно не обладало потребностями (управленческими, религиозными, технологическими) в сколько-нибудь широком применении письменности. Происхождение эпиграфики на бронзовых зеркалах может быть истолковано двояким образом (при этом данные интерпретации не исключают друг друга). Во-первых, надписи на зеркалах могли быть сделаны переселенцами, которые какое-то время сохраняли свою культурную идентичность, а затем в значительной степени утратили ее, растворившись в местной культуре и социуме. Во-вторых, японские мастера могли копировать китайские зеркала, употребляя иероглифику в качестве элемента орнаментального украшения, не понимая смысла написанного. В любом случае этот тип письменных источников полностью зависит от своих китайских прототипов (вплоть до датировок по китайским девизам правления) и отражает реалии тогдашнего японского (протояпонского) общества в минимальной степени.

В условиях удаленности от Китая, когда информация откуда поступала sporadически, наблюдается определенное отставание знаний обитателей архипелага от развития событий на континенте. Так, в 1986 г. неподалеку от современного Киото было обнаружено зеркало, которое датируется четвертым годом девиза правления Цзин-чу (240 г.), в то время как в реальности этот девиз правления был изменен годом раньше.

Именно потому, что реальной потребности в употреблении письменности еще не существовало, эпиграфика не получает сколько-нибудь серьезного развития вплоть до второй четверти VII в. Немногочисленные исключения представляют собой надписи на мечях и буддийских статуях, которые, однако, по сравнению с зеркалами представляют собой намного более важный источник для исторических реконструкций.

Железные мечи с надписями находят в курганных захоронениях. Эти мечи датируются, как правило, V в. С бронзовыми зеркалами из погребений их объединяет то, что надписи на мечях тоже не были предназначены для того, чтобы быть чи-

таемыми людьми. Таким образом, целью всех имеющихся надписей этого времени была коммуникация с некими потусторонними силами, а это показывает, что письменность еще не стала медиатором, опосредующим отношения между людьми. Источниковедческая ценность этого типа эпиграфики заключается в том, что она отражает реалии собственно японского общества (титлатура правителя, имена собственные, социальная номенклатура). Лингвистические особенности надписей на мечях указывают на начало процесса адаптации китайского языка для нужд японского (при этом угадывается роль корейского языка как посредника между китайским и японским). Не прямая имитация, а некоторое переосмысление исходных реалий говорит об окончании этапа слепого ученичества. Следует, однако, помнить, что находки мечей с надписями исчисляются единицами.

После обнаружения знаменитого меча из Инарияма (1978 г., подробно см. о нем в главе «Формирование государства Ямато») с надписью из 115 иероглифов, на предмет наличия на них надписей было проверено около 300 мечей, находящихся на хранении в Археологическом институте города Касихара. Несмотря на применение съемки в инфракрасном излучении, результаты оказались обескураживающими: не было обнаружено ни одной надписи. Получается, что наличие надписи на мече следует рассматривать не как правило, а как исключение.

Опыт эволюции протояпонского общества показывает, что оно было в состоянии достигнуть достаточно высокого уровня самоорганизации (значительная социальная дифференциация, строительство курганов и ирригационных сооружений и т. д.) и без сколько-нибудь широкого применения письменности. Потребность в ней резко увеличивается только тогда, когда с середины VII в. японская правящая элита берет курс на построение государственности по китайскому образцу. Несмотря на то что они подвергались основательной ревизии (как сознательной, так и бессознательной), заимствования носили системный характер. Поскольку же управление в Китае осуществлялось с помощью детально разработанных правил по оформлению государственной документации, государство Ямато также восприняло

письменность как одно из основных условий существования «цивилизованного» и сильного государства.

В отличие от предыдущего периода основной особенностью такого типа коммуникации является то, что адресантом и адресатом здесь выступает человек (различные государственные ведомства). Это не может не вызвать серьезных изменений как в самой сути письменных сообщений, так и в их форме. Вместо «вечного» материала (железо, бронза) входят в употребление сравнительно недолговечные дерево и бумага. Несмотря на свою непрочность, эти материалы представляют собой совершенно другие возможности в смысле легкости нанесения письменных знаков (операция кодирования) и тиражирования информации (копирование документов). Сохранность информации во времени определяется отныне не прочностью исходного материала, а особенностями его социального функционирования (частота переписывания, условия хранения готовых текстов). Несмотря на параллельное бытование эпиграфики (металлические таблички в захоронениях и надписи на погребальных урнах кремируемого, погребальные стелы, надписи на буддийских статуях) и письменных памятников на дереве и бумаге, с течением времени именно бумага становится основным носителем письменной информации. Однако на первом этапе функционирования государства, управление которым осуществляется с помощью письменности, значительная роль принадлежала дереву как носителю письменных знаков.

Моккан. Практически полное отсутствие эпиграфики, относящейся к периоду до VIII в., всегда вызывало сильное удивление специалистов, подпитывая постоянно возникавшие вопросы относительно происхождения, степени аутентичности и реального функционирования первых нарративных памятников, ибо казалось, что степень распространения письменной культуры вплоть до VIII в. близится к нулю и ограничивается чрезвычайно узким кругом лиц. До сравнительно недавнего времени наши знания о ранней истории Японии ограничивались материалами чисто материальной культуры, а также сведениями, почерпнутыми из нарративных памятников — «Кодзики» и «Нихон сёки». Теперь, однако, мы располагаем и значительным объемом эпиграфического материала. Мы имеем в виду надписи на деревянных табличках — *моккан*.

Такая табличка представляет собой дощечку (ее размер колеблется в пределах 10—25 см в длину, 2—3 см в ширину и нескольких миллиметров в толщину). Размеры дощечки определяют и длину сообщения (сообщений, переходящих с одной таблички на другую, не зафиксировано).

Данный тип эпиграфики был известен в Китае и Корее. В Китае эти таблички получили распространение еще до новой эры. В отличие от Японии, было принято напизывать их на шнур (т. е. они могли вмещать информацию теоретически неограниченного объема), а изготавливались они не из дерева, а из бамбука, имея стандартный размер в 30 или 45 см. Однако в связи с распространением бумаги и удешевлением ее производства в первых веках новой эры употребление бамбука в качестве носителя письменной информации постепенно сходит в Китае на нет, хотя в Корее использование таких табличек продолжается еще некоторое время. Именно из Кореи они и пришли в Японию.

Раскопки, проводившиеся с 1961 г. в Нара, позволили сделать заключение о весьма широком распространении этого типа эпиграфики: к настоящему времени в 250 разных местах обнаружено более 200 тысяч табличек. Самые ранние таблички датируются второй четвертью VII в. Наибольшее количество находок концентрируется в столицах — Фудзивара (служила резиденцией правителей Ямато в 694—710 гг.; около 5 тысяч находок) и Нара (710—784). При строительстве магазина в Нара в 1988 г. были обнаружены остатки усадьбы принца Нагай (684—729, влиятельный царедворец в правление Сёму, внук Тэмму; подробно о нем см. главу «Политическая история»). При ее раскопках было открыто наиболее масштабное скопление табличек — около 50 тысяч, которые датируются 711—716 гг. Встречаются *моккан* и на периферии государства. Так, в Иба, префектура Сидзуока, было обнаружено 100 *моккан*; в префектуре Акита — 204; находки в Симоцукэ, префектура Тотиги, также имеют массовый характер. Всего же вне района Кинай *моккан* были найдены в 19 местах (поскольку каждый сезон приносит новые находки, эти цифры к моменту публикации данной книги, несомненно, возрастут).

Подавляющее большинство *моккан* так или иначе связаны с функционированием государственного аппарата (в центре или на местах: переписка между самими центральными ведомствами, между центром и местными органами власти — управлениями провинций, уездов, почтовыми дворами).

Изготовители *моккан* использовали по крайней мере четыре свойства дерева: его относительную легкость, прочность, возможность повторного использования (прежняя запись соскабливалась и наносилась новая) и доступность.

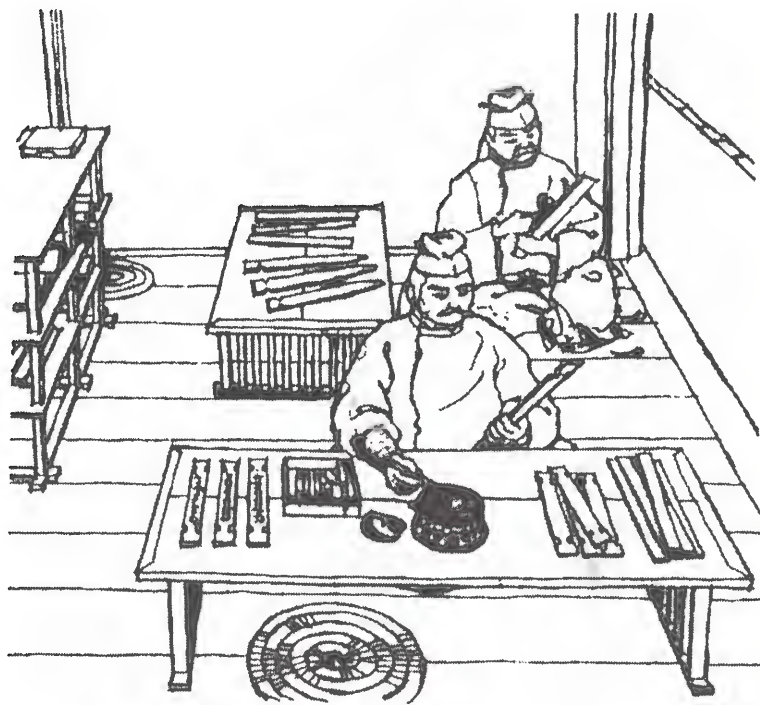

Иллюстрация 24. Чиновники за работой

Поскольку *моккан* использовались чиновниками очень широко, их нередко называли «служителями ножа и кисти», имея

в виду основные «письменные» принадлежности, которыми они пользовались чаще всего.

К настоящему времени известны несколько типов надписей на *моккан*. В наиболее общем виде их можно подразделить на три типа: товарные бирки, сообщения, учебные тексты.

Товарные бирки — это наиболее лапидарная разновидность *моккан*, но одновременно и самая массовая. На товарных бирках указывался вид продукции, ее количество, отправитель и получатель. Эти бирки прикреплялись к грузу, который отправлялся в вышестоящие инстанции в качестве налога. Кроме того, такие бирки придавались уже прибывшим налоговым поступлениям в столице при их сортировке и направлении на склады.

«Сообщения» с содержательной точки зрения можно подразделить на несколько типов.

1) Распоряжения вышестоящего ведомства нижестоящему ведомству или чиновнику (основной массив — вызов государственным органом чиновника к месту службы, т. е. «повестки»). Например, вызов писцов в такое-то место и в такое-то время с приказом начать копирование сутры. После того как *моккан* доходили до адресата и поименованные в распоряжении лица прибывали к месту службы, эти *моккан* выбрасывались.

2) Донесения от нижестоящего ведомства (чиновника) вышестоящему (главным образом о прибытии чиновника или крестьянина к месту службы или несения трудовой повинности, а также о доставке груза).

3) Запросы одного ведомства по отношению к другому о доставке какого-либо товара (груза, продукта).

4) Послания, сопровождающие отправку груза в ответ на запрос.

5) Послания, удостоверяющие получение груза.

6) Разрешения на вывоз груза через ворота столичного дворца или же другого пункта проверки (заставы).

7) Удостоверения о прохождении груза через ворота дворца или же другого пункта проверки (заставы).

8) Объявления, выставляемые на дорогах (о розыске вора, пропаже ребенка или домашнего скота).

Таким образом, подавляющее большинство этого вида *моккан* («сообщений») связано с перемещением грузов или людей.

Кроме того, имеются тексты на *моккан*, использовавшиеся в процессе обучения (выдержки из произведений китайской философской мысли, изящной словесности, выписки из японских законодательных сводов, «домашние задания» по иероглифике и т. д.). К настоящему времени идентифицированы *моккан*, содержащие отрывки из «Цяньцзывэнь» («Текст в тысячу иероглифов», который использовался в процессе школьного обучения во всех странах, где получила распространение китайская письменность), «Луныюй», «Лаоцзы», «Вэнь-сюань» (литературно-поэтическая антология, составленная в VI в.), сборник сочинений VII в., представленных китайскими чиновниками во время проведения конкурсных экзаменов на занятие должности, и некоторые другие тексты, традиционно использовавшиеся в Китае в качестве учебных пособий. Особый интерес представляют находки с фрагментами японских законодательных сводов VIII в., что свидетельствует об их реальном участии в информационном обороте. Кроме того, обнаружены *моккан*, на которых низкоранговые чиновники повторно переписывали уже готовые документы делопроизводства. Это показывает, что обучение чиновников осуществлялось не только с помощью произведений китайской классики и японских законодательных сводов, но и с помощью документов текущего делопроизводства. «Учебные» *моккан* найдены не только в столицах, но и на периферии государства, что свидетельствует о достаточно широко проникновении письменности в среду не только столичного, но и провинциального чиновничества. Только при этом условии мог успешно функционировать государственный аппарат Японии VII—VIII столетий, производивший впечатляющий объем письменной информации (об объеме письменной информации см. главу «Государство и информационные процессы»).

Моккан представляют собой особую историческую ценность, поскольку они не были предназначены для длительного публичного функционирования (наиболее типичные места их находок — древние помойки, водосточные каналы) и потому не являлись продуктом целенаправленного редактирования, подчиненного определенным идеологическим задачам, с неизбежно возникающими в таком случае искажениями (вся документация, считавшаяся государством важной и предназначавшаяся

для длительного хранения, переписывалась на бумагу). Места находок *моккан* локализируются главным образом возле императорского дворца, усадеб аристократов, наиболее крупных буддийских храмов, рынков, государственных учреждений в провинции.

Открытие *моккан* позволило разрешить некоторые частные проблемы, представлявшие в течение длительного времени предмет для дискуссий. Так, теперь окончательно признаны необоснованными данные «Нихон сёки» о существовании уездов до 670 г. — эта административная единица была образована только в начале VIII в. вместе с введением в силу законодательного свода «Тайхо: ринцурё» (701 г.), — *моккан* не употребляют этого термина до обнародования свода. Поскольку датировки на *моккан* не используют девизов правления вплоть до начала VIII в., зафиксированные в «Нихон сёки» девизы VII в. считаются теперь большинством исследователей фиктивными. Данные *моккан* позволили также сделать заключение о существовании в VII в. таких должностей в государственном аппарате, о которых нам было неизвестно ранее. Кроме того, *моккан* позволили намного лучше представить себе реально функционировавшую налоговую систему, проследить пути прохождения товарных потоков.

Пик использования *моккан* приходится на VIII в. Вместе с ослаблением централизованного государства и удешевлением бумаги их использование в государственных учреждениях практически прекращается.

Мифологическо-летописные своды «Кодзики» и «Нихон сёки». В функционировании письменности применительно к государственным нуждам можно выделить два аспекта: синхронный и диахронный. К синхронному относится информация на *моккан*, регистрирующая реалии экономической и социальной жизни государства, а также активная законотворческая деятельность («автопортрет государства»), к диахронному — мифологическо-летописные своды («автобиография государства»).

Во втором случае «государство» понимается главным образом как совокупность взаимоотношений между несколькими наиболее влиятельными родами, чье прошлое и является объектом рассмотрения мифологическо-летописных сводов. В выборе именно этого объекта описания состоят принципиальные ограничения, изначально присущие официальным хроникам,

представляющим собой определенный идеологический конструкт.

Стремление приобщиться к настоящей «цивилизации» (которая однозначно ассоциировалась с Китаем) диктовало потребность в соответствующем письменно закреплённом оформлении государственности, реализованном в последовательном составлении законодательных сводов и исторических летописей.

Как и в любой другой культуре, обращение к истории служило для двора (впоследствии — для страны и этноса) средством самоидентификации. Каждое событие прошлого в силу его принципиальной уникальности и неповторимости «работает» именно в этом направлении. Поэтому время составления мифологическо-исторических сводов совершенно не случайно совпадает с фактическим переименованием страны. Если до VIII в. японцы называли свою страну «Ямато» (видимо, назвавшие племена, на основе которого и сформировалась ранняя государственность, или же топоним в Центральной Японии), то в 702 г. мы впервые встречаемся с термином «Япония» — «Нихон» («Ниппон»), что буквально означает «Присолнечная [страна]» (о переименовании страны подробно см. главу «Формирование общегосударственной идеологии»).

Первым из полностью дошедших до нас сочинений «исторического» свойства является «Кодзики». По тексту этого памятника хорошо видно, что официальная история понималась прежде всего как история государства, персонифицировавшегося в истории правящего, а также других могущественных родов.

Установление права контроля над прошлым даётся государству с большим напряжением. Это связано с тем, что к моменту составления мифологическо-летописных сводов уже существовала достаточно развитая (по преимуществу устная) «историческая» традиция.

Разумеется, это не была «история» в государственном толковании: под «историей» в этом случае понималось «бывшее», имеющее отношение к происхождению того или иного конкретного рода. И чем более древним оно являлось, тем более прочными позициями должны были обладать его представители в современной социальной структуре. Именно поэтому информационная пирамида «Кодзики» имеет своим основанием про-

шное — описание событий «ближней истории» ограничивается генеалогическим древом правящего дома.

Таким образом, идеологический контроль над прошлым приравнивался к контролю над настоящим, а время осознавалось как континуум, имеющий неодинаковую ценность в различных своих отрезках. Следствием такой ценностной ориентации стало стремление государства монополизировать контроль над прошлым, т. е. миром предков. Поэтому «историческая дисциплина» в Японии всегда была через культ предков накрепко связана с синтоизмом.

Эпоху Нара, когда создавались мифологическо-исторические своды, с точки зрения общей направленности мысли вполне можно определить как время господства исторического сознания. Свод «Кодзики» был первым, но далеко не последним сочинением такого рода. Практически все имеющиеся в нашем распоряжении нарративные прозаические тексты этой эпохи можно квалифицировать как исторические, т. е. такие, где хронологическая последовательность является основным структурообразующим принципом построения текста. Всякий объект описания рассматривался во временном аспекте, а те явления, которые в историческом свете отразить было невозможно, не становились, как правило, объектом изображения.

В период составления «Кодзики» устная передача историко-генеалогической информации сосуществовала с письменной. Первый нарративный памятник ещё в полной мере несёт на себе печать дописменной культуры — сама письменность в нём выступает не только как инструмент порождения нового текста, но и как средство фиксации текстов, уже сложившихся в устной традиции.

В предисловии к «Кодзики» сообщается, что после кровопролитной междоусобицы трон занял Тэмму, а состав правящих кругов претерпел существенные изменения, в связи с чем возникла необходимость пересмотра уже сложившихся представлений о вкладе тех или иных родов в «историю». Составитель «Кодзики», чиновник 4-го ранга Ооно Ясумаро (?—723), приводит слова государя: «До нашего слуха доншло, что императорские летописи и исконные сказания, кои находятся во владении различных родов, расходятся с правдой и истиной, и к ним примешалось множество лжи и искажений... Посему нам

удовно, чтобы были составлены и записаны императорские летописи, распознаны и проверены старинные сказания, устранены заблуждения и установлена истина, чтобы она была передана грядущему потомству».

С этой целью сказитель Хиэда-но Арэ выучил наизусть бытовавшие мифы и предания, записанные затем с его голоса Оноо Ясумаро на китайском литературном языке — *вэньяне*.

Итак, побудительным мотивом к составлению «Кодзики», т. е. созданию определенной модели прошлого, послужило желание изгнать ложь и утвердить истину. Каким же образом можно было отличить истинное от ложного, т. е. решить проблему исторической достоверности? В самом тексте «Кодзики» содержатся указания на то, что вопрос о верифицируемости прошлого уже вставал. Так, «император» Ингё:, желая узнать, кто из подданных ложно возводил свое происхождение к богам, а кто — нет, повелел испытуемым опускать руки в кипящую воду. Предполагалось, что истинным потомкам богов эта процедура вреда принести не может.

«Иногда в кипящую воду кладут камушки, и спорящие стороны должны вытаскивать их [голыми руками]. [Считается], что рука виновного будет обварена. Иногда в кувшин запускают змею, и обвиняемому велят выгнать ее. Если он виновен, змея укусит его» (Китайская хроника «Суй-шу» о людях Ва).

Подобное испытание в VIII в. было уже невозможно, равно как была еще невозможна и чисто «литературная» полемика, обращающаяся к рационалистическим доводам. Способом верификации прошлого стала церемония освящения текста, что означало в данном случае соблюдение традиционной процедуры устного порождения текста, т. е. следование определенным ритуальным нормам. В нашем случае это означает, что в обществax с устной традицией передачи сакральной информации сам текст может адекватно функционировать и получает статус священного, лишь будучи транслируем через привычный канал передачи сакральной информации, т. е. сказителя.

Сам Хиэда-но Арэ принадлежал к «цеху» сказителей (*ката-рибэ*), которые осуществляли устную передачу сакральной информации.

Повествование «Кодзики» представляет собой рассказ о последовательном появлении на свет божеств (их потомки в мире людей также вносятся в текст памятника), их деяний (анализ содержательной стороны японского мифа см. в главе «Картина мира»). Затем, во втором и третьем свитках, следует описание правлений «императоров» (квазиистория и история), включающее в себя их генеалогию и деяния как их самих, так и основных царедворцев, получающих право на включение в текст лишь в связи с вовлеченностью их в силовое поле истории правящего дома.

Текст «Кодзики» имеет ясно выраженную идеологическую направленность: он призван обосновать легитимность правящей династии («императоры» как прямые потомки богини солнца Аматэрасу), а также справедливость того положения, которое занимали в то время главы других влиятельных родов (в зависимости от того, какую роль играли их божественные предки в обустройстве земли Японии в мифологические времена). Иными словами, задача состояла в том, чтобы создать такую модель прошлого, которая была бы изоморфна социальной структуре настоящего.

Хотя давление развитой китайской исторической традиции заставило составителей «Кодзики» прибегнуть к датировке некоторых событий по общему для Дальнего Востока 60-летнему циклу, обилие генеалогической информации в этом памятнике свидетельствует о том, что японцев того времени более всего заботил счет по поколениям, а не по годам.

Именно «поколение» является в японской традиционной культуре основным квантом времени, причем поколение представляется не столько разъединяющим, сколько объединяющим элементом. В отличие, скажем, от греческой мифологии, где между различными поколениями божеств возникают постоянные конфликты (проблема «отцов и детей» в современном западном обществе), в японской мифологии понятие «поколение» символизирует прежде всего преемственность.

Култ предков в результате наполнился историческим содержанием, позволяя передаваться во времени максимуму возможной информации: время воспринималось прежде всего как процесс преемственности. Оттого и идея революционных преобразований,

неизбежно связанных с волевым разрывом связи времен, т. е. поколений, никогда не пользовалась в Японии сколько-нибудь широкой популярностью, отчего японские реформаторы всегда облекали свои новаторские идеи в одежды традиционности, возврата к прошлому. «Обновление Мэйдзи» служит тому наилучшим подтверждением — перевод страны на рельсы современного («западного») экономико-технологического развития принял форму возврата к прошлому, реставрации власти «императора», отодвинутого на второй план при военных правителях — сёгунах.

Хронология первых правителей носит в «Кодзики» полупрозрачный характер. Только с середины V в. немногочисленные датировки «Кодзики» начинают более корректно соотноситься с данными корейских и китайских источников и с «Нихон сёки».

Несмотря на большую и заслуженную известность «Кодзики» как в современной Японии, так и на Западе в качестве «первого» нарративного памятника, следует иметь в виду, что в древней и средневековой Японии он практически не был известен. Его открытие связано с активной филологической деятельностью ученых школы «национального учения» (*кокугаку*) XVII—XVIII вв., явившихся первыми комментаторами «Кодзики». До этого времени памятник был выведен из сферы реального интеллектуального и религиозного опыта. Самый ранний список свода датируется 1373 г., до этого времени его название не упоминается и в других источниках. Таким образом, приходится признать, что, хотя текст «Кодзики» отражает многие реалии картины мира древних японцев, непосредственное влияние его на последующую традицию оказалось в лучшем случае ограниченным. Поэтому вопрос о практическом функционировании памятника является чрезвычайно сложным.

Ответ на вопрос о причинах такой культурной «забывчивости» следует, видимо, искать в двух направлениях.

Во-первых, свод мог служить в качестве родовой эзотерической хроники правящего дома. Во-вторых (и нам такое предположение кажется наиболее перспективным), он мог представлять собой забракованный культурой вариант истории Японии.

Это связано как с чересчур архаической формой порождения текста (все последующие хроники являются продуктом целиком письменного творчества), так и с самим его содержанием.

Текст «Кодзики», по всей вероятности, слабо учитывал реальное соотношение сил внутри правящих кругов и не отражал возросшего влияния тех родов, которые проникли в структуру родоплеменной аристократии сравнительно недавно. Самым ярким примером может послужить род Фудзивара, отпочковавшийся от синтоистского жреческого рода Накатоми. К началу VIII в. он приобрел значительное влияние при дворе, однако «Кодзики» не упоминает о нем. Не содержится там и никаких сведений относительно буддизма, который в момент составления «Кодзики» стал выполнять роль составной части общегосударственной идеологии. Ориентация на культуру Китая, явленная в VIII в. с предельной степенью ясности, также не нашла адекватного отражения.

Таким образом, ценностные установки составителей «Кодзики» были продиктованы той частью правящей элиты, которая в наибольшей степени была заинтересована в максимальной консервации протогосударственных идеологических и социальных структур Ямато.

Однако реальное развитие событий (прежде всего оформление государственности по китайскому образцу) диктовало потребность в создании совсем другого текста исторического содержания. Этой задаче и должен был отвечать второй мифологическо-летописный свод — «Нихон сёки» («Анналы Японии»), составление которого было закончено в 720 г.

Судя по правильности использования в памятнике литературного китайского языка (*вэньянь*), он с самого начала создавался как текст письменный. В отличие от «Кодзики» текст «Нихон сёки» предназначался для реального чтения — зафиксированы факты его публичного, т. е. ритуально-церемониального, чтения при дворе.

Несмотря на определенное сходство целей обоих текстов (обоснование легитимности правящего рода путем возведения его происхождения к богине солнца Аматэрасу и описания деяний непрерываемой череды правителей), между ними существуют и отличия, которые объясняют, почему два однонаправленных памятника были созданы с таким небольшим

хронологическим разрывом. Наиболее существенные различия сводятся к следующим пунктам.

1. Если повествование «Кодзики» воспроизводит только раннюю политическую структуру, для которой характерно превалирование древних родов (Оотомо, Мононобэ и др.), то «Нихон сёки» отражает возвышение рода Фудзивара и придает одновременно большее значение служилой знати (в частности выходцам с материка).

2. По сравнению с «Кодзики» (3 свитка) содержание «Нихон сёки» (30 свитков) намного богаче: приводится несколько вариантов одних и тех же мифов, преданий и сообщений, деяния правителей охарактеризованы значительно подробнее, повествование доводится до 697 г. (в «Кодзики» оно обрывается правлением Суйко — 628 г.).

3. Если представить себе количественную сторону информации, сообщаемой хрониками, в виде пирамиды, то в «Кодзики» она будет иметь основанием далекое прошлое (описание последних по времени правлений представляет собой лишь генеалогическое древо правящего дома), а в «Нихон сёки» — близкое прошлое: хронология событий последнего времени имеет явственную тенденцию к детализации и охвату более широкого круга явлений.

4. Будучи ориентирован на сугубо синтоистские ценности, текст «Кодзики» совершенно не отражает не только процесс распространения буддизма — один из основных объектов описания «Нихон сёки», но и весь процесс реформ (так называемые «реформы Тайка», начатые в середине VII в.), призванных поставить Ямато в один ряд с другими «цивилизованными» государствами Дальнего Востока (прежде всего — с Китаем).

5. «Кодзики» не является памятником государственной мысли как таковой — субъект порождения текста квалифицируется там как «Двор», в то время как в «Нихон сёки» термин «Япония» (Ямато) употребляется регулярно, что было связано с ориентацией на систему терминологии и установок китайской государственно-политической мысли.

Получается, что текст «Кодзики» слабо учитывал реалии современного общества, расстановку сил внутри правящей элиты, что, видимо, и послужило основанием для составления «Нихон сёки». Необходимо также помнить, что сама идея писаной

истории пришла в Японию с материка. Поэтому и соответствие местного исторического творчества континентальным (прежде всего китайским) образцам должно было служить важным параметром, по которому оценивалось «качество» летописания. И, конечно же, с этой точки зрения «Нихон сёки» находится к ним намного ближе, чем «Кодзики».

В связи с отмеченными особенностями летописно-мифологический свод «Кодзики» не находился в реальном информационном обороте, и представленная в нем версия прошлого была отвергнута культурой. Что до «Нихон сёки», то его «историческая» часть («эпоха императоров») заложила основы официального летописания, а мифологическая — явилась основным «работаемым» вариантом письменно зафиксированного канона синтоизма.

Несмотря на то что составители «Нихон сёки» находились под непосредственным влиянием китайской исторической традиции, текст «Нихон сёки» демонстрирует и чисто японскую специфику. Так, в Японии не принимается идея «мандата Неба» — основная концепция китайской государственно-политической мысли. Целью китайских династийных хроник, составлявшихся после смены династии, было обоснование исторической целесообразности такой смены, когда прежняя династия теряет «мандат Неба», а новая — получает его. «Нихон сёки» же была составлена как обоснование прямой линии наследования правящего рода Аматаэрасу. Таким образом, обосновывалась принципиальная невозможность смены династии, которой приписывается атрибут вечного существования. Поэтому-то «Нихон сёки» имеет начало (рассказ о начале мира), но фактически не имеет конца — некоторого подведения итогов. Последняя фраза хроники («Находясь во дворце, государыня [Дзито:] решила отречься в пользу престолонаследника») — это просто физическая граница текста, скорее обещание продолжения, чем фиксация конца какого-то определенного периода. Наиболее важным для японской культуры в самом феномене летописания оказалось обоснование легитимности правящего рода. После того, как этот факт был в должной степени осознан обществом, потребность в ведении хроник отпала. Это, видимо, и послужило основной причиной, почему «Нихон сандай дзичироку» (901 г.) оказалась

последней «общегосударственной» хроникой, составленной по «императорскому» указу.

Начиная с «Исторических записок» Сыма Цяня структура китайских династийных хроник выглядела следующим образом: 1. «Основные записи» (изложение главных исторических событий). 2. «Трактаты» (сведения о законах, церемониях, пище, чеканке монеты и др., т. е. информация о различных сферах жизнедеятельности государства и общества). 3. «История домов» (данные по генеалогии). 4. «Жизнеописания» (биографии выдающихся деятелей). 5. «Хронологические таблицы» (систематизация хронологии).

Тщательный текстологический анализ «Нихон сёки» показывает, что наибольшее непосредственное влияние на составителей памятника оказали династийные хроники, отражающие реалии ханьского времени (видимо, сказалась определенная стадильная близость государства эпохи Хань, 206 г. до н. э. — 220 г. н. э., и Японии VII—VIII вв.). Однако в «Нихон сёки» абсолютно господствует погодный принцип изложения — отсутствуют такие обязательные после Сыма Цяня разделы династийных хроник, как «Трактаты» и «Жизнеописание». Фактически подход составителей «Нихон сёки» (как и более поздних японских хроник) сочетает в себе китайскую традицию погодной летоисчисления с разделами (за исключением, пожалуй, «Хронологических таблиц»), на которые разбил свое повествование Сыма Цянь, но в Японии соответствующие сведения оказываются вшитыми в ткань погодного повествования. Это говорит прежде всего о том, что любой принцип организации информации, кроме хронологического, был в это время японцам чужд или же интеллектуально недоступен (единственное исключение — «предварительные записи» «Нихон сёки», предшествующие каждому правлению, где по преимуществу излагаются генеалогические сведения, касающиеся правителя, и обстоятельства его восхождения на трон). В сущности, здесь очень много от мифологии, от повествовательного творчества вообще с его устной передачей традиции, где главным элементом, цементирующим повествование, является последовательность некоторых действий его героев. Способность же к тематической организации исторического материала была продемонстрирована японцами только позднее. Видимо, подобно

эмбриону, человеческое общество и сознание не в состоянии «перепрыгнуть» через определенный этап — оно должно пройти «нормальный» путь развития, хотя, под влиянием внешних обстоятельств, он и может быть несколько короче.

В настоящее время исследователями выделяется по меньшей мере семь типов источников, которые послужили основой (подготовительными материалами) для составления «Нихон сёки»: 1. Предания правящего дома (мифы, имена правителей, генеалогия, важнейшие события правлений). 2. Аналогичные сведения, касающиеся других влиятельных родов. 3. Местные предания. 4. Погодные записи правящего дома, которые, вероятно, стали вестись начиная с правления Суйко. 5. Личные записи придворных, касающиеся тех или иных событий. 6. Храмовые буддийские хроники. 7. Корейские и китайские источники.

Особо следует обратить внимание на скрытое цитирование произведений китайской исторической, философской и литературной традиций. Так, только в знаменитом «Уложении семнадцати статей» (604 г., подробно о нем см. в главе «Период Асука») используются цитаты по крайней мере из пятнадцати таких произведений. Подобное «украшательское» использование китайской письменной традиции было призвано сообщить самому своду большую авторитетность.

Как показали исследования японских текстологов, составители «Нихон сёки» наиболее активно использовали 100-томный труд Оуян Сюня «Ивэнь-лэйдзюй» («Изборник изящной словесности», 642 г.), представляющий собой свод литературных образцов — отрывков произведений дотанского времени. Что касается фразеологии эпохи «Шести династий», то еще одним литературным источником для «Нихон сёки» является «Вэнь-сюань» («Литературный изборник») Сюэ Туна (501—531). Поэтому всегда следует иметь в виду, что скрытое цитирование в «Нихон сёки» того или иного китайского источника отнюдь не означает, что составители были знакомы с ним непосредственно.

Какова надежность сообщаемой «Нихон сёки» информации (в данном случае мы имеем в виду не мифологическую, а только «историческую» часть повествования)? В самом общем виде на этот вопрос мы отвечаем так: этот памятник представляет собой модель прошлого, исторического процесса, какими они

виделись из VIII в., и потому он может быть квалифицирован как сочетание отчета о событиях, имевших место в действительности, и о представлениях, какими эти события могли (должны были) быть.

В связи с этим чрезвычайно актуальной представляется проблема верифицируемости событий, о которых сообщает хроника. К сожалению, подавляющее большинство исследователей предпочитает обходить этот вопрос молчанием. И это понятно, ибо критерии верификации не выработаны и по сей день. Основным из них, по всей вероятности, может являться сопоставление не слишком многочисленных данных, перепроверяемых по корейским и китайским источникам. Если оценивать согласно этому критерию ситуацию в целом, то достоверность сообщений «Нихон сёки» служит предметом для серьезного обсуждения только начиная приблизительно с середины V в. До этого вся хронология носит полумифический характер и может рассматриваться по преимуществу как материал для реконструкции исторического сознания начала VIII в.

Слабая вовлеченность Японии в мировой исторический процесс, своеобразие историко-культурной ситуации на Дальнем Востоке — замкнутое пространство Китая прежде всего на собственных проблемах — создают и для более поздних периодов значительные трудности для историка, вынужденного по преимуществу исходить исключительно из представлений японцев о самих себе.

Глава 7

Формирование государства Ямато

Месторасположение «царских» курганов. Как уже было сказано, центр формирования японской государственности располагался на равнине Нара. Это находит свое выражение и в локализации крупных курганов. Первое из известных нам скоплений крупных курганов регистрируется именно там. В Сики, на юго-востоке этой равнины, у подножия горы Мива расположены шесть «царских» курганов, датируемых рубежом III—IV вв. Гора Мива считалась в синтоизме одной из самых священных, а ее культ относится к числу наиболее древних: сама гора, а не сим-

волический заместитель божества (*синтай*, «тело божества») до сих пор считается сакральным объектом поклонения. Гора Мива неоднократно фигурирует в «Кодзики» и «Нихон сёки», а наиболее популярные предания, связанные с ней, относятся к правлению Судзину (предполагается, что один из курганов этой группы принадлежит ему). Вряд ли подлежит сомнению, что подобная группа курганов была призвана обозначать идею некоей преемственности власти.

То же самое можно сказать и о следующей группе «царских» курганов IV в. в Саки (северо-западная окраина нынешнего города Нара). В это время главным святилищем Ямато становится, похоже, Исоноками — храм, известный связью с воинскими культами и своей сокровищницей с запасами оружия (управлялась родом Мононобэ), что отражает возросшую территориальную экспансию правителей Ямато (на текстовом уровне это находит свое выражение в преданиях «Кодзики» и «Нихон сёки» о завоевательных походах принца Ямато-такэру и походе в Корею «императрицы» Дзингу:). До сих пор в Исоноками сохраняется древний церемониальный железный меч (поскольку по обеим сторонам клинка имеет по три «отростка», то он называется «семилезвийным» — *ситисито*:), на котором выгравирована надпись из 61 иероглифа (не все они дешифрованы), утверждающая, что он был изготовлен в Пэкче в 369 г. и подарен правителю Ямато (в «Нихон сёки» имеется запись, что такой меч был подарен Дзингу:). Это является еще одним свидетельством наличия тесных связей между двором Ямато и государствами Корейского полуострова (Ямато поддерживала союзнические отношения с Пэкче в процессе перманентного противостояния этой страны с Когурё и Силла).

В V в. происходит один перенос места захоронений правителей Ямато. Теперь это были районы северного Идзуми и южного Кавати, т. е. сакральный центр государства переместился ближе к берегу Внутреннего Японского моря. Именно в это время и в этом месте строятся самые масштабные курганы в японской истории (упоминавшийся «курган Нинтоку», общая площадь которого составляет около 60 гектаров, был возведен именно в Идзуми). Погребальный инвентарь этого периода содержит больше железных предметов и, в особенности, оружия (и меньше бронзовых зеркал и магатама), чем в более раннее

время, что свидетельствует как о возросшем значении фактора силы в историческом процессе, так и о роли правящей элиты в деле контроля над важнейшим «стратегическим» товаром — железом: в одном из курганов, расположенных рядом с погребением, приписываемом О:дзин, было обнаружено 77 железных мечей, 62 железных наконечника стрел, 203 железных серпа и множество других железных предметов.

Существуют по крайней мере четыре версии причин переноса места царских захоронений в район Идзуми-Кавати.

1. В это время произошло нашествие кочевого «народа наездников» (яп. *киба миндзюку*), якобы пришедших с континента через Корейский полуостров и основавших новое государство (данная гипотеза известного историка и этнографа Эгами Намио, выдвинутая в 1948 г., не находит сколько-нибудь веских оснований).

2. Власть царей Ямато распространилась от района Нара до Кавати. Сираиси Тайитиро: полагает, что в V в. складывается федерация, объединявшая в себе территории Идзуми и Кавати, правители которых были связаны кровно-родственными отношениями, в связи с чем царские захоронения непременно производились в этих районах.

3. Участвовавшие контакты с Кореей и с периферией Ямато потребовали переноса центра государственной жизни ближе к морю. Через морской порт Нанива осуществлялись контакты военного и торгового характера с Кибю, Кюсю, Кореей. Важность моря косвенно подтверждается также тем, что в записях летописей, повествующих об этом времени, большое место уделяется божествам храма Сумиёси, имеющим тесную связь с морскими культами.

4. Произошла смена династий. Новую династию основал О:дзин, к ней принадлежали также Ритю:, Ингё:, Ю:ряку, Сэй-нэй и Нинкэн.

Последняя версия, впервые выдвинутая Уэда Масааки и поддержанная такими известными историками, как Наоки Ко:дзиро и Окада Сэйси, считалась до настоящего времени наиболее авторитетной. Однако, как показали работы Вада Ацуму, перенос мест захоронений отнюдь не означает, что менялось и место расположения дворцов соответствующих правителей. За исключением дворцов Нинтоку и Хандзэй, все они продол-

жали располагаться в долине Нара, т. е. в собственно Ямато (было принято, что каждый правитель строил для себя новый дворец, что, вероятно, было напрямую связано с ритуалом восшествия на престол, которому придавался смысл обновления и возрождения всего универсума).

Таким образом, если и произошла смена династии (в это время или же позднее), то об этом нельзя судить только по местоположению погребальных курганов.

Внешние связи Ямато. Так или иначе, но перенос сакрального центра государства совпал с началом проведения им активной «внешней политики»: еще во второй половине IV в. был заключен военный союз с Пэкче для борьбы с другим государством Корейского полуострова — Когурё, которое поддерживала китайская династия Северная Вэй. К началу V в. на Корейском полуострове сформировались две враждующих силы: Когурё и Силла — с одной стороны, и Пэкче вместе с Ямато — с другой. При этом первый союз ориентировался на северные китайские династии, а второй — на южные (китайские источники указывают, что в период с 421 по 478 г. двор Ямато отправил десять миссий к правителям династии Южная Сун, 420—479). «Нихон сёки» ничего не сообщает об этих посольствах, сведения о них содержатся только в китайской летописи «Сун-шу». Ее составители сообщают о прибытии посольств с данью, которые были отправлены «пятью ванами» Ямато. Поскольку в хронике не приводятся японских имен этих правителей, то и их идентификация всегда являлась предметом дискуссии. В настоящее время считается, что посольства Ямато в южносунский Китай относятся к правлениям О:дзин (или Ритю:), Хандзэй, Ингё:, Анко: и Ю:ряку. Пэкче регулярно просила Ямато о военной помощи, которая, согласно письменным источникам, была оказываемой достаточно часто. В связи с этим зависимость Пэкче от Ямато была весьма велика (члены королевской фамилии Пэкче, включая престолонаследников, содержались при дворе Ямато в качестве заложников), и Ямато считала Пэкче своим вассалом. Запись «Сун-шу» от 478 г. утверждает, что правитель Ямато (возможно, это был Ю:ряку) якобы просил у южносунского императора Шунь-ди назначить его правителем Пэкче, но получил лишь титул «правителя Ва, великого полководца, успокаивающего Восток».

Вплоть до начала VII в. государство Ямато оказывало большое влияние на баланс военно-политических сил на Корейском полуострове. Некоторые протогосударства (например, Мимана, кор. Имна или Кая) временами находились с Японией в вассальных отношениях и регулярно присылали посольства с данью. Хотя достоверность японских письменных источников, трактующих события этого времени, остается весьма проблематичной, но, тем не менее, повышенное внимание, уделяемое ими событиям в Корее и взаимоотношениям двора Ямато с государствами Корейского полуострова (иногда создается впечатление, что мы имеем дело скорее с историей Кореи, а не Японии), служит, вкупе с археологическими данными, надежным индикатором вовлеченности Японии в события, происходившие на Корейском полуострове. К тому же японские материалы частично подтверждаются сведениями корейских письменных источников. Наиболее достоверным из них принято считать датированную 414 г. погребальную стелу, воздвигнутую в честь скончавшегося в предыдущем году вана Когурё по имени Квангэтхо. В состоящей из 1800 иероглифов надписи на этой стеле сообщается, в частности, о победе войск вана над войсками Ва (Ямато), которые вторглись в Когурё в 399 г. Из данных корейской летописи «Самгук саги» («Исторические записки трех государств») следует, что в V в. войска Ямато вторгались в Силла 17 раз.

Наиболее раннее упоминание в «Нихон сёки» о военной активности Ямато на Корейском полуострове относится к правлению «императрицы» Дзингу. Замыслив завоевать заморские земли «на Западе», она молит: «Следуя наставлению богов Неба, богов Земли и обретая опору в душах государей-предков, собираюсь переплыть синее море и сама завоевать Запад. И вот, сейчас я опущу голову в воду морскую. Если дано мне получить знак о благоприятном исходе, то — волосы мои! Сами собой разделитесь надвое!» Волосы ее, разумеется, сами собой разделяются надвое — решение принято. О легендарном походе Дзингу в Корею сообщается, что «бог ветра вызвал ветер, а бог моря вызвал волны, и все большие рыбы морские стали помогать ладье». После того как при виде войска Ямато ван Силла добровольно покорился («Отныне и

впредь я тебе буду служить так долго, как долго существуют Небо-Земля, и стану твоим конюшим»), правители двух других государств полуострова — Когурё и Пэкче — также обещают приносить дань вечные времена.

Эпиграфические данные о формировании государственности. В V в. строительство квадратно-круглых курганов наблюдается не только в центре Ямато, но и на его периферии. Например, в Кэну (префектура Гумма). Курганы там возводились и в IV столетии, но курганы V в. увеличиваются в размерах (одновременно количество их сокращается) и являются уменьшенной копией курганов района Кавати-Идзуми. Это свидетельствует о тесной связи центра и периферии. В настоящее время широко распространено мнение, что строительство квадратно-круглых курганов являлось своего рода привилегией, даруемой тем местным правителям, которые признавали власть Ямато.

Повторим: надежные письменные данные относительно формирования японской государственности в V в. практически отсутствуют. Данные китайских и корейских хроник спорадичны и неточны; свидетельства первых японских письменных памятников — мифологическо-летописных сводов «Кодзики» и «Нихон сёки» — также заслуживают доверия далеко не всегда и потому могут считаться скорее источником по реконструкции картины мира и менталитета японцев VIII в., чем по восстановлению реальных исторических событий. В сущности, относительно конкретных событий «политической истории» этого периода мы наверняка можем утверждать только одно: между наиболее мощными территориальными и кровно-родственными объединениями происходила ожесточенная борьба за власть (что, в частности, находит свое отражение в развитых воинских культах и большом количестве оружия, обнаруживаемом в погребениях ранне- и среднекурганного периодов), а также в тех легендах и преданиях, о которых сообщают мифологическо-летописные своды.

Одним из главных героев древнего Ямато является принц Ямато-такэру, отличавшийся хитрым и необузданным нравом. Согласно «Кодзики», государь Кэйко: попросил приструнить старшего

рый стократно закаленный меч и записать истоки его службы, начиная с предков».

В процессе исторической эволюции японцы использовали несколько систем датирования тех или иных событий. Наиболее ранняя — заимствованный ими из Китая (и общий для всех стран Дальневосточного ареала) счет годов по 60-летнему циклу. Согласно этой системе, для обозначения нужного года используется комбинация из двух иероглифов. Первый из них — один из десяти циклических знаков, второй — относится к ряду двенадцати знаков зодиака. Символы «ветвей» и «стволов» обнаружены на панцирях черепах, открытых на стоянках, относящихся к китайской династии Инь (до 1100 г. до н. э.). Предполагается, что десять стволов первоначально служили для счета дней в месяце (три декады), а двенадцать ветвей — для счета месяцев в году. Становление счета времени в нынешнем виде относится к началу династии Поздняя Хань (25—220 гг.).

Циклические знаки называются *дзикакан* (букв. «десять стволов»). Согласно древней китайской натурфилософской традиции, к ним относятся пять основных элементов, из которых и образуются все сущее: *ки* (дерево), *хи* (огонь), *цзи* (земля), *ка* (сокр. от *канэ* — «металл»), *мидзу* (вода). Каждый из стволов в свою очередь подразделяется на два — «старший брат» (*э*) и «младший брат» (*то*). При произнесении вслух «ствол» и его «ответвление» соединяются между собой с помощью указателя притяжательности *но* (на письме он не обозначается). Получается, что каждый элемент может выступать в двух сочетаниях. Например, *киноэ* (дерево + *но* + старший брат) и *киното* (дерево + *но* + младший брат). Каждое из этих сочетаний записывается одним иероглифом.

Общее название знаков зодиака — *дзюлиси* («двенадцать ветвей»). Это — *ис* (крыса, мышь); *уси* (бык); *тора* (тигр); *у* (заяц); *тацу* (дракон); *ми* (змея); *ума* (лошадь); *хицудзи* (овен, овца); *сару* (обезьяна); *тори* (курица); *ину* (пес, собака); *и* (свинья).

Год маркируется сочетанием двух иероглифов — «стволов» и «ветвей». Поскольку ветвей, естественно, больше, то при упоминании одиннадцатого знака зодиака (собаки) счет «стволов» снова начинается с *киноэ*. Таким образом, новое совпадение первого «стволов» и первой «ветви» наступает через шестьдесят лет. Это — полный шестидесятилетний цикл, согласно которому и шел отсчет

годов в древности. В настоящее время достаточно часто употребляют малый, 12-летний цикл — только по названиям животных зодиака. В самом общем виде данная временная концепция отражает идею нелинейного, повторяющегося, циклического времени. Ее неудобство для пользования состоит в том, что она лишена абсолютной точки отсчета.

		крыса	бык	тигр	заяц	дракон	змея	лошадь	овен	обезьяна	курица	собака	свинья
Дерево	с. брат	1		51		41		31		21		11	
	м. брат		2		52		42		32		22		12
Огонь	с. брат	13		3		53		43		33		23	
	м. брат		14		4		54		44		34		24
Земля	с. брат	25		15		5		55		45		35	
	м. брат		26		16		6		56		46		36
Металл	с. брат	37		27		17		7		57		47	
	м. брат		38		28		18		8		58		48
Вода	с. брат	49		39		29		19		9		59	
	м. брат		50		40		30		20		10		60

По всей вероятности, Вовакэ-но Оми был послан государем на «восток» с целью поддержания там порядка, а сам меч можно рассматривать как разновидность инвеституры. Как видно из данной записи, к V в. мы имеем дело с государственным образованием, уже обладающим определенной традицией, временной аспект существования которого описывается в терминах преемственности признаваемых государем полномочий, передаваемых от отца к сыну. Границы этого государственного образования охватывали (или, вернее, должны были охватывать) территорию по меньшей мере от равнины Канто: на северо-востоке до Кюсю на юго-западе (меч с аналогичной, но не до конца расшифрованной записью с упоминанием титула правителя *оокими* был обнаружен также в префектуре Кумамото), хотя, разумеется, в это время вряд ли можно говорить о полном доминировании Ямато на всей этой территории.

Социальная структура общества Ямато (система *удзи-кабанэ*). Меч из Инарияма с несомненностью свидетельствует, что

к концу V — началу VI в. организационной единицей, с помощью которой производилось управление, было некоторое кровно-родственное образование, которое, как то явствует из более поздних данных, имело название *удзи*. Этим кровно-родственным образованиям (или же их главам) правителем присваивались, по всей вероятности наследственные, титулы — *кабанэ*, свидетельствовавшие о месте, которое занимал данный род в комплексе отношений правящего рода с «подданными» правителя. В надписи из Инарияма упоминается один из таких *кабанэ* — *оми* (следует обратить внимание на то, что предки Вовакэ-но Оми еще не обладают *кабанэ*, т. е. система *кабанэ*, видимо, получает распространение приблизительно начиная с правления Ю:ряку).

В другом эпиграфическом памятнике V в. — бронзовом зеркале, хранящемся ныне в синтоистском храме Суда-Хатиман (префектура Вакаяма) — имеется надпись 503 (или 443) г. из 48 иероглифов, в которой упоминается имя Кавати-но Атаи, где Кавати — родовое имя, а Атаи — *кабанэ*. Множество упоминаний *кабанэ* имеется и в летописных сводах. Традиционная точка зрения утверждает, что главными из них были *ооми* («великий *оми*») и *оокурадзи* («великий *курадзи*»), которые даровались только лицам, особо приближенным к государю. Однако поскольку, судя по данным сводов, вместе с восшествием на престол нового государя *ооми* и *оокурадзи* также подлежали утверждению, *ооми* и *оокурадзи* больше соответствуют понятию «должности». В то же время нам представляется, что должности «великого *оми*» и «великого *курадзи*» предполагают разветвленную систему «*оми*» и «*курадзи*», и тогда получается, что «*ооми*» и «*оокурадзи*» были главами социальных групп *оми* и *курадзи*, в которых эти *кабанэ* передавались по наследству.

Данные мифологическо-летописных сводов, приводящие сведения по *ооми* и *оокурадзи*, позволяют проследить, какие роды были наиболее приближенными к государю в различное время. Поскольку считается, что данные «Нихон сёки» могут служить сколько-то надежным материалом для реконструкций с правившего во второй половине V в. Ю:ряку, то мы приводим данные, начиная с него.

Ю:ряку	Хэгури — <i>ооми</i> ; Оотомо и Мононобэ — <i>оокурадзи</i>
Сэйпэй	Оотомо — <i>оокурадзи</i> ; Хэгури — <i>ооми</i>
Кэндзо:	Нет сведений
Нипкэн	Нет сведений
Бурэн	Оотомо — <i>оокурадзи</i>
Кэйтай	Оотомо и Мононобэ — <i>оокурадзи</i> ; Косэ — <i>ооми</i>
Анкап	Оотомо и Мононобэ — <i>оокурадзи</i>
Сэнка	Оотомо и Мононобэ — <i>оокурадзи</i>
Киммэй	Оотомо и Мононобэ — <i>оокурадзи</i> ; Сога — <i>ооми</i>
Бидану	Мононобэ — <i>оокурадзи</i> ; Сога — <i>ооми</i>
Ёмэй	Сога — <i>ооми</i> ; Мононобэ — <i>оокурадзи</i>
Сусюн	Сога — <i>ооми</i>
Суйко	Нет сведений
Дзёмэй	Нет сведений
Котёку	Сога — <i>ооми</i>

Как видно из вышеприведенной таблицы, в V — начале VI в. наибольшим авторитетом при дворе пользовались роды Хэгури, Оотомо и Мононобэ, а начиная с правления Сэнка и вплоть до середины VII столетия продолжается период доминирования Сога.

Кроме *кабанэ*, указывавших на роль глав рода в структуре управления, существовал и другой социальный маркер. Мы имеем в виду социальные группы, имеющие общее название *бэ*, образованные по роду занятий. Эти профессиональные группы были наследственными. Они обслуживали как потребности двора, так и потребности носителей *кабанэ*. Судя по всему, первые *бэ* (они назывались *томо-но бэ*) появляются не позже начала V в. Они занимались охраной дворца, доставляли туда воду, выступали в качестве кладовщиков. Впоследствии, вместе с экспансией Ямато в другие регионы, группы *томо-но бэ* создаются и на периферии государства. Главам *томо-но бэ* присваивался наследственный титул *томо-но мияцукэ*. Специальные группы *бэ* — *наси́ро* и *косиро* — были созданы для обслуживания потребностей супруги государя и престолонаследника. Многие группы *бэ* были образованы высококвалифицированной рабочей силой и занимались выплавкой металла, строитель-

ством курганов и ирригационных систем, разведением лошадей и т. д., а их главы постепенно стали занимать высокое положение при дворе (например, Мононобэ — род первоначальных профессиональных занятий неизвестен, возможно, это были военные; Оотомо-но бэ — производители оружия; Имибэ — жрецы). Многие профессиональные группы были образованы выходцами с материка: вовлеченность Ямато в вооруженные конфликты на Корейском полуострове не только отвечала гегемонистским устремлениям правящей элиты, но и способствовала притоку высококвалифицированных ремесленников, управленцев, строителей из Пэкче, а также ввозу на архипелаг железных слитков, бронзовых зеркал, мечей, одежды и др.

Ямато в VI веке. Похоже, что на V в. приходится пик военного могущества Ямато. Правители VI в. (из которых самыми значительными были Кэйтай и Киммэй) терпят одно поражение за другим на Корейском полуострове. Их правления отмечены также угрозами власти со стороны местной знати, жестокими внутридинастическими раздорами.

Так, Бурэцу характеризуется «Нихон сёки» как отвратительный правитель: «Став взрослым, он увлекся наказаниями преступников и законами о наказаниях. Он стал хорошо разбираться в уложениях... И он сотворил много зла — ни одного хорошего поступка за ним не числится. Народ в стране боялся и трепетал». Трудно сказать, насколько это решительное высказывание соответствует действительности (вряд ли в начале VI в. речь может идти о каких-то законодательных уложениях). Скорее всего, настоящее «преступление» Бурэцу состояло в другом: он не оставил престолонаследника, в результате чего на трон возшел Кэйтай — представитель боковой линии правящего рода.

В правление Кэйтай позиции Ямато на Корейском полуострове постоянно ухудшались. В результате через несколько месяцев после смерти Кэйтай была потеряна Мимана — «колония» Ямато на Корейском полуострове. Ее территория была аннексирована Силла. Утеря Мимана была во многом обусловлена внутренними неурядицами в Ямато. Дело в том, что военная экспедиция, посланная на Корейский полуостров в 527 г. для защиты интересов Ямато от усиливавшейся Силла, столкнулась с прямым неповиновением Иваи, местного правителя, который контролировал северную часть Кюсю, откуда войска

должны были отправиться в Корею. «Нихон сёки» сообщает, что Иваи был подкуплен Силла и отказался пропустить войска. Поэтому вместо того, чтобы «усмирять» Силла, войска Ямато вступили в сражение с Иваи. В результате Иваи был убит, но экспедицию пришлось отложить.

Поскольку в ранний и средний кофун на Кюсю, в отличие от Кинэй и Кибэ, не строилось крупных курганов, то вполне резонно предположение Сираиси Тайитиро: о том, что в это время на Кюсю еще не сложилось консолидированного государственного образования. Однако к VI в. оно уже сформировалось (об этом свидетельствуют увеличившиеся размеры местных курганных захоронений), и «мятеж Иваи» является отражением возросшего влияния этого образования, которое выступало против гегемонистских устремлений Ямато.

Для умиротворения Кэйтай сын Иваи преподнес ему *миякэ* — землю с крестьянами, которые отныне находились в наследственном владении правителей Ямато. В прошлом такие владения располагались на равнине Нара. Приобретение *миякэ* на Кюсю знаменует собой начало нового этапа консолидации власти, когда экономическое присутствие правящего дома, обеспечиваемое военной силой, наблюдается не только в Кинэй, но и в более отдаленных регионах. Запись «Нихон сёки» от 535 г. приводит список 26 вновь учрежденных *миякэ*, расположенных в самых разных частях страны. Особенное внимание уделялось при этом Кюсю, игравшему особую роль в политике Ямато на Корейском полуострове. Ввиду своей отдаленности непосредственное управление *миякэ* было возложено на *куни-но мияцуко* — управителей соответствующих земель. *Куни-но мияцуко* принадлежали к местной знати — зачастую они не назначались из центра, но их традиционные властные полномочия лишь подтверждались центральной властью. Однако назначение на должность *куни-но мияцуко* активно использовалось двором для создания там своих владений. Особенно заметно это в тех случаях, когда существовало несколько претендентов на должность *куни-но мияцуко* из среды местной знати. В таких случаях двор использовал свои властные полномочия и выступал в качестве арбитра, поддерживая того или иного кандидата в обмен на территориальные приобретения. Уменьшение количества оружия в погребениях этого времени свидетельствует о том, что в уп-

равлении государством все большее значение приобретают внешние методы.

Куни-но мияцукэ из провинции Мусаси по имени Касахара-но Атаи Оми спорил со своим родственником Воки по поводу того, кому из них быть *куни-но мияцукэ*. Спор длился многие годы и оставался неразрешенным. Воки обладал жестоким и непослушным нравом. Он был горд и непохителен. Он тайно отправился за помощью к *камицукэ-но кими* Вокума, и они уговорились убить Оми. Оми узнал об этом и бежал. Он добрался до столицы и поведал обо всем государю [Анкан]. Государь рассудил, что Оми должен быть назначен *куни-но мияцукэ*. Вокума был казнен. В сердце *куни-но мияцукэ* Оми сменились страх и радость. Он не мог сдержать [своих чувств]. С почтением преподнес он государю четыре *миякэ*: Ёкону, Татибапа, Охохи и Курасу» (запись «Нихон сёки» от 534 г.).

Подобная политика подтверждения уже существовавших традиционных властных полномочий проводилась двором и по отношению к более мелким территориальным объединениям (*агата*) и их предводителям (*агата-нуси*). Вместе с *куни-но мияцукэ* они выступали в качестве реального партнера центральной власти по управлению страной.

В VI в. правители Ямато еще не оставляли намерения контролировать события на Корейском полуострове с помощью прямого военного вмешательства. Однако все в большей мере курс правящей элиты обращался в сторону строительства внутренней государственной инфраструктуры. Одним из средств, способных обеспечить стабильность власти и культурную однородность страны, со второй половины VI в. стал считаться буддизм.

Буддизм и государство. Буддизм был одной из составляющих того культурного потока, направленного с континента (из Кореи и Китая) в Ямато. В Ямато охотно заимствовались также некоторые конфуцианские и даосские идеи, многие элементы материальной культуры. Однако ни в Корее, ни в Китае буддизм не сыграл той колоссальной исторической роли, которая была уготована ему в Японии. В этом факте отражено, в частности, своеобразие историко-культурной ситуации, которая сложилась на архипелаге на момент формирования там государственности.

Первые достоверные сведения о проникновении буддизма в Японию датируются V в. — именно к этому времени относятся находки пяти бронзовых зеркал с буддийскими изображениями, обнаруженные в курганных захоронениях. Однако, по всей вероятности, эти зеркала присутствуют в погребениях в качестве сокровища и вряд ли могут свидетельствовать об их осмысленно-буддийском применении. Состояние японского общества и культуры еще не позволяли буддизму утвердиться на территории Ямато сколько-нибудь прочно. Но по мере того, как Ямато утрачивало черты родоплеменного союза, возникали и предпосылки для распространения буддизма: это вероучение получило свое начальное распространение в VI в. прежде всего в силу социальных и идеологических обстоятельств и во многом благодаря прямой государственной поддержке.

Здесь следует сказать о синтоизме, поскольку без понимания того, что представлял он собой в это время, невозможно ответить и на вопрос о причинах распространения буддизма в Ямато. Прежде всего мы должны констатировать, что тогда не существовало ни самого термина «синто» (букв. «путь богов»), ни сколько-нибудь оформленного вероучения (поэтому употребление понятия «синто» по отношению к этому времени носит условный характер). Наши знания о раннем «синтоизме» ограничиваются зачастую плохо интерпретируемыми археологическими данными, а также свидетельствами более поздних письменных источников (прежде всего «Кодзики» и «Нихон сёки»). Однако совершенно понятно, что верования местного населения не были систематизированы, письменный канон отсутствовал, пантеон и ритуал не имели унифицированного характера. В самом общем виде синтоистские верования можно подразделить на культ предков (каждое родовое объединение поклонялось своему мифологическому предку — *удзигами*) и культ ландшафтных божеств (каждая гора, роща, река имели свое божество-покровителя). Далеко не все ландшафтные и родовые божества (а значит, и роды, им поклонявшиеся) были включены в постепенно складывавшуюся систему официальных сакральных генеалогий, а многие роды испытывали неудовлетворение по поводу того места, которое занимали в пантеоне их родовые божества. Иными словами, синтоизм с неизбежностью служил носителем децентрализаторских тенден-

ций на этом этапе развития государственности. Поэтому раннеяпонское государство не находило в синтоизме той идеологической опоры, которая ему требовалась. В этом свете и следует рассматривать интерес, проявленный в Ямато по отношению к буддизму.

В распространении буддизма в первую очередь была заинтересована служилая знать, значительную часть которой составляли иммигранты: эта социальная группа не находила себе места в традиционной структуре родоплеменной аристократии. Местная родоплеменная аристократия, как то нам известно из данных более поздних письменных источников — прежде всего, генеалогических списков «Синсэн сё:дзироку» («Вновь составленные списки о [происхождении] родов», 815 г.), вела свое происхождение от «небесных божеств» (*ама-цу ками*; божества космогонического цикла, которые родились и действовали на небе) — наиболее древней и влиятельной группы божеств синтоистского пантеона, что в значительной степени предотвращало проникновение новых элементов в замкнутый круг аристократии. Буддизм же, одним из основных концептов которого является идея равенства перед Буддой (вне зависимости от этнической и социальной принадлежности) и личной ответственности за содеянное (именно поэтому он и смог встать в один ряд с другими «мировыми религиями»), создавал совершенно другие «стартовые возможности» для вертикальной мобильности.

Кроме иммигрантов, в принятии буддизма был заинтересован и правящий род. В это время его положение нельзя признать окончательно прочным идеологически — его легитимность основывалась на месте его родового божества (богини солнца Аматаэрасу) в синтоистском пантеоне; ведущее место Аматаэрасу в нем было, видимо, неочевидно. Ведь общий принцип организации синтоистского пантеона, как он известен нам из «Синсэн сё:дзироку», таков: чем раньше (согласно мифу) это божество появилось на свет, тем более почитаемым оно считалось. Аматаэрасу же принадлежит не к «небесным божествам», а к «потомкам небесных божеств» (*тэнсон*; божества, родившиеся, как правило, на небе, но действовавшие и на земле; «культурные герои», согласно общепринятой классификации). Таким образом, ведущее место, занимаемое Аматаэрасу в синтоистском пантеоне, — явление сравнительно позднее и потому оспари-

ваемое. Монотеистичность же буддизма (относительная, разумеется), разработанность концепции чакравартина (добродетельного монарха, покровительствующего буддизму) позволяли правящему дому Ямато подкреплять свою легитимность и противостоять децентрализаторским тенденциям.

С другой стороны, даже самые ревностные покровители буддизма из правящего дома не могли, безусловно, игнорировать стойкую местную традицию. Отсюда — их непоследовательность, половинчатость, компромиссность в проведении «пробуддийской» политики на первых порах.

«Он не верил в Закон Будды» («Нихон сёки» о Бидану).

«Он верил в Закон Будды и почитал Путь Богов» («Нихон сёки» о Ёмэй).

«Он почитал Закон Будды и пренебрегал Путем Богов» («Нихон сёки» о Котoku).

Предание «Нихон сёки» о принятии буддизма может служить прекрасной иллюстрацией к нашим соображениям относительно расстановки социальных сил. В нем повествуется о том, как ван (правитель) Пэкче по имени Сонмён преподнес в 552 г. правителю Ямато Киммэй позолоченную статую Будды и другие предметы буддийского культа. Кроме того, посланец вана огласил послание Сонмёна, в котором, в частности, утверждалось, что вознесение молитв Будде обладает огромной магической силой («То, о чем молишься и чего желаешь, — достигается, как то задумано, и исполняется без изъятия»).

Далее «Нихон сёки» сообщает: «Выслушав до конца, государь Киммэй заплакал от радости и объявил свою волю посланцу: “Со времен давних и до дней нынешних Мы не слышали о таком удивительном Законе, как Закон Будды. Но Мы сами решить не можем”. Поэтому государь спросил у каждого из министров: “Ослепителен облик Будды, преподнесенного нам соседней страной на Западе. Такого у нас еще не было. Следует ли почитать его или нет?” Сога-но Ооми Инамэ-но Сукунэ сказал: “Все соседние страны на Западе почитают его. И разве только одна страна — страна Урожайной Осени Ямато — может отвергать его?” Мононобэ-но Мурадзи Окоси и Накатоми-но Мурадзи Камако совместно обратились к государю: “Правители

Поднебесной во все времена — весной, летом, осенью и зимой — почитали 180 богов в святилищах Неба и Земли. Если же теперь станем заново почитать бога соседних стран, то боги нашей страны могут разгневаются». Государь сказал: «Пусть статуя Будды будет дана желающему ее — Инамэ-но Сукунэ — и пусть он попробует почитать ее»».

В этом сюжете участвуют правитель Киммэй, а также представители трех наиболее влиятельных родов этого времени: Сога, Мононобэ и Накатоми. Киммэй, как мы видим, не принимает однозначного решения и по существу позволяет каждому из них сделать то, чего он желает. Мононобэ и Накатоми выступают против принятия буддизма, ибо ведут свою родословную отбожеств синтоистского пантеона: Накатоми (жреческий род) — от Амэ-но Коянэ-но Микото, Монононобэ — от Ниги Хаяхи-но Микото. Что касается Сога, то они возводили свое происхождение к воепачальнику Такэути-но Сукунэ, известному своими походами против «восточных варваров», т. е. личности вполне исторической и не подпадающей потому ни под одну из градаций официального государственного синтоизма. Именно этим обстоятельством было, по-видимому, вызвано желание Сога принять буддизм, который связывал судьбу человека по преимуществу с его собственными деяниями. Поскольку сохранение генеалогии в стойкой устной традиции не позволяло изменить происхождение, Сога попытались поднять престиж рода за счет принятия буддизма. При этом, как явствует из дальнейшего повествования «Нихон сёки», буддизм был осмыслен одновременно и в традиционной шкале ценностей (бог-Будда как «удзигами», т. е. как охранитель рода), а также и в категориях другой, более открытой системы: поскольку Сога не могли вывести свое происхождение непосредственно от Будды, то они почитали его не как прародителя, а «потому, что ему поклоняются во всех соседних странах на западе».

Вскоре после того, как Сога построили храм и стали поклоняться статуе Будды, в стране разразились болезни. Накатоми и Мононобэ признали за причину несчастья присутствие в Ямато чужестранного бога и статую Будды из родового храма Сога выбросили в канал Нанива.

Однако и потомки Сога-но Оми продолжали поклоняться Будде, что является свидетельством существования долговре-

менной основы для обращения к буддизму. В 584 г. Сога-но Умако выстроил с восточной стороны своего дома буддийский храм, поместил туда статую Мироку (Майтрейя) и поселил там трех монахов, предки которых переселились с материка. Тогда же выходец из Китая Сиба Датито обнаружил в пище, приготовленной для проведения торжественной службы, мощи Будды. Вера Умако и его сподвижников еще более укрепились, и Умако воздвиг новый храм. Составители «Нихон сёки» придавали этим событиям настолько большое значение, что в хронике появляется такая запись: «Закон Будды ведет начало в Ямато с этих пор».

Борьба между Сога и Накатоми-Мононобэ продолжалась и в дальнейшем. После смерти «императора» Ёмэй (587 г.) Сога-но Умако хотел поставить царем принца Оэ, который был сыном Бидацу от сестры Умако. Мононобэ-но Мория противопоставил ему принца Анахобэ — сына Бидацу от другой жены. Победу одержал род Сога: в 587 г. произошла битва между дружинами Сога и Мононобэ, закончившаяся поражением Мононобэ.

«Сога-но Умако подговаривал принцев и министров уничтожить Мононобэ-но Мория... Мононобэ составил войско, засел в своем доме и стал биться. Взобравшись на дерево эпоки (железное дерево), он сыпал сверху стрелами, как дождем. Войска его были сильны и смелы. Войска принцев с министрами были трусливы и отступали трижды. В это время принц Сё-току-тайси находился позади войска. Он подумал и сказал так: «Мы не должны потерпеть поражение. Но если не принести обет, победы не видать». Срубив лаковое дерево, он вырезал изображения четырех небесных правителей — *ситэнно*: (охраняющих мир от демонов, санскр. Дэвараджа). Поставив их на узел своей прически, он принес обет: «Если сейчас одержу победу над врагами, непременно построю храм Будды для четырех королей». Сога-но Умако тоже принес обет. Принеся обет, они собрали войско и бросились в наступление. Там был человек по имени Томи-но Обито Итихи. Стрелой он сбил Мория с ветки и убил его детей. И тогда войска Мория были немедленно разбиты. Его воины переоделись и, делая вид, что они охотятся, рассеялись по равнине. Когда волнения утихли, в земле Сэццу воздвигли храм Ситэннодзи. Половина рабов Мо-

рия и его дом перешли к храму. 10 000 сиро земли были дарованы Томи-но Обито Итихи. Сога-но Оми во исполнение своего обета воздвиг храм Хо:коцзи в Ясука» («Нихон сёки»).

С этого времени положение Сога еще более упрочилось, и они фактически контролировали правящий род до середины VII в.

Механизмом такого контроля являлось целенаправленное создание генеалогического древа: дочери рода Сога выдавались замуж за представителей правящего рода, а дети, родившиеся от этих браков, впоследствии становились правителями. Главной же функцией действующего государя становилось отправление религиозных обрядов. «Император», таким образом, фактически являлся верховным жрецом синтоизма. Столь характерное для всей истории Японии разделение жреческих (правящий род) и управленческих функций (род, который поставлял правящему дому невест — сначала Сога, впоследствии — Фудзивара) просматривается уже с этого времени.

С макроисторической точки зрения этот принцип управления прослеживается на протяжении всей истории Японии вплоть до сегодняшнего дня. Так было и в эпоху военных правителей — сёгунов (1192—1867), такое же положение вещей существует и сегодня (согласно современной конституции Японии, император является «символом нации», а реальное управление сосредоточено в руках правительства и парламента). При этом исполнительно-законодательная власть (будь то сёгуны или же парламент с кабинетом министров) подлежит периодической ротации, в то время как один и тот же правящий род неизменно занимает престол на протяжении приблизительно полутора тысяч лет.

В период доминирования Сога, после того как скончался Бидацу и Мононобэ с Накатоми потерпели поражение, силы, препятствовавшие официальному признанию буддизма, оказались ослабленными. Увеличилось количество монахов, активизировалось строительство буддийских храмов. Главным из них считался Асука-дэра. В целом, согласно материалам раскопок и сведениям письменных источников, за период до правления Тэнти в Японии было построено 58 буддийских храмов. Почти

все они размещались в непосредственной близости от резиденций правителей. Таким образом, можно считать, что распространение буддизма непосредственным образом зависело от настроя центральной власти.

Личные и социальные мотивы обращения правителей к буддизму оказались переплетены. Личностное начало, свойственное буддизму, возлагающему ответственность за совершение определенных деяний на индивида, диктовало необходимость обращения к нему и в такой экзистенциально важной области, как болезни. Именно поэтому в хрониках и других письменных памятниках содержится достаточное количество сообщений об обращении к буддийскому ритуалу исцеления в случае индивидуальных болезней (прежде всего самого правителя). Незавершенность в синтоизме концепции посмертного существования и воздаяния (в синтоизме любой человек вне зависимости от своих прижизненных деяний со своей смертью становится предком, т. е. объектом поклонения для своих потомков) также способствовала принятию буддийских представлений в этой сфере. С другой стороны, массовые болезни (эпидемии) по-прежнему оставались «в ведении» синтоистских божеств, «отвечавших» за коллективное благополучие. В ведении синтоизма оставались также и все природные явления (землетрясения, засухи, наводнения и т. п.), на которые не распространялось могущество будд и бодхисаттв. «Личное» (личное богатство, благополучие, индивидуальная судьба, посмертное существование) «обеспечивалось» буддизмом, в то время как за «коллективное» во многих случаях по-прежнему «отвечали» божества синтоизма.

Термины «коллективное» и «индивидуальное», безусловно, не описывают существовавшую ситуацию во всей ее полноте. Скажем, как быть с «государством»? С одной стороны, это над-индивидуальное образование. С другой — государство персонифицировалось в правителе, и потому некоторые термины (*микадо*, *кокка*) означают одновременно как «государство», так и собственно правителя. В этой неразделенности изначально заключена возможность интегрирования в идеологическое обеспечение строительства государства (создание официальной идеологии) как буддизма, так и синтоизма. И здесь поначалу чрезвычайно большая роль принадлежала буддизму, восприни-

мавшемуся прежде всего как супермагический инструмент для обеспечения целостности государства.

Однако, как показал дальнейший исторический путь Японии, именно «примитивный» синтоизм сумел создать в результате системообразующую конструкцию, в то время как все ипоземные учения выступали в качестве поставщиков отдельных элементов для этой системы — элементов, которые, будучи помещены в нее, радикально меняли свой первоначальный смысл.

Глава 8

Период Асука

Общая характеристика периода. Вместе с воцарением Суйко в 592 г. резиденции правителей Ямато стали (за некоторыми исключениями) располагаться в бассейне реки Асука. В связи с этим и весь последующий период вплоть до переезда двора в первую постоянную столицу Нара (710 г.) обычно называют периодом Асука. Следует, однако, иметь в виду, что верхняя граница периода — вполне условна, поскольку последние годы «периода Асука» по своим основным характеристикам примыкают к следующему за ним периоду Нара.

С конца VI — начала VII в. чрезвычайно активно происходил процесс институализации японской государственности, и уже к концу VII в. в Японии сформировалось достаточно сильное государство централизованного типа. Этот процесс сопровождался проведением масштабных реформ. Их необходимость была вызвана конфликтом между прежним устройством общества, основывавшимся почти исключительно на кровно-родственной организации, и потребностями развивавшейся государственности, требующей преодолеть родовую организацию общества за счет усиления территориальных принципов управления. Кроме того, осознание своей неконкурентоспособности на международной арене, опасения относительно возможного вторжения со стороны Китая или Кореи в значительной степени диктовали потребность в создании новой структуры управления страной. Выбор новой

стратегии управления сопровождался непрекращающимся противоборством между различными кровно-родственными объединениями, в основе которого лежали интересы наиболее влиятельных родов. Одной из основных форм этого противостояния была борьба за то, кому из возможных кандидатов предстоит взойти на трон.

Тем не менее, положение правящего рода как такового было, по всей видимости, уже достаточно прочным. Оно определялось как экономическими привилегиями в виде обширных земельных владений с приданными им крестьянами, так и сложившимся религиозным авторитетом верховной власти, заключавшимся в магических функциях, отправляемых правителем: молить богов о богатом урожае, дожде, участвовать в осеннем празднике урожая (*ниинамэ мацури*) и т. д. При этом функция правящего рода как поставщика верховного жреца для той религиозной системы, которая впоследствии получит название синто, никем, похоже, не подвергалась сомнению.

Как уже говорилось, каркас социально-политической системы в V—VI вв. образовывала структура, известная в японской историографии как «система *удзи-кабанэ*». Первоначально ее рамками были охвачены лишь роды, наиболее близкие к правящему, однако с течением времени на политическую арену стали выдвигаться средние и мелкие роды (среди которых было немало родов переселенцев с материка), представители которых стали занимать административные посты в формирующемся государственном аппарате (прежде всего в районах, непосредственно прилегающих к дворцу правителя).

Политическая история. Политическую историю первой половины VII в. в значительной степени определяет динамика взаимоотношений между правящим родом и родом Сога.

Сога — топоним в провинции Ямато, современная префектура Нара, г. Касихара. Возвышение Сога началось в первой половине VI в., когда Сога-но Инамэ занял пост *ооми*. После него данный пост занимали его сын Умако и внук Эмиси. Когда войска Сога-но Умако одержали в 587 г. победу над влиятельным царедворцем Мононобэ-но Мория, род Сога занял ведущее положение при дворе, превратившись в род-поставщик невест для императорского дома. Эта традиция была заложена еще в правление

Киммэй, когда его супругами стали две дочери Сога-но Инамэ, родившие будущих правителей Ё:мэй, Сусюн и Суйко. Рожденные от императоров сыновья женщины рода Сога становились принцами крови, престолонаследниками и правителями, оставаясь при этом в сильной зависимости от главы рода Сога, поскольку, судя по всему, тогдашняя система родства напоминала авункулат, предполагающий особо тесные и интимные отношения между племянником (внуком) и его дядей (дедом) по материнской линии (позднее подобные отношения с императорским родом поддерживал род Фудзивара).

Кроме установления тесных родственных отношений с правящим домом еще одна причина возвышения Сога заключается в том, что им удалось поставить под свой контроль достаточно многочисленных переселенцев «новой волны» с Корейского полуострова и из Китая, число которых особенно возросло во второй половине V — первой половине VI в. Среди них было немало ремесленников и образованных людей. Они активно участвовали в строительстве государственного аппарата (в частности, в формировании налоговой системы) в Ямато. Поселения этих иммигрантов (наиболее мощным был род Ямато-но Ая, букв. «ханьцы Ямато») были сосредоточены в бассейне реки Асука, в непосредственной близости от владений Сога. Не случайно поэтому, что и дворцы правителей Ямато VII в. располагались именно там.

В 592 г. в результате придворного заговора был убит правитель Сусюн. Вдохновителем заговора стал его дядя по материнской линии Сога-но Умако (?—626), а непосредственным исполнителем — Ямато-но Ая-но Атаи Кома. Дело в том, что у Сусюн не было детей от дочери Сога-но Умако, но было двое детей от Котэко, дочери Оотомо-но Мурадзи Аратэ, назначенной младшей супругой государя, так что для рода Сога возникла реальная опасность ослабления его влияния при дворе.

В обход всех установившихся традиций, когда погребению предшествовал длительный подготовительный период, Сусюн был похоронен уже на следующий день после смерти, а на престол взошла его родная сестра Суйко (вдова Бидацу и ставленница Сога-но Умако), остававшаяся государыней до 628 г., т. е. в течение 36 лет.

Суйко перенесла дворец в Асука, где раньше располагалась усадьба Сога-но Инамэ (отца Сога-но Умако), а позже поселился сын Умако — Эмиси.

Суйко стала первой в японской истории «настоящей» императрицей (полулегендарная правительница древности Дзингу: церемонии интронизации не прошла). Однако фактически властные функции при Суйко осуществляли Сога-но Умако и ее племянник принц Сё:току-тайси (574—621). Сё:току-тайси был назначен престолонаследником и регентом при Суйко. Стать правителем ему помешала ранняя смерть.

Когда со смертью Суйко в 628 г. встал вопрос о престолонаследнике, то Сога-но Эмиси поддержал принца Тамура, внука Бидацу, который и занял престол (император Дзёмэй). Среди его сыновей были принцы Нака-но Оэ и Ооама (впоследствии — император Тэмму). После смерти Дзёмэй в 641 г. трон заняла одна из его жен — Ко:гёку (впоследствии вторично взошла на престол под именем Саймэй). При этом Сога-но Ирука (сыну Эмиси) удалось устранить основного кандидата на трон — сына Сё:току-тайси, принца Ямасиро-но Оэ. Действия представителей рода Сога вызвали отпор не только императорского рода, но и значительной части придворной знати (включая ответвления самого рода Сога). В результате заговора 645 г., составленного Нака-но Оэ и Накатоми-но Каматари, Нака-но Оэ убил Ирука прямо на глазах у Ко:гёку. Сога-но Эмиси также погиб, когда брал штурмом его резиденцию. Ко:гёку отреклась от престола, и ее место занял младший брат Нака-но Оэ — принц Кару (император Ко:току). Сам Нака-но Оэ был назначен престолонаследником (будущий государь Тэнти).

Именно при Ко:току начинается проведение всеобъемлющих реформ, известных как «реформы Тайка» («великие перемены» или «великая культурность»). По всей вероятности, долина реки Асука казалась Ко:току местом опасным: слишком сильны были там позиции сторонников Сога — Ко:току покидает Асука и строит новый дворец в Нанива. После убийства Ирука род Сога теряет свое доминирующее значение. В правление Тэмму его фамилия была изменена на Исикава — по фамилии одного из дальних предков рода.

Разумеется, «реформы Тайка» не могли не ущемлять интересы многих влиятельных родов. Достаточно сказать, что

они знаменовали собой переход к более прагматической модели управления, центральным звеном в которой был уже не буддизм (Сога были его самыми горячими сторонниками, а сам буддизм ассоциировался прежде всего с Кореей), но китайские иди управления (амальгама из конфуцианства и даосизма). Переориентация на китайскую модель государственного устройства находит свое символическое выражение в том, что перед самой смертью Накатоми-но Каматари (напомним, что Накатоми — род синтоистских жрецов) была дарована фамилия Фудзивара, которая в перспективе стала ассоциироваться прежде всего с китайской образованностью (подробно см. главу «Политическая история»). В указе 646 г. прямо говорилось о намерении «упразднить прежние должности, учредить новые ведомства», что вызывало со стороны влиятельных родов серьезную оппозицию, поскольку означало значительный передел властных полномочий.

Первый «порегорменный» заговор (принца Фурухито-но Оэ, одного из главных кандидатов на престол после отречения Ко:гёку) был раскрыт уже в 9-й луне первого года Тайка. Вся пред- и порегорменная эпоха вообще отмечена увеличением числа мятежей и заговоров. Помимо непрерывавшейся борьбы за власть в верхних эшелонах, постоянным источником социального напряжения, используемым в политических целях, были многочисленные общественные работы по сооружению дворцов, дорог, каналов, крепостей и т. д.

В 658 г. Сога-но Акаэ подговаривал принца Арима к мятежу такими словами: «В управлении государыни [Саймэй] имеется три недостатка. Во-первых, она строит большие хранилища, куда собирает богатства народа. Во-вторых, она роет длинные каналы, тратя на то общественный рис. В-третьих, грузит на суда камни и складывает их словно в горы [для постройки крепостей]» («Нихон сёки»).

Помимо отстранения от власти рода Сога еще одним кульминационным моментом политической истории VII в. стали события, связанные с восшествием на трон Тэмму. После смерти Тэнти в 672 г. разгорелась кровопролитная междоусобная война — *дзинсин-но ран* («смута года дзинсин», именуемая так по названию данного года 60-летнего цикла).

В 671 г. император Тэнти заболел и предложил занять престол своему младшему брату, наследному принцу Ооама, но тот отклонил предложение, поскольку опасался за свою жизнь, ибо сын Тэнти, принц Оотомо, бывший главным министром, также претендовал на престол. Ооама удалился в буддийский монастырь.

После смерти Тэнти принц Оотомо взойшел на престол под именем Ко:бун. Тем временем к принцу Ооама стали стекаться сторонники, желавшие видеть его на престоле. Складывались два враждующих лагеря, и вскоре вспыхнула гражданская война между государем Ко:бун и принцем Ооама.

Столкновения продолжались около месяца. В решающей битве Ко:бун потерпел поражение и покончил жизнь самоубийством. На престол взойшел принц Ооама. Он вновь перенес столицу в долину реки Асука. Начиная с этого времени и до правления Ко:нин правителями становились только потомки Тэмму.

«И разом тогда вступил государь [Тэмму] в колесницу (никогда не использовались, в отличие от Китая, в качестве средства ведения боевых действий), и перевалил через горы, и переправился через реки; и шесть дружин его грохотали, как гром; и три отряда поспешали, как молния. И копыта в руках их подъяли свою мощь, и смелые воины воспрянули, как дым; алые знамена сверкали посреди оружия, и жалкая свора [приверженцы государя Ко:бун] рассыпалась, как черепицы. И не завершился еще круг дней, как злые силы были очищены» (из Предисловия к «Кодзика», пер. Н. И. Фельдман).

Главной причиной победы Тэмму была поддержка со стороны сил, недовольных ущемлением своих наследственных прав в результате «реформ Тайка». В первую очередь это были оттесненные на второй план старые аристократические роды (Оотомо, Сазэки), а также представители провинциальной знати, лишившиеся многих наследственных привилегий в связи с переходом к территориальной (в противовес родовой) системе управления. Кроме того, опорой Тэмму послужили представители новой «служилой знати», которые не могли похвастаться своей родовитостью (некоторые из них были потомками имми-

грантов), но зато отличалась личной преданностью императору. В дальнейшем все роды, поддерживавшие Тэмму во время событий 672 г., были пожалованы высокими титулами — *кабанэ* и получили доступ в среднее звено японской аристократии. В результате того, что во время войны Тэмму умело использовал существовавшие в правящей элите противоречия, ему удалось укрепить свои личные позиции и решительно продолжить политику реформ, направленных на создание централизованного государства. Однако преодолеть давление традиций аристократического общества ему так и не удалось. Представители «старых» аристократических родов, не поддерживавших императора Тэмму в борьбе за трон, медленно, но верно набирали силы и уже в конце VII в. начали занимать ключевые посты в государственном аппарате, а к середине VIII столетия оттеснили представителей «молодых» родов («служилой знати») с большей частью ключевых постов при дворе.

Внешнеполитическая ситуация. Период Асука приходится на время драматических изменений в геополитической ситуации на Дальнем Востоке, которая оказывала на Ямато самое непосредственное влияние.

Период создания централизованного государства в Японии совпал с эпохой завершения объединительного процесса в Китае и установления там централизованной империи с сильной верховной властью. За всю историю китайско-японских отношений эпохи Суй (581—618) и, особенно, Тан (618—907) без преувеличения можно считать временем наибольшего культурно-политического воздействия Китая на японский социум. Ни до, ни после этого воздействие не проявлялось столь концентрированно и результативно. Этот период отмечен интенсивными политическими и культурными контактами между двумя странами на государственном уровне.

До VII в. главным внешним партнером Ямато были государства Корейского полуострова (в особенности Пэкче). Но со временем в общем потоке культурной информации, поступающей с материка, китайское влияние становится преобладающим. С восстановлением целостности Китайской империи, утерей Ямато своих позиций на Корейском полуострове, последовательным крушением там близких союзников (Имна, Пэкче, Когурё) взоры японской политической элиты все больше начи-

нают обращаться к танскому Китаю как наиболее развитому и мощному государству на Дальнем Востоке.

Эннити, проводивший в Китае многие годы за изучением медицины, увещевал государыню Суйко: «Изумительна великая страна Тан, законы которой установлены кренко. Следует постоянно поддерживать с ней отношения» («Нихон сёки»).

Буддизм был важной, но далеко не единственной составляющей того культурного потока, который был направлен в Японию из Кореи и Китая. Структура чиновничества, институты управления, государственная мысль, материальная культура — все эти сферы жизни несут на себе следы значительного континентального влияния. Прежняя система управления, основанная почти исключительно на родовой организации общества, переставала быть эффективной, когда расширялась территория, подвластная правителям Ямато, росла численность населения, вовлеченного в силовое поле государства, когда усиливалось социальное и имущественное расслоение.

В период Асука внешнеполитическая деятельность Ямато (дипломатическая, военная, культурная и т. д.) была чрезвычайно активной.

В период правления династии Суй из Японии в Китай было отправлено четыре посольства, имевших целью установление прочных связей с суйским двором (политико-дипломатический аспект) и получение различной культуросодержащей информации (организация чиновничьего аппарата, землепользование, налогообложение, образование, буддизм — культурный аспект).

Первое посольство Ямато ко двору династии Суй, объединившей Китай в 589 г., было отправлено в 600 г., т. е. через 11 лет после ее провозглашения и через 98 лет после последней японской миссии в Китай (в 502 г. Ямато отправило посольство ко двору династии Лян, 502—557). Такой большой перерыв в отношениях обуславливался как тем, что государства Корейского полуострова стадильно больше соответствовали уровню развития Ямато, так и политической нестабильностью в самом Китае, где в VI в. параллельно существовало несколько династий.

За первым посольством последовали и другие. Уже в 607 г. Китай посетило посольство во главе с Оно-но Имоко,

а в 608 г. из суйского Китая прибыло ответное посольство. В том же 608 г. Ямато отправило в Китай восемь «студентов». Во время своего длительного (от 15 до 32 лет) пребывания в Китае эти люди стали свидетелями прихода к власти новой, танской династии. После возвращения в Японию они использовали знания, полученные в Китае, для проведения реформ второй половины VII столетия.

Последнее посольство в суйский Китай отбыло в 614 г., после чего непосредственные контакты с Китаем были прерваны на 16 лет. Причинами этого стали: крах династии Суй, провозглашение танской династии и необходимость убедиться в жизнеспособности последней.

В 630 г. из Японии отплыло первое посольство уже в танский Китай. До конца VII столетия в Китай было отправлено шесть посольств: в 630, 653, 654, 659, 665 и 669 гг. Следующее посольство в Китай было назначено только в 702 г. Студенты и буддийские монахи продолжали ездить в танский Китай в большем количестве, чем в суйский. С 653 по 700 г. по меньшей мере 38 человек отправились туда. В Силла с теми же целями (и за тот же период) отправилось всего 10 человек, что свидетельствует о произошедшей в середине VII в. культурной переориентации Ямато с государств Корейского полуострова на Китай.

Контакты с континентом имели и военный аспект. Двор Ямато принял непосредственное участие в длительной борьбе за гегемонию на Корейском полуострове. В этой борьбе принимали участие три корейских королевства: Пэкче, Когурё и Силла. Непосредственное начало новому вооруженному противостоянию было положено в 642 г., когда Пэкче вместе с Когурё вторглись в Силла. Однако в результате того, что танский Китай поддержал Силла, чаша весов стала склоняться в пользу этой коалиции, и в 660 г. Пэкче было завоевано. После долгого невмешательства политическая элита Ямато решила все-таки прийти на помощь Пэкче — своему главному партнеру на полуострове. В 661—668 гг. в Корею были поочередно отправлены три экспедиционных корпуса для оказания помощи Пэкче. Несмотря на то что численность японских войск, составленных из крестьян, предводительствуемых *куни-но мияцук*о — управителями территориальных единиц, была довольно значительной (в 661 г. — 5 тысяч, а в 663 г. — 27 тысяч

человек), в результате серии поражений (особенно чувствительным было поражение в морской битве в устье реки Пеккан в 663 г.) экспедиционный корпус бесславно вернулся на родину. Именно с этого времени правители Ямато оставляют всякие попытки физически повлиять на события, происходящие на материке.

«Оти-но Атаэ был предком управителя уезда Оти, что в провинции Иё. Его послали на помощь Пэкче, и во время войны он попал в плен к танским воинам. Так он оказался в стране Тан.

Восемь воинов Ямато жили там на одном острове. Они раздобыли статую бодхисаттвы Каннон (Авалокитешвара). Они поклонились ей и молились. Сговорившись, они тайно срубили дерево, сделали лодку и бережно доставили на нее статую. Каждый из них принес молитву о счастливом возвращении и поклонился ей. Западный ветер принес их прямо на Цукуси (Кюсю).

При дворе узнали о случившемся и потребовали воинов для расспросов. Государя тронул их рассказ, и он спросил, чего они желают. Оти-но Атаэ сказал: «Хочу, чтобы был образован уезд, а я бы управлял им». Государь позволил.

На земле уезда Оти-но Атаэ выстроил храм и поместил в него ту самую статую. С тех пор его потомки почитаются» (из сборника буддийских легенд и преданий «Нихон рё:ики», рубеж VIII—IX вв.).

В 668 г. участь Пэкче постигла и государство Когурё — оно пало под ударами объединенной танско-силланской армии. Далее события на Корейском полуострове развивались следующим образом. В 670 г. Силла, опасавшаяся, что после разгрома Когурё наступит и ее очередь, подняла восстание против танского владычества в Корее и поддержала действия повстанцев Когурё. В результате шестилетней войны в 676 г. танские войска были изгнаны, а Корейский полуостров был объединен под эгидой Силла, что принципиальным образом изменило геополитическую ситуацию в регионе.

После этого обмен посольствами между Ямато и Силла стал частым и регулярным, поскольку последняя была заинтересована в поддержке Ямато в своем противостоянии с Китаем (в период правления Тэмму посольства из Силла

прибывали ежегодно). Однако с течением времени, в связи с изменением баланса сил на Дальнем Востоке (в частности с улучшением отношений Объединенной Силла с танским Китаем), отношения Ямато с Силла стали ухудшаться. Одной из причин этого стало недовольство силланских правителей политикой Ямато, рассматривавшей Силла в качестве вассального государства.

Тем не менее дипломатические контакты с Силла (до прекращения отношений в 779 г.) были более частыми, чем с Китаем (подробнее см. главу «Япония и внешний мир»).

Утрата Ямато своих позиций на Корейском полуострове сыграла значительную роль в выборе того направления, по которому предстояло развиваться японской государственности и культуре. Как это часто бывает, жестокое поражение продиктовало осознание необходимости в проведении всесторонних реформ, образцом для которых однозначно становится самое мощное государство региона — танский Китай. При осуществлении реформ большую роль играли также знания и опыт выходцев из Пэкче и Когурё, массовый исход которых в Японию наблюдается после установления гегемонии Силла.

Институциональная история. В период Асука одним из выражений процесса развития государственности явился рост чиновничьего аппарата и его постоянные реорганизации. Если раньше знать получала титулы либо в зависимости от степени родства с императорским домом (или же приближенности к нему), либо от должностных функций, то в 603 г., согласно данным «Нихон сёки», в целях упорядочения аппарата управления была введена «система 12 рангов».

Высшими рангами были «большая и малая добродетель» (*дайтоку*, *сётоку*). Остальные 10 рангов именовались по пяти конфуцианским добродетелям: большая и малая доброта (*дайдзю*, *сёдзин*); большой и малый ритуал (*дайрай*, *сёрай*); большая и малая вера (*дайсин*, *сёсин*); большая и малая справедливость (*дайги*, *сёги*); большая и малая мудрость (*дайти*, *сёти*). При разработке данной системы рангов был учтен опыт ранжирования чиновничества как в Китае, так и в корейских государствах (в первую очередь, Пэкче и Когурё).

Однако, несмотря на введение чиновничьих рангов, наследственные титулы *кабанэ* не ликвидировались, а продолжали су-

ществовать в качестве параллельной системы социальной стратификации. Таким образом, в Японии начиная с VII в. существовали две взаимозависящие друг от друга иерархические системы. При этом *кабанэ* указывали на положение *удзи* в целом и в результате превратились в часть родового имени, тогда как ранги предоставлялись индивидуально (в этом можно увидеть попытку противопоставить индивидуальное начало китайской бюрократической системы началу коллективному, которое до сих пор доминировало в Ямато).

Основные функциональные различия между *кабанэ* и рангами проявлялись в следующем.

1) *Кабанэ* указывали на тип происхождения рода (потомки разных категорий синтоистских божеств и иммигрантов). Титул *кабанэ* первоначально давался одному (старшему) в пределах той или иной родовой группы, субклана или клана, при этом он передавался строго по наследству. По всей видимости, глава клана, пожалованный таким титулом, являлся «ретранслятором» этого *кабанэ* на всех членов данного клана. Ранг же присваивался только индивидуально и не был наследственным, что давало правящему роду возможность выделить из общего массива рода способных и преданных людей. При пожаловании ранга титул *кабанэ* мог и не приниматься в расчет, а следовательно, происхождение могло и не влиять на высоту присваиваемого ранга.

2) Если употребление *кабанэ* отличалось широким охватом социума, то первая попытка «чиновничьего ранжирования» такой системностью не обладала. Ранги предоставлялись не всем сотрудникам государственного аппарата, но лишь отдельным лицам, которые выполняли особые поручения двора (это могло быть участие в дипломатических миссиях, военных акциях на Корейском полуострове или сооружение статуи Будды), а создание охватывающей весь аппарат управления ранговой системы относится только ко второй половине VII в. Пока же одной из основных целей введения первой ранговой системы была демонстрация «цивилизованности» двора Ямато с точки зрения китайской политической науки о государстве.

В дальнейшем ранговая система подвергалась неоднократным пересмотрам в сторону расширения сферы ее применения и большей детализации указываемого ею социального статуса.

В течение второй половины VII в. было проведено еще четыре реформы чиновничьих рангов (в 647 г. было введено 13 степеней, в 649 г. — 19, в 664 г. — 26, в 685 г. — 48), пока в 701 г. не была установлена классическая (по примеру китайской) система ранжирования из 30 степеней, объединенных в 9 ранговых категорий. В отличие от первых чиновничьих рангов 603 г., ранги, введенные впоследствии, можно считать категориями исключительно внутrigосударственной градации, т. е. рангами в полном смысле этого слова. И если при Суйко члены рода Сога, будучи реальными властителями, придворных рангов не носили, то теперь всем министрам и даже принцам присуждаются ранги (последовательное введение систем ранжирования и соотношение между ними представлены в Приложении 4).

Создание чиновничьего аппарата управления сопровождалось и формированием новой государственной идеологии, в своих общих принципах основанной на китайской философии управления. Одним из первых свидетельств непосредственного обращения к иноземным образцам в этой сфере служит инкорпорируемое в текст «Нихон сёки» «Уложение (или же “Наставление”) из семнадцати статей» (больше известное в отечественной литературе как «Конституция 17 статей») — сочинение, приписываемое кисти принца Сё:току-тайси и датируемое хроникой 604 г.

«Престолонаследник Сё:току был сыном государя Татибана-но Тоёхи [Ёмэй], что правил Поднебесной из дворца Икэбэ-но Намицуки, что в Иварэ. У престолонаследника было три имени. Во-первых, его называли Умаядо-но Тоётомими. Во-вторых, его называли Сё:току. В-третьих, его называли Камицумия. Умаядо — Двери Конюшни — его называли потому, что он родился возле конюшни. Тоётомими — Чуткое Ухо — его называли потому, что от рождения он был мудр и мог разом выслушивать прошения десятых и решать их дела, не пропуская ни слова. Его называли Сё:току — Священная Добродетель — потому, что поведением он был как монах, написал толкование к трем сутрам, распространял Закон Будды и творил добро, установил ранги для тех, кто того заслуживал. Его называли принцем Камицумия — Верхний Дворец — поскольку его покои находились выше государева дворца.

Когда престолонаследник проживал во дворце Окамото, что в Икаруга, он отправился по делам из своего дворца. На дороге возле деревни Катаока он увидел лежащего нищего. Принц вышел из паланкина, заговорил с ним и расспросил, снял свою накидку, накрыл ею больного и продолжал путь. Когда путешествие было закончено, уже на обратном пути принц не увидел нищего — только накидка висела на ветке дерева. Принц взял ее и надел. Один из министров сказал ему: “Неужели ты так беден, чтобы носить грязную одежду, которую надевал нищий?” Принц рек так: “Ты ничего не понимаешь”.

Нищий умер где-то в другом месте. Принц услышал об этом и отправил посланца с тем, чтобы совершить временное захоронение. Усыпальницу же ему построили в северо-восточной части буддийского храма Хориндзи. Позднее туда отправили посланца, и он обнаружил, что, хотя вход в нее был закрыт, внутри никого не было. Только при входе была начертана песня:

Имя моего господина
Забудут лишь тогда,
Когда воды реки Томи,
Что в Икаруга,
Перестанут струиться.

Посланец вернулся и доложил обо всем принцу. Тот выслушал молча, не говоря ни слова.

Воистину говорю: святой узнает святого, а человек обычный святого не узнает. Там, где человек обычный видит лишь нищего, святой своим провидящим оком способен распознать истинное. Это — чудо чудесное» («Нихон рё:ики»).

«Уложение», текст которого приводится в «Нихон сёки», представляет собой компиляцию, составленную на основе классических книг конфуцианства и позднейших китайских литературных произведений (исследователи насчитывают в нем около двух десятков скрытых цитат — в том числе и из произведений, которые были созданы после 604 г.). Это сочинение представляет собой подобие наставления в основах государственного управления. В нем формулируются принципы взаимоотношений между всемогущим государем и подданными, их взаимоотно-

ственности, в чем видно влияние китайской политической доктрины. Особенностью же японского подхода к проблемам управления следует считать ту выдающуюся роль, которую отводит Сё:току-тайси буддизму (в Китае буддизм всегда был периферийным учением с точки зрения принципов официальной идеологии, моделировавшей все социальные институты исходя прежде всего из принципов семейных отношений).

Несмотря на то, что «Уложение» в том виде, как оно приводится составителями «Нихон сёки», безусловно является интерполяцией, мы, тем не менее, придерживаемся мнения, что в нем заложены определенные принципы управления, которыми правящая элита VII в. действительно пыталась придерживаться.

Как уже говорилось, осознание неспособности отстаивать свои интересы на Корейском полуострове послужило одной из основных причин для начала крупномасштабных преобразований в Ямато. Кроме этой можно выделить следующие причины проведения реформ.

1) Необходимость консолидации правящей элиты и распространения ее власти на максимально возможную территорию.

2) Потребность правящего рода найти выход из положения, когда тесная и давняя связь с кланом Сога лишила его многих потенциальных сторонников (так, например, были уничтожены Мононобэ и принижен род Накатоми).

3) Привлекательность «китайской модели» централизованного государства для японской элиты, поскольку именно Китай выступал в качестве гегемона на всем Дальнем Востоке.

4) Демонстрация Китаю того, что в Ямато идет становление «цивилизованного» (с точки зрения китайской политической науки) государства, т. е. «вписывание» Ямато в рамки китаяцентричного цивилизационного и геополитического порядка.

Таким образом, «реформы Тайка» были подготовлены всем ходом исторического развития и явились следствием осознанного выбора верхов японского общества, обусловленного как геополитическими факторами, так и конкретно-исторической внутренней ситуацией.

Основными движущими силами реформ стали:

— представители царского рода: принц Нака-но Оэ (будущий император Тэнти, 668—671), ставший вдохно-

вителем реформ, и принц Кару (будущий император Ко:току, 645—654), во время правления которого начали осуществляться первые преобразования;

- представители местных (японских) крупных кланов, утративших бывшее положение в период доминирования Сога (например, Накатоми-но Каматари);
- представители иммигрантских родов, обеспечивающих приток образованных кадров для государственного строительства (к их числу можно отнести, например, ученого Такамуко-но Куромаро и китайского буддийского монаха Мин);
- представители средних и мелких (в основном провинциальных) родов, которые по тем или иным причинам (в том числе и в силу заинтересованности в стабильной центральной власти) стали сторонниками преобразований.

Согласно «Нихон сёки», после воцарения Ко:току в Ямато по китайскому образцу был впервые введен девиз правления (*нэнго*:) — Тайка («Великие перемены»), который должен был указать на основное направление деятельности нового правителя. Первым годом «Тайка» стал 645-й. В 646 г. был провозглашен указ о реформах (*кайсин-но тё*:), состоящий из четырех пунктов. Содержание этого документа сводится к следующему.

1. Упразднялись частные земельные владения и частнозависимые категории населения, вводилась государственная собственность на землю. Высшие сановники получали крестьянские дворы в кормление, средние и мелкие чиновники получали полотно и шелк.

2. Вводилась новая административно-территориальная система: столица, столичный район (Кинай), провинции (*кун*), уезды (*гун*), деревни (*ри*). Кроме того, были учреждены почтовые станции.

3. В качестве подготовительных мероприятий для введения наделного землепользования предусматривалось составление подворного реестра и разверстки налогов.

4. Устанавливалась система налогов и повинностей.

Таким образом, реформа была призвана усилить центральную власть, кодифицировала систему управления, определяла

отношения между центром и периферией, пределы их компетенции, устанавливала размер регулярного налогообложения.

«Реформы Тайка» имели множество культурных последствий, в том числе и самых неожиданных. Так, например, в результате введения наделной системы землепользования рисовые поля приобрели ту конфигурацию, которую они имеют и в настоящее время (так называемая «система дзэ:ри»). Обрабатываемая земля делилась на квадраты размером 6 на 6 *тэ*: (1 *тэ*: равнялся 109 м). Поля полагалось ориентировать строго по сторонам света. При этом мера длины в 1 *тэ*: при счете с севера на юг называлась дзэ:, а при счете с востока на запад — *ри*. Такой участок земли размером в 6 на 6 *тэ*: (или — что одно и то же — 6 *дзэ*: на 6 *ри*) делился на 36 одинаковых квадратов, называвшихся *цубо* и имевших площадь в 1 кв. *тэ*:. Каждый из таких квадратов получал свой порядковый номер (т. е. местоположение того или иного участка определялось практически мгновенно). *Цубо*, в свою очередь, делился на 10 полосок земли (могли быть ориентированы как в направлении север-юг, так и восток-запад). Эти полоски земли назывались *тан*. Считалось, что урожай риса с одного *тан* хватает на прокорм одного человека.

Важнейшим культурным последствием такой системы землепользования было составление карт (планов) местности. Первые сохранившиеся планы местности относятся к VIII в. (служили документом, удостоверяющим права на владение или же пользование землей). Таким образом, введение наделного землепользования привело к применению измерительных процедур и инструментов, тщательной проработке пространства, что является характерной чертой японской культуры и в настоящее время. Наделное землепользование пришло в упадок уже в X в., но система дзэ:ри продолжает существовать в неизменном виде вплоть до сегодняшнего дня.

Проблема аутентичности указа о проведении реформ — одна из дискуссионных в японской историографии. Ряд дословных совпадений в тексте указа 646 г. с соответствующими местами более поздних китайских документов, обозначение уездов как *гун* (в то время как данные эпиграфики *моккан* доказывают, что в ходу был термин *коори*), неадекватное определение границ столичного района Кинай (столица в 646 г. находилась в Нанива,

а в документе описывается явно другой район) позволяют усомниться в том, что указ (в той форме, в какой он представлен в «Нихон сёки») был действительно написан в 646 г. Однако это не ставит под сомнение сам факт реального проведения реформ во второй половине VII в., основные направления которых были изложены в указе.

Первым шагом реформаторов по осуществлению поставленных в программном указе целей было составление подворного реестра и налоговой росписи. По данным «Нихон сёки», подворные реестры составлялись в 646, 652, 670 и 689 гг.

Следующим мероприятием стало наделение земель казенно-обязанного населения. Для этого были установлены единицы измерения площади (поле длиной в 30 шагов и шириной в 12 шагов считалось за 1 *тан*; 10 *тан* равнялись 1 *тэ*:), которые до этого времени не были унифицированы.

Наряду с наделами для крестьян существовали и привилегированные земли, жалусмые знати в качестве компенсации за их земли, объявленные государственной собственностью. Система землепользования для чиновников (должностные земли, ранговые земли и «земли за особые заслуги») окончательно сформировалась в VIII в., однако уже в конце VII в. можно видеть ее зачатки. Так, в указе 691 г. сообщается о землях, жалусмых в соответствии с рангом (площадь таких земель изменялась в зависимости от высоты ранга — от 1/4 до 4 *тэ*:). Кроме того, в тексте «Нихон сёки» есть и другие упоминания о земельных пожалованиях, размер которых непременно увязывался с рангом. Чиновничество обладало немалыми привилегиями, главной из которых были налоговые льготы. Чиновники с 8-го по 6-й ранг освобождались от подати только сами, а чиновники более высоких рангов освобождались от налогов не только сами, но также их отцы и сыновья (5-й и 4-й ранги), их дети, отцы, братья, сыновья и внуки (3-й, 2-й и 1-й ранги). Словом, чиновничество было ясно маркировано как социальная группа, ответственная за сбор налогов, а не за их уплату.

Однако все эти формы служебных пожалований еще не отличались систематичностью, а наиболее типичной формой служебных пожалований для второй половины VII в., кроме натуральных выдач, оставался доход с определенного количества дворов, приписанных данному лицу, учреждению, храму и т. д.

Дворы в кормление (*дзикифу*) получали ранговые служащие, принцы, ученые-конфуцианцы, буддийские храмы и монахи.

Проводя политику подобных пожалований, правительство старалось не допустить переход кормлений в наследственное частное владение, о чем свидетельствует указ о пересмотре и изменении списков дворов в кормление, пожалованных буддийским храмам (679 г.), а также указ об аннулировании пожалованных в кормление дворов с требованием вернуть их государству (682 г.).

Важнейшей областью деятельности реформаторов было создание центрального аппарата управления. В 645 г. были учреждены должности трех министров: левого — *садайззин*, правого — *удайззин* и внутреннего — *найдайззин* (должность главного министра — *дадзэ: дайззин* — была введена в 671 г.). Однако сами министерства были созданы позже. В окончательном виде новый правительственный аппарат состоял из восьми министерств: Министерство кадров (*Сикибусэ:*), Министерство управления (*Дзибусэ:*), Министерство народных дел (*Мимбусэ:*), Военное министерство (*Хёбусэ:*), Министерство наказаний (*Гёбусэ:*), Министерство казны (*Оокурасэ:*), Министерство центра (*Тю:мусэ:*), Министерство двора (*Кунайсэ:*). Кроме указанных учреждений, в «Нихон сёки» упоминается Палата небесных и земных божеств (*Дзингикан*), которой подчинялись все синтоистские храмы и жрецы в провинциях.

Так как осуществить реформы можно было только через местную администрацию, то к ее созданию приступили немедленно. В 646 г. по китайскому образцу были выделены Внутренние провинции (*Кинай*), располагавшиеся в непосредственной близости от резиденций правителей. В них были назначены управители провинций и уездов, устроены заставы, почтовые дворы, сторожевые пункты и т. д. Именно в *Кинай* реформы начались раньше всего и были наиболее последовательными.

Особое внимание реформаторы уделяли созданию чиновничества как сословия, ответственного за проведение государственной политики в центре и на местах. Однако в процессе реформ пришлось отойти от идеализированного образа чиновника, свободного от кровно-родственных связей и служащего исключительно государству (двору). Хотя наследственную служ-

бу отменили еще в 646 г., а на местах вместо старых наследственных глав территорий (*куни-но мияцукэ*) предполагалось назначить новых управителей, подчиняющихся непосредственно центральной власти, сделать это оказалось не так легко. Правительству приходилось пользоваться услугами старой знати, так как людей, обладавших навыками в управлении и сведущих в области китайской политической науки, не хватало. Местные органы управления (начиная с уезда и ниже) фактически находились в руках местной знати.

Для пополнения рядов формирующегося чиновничества в 670 г. была открыта столичная школа чиновников (в ней обучалось около 400 человек), а в 701 г. — провинциальные школы.

Параллельно с этим шел процесс выработки статуса чиновничества. В указах 673, 676, 682 и 690 гг. устанавливались критерии, в соответствии с которыми производилось назначение на чиновничьи должности.

В процессе выработки таких критериев во второй половине VII в. явно прослеживаются два этапа. На первом (указы 673 и 676 гг.) при назначении на чиновничьи должности отдавалось предпочтение тем «кандидатам», которые имели определенные способности к выполнению служебных обязанностей (например, для всех «кандидатов» был установлен своеобразный «испытательный срок», в течение которого они выполняли различные мелкие служебные поручения). На втором этапе (указы 682 и 690 гг.) идея государственной службы, первоначально основанная на представлениях китайской политической науки, начинает приобретать традиционные японские черты, согласно которым изменение служебного состояния определенного лица в первую очередь зависело не от его способностей, но от заслуг (знатности) всего рода, из которого он происходил. И хотя одним из критериев при назначении на должность оставались личные качества кандидата, отмечалось, что даже если претендент на должность «деятелен и способен», но его происхождение не выяснено, то рекомендовать его кандидатуру на занятие должности не следует.

Таким образом, китайская идея меритократии (приоритета реальных заслуг и способностей при назначении на должность) все более уступает место местной концепции аристократического устройства власти.

Реформаторами предусматривались способы контроля над чиновничеством, одним из путей которого стало введение системы ранжирования всего государственного аппарата. К концу периода Асука практически весь государственный аппарат обледал рангами. Таким образом, центральная власть получила возможность повышать и понижать в ранге, что было мощным средством для контроля над служащими.

Однако в условиях прочных традиций кровно-родственной организации общества одного введения рангов было явно недостаточно. Параллельно бытовавшая система *удзи-кабанэ* также нуждалась в реформировании.

В 682 г. был издан указ об упорядочивании *удзи*. Членам *удзи* предлагалось выделить старшего. Слишком многочисленные роды должны были разделиться на более мелкие. Включать в клановые списки посторонних лиц запрещалось, а кандидатуры глав родов подлежали утверждению властями. Таким образом, *удзи* узаконивались в качестве социальной категории, а их вожди стали управлять ими не от собственного лица, а уже от имени центральной власти.

Продолжением социальной политики стала реформа титулов-*кабанэ*. В 684 г. при Тэмму была введена новая шкала *кабанэ*. Многочисленные и не отличавшиеся строгой соподчиненностью *кабанэ* были сведены к восьми категориям (*якуса-но кабанэ*), образующим последовательность от высшего к низшему: *махито*, *асоми*, *сукунэ*, *имики*, *мити-но си*, *оми*, *мурадзи*, *инаги*. Высшие ранги новой системы — *махито* и *асоми* — до реформы не существовали. Так же дело обстояло и с *кабанэ мити-но си* и *имики*. Другие, некогда наиболее важные *кабанэ* (как, например, *оми* и *мурадзи*) оказались в нижних графах новой шкалы.

Реформа титулов Тэмму была обусловлена не только институциональными соображениями по усовершенствованию системы управления, но и чисто политическими обстоятельствами. Дело в том, что во время правления Тэмму оформилось ядро «новой» знати, которая выдвинулась благодаря личной преданности императору во время «смуты года дзинсин». Поскольку в рамках прежней системы титулов повышение их статуса было затруднительно, следовало реформировать ее. Это позволило выходцам из незнатных кланов получить сравнительно высо-

кие титулы. Однако в реальности политическая элита, как показала практика VIII в., не претерпела существенных изменений — традиционная организация общества препятствовала любым социальным изменениям.

Хотя формально и не устанавливалось никакой зависимости между иерархией титулов и чиновничьими рангами, на деле такая зависимость проявилась очень быстро. В VIII в. зависимость между титулом и рангом проявилась в еще большей степени, и большинство лиц, получивших ранги с 1-го по 5-й, были потомками тех людей, которые получили высшие титулы-*кабанэ* во время правления Тэмму. Это говорит о том, что система чиновничьих рангов в Японии развивалась по собственному, отличному от китайского и корейского, пути и наложилась на уже существовавшую в Японии иерархию социальных званий. В результате шкала титулов была соединена с системой чиновничьих рангов, где присвоение того или иного ранга и звания было обусловлено прежде всего происхождением.

Кроме регулярных чиновничьих рангов, в 685 г. была введена специальная шкала из двенадцати степеней (две ранговых категории), предназначенная для ранжирования исключительно представителей императорского рода. Важность этого события состояла в том, что такая система рангов маркировала представителей императорского рода как совершенно особую социальную группу, позволяя им претендовать на высшие должности в государственном аппарате. Так, принц Такэти в 690 г. был назначен главным министром, принц Такэда в 708 г. — главой Министерства наказаний, принц Курукума — главой Военного министерства, а принц Тонэри занимал должность главы Министерства двора и помощника министра (*нагон*). Таким образом, система рангов для принцев способствовала созданию реальных условий для назначения представителей императорского рода в государственный аппарат на законных основаниях.

Реформаторские начинания Тэмму коснулись и армии. Он начал процесс создания вооруженных сил, непосредственно подчиняющихся центральному правительству. До этого огромную роль играли клановые отряды: главы сильных и преданных императору родов становились военными командирами и вместе с императорской гвардией составляли ядро вооруженных

сил. В результате использования отрядов молодых кланов, которые вышли на политическую арену после «смуты года дзинсин», произошло некоторое увеличение войсковой мобильности. Однако это не могло вызвать принципиальных изменений в чисто клановой организации войска, показавшего свою неэффективность в борьбе за гегемонию на Корейском полуострове.

В 675 г. было создано Военное министерство, которое взяло на себя организацию государственного военного дела. Именно это событие можно считать поворотным моментом военной реформы. Важнейшим событием этого этапа было введение воинской повинности в 689 г. Согласно указу, воинскую повинность должен был нести каждый четвертый мужчина в крестьянской семье. Централизованный набор рекрутов стал одной из важнейших составляющих структуры будущих государственных вооруженных сил, окончательно оформившихся в VIII в.

Всестороннее изменение самой природы государственности по танским образцам, к чему стремились Тэмму и его окружение, находило свое выражение и во внешних формах придворной жизни. Отсюда — многочисленные указы Тэмму об упорядочивании таких важных для самоосознания любого древнего государства вещей, как одежда, прически, приветствия.

Роль Тэмму велика и в формировании государственной идеологии. Именно в его правление провозглашается указ о составлении «государевых записей», в которых должно было отразить «дела старины», впоследствии послуживших основой для составления «Кодзики». В том же 681 г. было начато составление свода законов «Киёмихарарё» (текст не сохранился).

Столица Фудзивара. Вдове Тэмму — Дзито: — удалось завершить важное начинание своего супруга. Речь идет о строительстве новой столицы Фудзивара (которую, может быть, было бы правильнее называть дворцовым комплексом, поскольку за время своего 16-летнего существования — с 694 по 710 г. — он не успел развиваться в полномасштабный город). Месторасположение Фудзивара было выбрано еще при Тэмму. Оно находилось чуть севернее Асука, где размещались резиденции предыдущих императоров.

Судя по всему, Фудзивара замышлялась в соответствии с программными требованиями указа 646 г. в качестве первой постоянной резиденции государей Ямато.

Для того чтобы получить представление о том, какой мобильностью обладали правители в VII в., стоит перечислить, сколько дворцов они успели сменить за это время (правда, следует учитывать, что все они, за исключением Нанива, находились очень близко друг от друга). Суйко взошла на престол во дворце Тоюра в 592 г. В 603 г. она переехала во дворец Оварида. Дзёмэй пребывал сначала в Асука-но Окамото (с 630 по 636 г.), но потом поочередно переезжал в Тапака, Умаясака и Кудара. Когёку правила из дворца Асука-итабуки. Когёку покидает Асука и переезжает в Нанива. После его смерти Когёку, повторно взошедшая на трон под именем Саймэй, возвращается в Асука и сначала правит из своего прежнего дворца Итабуки, но вследствие пожара перемещается в Кавара-но Мия, а потом — в новый дворец, построенный на месте Окамото. Тэнги переезжает в Оми-оцу-но Мия. Тэмму — в Киёмихара-но Мия.

Такая частая смена резиденций вряд ли могла способствовать эффективному управлению. Поскольку резиденции были расположены друг от друга на очень близком расстоянии, то объяснение приходится искать в области, не имеющей отношения к практическим обстоятельствам. По всей вероятности, смена дворца, сопровождавшая церемонию интронизации, была одним из звеньев комплекса ритуалов по обновлению страны.

Фудзивара представляет собой прекрасный пример города, возникшего не в результате естественной эволюции, но вследствие волевого решения властных структур.

Дворцовый комплекс, расположенный на севере города, имеет форму квадрата размером приблизительно один на один километр. Традиционно считалось, что по своему прямоугольному плану с пересекающимися под прямым углом улицами (погрешность в определении направлений не превышает половины градуса) Фудзивара более всего напоминает современную строителям столицу Тан — Чанъань. Впрочем, поскольку границы города на настоящий момент точно не определены (проведению раскопок мешает современная застройка), остается место и для других догадок. Так, ведущий специалист по исторической географии Киси Тосио считал: моделью для Фудзивара послужила столица династии Северная Вэй — Лоян (ось север-юг соотносится с осью восток-запад как 3 : 2, а не как 5 : 6, как это было в Чанъани).

На выбранном для возведения дворца месте сначала была проложена сетка внутренних дорог. Самой широкой из них была 32-метровая Судзаку, разделявшая территорию дворца на две равные части — восточную («левую») и западную («правую»). Эта посыпанная гравием дорога вела от южных ворот прямо к государеву дворцу и предназначалась для приема иностранных послов и проведения других торжественных церемоний. Менее широкие дороги разделяли город на прямоугольные кварталы теоретически одинакового размера (здесь погрешности строителей уже виднее, и на самом деле кварталы Фудзивара, точно так же как и Нара, несколько отличаются друг от друга). В результате раскопок было обнаружено, что при прокладке такого типа прямых дорог, которые игнорируют особенности рельефа и специфику культурной ситуации предыдущего периода, было скрыто немало курганов (точно так же обстояло дело и при строительстве следующей резиденции — Нара).

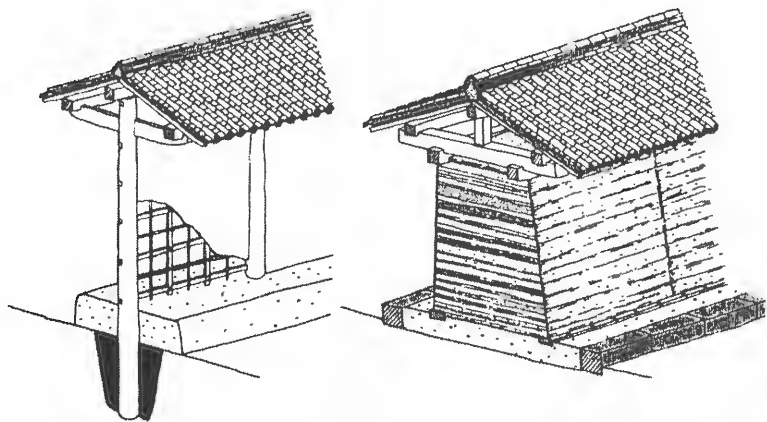

Иллюстрация 26. Ограда дворца в Фудзивара (левое изображение) и Нара (правос)

Только после прокладки дорог в образованных их пересечением ячейках началось сооружение дворцового комплекса, окруженного оградой высотой около 5,5 метров. Эта стена представляла собой вкопанные в землю столбы диаметром в 40—50 см,

связанные между собой бамбуковой сеткой, обмазанной глиной. Ограду венчала двухскатная черепичная крыша. Поскольку расстояние между столбами составляло приблизительно 2,7 м, то считается, что только для сооружения ограды потребовалось не менее 1200 столбов. При переносе столицы в Нара эти столбы были выкопаны, выдолблены изнутри и использованы для прокладки канализации, что показывает отсутствие возможности и необходимости (как политической, так и экономической) для Японии того времени иметь хотя бы два города. Тому же повторному использованию в Нара подлежала и черепица, использовавшаяся в Фудзивара.

При доставке дерева для строительства Фудзивара помимо сухопутных дорог (повозки, запряженные волами) использовался и построенный специально для этой цели канал (ширина — 6—9 м, глубина — более 2 м).

В поэтической антологии «Манъё:сю» приводится песня, обращенная к Дзито: и сложенная людьми, которые отбывали трудовую повинность на постройке Фудзивара. «Правящая с миром, государыня наша! Дочь солнца, небо освещающего! Оглядев кормящую тебя страну, ты, божественная, решила, что дворец будет выститься здесь, в Фудзивара... И Небо с Землей были согласны... По реке Удзигава сплавляют лес — словно водоросли плывут, а работники, вылавливающие его, шумят, позабыв и про дом, и про себя, плещутся в воде, словно утки... Поглядишь на их труды — поймешь, что [государыня наша] — божество».

Фудзивара была первой резиденцией императоров, где крыши зданий были крыты не только корой кипарисовика (*хиноки*; в синтоизме — «священное дерево»), но и черепицей. Хотя производство черепицы началось в конце VI в., она использовалась тогда при строительстве исключительно буддийских храмов. Черепица была настолько непривычна для тогдашней Японии, что одним из неофициальных терминов для обозначения храмов было: «крытые черепицей». Первое решение об использовании черепицы при строительстве зданий государственных учреждений было принято еще в 655 г., но оно так и осталось неосуществленным (по всей вероятности, ввиду отсутствия достаточных производственных мощностей). Следует также иметь в виду и

приверженность традиционным способам строительства (несмотря на то, что в VIII в. производство черепицы было налажено уже достаточно хорошо, сами правители продолжали жить в строениях, покрытых корой кипарисовика, хотя публичные функции отправлялись ими в зданиях под черепичной крышей). Крытые серой черепицей мощные строения с крашенными кипарисовыми опорами столбами должны были производить на современников сильное впечатление.

Свободный доступ в дворцовый комплекс через любые из двенадцати (по три с каждой стороны) ворот был дозволен только высшей аристократии (чиновникам от 5-го ранга и выше). Остальные чиновники могли использовать только те ворота и только в то время, которые им были предписаны. Ворота носили названия родов, известных своей воинской службой и преданностью (Тадзихимон, Тиисакобэмон, Саэкимон, Такэрубэмон, Агата Инукаимон и др.). По всей видимости, каждый род был ответствен за поддержание порядка в своем секторе. Так, главные ворота дворца — Судзакумон, выходящие на главную магистраль города — Судзаку, в источниках иногда называют Оотомо-мон, т. е. по имени рода Оотомо, представители которого занимали важные посты в Военном министерстве и ведомствах, осуществляющих охрану дворцового комплекса, на протяжении последней трети VII — первой половины VIII в.

Строительство Фудзивара было вызвано прежде всего управленческими нуждами. Прежде родоплеменная аристократия жила в своих усадьбах, разбросанных по всему району Кипай. Управление же государством требует определенного сосредоточения информации с последующим принятием решений в одном месте — в противном случае не происходит концентрации распорядительных полномочий, необходимых для управления территорией, размеры которой превышают некоторый критический предел. Вместе с постройкой столицы вся политическая элита (а это было приблизительно 120 человек, обладавших рангом от 5-го и выше) оказалась собранной в одном месте.

В Фудзивара, этом первом японском городе, согласно оценкам, могло проживать от 30 до 50 тысяч человек (чиновники, их семьи и слуги, персонал дворца). Поскольку существует несколько предположений о площади города и количестве населения, то

и расчеты плотности населения обладают определенной вариативностью. Оценки колеблются в пределах от 1100 до 4600 человек на квадратный километр (в городе Касихара, расположенном в настоящее время на территории бывшей Фудзивара, эта цифра составляет 3045 человек).

Фудзивара служила резиденцией для трех правителей: Дзито: (часть правления), Момму и Гэммэй (часть правления), — всего в течение 16 лет, но все-таки ее строительство знаменовало собой важный психологический перелом: резиденция правителей Ямато постепенно переставала быть кочующей с места на место.

* * *

Важнейшим итогом реформ второй половины VII в. было формирование в Японии качественно иной государственной структуры, которая в определенной степени сумела преодолеть традиции прежнего социального устройства. Этот процесс происходил под непосредственным влиянием танского Китая, к которому были теперь обращены взоры правящей элиты (влияние Кореи как поставщика культуросодержащей информации значительно уменьшилось). Следует, однако, иметь в виду, что реформы не всегда были последовательными, таили в себе серьезные противоречия (например, признание привилегированного положения кланов и одновременное отстаивание монопольного статуса чиновничества в сфере управления). Тем не менее реформаторская деятельность создала условия для появления кодекса законов «Тайхо: рицурё:» и создания на его основе государства централизованного типа (так называемого «государства, опирающегося на законы» — *рицурё: кокка*).

РАЗДЕЛ III

ПЕРИОД НАРА

Общая характеристика периода. Периодом Нара, в узком смысле этого понятия, называют то время, когда столицей Японии (Ямато, о соотношении этих названий см. главу «Ямато и Япония») была Нара (710—784). В политическом отношении это было время правления восьми государей и государынь.

Столица была перенесена в Хэйан в 794 г. В течение 10 лет, с 784 по 794 г., двор находился в Нагаока. Это десятилетие по всем своим социальным и культурным параметрам примыкает к Нара, и поэтому к периоду, когда Нара была официальной столицей, можно приплюсовать еще 10 лет, что обычно и делается.

Если же рассматривать период Нара как время продолжения начатых в VII в. реформ, которые ставили своей целью превращение Японии в «цивилизованное» (по дальневосточным меркам) государство, то тогда нижняя граница периода сдвигается к середине VII в., когда «реформы Тайка» начали проводиться в жизнь.

Весь этот период (а также начало Хэйан) японские историки называют «периодом государства, опирающегося на законы» (*рицурё: кокка*), поскольку именно к этому времени относится существование жестко централизованного государства во главе с «императором», большинство сторон функционирования которого определены однозначно заданными правилами или законами. Действия законодательных сводов, принятых в VIII в. (тексты кодексов VII в., о которых сообщает «Нихон сёки», не сохранились; возможно, что их и не существовало), никто формально не отменял вплоть до Мэйдзи. Предполагалось (во всяком случае, теоретически), что все остальные законы (принятые, скажем, при сёгунах) являются лишь некоторым дополнением к существовавшим в VIII в. И даже когда «императору», фактически лишенному сёгунами каких бы то ни было властных пол-

номочий, приходилось жить во дворце с прохудившейся крышей, его придворный штат имел тот же самый, определенный законодательными сводами VIII в. набор должностей, что и в период Нара.

В самом общем виде период Нара можно определить как время формирования высокоцентрализованного государства по китайскому образцу (Танская империя). Прямое корейское влияние в этот период практически сходит на нет. Желание походить на Китай и быть равным ему видно во всех областях государственной жизни: официальной идеологии, структуре чиновничества, административном делении, наделной системе землепользования, письменной культуре, архитектуре, масштабных строительных проектах и т. д. Однако мощная местная политическая и культурная традиции с самого начала вносили весьма заметные коррективы во все мероприятия центральной власти. И в результате были сформированы государство и общество, которые отличались от китайского разительным образом. Реформаторы явно переоценили свои силы и недооценили степень культурных, социальных и экономических отличий Японии от Китая. И в конце Нара уже хорошо виден процесс упадка центральной власти, не сумевшей справиться с местничеством.

К началу VIII в. стратегический выбор китайской модели управления был совершен. И этот выбор ощущался, похоже, как не имеющий никакой альтернативы. Речь могла идти только об уточнении места тех или иных институтов в общегосударственной структуре. Отсюда и происходит относительная эффективность работы государственного аппарата и его определенная независимость от многочисленных чисто политических (связанных в основном с порядком наследования) кризисов. Наиболее зримым доказательством этой эффективности может служить успешное претворение в жизнь ряда грандиозных проектов (строительство города Нара, гигантского храма Тодайдзи, разветвленной сети дорог и т. д.).

Косвенным свидетельством относительного спокойствия в стране может служить и равнинное размещение японской столицы, не обнесенной крепостными стенами. Отметим для сравнения, что во всех странах Корейского полуострова дворцы правителей непременно строили на возвышении ввиду постоянно ощущаемой угрозы со стороны конкурирующих государств, а в

Китас неперменным атрибутом городской архитектуры были крепостные стены. Вполне контрастным по отношению к Китаю выглядит и устройство японской армии. Если в Китае она подчинялась непосредственно центральным властям и концентрировалась в районе столицы, то в Японии основные воинские части были распределены по всей стране и находились в подчинении у управителей провинций.

Глава 9

Письменные источники по истории и культуре периода Нара

Период Нара является первым в истории Японии, для которого существует сравнительно удовлетворительная источниковедческая база: материалы официальной хроники «Сёку нихонги» дополняются данными законодательных сводов, комментариями и дополнениями к ним, описаниями провинций «Фудоки», материалами эпиграфики, различными документами текущего делопроизводства, генеалогическими списками «Синсэн сёдзироку», буддийскими сочинениями, поэтическими антологиями, археологическими свидетельствами и другими источниками информации.

Хроника «Сёку нихонги». «Сёку нихонги» («Продолжение анналов Японии», 797 г.) охватывает период с 697 по 791 г. Хроника составлялась в три этапа. Окончательный вид ей придали Фудзивара-но Цугутада (727—796) и Сугано-но Мамити (741—814).

Поскольку освоение письменной культурой времени мифа могло уже считаться к этому времени более или менее законченным и легитимность правящей династии была обоснована, то на смену мифологическо-летописным сводам приходит погодная хроника. По отношению к ней уже невозможно говорить о жанровой синкретичности прежних сводов. Историческая мысль окончательно выделяется в качестве самостоятельного жанра словесности. В «Сёку нихонги» мы уже почти не встречаем ярких («художественных») описаний характеров и поступков — им на смену приходит сухое изложение хрониста. Если

«Кодзики» и «Нихон сёки» оказали серьезное влияние на все жанры словесности (поэзию, прозу и историографию), то непосредственное влияние «Сёку нихонги» ограничивается по преимуществу собственно исторической мыслью. В свою очередь и сама хроника «Сёку нихонги» испытывает влияние других жанров словесности в весьма малой степени.

В «Сёку нихонги» хронология (с точностью до дня) оказывается основным структуроформирующим принципом построения текста. Если для «Кодзики» и «Нихон сёки» одним из приоритетных начал можно считать нарративность (отдельные сообщения тяготеют к законченности сюжетов, и под одной датой редко помещаются разнохарактерные сведения, что, в частности, позволяет говорить о псевдохронологии сводов), то теперь в отчете за день может помещаться самая разнообразная информация, приравненная к течению времени. Событие предстает не как законченная данность, а как процесс.

Последовательное применение получают девизы правления, в соответствии с которыми и осуществляются датировки. Правитель считался «хозяином» времени. Такое понимание предполагало, что со смертью «императора» новая эра правления могла начинаться лишь с наступлением следующего после смерти года. У каждого отрезка времени мог быть только один «хозяин» — и им считался сам государь.

Показательно, что несколько позже, в конце Хэйан — начале Камакура, вместе с распространением буддийских по своему происхождению эсхатологических представлений наступление «конца времени» («конец Закона Будды» — *манпо*) стало связываться с истечением правления того императора в большей мере, нежели чем с конкретным годом, исчисленным в соответствии с буддийской эсхатологической концепцией. В настоящее время, однако, на троне находится уже 125-й (согласно официальной историографии) по счету император — Акихито.

История (хроника как жанр словесности) окончательно осознает свою связь с хронометрируемым временем, причем «плотность» его наполнения событиями значительно возрастает. «Нихон сёки» (не говоря уже о «Кодзики») обходит молчанием годы, а в «Сёку нихонги» мало месяцев, на которые не

приходится хотя бы одно сообщение (обычно их несколько). Тридцать свитков «Нихон сёки» описывают события с доисторических времен до 697 г., один свиток «Сёку нихонги» охватывает в среднем период в 2 года 3 месяца. И это неудивительно, ибо записи хроники велись одновременно с происходящими событиями, а не фиксировались позднее. Позднее совершался лишь отбор наиболее важных сообщений из всего объема накопленной информации.

Совершенствовалась и «технология» летописания. Для «Нихон сёки» срок написания составил тридцать девять лет, для «Сёку нихонги» — только шесть. Общим свойством хроник является то, что они были рассчитаны не на современников событий, а на их потомков. Именно в их сознании должна была сложиться модель прошлого, которую конструировали составители хроник.

Задача по составлению хроник возлагалась на архивный отдел Министерства центра. Таким образом, данные собирались и представлялись специально уполномоченным на это государственным учреждением (т. е. чиновниками, за плечами которых было более или менее единообразное обучение в школе, что гарантировало общий фонд культурной памяти). Это минимизировало использование разнородных источников (что свойственно более ранней традиции) и вносило определенный вклад в формирование специфической чиновничьей культуры, контуры которой все более не совпадают с культурой народной.

Детализация описания сопровождалась сокращением пространства (социального и физического), охватываемого повествованием хроники. Для того чтобы попасть на ее страницы, нужно было обладать рангом не ниже пятого (или же совершить что-нибудь действительно выходящее за рамки привычного). Правитель и его непосредственное окружение (среди которого на первый план к концу периода выступила северная ветвь рода Фудзивара) по-прежнему остаются главными объектами описания хронистов. Но если раньше императору придавалась функция движения, в связи с чем повествование охватывало обширную территорию, то теперь, особенно после основания постоянной столицы Нара, император и его ближайшее окружение находятся по преимуществу в сакральном центре — дворце. В связи с этим основные события, фиксируемые хроникой,

тоже происходят в столице. При этом император реализует в основном речевую сторону (провозглашение указов) своей ритуальной роли. Примером могут послужить события, которые разделяет около ста лет. Правительница VII в. Саймэй сама вместе с наследным принцем отправляется в Киби и Иё, чтобы готовить военную экспедицию на Корейский полуостров (для восстановления режима Пэкче), в то время как в 60-х гг. VIII в. поход против Силла готовится с помощью чиновничьего аппарата и ни о каких личных «инспекциях» императора Дзюннин не может идти и речи. Продолжение и создание новых генеалогических связей по-прежнему занимают выдающееся место в жизни императора, чем и обусловлено столь большое значение, уделяемое «матримониальным» записям, предшествующим изложению событий, случившихся в правление того или иного государя. Такая трактовка генеалогии нарушает хронологический порядок изложения и не свойственна китайским прототипам японских хроник.

Следует заметить, что, заимствовав многие формальные особенности ведения хроник, японцы обогатили вниманием важнейшие особенности китайского исторического мышления. Как уже говорилось в главе, посвященной письменным источникам по истории ранней Японии, в первую очередь это относится к игнорированию концепции, известной как «мандат Неба», концепции, предполагающей возможность смены несправедливого правителя или династии. Несмотря на увеличивающуюся сферу применения культурой этических оценок, император (и даже не столько конкретный император, сколько вся династия) оставался фигурой сакральной и практически выведенной за пределы этой этической шкалы. Если китайские хроники в конце каждого правления имели обыкновение давать более или менее «сбалансированную» оценку деятельности каждого императора, то японские или отказываются от такой оценки, или же ограничиваются перечислением его достоинств.

Необходимо также отметить, что стимулы к составлению хроник в Китае и Японии также были различны. В Китае хроники составлялись уже при новой династии, получившей «мандат Неба» вместо династии старой, его утратившей. В Японии же мотивы составления не имеют к этому отношения, поскольку она не знала смены династий. Составление «Нихон сёки»

имеет своим побудительным мотивом легитимизацию правящей династии, создание общегосударственной идеологии, а также желание выглядеть «цивилизованным» государством в глазах Китая и Кореи. Что касается «Сёку нихонги», то период, охватываемый этой хроникой, отличается большей политической стабильностью по сравнению с временем, описываемым в «Нихон сёки» (разумеется, с определенными оговорками: эпоха Нара знает немало придворных заговоров и интриг, которые, однако, не были направлены на подрыв кардинальных основ существующего положения вещей). К тому же к этому времени уже была сформирована одна из доминант японского менталитета — установка прежде всего на преемственность. В связи с этим основной идеологической задачей «Сёку нихонги» было формирование такого образа прошлого, который бы эту установку подтверждал.

При этом необходимо отметить, что японцы прекрасно отдавали себе отчет в том, как были устроены китайские исторические сочинения. В допослании 769 г., направленном ко двору из Дадзайфу (Главное управление по делам округа Сайкайдзё, располагалось на острове Кюсю) сообщалось, что, несмотря на большое число учащихся, там имеются только экземпляры «Пятикнижия», однако отсутствуют хорошие копии «Исторических записок», «Истории Хань» и «Истории поздней Хань», что создает неудобства для студентов. В связи с этим обращением испрашиваемые (а также некоторые другие — «История троецарствия», «История династии Цинь») исторические сочинения были незамедлительно высланы, что свидетельствует о налаженной работе по переписке произведений китайской исторической мысли. В реестре книг, ввезенных в Японию к IX в. из Китая и уцелевших после пожара («Нихонкоку кэндзайсё мокуроку»), содержится более двухсот названий (4200 свитков) исторических сочинений.

Если оценивать достоверность сообщаемой «Сёку нихонги» информации, то ее следует признать весьма надежной. С развитием исторической археологии мы получаем все больше и больше доказательств, свидетельствующих в пользу этого заключения. Мы можем говорить о сознательном ограничении мира, изображаемого хронистами, о его моделировании, но огульное заключение о преднамеренном искажении исторического про-

цесса было бы сильным преувеличением. Подтверждением могут служить хотя бы записи о знаменитом монахе этого времени — Гё:ги (668—748). Первая запись «Сёку нихонги» (указ 717 г.) описывает его как «жалкого монаха», который своими ложными проповедями обманывает толпы доверившихся ему людей. В следующей записи он уже именуется «учителем дхармы Гё:ги», некоторым последователям которого разрешается принять монашество. А в записи 745 г. сообщается, что он был назначен *дайсо:дзу* («патриархом»), т. е. главой буддийской общины страны. Подобная «объективность» (т. е. отражение различных точек зрения) хроники была обусловлена тем, что на протяжении всего VIII в. к управлению поочередно приходили различные враждующие «партии», ни одна из которых не торжествовала окончательной победы и не смогла монополизировать «право на правду». В то же самое время следует иметь в виду, что официальная хроника является сочинением с определенной идеологической направленностью, а потому к ее данным следует подходить с известной долей осторожности, стараясь перепроверять их по другим источникам (археологическим, эпиграфическим, актовому материалу и др.).

Законодательные своды. В VIII в. деятельность государства и функционирование общества подчинялись двум законодательным сводам — сначала «Тайхо: рицурё» (701—702 гг.), потом — «Ё:ро: рицурё:» (составлен в 718 г., введен в действие в 757 г.). Текст первого дошел до нас с существенными пробелами, сохранность второго — намного лучше. Отличия их друг от друга, как то обнаруживается при сравнении сохранившихся и реконструированных по более поздним источникам фрагментов, не слишком велики.

Объектом описания как законодательных, так и исторических текстов является государство. Совпадает и субъект описания — в обоих случаях им также является само государство (эти тексты возникают не спонтанно, а по прямому государеву указу). Тем не менее законодательные и исторические тексты разнятся в своих подходах и задачах. Если законодательство можно признать элементом, объединяющим различные культуры Дальнего Востока (японское законодательство строилось в соответствии с китайским), то исторические сочинения, посвященные отечественной истории, в большей степени выражают

специфику национального, становясь действенным инструментом национальной (прежде всего государственной) самоидентификации.

Каждый из сводов состоит из двух основных разделов — *рицу* и *рё*: (Тайхо: и Ё:ро: обозначают соответствующие годам составления сводов девизы правлений). *Рицу* (кит. *люй*) представляет собой «уголовный кодекс», а *рё*: (кит. *лин*) — установления относительно государственно-бюрократического устройства и системы землепользования («гражданский кодекс»). Такая структура повторяет строение китайских законодательств.

Статьи уголовного права сохранились лишь во фрагментах. Дошедшие же до нас статьи *рицу* однозначно свидетельствуют, что они были почти целиком (с минимальными изменениями) заимствованы из Танского законодательства. Статьи «гражданского кодекса» реконструируются практически полностью.

Подобная структура сохранности законодательных сводов позволяет сделать вывод о неравнозначной ценности *рицу* и *рё*: в нарской Японии. Законы *рё*: были действительно «работающими». Организация высокоцентрализованного бюрократического аппарата действительно строилась в значительной степени в соответствии с китайскими образцами, хотя в нее и было внесено немало изменений, призванных обеспечить преемственность по отношению к традиционным структурам власти (так, например, законом не определялся порядок престолонаследования, осуществлявшегося в соответствии с некодифицированными нормами обычного права). Применение же китайского уголовного права столкнулось со значительными трудностями, ибо вступило в конкуренцию с привычными нормами обычного права. Видимо, уже в этот период японцы отдавали предпочтение социальным формам контроля — надзор за исполнением правил поведения осуществлялся прежде всего самим обществом, а не развитой пенитенциарной системой. Эта тенденция хорошо видна и в современной Японии, где общественный порядок поддерживается не столько строгостью наказаний, сколько морально-этическим воспитанием и неприятием всем социумом антиобщественного поведения.

В этой связи чрезвычайно важным является то обстоятельство, что сохранность Танского законодательства демонстрирует обратную тенденцию. Там намного лучше сохранность «уго-

ловного кодекса», чем гражданского, что, видимо, свидетельствует о кардинальных отличиях в системе ценностей и принципов управления. Каждая новая китайская династия начинала с того, что вводила в действие новый уголовный кодекс. В Японии же мы наблюдаем противоположную картину: при введении «Тайхо: рицурё:» сначала был обнародован «гражданский кодекс» (701 г.), а уже затем — «уголовный» (702 г.). Реальное функционирование *рицу* также имело ряд особенностей, смягчающих предписанные законодательством наказания: показательно, что начиная с 810 г. и вплоть до установления военного сёгунского режима двор неизменно заменял смертную казнь пожизненным заключением или ссылкой (отчасти это, возможно, объясняется страхом перед «неуспокоенным» духом покойного, способного к самым решительным и вредоносным действиям).

Интересный пример представляет собой посмертная судьба знаменитого ученого, поэта и государственного деятеля Сугавары Митидзанэ (845—903). Будучи оклеветан, он умер в ссылке на Кюсю. Однако на доминировавший тогда в политической жизни род Фулзивара обрушилось столько внезапных смертей, что эти несчастья были приписаны мести разгневанного духа Митидзанэ. В результате он был полностью оправдан, документы о его изгнании уничтожены, ему вышло посмертное повышение в ранге, он был назначен (опять же посмертно) главным министром, в его честь возвели синтоистское святилище. С тех пор он стал считаться покровителем ученых занятий, а посвященные ему и разбросанные по всей стране храмы являются сегодня чуть ли не самыми посещаемыми. Основной контингент паломников — ученики, студенты, их родители. Что и несудивительно, учитывая испытываемый японцами пиетет по отношению к образованию.

Таким образом, *рицу* в нарской Японии — это скорее почти ритуальное благопожелание, нежели универсальный фактор формирования социальных отношений. Чрезвычайно показательно, что обнаруженные «учебные» *моккан* с фрагментами законодательства содержат выдержки только из «гражданского», но не «уголовного» кодекса. Введение же «уголовного кодекса» в текст сводов обусловлено желанием социальной элиты воз-

можно больше походить на эталон цивилизации, т. е. Китай. Однако реальный исторический процесс проходил не совсем в соответствии с законами писаными, и с течением времени мы имеем возможность наблюдать, как все больше из заимствованного постепенно отмирает, не сумев укорениться на чуждой почве. То же самое произошло и с *рицзю*, что практически снимает вопрос об использовании «уголовного кодекса» (его сохранившейся части) в качестве сколько-нибудь надежного источника для непосредственной характеристики реально существовавших социальных отношений.

Что касается *рё*?, то здесь хорошо заметны усилия японских законников адаптировать китайские установления к сильно отличающимся условиям. Выясняя различия между ними, мы получаем возможность оценить многие важнейшие институциональные параметры японского общества и государства.

Ревизия танского «гражданского кодекса» проходила по следующим основным направлениям.

1. В Японии на самом верху пирамиды власти соподчинение бюрократических институтов было иерархическим.

2. Возможности вертикальной мобильности были, согласно японскому законодательству, намного ниже. Привилегии, предоставляемые системой «теневых рангов» (*онби*; ранг, получаемый детьми аристократов при рождении и конвертируемый в «настоящий» по достижении 21 года), были больше; конкурсные экзамены на занятие чиновничьей должности, сама идея которых была также заимствована из Китая, не имели сколько-нибудь существенного значения (определяющим при занятии вакантной должности было происхождение).

3. Контроль за делами на местах в Японии был фактически отдан на откуп местной знати; в отличие от Китая, где и управители провинций, и управители уездов назначались из центра, в Японии назначению подлежали только управители провинций.

4. Определяющая роль синтоизма в структуре официальной идеологии определялась созданием самостоятельного органа — Палаты небесных и земных божеств (Дзингикан).

5. В отличие от Китая, в японское законодательство включена специальная глава, посвященная правилам поведения буддийских монахов («Со:нирё» — «Законы о монахах и монахинях»), что свидетельствует о большей роли буддизма в государственной

жизни Японии (в Китае существовали законы, регулирующие деятельность буддийской церкви и даосских отшельников, но они не входили в основное законодательство).

6. В отличие от танского Китая, земельные наделы в Японии выделялись не только мужчинам, но и женщинам. Обладатели они и правом наследования. Это было связано с тем, что в японском обществе положение женщины было выше, чем в китайском (в Японии никогда не существовало ничего подобного китайскому обычаю умерщвления новорожденных девочек). Это подтверждается как существованием многочисленных «императриц» в VIII в., так и часто практиковавшейся матрилокальностью. В аристократических и околоаристократических кругах рождение в семье девочки зачастую приветствовалось, поскольку давало потенциальную возможность выгодно выдать ее замуж и поднять собственный социальный престиж.

При рассмотрении японских законодательных сводов необходимо учитывать следующее обстоятельство. В Китае идеологический комплекс государственного управления обеспечивался двумя главными компонентами: законодательными сводами и *ли* (яп. *рёи*) — распространенной на все общество системой ритуалов, составлявших нерасторжимое единство с законодательными сводами. Более того, *ли* обладает более высоким культурным статусом. В Японии же ритуалы *ли* были частично инкорпорированы в тексты законодательных сводов и не имели самостоятельного значения (см. главу «Формирование государственной идеологии»).

Летопись «Сёку нихонги» и законодательные своды являются наиболее важными письменными источниками «комплексного» характера по истории и культуре VIII в. Однако, поскольку грамотность широко распространилась в высших слоях японского общества, существует немало и других свидетельств, которые привлекаются для уточнения, реконструкций и сопоставительного анализа.

Комментарии к законам. По мере развития древнеяпонской государственности практическое применение статей законодательного свода сталкивалось с различными трудностями. Так, по мнению многих исследователей древнеяпонского права, краткость и лаконичность содержания большинства статей кодексов, а также изменявшиеся общественные реалии приводи-

ли порой к неадекватному толкованию отдельных статей. Это вызывало к жизни попытки разъяснять их «истинный» смысл.

Довольно быстро составление и комментирование законов превратилось в Японии в наследственное занятие (одна из ключевых характеристик традиционного японского социума вообще). Появились семьи, занимавшиеся «юриспруденцией» из поколения в поколение (*мё:бо:ка*). С установлением сёгуната в Камакура они пересели туда из Киото для создания по существу новой законодательной базы. Сравнительно безболезненно японские законники адаптировались и к европейскому законодательству после Мэйдзи. Таким образом, закон в Японии служил не только для консервации существующего положения, но и постоянно играл важную инструментальную роль в модернизации общества.

Толкование статей гражданского кодекса «Рё:-но гигэ» было составлено в 833 г. комиссией под руководством правого министра Киёвара-но Нацуно (782—837). Текст «Рё:-но гигэ» состоял из 10 свитков, которые в свою очередь подразделялись на 30 разделов. До наших дней полностью сохранились 28 разделов, а также фрагменты разделов XXII и XXIV. Значимость «Рё:-но гигэ» чрезвычайно велика, поскольку этот памятник является важнейшим источником для реконструкции различных аспектов политической, экономической, социальной и правовой истории Японии. Во-первых, материалы «Рё:-но гигэ» служат в наше время основным источником для реконструкции кодексов «Тайхо:рё:» и «Ё:ро:рё:», поскольку их оригиналы не сохранились. Во-вторых, «Рё:-но гигэ» содержит ценнейшие сведения о законодательстве и судопроизводстве в древней Японии. В-третьих, содержание «Рё:-но гигэ» позволяет выяснить, к каким сторонам политической жизни правящая элита Японии проявляла наибольший интерес, а какие стороны игнорировались. В-четвертых, изучение текста «Рё:-но гигэ» позволяет выявить, реализация каких положений «Тайхо:рё:» и «Ё:ро:рё:» вошла в противоречие с местной историко-культурной традицией.

Еще одним важным источником по истории Японии нарского периода является «Рё:-но сю:гэ» («Собрание комментариев к законам *рё:*»). В отличие от «Рё:-но гигэ» этот сборник был составлен по частной инициативе. По одной версии, ком-

ментарии были составлены «знатоком законов» (*мё:бо: хакасэ*) Корэмунэ-но Наомото (859—930) между 877 и 886 гг. Существует также мнение, что текст «Рё:-но сю:гэ» составлялся несколькими авторами поэтапно и был окончательно завершён только к 920 г. Первоначально текст состоял из 50 свитков и 30 разделов, однако до нашего времени сохранилось только 35 свитков (23 раздела). Содержание «Рё:-но сю:гэ» по сравнению с «Рё:-но гигэ» гораздо шире, поскольку здесь содержатся более пространственные комментарии. Если в «Рё:-но гигэ» присутствуют только два типа сообщений — текст соответствующей статьи закона и официальный комментарий к ней, то в «Рё:-но сю:гэ», помимо оригинального текста соответствующей статьи законодательного свода и официальных комментариев к ней (имеется в виду цитирование комментариев из «Рё:-но гигэ»), содержатся цитаты из более ранних источников (например, хроник «Сёку нихон-ги», «Нихон ко:ки» — «Поздние анналы Японии», «Сёку нихон ко:ки» — «Продолжение поздних анналов Японии» и др.), в том числе и таких, тексты которых больше нигде не сохранились. Из «Рё:-но сю:гэ» можно почерпнуть немало уникальной информации о политическом устройстве, экономической и социальной истории нарской Японии, а также о правах чиновничества и административной практике, о быте и культуре, о статусе буддийской общины и т. д. Как и «Рё:-но гигэ», «Рё:-но сю:гэ» является источником, позволяющим выяснить различные особенности процесса ренессанса китайского права в древней Японии, а также характерные черты формирования собственно японской правовой традиции.

Дополнения к законам. Как и в танском Китае, в древней Японии существовало четыре основных типа законодательных актов: основные законы (*рё:* и *рицу*), а также дополнения к ним (*кяку* и *сики*). В китайском кодексе «Тан лю динь» (739 г.) различие между этими типами актов объясняется так: «*Люй* (яп. *рицу*) определяют преступления с указанием точных мер наказания; *линь* (яп. *рё:*) утверждают административную систему посредством создания образцов; *кэ* (яп. *кяку*) исправляют сделанное неправильно путем запрещения нарушений закона; *ши* (яп. *сики*) устанавливают нормы для ведения дел».

Получается, что если первые два типа законодательных актов (*рё:* и *рицу*) составляли каркас общегосударственной право-

вой системы, то два других типа юридических актов (*кяку* и *сики*), периодически объединяемые в сборники, являлись разновидностями административного законодательства, при помощи которых осуществлялось текущее правотворчество. При этом *кяку* вводились обычно в действие императорскими указами, а *сики* — распоряжениями Дадзё:кан. Что до функциональных различий между *кяку* и *сики*, то они состояли в следующем: *кяку* служили правилами для всех органов управления и были общесобязательными для всех чиновников (в этом смысле наказания за неповиновение *кяку* были достаточно суровыми); *сики* же являлись формой ведомственного законодательства, регулировали правила внутреннего распорядка внутри учреждений. Этими правилами должно было руководствоваться то или иное ведомство и его чиновники (в этом смысле перевод термина *сики* как «церемонии», закрепившийся в отечественной японистике, не совсем корректен). Иначе говоря, законодательство *рё*: и *рицу* имело общегосударственное значение, и его соблюдение было обязательным для всех слоев населения; *кяку* были нормативными актами, не отменяющими существующих долговременных установлений (*рё*:), но модифицировали его; *сики* же являлись служебными инструкциями.

Важнейшим сборником «*кяку*» является «Руйдзю: сандай кяку» («Классифицированный сборник нормативных установлений трех периодов»). Текст «Руйдзю: сандай кяку» был составлен в начале X в. на базе трех ранее обнародованных сборников *кяку*: «Ко:нинкяку» (820 г.), «Дзё:ганкяку» (869 г.) и «Энгикяку» (907 г.). Первоначально состоял из 30 свитков, но до нас дошло только 15. Само понятие «*кяку*» — довольно емкое и включает в себя по крайней мере пять разновидностей правовых актов: императорские указы, распоряжения Палаты большого государственного совета, распоряжения отдельных ведомств и распоряжения высокопоставленных чиновников. В сохранившейся части памятника содержатся сгруппированные в 81 тематический раздел 1102 указа, охватывающие промежуток с 702 по 907 г. За период с 702 по 794 г. «Руйдзю: сандай кяку» содержит 163 указа, часть которых не вошла в другие памятники.

Основным источником типа «*сики*» является «Энгисики» («Внутриведомственные инструкции периода Энги»). Работа по

составлению «Энгисики» комиссией под руководством правого министра Фудзивара-но Токихира (871—909) была начата в 905 г. С 912 г. ее возглавил старший государственный советник (*дайнагон*) Фудзивара-но Тадахира (880—949). Составление памятника было закончено к 927 г. (введен в действие в 967 г.). Текст «Энгисики» сохранился полностью. Он состоит из 50 свитков и содержит около 3300 статей. Первые десять свитков содержат регуляции деятельности Палаты небесных и земных божеств. В свитках с 11-го по 40-й приведены внутриведомственные установления Дадзё:кан и восьми министерств. Свитки с 41-го по 49-й включают в себя служебные инструкции для подразделений министерств. Наконец, в последнем 50-м свитке содержались «разные *сики*» (например, регуляция деятельности Управлений провинций).

«Нихон ко:ки» («Поздние анналы Японии») — историческая хроника, охватывающая период с 792 по 833 г., ее составление было завершено в 840 г. Как и «Сёку нихонги», эта летопись состояла из 40 свитков, однако до наших дней частично сохранились только десять (5, 8, 12, 13, 14, 17, 20, 21, 22 и 24 свитки). Подобно «Сёку нихонги», это сочинение составлялось специальной комиссией. Для исследователей нарской истории ценность «Нихон ко:ки» намного ниже, чем у «Сёку нихонги». Это обусловлено, в частности, тем обстоятельством, что нынешняя сохранность текста «Нихон ко:ки» составляет не более 20% от его первоначального объема. К тому же первые и наиболее интересные нас в данном случае свитки утеряны, а изложение сохранившейся части хроники начинается с 796 г. Несмотря на это, в сообщениях «Нихон ко:ки» содержится информация, проливающая свет как на историю эпохи Нара, так и на историю периода Асука (в этом смысле наиболее информативную часть «Нихон ко:ки» представляют посмертные «жизнеописания» крупных чиновников, а также тексты различных указов, иногда содержащие их предысторию).

Актный материал. Ценными источниками по ранней истории Японии является сохранившийся актный материал: по дворные реестры, налоговые списки (*косэки* и *кэйтё*:) и канцелярская корреспонденция.

Ценность подобных источников состоит прежде всего в том, что по сравнению с другими свидетельствами о прошлом они в

целом более достоверны, поскольку актовъый материал обычно содержит максимум ненамеренной информации — он служит идеологическим целям в меньшей степени, чем хроники и законодательные документы. Это, разумеется, не означает, что актовъый материал полностью достоверен. Так, юридически оформленная сделка может быть фиктивной, донесение чиновника вышестоящим инстанциям может быть ложным. Нужно помнить, что степень достоверности каждого документа должна быть установлена индивидуально.

Уникальность актовъых материалов — в том, что они раскрывают нормы обычного права, не фиксировавшиеся официальным законодательством. Они дают возможность точнее характеризовать различные стороны публичной, хозяйственной и семейной жизни, недостаточно отображенные в других источниках. Они также позволяют установить, в какой мере нормы государственного законодательства практически осуществлялись на той или иной территории.

Документы Сё:со:ин. Около 10 тысяч документов на бумаге из хранилища Сё:со:ин в буддийском храме То:дайdzi представляют собой плод деятельности высокоорганизованного государственного аппарата. Управление по переписке сутр (Ся:кё:дзё) было организовано около 736 г. при дворце Комё: (супруги Сё:му), но превратилось потом в одно из подразделений храма То:дайdzi. Там до конца периода Нара копировали буддийские сутры и изготавливали документы, имеющие отношение к функционированию храмового комплекса в его взаимоотношениях с другими государственными учреждениями. Поскольку многие из этих текстов изготавливались на оборотах ставших ненужными документов, уже использованных в других ведомствах (свидетельствует как о ценности бумаги в то время, так и об их политически неангажированном характере), то документы Сё:со:ин предоставляют дополнительную возможность для реконструкций в области исторической демографии (подворные списки), системы налогообложения, особенностей функционирования аппарата, бытовой культуры, роли То:дайdzi и буддизма в жизни страны и т. д.

О дороговизне бумаги свидетельствуют следующие цифры, относящиеся к середине VIII в.: один лист бумаги высокого качества

(предназначалась прежде всего для переписывания сутр) размером 30 на 60 см стоил 2 *мона*, обычная бумага продавалась за 1 *мон*, 10 листов «обороток» хорошей бумаги, использовавшейся в государственных учреждениях, на рынках Нара можно было купить за 5 *мон* (зарплата неквалифицированных «рабочих» того времени составляла 9—10 *мон* в день). Если расстояния между строчками были велики, то нередко практикующийся в письме «студент» заполнял их своими иероглифическими упражнениями.

«Фудоки». Если основным объектом описания официальной хроники «Сёку нихонги» был император и его непосредственное окружение (двор), то это не означает, что «местная история» полностью игнорировалась. Для лучшего управления страной требовалась «инвентаризация» всего того, что находилось в ее пределах. Этой задаче и отвечали «Фудоки» («Описания земель и обычаев»). Указ об их составлении был провозглашен в 713 г. Описание провинций Харима и Хитати представили в 715 г., Идзумо — в 733 г., Бунго и Бидзэн — еще позже. Данные по остальным провинциям до нас не дошли. Полностью сохранился только текст «Идзумо-фудоки».

В «Фудоки» охарактеризованы географические особенности провинций и входящих в них уездов, указано на наличие полезных ископаемых, животных, растений, пригодных для земледелия земель. Широко представлены местные мифы и предания, позволяющие судить о бытовании представлений и верований, отличных от тех, что зарегистрированы собственно придворной традицией («Кодзики» и «Нихон сёки»).

«Синсэн сё:дзироку» («Вновь составленные родовые записи»). Этот памятник представляет собой генеалогические списки, составленные в 815 г. В них были внесены 1182 рода с указанием их родоначальников (мифологических и исторических) из района Кинай, которые можно считать основой правящего класса того времени. В предисловии к «Синсэн сё:дзироку» говорится: «В годы Сё:хо: (749—757) время от времени издавались указы, позволявшие принимать фамилии согласно желаниям родов переселенцев. Так получилось, что их фамилии стали записываться теми же иероглифами, что и старые японские фамилии; имена переселенцев и японцев различать стало трудно, низкие стали утверждать, что принадлежат к потомкам аристократов, а пере-

селенцы из Кореи утверждают, что произошли от японских божеств». Таким образом, целью генеалогических списков было приведение современной социальной структуры в соответствие с мифом и сакральной генеалогией. В связи с этим внесенные в список роды делились на следующие категории: 1) потомки императоров; 2) потомки небесных божеств; 3) потомки детей и внуков небесных божеств; 4) потомки земных божеств; 5) потомки переселенцев из Кореи и Китая.

«Синсэн сё:дзироку» представляет собой чрезвычайно ценный источник историко-культурной информации, который позволяет, в частности, судить о том, каким образом происходили процессы самогерметизации в высшей элите японского общества.

«Ганго:дзи гаран энги». Полное название памятника — «Ганго:дзи гаран энги нараби-ни руки сидзайтё:» («Записи об основании храма Ганго:дзи и о сокровищах, ему принадлежащих»). Текст памятника окончательно сформировался во второй половине VIII в., но стал складываться намного раньше. Этот памятник представляет собой ранний образец ставшего чрезвычайно популярным впоследствии жанра храмовых буддийских хроник. Сведения о начале распространения буддизма в Японии и обстоятельства, сопутствовавшие основанию храма и его развитию, представляют собой важный, до определенной степени альтернативный официальной государственной традиции источник по ранней истории буддизма в Японии. Показательно, что именно буддизм (а не синто) с его ориентацией на письменный канал передачи информации становится, помимо чисто государственных структур, вторым основным центром текstopорождающей деятельности.

«Нихон рё:ики». Сборник буддийских преданий, легенд и житий «Нихон рё:ики» (полное название «Нихонкоку гэмпо: дзэнъ-аку рё:ики» — «Записи о чудесах дивных воздаяния прижизненного за добрые и злые дела, случившиеся в стране Японии»), составленный монахом столичного храма Якусидзи по имени Кё:кай на рубеже VIII—IX вв., относится к жанру *буккё: сэцува бунгаку* («буддийская литература устных рассказов»). В средневековье этот жанр приобрел огромную популярность. Истории «Нихон рё:ики» позволяют проследить, каким образом шло укоренение буддизма на народном уровне, выявить многие исто-

рико-бытовые подробности жизни древних японцев (см. также главу «Формирование государственной идеологии»).

Моккан. В период Нара самое широкое распространение имела эпиграфика *моккан* на деревянных табличках (ее подробная характеристика дана в главе «Письменные источники по истории ранней Японии»).

Урусигами бунсё. Появление данного термина, который означает «текст на лакированной бумаге», связано с археологическими находками сравнительно недавнего времени (первая из них относится к 1973 г.). И хотя во влажном японском климате бумага сохраняется очень плохо, но, будучи покрыта или пропитана лаком, она может сохраняться в течение длительного времени. В Японии VIII в. лак считался чрезвычайно ценным материалом (использовался в строительстве буддийских храмов и дворцов для покрытия опорных столбов, для производства предметов роскоши) в качестве средства борьбы с влажностью и гниением. Поэтому законодательно крестьянам было вменено в обязанность выращивать лаковые деревья. При хранении лака в сосудах, чтобы он не высыхал и в сосуды не попадала пыль и грязь, их нередко затыкали бумагой. Причем, в силу ее дороговизны, не чистой, а уже исписанной. После использования лака скомканную бумагу выбрасывали, но, будучи пропитанной лаком, она хорошо сохранялась в земле. Обнаружение *урусигами бунсё* не означало, как это случилось с *моккан*, открытия нового класса текстов, но, тем не менее, они служат дополнительным источником по истории и культуре нарской Японии. Среди «лаково-бумажных текстов» имеются фрагменты самого разного содержания. Наиболее массовый материал — это обрывки календарей, подворных списков, упражнения учащихся в письме и счете.

Манъё:сю:. Поэтическая антология «Манъё:сю:» — единственный из известных нам памятников VIII в., который был составлен на японском языке. Отличаясь большим хронологическим охватом, эта антология представляет собой ценнейший источник по реконструкции многих сторон картины мира древних японцев (см. главу «Картина мира»).

Личные письма. Не подлежит сомнению, что достаточно высокая грамотность среди людей, причастных к управлению государством, должна была породить и письменные средства ком-

муникации между ними на личном уровне. Хотя материальных свидетельств этому почти не осталось, некоторые данные указывают, что обмен письмами в частной сфере осуществлялся достаточно интенсивно. Так, значительная часть XVIII свитка «Манъё:сю» представляет собой стихи, взятые из переноски прославленного поэта VIII в. Оотомо-но Якамоти (?—785).

Глава 10

Политическая история

Причины и формы политической борьбы. Отсутствие глобальных социально-политических кризисов отнюдь не отменяет того факта, что среди представителей политической элиты происходили постоянные попытки передела властных полномочий. Борьба в это время происходила не непосредственно за материальные ресурсы. Главный ресурс древнего общества — земля — находилась в собственности государства, товарно-денежные отношения имели ограниченную сферу распространения. В связи с этим накопление богатства в денежной форме не могло считаться приоритетным. Поэтому и политическая борьба имела целью повышение социального престижа и места в политической иерархии (высокие должность и ранг) с одновременным правом на принятие решений. Только в этом случае и обеспечивался доступ к материальным и трудовым ресурсам (земля с приданными ей крестьянами).

Ввиду отсутствия в законодательных сводах регуляций относительно определения порядка престолонаследования, политическая борьба велась за право утвердить на престоле своего ставленника из числа членов императорского рода, внутри которого тоже существовали разные группировки. Поэтому употребление термина «императорский род» носит условный характер — ни о какой реальной «монолитности» речь идти не может.

При назначении следующего правителя в жизнь проводились самые фантастические комбинации. Так, Дзито: отрёклась от престола и поставила на трон своего семилетнего внука Момму. Сама же, приняв никогда и нигде не существовавший титул «дайджё: тэнно» (может быть истолкован как «действующая

экс-императрица»), стала фактической правительницей. Может быть, наиболее курьёзным примером является занятие трона Гэммэй после смерти ее сына Момму, что было вопиющим нарушением любых precedентов престолонаследования.

Такие «исключения из правил» были связаны, вероятно, с тем, что после воцарения Тэмму была начата новая династическая линия, его реформы в определенной степени перекроили состав высшей политической элиты и потому привычные социально-политические механизмы престолонаследования оказались на какое-то время в «нерабочем» состоянии. К тому же после отстранения Сога с политической арены и ликвидации монополии этого рода в качестве поставщика невест для правящего рода на эту роль стали претендовать сразу несколько родов. В условиях относительного баланса сил среди противоборствующих родов принимались компромиссные решения, и тогда очень часто выбор падал на женщин (в VIII в. было пять правительств и четыре правительницы). Влияние главной супруги государя на политику также было весьма значительным.

Ключ к пониманию того, как осуществлялся выбор престолонаследника в начале периода Нара, дает указ, провозглашенный при вступлении Гэммэй на трон. В нем, в частности, говорилось: «Изрек государь (Момму), сын наш: “Тело наше нынче устало, и желаем мы отдых получить, и болезнь побороть. На посту же нашем, унаследованном от солнца небесного, должно владыке пребывать и править. Посему мы его уступаем”». Для того же, чтобы высказываемое Гэммэй решение о принятии титула императрицы не выглядело беспочвенным, она ссылается на волю императора Тэнти: «И вот законы те, что установлены и назначены государем, сыном Ямато, о коем молвят с трепетом, правившим Поднебесной из дворца Афуми-но Ооцу (Тэнти), — законы, что вместе с Солнцем-Луной далеко длятся, законы вечные, неизменные, кои принять и исполнять надлежит, все мы приняли и с трепетом службу несли» (пер. Л. М. Ермаковой).

Считается, что Тэнти, к которому апеллирует Гэммэй (и о воле которого нам на самом деле ничего не известно), провозгласил (или якобы провозгласил) такой порядок престолонаследования, когда сам государь (или же императорский дом в целом) выбирает себе преемника еще при жизни действующего правителя — без участия любых сторонних лиц (и в дальней-

шем апелляции к этому установлению Тэнти при восхождении нового правителя на престол неоднократно повторяются на протяжении VIII в.). До этого времени выбор престолонаследника часто осуществлялся после смерти правителя во время проведения заупокойных ритуалов.

Однако сам по себе такой подход не мог служить надежной гарантией от возникновения внутрдинастических коллизий. Поскольку круг претендентов (при реально существовавшей полигамии) был весьма широк (согласно законодательству VIII в., в круг императорского дома попадало несколько десятков человек с формально одинаковыми правами), то создавались почти неограниченные возможности для возникновения конфликтных ситуаций. По всей вероятности, это имело определенное отношение к традиционной системе родства, которая, судя по всему, не отдавала приоритета ни одному из наследников. В качестве защиты от такого рода нестабильности постепенно вырабатывается механизм отречения от престола с предварительным назначением правопреемника. Так, Дзито: отрёклась в пользу Момму; Гэммэй — в пользу Гэнсё:, своей незамужней дочери (такая передача властных полномочий не имела прецедента); Гэнсё: — в пользу Сё:му (сын Момму); Сё:му — в пользу своей дочери Ко:кэн; Ко:кэн — в пользу Дзюннин (сын принца крови Тонэри); сам Дзюннин был принужден оставить престол под давлением Ко:кэн, вторично заняв трон под именем Сё:току; Ко:нин отрёкся в пользу Камму. Получается, что из всех правителей VIII в. до конца своей жизни занимали трон только Момму и Сё:току.

Род Фудзивара и китайская образованность. Весь VIII век проходит под знаком соперничества двух основных «партий» за политическое господство. Первая из них представляет собой императорский дом, вокруг которого концентрируются несколько «старых» аристократических родов (Оотомо, Татибана, Саэки, Тадзихи). Вторая партия была образована главным образом многочисленным родом Фудзивара. Противостояние этих двух центров власти и составляет основную «пружину» политической истории периода Нара. В этой борьбе было задействовано по крайней мере три инструментальных компонента — традиционная система родства и ориентированность на одну из двух «чу-

жеземных» идеологий: буддизм или конфуцианство, говоря шире — образованность на китайский манер, включающую в себя элементы даосизма. Ценности синтоизма при этом никем сомнению не подвергались.

Напомним, что фамилия Фудзивара была пожалована Накатоми-но Каматари в 669 г., непосредственно перед его кончиной, императором Тэнти, вместе с которым (в то время — принц Нака-по Оэ) он ранее устранил род Сога из политической жизни. Род Накатоми традиционно исполнял при дворе жреческие (синтоистские) функции. Представители же Фудзивара, выступавшие в качестве архитекторов реформ по китайским образцам, стали выбирать для себя чисто чиновничью карьеру, которая была невозможна без овладения китайской образованностью.

Фудзивара — топоним в современной префектуре Нара. Согласно преданию, там находился дворец супруги государя Ингё:, в котором служил дальний предок Накатоми по имени Икацу. Сам Накатоми-но Каматари родился там же.

Сын Фудзивара-но Каматари, Фухито (659—720), был одним из самых влиятельных царедворцев своего времени — он дослужился до должности правого министра (708 г.). Поведение Фухито отличалось большой осторожностью — он ни в коем случае не хотел создать впечатление, что считает себя равным представителям правящего дома. Так, незадолго до кончины императора Момму в награду за заслуги его отца Фухито было предложено 5000 дворов в кормление, но Фухито решительно отказался, ограничившись 2000. Известно, что 5000 дворов обладал только кровный принц Такэти, и Фухито, по всей вероятности, не желал для себя чрезмерных почестей, которые могли вызвать обвинения в присвоении привилегий правящего дома. В 718 г. Фухито была предложена должность главного министра (*дэдзё: дайджин*), но и тут он отказался на том основании, что ранее этот пост занимали только представители правящего дома. Тем не менее, поскольку эта должность, а также пост левого министра (левый министр считался выше правого) оставались при нем вакантными, Фухито фактически находился на самом верху чиновничьей пирамиды управления.

Отметим «образовательные» коннотации имени Фухито — «Писец» — что означало в то время не просто переписчика, но человека, знакомого с китайскими классическими текстами. Формант «*фухито*» в качестве составного элемента входил обычно в имена иммигрантов с континента, которые поначалу составляли основной контингент грамотных людей. И в самом деле — китайская образованность Фухито подтверждается тем, что именно он был одним из главных действующих лиц при составлении законодательного свода «Тайхо: рицурё:» и главным — при разработке «Ё:ро: рицурё:» (хотя его составление закончено в 718 г., он был введен в действие только в 757 г.; такая задержка была, вероятно, связана с временным ослаблением позиций Фудзивара) — основных документов, в соответствии с которыми строилась государственная жизнь древней Японии. Поскольку японское право было прямым следствием заимствований китайского законодательства и его адаптации к японским условиям, то акт составления сводов в Японии предполагал глубокое знакомство с Танским кодексом. Кроме того, доказательством серьезной приобщенности Фухито к китайской образованности служит то, что в первой (во всяком случае, из дошедших до нас) китайязычной поэтической антологии «Кайфусо:» (751 г.) имеются 5 стихотворений самого Фухито.

В 698 г. императорским указом фамилия Фудзивара была оставлена только детям Фухито (Мутимаро, 680—737; Фусасаки, 681—737; Умакаи, 694—737; Маро, 695—737), в то время как Фудзивара-но Омимаро (?—711, брат Фухито) была возвращена фамилия Накатоми на том основании, что он «занимается делами синтоистских божеств».

Карьера всех четверых сыновей Фухито сложилась вполне блестяще: Мутимаро дослужился до должности левого министра, Фусасаки — до главы Министерства центра и Министерства народных дел (посмертно назначен левым министром), Умакаи — до главы Министерства кадров, Маро — до главы Управления левой и правой частями столицы и военного министра. Все четверо обладали должностью *санги* (нечто вроде советников государя), позволявшей непосредственно участвовать в управлении страной.

Четверо сыновей Фухито положили начало четырем «домам Фудзивара», которые (во многом за счет внутриродовой борь-

бы) в очень значительной степени и стали определять динамику придворной политической жизни. Мутимаро основал «южный дом» (*нанкэ*), Фусасаки, усадьба которого располагалась к северу от усадьбы Мутимаро, — «северный» (*хоккэ*); Умакаи, служивший в Министерстве кадров, — «кадровый» (*сикикэ*), Маро — «столичный» (*кё:кэ*).

Находящиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что во всех четырех домах Фудзивара китайской образованности придавалось первостепенное значение. Особенно показательна в этом отношении карьера Мутимаро, который в 706 г. занял пост главы отдела столичной школы чиновников — должность, на которую в то время назначались только крупные знатоки китайской письменной традиции. Находясь еще на посту заместителя главы отдела, Мутимаро взял на работу многих прежних преподавателей столичной школы чиновников, стал более широко проводить церемонию поклонения Конфуцию (*сякудэн, сэжитэн*). Находясь на должности главы отдела, Мутимаро сам проводил занятия в школе. Став затем главой Архивного отдела, Мутимаро употребил свои силы на восстановление письменного наследия, утраченного в результате бурных событий, сопровождавших восшествие на престол Тэмму. Известно также, что Мутимаро был составителем сборника китайской поэзии (не сохранился). В упоминавшейся антологии «Кайфусо:», помимо стихов Фухито, содержатся три стихотворения Фусасаки, шесть — Умакаи, пять — Маро. Таким образом, из 120 стихотворений «Кайфусо:» 19 принадлежат кисти Фудзивара, что делает их представительство в этой антологии самым большим по сравнению с другими фамилиями.

Участие в «Кайфусо:» было особо значимым с точки зрения интересующей нас проблематики, поскольку в предисловии к антологии содержатся пассажи, открыто свидетельствующие об ориентированности составителя и участников сборника именно на китайскую образованность. Так, отмечая особые заслуги императора Тэнти в деле распространения образованности, говорится: «По его разумению, для улучшения нравов и наставления в истинном ничто не сравнится с письмом и учением; для утверждения добродетели и совершенствования тела ничто не превосходит учения, и потому он устроил школы чиновников». При этом относительно другой знаковой фигуры VII в. — про-

славленного в буддийской традиции принца Сё:току-тайси — отмечается с вполне определенным скепсисом, что хотя он и ввел придворные ранги, но «занимался исключительно почитанием Будды, и для сочинения стихов времени у него не было».

Данное утверждение является одним из существенных проявлений реального противостояния между приверженцами кита́йской образованности и буддизма. Это противостояние никогда не достигало такой степени остроты (вплоть до физических преследований буддистов и разрушения храмов), как это бывало в Китае, но, тем не менее, оно являлось существенным фактором политического, социального и культурного развития Японии.

Фудзивара-но Фухито, буддизм и конфуцианство. Итак, начало VIII в. проходило при увеличивающемся влиянии Фудзивара. И несмотря на то, что Фухито в 710 г. построил в Нара родовой буддийский храм (*удзидэра*) Ко:фукудзи, а тело его было кремировано согласно буддийским установлениям, Фудзивара явно не были сторонниками государственной пробуддийской политики. С этой точки зрения интересно посмотреть, какое место уделялось буддизму в законодательных сводах. Обращает на себя внимание, что в статьях соответствующего раздела («Со:нирё:» — «Закон о монахах и монахинях») чрезвычайно силен запретительный элемент, что выглядит исключением на фоне других законов, имеющих по преимуществу регулирующий характер. Основной смысл «Со:нирё:» заключается в том, что буддийская церковь не должна обладать самостоятельным значением и обязана всегда находиться под контролем государственных структур. В связи с этим монахам не разрешалось даже покидать пределы храма, т. е. фактически запрещалось вести прозелитскую деятельность. Главной же обязанностью монахов считалось вознесение молений о спокойствии и благополучии государства.

Достаточно настороженное отношение власти (в лице прежде всего Фудзивара-но Фухито) по отношению к буддизму в это время видно и на материале событийной истории, зафиксированной в официальной хронике «Сёку нихонги». Так, в указе 717 г. осуждается «жалкий монах» Гё:ги, который собирает вокруг себя верующих и толкует с ними о вероучении, в следующем году гневные инвективы направляются в сторону тех буд-

дистов, кто «с легкостью пренебрегает законами государя». В докладе Палаты большого государственного совета от 722 г., одобренного государыней Гэнсё:, говорится о том, что конфуцианство и буддизм отличны по форме, но сходны в своей сути. Вместе с тем столичные монахи «искусно глаголят о кармическом воздаянии» и не желают соблюдать государственные законы, предписывающие им постоянно находиться в храмах, а не бродить «с сутрой за плечами и чашкой для подаваний в руке».

Для понимания атмосферы времени господства Фухито знаковыми могут считаться события, сопровождавшие восхождение на престол императрицы Гэнсё: (715 г.). В столице тогда была обнаружена «чудесная черепаха» (*рэйки*), тело и панцирь которой были покрыты иероглифами, что, с точки зрения конфуцианства, считалось благоприятным знаменем (о символике черепахи см. подробнее в главе «Картина мира»). В связи с обнаружением «чудесной черепахи» новый девиз правления получил такое же название — Рэйки.

В VIII в. обнаружение «чудесных черепах» было делом «обычным». В «Сёку нихонги» содержится 13 упоминаний о появлении черепах, причем иероглиф «черепаха» непосредственно входит в названия следующих девизов правления: Рэйки (Чудесная черепаха), 715—717; Дзинги (Божественная черепаха), 724—729; Хо:ки (Сокровище-черепаха), 770—781. Кроме того, обнаружение черепахи повлияло на формулирование девиза правления Тэмпё: (729—749, см. главу «Картина мира»). Обращает на себя внимание, что все эти девизы правления были приняты в тот момент, когда положение Фудзивара при дворе было особенно прочным, что, вероятно, следует рассматривать как их ориентированность на конфуцианские (в противовес буддийским) ценности. Поэтому в периоды доминирования Фудзивара явно усиливается и государственная забота о школах чиновников, основной задачей которых как раз и было воспитание образованных на китайский манер кадров государственного аппарата.

Принц Нагая. Хотя карьера сыновей Фухито складывалась чрезвычайно успешно, с его смертью в их продвижении по чиновничьей лестнице наступило временное замедление, связанное с возвышением принца Нагая (?—729), который в 724 г. занял пост левого министра, т. е. формально стал первым

человеком в чиновничьей бюрократии. Он был внуком Тэмму и сыном принца Такэти, сыгравшего большую роль в победе Тэмму во время «смуты года дзинсин» (672 г.), когда разгорелась вооруженная борьба за престол между Тэмму и его соперником. Вместе с Нагая на первые роли выдвинулись принц Тонэри и *дайнагон* («старший государственный советник») Тадзихи-но Махито Икэмори (Тадзихи — ответвление императорского рода), что означало усиление позиций правящего рода в структуре управления.

Вместе с приходом к власти принца Нагая начинают проводиться крупные государственные мероприятия, связанные с поощрением буддизма. Так, по случаю болезни престолонаследника было приказано изготовить 177 статуй бодхисаттвы Каннон (Авалокитешвара) и переписать посвященную ей сутру «Каннон-кё» («Сутра Каннон») в стольких же экземплярах; указом 728 г. во все провинции разосланы экземпляры «Конко-мё-кё» («Сутры золотого блеска») для молений о «спокойствии государства». Кроме того, вводится запрет на содержание охотничьих соколов, что было связано с буддийским запретом на убийство живых существ (при этом, как показали раскопки усадьбы принца Нагая, там выращивались охотничьи птицы). Указы, осуждающие монахов за несправедное поведение, теперь отсутствуют. И наоборот — расточаются похвалы буддийским монахам. Получается, таким образом, что в рамках существовавшей политической системы усилившийся на какое-то время правящий род пытался сделать своей идеологической (магической) опорой буддизм и буддийское духовенство.

Все основные политические кризисы VIII в. имеют самое непосредственное отношение к Фудзивара. И первый из них связан именно с принцем Нагая. Здесь следует отметить, что после отречения императрицы Гэнсё: в 724 г. на престол взошел Сё:му, мать и жена которого были дочерьми Фухито. Когда в 727 г. у Сё:му родился долгожданный сын, то казалось, что и в жилах следующего императора тоже будет течь кровь Фудзивара. Сын Сё:му был назначен престолонаследником всего через месяц после рождения. Однако он умер, не дожив и до года, в связи с чем четверо сыновей принца Нагая получали определенные шансы на престол. Поэтому всего через пять месяцев после смерти престолонаследника, во 2-й луне 729 г., против

Нагая была проведена молниеносная операция. Два мелких чиновника — Нурибэ-но Мияцукэ Кимитари и Накатоми-но Мияко-но Адзумахито (напомним, что Фудзивара отпочковались именно от Накатоми) донесли государю, что Нагая занимается «ворожьбой» (*sado*; букв. «левое дао», под которым понимались даосские ритуалы черной магии, что было запрещено законом) и планирует свергнуть его. Тогда Сё:му приказал Фудзивара-но Умакаи окружить усадьбу Нагая, вынудив к самоубийству его самого и всю его семью. Таким образом, Нагая и его дети были устранены в качестве конкурентов в борьбе за престол.

Народная молва утверждала, что принц Нагая был оклеветан. В сборнике буддийских легенд и преданий «Нихон рё:ики» утверждается: «Один злодей пришел к государю, чтобы оклеветать принца, и сказал: “Нагая хочет поднять мятеж и захватить престол”. Государь пришел в ярость и послал войска для сражения. Принц подумал: “Меня оклеветали и, верно, убьют. Лучше умереть самому, чем быть убитым другими”. Он напоил детей ядом и задушил их, потом выпил яд сам и умер».

Раскопки усадьбы принца Нагая дают, однако, некоторые основания доверять сведениям «Сёку нихонги». На одном из *моккан* принц Нагая называется «принцем крови» — титул, на который имели право только сыновья императора.

После расправы над Нагая доминирование Фудзивара продолжается до 737 г. В этот период в столичной школе чиновников проводится ритуал почитания Конфуция, оказывается материальная помощь способным студентам, поощряются занятия китайским языком, проводится реорганизация самого процесса образования, одна за другой предпринимаются меры по его усовершенствованию. Особой строкой выделяется в хронике сообщение о доставке из Китая книг по самым разным отраслям знаний. В период, последовавший сразу за смертью Нагая, меры по ограничению влияния буддийской церкви не предпринимаются — здесь, вероятно, сказывается определенная «пробуддийская» инерция прошлого режима. Но после того, как в самом начале 734 г. правым министром становится Фудзивара-но Мутимаро, мы встречаемся с указом, в котором констатируется слабая образованность монахов и их пренебрежение законами.

Однако в этот период политика по отношению к конфуцианству и буддизму носила в целом сбалансированный характер.

Татибана-но Мороз и мятеж Фудзивара-но Хироцугу. В результате ужасной эпидемии оспы (737 г.), распространявшейся с Кюсю, в течение четырех месяцев все четверо сыновей Фухито скончались, и тогда ведущее положение при дворе занял представитель другого рода — Татибана-но Мороз (684—757, Татибана — ответвление правящего рода).

На одном из *моккан*, найденных при раскопках усадьбы Фудзивара-но Маро, нанесено даосское заклинание, призванное прекратить эпидемию. Оно гласит: «Пусть девятиглавый и однохвостый змей, обитающий у подножья южной горы, где нет воды, не пожирает никого, кроме трех тысяч духов — утром и восьмисот — вечером».

При Мороз главные роли стали играть выходцы из «старых» аристократических родов (Тадзихи, Оотомо, Саэки) и непосредственно правящего дома (принц Судзука — младший брат Нагая). Сам Мороз тоже принадлежал к императорской фамилии (он был сыном принца Мину, но носил фамилию матери, происходившей из старинного рода). При Мороз большим влиянием пользовались Киби-но Макиби (695—775) и, что особенно показательно, буддийский монах Гэмбо: (?—746) — первый из монахов, который стал оказывать существенное влияние на расстановку политических сил при дворе (в особенности близкие отношения сложились у него с супругой Сё:му — Ко:мё:).

И Киби-но Макиби, и Гэмбо: были высокообразованными людьми и по 17 лет провели в Китае с целью получения образования. Фудзивара же после окончания эпидемии оказались приблизительно в том же положении, что и после смерти Фухито. И даже еще более сложном: после смерти Фухито его сыновья весьма быстро получили 3—4-й ранги, в то время как сейчас большинство его внуков смогли добиться только 5-го, и лишь Тоёнари (704—765, старший сын Мутимаро) получил 4-й ранг и должность главы Военного министерства (и только он был *санги*). При этом Хаманари (724—790, сын Маро) получил 5-й ранг лишь в 751 г., что означало закат «столичного дома» Фудзивара.

Одним из важных политических мероприятий нового режима было официальное признание того, что принц Нагая был оклеветан: в сообщении «Сёку нихонги» говорится, что Оотомо-но Сукунэ Комуси во время игры в *го* (разновидность шашек) с Накатоми-но Адзумахито заспорил с ним относительно принца Нагая (у которого раньше служил) и зарубил Адзумахито. Хроника лапидарно заканчивает это таким утверждением: «Адзумахито — это человек, который оклеветал принца Нагая».

В результате придворных интриг, предпринятых Татибана-но Мороз, внук Фухито и сын Умакаи по имени Хироцугу (?—740) в 738 г. был отправлен служить на Кюсю заместителем управителя Дадзайфу, что для представителя фамилии Фудзивара было эквивалентно ссылке. Однако удаленность Кюсю от Нара и давние традиции определенной культурной и политической автономии этого острова позволили Хироцугу, фактически исполнявшему должность управителя Дадзайфу (эта должность оставалась в то время вакантной), использовать эти обстоятельства для устранения своих политических соперников, поскольку его докладная записка с перечислением бедствий, постигших государство (текст записки не сохранился, но из краткого сообщения «Сёку нихонги» можно заключить, что там, вероятно, было и упоминание о недавней эпидемии, что, согласно китайским представлениям, было равносильно обвинению государя в несправедном управлении), содержала требование устранить его недоброжелателей (Киби-но Макиби и Гэмбо:). Однако докладная записка была проигнорирована (можно сказать, что Хироцугу и не хотел дожидаться ответа), и через четыре дня после ее подачи в 9-й луне 740 г. он поднял мятеж, подавленный через два месяца мобилизованной со всех провинций 17-тысячной армией. После этого Хироцугу был казнен.

Магическим обеспечением этой военной акции по подавлению мятежа послужило распоряжение властей об изготовлении в каждой провинции статуи бодхисаттвы Каннон и о переписывании «Сутры Каннон». Со смертью Хироцугу его противостояние с Гэмбо: (т. е. Фудзивара и буддийской церкви) не заканчивается: смерть монаха в 746 г. была приписана деяниям неуспокоенного духа Хироцугу.

Заслуги Гэмбо: в деле распространения буддизма «Сёку нихонги» считает очень большими. Он привез из Китая более 5000 свитков буддийских сочинений, организовал их переписку. Полагали, что его молитвы помогли остановить эпидемию оспы и спасли многих придворных. В связи с этим он стал одним из самых приближенных к Сё:му лиц и был назначен патриархом-*со:дзу*. Под его непосредственным влиянием в стране проводились многие меры по поощрению буддизма.

События, связанные с подавлением мятежа Хироцугу, свидетельствуют, что монолитность рода Фудзивара осталась в прошлом, поскольку остальные его представители не поддержали Хироцугу. Особенно показательно, что второй сын Мутимаро — Накамаро (706—764) — был назначен командовать конным авангардом императорской свиты, когда Сё:му в ответ на мятеж покинул Нара и провозгласил новую столицу в Куни (провинция Ямасиро), где и пребывал в течение пяти лет (выбор, навший на Куни, объясняется тем, что неподалеку находилась усадьба главного соперника Фудзивара — Татибана-но Морозэ). Политическая борьба между различными ветвями рода Фудзивара продолжалась и в дальнейшем.

На идеологическом уровне временное отстранение Фудзивара от управления государством проявляется, в частности, в том, что в правление Сё:му никаких мероприятий по «улучшению» школьного (т. е. конфуцианского) образования больше не проводится, ибо эта задача перестала быть на время актуальной. Зато начиная со времени мятежа Хироцугу все более заметной становится буддийская окрашенность этого периода правления — в хронике «Сёку нихонги» резко увеличивается количество сообщений, связанных с буддизмом. Причем эти сообщения касаются акций по поощрению распространения буддизма (строительство храмов, публичное чтение сутр и т. п.), а не мер по ограничению деятельности буддийских монахов, как это было ранее. Это было напрямую связано, вероятно, с тем, что правящий род и его ближайшее окружение видели в укреплении буддийской церкви (где позиции Фудзивара были явно слабы) гарантию занимаемого ими положения, т. е. групповая («партийная») самоидентификация в значительной степени осуществлялись ими именно с помощью буддийского вероучения.

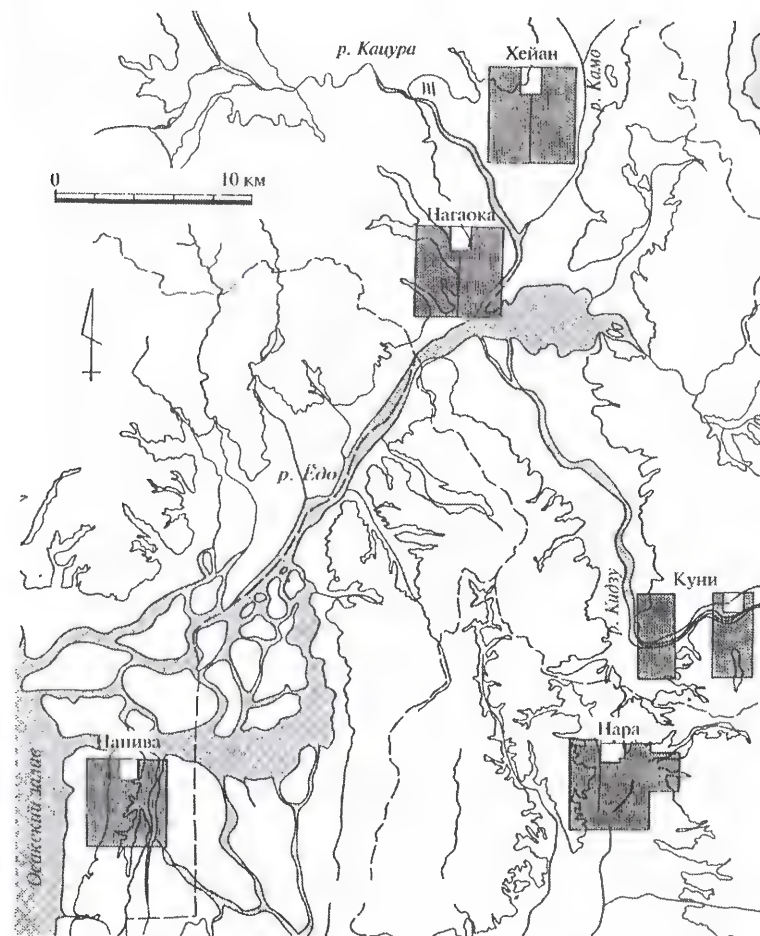

Иллюстрация 27. Резиденции императора в VIII в.

Причинами поощрения правящим родом буддизма и пренебрежения конфуцианством были обстоятельства не только политические, но и идеологические. Краеугольный камень политической доктрины конфуцианства — это «встроенная» в него возможность смены правящей династии («мандат Неба») ввиду утраты ею запаса добродетельности и моральных основ. Как уже

говорилось, в конечном итоге в Японии эта доктрина не получила широкого распространения, но в рассматриваемый нами период наличествуют явные свидетельства того, что идея «мандата Неба» еще не была окончательно отвергнута. Так, в уюми-навейсей докладной записке Хироцугу содержится указание на то, что ее автор при оценке деятельности императора исходит именно из нее, т. е. фигура императора выступает как объект этической оценки. В связи с естественным для императорского рода нежеланием допустить укоренения представлений, связанных с «мандатом Неба», сменяются и приоритеты в строительстве государственной идеологии в сторону буддизма.

Таким образом, хотя принципы организации японской государственной машины выглядели в это время вполне по-китайски (ранжирование чиновничества, организация аппарата управления, административное деление страны и многое другое), но философские основы, на которых возводилось это здание, противоречили коренным интересам правящего рода. Поиск оптимальной модели управления выглядит как процесс «проб и ошибок». Так, при Сё:му происходит решительный поворот в сторону буддизма (по всей стране строится множество храмов, в том числе и самый грандиозный из них — То:дайдзи), но в дальнейшем (см. ниже) пришлось отказаться и от ведущей роли буддизма в формировании официальной идеологии в пользу синтоизма.

Государственная поддержка буддизма при Татибана-но Морозэ. Для характеристики политики режима Сё:му-Татибана (Татибана-но Морозэ был правым министром в отсутствие левого с 738 по 743 г. и получил пост левого министра в 744 г.) весьма знаковой является запись хроники, в которой сообщается о том, что монах Гё:ги вместе со своими учениками стал принимать активное участие в осуществлении строительства То:дайдзи (подробно см. главу «Город Нара и его обитатели»). Таким образом, с изменением состава ключевых действующих лиц в высшей политической элите отношение к этому проповеднику резко изменилось.

Вторая половина правления Сё:му была одним из пиков государственной (императорской) поддержки буддизма (подробно см. главу «Формирование государственной идеологии»). И совершенно не случайно, что эта поддержка пришлась на то время, когда позиции Фудзивара при дворе оказались серьезно ослаблены.

Фудзивара-но Накамаро. После того, как Сё:му в 749 г. в связи с болезнью отрекся от престола в пользу своей дочери Ко:кэн, в политической истории Японии наступает новый период. Позиции Фудзивара снова усиливаются — поначалу не столько за счет увеличения представительства в высших институтах власти (из двенадцати *санги* только четверо носили фамилию Фудзивара, Фудзивара-но Тоёнари в 749 г. был назначен правым министром), сколько за счет создания параллельного и очень влиятельного центра власти, который не был предусмотрен законодательными сводами. Он носил название Сиби тю:дай, где Сиби (кит. Цзывэй) означает «место на небосводе, где пребывает Небесный Император», а *тю:дай* (*чжун-тай*) — министр. Это учреждение имело институциональные прецеденты в истории танского Китая и царства Бохай, с которым в то время Япония поддерживала достаточно тесные отношения. Сиби тю:дай был образован на месте ведомства по управлению женского дворца супруги Сё:му — Ко:мё: (напомним, что она происходила из рода Фудзивара). Главой и инициатором создания Сиби тю:дай стал Фудзивара-но Накамаро, который получил к этому времени должность *тю:нагон* — среднего государственного советника. И именно фигура Накамаро на несколько ближайших лет будет определять динамику политических процессов при дворе.

В приводимом «Сёку пихонги» жизнеописании Накамаро не вызывает сомнений акцент, сделанный на китайской образованности и способностях Накамаро. Хроника утверждает, что он «от рождения отличался умом, был умен в письме. Математике он учился у *дайнагон* Абэ-но Сукунамаро и весьма преуспел в этом искусстве». Далее перечисляются этапы чиновничьей карьеры Накамаро, в том числе и его служба в отделе столичной школы чиновников в качестве мелкого служащего. При этом жизнеописание ничего не сообщает нам о буддийских пристрастиях Накамаро.

Математика в тогдашнем понимании предполагала занятия такими «прикладными» дисциплинами, как астрология (астрономия) и обучение искусству землемера, что делало возможным использование выпускников, в частности, на строительных работах, которые в то время очень широко проводило японское государ-

ство (строительство административных зданий, буддийских храмов, дорог, оросительных сооружений).

Чрезвычайно показательно, что, несмотря на постепенное восстановление позиций представителей Фудзивара в чиновничьем аппарате, их имена не появляются на страницах хроники в связи со строительством То:дайдзи и назначениями в созданное Бюро по делам То:дайдзи (То:дайдзи-но цукаса), которое превратилось в крупнейшее государственное подразделение того времени. Так, набиравший силу Накамаро был одной из ключевых фигур при строительстве временной столицы в Куни (740—745), однако в строительстве То:дайдзи и его административном управлении ведущая роль принадлежала совсем другим родам (первым главой Бюро по делам То:дайдзи был назначен Сазки-но Имаэмиси, 719—790). Ни сам Накамаро, ни другие представители Фудзивара не играли существенной роли и при проведенной в 752 г. с грандиозным размахом церемонии освящения статуи будды Вайрочана (яп. Бирусэна) в То:дайдзи. Однако подспудная борьба за увеличение своего представительства в руководстве делами буддийской церкви закончилась тем, что уже в 756 г. туда были назначены преданные Накамаро монахи. Немалую роль здесь сыграло то, что Накамаро удалось установить дружеские отношения с приглашенным в Японию китайским монахом Гацзин (688—763, прибыл вместе с возвращавшимся из Китая посольством в 754 г.), который стал влиятельной фигурой при дворе. Логика исторических событий была такова, что Накамаро пришлось вести политическую борьбу не «за» или «против» увеличения влияния буддизма, но за контроль над делами буддийской общины в стране. Таким образом, политическая борьба в это время в значительной степени начинает фокусироваться на буддизме и на крупнейшем проекте времени — То:дайдзи.

755 год принес новое обострение политической обстановки. Приближенный левого министра Татибана-но Мороз донес, что его хозяин в пьяном виде якобы поносил императрицу Ко:кэн. Делу не было дано хода, но после этого Мороз пришлось уйти в «добровольную» отставку, что еще более ослабило позиции правого министра Фудзивара-но Тоёнари в его противостоянии с Накамаро, который, вместе с возглав-

ляемым им ведомством Сиби то:дай, по своей влиятельности затмил Палату большого государственного совета — Дадзё:кан. Вслед за смертью 74-летнего Мороз последовало раскрытие направленного непосредственно против Накамаро и его ставленника принца Оои заговора 757 г., возглавляемого Татибана-но Нарамаро (721—757, сын Мороз и дочери Фудзивара-но Фухито) и его ближайшими сподвижниками: принцами Асукабэ и Кибуми (сыновья принца Нагая), Оотомо-но Комаро, Талзихи-но Коусикаи. Им инкриминировался сговор: они якобы собирались окружить усадьбу Накамаро, убить его, заставить отречься от престола наследного принца Оои, затем ворваться во дворец Ко:мё: (вдова Сё:му), похитить почтовые колокольцы (выдавались только государевым курьерам для беспрепятственного проезда по стране) и императорскую печать. Следующим шагом должно было стать отречение Ко:кэн и выбор следующего императора из числа четырех принцев: Асукабэ, Кибуми, Сиояки, Фунадо. Сведения о заговоре дошли до Накамаро, его участники были схвачены (кто-то из них, как, например, Комаро, умер под пытками во время допросов, кто-то — сослан).

Из допросов участников заговора выяснилась чрезвычайно интересная деталь. Согласно показаниям самого Нарамаро, он был недоволен политикой Накамаро, и в частности тем, что строительство То:дайдзи вызвало «страдания народа». На это следователь резонно указал ему, что строительство То:дайдзи началось в бытность его отца Мороз левым министром, так что обвинения его не имеют силы.

Самое пристальное внимание обращает на себя логика следствия: не отвергая по существу претензий Нарамаро по строительству То:дайдзи, утверждается лишь, что вина ложится главным образом на его собственного отца. Так косвенным образом признается, что возведение храмового комплекса было делом обременительным для государства и «негуманным» по отношению к «простому люду», — аргументация, характерная для всех конфуцианцев.

Последствием разоблачения заговора Нарамаро было решительное усиление позиций Фудзивара-но Накамаро. Последним человеком, который мог бы составить ему конкуренцию, был его старший брат правый министр Тоёнари (704—765). Поскольку

ку всем было известно, что его сын Отонава находился с Нарамаро в дружеских отношениях, то он был обвинен в недоносительстве и снят с должности.

Несмотря на предъявленные ему обвинения в чрезмерном усердии в распространении буддизма и вызванных этим страданиях «народа», в глубине своей души Накамаро, похоже, оставался стойким приверженцем управления более рационалистичного китайского (конфуцианского) типа, делающего упор не столько на действенную силу молитв и ритуала (хотя, разумеется, и этот аспект нельзя сбрасывать со счета), сколько на прагматические меры по приведению общества в иерархически соподчиняемое состояние. Поэтому вместе с усилением позиций Накамаро в государственной политике все большее внимание начинает обращать именно на конфуцианскую составляющую официальной идеологии.

Так, в «каждом доме» предписывается держать копию «Сяо-цзин» («Канон сыновней почтительности», яп. «Ко:кё») — произведения, которое было одним из основных в программе обучения в школах чиновников. Нарушившие же моральные установления, прокламировавшиеся в этом произведении, подлежали суровому наказанию — ссылке в «дальние провинции». Возраст привлечения мужчин к трудовой повинности был увеличен на год (эта мера была вдохновлена распоряжениями конфуцианского толка танского императора Сюань-цзуна, 712—756, отданными в 744 г.). Кроме того, Накамаро предпринял еще ряд мер, которые можно истолковать с точки зрения конфуцианского «человеколюбия»: он понизил налоги, а также процент по «рисовым ссудам» (выдавалась государством крестьянам), освободил часть государственных рабов.

При Накамаро власть вновь начинает заботить процесс образования в школах чиновников. В указе 757 г. вслед за «Сяо-цзин» констатируется, что в деле управления не существует ничего лучше музыки и ритуала, но учителя и ученики страдают от недостатка пищи и одежды. Одновременно подчеркивается важность изучения астрологии, пути *инь-ян*, календарного дела, математики и иглоукалывания. В связи с этим выделялись поля для обеспечения довольствия персонала в соответствующих ведомствах. Чуть позднее в «Сёку нихонги» утверждается, что при назначении выпускников школ чиновников в провинциях (ас-

трологов и врачей) допускаются злоупотребления (назначение по протекции людей малоспособных). Чтобы исправить эту «аморальную» ситуацию, приводился список произведений конфуцианского толка, которые было необходимо тщательно изучать. Возобновляется и проведение церемонии «белого коня» (7-й день 1-й луны), любование которым, согласно «Ли-цзи» («Книга ритуалов»), должно было обеспечить изгнание злых духов в наступившем году.

В обстановке государственной поддержки конфуцианства сами иноземные носители его (это были в основном выходцы во втором-третьем поколении из стран Корейского полуострова и Китая) также подлежали поощрению. Отныне им разрешалось получение (изменение) родовой фамилии и *кабанэ* — наследственного титула, который традиционно применялся для ранжирования японской аристократии. Это должно было послужить важной мерой для интеграции переселенцев в структуру японского общества, снятия барьеров для их более активного вовлечения в строительство централизованного государства и создания для них более широких возможностей для вертикальной мобильности. В результате массированного предоставления *кабанэ* их получили более 50 родов (около 2000 человек).

Для самого же Накамаро это означало расширение социальной базы, на которую он рассчитывал опереться. В этом отношении чрезвычайно показателен факт смены руководства Бюро по делам Тодайдзи, где на место Саэки-но Сукуно Имаэмиси, настроенного против Накамаро, в 757 г. пришел потомок иммигрантов из Китая (или же Пэкче) Саканоуэ-но Имики Инукаи (682—764; его заместителем стал также иммигрант — потомок выходцев из Когурё по имени Кома-но Асоми Оояма). Показательно, что эти «кадровые подвижки» приходится на время заговора Татибана-но Нарамаро.

Если до «эпохи Накамаро» ни один из членов рода Фудзивара никогда не возглавлял официальных миссий в Китай, то теперь стала ясна заинтересованность рода в том, чтобы этот канал получения информации (в первую очередь — имеющей отношение к теории и практике государственного управления) с континента находился бы под непосредственным контролем Фудзивара: посольство, назначенное в 750 г. (отплыло в 752 г.), возглавлял Фудзивара-но Киёкава (при назначении посольств

в Китай, одной из основных задач которых была доставка книг, и в дальнейшем ведущая роль принадлежала Фудзивара).

В посольстве в Китай 752—754 гг. обозначился конфликт между главой посольства Фудзивара-но Киёкава и его заместителем Оотомо-но Комаро. Из отчета, поданного трону Комаро (он вернулся на родину раньше Киёкава), фактически явствовало, что все достижения этого посольства были обеспечены благодаря Комаро. К ним можно отнести: его личное вмешательство, когда на новогодней церемонии при дворе китайского императора посольство Японии поставили на менее почетное место, чем посольство Силла (Комаро заявил, что Силла всегда была данником Японии, после этого посольства двух стран поменяли местами); вывоз из Китая буддийского монаха Гандзина, необходимого японцам для «правильного» проведения процедуры посвящения в монахи. Поскольку японцы усвоили танскую систему санкционированного государством посвящения в монахи, а для ее «правильного» самостоятельного функционирования в Японии было необходимо наличие 10 монахов, которые получили бы посвящение согласно этой системе, то возникла идея пригласить в страну высокопоставленного китайского монаха. Выбор пал на Гандзина, которому в сопровождении японских посланцев удалось достичь Японии лишь после пяти попыток, продолжавшихся с 742 по 754 г. (предыдущие заканчивались неудачами ввиду нападений пиратов и неблагоприятных погодных условий). Поскольку согласия китайских властей на выезд Гандзина получено не было — японцы отклонили предложение одновременно взять с собой четырех даосских монахов, — Киёкава побоялся взять его на борт своего корабля, в то время как Комаро, недовольный действиями своего начальника, по своей личной инициативе взял на борт его и еще нескольких буддийских монахов.

Происходивший из того же самого рода, что и Комаро, Оотомо-но Якамоти (718?—785) — известнейший поэт своего времени, принимавший активное участие в составлении «Манъё:сю». Наряду с чистой лирикой в форме *танка*, он сочинял и *нагаута* («длинная песня»). Приводимая ниже песня призвана подчеркнуть заслуги и преданность государю его древнего рода, вставшего при Накамаро в немилость, когда сам Якамоти был удален из столицы.

Род Отомо — древний род,
Предком чьих был славный бог —
Оокумэнануси он
Назван был в те времена.
И с древнейших этих пор
Наш почтенный, славный род
Верною охраной был Государя своего.
Клялся род Отомо так:
«Если морем мы уйдем,
Пусть поглотит море нас,
Если мы горой уйдем,
Пусть трава покроет нас.
О великий государь,
Мы умрем у ног твоих,
Не оглянемся назад».

(Пер. А. Е. Глускиной)

По всей вероятности, Накамаро рассматривал людей, побывавших в Китае, как готовые высококвалифицированные кадры для местного бюрократического аппарата. Тот же Комаро Асоми Оояма был назначен на должность заместителя Бюро по делам То:дайдзи сразу после возвращения из Китая, где он находился в составе посольства.

Накамаро пытался, разумеется, поставить своих людей на всех уровнях государственного управления. Делалось это весьма изоциренно. Как уже было замечено, концепция «мандата Неба» (т. е. смены несправедливой династии или же правителя) была в Японии фактически проигнорирована. Однако убеждение в том, что при несправедливом администраторе непременно должны случаться природные катаклизмы, все-таки существовало. В то же время ответственность за бедствия могла возлагаться не только на самого правителя, но и на его подчиненных — управителей отдельных провинций. Так, согласно указу 763 г., подлежали смене управители тех провинций, на территории которых было много умерших от болезней и где разразилась засуха. За причину бедствий Накамаро посчитал нерадение управителей в части поклонения синтоистским божествам, что прекрасно согласовывалось с пониманием природы синтоистских божеств, компетенция которых распространяется лишь на ограниченную территорию.

Любопытно, что при общем нарастании при Накамаро конфуцианско-даосского элемента в управлении страной количество магических мероприятий буддийского свойства (проведение молений, переписка и чтение сутр и т. п.) не имеет тенденции к сокращению (хотя их удельный вес в общем комплексе официальной идеологии и становится меньше), что свидетельствует о культурной инерции и о глубине проникновения буддийских идей в чиновничье-придворную среду. Однако количество сообщений о строительстве новых храмов все-таки уменьшается, встречается и осуждение неправедных монахов. Особенно интересна запись о предложениях чиновников по улучшению управления государством. Мнения были высказаны в ответ на обращение императора Дзюннин в 759 г. Одно из предложений, высказанное *санги* Фунъя-но Махито Тотину (693—770) и монахом Дзикун (691—777, занимал крупную должность *сё:со:дзу* в буддийской церкви), заключалось в том, что следует отменить буддийскую церемонию покаяния, проводившуюся в 1-й луне (начала проводиться в 749 г.). Основанием для такого предложения послужило то, что многие люди, которые в обычное время в храм не заглядывают, соблазняются трапезой и подарками, организуемыми за государственными счет, и даже регистрируются в двух храмах, хотя и не принимают участия в молитвах.

Что касается других предложений, высказанных монахами, то они в тексте хроники не приводятся на том основании, что исходят из реалий Китая, а не Японии, и потому, несмотря на уже отданные распоряжения об их исполнении, они не были воплощены в жизнь.

Из более поздних источников известно, что предложения монахов крупнейших храмов заключались в следующем: 1) провести ремонт буддийских храмов; 2) запретить деятельность монахов, не прошедших санкционированного государством посвящения; 3) обсадить дороги плодовыми деревьями, дабы путники могли спастись от жары в тени и находить пропитание; 4) учредить в каждой провинции пруды, куда добродетельные люди могли бы выпускать рыбу, выкупленную ими у торговцев. За исключением пункта 2 все остальные предложения носят трудозатратный характер, требующий вмешательства государства, которое, однако, в это

время умеряло свою активность в деле поддержки буддийской церкви. Кроме того, следует иметь в виду, что распоряжения об исполнении указанных предложений исходили от Дадзё:кан, которая во времена господства Накамаро утратила значительную часть своих полномочий.

В 758 г. в провинции Ямато было обнаружено растение, которое посчитали за чудесное знамение: на корнях глицинии (яп. *фудзи*, т. е. очевидна связь с фамилией Фудзивара) некое насекомое проделало ходы в виде 16 иероглифов. Смысл их был не слишком понятен, но «профессора» (вспомним заботу Накамаро о них) истолковали их в смысле оправдания тех беспрецедентных полномочий, которыми стал обладать Накамаро к этому моменту.

Для того чтобы получать и «правильно» истолковывать знамения, Накамаро, безусловно, нужно было обладать соответствующими связями в Астрологическом отделе (Оммё:рё:), который как раз и занимался такого рода работой. Прямым свидетельством действительного существования подобных связей может служить жизнеописание главы отдела по имени Ооцу-но Мурадзи Ооура, скончавшегося в 775 г. В нем утверждается, что Накамаро очень доверял этому человеку (для которого гадание было наследственным делом) и часто получал у него консультации.

В 8-й луне 758 г. место отрешившейся из-за болезни (действительной или мнимой) Ко:кэн занял ставленник Накамаро — принц Оои (государь Дзюннин). О близости их отношений свидетельствует хотя бы то, что принц Оои жил в усадьбе у Накамаро, который приставил к нему вдову своего сына. Показательно, что Дзюннин в обход сложившейся практики не принял собственного девиза правления и правил под прежним девизом — Тэмпи: хо:дзи — свидетельство его явной несамостоятельности. Назначенный главным министром Накамаро получил беспрецедентные привилегии: чеканить собственную монету, от собственного имени собирать налоги, пользоваться своей печатью в качестве государственной. Вместе с тем в правление Дзюннин ведется активная практическая деятельность по реформированию государственного аппарата, призванная повысить его эффективность, что составляет впечатляющий контраст по сравнению с первыми годами правления Ко:кэн и, особен-

ности, Сё:му, которые придавали первостепенное значение поддержке буддизма и магическим способам обеспечения жизнедеятельности государства.

Во время своего пребывания у власти Накамаро предпринял следующие шаги, продиктованные его прокитайскими настроями: ввел новую номенклатуру чиновничьих должностей, имевших аналоги в Китае (отчасти — в Бохайском царстве); предпринял меры для поддержания стабильных цен на рис; предписал всем чиновникам, наряду с законодательными сводами (и дополнениями к ним), неукоснительное изучение «Идзё: тэнкун» (несохранившееся произведение китайской этической мысли — составлено в правление императрицы У Цзэ-тянь, 684—705; в нем, судя по сохранившимся отзывам и фрагментам, первостепенное значение придается конфуцианским этическим категориям); начал составление генеалогических списков по китайскому образцу (работа не была закончена, списки не сохранились).

Для самого Накамаро конфуцианские идеи сыновней почтительности были не только средством воздействия на сознание и этические качества чиновничества с целью реформирования общегосударственной идеологии, но и обоснованием для возвеличивания своих собственных предков. К числу предпринятых им в этом направлении мер можно, в частности, отнести введение в действие в 757 г. составленного Фухито законодательного свода «Ё:ро: рицурё:» (поскольку он почти не отличался от предыдущего свода «Тайхо: рицурё:», эта акция носила скорее политическое, чем практическое значение); посмертное повышение Фухито, Мутимаро и Фусасаки в ранге и должности (идейное обоснование при этом выглядело так: «Дети почитают родителей. Родители же почитают детей. Это — вечное правило, и в следовании ему заключена добродетель священного правителя»).

Накамаро исходил из того, что государству должна принадлежать активная роль во всех без исключения областях жизнедеятельности. Это касалось не только дел внутренних, но и внешних. Именно на его «правление» приходится заметная активизация попыток внешней экспансии Японии (подготовка неосуществленной военной экспедиции против Силла, походы на север Хонсю против эмиси — предков айнов).

В то же самое время при правлении Дзюннин-Накамаро продолжается впервые сформулированная законодательными сводами политика на лишение буддийской церкви самостоятельности, полное подчинение ее государственным интересам. Может быть, наиболее показательны в этом отношении два указа 760 г., обнародованные в один день (оригинал одного из них, написанный рукой Накамаро, сохранился до сегодняшнего дня). Первый указ вводит для монахов шкалу ранжирования (4 ранга, 13 ступеней), в значительной степени приравнивая их к государственным служащим (в Китае такой шкалы для монахов не существовало). Второй указ лишает То:дайдзи права самостоятельно пользоваться частью ранее дарованных ему полей и переводит их в государственное управление. Отныне эти поля должны были использоваться в качестве источника получения средств для оправления проводимых государством буддийских церемоний.

В свете этих данных становится понятно, почему именно буддийский монах вступил в борьбу с Фудзивара-но Накамаро.

До:кё:. Будучи выходцем из захудалого провинциального рода Югэ, До:кё: (?—772) прошел путь от простого монаха до всемогущего властителя страны. Выдвижение До:кё: тем более удивительно, что социальная структура японского общества VIII в. достаточно жестко детерминировала судьбу человека. При присвоении придворных рангов и распределении государственных должностей принадлежность к тому или иному роду играла определяющую роль.

До:ке: оказался исключением. И не только благодаря личным качествам, — согласно утверждениям современных графологов, До:кё: обладал «сильным и самоуверенным характером», — но и благодаря тому, что он был монахом. Буддийское духовенство представляло собой, пожалуй, единственную социальную группу, где в это время интенсивно осуществлялась вертикальная мобильность — представители наиболее могущественных родов предпочитали чисто чиновничью карьеру и потому не составляли конкуренции «худородным» внутри буддийской общины. Кроме того, обладая высокой образованностью (в особенности высоко ценились их навыки целителей), буддийские монахи сравнительно легко становились приближенными правителей и оказывали значительное влияние на расклад политических сил. К числу таких придвор-

ных монахов в первую очередь можно отнести упоминавшегося Гэмбо:, сыгравшего большую роль в удалении Фудзивара Хироцугу с политической арены. Однако и по сравнению с ним роль До:кё: в придворной жизни была огромной.

В штате придворных монахов До:кё: появляется в начале 750-х гг. За ним утвердилось слава умелого врачевателя. Видимо, поэтому его направили в 761 г. к занемогшей бывшей императрице Ко:кэн, До:кё: вошел к ней в доверие. Предполагается, что они состояли в интимных отношениях.

«До:кё: из рода Югэ делил с императрицей одну подушку и управлял Поднебесной» («Нихон рё:ики»).

И вот выздоровевшая Ко:кэн под влиянием До:кё: решительно заявила свои претензии на власть. В указе Ко:кэн от 762 г. (в это время она уже приняла монашество под именем Такано), в частности, говорилось: «...Стали мы послушницей Будды. А что до деяний разных — постоянными праздниками и делами мелкими пусть нынешний правитель [Дзюннин] ведаст, а важными делами державными — наградами, наказаниями, этими двумя заботами мы ведать станем» (пер. Л. М. Ермаковой).

Какое-то время в стране существовало два параллельных центра властных полномочий. При этом резиденцией Дзюннин был императорский дворец, резиденция же Ко:кэн находилась в буддийском храме Хокэдзи в Нара.

Возникший конфликт между тандемами Ко:кэн-До:кё: и Дзюннин-Накамаро обычно рассматривается как проявление борьбы за власть между различными придворными группировками. Однако с точки зрения понимания общекультурной ситуации нам представляется весьма перспективным видеть в нем не только столкновение конкретных личностей, но и противостояние разных стратегических подходов (буддийского и конфуцианского) по отношению к будущему страны, которое, в свою очередь, в самом общем виде может быть интерпретировано как противостояние магического и прагматического подходов к управлению государством.

Примечательно к этому времени употребление термина «политическая борьба» вполне условно, ибо оно включает в себя не толь-

ко придворные интриги, но и откровенную магию. Так, соперники Ко:кэн тайно похитили прядь ее волос, вложили их в череп и бросили в реку, произнеся соответствующее проклятие, что должно было устранить ее из числа претендентов на престол. Однако эта запрещенная законом черная магия оказалась бессильна.

Режим Ко:кэн-До:кё: ответил на это также вполне ритуальным мероприятием. Для очищения от скверны, вызванной мятежом Фудзивара-но Накамаро, был вырезан один миллион (!) деревянных моделей трехъярусных пагод. И в каждую из них, высотой в 21,5 см и покрытую каолином, вложили текст с оберегающими заклинаниями — *дохарани*. При таком массовом производстве допускаемая в размерах погрешность вызывает уважение: в 96% случаев она попадает в пределы 5,9 мм. После окончания работ, которые заняли пять лет, эти пагоды были распределены по десяти крупнейшим храмам столицы. Указанная в источнике цифра может вызвать недоверие, однако до их пор в храме Хо:рюдзи сохраняется 45 тысяч таких пагод.

Влияние До:кё: стремительно возрастало. Он занял должность *сё:со:дзу* — одного из руководителей буддийской общины в стране. Накамаро, увидевший в До:кё: и его покровительнице Ко:кэн угрозу своему положению, поднял войска, но потерпел поражение от дружины Ко:кэн и был казнен.

Однако даже гибель всемогущего Накамаро не сказалась на положении в госуларственной иерархии фамилии Фудзивара в целом, поскольку представители других ветвей не поддерживали Накамаро и выступили против него. Их лояльность была оценена — они немедленно получили повышение в рангах (Фудзивара-но Нагатэ, 714—771, Фудзивара-но Навамаро), а Фудзивара-но Тоёнари был возвращен пост правого министра. После его смерти этот пост занял Нагатэ — сын Фусасаки, что означало смену у кормила власти южного дома Фудзивара на северный, который будет с этого времени доминировать в политической жизни на протяжении нескольких столетий. Чуть позже Фусасаки получил пост левого министра.

Показательно, что ни одна из буддийских структур не поддержала Накамаро. Так, при известии о мятеже 16 переписчиков сутр из Сё:со:ин немедленно отправились в императорский дворец, где от главы Министерства народных дел они получили

приказ возвратиться обратно и «обороняться», а оружие, находившиеся в хранилище Сё:со:ин в То:дайdzi, было доставлено в императорский дворец для применения его против Накамаро (совершенно очевидно, что к этому моменту Дзюннин уже не контролировал ситуацию). Храмы в провинции Оми (позиции Фудзивара там были особенно сильны) также встали на сторону императорской армии.

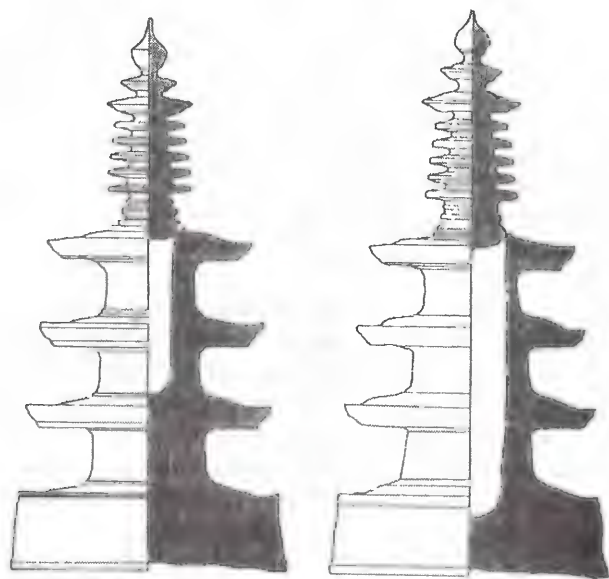

Иллюстрация 28. Модель пагоды для *дхарани*

После подавления мятежа Накамаро Дзюннин был принужден к отречению и сослан. Вскоре он скончался при таинственных обстоятельствах. Настало время полного доминирования До:кё: и повторно взошедшей на престол Ко:кэн (поскольку ее посмертным именем стало Сё:току, то и время ее повторного правления обычно именуется «временем правления Сё:току»).

Теперь До:кё: вместе с Сё:току (точно так же, как и чуть ранее Накамаро) пришлось обратиться к бюрократическому творчеству — специально «под До:кё:» стали создаваться должнос-

ти, которые законодательством предусмотрены не были. Дело в том, что определенная законодательством бюрократическая система аттестаций даже при сильном желании власть предержащих обычно не позволяла слишком стремительного продвижения по служебной лестнице. Сначала До:кё: был назначен *дай-дзин-дзэнси* («министр-учитель *дхьяны*»), затем — «главным министром-учителем *дхьяны*» (*дайдзё: дайдзин дзэнси*) и «владыкой Закона Будды» (*хо:о:*), причем материальное обеспечение До:кё: приравнивалось к императорскому. При этом назначение на должность министра-монаха обосновывалось с точки зрения выгоды для дела распространения буддизма — занимаясь До:кё: должность должна была обеспечить процветание закона Будды в Японии. Кроме того, подчеркивалась роль До:кё: в деле «защиты» государыни.

Возвышение До:кё: сопровождалось целой серией мероприятий и отрежиссированных «событий» буддийского характера. Это и введение должности ответственного за отпущение на волю «всех живых существ» (ранее выкупали и отпускали на свободу только соколов), и прекращение практики принесения подати животными и птицами, используемыми во время охоты (соколы, собаки, бакланы), и помещение статуи Будды в главное синтоистское святилище — храм Исэ, и обнаружение мощей Будды в храме Сумидэра, и начало строительства в столице крупнейшего после То:дайdzi буддийского храма Сайдайdzi, и упоминавшееся изготовление одного миллиона моделей пагод и т. д. Количество упоминаний относительно буддизма в «Сёку нихонги» в правление Сё:току-До:кё: намного превосходит все прошлые и последующие правления.

При этом, несмотря на то что в государственном аппарате Фудзивара формально по-прежнему доминировали, контролем над буддийской церковью они явно не обладали (например, ни одна из должностей в Управлении строительства Сайдайdzi фамилии Фудзивара не принадлежала — в основном эти должности занимали представители Саэки, Оотомо, Нунахара, Авата). Скорее наоборот, в это время До:кё: вместе со своими коллегами-монахами в значительной степени (в особенности в делах, касающихся буддийской церкви) подменили регулярный государственный аппарат — было создано Управление дворца До:кё:, штат которого был сопоставим со штатом дворца престолона-

ледника. На этом фоне посещение императрицей отдела столичной школы чиновников (Дайгакурё:) для участия в церемонии поклонения Конфуцию не выглядело слишком большой уступкой поборникам китайской учености (в это время пост правого министра занимал Киби-но Макиби, известный своей китайской образованностью), тем более что непосредственно после этого государыней было предпринято посещение крупнейших столичных храмов.

Вообще говоря, за записями «Сёку нихонги» этого времени постоянно ощущается скрытая борьба за идеологические приоритеты. Чрезвычайно показательной является запись, приуроченная к привычному уже обнаружению в 768 г. «чудесной черепахи» с цитатами из китайских классиков, которые свидетельствуют о первостепенной значимости этой находки. Во времена доминирования в прошлом какого-нибудь представителя клана Фулзивара это послужило бы неперменным предлогом-причиной для переименования девиза правления (поскольку обнаружение «чудесной черепахи» считалось «великим счастливым знамением», требующим изменения девиза), но при Сё:току-До:кё: этого не произошло.

Разумеется, следует твердо помнить, что борьба в области строительства государственной идеологии шла за приоритетное место в ней. Никто не ставил вопрос об «искоренении» конфуцианства, синтоизма или буддизма. Так, например, несмотря на откровенно пробуддийскую направленность правления Сё:току, в ее указе, посвященном переименованию эры правления, упоминается о помощи синтоистских божеств (а не будд и бодхисаттв!), которые послали встречный «божественный ветер» (*камикадзэ*), предотвративший продвижение судов Накамаро, спасавшегося бегством от преследования дружины Ко:кэн. В связи с этим чудесным событием новая эра правления была названа Тэмпё: дзинго, т. е. «небесный мир — божественная защита».

Понятие *камикадзэ* имело в японской истории большую идеологическую нагруженность. Так, ураган, дважды разметававший монгольский флот у берегов Кюсю в XIII в., также был назван *камикадзэ*. Это же имя получили и летчики-смертники Второй мировой войны.

Несмотря на то что До:кё: обладал всеми мыслимыми титулами и привилегиями, его тщеславие все еще не было удовлетворено. И если Накамаро не успел (или не захотел) напрямую посягнуть на престол, то До:кё: посчитал, что должен стать императором. Для достижения этой цели им была использована глубоко укоренившаяся вера в предсказания.

В 769 г. в столице Нара стало известно, что синтоистский бог Хатиман из храма Уса на Кюсю якобы пожелал, чтобы До:кё: стал императором, обещая стране в этом случае мир и спокойствие. Единственный раз за все правление Сё:току чары До:кё: оказались бессильны, ибо императрице было явлено совершенно неожиданное для монаха видение: она должна отправить Вакэ-но Киёмаро (733—799) на Кюсю, чтобы он узнал истинную волю бога. Киёмаро вернулся от оракула с таким ответом: «Со времени начала нашего государства и до дней нынешних определено, кому быть государем, а кому — подданным. И не случалось еще, чтобы подданный стал государем. Трон солнца небесного должен наследоваться императорским домом. Неправедный же да будет изгнан».

За такой ответ До:кё: сослал Киёмаро, однако уже не возобновлял попыток взойти на престол.

Кульг Хатиман был распространен на Кюсю. По всей вероятности, это было божество континентального (корейского) происхождения, причем распространение культа относится к сравнительно позднему времени. В связи с этим имя Хатиман не встречается ни в «Кодзики», ни в «Нихон сёки». На страницах «Сёку нихонги» имя Хатиман впервые появляется в связи с тем, что успешное подавление мятежа Фулзивара-но Хироцугу было приписано именно ему. Среди синтоистских божеств роль Хатиман в деле магического оберегания буддизма была столь велика (наланкин с его символическим обозначением — *ситтай* — был представлен в Нара для участия в церемониях освящения То:дайдзи), что его стали называть «бодхисаттвой Хатиман». В средневековые культ Хатиман получил еще более широкое распространение — посвященные ему храмы стали строиться по всей стране. Он считался богом-покровителем воинов.

О заслугах Вакэ-но Киёмаро в деле спасения правящей династии не забывали никогда. Особенно активно его достоинства в

качестве лояльного подданного подчеркивались сразу после «обновления Мэйдзи». Его портрет украшал десятийеновую банкноту вплоть до 1939 г.

До:кё: был отстранен от власти после смерти Сё:току. Таким образом, в VIII в. До:кё: оказался по крайней мере третьим (после принца Нагая и Татибана-но Морозэ) деятелем, который, одержав на какое-то время политическую победу над Фудзивара, не сумел закрепить ее.

После смерти Сё:току, ссылки До:кё: и воцарения Кожин (770 г.) в политической и идеологической жизни двора и страны начинается стремительное возвращение к конфуцианским ценностям. И теперь, в отличие от 768 г., вновь обнаруженная белая черепаха служит поводом для переименования эры правления в Хо:ки («Драгоценная черепаха»). Символично, что в записи от этого же дня приводится список высших чиновников, пожалованных новыми рангами, среди которых непропорционально большую долю составляют Фудзивара (10 из 27). Главным же царедворцем становится Фудзивара-но Ёсицугу (717—777), занявший должность внутреннего министра (*найдайзин*; не входит в одобренный законодательством VIII в. перечень официальных должностей). При этом следует иметь в виду, что возмущение, вызванное Сё:току-Докё:, было столь велико, что церемония восхождения на престол Кожин и переименование девиза были осуществлены в год смерти Сё:току, а не в следующем, как это было положено по конфуцианскому этикету (т. е. фактически не соблюдался траур по покойной государыне).

До:кё: было предъявлено немало обвинений, в частности ему вменили в вину (точно так же, как и в случае с Нарамаро) то, что он чрезмерно увлекся строительством буддийских храмов, что вызвало увеличение трудовой повинности и истощение государственных ресурсов.

Период доминирования До:кё: оказался, пожалуй, последним в истории древней Японии, когда буддизм как таковой претендовал на ведущее место в комплексе государственной идеологии. Лишь в XIII—XVI вв. сёгунатами был взят на вооружение дзэн-буддизм. Влияние буддизма на жизнь государства и общества до этого времени было очень значительным, но, на наш взгляд, его

потенции реализовывались главным образом в деле социализации личности. Однако и конфуцианство, несмотря на то что Фудзивара (в лице представителей «северного дома») практически безраздельно контролировали правящий род и положение при дворе вплоть до XII столетия, в чистом виде также не смогло стать единственным основанием легитимности существующей системы власти — местная синтоистская традиция с ее упором на миф и систему сакральных генеалогий с течением времени все более институализировалась, образуя каркас государственной идеологии, который, в зависимости от времени и обстоятельств, мог быть покрываем различными «материалами» без катастрофических последствий для самой конструкции (определенную, хотя и не решающую, роль здесь играло то обстоятельство, что род Накатоми, от которого отпочковались Фудзивара, был родом наследственных синтоистских жрецов). Полемика по идеологическим вопросам происходила между приверженцами буддизма и конфуцианства (например, в трактате «Сангосики» — «О сути трех учений», 797 г., знаменитый буддийский монах Ку:кай доказывает преимущество буддизма над конфуцианством и даосизмом), но она никогда не ставила под вопрос ценности синтоизма. Кроме того, необходимо помнить о достаточно жесткой привязанности в общественном сознании конфуцианства и фамилии Фудзивара (ориентированность Фудзивара на китайскую образованность конфуцианского типа находит свое выражение в создании ими своей собственной родовой школы после фактического распада государственной системы подготовки чиновников). Так что с уходом с политической арены этого рода образовался определенный идеологический вакуум, который был заполнен огосударственным буддизмом дзэн. Повторная актуализация конфуцианства как основы государственной идеологии наблюдается лишь в XVII в., при сёгунате Токугава.

Фудзивара и посольства в Китай. После удаления с политической арены До:кё: вновь активизируются связи с Китаем, что можно считать важным признаком идеологической ориентированности режима. Здесь следует отметить, что посольства в танский Китай назначались в VIII в. почти исключительно в периоды доминирования Фудзивара. И наоборот — как только их влияние ослабевало и усиливались пробуддийски настроенные

силы, посольства не посылались, что подтверждается данными нижеприводимой таблицы (см. с. 235).

Как видно из таблицы, посольства в Китай не посылались (и не назначались) ни при принце Нагая (правый министр с 721 по 724 г., левый министр с 724 по 729 г.), ни при До:кё: — противниках Фудзивара. Исключение составляет лишь Татибана-но Мороэ (правый министр с 738 по 743 г. при вакантной должности левого министра; левый министр с 743 по 756 г.). Однако отправленное при нем посольство возглавлялось Фудзивара-но Киёкава.

Правление Ко:нин. На следующий день после смерти Сё:то-ку (она стала последней японской императрицей древности), последовавшей в 8-й луне 770 г., левый министр Фудзивара-но Нагатэ (714—771, представитель «северного дома» Фудзивара) вместе с Фудзивара-но Момокава (732—779, «кадровый дом») и Фудзивара-но Ёсицугу (716—777, «кадровый дом») решили поставить наследным принцем Сиракабэ (считается, что они подделали завещание Сё:току, в котором якобы говорилось о ее желании видеть следующим императором Сиракабэ). Он взошел на престол в 10-й луне (император Ко:нин). В то время ему исполнилось уже 62 года. Выбор, павший на Ко:нин, означал серьезные изменения в династической истории: все предыдущие правители были потомками Тэмму, в то время как с воцарением Ко:нин престол стали занимать потомки Тэнти. Смена династической линии была, по всей вероятности, в значительной степени обусловлена тем, что во время правления последних императоров — потомков Тэмму — страна находилась в состоянии политической нестабильности, а также тем, что Фудзивара безусловно не устраивало чрезмерное буддийское рвение многих государей — потомков Тэмму и Дзито:. Следует также помнить, что фамилия Фудзивара была дарована роду именно при Тэнти, которого, судя по всему, Фудзивара считали своим благодетелем.

Ко:нин немедленно сослал До:кё:. После его удаления количество записей буддийского толка в «Сёку нихонги» сокращается. Постепенно изменяется и их тональность. В соответствии с первоначальным духом законодательных сводов на первый план вновь выходят рестриктивные меры, направленные на ограничение буддийского влияния под предлогом «неправиль-

Род Фудзивара и посольства в Китай

Год назначения (или отправки) посольства	Император	Ближайшее окружение императора	Посол
701	Моммү	Левый министр — Татзихи-но Сима; правый министр — Абэ-но О:нубито; увеличивающееся влияние Фудзивара-но Фухито	Авата-но Махито
716	Гэнсё:	Правый министр Фудзивара-но Фухито (при вакантной должности левого)	Татзихи-но Агатамори
732	Сёмү	Фудзивара-но Мутимаро (правый министр при вакантной должности левого)	Татзихи-но Хиронари
746 (не было отправлено)	Сёмү	Татибана-но Мороэ (левый министр)	Исоноками-но Отомаро
750	Ко:кэн	Татибана-но Мороэ (левый министр), Фудзивара-но Тоёнари (правый министр), увеличивающееся влияние Фудзивара-но Накамамаро	Фудзивара-но Киёкава
759 (назначено для встречи Фудзивара-но Киёкава)	Дзюннин	Правый министр Фудзивара-но Накамамаро (при вакантной должности левого)	Ко: Гэндо (потомок переселенцев из Котурё)
761 (не было отправлено)	Дзюннин	Фудзивара-но Накамамаро (главный министр)	Нака-но Иватомо (ставленник Накамамаро)
762 (назначено для проводов танского посольства, не было отправлено)	Дзюннин	Фудзивара-но Накамамаро (главный министр)	Накатами-но Такануси
775	Ко:нин	Фудзивара-но Ёсицугу (внутренний министр)	Саэки-но Ймаэсимиси
778	Ко:нин	Фудзивара-но Ёсицугу (внутренний министр)	Фусэ-но Киёнао

ного» поведения монахов. К наиболее значимым актам по лишению буддийской церкви самостоятельного значения относятся мероприятия по усилению государственного контроля над посвящением в монахи (вместо печати До:кё: на документах должна была ставиться печать Министерства управления — Дзи-бусё:); предотвращение самовольного, не санкционированного государством ухода в монахи; возвращение монахов из столицы в те провинциальные храмы, к которым они были приписаны; запрет на незаконное называние себя именами умерших монахов (что затрудняло учет монахов); осуждение несправедливого поведения монахов (действия, противоречащие Учению Будды и государственным законам), приведшего к тому, что несколько храмов были разрушены ударами молнии; ограничение одним правлением срока владения храмами землей; запрещение использовать при возведении храмов камня, взятого из разрушенных при строительстве захоронений; запрет на частное строительство храмов; запрет храмам заниматься ростовщическими операциями; высылка монахов в периферийные храмы за нарушение законодательства и распоряжений правительства; ликвидация Бюро по делам То:дайдзи и т. д. В то же самое время «Сёку нихонги» возносит хвалу «простым» людям, отличившимся в части верности конфуцианскому сыновнему долгу, а жизнеописание Фудзивара-но Хаманари (724—790, автор первого в Японии поэтологического трактата «Какё: хё:сики», посвященного китайскому стихосложению) специально отмечает его китайскую образованность (в гадании, астрологии, календарном деле). Ликвидируется и существовавшая неопределенность положения в государственной иерархии в отношении высших должностных лиц буддийской церкви, которая создавала возможности для различных политических спекуляций. Самый высокий пост — патриарха — приравнивался отныне к младшей степени 4-го ранга, т. е. он был на ступень ниже «обычного» министра. Все это приводило к тому, что государственный аппарат стал прочно контролировать буддийские институты, лишив их самостоятельного значения.

Тем не менее опасения относительно политической самостоятельности буддийской церкви были настолько велики, что при переносе столицы из Нара в Нагаока (784 г.) и Хэйан (794 г.) столичные храмы было решено оставить на прежнем месте в

Нара (при строительстве Нара крупнейшие храмы были перенесены туда из Фудзивара).

С отступлением буддизма как инструмента политической борьбы на второй план покинутая им «ниша» заполняется синтоизмом. С течением времени именно с синтоизмом все в большей степени начинает ассоциировать себя правящий род. И установка синтоизма прежде всего на преемственность (песняемость династии) решительно преобладает над конфуцианской идеей о «мандате Неба».

Знаменитый средневековый мыслитель Китабатакэ Тикафу-са (1293—1354) в своем историко-политическом трактате «Дзин-по: сё:то:ки» («Записи о прямом наследовании божеств и императоров») утверждал, что поскольку в Индии и Китае происходили многочисленные смены династий (в Китае он их насчитывает 36), сопровождавшиеся ужасными беспорядками и бунтами, то эти страны не могут служить примером для подражания. «Богоизбранность» же Японии заключается в непрерывности наследования, начиная от первых божеств и до нынешних императоров. При первом знакомстве с европейской историей, в XVI в., реакция японцев была однозначной: как могут проповедники христианства настаивать на истинности своего вероучения, если оно не в состоянии предотвратить многочисленные смены династий в их христианских странах?

При Ко:нин произошло упорядочивание и сокращение должностей, не входивших в номенклатуру законодательных сводов (это привело к тому, что многие чиновники в центральном и провинциальном аппарате остались без должности), он попытался улучшить местное управление и собирать налоги (состояние казны постоянно ухудшалось, начиная с правления Ко:кэн).

Правление Камму. Последние годы периода Нара и начало Хэйан падают на правление Камму (до восхождения на престол именовался принцем Ямабэ). В отличие от предшествующих государей ему удалось достичь определенной независимости в проводимой им политике (во всяком случае, среди его окружения отсутствовали фавориты, подобные Фудзивара-но Накамаро и До:кё:). Посты главного и левого министров он оставил вакант-

ными и пытался решать стоящие перед страной (двором) проблемы более самостоятельно. Возможно, определенную роль здесь сыграла его невовлеченность в высшую политику — хотя его отцом был принц Сиракабэ (будущий император Ко:нин), его мать не была представительницей высшей японской аристократии, а принадлежала к роду Такано, происходившему от потомков королевской семьи Пэкче. В связи с этим и сам он никогда не рассматривался как серьезный претендент на престол, к тому же наследным принцем ранее был назначен принц Осабэ (сын Ко:нин и принцессы Игами, дочери Сё:му). Однако многие из рода Фудзивара (прежде всего Фудзивара-но Момокава) не желали иметь престолонаследника-потомка Тэмму (хотя бы и по материнской линии), они обвинили мать Осабэ в том, что она наслала порчу на императора Ко:нина, самого Осабэ сослали. В результате этих интриг престолонаследником был назначен Ямабэ.

Среди дел Камму более всего известны составление «Сёку нихонги», поощрение иммигрантских родов, перенос столицы (сначала в Нагаока, а потом — в Хэйан) и походы против эмиси. Перенос столицы из Нара был, вероятно, вызван осознанием общего кризиса всего государства. Это и деградация земельной системы землепользования, и малая управляемость чиновничьего аппарата, и беспрерывные придворные интриги, и чрезмерное вмешательство буддийских монастырей и монахов в светские дела. Кроме того, необходимо помнить и о смене линии потомков Тэмму на потомков Тэнти. Поэтому на решение о переносе столицы повлияла и китайская политико-историческая логика, согласно которой новая династия непременно перебиралась в новую столицу (хотя, согласно китайским понятиям, об основании новой династии в строгом смысле слова не могло идти речи, поскольку Тэмму и Тэнти были братьями). С этими же обстоятельствами связано, вероятно, и поспешное составление хроники «Сёку нихонги» — ее повествование заканчивается на середине правления Камму, что было вопиющим игнорированием принципов летописания, предполагающих, что повествование заканчивается с окончанием правления определенного императора. Скорее всего, Камму спешил еще при своей жизни окончательно закрепить переход трона от одной ветви правящего рода к другой.

Возросшие политические амбиции адептов буддизма видны не только в действиях До:кё:, но и в народных легендах того времени. В «Нихон рё:ики» рассказывается, в частности, о монахе Дзякусэн, который долгое время подвижничал на горе Ивадзуги. Почувствовав приближение смерти, он написал своим ученикам: «Через двадцать восемь лет после моей смерти я буду рожден принцем по имени Камино». И действительно — в указанное время был рожден принц, названный именно так. Впоследствии он якобы стал императором Сага (809—823).

Перенос дворца в Нагаока (к северо-западу от Нара) был осуществлен в 784 г., однако из-за убийства в следующем году главного царедворца Фудзивара-но Танэцугу (главную роль в организации убийства сыграли члены рода Оотомо — Цугухито, Якамоти, а также представители рода Саэки) и неожиданной смерти принца Савара, сосланного ввиду причастности к этому заговору, полномасштабные строительные работы были приостановлены. В 794 г. двор был перенесен в провинцию Ямасиро, где и началось строительство новой столицы — Хэйан-кё: («столица мира и спокойствия»). Одной из центральных фигур, осуществлявших этот проект, был Вакэ-но Киёмаро, сыгравший выдающуюся роль в устранении монаха До:кё: из придворно-политической жизни.

Принц Савара умер по пути на место ссылки — остров Авадзи. Находясь на корабле, он объявил сухую голодовку. После его кончины последовало несколько смертей. В 788 г. умерла одна из младших жен Камму — Табиго (дочь Фудзивара-но Момокава), в следующем году скончались его главная жена Отомуро (дочь Фудзивара-но Ёсинугу) и мать Камму. Кроме того, тяжело занемог наследный принц Атэ (старший сын Камму, будущий император Хэйдзэй, 806—809). Эти несчастья были приписаны проклятию неуспокоенного духа принца Савара, в связи с чем были проведены ритуалы по его умиротворению, могила приведена в порядок, а самому покойному был дарован титул «императора Судо:».

Камму предпринял серию походов против эмиси, но здесь его поначалу ждал полный провал. Известно, что в сражениях

с военачальником эмиси Атаруи в 789 г. было потеряно более тысячи человек. Однако в 801 г. правительственным войскам все-таки удалось продвинуться достаточно далеко вглубь провинции Муцу. Но это был последний успех как для Камму, так и для следующих правителей, на долгое время оставивших идею покорения северных племен. Кроме нарастания общей интровертности социальной и культурной жизни здесь мог сыграть свою роль упадок рода Оотомо и других «старых» родов, славных своими военными традициями. Фудзивара же никогда не отличались заслугами на военном поприще, а исповедуемые ими принципы конфуцианства, считающего военные занятия несовместимыми с убеждениями «благородного мужа», также способствовали общему упадку военного дела в Японии. Недаром решение о прекращении походов против эмиси было принято по совету Фудзивара-но Оцугу (774—843). Хотя его мотивировка заключалась в избавлении «народа» от излишних тягот, на логику его рассуждений могло повлиять и беспокойство по поводу того, что с расширением экспансии неизбежно произойдет и усиление военных, т. е. соперников Фудзивара.

Строительство новой столицы и военная активность потребовали огромных затрат, значительно ухудшивших как положение крестьян, так и общее состояние государства.

Несмотря на некоторое ослабление позиций Фудзивара в правление Камму, политическая инерция была такова, что весь период Хэйан именно представители этого рода определяют основную динамику политической придворной жизни.

С IX в. слава Фудзивара стала ассоциироваться прежде всего с их «северным домом» (*хокке*). Его доминирование продолжается вплоть до становления сёгунатов. Оно было настолько всеобъемлющим, что вторую половину эпохи Хэйан часто именуют «периодом Фудзивара». Начиная со времени сёгуната Камакура дом Фудзивара распадется на пять ветвей: Коноэ, Нидзё, Итидзё, Кудзё, Такацукаса, которые и в дальнейшем продолжали оставаться в числе самых влиятельных фамилий среди политической элиты Японии. Достаточно сказать, что Коноэ Фумимаро (1891—1945) был премьер-министром Японии во время Второй мировой войны.

* * *

Приведенный выше очерк политической истории VIII в. показывает, что это столетие прошло под знаком непрерывающейся борьбы за право определять престолонаследника. Несмотря на попытки отдельных представителей правящего рода проводить самостоятельную политику, складывается политическая система, которая является продолжением прошлых, дореформенных традиций: хотя несменяемость правящей династии практически не подвергается сомнению (единственное исключение — До:кё:), однако право на принятие решений остается за другим родом — в IX в. род Фудзивара (его «северный дом») окончательно занимает это место. До этого времени борьба между правящим домом и родом Фудзивара находит свое идеологическое выражение в том, что правящий дом в периоды своей самостоятельности опирается по преимуществу на буддизм, а Фудзивара — на конфуцианство, которые поочередно занимают ведущее место в комплексе официальной идеологии. Зависимость проводимой политики от непосредственного окружения государя особенно хорошо видна на примере Сё:му. В начале его правления в придворной жизни ведущую роль играет принц Нагая (проводится пробуддийская политика), в середине доминируют сыновья Фудзивара-но Фухито (поощрение конфуцианства), после их смерти в 737 г. главным царедворцем становится Татибана-но Морозэ, что знаменует собой возвращение к государственной поддержке буддизма. Однако в результате усиления Фудзивара делается фактический выбор в пользу более прагматической модели управления — конфуцианства. Тем не менее, буддизм как операционная система, с помощью которой осуществляется политическая борьба, не исчерпывает своих потенций. Так, например, произошло в конце XI—XII вв., когда принявший монашество и отрешившийся от престола император создаст свой собственный двор, получит титул *инсэй* («император-монах») и попытается контролировать развитие событий в стране (так называемый период «инсэй»).

В японской традиционной историографии, а вслед за ней и в западной, превалирование Фудзивара в Дадзё:кан (точнее сказать, в Гисэйкан — Высшем политическом совете, входившем в состав Дадзё:кан) называется одной из причин усиления поли-

тического влияния этого рода. Здесь необходимо отметить, что подобная точка зрения требует некоторой корректировки. Несомненно, влияние рода Фудзивара было достаточно велико, особенно в IX—XI вв., но в VIII в. система его доминирования еще не сложилась окончательно. Попробуем проследить процесс постепенного усиления Фудзивара на примере занимаемых ими высших государственных должностей.

В самом начале VIII в. ни один из родов не имел подавляющего преимущества при решении политических вопросов. Например, в 703 г. десять ключевых постов в государственной иерархии занимали: Абэ-но Асоми Минуси — правый министр, принц крови Осакабэ (?—705) — *тидадзэ: кандзи* («сведущий в делах Управления большого государственного совета» — не предусмотренная сводами должность, на которую назначались исключительно представители правящего рода, — ниже правого министра, но выше «старшего государственного советника» — *дайнагон*), Исоноками-но Асоми Маро (640—717) — *дайнагон* (сменил на посту правого министра Абэ-но Асоми Минуси, умершего в этом же году), Фудзивара-но Асоми Фухито — *дайнагон*, Ки-но Асоми Маро (659—705) — *дайнагон*. К пяти политическим советникам двора *санги* (следующая за *тюнагон* должность, учреждена в 702 г. в обход законодательного свода, политический советник имел право высказывать свое мнение при решении важнейших государственных вопросов, обсуждавшихся в Гисэйкан) относились: Оотомо-но Сукунэ Ясумаро (?—714), Авада-но Асоми Махито (?—719), Такамуко-но Асоми Маро (?—708), Симоцукэно-но Асоми Комаро (?—709) и Оно-но Асоми Кэно (?—714). К концу правления императрицы Гэммэй ситуация радикально не изменилась. Даже несмотря на то, что Фудзивара-но Асоми Фухито был правым министром, он был единственным представителем рода Фудзивара в Гисэйкан. При этом левым министром оставался Исоноками-но Асоми Маро, а должность *тидадзэ: кандзи* занимал принц крови Ходзуми (?—715).

Только при императрице Гэнсё: после смерти Исоноками-но Асоми Маро в 717 г. Фухито возглавляет Гисэйкан, и тогда же его сын — Фусасаки — был назначен *санги*, а другой сын Фухито — Мутимаро — стал кандидатом на должность *санги* (*хи сан-ги*). После смерти Фудзивара-но Фухито в 720 г. ключевые посты в Гисэйкан заняли принц Нагая (правый министр), принц крови

Тонэри (*тидадзэ: кандзи*) и Тадзихи-но Махито Икэморы (род Тадзихи вел свое происхождение от принца Камицу Уэха — сына императора Сэнка), что привело к временному замедлению продвижения по службе сыновей Фухито. Только после устранения принца Нагая в 729 г. род Фудзивара вновь начинает набирать силу, и уже в 734 г. Мутимаро становится правым министром, а в состав Гисэйкан входят четыре сына Фухито.

После смерти всех четырех сыновей Фухито в 737 г. ключевые посты занимают Татибана-но Асоми Морозэ (правый министр), принц Судзука, младший брат принца Нагая, назначенный на должность *тидадзэ: кандзи*. Кроме того, возросло влияние родов Тадзихи и Оотомо. Только после устранения Морозэ в 757 г. происходит решительное усиление позиций рода Фудзивара, связанное с деятельностью Фудзивара-но Накамаро: уже в 758 г. в состав Гисэйкан входило четыре представителя рода Фудзивара. И даже несмотря на смерть Накамаро, положение рода Фудзивара в государственной иерархии в целом не изменилось. Единственным достаточно ощутимым ударом по влиятельности Фудзивара были реформы, предпринятые императором Камму. Тогда после смерти правого министра Фудзивара-но Асоми Цугинава (Цугутада) в 797 г. большую часть ключевых постов в государственном аппарате получили представители правящего рода. Уже в 798 г. правым министром стал принц Мива, а единственным *дайнагон* — принц Итисино. Но после смерти Камму баланс сил вновь изменился в пользу Фудзивара.

Таким образом, о решительном доминировании Фудзивара в придворной жизни можно говорить только не ранее конца 50-х гг. VIII в. При этом их доминирование знает по крайней мере два «перерыва»: время господства До:кё: и правление Камму.

Глава 11

Институциональная история

Государственный аппарат. В VIII в. государственный аппарат Японии приобретает свой законченный вид. Он формируется в соответствии с кодексами «Тайхо: рицурё:» и «Ё:ро: рицурё:» (см. Приложение 5).

Согласно законодательным сводам, во главе государства стоял император, который обладал верховными правами в области административного управления, назначения и продвижения чиновников, ведения внешних сношений и управления войском. Непосредственно императору подчинялись три высших государственных учреждения — Палата большого государственного совета (Дадзё:кан), Палата небесных и земных божеств (Дзингикан) и Ведомство инспекций цензоров (Дандзё:тай), основной функцией которых было проведение в жизнь указов императоров.

Главным административным органом был Дадзё:кан (среди высших государственных учреждений в Китае при династии Тан властная структура, имеющая такие же полномочия, как Дадзё:кан, отсутствовала). Дадзё:кан обладал огромной властью, что серьезно ограничивало монополию властных полномочий правящего рода. Дадзё:кан возглавлял главный министр (*дадзё: дайдзин*). Главный министр считался наставником императора в делах управления, и поэтому ему полагалось, как говорится в кодексе «Тайхо:рё», «быть примером в пределах четырех морей (т. е. для всего мира), обеспечивать в стране следование путем морали и приводить в гармонию темные и светлые силы *инь* и *ян*». В случае если этот пост оставался вакантным, предусматривались должности левого (первого помощника главного министра) и правого (второго помощника главного министра) министров, а также целый штат советников, число которых постоянно возрастало (см. Приложение 6).

Внутри Дадзё:кан существовал Высший политический совет (Гисэйкан), куда входили только представители старых аристократических родов, обосновавшихся в пяти центральных провинциях столичного района Кинай (Ямато, Ямасиро, Сэццу, Кавати и Идзуми). По всей видимости, Гисэйкан был не просто совещательным органом, а представлял собой аналог существовавшей в танском Китае Палаты политических дел (Чжэншитан). На совещаниях Гисэйкан обсуждались все важные государственные и военные вопросы, и лишь после этого о них докладывалось императору и начиналась выработка соответствующих указов и распоряжений. Другими словами, это был центральный государственный орган, осуществляющий выработку политического курса и контролирующий все остальные государственные учреждения.

На протяжении VIII в. назначение в Гисэйкан находилось в фактической монополии 21 рода, происходивших из Кинай и известных с более раннего, «дореформенного» времени. К их числу относились: Фудзивара (бывшие Накатоми), Тадзихи, Абэ, Ки, Исоноками (бывшие Мононобэ), О:томо, Косэ, Исикава (бывшие Сога), Татибана, Накатоми, Фунъя, Авада, Такамуко, Симоцукэно, Оно, Агатаинукаи, О:но, Хиками, Киби, Югэмикиё, Саэки. Однако это вовсе не означало, что представители каждого из этих родов постоянно входили в состав Гисэйкан. Состав Гисэйкан менялся в соответствии с расстановкой политических сил. Существовало несколько наиболее влиятельных родов, которые покровительствовали менее могущественным, создавали политические группировки и коалиции, получая возможность контролировать государственную политику. К числу таких наиболее влиятельных родов можно отнести всего пять: Фудзивара, представители которого в VIII в. 29 раз входили в состав Гисэйкан (преимущественно во второй половине VIII в.), Тадзихи — 7 раз, Ки — 8 раз, Оотомо — 9 раз и Абэ — 6 раз. Представители остальных из вышеперечисленных родов гораздо реже включались в состав этого высшего государственного органа (например, представители 10 родов только по одному разу занимали посты в Гисэйкан — см. Приложение 7).

Таким образом, высшая политическая элита Японии продемонстрировала высочайшую степень приспосабливаемости даже к очень изменившимся условиям пореформенного времени, а ее состав не претерпел драматических изменений по сравнению с VII в., хотя внутри самой элиты и произошло серьезное перераспределение властных полномочий. Попытка Тэмму провести определенную реструктуризацию правящего класса (приобщить к нему хотя бы некоторых представителей служилой знати) с помощью реформы *кабанэ* потерпела с точки зрения исторической перспективы полную неудачу. Особенно видно это на примере представительства в Дадзё:кан после правления Сё:току. В 772 г. из двенадцати его членов фамилию Фудзивара носят девять, один — Накатоми.

Само существование такого замкнутого образования создавало в потенции серьезнейшую угрозу тотального кризиса всех ин-

ституты власти и создавало предпосылки для неконтролируемого со стороны государственных институтов социального взрыва. Мы имеем в виду появление на исторической арене сословия самураев и основание череды сёгунов.

Особое положение среди высших государственных учреждений было у Дзингикан. Согласно законодательным сводам, это было учреждение, выведенное из подчинения Дадзё:кан. Формально во главе Дзингикан стоял чиновник младшего 4-го ранга, но фактически его возглавлял сам император, являвшийся первосвященником синтоизма (именно в этом, видимо, кроется причина столь высокого и особого положения Дзингикан в системе высших государственных учреждений). Основными функциями Дзингикан являлись: проведение храмовых (синтоистских) служб, религиозных празднеств и церемоний общегосударственного масштаба (в Китае все перечисленные функции осуществлялись непосредственно Палатой церемоний государственного департамента — Ли бу Шаншу шэн). Назначения в аппарат Дзингикан в значительной степени совместно контролировались Накатоми и Фудзивара.

Еще одним высшим государственным учреждением являлось Ведомство инспекций цензоров (Дандзё:тай). Основной его функцией был контроль за осуществлением законодательных норм в столице и на местах. Ведомство инспекций цензоров осуществляло инспекционные проверки провинциальных и уездных управ, расследовало нарушения закона. Глава Ведомства инспекций цензоров имел право прямого доклада императору, минуя Дадзё:кан (в реальности это право осуществлялось очень редко). Согласно закону, деятельность Дандзё:тай не была подотчетна Дадзё:кан, хотя фактически именно Дадзё:кан санкционировал деятельность Ведомства инспекций цензоров и получал всю итоговую документацию.

Таким образом, видно, что хотя, согласно законодательным сводам, в Японии существовало три высших государственных учреждения, но реально только Дадзё:кан был центральным правительственным органом, в той или иной мере контролировавшим два других учреждения — Дзингикан и Дандзё:тай. Аттестацию и продвижение по службе чиновников в этих учреждениях также фактически контролировал Дадзё:кан.

Ниже Дадзё:кан находились восемь министерств (сё:). К их числу относились следующие.

Министерство центра (Тю:мусё:). В его функции входили рекомендации императору относительно текущих дел и придворных церемоний, редактирование проектов императорских указов, составление хроник, составление подворных и налоговых списков и т. д.

Министерство кадров (Сикибусё:, обычно переводится как «Министерство церемоний», что, исходя из его функций, представляется нам не совсем корректным) ведало именными списками чиновников, должностными аттестациями, продвижением столичных и провинциальных гражданских чиновников, государственными школами и экзаменами, выдачей жалованья, назначением инспекторов, отправляемых в различные провинции и т. д.

Министерство управления (Дзibusё:) занималось вопросами о пожаловании наследственных титулов *кабанэ* и составлением родословных, разбирало различные тяжбы, имеющие отношение к вопросам наследования и брака, отвечало за прием иностранных послов, проведение похорон и т. д.

Министерство народных дел (Мимбусё:) занималось вопросами, связанными с несением трудовой повинности и сбором налогов, распоряжалось государственными рабами, ведало мостами, дорогами, гаванями, переправами, а также заливными и сухоходными полями во всех провинциях.

Военное министерство (Хё:бусё:) ведало аттестацией, перемещением и продвижением по службе столичного и провинциального старшего командного состава, крепостями, укреплениями, сторожевыми и сигнальными постами, а также военной амуницией и конюшнями, занималось обучением воинов, подготовкой и формированием военных отрядов, проведением военных смотров и т. д.

Министерство наказаний (Гё:бусё:) ведало расследованием уголовных дел и наказаниями, пересмотром приговоров, арестом и тюремным заключением, взысканием долгов и т. д.

Министерство казны (Оокурасё:) наблюдало за приходом и расходом материальных ценностей, поступающей из провинций натуральной подушной подати (*мё:*), следило за мерами веса, длины и объема, устанавливало продажные и закупочные цены на различные товары и т. д.

Министерство двора (Кунайсё:) ведало различными службами, связанными с внутренней жизнью императорского дворцового комплекса.

Министерствам подчинялись управления (*сики*), отделы (*рё*: или *цукаса*) и бюро (*си* или *цукаса*).

Подразделения Управления делами дворца престолонаследника (Сюнгубо:) имели специальные названия (*кэн* и *дзё*). Самостоятельным статусом обладали управы (*фу*) по охране дворца.

Таким образом, перед нами предстает разветвленный государственный аппарат, состоящий из множества подразделений.

Должности. Согласно кодексам «Тайхо:рё:» и «Ё:ро:рё:», все чиновники в соответствии с занимаемой должностью были причислены к одному из четырех разрядов: *тё:кан* или *ками*, *дзикан* или *сукэ*, *ханкан* или *дзё:* и *сютэн* или *сакан* (см. Приложение 8). Разряд *тё:кан* («старший чин») включал в себя всех чиновников, которые занимали высшие посты в соответствующих учреждениях, будь то «палаты» (Дзингикан, Дадзё:кан), министерства (*сё:*), управления, отделы, бюро, управы (*фу*). К разряду *дзикан* («следующие чины») относились заместители руководителей соответствующих департаментов. К разряду *ханкан* причислялись все остальные помощники глав ведомств. Что касается *сютэн*, то к этому разряду были отнесены мелкие ведомственные чиновники (например, писцы).

Должности, выходящие за пределы определенного законодательными сводами штатного расписания, получили название *рё:гайкан* («должности, не вошедшие в «рё:»). Введение таких должностей началось сразу же после обнародования кодекса «Тайхо:рё:» в 702 г. Уже в том же году была учреждена должность политического советника двора (*санги*). В 703 г. появились должности «сведущего в делах Палаты большого государственного совета» (*тидадзё: кандзи*). В 705 г. учредили должность среднего советника Палаты большого государственного совета (*тю:нагон*). Все *рё:гайкан* можно подразделить на две основные группы: постоянные (введенные на длительный срок) — таких было не так много; должности, учрежденные на определенный срок (таких было большинство). К первой группе можно отнести должности *санги*, *тидадзё: кандзи*, *тю:нагон*, *ансэтииси* (инспектора провинций) и т. д. Ко второй группе следует, в ча-

стности, отнести должности ответственных за строительство крупных буддийских храмов (Толайдзи, Дайандзи), ответственного за строительство столицы в Нара и др. Кроме этого, в VIII в. весьма распространенной была практика учреждения новых управ (*фу*) и отделов (*рё:*). Например, в 728 г. была образована Центральная управа дворцовой охраны (Тю:эфу), а в 765 г. — Внешняя управа дворцовой охраны (Гайэфу) и т. д.

Наиболее вероятными причинами появления *рё:гайкан* считаются следующие: во-первых, развитие государственных институтов уже после обнародования кодекса «Тайхо:рё:» заставляло власти подстраиваться под реалии жизни; во-вторых, появление, а затем упразднение «внештатных должностей» (особенно это касается самых высших из них) позволяет предположить, что такая практика была следствием противостояния между крупными политическими «группировками», пытавшимися усилить свое влияние через внештатные ведомства, которые создавались ими «под себя» (наиболее яркие примеры — деятельность Фудзивара-но Накамаро и До:кё:).

Вооруженные силы. Процесс создания регулярных вооруженных сил в Ямато начался во времена правления императора Тэмму. В это время правящая элита Ямато постоянно опасалась военного вторжения из танского Китая или Силла. Утеря геополитических позиций на Корейском полуострове показала, что армия Ямато, состоявшая из возглавляемых управителями уездов отрядов, которые мобилизовывались только в случае необходимости, не была конкурентоспособной по отношению к профессиональным регулярным войскам.

В 675 г. было создано Военное министерство. В 689 г. была введена воинская повинность, которую должен был нести каждый четвертый мужчина в крестьянской семье. Централизованный набор рекрутов стал одной из важнейших составляющих процесса по организации государственных вооруженных сил, окончательное оформление которых произошло в VIII в.

В период Нара японская армия состояла из двух основных подразделений: *гундан* и *эфу* (провинциальные и столичные части). В соответствии с численностью части *гундан* делились на: большие — 1000 воинов, средние — 600, малые — менее 500 человек. Одна воинская часть формировалась на основе рекрутов, набранных из 3—4 уездов. Всего насчитывалось около 140 *гун-*

дан. Согласно законодательству, каждый крестьянский двор должен был поставить одного рекрута от трех взрослых мужчин. Однако данные подворных переписей показывают, что в реальности один рекрут приходился на 3—5 мужчин, т. е. каждый двор поставлял одного вооруженного нехотинца (его продуктивное обеспечение также поставлялось этим двором). Часть рекрутов отправлялась на службу в столицу (срок службы составлял один год), часть — на Кюсю для охраны границы на три года (ввиду ощущавшейся угрозы со стороны Китая и Силла, а также для замирения хаято), часть — в восточные провинции (для противостояния эмиси). Остальные рекруты оставались в местах проживания, где проводилась их воинская подготовка, принимавшая практику кратковременных сборов. Кроме того, воинские подразделения широко использовались на строительных и ирригационных работах.

В качестве офицеров назначались представители местной знати (в Китае все офицеры назначались из центра). Общее руководство *гундан* было возложено на управителей провинций, т. е. на провинциальном уровне гражданские и военные функции администрации не были разведены.

Воинская служба, в особенности на Кюсю и на северо-востоке архипелага, была достаточно тяжелым испытанием для крестьян, вырванных из привычного уклада жизни. В «Нихон рё:ики» повествуется о некоем Коси-но О:маро, который во времена правления Сё:му был отправлен на три года охранять границу на Кюсю. Родом О:маро был из далекой провинции Мусаси. Жена О:маро осталась в родной деревне, а мать отправилась вместе с ним. Не в силах снести разлуки с женой, он задумал убить мать и под предлогом соблюдения траура получить отпуск для того, чтобы отправиться домой на побывку. Сказав матери, что в таком-то месте состоится проповедь, посвященная «Сутре лотоса», он отправился туда вместе с ней. Однако план его остался неосуществленным: в тот самый момент, когда он уже собирался убить мать, земля поглотила злодея.

Общее число воинов, сосредоточенных в столице, составляло 5290 человек (2600 человек охраняли ключевые объекты дворца и столицы, а остальные 2690 были телохранителями им-

ператора и членов его семьи). При этом в столичном войске многие должности были наследственными (например, охрана тех или иных ворот дворца), что являлось рудиментом военной организации, берущей начало еще во времена, предшествующие «реформам Тайка».

Столичные войска включали в себя пять частей (*гоэфу*): Левую и Правую управы дворцовой охраны (Сахё:эфу и Ухё:эфу), Управы левую и правую дворцовой гвардии (Саэсифу и Уэсифу), Управу внешней охраны дворца (Эмонфу). Если до середины VIII в. большая часть командиров *гоэфу* были выходцами из родов Оотомо и Саэки, то во второй половине VIII столетия подавляющая часть командиров столичных гвардейских частей принадлежала к роду Фулзивара.

В силу своего особого положения (охрана императорского дворца) к гвардейцам выдвигались особые требования. Две трети уездов каждой провинции отбирали для императорской гвардии сыновей представителей уездной администрации, искусных в стрельбе из лука и верховой езде. Направленные в дворцовую охрану служили один год. Один день они дежурили, другой — тренировались в стрельбе из лука, верховой езде, а также учились владению мечом и копьем. Гвардейцы не допускались к исполнению своих обязанностей, если кто-либо из их близких родственников находился под следствием по обвинению в убийстве, и увольнялись из охраны дворца, если приговор по делу был утвержден.

Если оценивать ситуацию в целом, следует, видимо, признать, что японская армия, создававшаяся прежде всего для борьбы с внешней опасностью, оказалась не слишком нужной. Время от времени вставал вопрос о самой целесообразности существования *гундан*. Так, в 739 г. система *гундан* (за исключением нескольких провинций) была упразднена, в 746 г. восстановлена в прежнем объеме, в 780 г. количественный состав *гундан* был сокращен (за исключением провинций Исэ, Мино и Тикудзэн, где находились заставы, оборонявшие столицу), в 792 г. военные части были ликвидированы по всей стране (кроме провинций Муцу, Дэва, Садо и округа Сайкайдо:).

Историческая практика показала, что опасения по поводу нападения с материка оказались явно преувеличенными: вторжения из Китая или Кореи так и не последовало, а единствен-

ным серьезным испытанием для армии оказалась борьба с эми-си, которая в самом начале IX в. закончилась прекращением наступления японцев на северо-восток Хонсю (здесь, безусловно, сказались и макроисторические причины: отсутствие экономических мотиваций для расширения территории на север ввиду невозможности там заливного рисосеяния).

Административное деление. Введение надельной системы земледелия означало формальное отрицание старой родовой общины как основной экономической единицы. Согласно кодексу «Тайхо:рё», теперь такой единицей должен был стать крестьянский двор (*ко*).

В результате целенаправленной государственной политики крестьянские дворы, являвшиеся коллективами родственников, оказались в составе новых административных образований (село, уезд, провинция).

В соответствии с потребностями надельной системы были проведены новые административные границы. 50 крестьянских дворов образовывали село (*ри* или *сато*), возглавляемое старостой, который назначался из числа местных жителей. Число сел в период Нара точно неизвестно. Считается, что их было более 4000. Жители сел были разбиты на пятидворки, которые были призваны облегчить государству осуществление фискальных и полицейских функций. Село должно было стать как новой экономической единицей, пришедшей на смену общине, так и новой административно-территориальной единицей. В связи с этими задачами функции старосты сводились к следующему:

- «поощрять» земледелие и шелководство;
- «побуждать» всех членов села к уплате налогов и выполнению повинностей;
- «предотвращать» нарушение законов;
- «наблюдать» за жителями дворов, входящих в состав данного села.

Активное изучение надельного крестьянского двора в древности началось в Японии после Второй мировой войны, когда известные ученые Тома Сэйти и Исимода Сё: выдвинули теорию, согласно которой двор являлся реальной единицей семейной и хозяйственной жизни еще до «реформ Тайка». При этом двор рассматривался в качестве патриархальной семейной об-

щины, состоящей из нескольких отдельных семей. Боковые ветви определялись как субъекты, подрывающие единство двора и стремящиеся к экономической независимости. Указанная теория получила в японской историографии название «двор — реальная единица» (*ко дзиттай сэцу*). Согласно этой теории власти просто переименовали «общину» в «двор».

У этой точки зрения в настоящее время имеются серьезные оппоненты. Мы имеем в виду теорию «искусственного формирования дворов» (*ко гисэй сэцу*), согласно которой двор не являлся завуалированной формой общины, но был создан государством в качестве единицы налогообложения (с целью упорядочения налоговой системы составлялись «подворные списки» — *косэки*). Родоначальниками теории «двор — искусственная единица» были Миура Хироюки и Такигава Маса-дзиро.

Практически все современные исследователи социальных институтов периода Нара считают себя последователями одной из этих двух теорий.

Рассмотрим на конкретном материале, каким образом эволюционировали внутриобщинные отношения в древней Японии.

В настоящее время на материале сохранившихся подворных списков VIII в. показано, что в социальной организации на низовом уровне существовали серьезные региональные отличия: Восточная, Западная и Центральная Япония. Считается, что эти отличия характеризуют не столько исконно присущие именно данному региону особенности организации общины, сколько стадийные формы ее эволюции.

Для наименее развитого региона — Восточной Японии — характерной была «община ближайших родственников» (*синдзо-ку кё:до:тай*). Особенностью этого типа общины было то, что она состояла из нескольких патрилинейных семей. В состав общинного поселения входили люди, подавляющее большинство которых носило одно и то же родовое имя. Эти люди имели статус свободных. Количество зависимых было невелико. При этом зависимые были связаны с главой общины посредством матрилинейной системы кровного родства. В подворных списках дворов, входивших в состав «общины ближайших родственников», не указывались имена женщин, кроме жен глав дворов.

Со временем этот тип общины эволюционировал в семейную (домовую, *кадзоку кё:до:тай* или *сэтай кё:до:тай*). О существовании такого типа общины говорят данные по Западной Японии (в частности Кюсю), проанализированные Кадоваки Тэйдзи. Этот исследователь предположил, что данный тип общины (как, впрочем, и предыдущий) был патриархальной семейной общиной, но с тем отличием, что права патриарха были меньше, чем в «общине ближайших родственников». «Большая семья» (*дай кадзоку*) состояла из нескольких «малых семей», которые вели отдельное хозяйство. Несколько «больших семей» составляли семейную общину.

Семейная община эволюционировала в «семью патриархального домашнего рабовладения» (*кафутё:сэй до:рэйсэй кадзоку* или *кафутё:сэйтэки до:рэйсэй кадзоку*), иногда именуемую «деревенской (сельской) общиной» (*сонраку кё:до:тай*). Такой тип общины существовал в Центральной Японии.

«Семейная община» и «семья патриархального домашнего рабства» имели ряд общих черт. Внутри поселений, входивших в состав общины, находились люди, имевшие различные родовые имена и *кабанэ*. Общины в Западной и Центральной Японии включали в свой состав немалое количество паемной рабочей силы. В Западной Японии лично зависимых (*нухи*) практически не было, а в Центральной Японии их было достаточно много. Главы дворов и их братья составляли своеобразное внутривдоровое «ядро». В отличие от подворных списков Восточной Японии, где жены упоминаются крайне редко, в подворных списках Западной и Центральной Японии обычно упоминается и муж и жена.

Таким образом, древнеяпонская община эволюционировала от более простых форм к более сложным: «родовая община» → «община ближайших родственников» → «семейная (домовая) община» → «семья патриархального домашнего рабовладения». В период Нара эти типы общины имеют следующие территориальные соответствия: «община ближайших родственников» — Восточная Япония, «семейная (домовая) община» — Западная Япония и «семья патриархального домашнего рабовладения» — Центральная Япония, что соответствует разным уровням социально-экономического развития регионов.

Получается, что понятие «двор» не было однозначным. Кодекс «Тайхо:рё» также допускал, что крестьянские дворы могли быть различного размера (например, вследствие выделения из состава двора людей, которые создавали новый двор, вследствие миграционных процессов и т. д.). Это приводило к образованию так называемых «малых дворов» (*бо:ко*) и «больших дворов» (*го:ко*). При этом 2—3 «малых двора» составляли один «большой двор».

В период Нара появляется еще одно новое, не упоминающееся в законодательных сводах, территориальное объединение — *го:* («крупное село»), объединяющее в своем составе 2—3 села. Так, согласно подворному реестру уезда Какусика провинции Симоса, «крупное село» О:сима (О:сима го:) состояло из 3 сел, 50 «больших дворов», 130 «малых дворов» (общее количество населения О:сима го: составляло 1191 человек).

Подводя итог вышесказанному относительно низовой организации японского общества в VIII в., выскажем и свою точку зрения. Нам представляется несомненной тенденция к укрупнению основной производящей ячейки — двора. Ее создание было прямым результатом государственной деятельности по превращению независимых производителей в налогооблагаемую единицу. Тенденция к укрупнению дворов явилась следствием по меньшей мере двух причин. Во-первых, поскольку государственным органам (в данном случае прежде всего уездному начальству) было удобнее иметь дело с ограниченным количеством контрагентов, они поощряли создание более крупных образований. Во-вторых, логика развития крайне трудозатратного (строительство ирригационных сооружений, пересадка рассад) по своей природе заливного рисосеяния предполагает большую степень оседлости и тесную кооперацию сравнительно больших коллективов, без чего сам этот тип хозяйствования оказывается невозможен. Поэтому с течением времени в состав двора начинают включаться все большее число дальних родственников.

Изменения в административной структуре (ее низовом уровне) повлекли за собой и изменения в системе контроля за наделенной землей. Если раньше (по кодексу «Тайхо:рё») наделенной землей распоряжался глава двора, то с течением времени землей все больше стал распоряжаться глава «большого двора», распределявший наделы между «малыми дворами».

Как и в Китае, в Японии существовало четкое деление на «центральный район» (Кинай) и «территорию за пределами центрального района» (Кигэ). Первоначально в Кинай входило четыре провинции: Ямато, Ямасиро, Кавати и Сэццу (или Цу), но в 757 г. из трех уездов провинции Кавати была образована провинция Идзуми, и с этого времени в Кинай стало входить пять провинций (Гокинай). Именно район Кинай является сердцевинной японской государственности — именно там проживали аристократические роды, выходцы из которых занимали подавляющее большинство высших постов в государственном аппарате. Там же находились резиденции правителей Ямато, именно там располагались и японские столицы — Фудзивара, Нара и Хэйан. Район Кинай занимал привилегированное положение (поскольку там находилось множество освобожденных от уплаты налогов владений чиновников-аристократов, этот регион давал минимальное количество налоговых поступлений в казну), и потому многие исследователи считают, что экономико-социальной сутью государства *рицурё*: была эксплуатация аристократическими родами Кинай всего остального населения за пределами этого региона.

Вся территория страны разделялась на провинции (см. Приложение 3). Согласно кодексу «Тайхо:рё», провинции делились на четыре разряда: «большие» (13 провинций), «верхние» (35), «средние» (11) и «нижние» (9). В зависимости от категории провинции несколько отличался местный чиновничий аппарат. Принципы отнесения провинции к тому или иному разряду не всегда понятны. Похоже, что в расчет принималось несколько факторов: размеры запашки, численность податного населения, размеры территории провинции. Так, провинции Ямато и Кавати района Кинай, несмотря на их малую территорию, были отнесены к «большим» ввиду большой плотности их заселения. Провинция Дэва считалась «большой» в силу величины занимаемой ею площади (плотность населения там была невелика).

На протяжении VIII столетия как общее количество провинций, так и состав отдельных провинций подвергались изменениям. Так, в 712 г. из состава провинции Муцу была образована провинция Дэва, а в 713 г. были образованы три провинции: Танго (из пяти уездов провинции Тамба), Мима-

сака (из шести уездов провинции Бидзэн) и Оосуми (из четырех уездов провинции Хюга). Общее количество провинций по кодексу «Тайхо:рё» составляло 68, но в течение VIII в. их число доходило до 74.

Кроме принципа ранжирования «по величине» для классификации провинций применялся и показатель их удаленности от столицы. Согласно этому принципу провинции различались как «ближние» (*кингоку*), «среднеудаленные» (*тю:гоку*) и «дальние» (*энгоку*). Сроки доставки налогов, исполнения провинциями тех или иных распоряжений центра зависели от расстояния, на котором провинции находились от Нара.

Управители провинций (*кокуси*) имели весьма обширные функции. В частности, управитель провинции ведал «воспитанием» простого люда, надзором за подчиненными учреждениями и проведением экзаменов в «провинциальных школах» (*кокугаку*), отправлением трудовой и воинской повинностей, сбором налогов и податей, синтоистскими и буддийскими храмами и т. д. Назначение управителей провинций было привилегией центра.

Провинции состояли из уездов. В соответствии с количеством входивших в их состав сел они делились на пять разрядов: большие (16—20 сел), крупные (12—15 сел), средние (8—14 сел), малые (4—7 сел) и мелкие (2—3 села). Общее число уездов в кодексе не было обозначено, и в VIII в. оно не было постоянным. Например, в 713 г. в провинции Сэццу был образован уезд Носэ, а в провинции Муцу — уезд Нитори. Согласно же более поздним источникам, общее количество уездов по всей Японии существенно не изменялось и было следующим: 927 г. — 591, 935 г. — 592, середина XIV в. — 604. Согласно законодательным сводам, управители уездов назначались из центра, но в реальности еще в начале VIII в. эти должности были признаны наследственными, и их занимали представители местной знати.

Кроме того, в документах VIII в. упоминаются еще и округа — *до*: (в законодательных сводах понятие «округ» отсутствует), учрежденные по образцу китайских *дао* (в Китае их было первоначально 10). Японские *до*: включали в себя от 6 до 16 провинций. Всего в Японии их имелось семь: То:кайдо: (16 провинций), То:сандо: (8 провинций), Хокурикудо: (7 провинций), Сангё:до: (8 провинций), Сангьиндо: (8 провинций), Нанкайдо: (6 провин-

ций) и Сайкайдо: (9 провинций). Границы округов были проведены по основным государственным дорогам (*кандо*).

Деление страны на *до*: было предпринято по нескольким причинам. Во-первых, японские власти желали показать, что административное деление Японии соответствует китайским представлениям. Во-вторых, регионы *до*: объединяли провинции, имеющие похожие природные условия, что должно было облегчить как сбор налогов, так и сбор заменительной натуроплаты местными продуктами. Наконец, введение регионов — *до*:, объединяющих несколько соседних провинций, позволяло ускорить сообщение между ними. Это в первую очередь касается документации, посылаемой из одной провинции в другую в пределах одного региона, ибо в этом случае не требовалось осуществлять подобную связь через центр; такие послания переправлялись из одной провинциальной управы непосредственно в другую (подобная практика стала применяться только в последней трети VIII столетия).

Особый статус имело Главное управление по делам округа Сайкайдо: (Дадзайфу), располагавшееся на севере Кюсю:. В связи с важным политическим (контроль над племенами хаято, проживавшими на юге и востоке Кюсю, а также встреча послов из Китая и Кореи) и стратегическим («первая линия обороны» в случае военной агрессии из Китая или Кореи) значением региона Сайкайдо: туда назначался главный наместник всего региона, которому подчинялись управители провинций, входивших в состав региона. Этот наместник обладал постоянным административным аппаратом. Поселение, возникшее вокруг административного комплекса Дадзайфу, было вторым по величине после Нара.

Складывается впечатление, что округа в Японии играли меньшую роль, чем в Китае. Хотя туда и посылались из центра чиновники с инспекционными поездками, самим округам не было придано аппарата управления (собственно «управление» — *фу* — существовало только в Сайкайдо: на острове Кюсю:), и, таким образом, они являлись скорее чисто территориальными единицами, чем административными.

Таким образом, в результате сознательной государственной политики система местного управления формально все более уподоблялась той, которая существовала в танском

Китае. Однако содержание этой системы в Японии отличалось значительным своеобразием. Прежде всего это касается низового звена управления, которое находилось в руках местной знати (в Китае управители уездов назначались из центра). В результате в период Хэйан уезды практически потеряли свою административно-управленческую функцию. Кроме того, округа *до*: также не играли в Японии существенной роли.

Глава 12

Социальная структура

Население Японии в VIII в. составляло около 6 млн человек и подразделялось на две главные категории: *рёмин* — «добрый люд» и *сэммин* — «подлый люд». К первой категории относились чиновники, *бякутё*: (свободные общинники), *синабэ* и *дзакко* (ремесленники, находившиеся в непосредственной зависимости от двора). В категорию *сэммин* входили охранники могил, преступники и их семьи, превращенные в государственных рабов, частноподвластные и частные рабы.

Чиновничество. Согласно законодательным сводам, общее количество чиновников государственного аппарата (как для рангового, так и для нерангового чиновничества) составляло 6398 (без учета постоянно вводившихся новых чиновничьих постов, не входивших в номенклатуру сводов). Чиновничество в Японии (как и в Китае) разделялось на столичное (*найкан*) и провинциальное (*гайкан*). Как и в Китае, характерной чертой всей чиновничьей системы было наличие у каждого чиновника нескольких показателей его положения в государственной служебной иерархии. Основным показателем такого положения был персональный ранг. Прежний маркер социального положения — *кабанэ* — сохраняется, но с течением времени все больше теряет свое значение.

Внутренняя структура столичного служилого сословия в Японии VIII в. оформлялась при помощи системы рангов. Ранговая шкала состояла из 30 градаций, сведенных в девять ранговых категорий (*и*). Все девять рангов дробились на старший и младший;

ранги с 4-го по 9-й подразделялись еще на верхнюю и нижнюю ступени. Например, 3-й и 4-й ранги в развернутом виде выглядели так: 3-й старший ранг; 3-й младший ранг; 4-й старший ранг верхней ступени; 4-й старший ранг нижней ступени; 4-й младший ранг верхней ступени; 4-й младший ранг нижней ступени (см. Приложение 4).

Само наличие персонального ранга указывало на принадлежность данного лица к корпусу ранжированного чиновничества вообще, а высота этого ранга показывала место чиновника в общей системе ранговой иерархии. Кроме этого, соответствующим рангам осуществлялось и материальное обеспечение: жалование, земельные наделы и т. д. Другими словами, персональный ранг являлся «универсальным» показателем социально-правового статуса чиновника.

В соответствии с высотой персонального ранга чиновничество подразделялось следующим образом.

Ки (благородные). К этой категории относились высшие чиновники 1—3-го рангов. В основном это были представители самых могущественных кланов (таких как Фудзивара, Оотомо, Ки, Тадзихи, Абэ, Косэ, Исоноками, Исикава и т. д.), а доступ в эту категорию переселенцам из Китая и государств Корейского полуострова был возможен только в исключительных случаях (например, одним из нескольких переселенцев, достигших этой категории в VIII в., был Кудара-но Коникиси Кэйфуку, 698—766, дослужившийся до 3-го младшего ранга).

Чиновники 4-го ранга не могли претендовать на привилегии чинов 3-го ранга и выше, но обладатели 4-го ранга могли занимать высшие государственные должности и входить в состав Гисэйкан, что было недоступно чинам 5-го ранга.

Дзюки (чиновники 5-го ранга) занимали большую часть придворных должностей. При этом именно 5-й ранг был минимально необходимым для получения должности при дворе.

Наиболее многочисленная категория — чиновники 6—8-го рангов — составляли низшее звено служилого сословия. Именно эта категория чиновничества более всего соответствовала китайским представлениям о государственной бюрократии, так как значительная часть таких чиновников добивалась своего положения не по причине своего происхождения, а в силу способностей и профессиональных знаний.

Обладатели 9-го (начального) ранга еще не считались полноправными чиновниками. Этот ранг указывал лишь на то, что его обладатель является потенциальным кандидатом для включения в состав ранжированного чиновничества. Время пребывания в 9-м ранге расценивалось как своеобразный испытательный срок для лица, начинающего служебное продвижение.

Таким образом, внутри ранговой иерархии была проведена достаточно четкая граница между 3—4-м, а также между 5—6-м рангами, с одной стороны, и между 1—8-м и начальным рангами, с другой.

В первом случае это были «статусные» границы, которые отделяли «высших сановников» — *кугэ* (1—3-й ранги) от остального придворного чиновничества (4—5-й ранги), а также придворное чиновничество вообще (1—5-й ранги) от остального чиновничества (такое же разграничение существовало и в Китае). Во втором же случае это была «функциональная» граница, отделявшая реальных чиновников от «кандидатов» на включение в корпус чиновничества. В Китае подобного разделения не существовало, и, по всей видимости, оно непосредственно связано с традиционными для Японии институтами ранжирования (в частности, с установленной в 684—685 гг. «системой восьми *кабанэ*»), которые повлияли на окончательную форму и структуру чиновничьих рангов в Японии.

Каждому рангу соответствовала определенная должность в государственном аппарате. Такое соответствие было установлено уже кодексом «Тайхо:рё», в котором было перечислено 437 должностей для ранговых лиц. С дальнейшим развитием государственных институтов появилась необходимость учреждения новых должностей, не нашедших отражения в материалах кодекса «Тайхо:рё». В результате к концу VIII в. в государственном аппарате существовало около тысячи официальных должностей для ранговых лиц, не учтенных кодексом «Тайхо:рё» («рё-но гайкан»).

Отличие от персонального ранга должность определяла место чиновника в чиновно-должностной иерархии и указывала, что занимающий ее чиновник выполняет конкретные функции в государственном аппарате. Другими словами, если ранг только показывал принадлежность к корпусу чиновничества, то должность подтверждала его «социальную востребованность», а следовательно, именно должность (а не ранг) была основным

показателем функционирования конкретного чиновника в государственном аппарате. Интересно, что в Японии даже при таком количестве должностей существовала сравнительно большая группа чиновников, которые имели ранг (порой даже очень высокий), но не занимали никакой должности в государственном аппарате. Такое положение заставляет предположить, что в Японии между пожалованием ранга и назначением на должность существовало определенное несоответствие. пожалования рангами осуществлялись регулярно, и очень часто не учитывалось, существуют ли на этот момент вакантные должности или нет, что в результате приводило к неоправданному разрастанию ранжированного чиновничества и увеличению количества чиновников, не обеспеченных должностью (*санкан*).

Кроме персональных рангов и должностей, кодекс «Тайхо:рё» упоминает и «почетные» или «наградные ранги» (*куньи*). Как и в танском Китае, в Японии существовало 12 разрядов «почетных рангов», при этом каждый разряд соответствовал определенному «основному» рангу. Например, первый разряд «почетного ранга» приравнивался к 3-му старшему рангу, а двенадцатый — 8-му младшему рангу нижней ступени. Первоначально «почетные ранги» жаловались преимущественно за военные заслуги, как то было и в танском Китае. Повышение «почетного ранга» производилось в соответствии с определенными кодексом правилами: в зависимости от высоты разряда *куньи* для получения более высокого «почетного ранга» требовалось от одной до трех боевых заслуг. Однако начиная с правления Сё:му *куньи* стали представлять собой нечто вроде «специальных рангов», которыми награждали как гражданских, так и военных чиновников. На основании каких критериев жаловались «почетные ранги» с периода правления Сё:му, остается неясным.

Согласно законодательным сводам, для принцев существовала отдельная система градации. Было предусмотрено четыре класса (*хон*), принадлежность к которым непосредственно зависела от степени родства с императорским родом. Классы, предусмотренные для принцев, напоминали чиновничьи ранги, ибо именно в соответствии с классом должно было производиться назначение на те или иные должности в государственном аппарате.

Таким образом, корпус чиновничества обладал сложной и крайне иерархичной структурой. Чиновничество было стратифицировано гораздо четче, чем любое другое сословие. Социальный разрыв между высшим и низшим чиновничеством был не меньше, а, скорее всего, больше, нежели разрыв между представителями высшей и низшей прослойки любого другого сословия.

Выполняя свои профессиональные функции, чиновники и принцы получали экономические льготы и правовые преимущества соответственно рангам и классам. Экономические льготы, дифференцированные по рангам, заключались в правах на получение определенного количества земли («ранговые поля» — *идэн*), дворов в кормление (*дзикифу*), рангового жалования (*ироку*), сезонного жалования (*кироку*, выдавалось дважды в год — во 2-ю и 8-ю луну) и правам на допустимое количество личных слуг (*сидзин*).

**Экономические льготы чиновников, дифференцированные по рангам
(по данным законодательных сводов*)**

Класс наследника или ранг чиновника	Размер <i>идэн</i> , тё:	Размер <i>дзикифу</i> (количество дворов)	Количество слуг
1-й класс	80	800	100
2-й класс	60	600	80
3-й класс	50	400	60
4-й класс	40	300	40
1-й старший ранг	80	300 (600)	100
1-й младший ранг	74	260 (500)	100
2-й старший ранг	60	200 (350)	80
2-й младший ранг	54	170 (300)	80
3-й старший ранг	40	130 (250)	60
3-й младший ранг	34	100 (200)	60
4-й старший ранг	24	(100)	40
4-й младший ранг	20	(80)	40
5-й старший ранг	12		25

*В скобках приводится размер кормовых пожалований по указу 706 г.

Размер сезонного жалования (*кироку*)

Класс принца или ранг чиновника	Шелковая материя (хики)	Вата (дзюн)	Холст (таи)	Мотыги
1-й класс	30	30	100	140
2-й класс	20	20	60	100
3-й класс	14	14	42	80
4-й класс	8	8	22	30
1-й ранг	30	30	100	140
2-й ранг	20	20	60	100
3-й старший ранг	14	14	42	80
3-й младший ранг	12	12	36	60
4-й старший ранг	8	8	22	30
4-й младший ранг	7	7	18	30
5-й старший ранг	5	5	12	20
5-й младший ранг	4	4	12	20
6-й старший ранг	3	3	5	15
6-й младший ранг	3	3	4	15
7-й ранг	2	2	4	15
8-й старший ранг	1	1	3	15
8-й младший ранг	1	1	3	10
Начальный (9-й) старший ранг	1	1	3	10
Начальный (9-й) старший ранг	1	1	3	5

Размер рангового жалования (*ироку*)

Ранг	Шелковая материя (хики)	Вата (дзюн)	Тонкий холст (таи)	Грубый холст (дзё:)
4-й старший ранг	10	10	50	360
4-й младший ранг	8	8	43	300
5-й старший ранг	6	6	36	240
5-й младший ранг	4	4	29	180

Кроме того, параллельно с экономическими льготами, дифференцированными по рангам, существовали и экономические привилегии на получение определенного количества полей (*сикибундэн*), дворов в кормление и количества слуг в зависимости от должности.

Должностные экономические привилегии

Должность	Размер сики-бундэн, тё:	Размер кормового пожалования (количество дворов)	Количество слуг
Главный министр	40	3000	300
Левый министр	30	2000	200
Правый министр	30	2000	200
Старший государственный советник	20	800	100
Средний государственный советник		200	30
Государственный советник (санги)		80	

Правовые привилегии, дифференцированные по рангам, заключались, во-первых, в праве на соискание должности соответствующего ранга в административном аппарате; во-вторых, в праве на постройку гробниц определенного размера; в-третьих, в праве на смягчение наказания в случае совершения чиновником уголовного преступления и, наконец, в праве предоставления «теневых рангов» своим сыновьям и внукам.

Система «теневых рангов» (*онби*) была введена по образцу практиковавшейся в таиском Китае. Ее сущность заключалась в следующем. Чиновники 1—5-го рангов, в зависимости от высоты своего собственного ранга и заслуг перед государством, могли «отбрасывать тень своего положения» на своих сыновей и внуков и предоставлять им ранги без всякой аттестации и «проверки заслуг». Теневой ранг предоставлялся при рождении и автоматически конвертировался в «настоящий» при достижении совершеннолетия (21 год). Такая система способствовала бюрократизации родоплеменной аристократии, представители которой служили при дворе, и заметно ограничивала проникновение в среду придворного чиновничества представителей провинциальных родов и потомков переселенцев с материка.

Наконец, еще одной специфической привилегией представителей аристократии столичного района, обладавших рангами, было владение ими родовыми буддийскими храмами (*удзидэра*).

Для провинциального чиновничества существовала своя иерархия из 20 «внешних рангов» (*гайи*), в соответствии с которой функционировала и чиновно-должностная система.

Теневые ранги

Ранг «тенедателя» (отца)	Теневой ранг сына тенедателя от жены (тякуси)	Теневой ранг сына тенедателя от наложницы (сёси)	Теневой ранг внука тенедателя и жены (тякусон)	Теневой ранг внука тенедателя и наложницы (сёсон)
1-й ранг	5-й младший нижней ступени	6-й старший верхней ступени	6-й старший верхней ступени	6-й старший нижней ступени
2-й ранг	6-й старший нижней ступени	6-й младший верхней ступени	6-й младший верхней ступени	6-й младший нижней ступени
3-й ранг	6-й младший верхней ступени	6-й младший нижней ступени	6-й младший нижней ступени	7-й старший верхней ступени
4-й старший ранг	7-й старший нижней ступени	7-й младший верхней ступени		
4-й младший ранг	7-й младший верхней ступени	7-й младший нижней ступени		
5-й старший ранг	8-й старший нижней ступени	8-й младший верхней ступени		
5-й младший ранг	8-й младший верхней ступени	8-й младший нижней ступени		

Почти все представители столичной знати несколько раз в течение жизни командировались на несколько лет на должности управителей провинций, помощников управителей провинций, провинциальных инспекторов и т. д. Служба в провинции давала столичной знати дополнительные возможности для обогащения за счет обработки пустовавших земель и отчуждения значительной части прибавочного продукта крестьян. Следует, однако, иметь в виду, что известны случаи, когда назначенный в провинцию чиновник оставался в столице и посылал вместо себя в провинцию свое доверенное лицо.

Согласно законодательным источникам, срок службы управителей провинций составлял 6 лет, но фактический срок мог составлять даже менее года.

Анализ назначений в чиновничий аппарат провинций показывает, что на должности управителей провинций назначались:

- представители самых могущественных аристократических родов;
- выходцы из местной знати (таких случаев намного меньше, что можно объяснить усилением центральной власти в стране);
- представители наиболее известных иммигрантских родов (Кудара, Кома, Хада и т. д.).

В отличие от управителей провинций, управители уездов в большинстве случаев назначались пожизненно из числа потомков бывших *куни-но мияцук*о, представителей местной знати, управлявших до реформ VII в. теми же территориями.

Хотя социальное положение уездных чиновников было значительно ниже, чем провинциальных, но и они получали соответствующие их положению экономические льготы и привилегии. Так, в отличие от провинциальных чиновников, получавших сезонное жалование (*кироку*), уездные чиновники такого жалования не получали, но зато размер должностных наделов уездной администрации был больше, чем у провинциальной. Размер должностных наделов местной администрации составлял: управитель провинции — 1,6—2,6 *мё*; управитель уезда — 6 *мё*; помощник управителя провинции — 2—2,2 *мё*; уезда — 4 *мё*; остальные чиновники в провинции — 1—1,6 *мё*; в уезде — 2 *мё*. Кроме того, управители уездов и их помощники владели рабами, на которых выдавался дополнительный земельный надель.

Как и столичное чиновничество, местная знать получала ряд правовых привилегий, к которым относились следующие.

1. Право на уменьшение наказания за совершенное преступление (хотя и не столь значительное, как это было в случае с чиновниками столичного района).

2. Право на обучение сыновей и других родственников управителей уездов в провинциальных школах (*кокугаку*), что давало впоследствии теоретическую возможность для поступления в столичную школу чиновников (*дайгаку*), а после ее окончания — для получения столичного чиновничьего ранга.

3. Право родственников управителей уездов служить в дворцовой охране (хотя первоначально служба в дворцовой охране

была повинностью, но со временем, благодаря выгоды положения охранников, получавших сезонное жалование и ранги, она стала привилегией).

4. Право поставлять ко двору своих дочерей в качестве придворных дам (*унэмэ*), обязанностью которых было прислуживать императору во время трапезы во дворце императрицы. Так как *унэмэ* обычно становились женами столичных аристократов, то это давало возможность управителям уездов и их помощникам породниться с представителями придворной аристократии.

Положение уездных чиновников во многом зависело от управителей провинций. В их компетенцию входило:

- назначение управителей уездов и их помощников;
- проведение ежегодных инспекционных поездок с целью определения результатов деятельности уездной администрации и «исправления недочетов», которые возникли вследствие «нарушения законов»;
- оценка деятельности уездных чиновников в соответствии с результатами инспекционной поездки. Низкая оценка деятельности могла повлечь за собой отстранение от службы, однако в большинстве случаев уездные чиновники имели хорошие отношения с провинциальными властями и сохраняли свое положение даже после отрицательной аттестации;
- рекомендация родственников уездных чиновников в провинциальные школы, их аттестация в конце учебного года по результатам экзаменов, рекомендация их в дворцовую охрану, а также выбор претендентов в *унэмэ*.

Согласно законодательному своду «Тайхо:рё:», существовало два способа назначения уездной администрации.

1. Назначение уездного начальства производилось из центра, при этом учитывались их способности и профессиональная пригодность.

2. Назначение уездного начальства из среды прежних *куни-номияцукэ*.

В VIII в. более широко применялась именно вторая система, и должность управителя уезда стала фактически наследственной. Правда, существование этой системы не могло гаран-

тировать сыну, что именно он унаследует пост своего отца. Очень часто в число претендентов на должность управителя уезда включались и представители боковых ветвей, а также дальние родственники.

С 712 г. (с санкции центральной власти) провинциальная администрация стала активно вмешиваться в процесс формирования уездной администрации, получив право как назначения, так и смещения уездных чинов. В итоге начинает складываться положение, когда связь «провинция — уезд» оказывалась гораздо прочнее, чем связь «центр — уезд», что делало власть на местах плохо управляемой из центра.

Государственное устройство Японии в VIII в. не было полной копией китайского. Японская система управления опиралась не столько на профессионально пригодное чиновничество, выполняющее волю императора, сколько на родовую аристократию (сохранившую за собой большинство ключевых постов в центральном аппарате управления) и местную знать, состоящую из потомков бывших глав общин, которые получали должности в местной администрации.

Хотя китайская идея превалирования способностей над происхождением при назначении потенциальных кандидатов на чиновничьи должности и применялась в Японии в VII в., но уже к концу того же VII в. стала все больше вытесняться традиционными представлениями, согласно которым достоинства индивида не являлись самодостаточными для его назначения на определенную должность: гораздо важнее были «заслуги» всего рода, из которого происходил этот индивид. Под «заслугами» же понималось прежде всего происхождение.

В результате чиновно-должностная иерархия, введенная в Японии по образцу китайской, сосуществовала с традиционной социальной иерархией, основанной на «системе *удзи-кабанэ*», и уже к концу VIII в. стало понятно, что традиционная система управления инкорпорировала в себя созданные по примеру китайских государственные институты.

Если в Китае и Корее древняя сословная система была взорвана развитием бюрократии, то в Японии происходил процесс бюрократизации аристократии, при котором традиционная социальная иерархия включила в себя вновь созданные государственные институты. Меритократические идеи

были в значительной степени поглощены идеями аристократическими.

Можно выделить два основных этапа в формировании японского чиновничества во второй половине VII—VIII вв.

На первом этапе (с середины VII по середину VIII в.) чиновничество состояло из представителей местных японских и иммигрантских родов, что в полной мере явилось отражением государственной политики того времени (этот период совпадает с временем проведения широкомасштабных социально-политических, экономических, правовых и общескультурных государственных преобразований).

На втором этапе (вторая половина VIII в.) произошло сращивание аристократии и бюрократии, что в итоге привело к изменению баланса сил в институтах государственного управления и к отстранению от участия в решении важнейших государственных задач представителей иммигрантских родов. Иными словами, к концу VIII в. господствующее положение в государстве заняли представители нескольких наиболее влиятельных аристократических родов, среди которых были Фудзивара, Ки, Исикава (бывшие Сога), Абэ, Оотомо и Исоноками (бывшие Мононобэ). При этом доминирующая роль принадлежала Фудзивара.

Однако следует иметь в виду определенную относительность гегемонии Фудзивара: уже в конце IX в. достаточно серьезную оппозицию ему стал составлять род Минамото. Если в течение 834—850 гг. (годы Дзёва) 5-й младший ранг нижней ступени имели 43 представителя рода Фудзивара и только 5 представителей рода Минамото, то в 885—889 гг. (годы Нинва) этот ранг имел 61 представитель рода Фудзивара и 40 представителей рода Минамото. Конечно, чиновники 5-го ранга не принимали участия в решении важнейших государственных вопросов, но, тем не менее, они составляли своеобразную «группу поддержки», на которую могли опираться представители рода Минамото, занимавшие ключевые посты в государственном аппарате. Эта же тенденция усиления Минамото может быть проиллюстрирована и на более высоком уровне. Так, в 831 г. в состав Гисэйкан в качестве политического советника двора был впервые назначен представитель Минамото — Минамото-но Нобу (в это время в Гисэйкан входили четыре

представителя Фудзивара). В 859 г. в Гисэйкан входили уже четыре представителя Минамото (при этом Минамото-но Нобу был уже левым министром) и четверо Фудзивара. Наконец, в 892 г. в составе Гисэйкан было опять же по четыре представителя родов Минамото и Фудзивара.

Уже в конце VIII в. стало очевидно, что приемы китайской политической науки по созданию высокоцентрализованного государства в Японии были практически неприменимы в силу существования глубоко укоренившихся традиционных форм управления. Результатом взаимовлияния континентальных и местных форм управления и стало японское государство VIII в., где прежняя родовая аристократия (как центральная, так и периферийная) сохранила свое господствующее положение в государстве.

Крестьянство. Самой многочисленной группой населения (около 90% общего числа) было крестьянство. Крестьяне, согласно представлениям господствующего сословия, считались «основой государства».

«Народ — это основа государства. Если основа прочна, то вся страна пребывает в спокойствии. Что до основы жизни народа, то самое важное — это земледелие и шелководство» («Сёку нихонги»).

Кодекс «Тайхо:рё» определял правовой и экономический статус крестьян, однако, сопоставляя данные кодекса с материалами других источников (например, «Сёку нихонги»), можно увидеть, что некоторые положения закона, относящиеся к крестьянам, реально не действовали, вследствие чего действительные условия жизни подавляющего большинства населения Японии были хуже тех, которые предполагало законодательство.

Причинами этого были следующие обстоятельства.

Выдача надела производилась не сразу по наступлении права на надел (т. е. с шести лет), а в наделный год (один раз в шесть лет). При этом формальности, сопутствующие выдаче надела, растягивались на 2—3 года. Поэтому в лучшем случае крестьянин получал землю в 8—9-летнем возрасте, а в худшем — в 14—15-летнем.

Согласно «Тайхо:рё», крестьянину в среднем полагалось 2 *тан* земли, но в тех районах, где земли было мало, размеры

наделов уменьшались. Положение закона о предоставлении земли как можно ближе к месту жительства и сплошным массивом тоже соблюдалось далеко не всегда (землю могли давать в соседнем уезде или провинции, причем раздробленными участками).

Налоговые обязанности крестьян были не слишком обременительными. Существовало три вида налогов. Зерновой (*со:*) взимался с единицы земельной площади и составлял около 3% урожая. Другой вид натурального налога (*тё:*) взимался тканями и другими изделиями домашнего ремесла, а также морепродуктами, металлами и т. д. в объеме, строго установленном сначала для каждого двора, а позднее — для взрослых мужчин. Заменительная натуроплата (*ё:*) взималась со взрослых мужчин, которые не отработывали трудовую повинность. Налог *ё:* уплачивался по преимуществу тканями, однако его размер (в отличие от размера зернового налога, который в течение VIII в. был изменен всего один раз — в 706 г.) постоянно менялся (так, согласно данным «Тайхо:рё:», он составлял 2,6 *дзё:* холста, указом 706 г. его размер устанавливался в 1,3 *дзё:*, а в 717 г. он увеличился до 1,4 *дзё:*). Кроме этого, налог *ё:* можно было уплачивать рисом, солью и другими продуктами. Однако право на заменительную натуроплату предоставлялось только в исключительных случаях.

В силу неразвитости товарно-денежных отношений отработочная повинность (*буяку*) была основной формой эксплуатации крестьян со стороны государства. Без существования этого вида внеэкономического принуждения государство времени Нара оказалось бы не в состоянии выполнять все те проекты, которые обеспечивали его жизнедеятельность. Отработки применялись в основном вне непосредственного сельскохозяйственного производства — на строительстве ирригационных систем, дорог, буддийских храмов, столицы и т. п. В столицу крестьяне отправлялись пенком, под охраной солдат, имея с собой запас продуктов на дорогу. Отработка длилась до 70 дней в году. На это время выделялись продукты питания. В дождливые дни, когда работа не велась, а также в случае болезни пенк уменьшался вдвое. Крестьяне работали от восхода до захода солнца, без выходных дней; в два летних месяца в жаркое время дня предоставлялся двухчасовой перерыв.

Япония VIII в. не знает активных форм социального протеста. Основной формой такого протеста в VIII в. стало бегство с мест несения трудовой повинности.

Синабэ и дзакко. Незначительную долю населения (около 1% от общего числа) составляли две группы ремесленников: *синабэ* и *дзакко* (*томобэ*). Основанием для разделения ремесленников на две группы была сфера их профессиональной деятельности. *Синабэ* в основном были заняты в сфере «мирных» ремесел (гончары, красильщики, виноделы и т. п.), тогда как *дзакко* имели непосредственное отношение к производству военного снаряжения. *Синабэ* и *дзакко* входили в персонал государственных учреждений (в качестве мелких служащих). Такое положение позволило японским исследователям отнести *синабэ* и *дзакко* (вместе с дворцовыми слугами — *тонэри* и мелкими чиновниками) к низшему звену государственного аппарата VIII в.

Формально ремесленники относились к категории «добротного люда» (*рё:мин*), но фактически были полусвободными, стоящими между категориями *рё:мин* и *сэммин*.

Социальный статус *синабэ* и *дзакко* был выше, чем статус рабов (*нухи*). Так, ремесленникам *дзакко* разрешалось заключать браки с представителями категории *рё:мин*, а *синабэ* по своему статусу были приравнены к категории *ко:мин* («народ, находящийся в подчинении императора»).

Ремесленники обеих групп не были окончательно оторваны от сельскохозяйственного производства (обладали земельными наделами), и именно этим, очевидно, определялась известная двойственность их социального положения. Хотя ремесленники формально были *рё:мин*, но ремесло рассматривалось как менее достойное занятие, чем сельскохозяйственная деятельность, и это, несомненно, понижало их социальный статус.

В соответствии с наделной системой, *синабэ* и *дзакко* получали землю — главный источник своего существования. Как государственные служащие, они освобождались от налогов, податей и трудовой повинности, а в качестве государственной повинности они должны были участвовать в работах (в основном это было производство ремесленных изделий), предписанных соответствующим государственным хозяйственным управлением.

Синабэ были официально упразднены в 759 г., а ремесленники, входившие в эту социальную группу, обрели статус податного населения.

Сэммин. Эта социальная группа (согласно разным оценкам, от 3 до 10% общего числа населения) включала в себя рабов различных категорий. Кодекс «Тайхо:рё» предусматривал две основные категории: государственные рабы и частные рабы, причем каждая из этих двух категорий в свою очередь делилась на группы (всего было 5 групп).

Рё:ко — рабы, находившиеся в подчинении у Бюро государевых усыпальниц (Министерство управления). Их основной повинностью было сооружение императорских усыпальниц и уход за ними. Из всех пяти групп *сэммин* их социальный статус был самым высоким.

Канко — государственные слуги. По своему положению эта группа *сэммин* также была близка к *рё:мин*. Основные занятия — сельское хозяйство и различные работы по обслуживанию нужд императорского двора.

Каннухи — государственные рабы. Обслуживали чиновников различных управлений и широко использовались на сельскохозяйственных работах, в ремесленном производстве и т. д.

Кэнин — домашние рабы, принадлежавшие представителям центральной и местной аристократии, а также храмам.

Синухи — личные рабы, которые находились в полном подчинении хозяину. По социальному статусу *синухи* приравнивались к личному имуществу и скоту. Ими можно было торговать, разрешалось также дарить их и передавать по наследству.

Браки в среде «подлого люда», согласно законодательным сводам, должны были заключаться только внутри каждой из пяти вышеперечисленных сословных групп. Если властям становилось известно о межгрупповых браках, они расторгались, а их участники возвращались в прежние сословные группы.

Кодекс «Тайхо:рё» теоретически допускал повышение социального статуса внутри *сэммин*. Речь идет о возможном переводе *каннухи* (достигших 66-летнего возраста), увечных, а также лиц, превращенных в *каннухи* в качестве наказания, в группу *канко*, считавшуюся более высокой по социальному статусу. Существовала и возможность перевода *сэммин* в состав «свободных» (*рё:мин*) по достижении 76-летнего возраста. В случае если

человек был зачислен в состав «подлого люда» в связи с обвинением в мятеже, то переход в категорию *рё:мин* допускался только по достижении им 80-летнего возраста.

Частный раб, освобожденный владельцем, мог теоретически получить чиновничий ранг и по императорскому указу стать сановником, но это была только абстрактная возможность. Источники зафиксировали в VIII в. лишь один случай, когда выходцу из категории *сэммин* удалось достичь 7-го старшего ранга верхней ступени и несколькими — 8-го и начального рангов.

Глава 13

Экономика

Общая характеристика. Экономической основой любого древнего государства является земледелие. Именно земледелие обеспечивает тот прибавочный продукт, за счет которого содержится разрастающийся государственный аппарат, не принимающий непосредственного участия в производительном труде. В силу этого основной экономической функцией государства является регулирование земельных отношений. В Японии наибольшее внимание уделялось выращиванию риса на заливных полях — как наиболее экономически выгодному виду растениеводства. Показательно, что другой основной сектор экономики — морской промысел (рыболовство, собирание моллюсков и водорослей, добыча соли с помощью выпаривания морской воды) — подлежит регулированию со стороны властей в минимальной степени, несмотря на его очевидную важность для обеспечения жизнедеятельности общества и государства. Не будет преувеличением сказать, что в законодательных сводах и государевых указах морской промысел как объект государственного воздействия практически отсутствует: государство четко осознает, что само его существование зависит прежде всего от производящего, а не от присваивающего типа хозяйствования.

Различия в китайской и японской системах землепользования. В соответствии с «программой» построения высокоцентрализованного государства по китайскому образцу вся земля в Японии была объявлена государственной собственностью.

Правда, следует иметь в виду, что при использовании китайских (северовэйских, суйских и танских) законов о «равных полях» в них были внесены достаточно большие корректировки, учитывающие своеобразие социальных и экономических условий Японии. Основные различия между японской и китайской системами землепользования сводятся к следующим пунктам:

- в Японии крестьяне получали наделы лишь во временное владение, тогда как в Китае часть надела давалась в вечное владение;
- в Японии чиновники получали ранговые земли, которые не предусматривал Танский кодекс;
- в Японии существовали земельные наделы, предоставляемые аристократам и чиновникам за «особые заслуги». Право пользования ими было наследственным, но с различной продолжительностью — от одного поколения до вечного пользования. В Китае подобные наделы представляли собой вечную частную собственность;
- в Японии передел наделов происходил раз в шесть лет, с 801 г. — один раз в 12 лет, с 808 г. — опять же раз в 6 лет. Согласно китайскому законодательству, передел земли осуществлялся ежегодно;
- в Японии наделы, наряду со свободными крестьянами, получали и крестьяне государственные, а также частные рабы всех категорий — в размере одной трети от наделов свободных, а в Китае землей паделали лишь казенных крестьян и монахов;
- в Японии свободным (мальчикам и девочкам, начиная с 6 лет) предоставлялась земля: лицам мужского пола по 2 *тан* (около 0,24 га) пахотной земли, лицам женского пола — две трети этого количества (около 0,16 га). В Китае мужчина 18 лет получал 1 *цин* (около 6,14 га) земли, а женщины землей не паделались (исключение составляли вдовы, которые получали около 1,85 га земли).

Согласно законодательным кодексам, все земли делились на пахотные, огородные и усадебные, горы и леса. Пахотные земли представляли собой главным образом ранее разработанные заливные поля для выращивания риса. В них вошли быв-

шие общинные, императорские и частные земли. Теперь все эти земли составляли государственный фонд надельного землепользования.

Урожайность риса. Средняя урожайность риса в VIII в. составляла 1240 кг с 1 *тё*: Для посева риса на 1 *тё*: площади требовалось 20,25 *цука* (*соку*) риса (около 150 кг). Таким образом, средняя урожайность составляла сам-8,3. Для наиболее непродуктивных полей (при урожайности риса в 780 кг с 1 га) — сам-5,2, а для наиболее урожайных (при урожайности в 2250 кг с 1 га) — сам-15.

В средневековой Европе эквивалентом риса была пшеница. По данным французского историка Броделя, в начале X в. во Франции урожайность пшеницы была сам-1,7 (в редких случаях сам-2), в начале XIII в. — сам-3 (в Англии сам-3,7), в XV в. — сам-4,3 (в Англии 4,7). Другой французский историк, Жак Ле Гофф, приводит свои расчеты по урожайности пшеницы в средневековой Европе. По его мнению, урожайность пшеницы во Франции в каролингскую эпоху (X—XI вв.) составляла сам-2 — сам-2,7 (подчас урожай едва превышал сам-1, т. е. всего-навсего возмещал семена), а в XIII в. урожайность пшеницы в Винчестерском епископстве (Англия) составляла сам-3,8, в XIV в. урожайность в Артуа (Франция) достигала сам-7,5 (1319 г.) и даже сам-11,6 (1321 г.).

В России XIV—XV вв. средний урожай составлял сам-3—сам-5 (максимальный урожай составлял сам-6—сам-9, а минимальный — сам-2). Впоследствии, вместе с истощением почв и сведением первичных лесов, урожайность пшеницы снижается. В конце XVIII в. она была следующей: в Нечерноземье колебалась от сам-1,7 (Рязанская губерния, 1796 г.) до сам-3,1 (Калужская губерния, 1794 г.); в Черноземье — от сам-1,7 (Орловская губерния, 1780 и 1788 гг., Воронежская губерния, 1795 г.) до сам-6,9 (Воронежская губерния, 1785 г.); а в Поволжье и на Урале — от сам-1,4 (Оренбургская (Уфимская) губерния, 1789 г., Саратовская губерния, 1790 г. и Симбирская губерния, 1795 г.) до сам-5 (Саратовская губерния, 1787 г.).

Таким образом, урожайность пшеницы в средневековой Европе и России была существенно ниже, чем урожайность риса в Японии.

Урожайность риса в Японии в различные периоды истории
(в кг с 1 га)

Период	яёй	Нара	Кама- кура	1592— 1596	1684— 1688	1764— 1772	1890— 1899	1950— 1959	1992
Кило- граммы	600	1240	1620	1770	1950	2100	2190	3450	5040

Все поля общегосударственного земельного фонда подразделялись на находящиеся в государственной собственности (*кодэн*) и закрепленные в частное пользование (*сидэн*). В категорию государственной земли входили: поля буддийских храмов и синтоистских святилищ, поля государственных рабов, поля, предоставленные почтовым станциям и *унэмэ*, казенные поля (*кандэн*). В личном пользовании находились ранговые поля, награжденные поля, поля, пожалованные по специальному указу, подушные наделы крестьян, поля центральной и уездной администрации, земли для содержания дворцовых охранников, поднятая новь.

Таким образом, в VIII в. существовали реальные возможности для изъятия (хотя бы и временного) части земель из государственного земельного фонда. Эта возможность в дальнейшем и оказалась одним из важнейших факторов, под воздействием которого государственная собственность на землю постепенно уступала место частной. Переход государственной земли в частное владение составляет основную коллизию аграрной истории VIII—IX вв. (см. ниже).

Государственные расходы. Создание высокоцентрализованного государства, естественно, требовало определенных расходов в различных областях. К главным расходным статьям следует отнести следующие.

Расходы на содержание императорского двора

В эти расходы входили: содержание дворцов императора, его супруги и наследных принцев; содержание личной охраны и слуг императора и принцев; содержание гвардейских подразделений, которые охраняли дворцовый комплекс; содержание штата жен императора (по штатному расписанию их было положено три категории), придворных дам и служанок; расходы на проведение

празднеств при дворе, а также высочайших выездов императора. Кроме того, нельзя забывать, что постройка дворцов и учреждений центрального аппарата также требовала немалых трудовых ресурсов (восполнялись в основном за счет трудовой повинности), так и материальных (выплата довольствия — продуктового и денежного — строителям (мастерам, солдатам, осуществляющим охрану трудомобилизованных и т. д.).

Расходы на содержание войска

К военным расходам, помимо содержания воинских частей в мирное время, мы можем отнести затраты на проведение военных походов против эмиси и хаято. Одним из примеров таких походов может служить экспедиция против эмиси, возглавлявшаяся Ки-но Асоми Косами. В 788 г. он получил от императора меч (инвеституру) и был назначен «Великим полководцем, умиротворяющим Восток» (*сэйто: тайсё:гун*). В следующем 789 г. Ки-но Асоми Косами вернулся с победой. Однако размеры расходов на проведение экспедиции были очень значительны. «Сёку нихонги» содержит данные, позволяющие судить об их размере. Во время этой экспедиции в боевых действиях участвовало 27 470 солдат, которые ежедневно потребляли 549 *коку* риса, т. е. в течение месяца они потребляли более 16 тысяч *коку* риса. В обозе (*сумё:*) находилось 12 440 человек, имевших 6215 *коку* сушеного риса.

К крупным военным мероприятиям следует отнести и попытку отправить экспедиционный корпус в Корею. В 761 г. Фудзивара-но Накамаро задумал грандиозный поход на Силла, и для этого были сформированы три армии: в То:кайдо: был построен 151 корабль, экипировано 15 700 воинов, вооружено 78 молодых представителей уездной знати (*сидай*) и 7520 моряков; в Нанкайдо: — 121 корабль, 12 500 воинов, 62 *сидай* и 4920 моряков; в Сайкайдо: — 121 корабль, 12 500 воинов, 62 *сидай* и 4920 моряков; кроме того, были экипированы 200 конюхов и 2400 человек «технического персонала». Правда, этой экспедиции не суждено было осуществиться, но сам процесс подготовки потребовал немалых расходов.

Существенные расходы понадобились и для постройки крепостей в провинции Муцу и на границе с ней, что было связано

с экспансией Японии, направленной против эмисии. «Сёку нихонги» содержит сообщения о сооружении в провинции Муцу крепостей, которые, по всей видимости, образовывали что-то вроде «засечной полосы» на границе с эмисией. Так, еще в 737 г. была построена крепость Тага, в 756 г. была сооружена крепость Ито, в 759 г. — Окати и Мому, в 767 г. — Корэхари, а в 780 г. — Какубэцу. Данные раскопок крепости Какубэцу свидетельствуют, что ее протяженность с востока на запад была около 1400 м, а с юга на север — около 850 м. Что касается размеров Тага, то это была крепость в форме неправильного четырехугольника со сторонами длиной: восточная — 1040 м, южная — 865 м, западная — 665 м и северная — 765 м (размеры главного строения, где располагался комендант, составляли 116 м с юга на север и 106 м с востока на запад).

Расходы на содержание персонала крепостей тоже были небольшими. В кодексе «Тайхо:рё» говорится, что «на содержание одного воина необходимо выделять 6 *то* (10 *то* равняется 1 *коку*) сушеного вареного риса (*хосиви*) и 2 *сё*: (10 *сё*: равняется 1 *то*) соли» (считается, что это была тридцатидневная норма). Сведения о необходимом для содержания гарнизона крепости Тага количестве продуктов содержит «Сёку нихонги»: 35 тысяч *коку* сушеного риса. Для содержания территориальных воинских подразделений в районах То:кайдо:, То:сандо: и Хокурику имелось 23 тысячи *коку* сушеного риса.

Кроме того, определенных расходов требовали регулярно проводимые военные смотры (сборы), создание в 780 г. в Сайкайдо: и поддержание в надлежащем состоянии системы оборонительных сооружений (коммуникаций) и военных патрулей на случай появления пиратов или высадки неприятельских войск с континента, учреждение (в 708 г.) и обслуживание (вплоть до их упразднения в 789 г.) «трех застав» (*санкан*) в Исэ (застава Судзука), Этидзэн (застава Арати) и Мино (застава Фува), которые создавались для охраны подступов с востока к столице Нара.

Расходы на содержание государственных храмов

Постройка грандиозных храмовых комплексов в столице (например, Тодайдзи и Сайдайдзи) и провинциях (сеть «про-

винциальных храмов» — *кокубундзи*) требовала привлечения большого количества людских ресурсов и средств. Кроме того, содержание этих объектов (обеспечение их утварью; материальное обеспечение монахов и монахинь) также требовало немалых средств. Правда, начиная с 743 г. буддийским храмам разрешалось владеть поднятой новью на правах вечной частной собственности, если они непосредственно участвовали в создании на таких землях оросительной системы, что снижало бремя государственных расходов.

Расходы на содержание административного аппарата

В Нара проживало около 7 тысяч чиновников, каждому из которых полагалось ранговое жалование (*ироку*). Кроме этого жалования, чиновникам должны были выдаваться и другие виды довольствия (как в соответствии с рангом, так и в соответствии с занимаемой в государственном аппарате должностью). Японский исследователь Кикүти Ясуаки подсчитал, что в среднем в год чиновник 4-го старшего ранга (согласно тем нормам выдачи жалования, которые зафиксированы в «Тайхо:рё») получал 4143 снопа риса, а сановник, имеющий пост *дайнагон*, — 69 232 снопа и 5 пучков (*таба*) неочищенного риса. В 706 г. были введены новые нормы жалования, что привело к увеличению количества получаемых чиновниками продуктов. Так, чиновник 4-го старшего ранга стал ежегодно получать 11 113 снопов неочищенного риса, а *дайнагон* — 80 986 снопов и 5 связок. Разумеется, чиновников 4-го ранга было не так много, и в VIII в. подавляющее большинство составляли чиновники от 6-го младшего ранга до 8-го младшего ранга (по подсчетам Таката Дзюн, около 95%), но общие затраты на выплату им жалования были в любом случае весьма значительны.

В период Нара 4-й старший ранг получили чуть более 300 человек, следовательно, только за один год пребывания каждого из них в этом ранге на выплату им довольствия требовалось более 3 млн снопов неочищенного риса. Многие пребывали в ранге не один год (были случаи, когда чиновник имел 4-й старший ранг 10 и более лет), а некоторые получали более высокие ранги. За период с 701 по 794 г. рангами от 3-го младшего и выше было пожаловано 252 человека, рангами от 5-го младшего ниж-

ней ступени и выше (без учета «внешних», т. е. провинциальных рангов *гайи*) — 2709 человек, а рангами от 6-го старшего верхней ступени до младшего начального нижней ступени — 8427 человек (здесь необходимо отметить, что далеко не все чиновники, особенно 7—9-го рангов, упоминаются в источниках VIII в., поэтому очень трудно сказать, сколько действительно человек получили эти ранги).

Следует также помнить, что многие придворные чиновники 1—4-го рангов получали не только ранговые, но и должностные жалования, размер которых зависел от высоты занимаемого в государственном аппарате поста. На должность *дайнагон* с 701 по 794 г. было назначено 29 чиновников (еще трое были назначены в 795—799 гг.). Даже если каждый из них находился бы на своем посту всего 1 год, то только для выплаты довольствия людям, имевшим должность *дайнагон* в VIII в., потребовалось бы около 2,5 млн снопов неочищенного риса.

К расходам на содержание государственного аппарата следует отнести и затраты на содержание местного (провинциального и уездного) чиновничества, хотя штат его и не был столь велик, как штат столичного чиновничества (в провинции в среднем 25—30 человек, а в уезде — 8—10). Так, глава «большой провинции» ежегодно получал от правительства 13 377 снопов неочищенного риса. С 745 г. местное чиновничество, вместе с введением системы *куэто*: («рис, предназначенный для содержания государственных учреждений»), стало получать довольствие исключительно из местных источников — стало возможным использовать запасы местных рисовых амбаров для выплат провинциальной и уездной администрации в полном объеме (до этого местные источники только частично предоставляли средства на выплату жалования местному чиновничеству), что сняло с центра некоторую часть забот по содержанию разветвленного административного аппарата.

Значительных средств требовали также сооружение и содержание сети «государственных дорог» (*кандо*:), почтовых и лодочных станций, мостов, оросительных сооружений, отправка и прием посольств и т. д.

Разумеется, по мере строительства централизованного государства подобные расходы постепенно увеличивались, что

требовало дополнительных ассигнований и, как следствие, увеличения источников доходов.

Источники доходов. Основными источниками доходов в VIII в. являлись следующие.

Налоговые поступления

По мнению большинства историков, самые большие поступления в казну давали рисовый налог (*со*:) и подушная подать (*тё*:). Согласно «Энгисики», ежегодный рисовый налог (имеется в виду неочищенный рис — *сококу*) составлял: провинция Ига — 2000 *коку*, Исэ — 4500, Суруга — 3500, Идзу — 1500, Каи — 3500, Сагами — 3505, Мусаси — 12, Кадзуса — 4690, Хитати — 12 000, Синано — 12 000, Ко:дзукэ — 10 745, Симоцукэ — 11 000, Ното — 4000, Эгто: — 4000, Этиго — 7000, Танго — 908, Тадзима — 2009, Инаба — 2500, Хо:ки — 4640, Идзумо — 4500, Ивами — 2500, Нагато — 2037, Кии — 3100, Авадзи — 1600 *коку* и т. д. Похоже, что такого количества должно было быть вполне достаточно для обеспечения рисом всех статей государственных расходов (считается, что государственные рисовые амбары были полны на протяжении всего VIII в.). Что касается поступлений от подушной подати, взимаемой в основном продуктами ткачества — шелком, пряжей, ватой и полотном, то они главным образом использовались для выплаты довольствия чиновникам и строителям крупных объектов.

Доходы по процентам от рисовых ссуд

Рисовая ссуда (*суйко*) была известна еще с конца VII в. (неоднократно упоминается в «Нихон сёки» во время правления Тэмму — Дзито:), но свое наибольшее распространение она получила в VIII столетии. Под термином «рисовая ссуда» понимается рис (зерно), который выдавался займы нуждающимся (в японской историографии существует также весьма распространенная точка зрения, что с 30-х гг. VIII в. рисовая ссуда «выдавалась» в принудительном порядке без учета того, нуждался в ней получатель или нет). Существовало два вида «рисовой ссуды»: государственная (*ко:суйко*), выдаваемая с государственных рисовых складов (*канто*:), и частная (*сисуйко*),

которая выдавалась частными лицами или же институтами (чаще всего — буддийскими храмами). Механика получения «рисовой ссуды» и последующего возврата ее с процентами была следующей: если ссуда выдавалась весной перед севом, то возратить ее (с процентами) было необходимо осенью-зимой того же года.

Следует иметь в виду, что ссуды возвращались далеко не всегда. Причиной невыплаты часто становилась смерть заемщика. По мнению Хаякава Сё:хати, в некоторых провинциях процент невыплаченных вследствие смерти заемщика «рисовых ссуд» был очень велик: в уезде Кудзу (провинция Бунго) он составил 29%, в уезде Наори (провинция Бунго) — 31%, в уезде Тоёура (провинция Нагато) — 9%, в уезде Хинэ (провинция Идзуми) — 23%, а в провинции Суруга доходил до 33%. По подсчетам же Мидзуно Рю:таро:, картина невыплат «рисовой ссуды» по причине смерти заемщика была следующей: в уезде То:ти (провинция Ямато) — 42% от общего числа, в уезде Со:ноками (провинция Ямато) — 23%, в уезде Сакаи (провинция Этидзэн) — 19%, в уезде Ниу (провинция Этидзэн) — 14% и в уезде Ито (провинция Кии) — 28%. Небезынтересны в этом смысле и подсчеты Торао Тосия по провинции Биттю:. Этот исследователь отмечает, что в 739 г. из 127 ссуд 44 (т. е. чуть меньше 35%) не были оплачены по причине смерти заемщика, таким образом, казна недополучила 6479 снопов и 7 связок риса. Поскольку количество смертей заемщиков подозрительно велико, это позволило Фунао Ёсимаса предположить, что во многих провинциях (в частности в провинции Биттю:) местная знать получала крупные ссуды от имени уже умерших крестьян, а когда приходило время выплат, оказывалось, что указанный в документах «получатель ссуды» скончался.

Процент по выплатам по государственной рисовой ссуде составлял 50%. Наиболее трудной для возврата была частная рисовая ссуда, которая выдавалась частным лицам (например, действующим от имени храма То:дайли) под 100% годовых. Государство пыталось пресекать подобную практику. Так, в 734 г. был издан указ, согласно которому процентная ставка по частной рисовой ссуде уменьшалась до 50%, а государственная — до 30% (в дальнейшем процентные ставки государственной ссуды неоднократно изменялись: во второй половине VIII в. они

составили 50% годовых, с 796 г. — 30%, с 806 г. — опять 50%, в 810 г. — снова 30%).

В 734 г. центральные власти получили еще один источник доходов. Речь идет о системе *кокуси сякутай* («ссуда провинциальным управам»), согласно которой провинциальным властям позволялось одалживать рис с государственных складов (*канто:*). В дальнейшем этот рис (в качестве посевного материала) давался крестьянам, которые арендовали «заливные поля» у провинциальных властей. После получения урожая арендаторы должны были предоставить провинциальным властям арендную плату рисом. Предполагалось, что часть этой платы отправлялась в столицу и уже через несколько лет с лихвой покрывала расходы (другими словами, количество возвращенного из провинции риса превышало количество взятого с государственных складов), а другую часть использовали для пополнения провинциальных запасов и выплаты жалования местным чиновникам.

Однако эта система просуществовала недолго. В 735 г. сначала на Кюсю, а затем и в Центральной Японии разразилась эпидемия черной оспы, в результате которой умерло, по разным оценкам, от одной четверти до одной трети населения страны. Экономическое положение стало катастрофическим, и в 737 г. власти отменили частную ссуду, а в 738 г. сначала в Санъё:до:, а затем по всей стране система *кокуси сякутай* была упразднена.

Место «рисовой ссуды» в доходной части бюджета вызывало разногласия. Так, согласно мнению Хаякава Сё:хати, доходы по рисовой ссуде составляли не более 15% от количества доходов, полученных вследствие сбора рисового налога. Однако по подсчетам Мурао Дзиро:, в 730 г. размер *суйко* (в процентах от всего урожая) в различных уездах провинции Ямато колебался от 14% (уезд Эгури) до 66% (уезд Яманоэ), в провинции Овари (уезд Ямада) составлял 17%, в провинции Кии (уезд Ито) доходил до 56%, в 731 г. в провинции Этидзэн колебался от 16% (уезд Сакаи) до 43% (уезд Асуха), в 738 г. в провинции Идзуми (уезд Хинэ) достигал 56%, а в том же году в провинции Суруга варьировался от 32% (уезд Сидо) до 42% (уезд Масидзу). По мнению этого исследователя, высокие ставки по ссудам провоцировали бегство крестьян (в основном из тех провинций, где размер ссуды был непомерно велик) в другие провинции.

Существовала также возможность получить и беспроцентную ссуду, которая выдавалась в тех случаях, когда происходило какое-нибудь бедствие, например, ураган, уничтоживший посевы или уже собранный урожай.

Арендная плата за сдачу внаем государственных земель

Во второй половине VIII в. этот источник фактически не давал никаких доходов. Такое положение было связано с несколькими факторами. Во-первых, несмотря на поощрение государством процесса поднятия нови (указы 722, 723, 743 гг.), для этого требовались большие средства (сельскохозяйственный инвентарь, тягловый скот и т. д.), что могли себе позволить лишь немногие (рисовая ссуда, предназначенная решать в том числе и проблему обеспечения средствами тех, кто намеревался осваивать пустоши, не могла обеспечить всех нуждающихся). Чаще всего подобные издержки могли позволить себе только крупные сановники, буддийские храмы и синтоистские святилища. В результате даже если на вновь освоенных землях и появлялись арендаторы, то подавляющая часть дохода шла не государству, а владельцу этих земель (по закону 743 г. о «вечном частном владении»), что приводило в итоге к сокращению государственных доходов.

На государственных землях, на которых сидели арендаторы, выплачивающие аренду государству, тоже было не все благополучно. В Кинай арендная плата, как то и положено, отправлялась в столицу. Что же касается остальных провинций, то дело обстояло следующим образом. Полученную от арендаторов плату сначала отправляли в уездное зернохранилище, откуда она должна была быть отправлена в провинциальное зернохранилище, и она действительно отправлялась, но уже далеко не в том объеме, в каком попадала в уездные амбары. Пока оставшаяся часть арендной платы достигала столицы, она значительно уменьшалась. В итоге столица получала лишь мизерную часть от арендной платы. Нака-но Хидэо, исследуя источники VIII—IX вв., пришел к выводу, что во второй половине VIII в. в среднем до столицы доходило лишь 40—45% арендной платы. К сходным выводам пришел и Тода Ёсими, считающий, что к началу IX в. столица получала не более 10% всей арендной платы.

Хотя некоторые историки полагают, что государственные амбары были полны на протяжении всего VIII в., нам представляется, что доходно-расходная часть «бюджета» древнеяпонского государства более-менее сходилась в первой половине VIII в., но во второй половине того же столетия расходы явно стали превышать возможные источники доходов.

Освоение целины. В VIII в. японское государство обладало еще достаточной энергией, которая была направлена на освоение и «культуризацию» пространства. Стремясь увеличить доходы от налоговых поступлений и арендной платы, государство начинает поощрять обработку новых, ранее не разрабатывавшихся или заброшенных земель.

В 715 г. был издан указ о поощрении поднятия нови, а в 722 г. принимается решение поднять 1 млн *тё*: пустоши с целью «поощрения земледелия и увеличения сбора урожая». При успешном решении этой задачи провинциальным чиновникам присваивался 6-й «почетный ранг» (*куньи*), а сам крестьянин освобождался на всю жизнь от налогов (если он произвел более тысячи *коку* риса).

Оцука Токуро, исследовавший систему наделного землепользования в провинции Сэнцу, пришел к выводу, что во второй половине VIII столетия произошло резкое увеличение полей категории *кондэн* — «поднятая новь» (если в 30-е гг. по всей провинции насчитывалось около 70 *тё*; а в 50-е гг. около 100 *тё*; полей *кондэн*, то в 90-е гг. их уже было около 800 *тё*).

Однако одни только эти меры по поощрению поднятия целины государство сочло недостаточными, и уже в следующем 723 г. было провозглашено, что поднятая новь становится владением лица, ее разработавшего. В самом указе говорилось, что лица, которые «создадут новую ирригационную систему», получают землю во «владение на три поколения» (осваиватель, его сын и внук); те же, кто обработал новые земли, «используя старую ирригационную систему», получают их во «владение в течение всей своей жизни». В 743 г. вышел указ, упразднявший закон «три поколения — одна жизнь» и вводивший принцип «вечного частного владения освоенной целиной». Важное значение имело то, что разрешение на освоение земли стали выда-

вать не центральные правительственные учреждения, а управители провинций. Это позволило столичной знати и крупным храмам создавать земельные владения в провинции, что ускорило формирование частного землевладения.

**Размер максимально допустимых частных земельных владений
(по указу 743 г.)**

Класс принца, ранг или должность чиновника, другое состояние	Максимальный размер частного владения, тё:
1-й класс, 1-й ранг	500
2-й класс, 2-й ранг	400
3-й и 4-й класс, 3-й ранг	300
4-й ранг	200
5-й ранг	100
6—8-й ранг	50
Начальный (т. е. 9-й) ранг	10
Управитель большого уезда (тайрё:)	30
Управители среднего и малого уездов, а также помощник управителя большого уезда (сё:рё:)	30
Старший инспектор уездного управления (сюсё:)	10
Старший счетовод уездного управления (сютё:)	10
Крестьянин	10

Рост частной собственности на землю. Знать прекрасно понимала, что освоение целинных земель открывало дорогу к оформлению частного владения, и потому изыскивала любые возможности для участия в освоении целинных земель. Для этого использовали обезземелившихся или беглых (чаще всего от непосильного бремени отработок) крестьян, а разработанные поля сдавали затем в аренду. Отдельная же крестьянская семья была не в состоянии поднимать целину без помощи общины, а община, как правило, не располагала возможностью оказать такую помощь.

Понимая опасность роста частной собственности на земельные участки, государство пыталось если не упразднить практику создания частных наследственных владений (это, по всей видимости, было уже невозможно), то хотя бы ее ограничить. В 765 г. был издан указ, в котором, в частности, говорилось:

«...Люди Поднебесной состязаются друг с другом в освоении новых земель; могущественные роды используют труд простых людей, и в результате бедный народ не имеет времени поддерживать свои владения для собственного существования. С этого времени [подобная практика] должна быть запрещена...» Таким образом, из указа следует, что знати запрещалось использовать в своих частных владениях принудительный крестьянский труд, так как это отвлекало крестьян от обработки собственных земельных наделов и, следовательно, затрудняло уплату ими основных налогов, что приводило к значительному сокращению государственных доходов.

По подсчетам Кикичи Ясуаки, ко времени правления Камму рост частной собственности привел к тому, что в государственную казну не поступала треть налоговых поступлений, а в середине IX столетия эта цифра уже составляла половину от общего количества налоговых поступлений, положенных по закону.

Однако, несмотря на попытки ограничения возникновения частных владений, процесс их образования (а также создания на их основе вотчин — *сё:эн*) было уже невозможно остановить. Так, запрет на использование крестьянского труда в частных владениях был отменен уже в 772 г., а последующие указы (784, 797 и 801 гг.), изданные с целью пресечь захват неосвоенных земель и превращение их в частную собственность, не дали должного результата. Переход земли из государственной собственности в частные руки фактически означал подрыв основ самого существования централизованного государства *рицурё:*.

В 914 г. государственный советник (*санги*) Миёси-но Асоми Киёюки (847—918) представил императору Дайго (897—930) докладную записку. Ее целью было исправление ошибок, допущенных при управлении страной. В документе, в частности, говорилось: «Когда император Сё:му установил, что мужские и женские монастыри должны быть построены в каждой провинции семи округов, расходы на их постройку вызвали увеличение налогов в каждой из этих провинций. При этом пять десятых государственных запасов были израсходованы... В то время, когда пришел к власти император Камму, был осуществлен перенос столицы в Нагаока. Как только работы были завершены, он снова изменил местоположение столицы... При этом три пятых государственных запасов были израсходованы. По-

зднее на троп взошел император Хэйлзэй (806—809). Он любил роскошь, не поощрял земледелие и увлекался женщинами. Его наряды, сшитые утром, менялись уже тем же вечером. Каждый день, каждый месяц мода менялась. Красавицы наводнили палаты и спальни; изобилие пиров, роскошество праздничной музыки и танцев стали возрастать, несмотря на его возраст. На это была израсходована половина государственных запасов».

Налоги. В порядке взимания земельного налога (*со*) в Японии видна принципиальная разница по сравнению с Китаем: там налог исчислялся с каждой души податного населения, а не с выделенной двору площади. Если учесть, что размер этого налога в Японии был весьма невелик (около 3% урожая), то следует заключить, что значительная часть населения по-прежнему оставалась во многом верна непродовольственным типам хозяйствования (рыболовство, охота и собирательство). Кроме того, необходимо помнить, что размеры земельных наделов в Японии были существенно меньше, чем в Китае. Основная часть зернового налога аккумулировалась в уездных и провинциальных хранилищах и использовалась для нужд местной администрации. Часть зерна использовалась и для выдачи рисовой ссуды.

С предоставленных крестьянам усадебных участков, на которых они были обязаны разводить тутовые и лаковые деревья, вносилась подушная подать (*мё*). Первоначально она исчислялась в соответствии с количеством податного населения в данном дворе, а впоследствии взималась только с мужчин. Основным ее видом были продукты ткачества: шелк, шелковая пряжа, шелковая вата, полотно. В отличие от земельного налога, который почти полностью поступал в распоряжение местных властей, основная часть этого вида подати доставлялась в столицу. Причем доставлялась она силами самих облагаемых налогом.

При разработке системы налогообложения учитывалось реальное многообразие природно-хозяйственных условий в различных частях страны: подать разрешалось вносить рисом, тканью, солью, железом, продуктами морского промысла и собирательства. Эти же продукты разрешалось вносить вместо несения трудовой повинности. Этот вид «откупа» назывался *ё*. Он может быть назван заменительной натуроплатой. Она взималась с взрослых мужчин, которые не несли трудовой повин-

ности. Эти средства расходовались для оплаты и прокорма рабочей силы на принудительных отработках на строительстве.

Налоговое бремя в Центральной и Юго-Западной Японии не являлось слишком тяжелым, а провинции северо-востока Японии вообще не подлежали налогообложению, т. е. входили в состав Японии чисто номинально (отношения обитателей этих провинций с центром ограничивались, по всей вероятности, данничеством).

Так, по данным «Нихон сёки» и «Сёку нихонги», только за период с 650 по 714 г. насчитывается 51 сообщение об уменьшении размеров того или иного вида налогов. Например, в 702 г. по всей стране на год был отменен рисовый налог и наполовину уменьшена заменительная натуроплата (*ё*), а в 706 г. по всей стране были уменьшены наполовину подушная подать (*мё*) и заменительная натуроплата. При этом причины, побудившие власти уменьшить налоги, могли быть совершенно различны — от стихийных бедствий до «высокоморального» поведения тягловых крестьян (так, в сообщении «Сёку нихонги» от 714 г. говорится, что житель уезда Со:нисимо провинции Ямато по имени Ямато-но Имики Хатаясу, житель уезда Со:ноками той же провинции по имени Нара-но Коти Маро, а также житель уезда Ути той же провинции Ямато по имени Оминаси Хиносинаса были освобождены от налогов, так как являли пример конфуцианской сыновней почтительности). Следует особо отметить, что среди населения пяти центральных провинций (Кинай) далеко не все население облагалось налогом (в связи с предоставляемыми обитателям этого региона привилегиями).

Японский исследователь Савада Гоити подсчитал, что в первой половине VIII в. только 23,58% общего населения являлись полностью тягловыми. Во второй же половине VIII в. налогооблагаемыми были только 22,26% общего населения.

Эти данные подтверждаются и материалами переписи населения уезда Какусика провинции Симофуса в 721 г. Кагами-яма Такэси привел данные о налогооблагаемом (*како*) и неналогооблагаемом (*фукако*) населении «крупного поселения» (*го*): О:сима, расположенного в этом уезде. В составе О:сима находилось три села (*ри* или *сато*): Кава, Накамура и Симахо: с населением 454, 367 и 370 человек соответственно. При этом количество налогооблагаемых в селе Кава составляло 110 человек

(24,23% от общего числа жителей села), неналогооблагаемых 344 человека (75,77%). Для Накамура это соотношение составляет: 30,52% (112 человек) и 69,48% (255 человек), а для Симано: — 27,57% (102 человека) и 72,43% (268 человек).

Таким образом, из приведенных данных видно, что количество реальных налогоплательщиков составляло не более четверти населения.

По мнению Савада Гоити, средний японский двор состоял из 27 человек (т. е. 2—3 нуклеарных семьи), в числе которых было:

- 14,7 женщин (в том числе 2,0 в возрасте до 5 лет и 12,7 от пяти лет и старше);
- 12,3 мужчин (в том числе 2,0 в возрасте до 5 лет и 10,3 от пяти лет и старше).

Итак, 23 человека (здесь не учитываются два мальчика и две девочки, которым еще не исполнилось пяти полных лет, а следовательно, они не имели права на получение земельного надела) — 12,7 женщин и 10,3 мужчин имели право на получение земельного надела (напомним, что земельные наделы предоставлялись каждому крестьянскому двору в зависимости от количества лиц мужского и женского пола старше 5 лет в размере 2 *тан* для мужчин и 2/3 этой площади — для женщин). Следовательно, земельный фонд усредненного крестьянского двора составлял 3 *тё*: 7,5 *тан*, с которых ежегодно получали урожай в 1681,5 снопов необрушенного риса.

Согласно подсчетам Савада Гоити, количество различных налогов и выплат, приведенных к рисовому эквиваленту, было следующим:

Вид налога	Количество (в снопах)
Зерновой налог (со)	56,3
Подушная подать (тё:)	92,7
Заменительная натуроплата (ё:)	46,4
Арендная плата (суходольное поле)	6,6
Арендная плата (заливное поле)	50,3
Отработки	216,0
Налог для пополнения рисовых амбаров (гисо)	0,8
Остальные налоги	4,5
Всего	473,6

Получается, что количество всех налогов и выплат составляло 28,2% от общего количества урожая. Если к расходам добавить еще 75 снопов, составляющих ежегодные затраты на посев (посевной фонд), то получается, что на собственное потребление двора оставалось 1132,9 снопов необрушенного риса.

Другой исследователь, Кида Синроку, приводит свои выкладки относительно доходов и расходов гипотетической семьи, состоящей из 9 человек.

Доходная часть:

Категория и площадь поля	Количество урожая (в снопах)
Земельный надел, 1 <i>тё</i> : 3 <i>тан</i> 20 <i>бу</i>	666,6
Садовый участок, 4 <i>тан</i> Суходольное поле, 4 <i>тан</i>	251,4
Остальные категории возделанных земель (включая поднятую новью) 5 <i>тан</i>	157,0
Всего	1075,0

Расходная часть:

Название налога	Количество (в снопах)
Зерновой налог с основного земельного надела и остальных категорий возделанных земель	27,5
Различные отработки	100,0
Проценты по рисовой ссуде (суйко)	15,0
Налог для пополнения рисовых амбаров (гисо)	16,0
Подушная подать, заменительная натуроплата и остальные виды налогов	23,3
Арендная плата для суходольных полей	4,8
Всего	186,6

Таким образом, расчеты Кида Синроку тоже показывают, что налоговое бремя отдельной семьи не было чрезмерным — оно составляло 17,4% всех ее доходов.

Трудовая повинность. По-видимому, основной формой эксплуатации являлась трудовая повинность (*дзацуё:*). Содержа-

ние трудовой повинности определялось потребностями государства по строительству дорог, административных учреждений (в столице и вне ее), воздвижению буддийских храмов, а также ремонту и строительству оросительных сооружений. Сроки трудовой повинности в Китае и в Японии различались. Так, если в Китае общий срок трудовой повинности не должен был превышать 50 дней в году, а исключения не допускались, то в Японии различные ее виды не должны были превышать 70 дней в году, но в реальности этот срок составлял, как правило, 60 дней (10 дней основной государственной повинности, 20 дней дополнительной государственной повинности и 30 дней местной трудовой повинности). Однако, как показывает опыт строительства Нара, в случае необходимости государство имело возможность для мобилизации населения и на более длительный период.

Сами власти, похоже, прекрасно понимали, что основным источником благосостояния государства является именно трудовая повинность. В этом смысле весьма показательны данные по провинции Ямасиро за 726 г. и по столице Нара за 733 г., когда впервые был выработан денежный эквивалент трудовой повинности. Чтобы откупиться от нее, полностью налогооблагаемый (*сё:тё:*) должен был предоставить денежную сумму в размере 120 *мон*, неполнообязанный (*дзю:тё:*) — 60 *мон*, а юноша (*тю:нан*) — 30 *мон*. Для крестьянина это были огромные деньги, что делало практически невозможным откуп от трудовой повинности. Для сравнения отметим, что прожиточный минимум в то время составлял около 0,5 *мон* в сутки.

При этом необходимо отметить, что возможность откупа от трудовой повинности действовала далеко не всегда. В сообщении «Сёку нихонги» от 734 г. говорилось, что крестьянам, проживающим в столице, разрешалось откупаться от трудовой повинности. Однако в 737 г. тем, кто нес трудовую повинность в столице, было запрещено откупаться. В 766 г. жителям столицы, а также тем, кто проживал за ее пределами, было опять разрешено откупаться от трудовой повинности, а в 779 г. такая практика была снова запрещена. Новое разрешение откупа вышло только в 809 г. Таким образом, в VIII — начале IX в. реальная возможность откупиться от трудовой повинности существовала только в 726—737, 766—779 гг. и после 809 г., т. е. в те

временные промежутки, когда не осуществлялись наиболее грандиозные проекты древнеяпонского государства (постройка столицы Нара, храма То:дайдзи, столицы Нагаока, столицы Хэйан и т. д.).

При осуществлении государством наиболее трудозатратных проектов срок трудовой повинности мог быть увеличен по сравнению с тем сроком, который был обозначен в законе. Так, при строительстве Нара срок работы трудомобилизованных составлял три года. Максимальный срок службы в домах аристократов был установлен законом в 200 дней в году, однако не единичны случаи, когда на службе проводили 300 и более дней.

Во время несения трудовой повинности работники получали от государства пропитание и денежное вознаграждение. Труд подразделялся на «тяжелый» и «легкий», и в зависимости от этого определялись пищевой рацион и оплата. «Продуктовая норма» напрямую зависела не только от тяжести работы, но и от квалификации лица, принимающего участие в работах.

Основным продуктом питания трудомобилизованных был рис. Сохранились данные по снабжению рисом работников, участвовавших в строительстве усадьбы принца Нагая. Так, норма *тонэри*, которые, по всей видимости, осуществляли в основном охранно-надзорные функции (например, пресекали возможное бегство со строительства), составляла 1 *сё*: 2 *го* риса (около 720 г), что в пересчете на калории (в 100 г риса содержится приблизительно 332 ккал) составляет 2390 ккал. Мастер по оклейке ширм (*кёдзи*) ежедневно получал 1 *сё*: 6 *го*: риса (около 960 г), т. е. приблизительно 3180 ккал, а мастер по их отделке (*со:эн*) получал 2 *сё*: риса (около 1200 г), т. е. приблизительно 3984 ккал. Кроме риса выдавались и другие продукты: соя, приправы, водоросли, соль, *мисо* (соевая паста), а иногда овощи и фрукты. Японский исследователь Матада Акира приводит данные о количестве различных продуктов, выдаваемых лицам, принимавшим участие в строительстве в 764 г. и обслуживании одного из зданий храмового комплекса То:дайдзи (в скобках указано количество килокалорий на соответствующее количество продукта питания).

Продукты	Мастера-отделочники	Сверщики рукописей	Разнорабочие
1	2	3	4
Рис, сё:	2(3984)	1,6 (3181,2)	1,2 (2390,4)
Соль, сяку	5	2	2
Соя, го:	1 (92,4)	0,6 (55,4)	0,6 (55,4)
Соевый творог, го:	1 (92,4)	0,6 (55,4)	
Уксус, сяку	5 (6,6)	2 (2,5)	
Соевая паста, го:	1 (92,4)	1 (92,4)	1 (92,4)
Кунжутное масло, сяку	4 (215,8)		
Приправы, го:	2 (34,8)	2 (34,8)	2 (34,8)
Морские водоросли, рё:	2	2	1
Гладкая водоросль, рё:	2	2	1
Клейкий рис, го:	1 (199,2)	1 (199,2)	
Соевые бобы, го:	2 (184,8)	2 (184,8)	
Фасоль, го:	2 (372)	2 (372)	
Пшеница, го:	2(402)	2 (402)	
Всего, ккал	5676,4	4544,9	2573

Не менее интересны данные японского исследователя Сакаэ-хара Тобао о суточных нормах различных категорий людей, принимавших участие в строительстве храма Камиямадзи в 760 г.

Продукты	Буддийские монахи (со:)	Квалифицированная рабочая сила	Разнорабочие	Монахи (убаи)
1	2	3	4	5
Рис, сё:	3 (5976)	2 (3984)	1,4+ (2788,8)	1,4 (2788,8)
Клейкий рис, го:	8 (1593,6)	5 (996)		
Пшеница, го:	8 (1608)	2 (402)		
Соевые бобы, го:	1 (92,4)	1 (92,4)		
Фасоль, го:	5 (930)	0,5 (93)		
Коровий горох, го:	5 (930)			
Морская водоросль, рё:	1	2	2	
Гладкая водоросль, рё:	1	2	2	
Фиолетовая водоросль, рё:	1,2			

1	2	3	4	5
Зеленая водоросль, рё:	1,2			
Желе из агар-агара, рё:		1		
Маринованная дыня, штук	1			
Маринованный баклажан, штук	2			
Маринованная зелень, го:		3 (52,2)		
Свежая зелень, мон	8			
Соль, го:	1	0,5	0,2	0,2
Соя, го:	2 (184,8)	1 (92,4)		
Соевая гупа, го:		1 (92,4)		
Уксус, сяку (ложка)	8 (10,6)	5 (6,6)		
Горчичное семя, сяку	3	2		
Кунжутное масло, сяку	15 (809,1)	5 (269,7)		
Сладости, сяку	3 (70,2)			
Всего, ккал	12 389,5	6173,1	2788,8	2788,8

Как видно из представленных выше таблиц, суточные нормы в пересчете на калорийность вполне возмещали потери, вызванные тяжелым физическим трудом. Более того: для некоторых категорий, состоявших на довольствии, эти нормы явно превосходят физиологические потребности. По всей вероятности, избыточные продукты могли использоваться по крайней мере для двух целей: поддержка родственников и продажа на рынке для приобретения других продуктов и товаров.

В зависимости от качества работы могли быть назначены вознаграждения и штрафы. Оплачивались пропуски работы по болезни, дорога до дома и обратно в случае смерти близких, запрещались ночные работы, устанавливался двухчасовой дневной перерыв в наиболее жаркие месяцы года.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что сами по себе условия труда строителей, мобилизованных для отправления трудовой повинности, были вполне удовлетворительными. И все же источники свидетельствуют о большом количестве беглых. Ответ, по всей вероятности, приходится искать в психологической сфере: удаленность от дома и родных, подневольность труда вызывали стрессовую ситуацию, находившую свое разрешение в бегстве. Кроме того, отрыв от собственного хозяйства должен был сказываться на благосостоянии семьи сугубо отрицательно.

Если строительство Нара, даже несмотря на большое количество беглых, удалось завершить достаточно быстро, то с постройкой новой столицы Хэйан все оказалось гораздо сложнее. Тогда бегство приняло такие размеры, что строительство продвигалось чрезвычайно медленно. В бега ударялись даже воины, призванные караулить трудомобилизованных.

Доля трудовой повинности в общей совокупности отчуждаемого государством у крестьянина труда была значительно большей по сравнению с другими налогами. Только за счет широчайшего применения внесэкономического принуждения можно было обеспечить выполнение грандиозных проектов, замысливаемых государством. Поскольку все эти проекты (за исключением строительства ирригационных сооружений) не были связаны с непосредственными потребностями населения и не обеспечивались достаточным количеством прибавочного продукта, то с ослаблением административного давления в эпоху Хэйан поддерживать их оказалось невозможно.

Денежное обращение. Соображения о трудовой повинности как основной форме эксплуатации населения подтверждаются и в целом неудачным опытом стимулирования денежного оборота в стране.

Первые серебряные и медные японские монеты достоинством в 1 *мон* были отчеканены в 708 г. Поскольку Япония в то время обладала единственным месторождением серебра на Цусима, то серебряные монеты вскоре выпускаться перестали. Тем не менее они не были изъяты из обращения. Но основной денежной единицей были медные монеты. С 708 по 958 г. было осуществлено 12 эмиссий (после этого в Японии стали пользоваться китайскими монетами).

Денежные эмиссии VIII—X вв.

Год выпуска	Место чеканки (провинция)	Вес (в граммах)	Доля меди в составе сплава, из которого сделана монета
1	2	3	4
708	Оми, Кавати	1,59—3,75	53,9—90,3
760	Ямасиро	2,56—5,47	78,0

1	2	3	4
765	Ямасиро, Ямато	3,03—4,78	75,3—83,1
796	Нагато	1,43—4,38	70,0—81,8
818	Нагато, Суо	1,36—4,56	
835	Суо	0,95—2,24	
848	Суо	0,93—2,16	71,5
859	Суо	1,08—1,94	
870	Суо, Ямасиро	0,97—2,74	52,8
890	Суо	1,50—2,81	
907	Суо	2,06—3,75	2,0—73,2
958	Суо	2,25—3,51	9,4—69,4

В 711 г. 1 *мон* был приравнен к 6 *сё*: риса (1 *сё*: соответствовал в то время 0,72 л, т. е. около 600 г), 5 *мон* — одной «штуке» полотна размером приблизительно 4 м на 70 см. Если учесть, что мобилизованным для несения трудовой повинности предоставляли 2 *сё*: риса в день (многим же другим, обслуживающим потребности двора, но не занятым на такой тяжелой работе — 1 *сё*), то можно сказать, что 0,5 *мон* приблизительно соответствовал суточному прожиточному минимуму начала VIII в. Следует, однако, иметь в виду, что покупательная способность денег постоянно снижалась.

Покупательная способность 1 *мон*

Продукт	739	758	762	770
Баклажан, <i>го</i> :	6			0,1—0,5
Горчичное семя, <i>го</i> :	1		0,3	
Красная водоросль, <i>го</i> :	5	5—2,6	2,5—3,3	0,2
Фасоль, <i>го</i> :	2,5	2	1,2	
Соя, <i>го</i> :		1,7	1,6	0,1
Пшеница, <i>го</i> :		2,5	1	

Стоимость 1 *сё*: риса

Продукт	758	762	763	764
Неочищенный рис		6—9,2 <i>мон</i>	10 <i>мон</i>	
Очищенный рис		6,5—11,1 <i>мон</i>		
Клейкий рис	7 <i>мон</i>	8,8—12,3 <i>мон</i>	14 <i>мон</i>	20 <i>мон</i>

Проводимая государством денежная политика характеризуется следующими решениями.

1. Начиная с 711 г. сезонное жалование (*кироку*) чиновникам, наряду с материей, мотыгами и рисом, частично выплачивалось деньгами. Были установлены следующие размеры денежного довольствия для принцев и чиновников: принц 2-го класса и чиновник 2-го ранга — 2000 *мон*; принц 3-го класса и чиновник 3-го ранга — 1000 *мон*; принц 4-го класса и чиновник 4-го ранга — 300 *мон*; чиновник 5-го ранга — 200 *мон*; чиновник 6-го и 7-го ранга — 40 *мон*; чиновник 7-го и начального ранга — 20 *мон*; *тонэри*, гвардейцы, писцы, канцеляристы, тюремные надзиратели и т. д. — 10 *мон*.

2. В случае накопления определенных денежных сумм и предоставления их государству, данному лицу жаловалось повышение в ранге (правда, это положение касалось только лиц младшего 6-го ранга и ниже, относительно же повышения в ранге лиц старшего 6-го ранга и выше имелось уточнение: необходимость специального указа императора, разрешающего такое повышение).

3. Начиная с 712 г. некоторые виды натурального налога (*тё*: и *ё*:) разрешалось заменять деньгами (в 722 г. подушная подать *тё*: в провинциях Ига, Исэ, Овари, Оми, Этидзэн, Тамба, Харима и Кии была внесена деньгами). В 726 г. (материалы по провинции Ямасиро) и в 735 г. (материалы по столичному району и провинции Ямасиро) был выработан денежный эквивалент подушной подати. Так, чтобы откупиться от подушной подати полнооблагаемому требовалось внести 9 *мон*, а неполнооблагаемому — 4,5 *мон*. Со временем размер этой денежной суммы увеличился (это было непосредственно связано с бесконтрольным выпуском денежной массы и следующей за этим инфляцией). В начале IX в. он уже составлял 50 *мон*, а указом 815 г. размер денежной суммы, необходимой крестьянину, чтобы откупиться от подушной подати в столице и центральном районе Кинай, был увеличен с 50 до 840 *мон*. Кроме того, в столице Нара и в районах непосредственно прилегающих к ней, где было достаточно развито денежное обращение, рисовый налог также мог выплачиваться деньгами (о суммах денег, необходимых для выплаты зернового налога, данных не имеется). По всей видимости, эта

практика применялась на протяжении всего периода Нара и была запрещена только в 797 г.

4. Начиная с 713 г. местным властям предписывалось разрешать крестьянам торговлю рисом на дорогах, что должно было облегчить участь тех, кто направлялся в столицу для доставки натурального налога.

5. Правительством устанавливались твердые цены на основные продукты, которыми торговали на столичных рынках.

6. Разрешалась продажа и сдача внаем за деньги земельных участков. Приведем имеющиеся в нашем распоряжении конкретные данные по сделкам с землей.

Год	Месторасположение земельного участка	Характеристика земли и ее площадь	Цена в кан (1 кан равен 1000 мон)
1	2	3	4
740	Провинция Ямасиро, уезд Удзи	Земельный участок (8 <i>тан</i>) и две постройки	5
748	Провинция Ига, уезд Аэ	Земельный участок (2 <i>тё</i> :), участок новь-кондэн (7 <i>тё</i> : 266 <i>бу</i>) и постройки	70
749	Провинция Ига, уезд Аэ	Новь-кондэн (7 <i>тан</i>)	8
751	Провинция Ига, уезд Аэ	Новь-кондэн (4,5 <i>тан</i>)	2,25
751	Провинция Оми, уезд Кокка	Новь-кондэн (21 <i>тё</i> :), невозделанная земля (3 <i>тё</i> :)	230
752	Провинция Сэццу	Два складских помещения (<i>кура</i>), земельный участок (3 <i>тё</i> : 6 <i>тан</i> 249 <i>бу</i>)	100
755	Провинция Этидзэн, уезд Сакаи	Невозделанная земля (100 <i>тё</i> :)	180
756	Левая половина столицы	Усадьба — <i>тё:тэй</i> (1 <i>тё</i> :)	60
760	Провинция Сэццу, уезд Нисинори	Земли под поместье — <i>сё:ти</i> (3 <i>тё</i> : 1 <i>тан</i> 129 <i>бу</i>)	84,588
761	Провинция Ямасиро, уезд Удзи	Земельный участок (1 <i>тан</i>), складские помещения	1,5
761	Провинция Ямато, уезд Тооти	Земельный участок (4 <i>тан</i>) и домик	6
764	Провинция Этидзэн, местечко Такакуси сё:	Два дома и два земельных участка (1 <i>тё</i> : и 9 <i>тё</i> : 3 <i>тан</i> 144 <i>бу</i>)	33

1	2	3	4
764	Провинция Ямато, крупное поселение Хо:соно го:	Земельный участок 2 <i>тан</i> 100 <i>бу</i>	5
769	Провинция Сэццу, уезд Хигасипари	Земельный участок (3 <i>тё</i> : 2 <i>тан</i> 47 <i>бу</i>)	700
788	Нагаока	Приусалёбный участок (10 на 15 <i>дзё</i> :)	5,6
788	Провинция Ямато, уезд Со:поками	Земельный участок (4 <i>тан</i> 100 <i>бу</i>), домик и несколько складских помещений)	10
800	Провинция Ямасиро, уезд Кии	Земельный участок (6 <i>тан</i>)	16,6

Разрешение продажи земельных участков в частную собственность, а также закон 743 г. о вечной частной собственности на вновь освоенные земли для того, кто эти земли освоил, способствовали развитию частнособственнического землевладения. Правда, в VIII в. это видно не так отчетливо, и процесс превращения пахотных земель в частную собственность государству пыталось приостановить (указы 765, 772, 784, 797 и 801 гг.), но уже факт столь часто провозглашаемых указов позволяет усомниться в их реальной действенности. Частнофеодалное землевладение получало все более широкое распространение и в середине периода Хэйан окончательно вытеснило государственное землевладение.

Одним из ранних примеров формирования частнособственнического землевладения в нарской Японии может служить история возникновения вотчины (*сё:эн*) Кувабара. В 755 г. управитель провинции Этидзэн Оотомо-но Сукунэ Маро продал храму То:дайдзи 100 *тё*: земли, расположенной на территории крупного поселения Хориэ уезда Сакаи провинции Этидзэн, за 180 000 *мон*. Из 100 *тё*: земли 9 *тё*: были освоены прежним хозяином, а к 757 г. храму То:дайдзи удалось поднять еще 32 *тё*: земли, так что общее количество освоенных земель составило 41 *тё*: (остальные невозделанные земли были проданы).

Разумеется, землю покупал не только То:дайдзи, но и другие храмы и частные лица (особенно распространенной подобная практика стала в конце VIII в.), но храм То:дайдзи (по крайней мере до конца VIII в.) оставался крупнейшим покупателем

земли — за 767 г. источники зафиксировали шесть случаев покупки То:дайдзи земель только в одной провинции Этидзэн.

Данные о стоимости земли в различных районах довольно запутанны (в частности, в тех сообщениях, согласно которым были куплены не только земельные участки, но и постройки, невозможно посчитать примерную стоимость земли, ибо неизвестно, какова была цена на постройки). Тем не менее некоторые сообщения о продаже земельных участков дают определенные возможности для подсчетов (правда, необходимо учитывать, что на протяжении VIII в. было осуществлено четыре денежных эмиссии и реальная покупательная способность 1 *мон* колебалась).

Фудзии Калзунугу, используя сообщения о продаже земельных участков в провинциях Ига, О:ми и Этидзэн, попытался вычислить среднюю стоимость 1 *тё*: земли. Согласно его расчетам, в провинции Этидзэн 1 *тё*: земли стоил приблизительно 1800 *мон*, в Ига — 7000, а в О:ми — 10 000 *мон*. Наши выкладки показывают, что стоимость 1 *тё*: земли в провинции Ямато составляла приблизительно 25 000 *мон*, а стоимость усадьбы площадью в 1 *тё*:; расположенной в левой половине столицы, равнялась 60 000 *мон*. Получается, что чем ближе к столице, тем земля стоила дороже.

Правительство практиковало выплату денежного довольствия работникам, которые были заняты на строительстве объектов государственного значения — буддийских храмов, административных зданий, дорог и т. д. Так, чернорабочие (*ко:фу*), участвующие в постройке храма Исиямадзи в 762 г., получали в день до 15 *мон*. При строительстве То:дайдзи самую высокую плату получали ваятели — 60 *мон*. Литейщики и медники зарабатывали по 50 *мон*, мастера золотой росписи, живописцы и каллиграфы — 30—40 *мон*, черепичники, плотники и землекопы — 10—15 *мон*, чернорабочие — 10—15 *мон* и женщины — 5—8 *мон*.

Допускались денежные выплаты процентов по ссуде (*суи-ко*). Деньги (наравне с рисом) могли использоваться и для покупки рабов. При этом необходимо отметить, что раб стоил примерно столько же, сколько стоили 600 кг риса.

Несмотря на определенное распространение товарно-денежных отношений в период Нара, следует отметить, что оно было достаточно ограниченным. Деньги имели реальную поку-

пательную способность прежде всего в самой столице и близлежащих провинциях. Наши данные показывают, что японское государство того времени было заинтересовано прежде всего в «вертикальной» циркуляции денег: оно осуществляет выплаты чиновникам (или работникам), а потом получает их обратно для той же самой цели (отсюда — система покупки рангов). Иными словами, идея, что деньги могут служить медиатором между независимыми производителями (агентами рынка) была в это время ему еще чужда. Это, разумеется, не случайно, ибо само государство являлось основным заказчиком работ и услуг, за которые оно же и должно было расплачиваться. Что касается крестьянских хозяйств, то, в силу существования надельной системы, они не имели возможности для продажи земли, а существовавшие обменные процессы принимали по преимуществу форму натурального обмена.

Формирование трудозатратных и ресурсосберегающих методов хозяйствования. Бедность архипелага минеральными ресурсами, ограниченность пригодной для хозяйственного освоения территории, сравнительно небольшое пространство, реально контролировавшееся японским двором, привели к тому, что уже к концу периода Нара просматривается тенденция к использованию интенсивных методов хозяйствования. Эта тенденция проявляется в обращении к ресурсосберегающим и трудозатратным технологиям. Это касается как агротехники, так и ремесла.

Остановимся прежде всего на земледелии, так как именно земля является основным ресурсом сельскохозяйственного общества. Как уже отмечалось, власти поощряли прежде всего заливное рисосеяние — именно оно в условиях дефицита пахотной земли способно принести наибольшую эффективность, т. е. обеспечить пропитанием максимально возможную численность населения — другой основной ресурс древнего государства. Поэтому тотальный контроль над землепользованием был стратегическим направлением деятельности государства.

В отличие от последующих эпох, в начале периода Нара определенное развитие получило скотоводство (разведение коров и лошадей), привнесенное на архипелаг переселенцами — его истоки восходят к периоду яёй. Таким образом, ко времени формирования «государства *рицурё*» скотоводство имело уже тыся-

челетную историю на территории Японии. Однако если разведение лошадей получило действительно сколько-то широкое распространение (прежде всего вследствие военных нужд), то выращивание коров, требующее обширных пастбищ, явно не стало массовым явлением. В связи с этим местное население не обладало необходимыми навыками.

Сравнительно широкое распространение разведения коров в эпоху Нара было непосредственно связано с новой волной переселенцев. Массовая миграция с Корейского полуострова, связанная с крушением Пэкче и Когурё во второй половине VII в., обеспечила Ямато дополнительными квалифицированными кадрами не только непосредственно для разведения коров, но и для производства молочных продуктов (коров разводили не столько «на мясо», сколько «на молоко»). Изданный в правление Момму в 700 г. указ о производстве сыра был адресован прежде всего этим переселенцам и их потомкам. Особенно скотоводство было развито в провинции Кавати, где проживало значительное число потомков выходцев с Корейского полуострова.

Поскольку молочные продукты входили в диету буддийских монахов, монастыри также занимались разведением коров. Запись «Сёку нихонги» от 767 г. свидетельствует, что некий Ооси-но Атаэ Икамаро пожертвовал храму Сайдайдзи 60 коров, за что ему и была пожалована младшая степень высшего 5-го ранга.

Однако следует иметь в виду, что потребление молока и молочных продуктов (сыр и кефир) было в период Нара привилегией весьма ограниченного круга лиц — прежде всего придворных. Таким образом, молочные продукты были товаром «престижной экономики». В значительной своей части они использовались в качестве лекарства (доставка молока непосредственно к государеву столу находилась в ведении Аптекарского бюро). Из данных «Энгисики» известно, что ежедневно к государеву столу доставлялось около 2 л 300 г молока, которое подавалось охлажденным после кипячения.

Производство молочных продуктов осуществлялось главным образом благодаря наличию специальных государственных пастбищ. Крестьянам, занимавшимся там скотоводством, вменялось в обязанность доставлять ко двору сыр. Эта практика продолжалась по крайней мере в течение двух столетий, однако

официальные документы свидетельствуют о том, что сыр мог доставляться нерегулярно, а его качество зачастую оставляло желать лучшего — властям приходилось наказывать провинившихся. При этом продажа коров в частные руки была ограничена — ввиду того, что это нанесло бы ущерб основному сельскохозяйственному производству — выращиванию риса. Кроме того, сами крестьяне не были заинтересованы в разведении скота ввиду небольшого размера наделов, которыми они обладали. Это хорошо видно в более позднее время: когда с развитием частного землевладения часть государственных пастбищ переходит в личную собственность, эти территории превращаются в возделываемые поля, а выпас коров прекращается. Уже в период Нара зафиксированы случаи, когда по требованию крестьян государственные пастбища переводятся в категорию обрабатываемой земли. Так, согласно сообщению «Сёку нихонги» от 716 г., два пастбища в провинции Сэццу были отданы местным крестьянам «для прокорма».

Японское скотоводство обнаруживает следующую территориальную закономерность: разведение лошадей концентрируется на северо-востоке страны, выращивание коров — на юго-западе. В исторической перспективе это приводит к тому, что самурайство возникает именно на востоке, и именно восток страны становится тем регионом, контроль над которым обеспечивает контроль над страной в целом.

Разведение коров имеет историческую тенденцию к сокращению — слишком велика была его нагрузка на окружающую среду. Оно практически прекращается в конце периода Камакура. Что касается коневодства, то его относительное процветание в средние века было связано прежде всего с военными потребностями. Показательно, что после того, как страна была замирена после многолетних войн, с возникновением сёгуната Токугава поголовье лошадей стремительно сокращается — они практически не использовались в качестве тягловой и рабочей силы. Японцы предпочитали использовать мускульную силу человека.

Обращение к ресурсосберегающим трудозатратным технологиям хорошо видно и на примере произведений буддий-

ского культового искусства. В начале и середине Нара было произведено достаточно большое количество бронзовых буддийских статуй. Удивление и радость в связи с обнаружением месторождений меди и золота, необходимых для их отливки и позолоты, проявились в принятии двух девизов правления (Тайхо: и Тэмпё: сё:хо:, см. подробнее главы «Политическая история» и «Картина мира»). Однако довольно быстро становится понятно, что земля Японии не может обеспечить сколько-нибудь массовое производство бронзовых изделий. И с течением времени бронзовые буддийские статуи постепенно вытесняются произведениями из дерева, глины и лака. Согласно описи, выполненной в 779 г. в храме Сайдайзи, из имевшихся там 124 статуй 72 были сделаны из глины, 44 — из лака и только 8 — из бронзы.

Техника «сухого лака» считается очень трудоемкой и времязатратной: сборная деревянная основа моделируется глиной, затем покрывается 7—8 слоями пропитанной лаком материи, затем после просушки осуществляется резьба по лаку, окончательная моделировка и раскраска. После этого глина извлекается из тулова статуи. При своей дешевизне этот технологический метод позволяет осуществлять высокую степень проработки деталей.

Стремление к экономии вызвало к жизни убеждение в необходимости повторной утилизации предметов и материалов, уже бывших в употреблении. Так, деревянные столбы и черепица, использовавшиеся при строительстве Фудзивара, были доставлены в Нара для строительства новой столицы. *Моккан* получили такое широкое распространение, поскольку допускали многократное использование. Это объясняет тот факт, почему в Японии для изготовления *моккан* пользовались исключительно деревом: большая твердость бамбука, распространенного в качестве носителя письменной информации в древнем Китае, делала бамбук малоудобным при соскабливании прежней записи. В отличие от своего китайского прототипа японские *моккан* покрывались иероглифами с обеих сторон. Использованная бумага также употреблялась в качестве «обороток», межстрочное пространство ставшего ненужным документа служило для упоминаний в письме.

Глава 14

Город Нара и его обитатели

Столица Нара
Прекрасна
В синеве небес,
Цветет цветом
Благоуханным.

Это стихотворение, принадлежащее кисти заместителя главы Дадзайфу по имени Оно-но Аю-но Асоми (?—737), помещено в антологию «Мангё:сю».

Столица страны казалась ее чиновным обитателям единственным местом, обеспечивавшим достойную жизнь. Поэтому назначение на должность в провинцию они воспринимали как ссылку. Их можно понять: только в Нара находился великолепный дворец императора, только там можно было встретить столько разных людей, присутствовать при грандиозных буддийских богослужениях, только в столице принимались важные решения.

Перенос столицы. Момму скончался в 707 г., и престол заняла его мать, получившая впоследствии посмертное имя Гэмэй. В 710 г. двор пересел в Нара (Хэйдзё). Решение о строительстве новой столицы было принято еще во времена Момму.

В японской исторической литературе для обозначения столицы VIII в. используются два термина — Нара и Хэйдзё. Первый фиксируется в поэтической антологии «Мангё:сю» и происходит от названия равнины, на которой был расположен город Нара. Он означает «плоский, ровный, мирный, спокойный». Однако в официальных документах того времени более употребительным является топоним Хэйдзё, который состоит из двух иероглифов: «плоский» и «замок, столица».

Нара находилась в 18 км к северу от Фудзивара и занимала территорию площадью около 25 кв. км. Причины, по которым двор покинул свою прежнюю резиденцию, также замышляющуюся с определенным размахом, но прослужившую в качестве «столицы» всего шестнадцать лет, не совсем понятны. Согласно указу «Сёку нихонги» о переносе столицы, новая

столица, в отличие от старой, в более полной мере соответствовала традиционному китайскому способу ориентирования построек в пространстве, расположению их среди «ветров и вод» (*фу:суй*, кит. *фэньшуй*), согласно которому выбиралось местоположение и более поздних резиденций императора (Нагаока и Хэйан).

Согласно представлениям китайской геомантии и топомагии, приобретшим свои основные характеристики еще к III—II вв. до н. э., постройки должны располагаться во вмещающем их природном ландшафте таким образом, чтобы было возможно получить максимальное количество положительной энергии и избавиться от влияния отрицательной. Эта система ориентации оценивает местоположение построек по отношению к следующим параметрам: *инь* и *ян*, пяти первоэлементам, горам и рекам, 60-летнему циклу и др. В результате выбиралось защищенное горами от ветров, но хорошо проветриваемое место, солнечное и с хорошим дренажем.

И в самом деле: как то и положено, к востоку от Нара протекала река, на юге находился пруд, за ним простиралась равнина, на западе город окаймляла широкая дорога, на севере возвышались горы, переходившие в холмы, непосредственно окружавшие столицу с трех сторон.

Высказываются, однако, соображения, связанные не только с геомантией (похоже, что геомантия могла больше влиять на выбор нового места, чем на покидание старого). Отмечается, например, что перенос столицы мог быть обусловлен ритуальными мотивами, связанными с голодом и болезнями, постигшими страну в правление Момму: в связи с этим правителю якобы требовалось сменить место своего обитания для избавления от скверны. Говорится и о том, что в связи с быстрым ростом чиновничества Фудзивара была уже мала для растущих потребностей государственного аппарата.

Нам, однако, все объяснения «практического» толка кажутся малоубедительными. Издержки по переносу столицы заведомо превосходят любые трудозатраты по ее расширению или же адаптации к тем или иным особенностям вмещающего ландшафта. Поэтому причины переноса столицы стоит искать, по

нашему мнению, прежде всего в давней практике смены двором места своего пребывания (подробнее см. главу «Период Асука»).

Повторим: ранние правители Японии (Ямато) назывались обычно по местоположению своего дворца. До конца VII в. каждый новый правитель селился в новом дворце. Традиционное объяснение, заключающееся в том, что это было вызвано желанием избежать ритуального загрязнения, проистекающего из смерти прошлого правителя, вряд ли можно признать обоснованным. В таком случае мы бы наверняка встречались хотя бы со следами подобного обычая и на других социальных уровнях, чего, однако, не обнаруживается. Объяснение, вероятно, лежит в другой плоскости. А именно: взойдя на трон («наследовав небесному солнцу», как определялся этот акт), государь становился обладателем некоей божественной сущности и получал право сказать о себе *«каму-нагара»*, т. е. «неся в себе божественное». Поскольку же неперенным предикатом любого синтоистского божества является топоним (его мистическая власть распространяется только на ту территорию, где оно «обитает»), то и легитимизация правителя происходила, в частности, через строительство нового дворца в новом месте, что являлось частью акта космического обновления.

Кроме того, необходимо учитывать и другое обстоятельство. Известная нам хронология раннеяпонских правителей носит легендарный характер, видимо, вплоть до середины VI в. Само японское общество не выработало абсолютной временной шкалы, основанием которой служило бы время. До середины V в. не укоренилась (во всяком случае, повсеместно) и китайская концепция времени (60-летний цикл, девизы правления «императоров»). Поэтому счет последовательности правлений осуществлялся исходя из географического кода — как последовательность смены дворцов. Подобное обозначение выражалось как: «при государе, правившем из дворца N». Стоит также отметить, что «топонимические» имена правителей являются их посмертными именами (возможно — табуированными при жизни, но обнародуемыми после смерти). Их прижизненное обнародование делало бы их обладателей незащитными перед лицом потенциальных врагов, способных навести на них магическую порчу. Поэтому при жизни государей они имено-

вали себя как «дочь Ямато», «сын Ямато, что правит страной великой восьми островов», «Мы» и т. п.

Так или иначе, но Нара вновь стала единственным «настоящим» городом своего времени (после переезда двора в новую столицу Фудзивара опустевает, использовавшийся там строительный материал применяется при возведении Нара).

Строительство Нара. При строительстве Нара ведущую роль играл Саканоуэ-но Имики Осикума, представитель ответвления рода давних иммигрантов из Китая Ямато-но Ая (другие представители этого рода — Аратаи-но Атаи Хирабу и Фуми-но Атаи Агата — были главными строителями дворца Ко-току в Напива и храма Кудара-дэра при Дзё-мэй).

Возведение в короткий срок грандиозного по тем временам города потребовало мобилизации огромных людских ресурсов. Если в V—VI вв. основным видом общественных работ было строительство курганов, то в начале VIII в. напряжения всех сил страны потребовало возведение столицы.

Строительство осуществлялось крестьянами, мобилизованными для несения трудовой повинности (каждые 50 дворов предоставляли двух мужчин, менявшихся каждые три года). Судя по всему, их жизнеобеспечение находилось на вполне приличном уровне, но тяжелый труд, оторванность от родного дома приводили к тому, что многие из них бежали из столицы. Для их поимки было учреждено «временное военное ведомство».

«Государыня [Гэммэй] рекла: “В последнее время доходит до нашего слуха, что люди из разных провинций, отправляющие трудовую повинность, изнемогают на строительстве столицы и во множестве ударяются в бег. Несмотря на запреты, остановить их не удастся. Ограда дворца еще не готова, охраны недостаточно. Повелеваю поставить войска лагерем и усилить охрану складов с оружием”» («Сёку нихонги», 711 г.).

Максимальный перепад высот на территории Нара составлял в то время 25 м. Срытию подлежало 4 млн куб. м всхолмленной местности, засыпке — 800 тысяч куб. м (земля переносилась в корзинах и перевозилась тачками). Расчеты показывают, что только для проведения этой стадии предварительных работ потребовалось около 1 млн человеко-дней. Для постройки же

дворцового комплекса, строительство которого заняло приблизительно 2 года, было необходимо около 2 200 000 человеко-дней. Для строительных работ в остальной части столицы объем трудозатрат оценивается как в двадцать раз больший. Считается, что на строительстве столицы было одновременно занято более 10 тысяч человек.

Дворцовый комплекс состоял из нескольких сотен стросений. Объем дерева, необходимого для их возведения, оценивается в 75 тысяч куб. м, а количество черепицы — в несколько миллионов штук. Для ее изготовления в горах, непосредственно прилегающих к Нара, были устроены казенные заводы. Кроме того, работали также мастерские по производству стекла, лаковых, медных и железных изделий.

При строительстве столицы было разрушено множество курганов и захоронений. В специальном распоряжении оговаривалось, что при вскрытии захоронений останки не должны разбрасываться как попало, но им должны быть совершены соответствующие приношения.

Период Нара наследует традицию масштабных общественных работ от времени строительства курганов. Однако, пожалуй, это было последнее проявление японского «комплекса гигантомании», свойственного централизованным государствам древности. Начиная с Хэйан культуроформы (за некоторыми исключениями) начинают проявлять себя во все более мелких объемах.

Население. В столице и ее ближайших пригородах проживало, по разным оценкам, от 100 до 200 тысяч человек: около 7 тысяч чиновников, ремесленники, дворовые люди, монахи, крестьяне, торговцы. Помимо них город наводняли люди, командированные из провинции, — чиновники, а также крестьяне, прибывшие сюда с податями и налогами, для проведения строительных работ (3 года) и охраны столицы (1 год).

Каждый человек в тогдашней Японии должен был быть внесен в подворные списки. Высшее чиновничество было «прописано» в столице. Что касается низкоранговых чиновников, то в самой столице их было зарегистрировано всего около 15%. Это означает, что большую часть года такие чиновники были разлучены со своей семьей.

Кроме того, в столице постоянно находились члены императорской фамилии (братья и сестры императора, его и их дети), а также более ста семей высшей аристократии (начиная от 5-го ранга и выше). Количество чиновников с 6-го по 8-й ранг оценивается приблизительно в 600 человек, чиновников без ранга — в 6000. Все они являлись на службу в свои ведомства, расположенные на территории дворцового комплекса, занимавшего площадь в 120 гектаров.

На территории собственно дворцового комплекса проживал сам «император», его старшая супруга и «младшие жены», довольно многочисленный женский «обслуживающий персонал», поставляемый семьями управителей уездов и их непосредственными подчиненными, а также влиятельными родами (*удзи*) из района Кинай.

Облик города. Как уже неоднократно говорилось, весь период Нара отмечен сильным китайским влиянием. Оно сразу же видно и в архитектурном облике города: так же как и в Фудзивара, здания дворцового комплекса возводились на приподнятых платформах (стилобатах) с вмострированными в них каменными основаниями для крашенных в красный цвет деревянных опорных столбов, крыши покрывала не традиционная для чисто японской архитектуры кора кипарисовика, а черная (серая) черепица, сам дворцовый комплекс был окружен белой глинобитной стеной с двускатной черепичной крышей. Многочисленные буддийские храмы также крылись черепицей и возводились на каменных платформах. Однако жилые дома по-прежнему были крыты дранкой или соломой, а опорные столбы вкапывались в землю.

Территория дворца до сих пор еще полностью не раскопана, и поэтому мы не имеем полного и точного плана рас-

Иллюстрация 29.
Изображение
чиновника на
моккан

положения построек на территории комплекса. Понятно, однако, что главным сооружением был Дайгокудэн (Дворец великого предела) — тронный зал императорского дворца. Дайгокудэн был самым большим зданием во всем дворце (длина 44 м, глубина 19,5 м, высота 21,4 м). Там находился императорский трон, проводились основные государственные церемонии (восхождение на престол, празднование Нового года, прием иностранных послов).

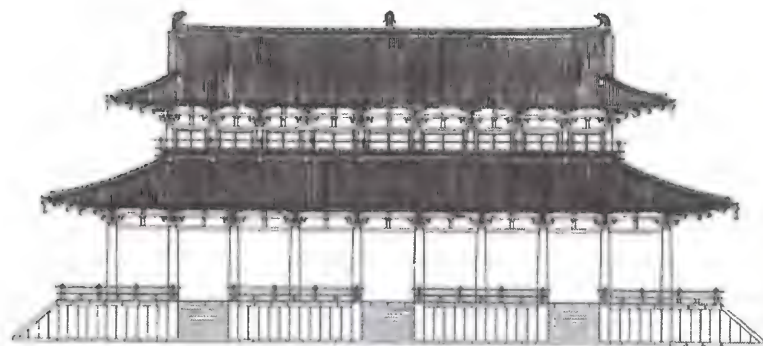

Иллюстрация 30. Дайгокудэн

Название Дайгоку (кит. *тай цзи*) является одним из обозначений Полярной звезды и ее земного соответствия — императора. Точно так же назывался императорский дворец в Фудзивара, откуда, как считают многие исследователи, здание Дайгокудэн было перенесено в Нара. В связи с переездом Сё:му в Куни (740 г.) Дайгокудэн был разобран и перенесен туда. После возвращения Сё:му в Нара (745 г.) Дайгокудэн был отстроен заново. Комплекс Тё:до:ин (две группы зданий, состоявшие из четырех и двенадцати строений соответственно) предназначался в основном для «рабочих» целей, откуда и происходит его название, обозначающее «утренние здания» (т. е. учреждения, куда чиновникам следует являться с восходом солнца). Внутри дворцового комплекса находились также здания всех восьми министерств, другие учреждения центрального правительства, вспомогательные службы. Кроме этих построенных по китайскому образцу зданий с черепичными

крышами в дворцовом комплексе располагались также покои императора и императрицы, крытые, по японской традиции, корой кипарисовика.

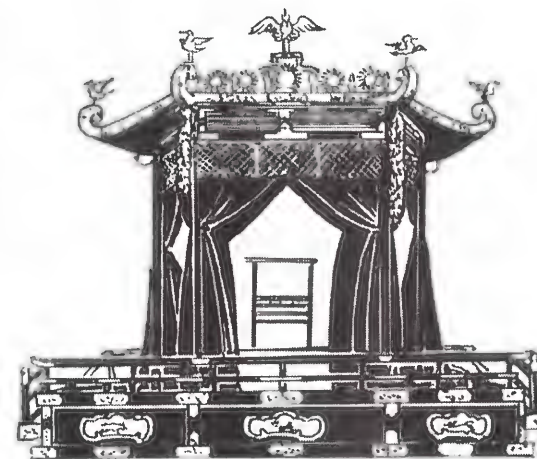

Иллюстрация 31. Императорский трон

С самого начала столица застраивалась по плану, который имел довольно много общего со столицей танского Китая — Чанъань. Нара представляет собой чуть вытянутый в направлении восток-запад прямоугольник размерами 4,8 на 4,3 км. Более походившая на огромную площадь главная магистраль города шириною в 67,5 м — Судзакү («Красный сокол» — мифическая птица, божество-защитник южного направления), была обсажена ивами (точно так же, как и другие улицы города). Она разделяла город на правую и левую половины. При этом правая половина соотносилась с западом, а левая — с востоком, поскольку «точкой зрения» был императорский дворец, расположенный на севере столицы. По обе стороны Судзакү были выкопаны каналы шириной в 7 м и глубиной в 1—1,5 м. Ворота домов, построенных вдоль Судзакү, могли выходить туда лишь при условии, что владельцем усадьбы был чиновник не ниже 4-го ранга.

С севера на юг город пересекался девятью улицами (*бо:*), а с запада на восток — десятью (*дзё:*), образовавшими таким образом 72 квартала, каждый из них — площадью в 1800 *сяку* (553 кв. м). Между каждой из двух улиц (шириной около 20 м) были предусмотрены по три «переулка» шириной 6—8 м. Общая протяженность улиц в Нара составляла около 350 км. Улицы в городе были немощеными. По обеим сторонам улиц были проложены сточные канавы, берега которых укреплялись камнями. Несколько позднее на северо-востоке были построены еще 12 кварталов (так называемая «внешняя столица» — *гэкё:*), а на северо-западе — 3 «полуквартала». Так же как и в Фудзивара, при строительстве Нара был прорыт специальный канал (длиною в 3 км и шириною в 10 м), который использовался для доставки строительных материалов, а потом и товаров и продуктов на рынок.

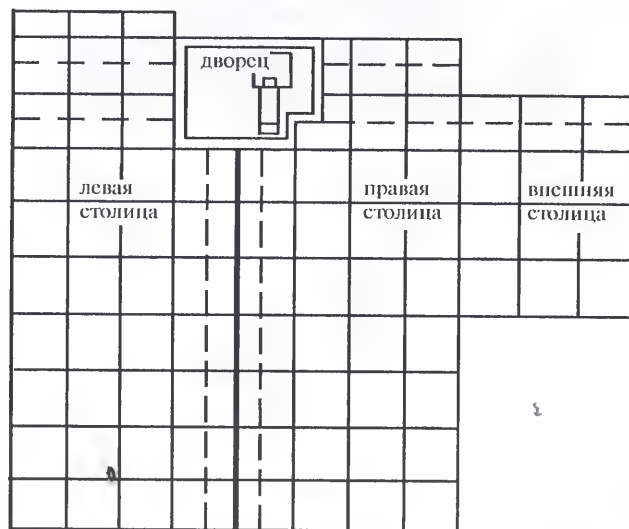

Иллюстрация 32. План Нара

Прямоугольные формы, которыми отличался план Нара, требовали большой точности измерений. Центральная магистраль города — Судзакү — имеет отклонение по оси север-юг в 22 минуты

30 секунд (на 1 км дороги это вызывает отклонение в 6,5 м). Ориентация города в пространстве проводилась следующим простым и эффективным способом. На ровном участке в землю втыкался шест. В первую и вторую половины дня измерялась длина тени от этого шеста. Точки, зафиксированные в тот момент, когда длина утренней тени равнялась длине тени вечерней, соединялись прямой линией, которая образовывала собой ось восток-запад.

В связи с большим населением в Нара (точно так же, как и в Фудзивара) должны были возникать проблемы, свойственные любому крупному городу. Главная из них — борьба с отходами. Проблема решалась довольно бесхитростно. Вода поступала на участки по ответвлениям от проложенных по территории города каналов. Обнаруженные недавно туалеты того времени представляют собой расположенные в глубине участков неглубокие прямоугольные ямы размером приблизительно 150 на 30 см, по дну которых текла вода, поступающая по отводам из уличных каналов, которая затем туда же, в каналы, и возвращалась. Найдены также и туалеты, располагавшиеся непосредственно на мостиках, переброшенных через основные каналы. Они имеют название *кавая* («речной домик»). Такие «скворечники», расположенные над горными ручьями и речками, окончательно исчезли из обихода удаленных регионов только после окончания последней мировой войны.

Сколь бы странным это ни показалось, но в то время вместо туалетной бумаги использовали деревянные брусочки. В частности, когда деревянная табличка-*моккан* истончалась окончательно и писать на ней уже не было никакой возможности, местом ее «последней службы» мог оказаться туалет.

Бытовые отходы также выбрасывались либо в те же самые каналы, либо где понаю. В записи хроники от 706 г. указывается, что манеры горожан далеки от совершенства, а улицы города страдали из-за этого «грязны и вонючи».

Несмотря на то что главным образцом подражания для Нара была Чанъань, между ними существовали и отличия. Размеры Чанъани были намного больше (9,7 на 8,7 км). Не в пример китайской столице Нара никогда не обносила крепостными стенами: внутренняя ситуация в стране была сравнительно спокойной, а островное положение страны и озабоченность континентальных государств собственными проблемами фак-

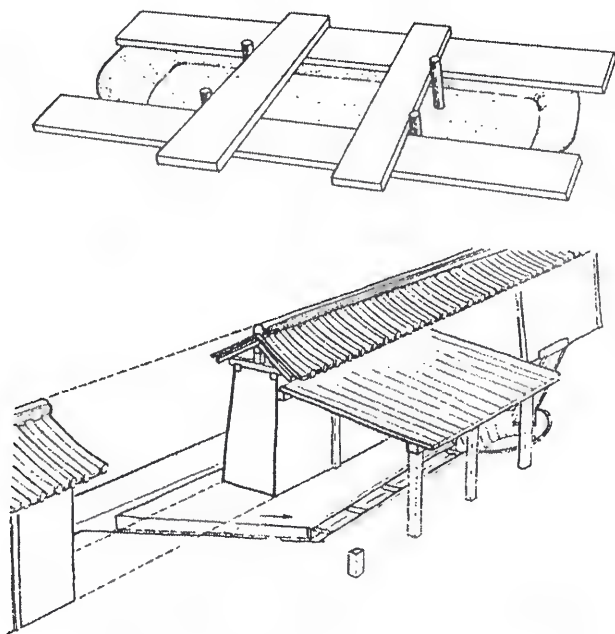

Иллюстрация 33. Туалеты в Нара

тически избавляли от опасности вторжения извне. Однако, точно так же как и в Фудзивара, весь дворцовый комплекс был обнесен изгородью с 12 воротами, называвшимися в своем большинстве именами родов, которые несли их охрану (например, Мибу, Саэки, Тиисакобэ, Тадзихияматобэ, Такэрубэ).

Перед главными воротами дворца (Судзакумон) проводились самые различные церемонии (например, поздравление государя с Новым годом). В записях «Сёку нихонги» за 734 г. сообщается, что государь Сёму наблюдал у этих ворот танцевально-песенное действо *утагаки*, в котором принимало участие более 240 человек. Среди участников были высшие придворные, включая принцев. Первоначальное значение *утагаки* («песенная изгородь») — это деревенские брачные игрища. Ко времени действия, описываемого хроникой, они, вероятно, превратились в часть придворного церемониала.

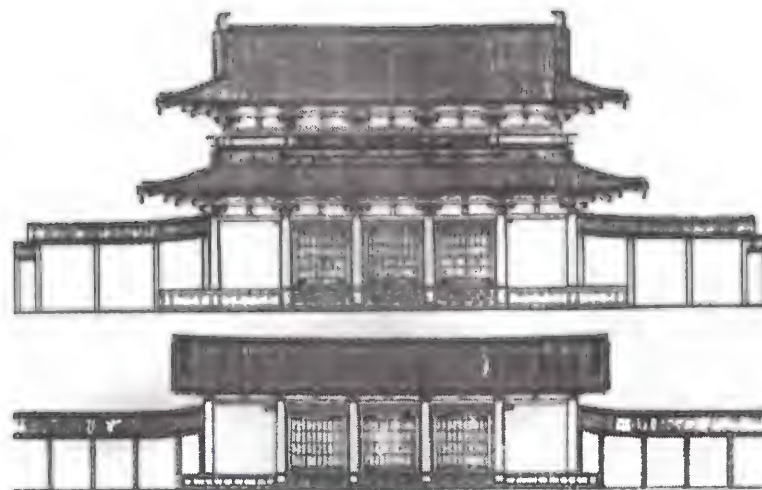

Иллюстрация 34. Ворота Судзакумон

В самом дворце и неподалеку от него было устроено несколько садов, служивших для развлечения императора и его ближайшего окружения. Верные китайским принципам устройства садово-паркового пространства, японские проектировщики обязательно предусматривали в таких садах пруды, окруженные соснами, сливами, персиками, ивами, сакурой, японскими кленами и другими деревьями.

Еще одним отличием от Чанъани был строительный материал: в Японии при возведении зданий камень и кирпич (за исключением стилобатов) практически не использовались. Весь город, включая дворцовый комплекс и буддийские храмы, строился из дерева, что делало его весьма уязвимым для огня, чему мы имеем немало исторических свидетельств. Учитывая к тому же сравнительную недолговечность дерева, можно смело утверждать, что ни одно здание того времени не дошло до нас в неизменном виде. Так что буддийские статуи, до сих пор бережно сохраняемые в многочисленных храмах Нара и ее окрестностей, обычно гораздо старше тех построек, внутри которых они находятся.

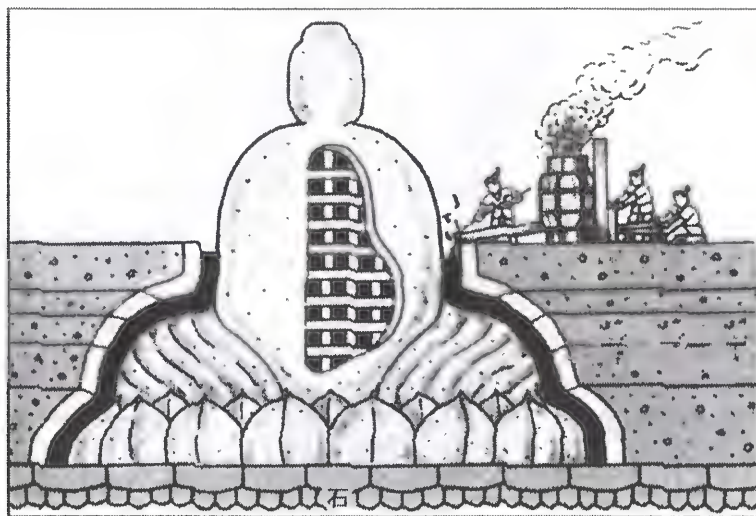

Иллюстрация 35. Процесс изготовления статуи будды Вайрочаны

В 720 г. в Нара насчитывалось 48 буддийских храмов. В это время в западной части столицы самыми крупными были То:сё:дайдзи и Якусидзи. В восточной — Ко:фукудзи, Ганго:дзи и Дайандзи. Некоторые из них (Якусидзи, Ганго:дзи) были перенесены в Нара из Фудзивара.

В то же самое время синтоистских храмов в городе, за исключением императорского дворца, практически не было. Это связано с тем, что синтоистские божества обладали магической силой только в месте своего первоначального обитания, будучи прочно связаны с определенным локусом. Самым же грандиозным храмом не только этого времени, но и вообще японской истории был То:дайдзи, расположенный на самом северо-востоке столицы (*гэкё*: — «внешняя столица»).

Храм То:дайдзи был возведен по обету Сё:му, принесенному им в 743 г. Строительство осуществлялось как на средства двора, так и на пожертвования. В храмовой хронике То:дайдзи («То:дайдзи ёроку», начало XII в.) указывается, что на возведение храма были собраны пожертвования от 51 590 человек, а на отливку статуи — от 372 075 человек. Строительство храма, за-

нимавшего площадь в четыре городских квартала Нара (около 90 га), действительно потребовало гигантских усилий. Достаточно сказать, что размеры «золотого павильона» (*кондо*), ныне самого большого в мире деревянного сооружения, составляют: высота — 49 м, длина — 57 м и глубина — 50 м.

Золотой павильон То:дайдзи горел в 1180 и 1576 гг. Последний раз он был заново отстроен в 1609 г. в масштабе 2 : 3 по отношению к первоначальному строению.

На выплавку сидячей статуи космического Будды Вайрочаны на пьедестале в форме лотоса пошло около 500 т меди, 2,5 т ртути, 440 кг золота. Работа по сооружению статуи началась в 747 г. и была завершена в 755 г. Высота статуи составляет 16 м (без учета высоты пьедестала).

Церемония «открытия глаз» (освящения) статуи Вайрочаны состоялась в 4-й луне 752 г., т. е. еще до окончательного завершения отделки статуи (существуют два предположения относительно такой торопливости: болезнь Сё:му и желание приурочить освящение статуи к двухсотой годовщине начала распространения буддизма в стране). Церемония проходила следующим образом. Через южные ворота храма вошли высокопоставленные монахи. Затем из восточных ворот появился в паланкине монах Бодай (Бодхисена, прибыл из Индии двумя годами ранее) с белым ритуальным зонгом в руках. Монах Рюсон появился с западной стороны, а чтецы сутр — с восточной. Подождя, когда все участники церемонии (государыня Ко:кэн, ее отец Сё:му, сановники, множество чиновников, около 10 тысяч монахов) займут свои места, Бодай подошел к статую и поднял кисть, к которой было привязано 12 пшуров (один из них, длиной в 215 м, до сих пор хранится в сокровищнице То:дайдзи — Сё:со:ин). Все присутствующие взяли за шнур, и тогда Бодай нарисовал в глазах статуи зрачки — теперь она стала «зрячей».

Рынки. Нара являла собой город, где активно проходили процессы обмена информацией и товарами. Из табличек-*мок-кан*, найденных в усадьбе принца Нагая, нам известно, что из дальней «восточной провинции» ему доставляли фиолетовый

краситель для его одеяний; морскую капусту — из узла Сима провинции Сима; рис — из Кудара в Сэццу; сушеное мясо — из О:хара в Идзумо; одежду — с островов Оки; овощи — из соседней провинции Ямасиро. При этом часть продуктов (скажем, молоко) могла покупаться на рынке за деньги. Известные на сегодняшний день документы показывают, что в усадьбу принца продукты и товары доставлялись по крайней мере из 19 провинций.

В городе существовало два рынка — «восточный» и «западный». Транспортировка товаров к рынкам осуществлялась по каналам (имели около 10 м в ширину), соединявшим реки Сахо и Ямато. В отличие от рынков в провинции (кроме прямого натурального обмена в качестве денежного эквивалента там выступали снопы риса, куски материи, самородное серебро) торговля на столичных рынках осуществлялась только за деньги. Кроме продуктов питания (рис, рыба, овощи, соль, водоросли и др.), на рынках можно было приобрести письменные принадлежности, буддийские сутры, одежду, посуду, украшения и т. д.

На этих рынках, управлявшихся государством (контроль над ценами, качеством продуктов, правильностью весов и т. д.), торговали как «профессиональные» купцы, так и само государство. Известно, что во времена Фудзивара-но Накамаро цены на рис резко возросли, и для их нормализации государству пришлось выбрасывать на рынок свои налоговые поступления. Поскольку натуральная плата чиновникам состояла из весьма ограниченного перечня продуктов, рынок был и для них необходимым источником нормального существования. На рынки Нара поступали также товары и от крупных буддийских храмов и управлений провинциями. Поскольку последние далеко не всегда могли выполнить налоговые задания по предписываемой номенклатуре продуктов и товаров, управителям провинций приходилось что-то продавать на рынках, чтобы докупить необходимые товары.

Все вышеперечисленные продавцы выступали также и в качестве покупателей. Это касается и государственных ведомств, поскольку ограниченные по своей номенклатуре налоговые поступления не могли обеспечить все потребности делопроизводства. Данные за 757 г., относящиеся к То:дайдзи, показывают, что во время исполнения в этом году особенно крупного «госу-

дарственного заказа» по переписке сутр закупки за рынком осуществлялись 7—8 раз в месяц (продукты питания для писцов, бумага, кисти, тушь и т. п.).

Чиновники сортировали товары по качеству на три категории. При этом цены на рынках также устанавливались соответствующими чиновниками, обязанными следить за тем, чтобы торговцы не повышали их. О важности рынков в жизни города свидетельствует тот факт, что, когда Сё:му в 740 г. перенес дворец из Нара в Куни, он немедленно распорядился и о переносе туда рынков. Столичный город, в котором обитало значительное количество людей, непосредственно не связанных с производительным хозяйством, не мог существовать без надлежащего обеспечения товарами из внешних источников.

Учитывая скопление народа, правительство использовало рынки и для публичных наказаний. Так, Ооно-но Адзумабито, участник мятежа Фудзивара-но Хироцугу (740 г.), был бит там палками (на каждом из рынков он получил по 50 ударов), после чего сослан. Бродяги, пищие и воры тоже, естественно, концентрировались в районе рынков.

В «Нихон рё:ики» рассказывается о женщине по имени Токари-но Убаи, у которой похитили переписанные ею сутры. После бывшего ей видения она отправилась на восточный рынок Нара, где ей была назначена встреча с тремя людьми в желтых одеждах, которых она увидела во сне. «Пришла на рынок, прождала весь день, да так никого и не дождалась. Только один бедняк явился через восточные ворота сутрами торговать. Он показывал их, говоря: “Кто-нибудь купит сутры?” Пройдя мимо Убаи, он вышел через западные ворота. Убаи захотелось купить сутры, и она отпустила слугу, чтобы он вернул бедняка. Она развернула сутры и увидела, что это были два свитка сутры “Бо:мо:кё:” (санскр. “Брахмаджала сутра” — “Сутра сетей Брахмы”) и один свиток сутры “Сингё:” (санскр. “Праджня парамита сутра” — “Сутра высшей мудрости”), что она переписала когда-то. Сутры похитили до их освящения, и она напрасно искала их многие годы. Ее сердце возрадовалось, и, хотя теперь она знала, кто похитил их, спросила: “Сколько ты хочешь за эти сутры?” Бедняк отвечал: “По пятьсот мон за каждый свиток”. Убаи заплатила, сколько он просил. И тут она уразумела, что три человека, с которыми она уговорила встре-

таться во сне, были тремя свитками сутр. Убаи устроила службу с чтением обретенных сутр и уверовала в карму еще более. С рвением читала она сутры, не зная отдыха ни днем ни ночью».

Как уже было сказано (см. главу «Экономика»), товарно-денежные отношения носили ограниченное распространение. Это касается как территории, на которой деньги обладали реальной покупательной способностью (столица и ближайшие пригороды), так и социального состава обладателей денег. Основной частью населения, которая действительно зависела от денежного дохода, были люди, мобилизованные на несение трудовой повинности в столице, а также низшее звено государственного аппарата. Оторванные от дома, т. е. лишённые непосредственного доступа к предметам потребления своего натурального хозяйства, часть своего довольствия они получали именно в денежной форме. Таким образом, обладание деньгами не могло служить показателем богатства и высоты занимаемого социального положения.

Условия труда горожан. Лучше всего документированы условия труда работников Управления по переписке сутр (Сякё:дзё). Существование этого Управления было обусловлено той государственной поддержкой, которая оказывалась в то время буддийской церкви. В состав Сякё:дзё входили работники пяти основных категорий. Во-первых, это были собственно переписчики (*кё:си*), наиболее многочисленная категория работников. Их число в разные периоды составляло от нескольких десятков до сотни человек. Во-вторых, это были работники «отдела кадров» (*сидзи*), занимавшиеся подбором переписчиков по результатам экзаменов (многие из них первоначально служили в других государственных учреждениях). В-третьих, персонал, обслуживающий труд переписчиков (*со:ко:*), в обязанности которого входило: подготовка предназначенной для копирования бумаги, окончательное оформление рукописи (брошюровка). В-четвертых, корректоры (*ко:сэй*). В-пятых, «художники» (*дай-си*), писавшие заголовки рукописей.

Сохранились данные по загруженности персонала Сякё:дзё — во всех правительственных учреждениях велся табель выходов на работу. Согласно подсчетам Сакаэхара Тобао, в среднем в один месяц работник Сякё:дзё по имени

Ното-но Осихито выходил на работу 22,5 дня в утреннюю смену и 20,6 раза — в вечернюю. Не совсем ясно, какое время занимала продолжительность рабочего дня при совмещении утренней и вечерней смен, но предполагается, что эта цифра превышала 10 рабочих часов. Что касается «настоящих» выходных, когда работник имел право покинуть общежитие и навестить семью, то данные по другому работнику — Урабэ-но Осио — показывают, что 2—3-дневный отпуск предоставлялся ему один раз в 2—3 месяца.

Интересны данные о причинах предоставления отпусков. Они показывают, что наиболее частый случай — это болезни. Подавая заявление, переписчики жаловались на боли в груди, пояснице, ногах. Однако самой распространенной причиной плохого самочувствия были различные желудочные расстройства. При этом пик заболеваемости приходился на 6—7-ю луны (приблизительно соответствует июлю-августу), т. е. в самое жаркое время года, когда продукты питания портятся быстрее всего. Кроме того, весьма часто встречаются жалобы переписчиков на кожные заболевания, причиной которых были, по всей вероятности, антисанитарные условия, в которых им приходилось жить. Несмотря на сравнительно часто предоставляемые отпуска для стирки одежды (это означает, что вблизи жилья чистой воды не было), при отсутствии эффективных средств дезинфекции такая стирка не могла избавить от грязи. Один из переписчиков жаловался на то, что предоставление новой одежды задерживается и старую ему приходится носить уже больше года. Мало того, что она превратилась в лохмотья. «Стираешь ее, а она все равно воняет», — заключает он.

В отличие от других государственных ведомств, где предоставлялись выходные дни один раз в 6 дней (5 раз в месяц), служители Управления по переписке сутр были лишены этой привилегии. Не распространялось на них и положение закона о предоставлении в 5-й и 8-й лунах (время пересадки риса и сбора урожая) 15-дневных отпусков для проведения сельскохозяйственных работ. Следует также помнить, что переписчики могли находиться на государственной службе достаточно длительное время.

Учитывая сказанное, можно заключить, что переписчики сутр принадлежали к той категории персонала государственных

учреждений, которая была наиболее оторвана от сельскохозяйственного производства (за исключением, разумеется, высшего чиновничьего слоя).

Помимо натурального довольствия, предоставляемого переписчикам, они получали и денежное жалованье. В условиях оторванности от дома оно было необходимым условием их существования. Об этом свидетельствуют сохранившиеся долговые расписки, в которых гарантией возврата долга выступают их будущее жалованье. В качестве займодавцев могли выступать как частные лица, так и государственные учреждения. В случае необходимости взять в долг обращались также и к буддийским храмам.

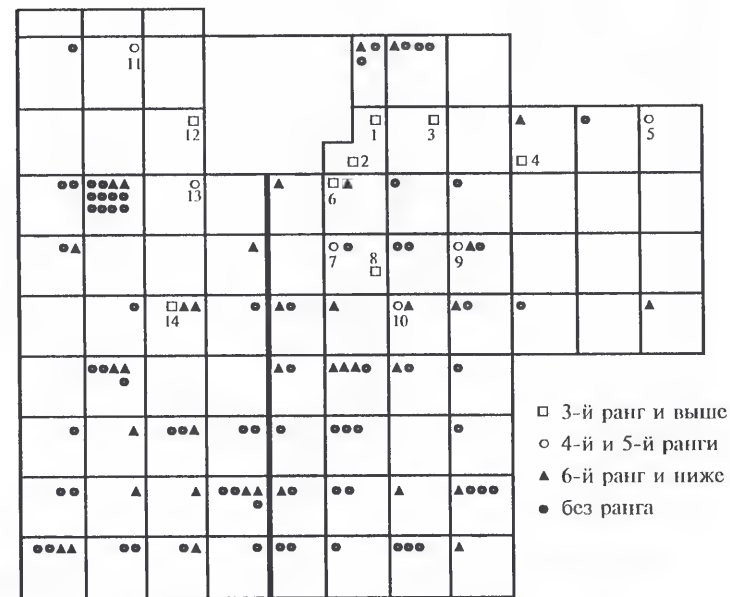
Жилищные условия. Земля была главным ресурсом, с помощью распределения которого древнее государство осуществляло контроль над населением. Земля для возведения жилых построек в Нара выделялась в зависимости от ранга и занимаемой должности. До самого недавнего времени о размерах участков в Нара мы могли судить лишь приблизительно по косвенным данным — раскопки в Фудзивара и педолговечной резиденции двора в Нанива (744 г.). Так, усадьба Фудзивара-но Фухито занимала в Фудзивара площадь в 4 *мё*, обладателям 4-го ранга полагался участок в 2 *мё*, 5-го — 1 *мё*, 6-го — от 1/4 до 1 *мё*. В Нанива участки были меньше: 1 *мё* (от 3-го ранга и выше), 1/2 *мё* и меньше для 4—5-го рангов, для 6-го и ниже — до 1/4 *мё*. Простые же горожане получали участок в 1/16 или 1/32 *мё* (т. е. приблизительно 870 или 435 кв. м соответственно).

Раскопки последних лет позволили получить некоторые конкретные данные и по Нара. Так, теперь известно, что усадьба принца Нагая, находившаяся (как и усадьбы других аристократов) в непосредственной близости от дворца, занимала площадь в 6 гектаров. Там размещалось множество строений, предназначенных не только для жилья, но и для выделки кожи, производства луков, переписки сутр и т. д. Обнаружены там и инструменты для работ с металлом. В усадьбах многих аристократов были устроены сады с прудами.

В «Мангё:сю» приводятся несколько стихотворений, посвященных ландшафтным садам в усадьбах. Вот одно из них, сочиненное Оотомо-но Якамоти во время пира в доме Накатоми-но

Киёмаро: «Белые волны бьются / О берег твоего пруда... / Так же и с тобой: / Сколько ни смотрю, / Не могу наглядеться».

Что касается «людей попроще», то территория их отдаленного от резиденции императора жилья занимала площадь приблизительно в 500 кв. м, где проживало от десяти и более человек. На таких участках обычно находилось два или три строения

- 3-й ранг и выше
- 4-й и 5-й ранги
- ▲ 6-й ранг и ниже
- без ранга

Иллюстрация 36. Месторасположение жилищ в Нара

Цифрами обозначены усадьбы следующих лиц: 1. Фудзивара-но Фухито (2-й старший ранг); 2. Фудзивара-но Маро (3-й старший ранг); 3. Исоноками-но Якацуцу (3-й старший ранг); 4. Ки-но Масунага (3-й младший ранг); 5. Принц Хироками (нижняя степень 5-го младшего ранга); 6. Принц Нагая (2-й старший ранг); 7. Принц Итихара (верхняя степень 5-го старшего ранга); 8. Фудзивара-но Накамаро (1-й старший ранг); 9. Оно Ясумаро (нижняя степень 4-го младшего ранга); 10. Абэ-но Симамаро (верхняя степень 5-го младшего ранга); 11. Соёи Дзю:си (верхняя степень 5-го старшего ранга); 12. Накатоми-но Киёмаро (2-й старший ранг); 13. Оварила-но Ясумаро (нижняя степень 4-го младшего ранга); 14. Принц крови Ниитобэ (1-й класс).

с соломенной (или покрытой дранкой) крышей и земляным полом. Правительство призывало горожан покрывать свои крыши черепицей, красить столбы киповарью, а стены — белить, однако эти указания не имели видимых результатов. Даже в усадьбе принца Нагая подавляющее большинство стросений черепицей крыто не было. Про жилища переписчиков сутр (а также других категорий мобилизованного для несения трудовой повинности населения) практически ничего не известно. Исходя из более поздних данных предполагается, что они проживали в «общежитиях» барачного типа.

Развлечения. Мы не располагаем большим количеством сведений относительно того, каким образом жители Нара проводили свое свободное время. Это связано с характером тех письменных источников, которыми мы располагаем. Почти все они отражают реалии государственной (придворной) жизни. Государство же, как известно, склонно монополизировать время своих подданных, и потому свободное время подданных освещается в официальных документах лишь косвенно и в минимальной степени. Однако некоторые сведения относительно досуга и развлечений извлечь из них (вкуче с данными исторической археологии) все-таки удастся.

Чиновники, т. е. образованные люди той эпохи, много времени проводили за занятиями, сопровождавшимися сочинением стихов. Свидетельством тому является первая японоязычная антология «Мангё:сю».

В корпус «Мангё:сю» входит 4516 сочинений, созданных по крайней мере за полтора столетия — с начала VII по середину VIII в. Более половины из них лишены авторской атрибуции. Остальные стихи принадлежат кисти около 530 авторов, большинство из которых представлены всего лишь одним или двумя стихотворениями. Среди авторов антологии императоры и члены правящего рода, чиновники, придворные дамы, пограничные стражи, монахи и монахини. Стихи записаны иероглифами, употреблявшимися фонетически (так называемая *мангё:гана* — знаки «Мангё:сю»), что позволяло передать звуки живой речи. Главной поэтической формой «Мангё:сю» является *танка* (31 слог), хотя встречаются *сёдока* (38 слогов) и *нагаута* — «длинные песни» (длина песни не ограничена).

Больше всего в антологии стихов членов древнего рода Оото-мо. Стихов представителей другого, наиболее влиятельного рода — Фудзивара — намного меньше. Зато в китаезычной антологии «Кайфу:со» (751 г.) стихи Фудзивара доминируют. Это говорит о том, что составление «Мангё:сю» явилось в значительной степени актом политическим: это был ответ «ревнителей старого» на вызов, брошенный им поборниками китайской образованности (о роли Фудзивара в деле распространения китайской образованности см. главу «Политическая история»).

Название «Мангё:сю» расшифровывается двояко: «Собрание в десять тысяч листьев» и «Собрание десяти тысяч поколений». Первое толкование подчеркивает, что в антологию входит очень много стихов, второе акцентирует столь значимую для японской культуры идею преемственности между поколениями. Не исключено, что многовариантность прочтения названия входила в замысел составителей.

Поэзия «Мангё:сю» имеет переходный характер — от фольклорного к авторскому творчеству. В связи с этим и формы ее бытования также удерживают связь с прошлым временем. Огромное число стихотворений антологии представляют собой своеобразную поэтическую переключку (диалог) — они были сложены во время какого-то коллективного действия. Это могло быть совместное любование цветением сливы или осенним пейзажем, это могло быть и повеление императора или другого высокопоставленного лица, это мог быть пир, это мог быть поэтический диалог между влюбленными. Стихотворение сочинялось мгновенно и тут же оглашалось. Недаром поэта в древности называли *эми-бито* — «человек оглашающий». Только после оглашения стихотворение записывалось и начинало существовать как письменный текст (точно такой же была процедура создания «Кодзики» — см. главу «Письменные источники по истории и культуре Нара»).

Со времен Нара сочинение экспромтом считалось литературной пормой поэтического творчества. Об этом свидетельствует и практика поэтических турниров эпохи Хэйан, и средневековые коллективные «сессии» по сочинению *рэнга* — «панизанных строф». Считалось, что сочинение «загодя» не может привести к удовлетворительному эстетическому результату. Более тысяче-

тия спустя знаменитый поэт Басё (1644—1694) все еще продолжал писать о том же самом: «Создание стихотворения должно происходить мгновенно, как дровосек валит могучее дерево, или как воин кидается на опасного противника, точно так же, как режут арбуз острым ножом или откусывают большой кусок от груши» (пер. Т. И. Бреславца). Нормы сочинения поэзии (которая считалась ведущим жанром творчества и задавала основные параметры для других искусств) обусловили и родовые черты японской культуры в целом: спонтанная работа сочинителя прозы и художника считалась делом само собой разумеющимся.

Сочинение стихов на пиру, сопровождавшееся винопитием, безусловно, не случайно. Ведь вино — это изначально тот напиток, с помощью которого возможно приводить себя в шаманский транс, слышать и передавать речи богов. Стихи — это ведь тоже «изобретение» богов. Не случайно мифологическая традиция приписывает изобретение *танка* богу Сусаноо, одним из подвигов которого была победа над восьмиглавым змеем, которого он предварительно опоил, поставив перед каждой головой сосуд с сакэ. В светской культуре Нара вино воспринимается как стимулятор поэтического творчества.

Широко было распространено и бытовое пьянство. При раскопках дворца Нара была найдена чаша, на которой написано: «А если какая кухарка чашу без спросу возьмет, получит 50 ударов бамбуковой палкой». И подпись: «Таро-пьяница».

Сакэ (рисовое вино), похоже, считалось универсальным лекарством от всех болезней. Сохранился черновик «докладной записки», поданной одним из писцов Управления по переписке сур. Она представляет собой перечисление тех невзгод, которые приходится переживать писцам. Там говорится о «кризисе неплатежей»: новую одежду не выдавали со 2-й луны прошлого года, а старая превратилась в лохмотья. Далее писец просит о предоставлении пяти выходных в месяц, о том, чтобы их кормили «белым рисом», а не неочищенным, и предоставляли бы качественную бумагу. Одна из просьб особенно интересна. «Поскольку сижу целый день не разгибаясь, болит грудь, затекают ноги. А посему прошу раз в три дня доставлять мне сакэ».

Иллюстрация 37. Чаша «Таро-пьяница»

В «Манъё:сю» имеется большое количество стихов, воспевающих вино. Представлен, например, целый цикл из 13 стихотворений Оотомо-но Табито. В одном из них говорится:

Как же противен
Умник, до вина
Не охочий!
Поглядишь на него —
Обезьяна какая-то...

Неудивительно, что при таком благожелательном отношении к винопитию в более позднее время стали устраиваться настоящие питейные «турниры». На одном из них главной наградой победившему стал прекрасный конь. И в настоящее время японская культура относится к винопитию без осуждения.

На территории самого императорского дворца обнаружена винокурня, а в документах Сё:со:ин содержится упоминание о 15 сортах сакэ. Это сакэ использовалось как для ритуальных (сакэ и поныне остается одним из основных приношений синтоистским богам), так и для бытовых целей.

На территории дворцового комплекса недавно был также обнаружен пруд S-образной формы. Дно его устроено с небольшим

уклоном, сообщающим воде неспешное течение. Этот пруд использовался для проведения игрового действия китайского происхождения, имевшего название *гокусуй* («искривленная вода»). Суть его заключалась в следующем. Сверху по течению пускалась деревянная чарка с сакэ. Одновременно с этим выкрикивалась тема стихотворения. Играющий (играющие) сидел внизу по течению. Время, за которое чарка доплывала до него, отводилось ему для сочинения стихотворения. Если он успевал сделать это, он выпивал чарку. Если нет — оставлял ее нетронутой.

Однако власть все-таки беспокоилась о трезвости своих подданных. В указе 757 г. содержится запрет на употребление сакэ во всех случаях за исключением синтоистских празднеств и болезней. Запрет мотивировался тем, что люди в пьяном виде ругают правительство и устраивают дебоши. Еще одной причиной запрета было повышение в то время цен на зерновые — сырье для производства алкоголя. Однако, как показывают более поздние наблюдения за правами, данный указ не возымел практически никаких последствий.

Среди аристократов большой популярностью пользовалась соколиная охота. Среди *ханьва* имеются изображения ловчих птиц, что свидетельствует о распространенности соколиной охоты уже в курганный период. Существовали и корпорации (*бэ*) сокольников. Этот вид охоты прошел длинный путь, прежде чем попал в Японию (Сибирь — Китай — Корея). При раскопках усадьбы Нагая были обнаружены *моккан*, свидетельствующие о доставке туда мышей, зайцев и воробьев. Наряду с кониной и курятиной они привозились в усадьбу в качестве корма для ловчих птиц. Судя по всему, соколиная охота была распространена только среди высшей аристократии и служила, таким образом, одним из знаков социальной выделенности.

В те периоды, когда влияние буддизма при дворе бывало особенно сильным, следовали указы по запрещению соколиной охоты. Однако и в более поздние эпохи в Японии увлекались ею. Известно, например, что страстным любителем соколиной охоты был сёгун Токугава Ияэсу (1542—1616).

Из настольных игр наибольшее распространение имели *го* и *сугороку*. *Го* — это род шашек. Они были изобретены в Китае

около 3000 лет назад. На игровой доске изображено 19 вертикальных и 19 горизонтальных линий, образующих 361 пересечение. Партнеры играют 361 «каменем» (фигурой) — 180 «белых» и 181 «черный» (лишний «черный» камень компенсирует преимущество первого хода «белых»). Играющие поочередно выставляют «камни», стараясь «огородить» сплошной линией часть доски. Окруженный со всех сторон «камень» соперника снимается с доски. Победителем считается тот, кому удалось занять своими фигурами большее пространство на доске. *Го* не считали азартной игрой, и даже монахам, согласно законодательству, играть в *го* не возбранялось. Народная легенда утверждает, что *го* завез в Японию Кибин-но Макиби, однако на самом деле игра была известна по крайней мере с VII в.

На доске для игры в *сугороку* изображен «маршрут» в виде препятствий и облегчающих его прохождение знаков. Поочередно бросая кости, партнеры передвигают фишку по клеткам поля в соответствии с выпавшим числом. Выигравшим считается тот, кто быстрее достигает края поля. Эта игра была изобретена в Индии. В Японии она считалась азартной. В «Сёку ни-хонги» сообщается о том, что между разгоряченными игроками случались ссоры и даже убийства. Неудивительно, что в 757 г. был выпущен запрет на эту игру. В указе утверждалось: нерадивые чиновники увлекаются *сугороку* до такой степени, что дети перестают слушаться родителей, что наносит ущерб Пути сыновней почтительности.

Обряды жизненного цикла. В древнем обществе (точно так же, как и в современном) существуют четыре основных обряда жизненного цикла, связанных с рождением, совершеннолетием, браком и смертью.

В нарской Японии основным (во всяком случае, из известных нам) обрядом, относящимся к рождению ребенка, было захоронение послета. Его закапывали либо возле входа в жилище, либо определяли благоприятное место при помощи гадания. Хотя высказываются мнения относительно происхождения этого обычая еще в период яёй, в VIII в. этот обряд проводился согласно китайским установлениям. Захоронение послета осуществлялось в керамическом сосуде. Вместе с ним в этот сосуд вкладывали пять монет, кисть и тушь — символы успешной чиновничьей карьеры. Кроме того, пять монет рассматривались в

даосской традиции как приношение богам четырех сторон света и богу центра.

Достижение совершеннолетия включало в себя две стадии: наступление брачного возраста и наступление возраста, когда становится возможным обладание правами и отправление обязанностей, связанных с деятельностью государства.

Законодательными кодексами минимальный возраст вступления в брак определялся в 13 (для девушек) и 15 (для юношей) лет. Обряд совершеннолетия (*гэмпукэ*) сопровождался изменением прически и переходом на «взрослый» головной убор. «Государственная» функция человека — новое явление, связанное с формированием централизованной государственной организации. Оно материализуется в праве на земельный падел (начиная с шестилетнего возраста) с одновременной регистрацией в подворных списках. Полностью взрослым человек становился в 21 год, когда получал обязанность/право платить налоги и отправлять трудовую повинность. Возраст начала чиновничьей службы также определялся в 21 год.

Законодательство Японии относительно брачных отношений почти полностью соответствует строгим нормам Танского права, вдохновленного моральными нормами конфуцианства. Однако практически все исследователи единодушны в том, что эти статьи кодекса практически не «работали», поскольку разница в моральных представлениях и обычаях между Китаем и Японией была чересчур велика.

Наши сведения относительно реально бытовавших брачных отношений в нарской Японии ограничиваются по преимуществу высшими придворными слоями. Судя по всему, брачные отношения в их среде отличались большой степенью «свободы». В первую очередь это относится к императорам, обладавшим, помимо «главной жены» (императрицы), тремя санкционированными законом «младшими женами» (на деле количество брачных партнерш могло быть и больше). То есть брачные отношения императора можно определить как полигинические. Главной «общественной» функцией такого рода брака в древнейшее время является увеличение численности (а вместе с этим и определяемой ею влиятельности) рода, а также установление максимально возможного количества родственных связей с тем, чтобы осуществлять контроль над родами, которые предостав-

ляют невест. Эта традиция обладает большой инерцией (так, у императора Сага, 809—823, было около 50 детей), что приводило к безграничному разрастанию правящего рода, увеличению аристократического слоя. В значительной своей части он был обречен на непроизводительное существование, поскольку даже в разбухающем государственном аппарате для многих аристократов (и даже членов правящего рода) не хватало должностей. Однако их материальное обеспечение должно было находиться на предписанном законодательством уровне, что, безусловно, подрывало состояние государственных финансов.

Кроме того, первоначальный смысл полигинического брака императора превращался в свою противоположность и еще в одном смысле. Существовали роды, которые пытались использовать установление брачных связей уже для контроля над самим императорским родом. Как уже указывалось, в древней Японии существовал обычай авункулата: главная жена императора представляется постоянным родом-партнером, глава которого имеет огромное влияние на сыновей от брака его дочери и члена императорского рода. Как известно из этнографических данных, обычно авункулат сопровождается переходом ребенка в семью матрилинейного дяди (разновидность обычая, известного как «воспитательство» или «аталычество»). Нечто подобное этому обычаю было распространено и в древней Японии.

Мы не знаем, каким образом принимались решения относительно супругов и младших жен государя, однако не подлежит сомнению, что основным критерием отбора должен был являться политический.

Брачные отношения среди высшей аристократии моделировались похожим образом. Глава рода или клана обладал как «главной» женой, так и некоторым количеством «наложниц».

Практически всегда заключению брака предшествовала стадия ухаживания (мужчина посещал дом женщины), которое, в случае обоюдного согласия, заканчивалось физическим соединением (в Китае добрачная связь квалифицировалась как преступление). Именно на этой стадии сочинялось множество стихов, часть из которых вошла затем в поэтические антологии (в том числе и в «Манъё:сю:»). При этом партнеров у каждого из них могло быть несколько. Формальных требований к заключению брака, как это явствует из хэйанской литературы, было

три: подарки невесте (именно невесте, а не ее семье, что говорит о достаточно большой самостоятельности женщины), церемониальное угощение (устраивалось в доме невесты после проведения там женихом трех ночей) с вкушением рисовых лепешек (*моти*), устное согласие родителей. Судя по всему, никакой письменной регистрации такого «брака» не проводилось, т. е. брачные отношения строились в соответствии с обычным правом.

После заключения брачных уз муж и жена какое-то время проживали раздельно: обязанностью мужа было периодическое посещение жены по почтам. Хотя законодательство резко ограничивало возможности жены по разводу, но, вероятно, эта китайская установка на ограничение прав женщины входила в открытое противоречие с реально существовавшими нормами обычного права, и потому комментарий к законодательству разрешает развод в случае непосещения мужем жены в течение трех месяцев.

По сравнению с Китаем женщина в Японии обладала намного большими правами. Это, в частности, находит свое выражение в том, что в Японии (в отличие от Китая) женщины обладали придворными рангами (хотя сфера их применения и была ограничена дамами, служившими непосредственно при дворе). Причем на такой ранг (с соответствующим материальным обеспечением) имели право как незамужние, так и замужние женщины. Социальный статус последних с замужеством не менялся. Именно достаточно высоким и самостоятельным статусом женщин объясняется та значительная роль, которую сыграли женщины-императрицы в политической истории Японии VIII в., в чем можно видеть рудименты дореформенных традиций. Однако с течением времени под влиянием китайской в своей основе системы воспроизводства слоя управляющих-чиновников положение женщины становится существенно более отстраненным от принятия решений, поскольку на женщин не распространялась концепция «теневых рангов» и они не имели доступа в школы чиновников.

Обычно супруги начинали совместное проживание (строили собственный дом) после рождения ребенка (хотя это и не было обязательным). При этом они обычно селились на земельном участке жены или же на новом участке. Бывало, что они занимали

дом родителей жены, а ее родители отселялись (в основном это практиковалось по отношению к старшей дочери, хотя существоют и исключения из этого правила). Проживание на одном участке (в одном доме) замужних сестер не возбранялось. Что касается мужчин, то не допускалось совместного проживания родителей и женатых сыновей, а также женатых братьев на одном участке. Таким образом, брак в древней Японии имеет сильно выраженную матрилокальную окраску. Случаи переезда жены ограничиваются перемещением на родину мужа (одновременно со строительством там нового жилища), что, безусловно, является одной из разновидностей патрилокальности.

Каждый из супругов обладал своей долей в имуществе, наследуемой (получасмой) ими от отца и матери отдельно. Зафиксировано немало случаев, когда имущество жены (земля, рабы) превышало имущество мужа, причем она обладала правом распоряжения им (продажа, завешание). Однако условием реализации этого права (точно так же, как и в случае с мужчинами) было согласие кровных родственников. При заключении брака жена не меняла своей фамилии, т. е. фактически продолжала быть членом своего прежнего рода. Вместе с тем не следует забывать, что документы содержат и факты совместного супружеского управления собственностью. Получается, таким образом, что не существовало единой модели управления собственностью — очень многое определялось конкретными жизненными обстоятельствами.

После заключения брака муж обладал большой свободой. Он мог посещать и других женщин, причем, судя по всему, это не подвергалось общественному осуждению. Дети от таких связей воспитывались, как правило, в доме матери, но получали фамилию отца (данный случай можно рассматривать как разновидность «воспитательства»).

Процесс «развода» был также достаточно простым. Фактически в Японии не существовало моногамного брака. Брак этого времени был «парным», т. е. заключавшимся на определенное время. В связи с этим не существовало и понятия «внебрачные дети». Все потомки реально обладали приблизительно одинаковыми правами. Так, например, Агатаинукаи-но Митиё сначала была «замужем» за принцем Мину, потом — за Фудзивара-но Фухито. Сын от ее первого брака, принц Кад-

зураки (известный впоследствии как Татибана-но Морозэ), был главным царедворцем при Сё:му, а рожденная от Фухито дочь Ко:мё: стала супругой Сё:му и играла очень активную роль в придворной жизни.

В древней Японии не существовало экзогамии в строгом смысле этого слова. Браки между представителями одного рода (Фудзивара, Оотомо) были вполне обычны. Браки между единокровными братьями и сестрами от одного отца, но разных матерей фиксируются достаточно часто. Тенденция внутриродовых браков обычно объясняется нежеланием дробления собственности, принадлежащей роду, поскольку каждый член этого рода (включая женщин) имел свою долю в этой собственности.

В то же самое время браки между единоутробными (от одной матери, но разных отцов) братьями и сестрами строго запрещались. Табуирование некоторых видов браков между родственниками провозглашается в молитвословии (*норито*), исполнявшемся по случаю ритуала «великого очищения» (*оохараэ*), который отправлялся в последние дни 6-й и 12-й лун. Среди «земных преступлений» там фигурируют запрет на связи с собственной матерью и дочерьми, с матерью жены и ее дочерьми от другого отца.

В VIII в. существовали самые разные способы погребения. Это было связано с реальным сосуществованием различных культурных традиций: местной (синтоистской), буддийской и китайской (представляла собой амальгаму из конфуцианских и даосских представлений).

Трупосожжение по буддийскому обряду, видимо, начало практиковаться с конца VI — начала VII в. Первое письменное свидетельство относится к 700 г., когда был кремирован монах До:сё:. Кремация императоров начинается с 702 г. (Дзито:). Его прах, находящийся в урне, был захоронен в том же самом кургане, что и ее супруг Тэмму, похороненный в гробу (наличие других подобных подзахоронений подтверждается археологически). Известно, что после Дзито: кремации подверглись Момму, Гэммэй и Гэнсё:. Следует, однако, помнить, что кремированию Дзито: все-таки предшествовали синтоистские ритуалы во временной усыпальнице *могари-но мия*, продолжавшиеся целый год. Эта же модель похорон (*могари-но мия* + кремация) использовалась и в случае с последующими госуда-

рями: Момму (период временного захоронения составлял полгода), Гэммэй (7 дней). Их похороны сопровождались пышными службами в буддийских храмах. Таким образом, можно говорить о том, что срок нахождения тела покойного в *могари-но мия* сокращался. Имеет тенденцию к упрощению и синтоистский элемент похоронного обряда (оплакивание, провозглашение эпитафий, ритуальные песни и танцы). Самым консервативным элементом синтоистского обряда погребения оказалось присвоение многосоставного посмертного имени «японского типа» (прослеживается до государя Дзюнна, скончавшегося в 840 г.). Распространение кремации наблюдается также и среди других социальных страт. Однако переход к кремации происходит далеко не сразу. Известно, например, что даже такой ревнитель учения Будды, каковым был Сё:му, не был кремирован.

Кремации подвергались не только японские правители, но также и аристократы. Были кремированы такие высокопоставленные особы, как Фудзивара-но Фухито, его сын Мутимаро, дочь Мияко. Для некоторых случаев обязательность кремирования была закреплена законодательно. Так, должны были быть кремированы умершие вне пределов своих родных мест воины, мобилизованные для несения трудовой повинности, командированные чиновники. При этом предписывалось, что только урны с прахом лиц высокого социального статуса могли быть отправляемы на родину для окончательного захоронения.

Буддийские этические представления о загробном существовании (когда каждому положено место в раю или аду в зависимости от его прижизненных деяний) постепенно вытесняли синтоистские (любой человек является объектом поклонения вне зависимости от степени добродетельности). Поэтому и похоронный обряд, и конкретные формы его осуществления также стали постепенно переходить в компетенцию буддийских священников. Синтоистские же жрецы отвечали за проведение ритуалов, связанных, по преимуществу, не с концом какого-то отрезка времени, а с его началом (рождение ребенка, совершеннолетие, свадьба, восхождение на престол). Такое же разделение функций между двумя религиями характерно и для современной Японии (кремация сейчас закреплена и законо-

дательно из-за соображений экономии территории). Поэтому в японском народе шутливо поговаривают, что в этой стране нет предприятней более стабильных, чем буддийские храмы, ибо именно они являются организаторами похорон.

Обитатели Нара существовали в условиях реальной поликультурности. Сосуществование разных культурных традиций, возможно, лучше всего может быть проиллюстрировано на примере захоронения Ооно Ясумаро, составителя «Кодзики».

Это погребение было обнаружено в 1979 г. на горе Такамадо (неподалеку от Нара). В этом районе располагается довольно много захоронений императоров и аристократов. В расположении и устройстве погребения Ясумаро можно усмотреть идеи, свойственные синтоизму, буддизму и даосизму. Во-первых, тело Ясумаро было подвергнуто кремированию (буддизм). Расположение могилы на склоне холма и предание кремированных останков земле в деревянном гробу (а не в погребальной урне) следует отнести к принадлежности синтоистского погребального комплекса. Наличие в погребении медной таблички (с указанием местожительства, ранга, имени, даты смерти и похорон), которая ориентирована в направлении севера и повернута своей лицевой стороной к земле, свидетельствует, по авторитетному мнению Вада Ацуму, о том, что адресатом этой надписи было даосское божество земли, ведающее делами потустороннего мира. Расположение могилы на южном склоне горы говорит об ориентированности захоронения в соответствии с представлениями китайской геомантии. Согласно надписи на табличке, между днем смерти и днем похорон прошло 5 месяцев, т. е., по всей вероятности, это время было посвящено оплакиванию покойного по синтоистской модели погребения *в могари-но мия*.

* * *

В отличие от столицы Фудзивара, территория которой после переезда двора в Нара была практически сразу занята рисовыми полями, в Нара (после постройки Хэйан) этот процесс занял несколько больше времени. Уже после перемещения в Нагаока (784 г.) в 792 г. для охраны «старого дворца» в Нара были

посланы стражники. В 794 г. двор переехал в Хэйан. В 809 г., в правление Сага, там была построена резиденция для бывшего императора Хэйдзэй. А в 810 г. был даже издан указ о возвращении столицы в Нара, который, правда, не был претворен в жизнь. И только после смерти Хэйдзэй (824 г.) Нара окончательно потеряла всякое государственное значение. В IX—X вв. почти вся территория «старой столицы» превратилась в возделываемые поля. Единственным исключением оказалась северо-восточная часть Нара («внешняя столица»), где продолжали свое существование крупные буддийские храмы: Тодайдзи, Кофукудзи, Гангодзи. Кроме того, там находился Касуга-тайся — родовой синтоистский храм Фудзивара. В связи с тем что новая столица Хэйан располагалась севернее Нара, поселение вокруг Нарского храмового комплекса стали называть «южной столицей». Именно этот комплекс образует ныне центральную часть города Нара. Тем не менее достаточно быстрое запустение Нара доказывает, что для естественного развития городов как центров торговли и ремесла экономические условия в Японии еще не сложились. Нара была и оставалась городом при императорском дворе, полностью завися от состояния дел в нем.

С переносом столицы в Хэйан период «кочевого двора» был окончательно завершен: новое строительство для разбухавших государственных структур требовало слишком много времени и средств.

Императорский дворец располагался в Киото (Хэйан) до 1869 г., когда он был перенесен в Токио. Поскольку перенос дворца не был оформлен соответствующим императорским указом, до сих пор некоторые ревнители старины считают, что для местонахождения дворца в Токио отсутствуют законные основания.

Глава 15

Государство и информационные процессы

Скорость и интенсивность протекания информационных процессов представляют собой чрезвычайно важный признак устойчивого развития общества. Только при наличии разветвленных

информационных сетей обеспечивается надежная передача навыков, умений, технологических новаций, идей, распоряжений «правительства» и т. д. Осуществление этого коммуникативного процесса отчасти происходит за счет самоорганизации общества на микроуровне, однако в масштабах страны трудно переоценить организующую роль государства. Разумеется, государство преследует при этом прежде всего свою собственную выгоду: необходимость держать в повиновении определенную территорию, контролировать трудовые ресурсы и обеспечивать бесперебойное поступление налогов диктуют его объективную заинтересованность в создании медиаторов, опосредующих отношения между правителем и подданными, между центром и периферией.

Выбор определенных типов медиаторов (их можно подразделить на два главных типа — насильственное и информационное воздействие) оказывает огромное влияние на весь последующий исторический и культурный процесс. Там, где был сделан выбор в пользу силовых отношений (скажем, в России), ситуация существенно отличается от положения в тех традициях, где определяющим способом взаимного воздействия стала информация (указы, приказы, инструкции и т. п.). Разумеется, не существует «чистых» вариантов — силовые и информационные отношения дополняют друг друга. Но своеобразие конкретной культуры в значительной степени определяется соотношением между различными типами медиаторов.

Похоже, что начиная со второй половины VII в. в Японии (после отказа от военного присутствия на Корейском полуострове и завершения ожесточенной борьбы за верховную власть среди различных представителей правящего рода, когда престол занял Тэмму) делается стратегический выбор в пользу письменных средств коммуникации как основного средства управления. Общегосударственное информационное поле, обеспечивающее общий фонд памяти с помощью школьного образования на основе общей для подданных знаковой системы (иероглифической письменности), все более вытесняет установку на применение силовых методов (хотя мы совершенно не намерены сбрасывать их со счета).

Чрезвычайно характерно, что постоянный эпитет государя — *касикоси* («грозный»), фиксируемый мифологическо-легионными сводами «Кодзики» и «Нихон сёки», постепенно

сменяется на *ясумисиси* — «правлящий с миром» или «ведущий восемь углов (направлений)». Первоначально под этим термином подразумевался сакральный дар видения чего бы то ни было — в силу того, что император способен контактировать с миром богов. В поэтической антологии «Манъё:сю» зафиксировано 27 случаев употребления этого эпитета. Наглядным символом этого был восьмиугольный трон государя. Однако логика интеллектуального развития человека с неизбежностью приводила к дополнению сакрального «ведения» более прагматическим знанием. В период Нара оно уже обеспечивалось широко разветвленным бюрократическим аппаратом. Одной из его основных задач было знание того, что творилось в стране, знанием, на основе которого принимались решения. Это знание добывалось на сей раз путем осуществления коммуникации между государственными институтами власти.

Совершенно понятно, что массовый обмен письменной информацией мог быть обеспечен только при условии организации планомерного процесса обучения. И действительно, школы чиновников создаются в Японии достаточно рано: столичная — в 670 г. (около 450 учеников), провинциальные — в 701 г. (с числом учеников от 24 до 60). Кроме того, существовали школы медицины и астрологии (общее число учеников — около 110). Если учесть, что какое-то количество буддийских монахов получало образование при монастырях, станет понятно: система образования (в весьма значительной степени инициированная государством и поддерживаемая им в работоспособном состоянии) отличалась размахом, достаточным, чтобы обеспечить реальное функционирование письменности как средства управления и коммуникации.

Усвоение единого корпуса китайских (законы, хроники, философско-дидактические произведения) и японских (законы текстов государственной мысли (для чиновников) и памятников буддийского содержания (для монашества)) создавало единую культурную память, без которой невозможно формирование общенациональной культуры. Исследования последнего времени показывают, что приобщение японцев к достижениям континентальной цивилизации и культуры в очень значительной степени обеспечивалось (в особенности начиная с VIII в.)

не столько личными контактами, сколько с помощью письменных каналов информации: ввоз книг, их переписывание и распространение. Именно в это время формируется отношение к письменному слову как к основному возможному источнику информации. Именно с этим связано прослеживаемое на всем протяжении японской истории желание к овладению письменностью самыми широкими слоями населения.

Государство и информационные процессы. В самом общем виде основных партнеров по коммуникативному процессу внутри Японии можно подразделить на две категории: центральные ведомства (т. е. учреждения, располагавшиеся во дворце «императора» в Нара) и местные органы власти (Управления провинций — *кокуфу*, Управления уездов — *гунга* и сел — *сато*). Властная вертикаль была образована строго иерархически, закреплена законодательно, и поэтому ни один орган не обладал свободой в выборе партнера по коммуникативному процессу. Центр имел своим партнером провинцию, провинция — уезд, уезд — село. Документы, исходящие из вышестоящего ведомства, назывались *дзэ*; а донесения из нижестоящего — *эс*. При этом обмен документами не мог, как правило, осуществляться по горизонтали — скажем, между отдельными провинциями или уездами. В случае же, если партнерами по коммуникативному процессу выступали все-таки одинаковые по своему статусу учреждения, то такие документы назывались *и*. Обычно это были документы, для передачи которых до адресата требовалась промежуточная инстанция, — например, если путь документа из центра до конечного адресата лежал через несколько провинций. В таком случае в управлении «промежуточной» провинции составлялся сопровождающий основное послание документ, в котором указывалось, что этот документ действительно доставлен и теперь отправляется далее по соответствующему маршруту.

В зависимости от ситуации каждое ведомство могло выступать то в роли источника, то в роли получателя информации. Таким образом осуществлялась обратная связь в этой организованной государством коммуникативной системе. Однако характер посылаемой информации, естественно, различался в зависимости от положения на коммуникативной вертикали. Вышестоящие органы порождали распоряжения, нижестоящие — отчеты о «проделанной работе» и донесения различного рода.

Примером того, какие документы циркулировали между провинцией и центром, может послужить сохранившийся до нынешнего дня список тех документов, которыми в 734 г. обменивалась провинция Идзумо со своими партнерами по коммуникативному процессу. Этот документ носит название «Идзумо-куни кэй-кайтё» («Реестр документов провинции Идзумо»). Он был привезен в столицу управителем провинции в 10-й луне. В этом реестре перечислены все «входящие» и «исходящие» за год документы, связанные с функционированием Управления провинции Идзумо. К входящим документам следует отнести прежде всего распоряжения вышестоящих ведомств (Дадзё:кан, восьми министерств, других вышестоящих организаций). Например, распоряжение Военного министерства о необходимости прислать стражника для охраны дворца взамен сбежавшего Кацу-бэ-но Оми Отомаро (отправлено 23 числа 3-й луны, доставлено 10 числа 4-й луны). В ответ на это распоряжение Управление Идзумо отправило исходящий документ от 20 числа 4-й луны, свидетельствующий о том, что такой стражник в сопровождении армейского пятидесятника по имени Окикабэ-но Оми Мидзуса-си в столицу послан. Документы такого толка поступали в конечном счете в Дадзё:кан. После истечения трехлетнего срока хранения они уничтожались (разрезались на удобные для письма листочки и использовались в качестве «обороток»).

В качестве документа образца «*и*» можно привести следующий пример. Восьмого числа 4-й луны в Управлении Идзумо были получены два документа из Министерства народных дел (Мимбусё) и один — из Военного министерства (Хё:бусё). Эти документы были адресованы в соседнюю с Идзумо провинцию Хо:ки, а также в провинцию Оки, в связи с чем делопроизводителями Идзумо сделана запись о получении этих документов и об отправке их по назначению. Содержание документов таково: представить одного работника взамен сбежавшего от несения трудовой повинности и отремонтировать склад для хранения зерна.

Кроме того, в состав «Реестра» входили и другие документы. Например, перепись домашней птицы и лошадей, составленная по требованию центра.

За два месяца до упомянутого визита управителя Идзумо в Нара он доставил в столицу еще 18 свитков документов, имев-

ших отношение к налогообложению во вверенной ему провинции (списки тяглого населения и освобожденных от налогов в связи с трауром по родителям, списки лиц преклонного возраста и инвалидов, а также список рабов, сменивших своего владельца).

Дорожная инфраструктура. Создание единого общегосударственного информационного поля сопровождалось значительной активностью в области создания дорожной инфраструктуры (т. е. дороги играли роль «канала информации»). Создание дорожной сети было одним из наиболее значимых государственных проектов (наряду со строительством столицы, Управлений провинций и уездов, многочисленных буддийских храмов) по формированию антропогенной среды обитания. Дорожная сеть была призвана облегчить обменные процессы между центром и периферией, между отдельными регионами, различными хозяйственными укладами. Однако, судя по всему, планомерное строительство дорожной сети было начато не ввиду экономической потребности в ней периферии (дороги, обеспечивавшие местные нужды, возникли ранее «естественным» образом без всякого вмешательства правительства), но поскольку они были нужны прежде всего центру — исходя из соображений престижности, управленческих и военных нужд.

Еще в начале VII в. (в правление Суйко) было проложено несколько прямых дорог. Одна из них соединяла расположенные в Асука резиденции японских правителей с Нанива, где находилась морская гавань, куда прибывали китайские и корейские послы. Другие дороги, построенные позднее, соединяли Фудзивара и Нара. О выдающемся значении, придававшемся раннеяпонским государством строительству дорог, свидетельствует известный указ 645 г., знаменующий собой начало реформ и переход к «современному» государству. В этом указе наряду с радикальными реформами прежней системы социально-политического и экономического устройства (отмена частной собственности на землю, введение надельной системы землепользования и др.) большое внимание уделяется созданию сети почтовых дворов, призванных обеспечить бесперебойное сообщение — быстрое прохождение информационного сигнала (доставку распоряжений правительства и отчетов с мест). К этому времени правящая элита уяснила, что

энергию подведомственного ей населения можно использовать более практичным образом, нежели на сооружение гигантских курганов.

В VIII в. было проложено семь так называемых «государственных дорог» (*кандо*), соединявших столицу Нара с основными регионами (*до*) и служивших в качестве их границ. Они назывались следующим образом: То:кайдо: (проходила вдоль берега Тихого океана от столицы через провинцию Хитати до провинции Муцу, соединяясь с То:сандо:), То:сандо: (проходила по центру Хонсю от столицы до провинций Муцу и Дэва), Хокурикудо: (проходила вдоль побережья Японского моря от столицы до провинции Этиго), Сангындо: (проходила вдоль побережья Японского моря от столицы до провинции Нагато), Сангёдо: (проходила по побережью Хонсю, обращенному в сторону Внутреннего Японского моря, от столицы до провинции Нагато), Нанкайдо: (проходила от столицы до Авадзи и затем по берегу Сикокю, обращенному в сторону Внутреннего Японского моря с ответвлениями во все четыре расположенных там провинции) и Сайкайдо: (проходила по провинциям острова Кюсю).

Исходя из важности дорог, они были ранжированы как «большие», «средние» и «малые». Статус «большой» имела только Сангёдо: — поскольку Кюсю был основным источником информации с материка (во второй половине VII—VIII вв. Япония постоянно опасалась вторжения из Силла и Китая). Статус «средних дорог» был присвоен То:кайдо: и То:сандо: (ввиду военной экспансии Японии на север Хонсю эти направления были признаны стратегически важными). Остальные дороги считались «малыми».

На «государственных» дорогах были возведены Управления провинций. От Управлений провинций были проложены дороги к Управлениям уездов. На дорогах располагались почтовые дворы, предназначением которых было обеспечение государственных гонцов ночлегом и лошадьми. В зависимости от статуса дороги на них содержалось от 5 до 20 лошадей (всего же — около 4200). Как правило, эти почтовые дворы располагались на расстоянии приблизительно 16 км друг от друга (их общее число составляло чуть более 400).

Раньше считалось, что данные законодательных сводов об устройстве дорожной инфраструктуры являются в значитель-

ной степени фикцией, а ширина дорог не превышала 1—2 м. Однако аэрофотосъемки и археологические разыскания недавнего времени показали, что дороги в период Асука-Нара были не только прямыми, но и достаточно широкими (дорога Нанива-Нара — 18 м, Фудзивара-Нара — 23 м, Нара — Управления провинций — Управления уездов — 6—13 м), т. е. они сложились не в силу «естественного» хода событий, но были результатом планомерной деятельности государства (частичное исключение составляют существовавшие издавна дороги внутри уездов, которые затем были усилиями государства спрямлены и соединены в одну сеть с вновь построенными).

Формирование в древности централизованного государства с абсолютной неизбежностью сопровождается широкомасштабным строительством дорог. Ведут же они всегда в столицу. Однако их более конкретное функциональное предназначение может быть различным. Начало строительства государственных дорог в Римской империи (их протяженность оценивается в 290 тысяч км при ширине в 3—5 м) было вызвано прежде всего пространственной экспансией и военными нуждами. Циньская династия, объединившая в 221 г. Китай, также активно занималась строительством дорог, но при этом 54% дорожной сети протяженностью в 120 тысяч км предназначались для церемониального объезда императором подчиненных ему территорий.

В Японии VIII в. не практиковалось ритуального объезда императором страны (часто встречающийся в других культурах ритуал объезда имеет в Японии форму «осматривания страны» — *куними*, когда правитель, поднявшись на священную гору, «присваивает» территорию взглядом). «Государственные дороги» использовались для передачи информации (передача на места распоряжений центральных властей и отчетов местных властей в столицу), для военных нужд (перемещения войск во время завоевательных экспедиций против эмиси, подавления мятежа Фудзивара-но Хироцугу, потенциально возможная война с континентальными странами), для доставки налогов и товаров, транспортировки людей и грузов при проведении общественных работ (строительство административных зданий, буддийских храмов, ирригационных сооружений). Землемерные рабо-

ты, связанные с надельным землепользованием и проведением административных границ между провинциями, также имели своей точкой отсчета именно государственные дороги.

Примером того, каким образом осуществлялись экономические коммуникации между центром и периферией, могут послужить сравнительно хорошо документированные контакты с провинцией Вакаса (префектура Фукуи). Основным продуктом, который традиционно доставлялся из Вакаса, была соль (поскольку залежи каменной соли в Японии отсутствуют, ее там всегда производили выпариванием из морской воды). Расположенная между побережьями Японского моря и озера Бива, эта провинция относилась к разряду «ближних». Процесс доставки натурального налога (*мё*) начинался во второй декаде 8-й луны («ближние» провинции должны были закончить доставку к концу 10-й луны, «среднеудаленные» — к концу 11-й луны, «дальние» — к концу года). Каждый тягловый крестьянин в возрасте от 21 года до 60 лет был обязан поставить около 21 кг соли. Крестьянские дворы доставляли эту соль в Управление уезда. Там к каждому мешку с солью прикрепляли *моккан*, в котором указывалось — в каком году, от кого, из какого села и в каком количестве поступил налог. После того как эта процедура завершалась во всех уездах, начиналась доставка соли в столицу, причем эту операцию возглавляли лично управитель провинции и управители уездов. Доставка соли в столицу осуществлялась специально выделенными для этого крестьянами, причем община должна была отпускать средства для их прокорма на пути в столицу.

Путь до столицы занимал около четырех дней (часть маршрута могла проходить по озеру Бива). Ночевать же приходилось в открытом поле, использование для ночлега почтовых станций запрещалось (находившиеся там лошади также не могли быть использованы в качестве тягловой силы). После складирования налога в столице крестьяне возвращались домой, причем им выдавались средства для закупки провианта в дороге (населению в придорожных селах вменялось в обязанность продавать им продовольствие).

При создании общегосударственной системы сообщения водные пути и коммуникации были почти полностью проигнорированы (это касается как рек, так и моря). Текущие в широтном на-

правлении японские реки не обладают большой протяженностью и, в силу большого перепада высот, малоудобны для сообщения. Хотя и существовали расположенные на реках лодочные почтовые станции, число их было крайне невелико. Что касается моря, то, по всей вероятности, морские пути не считались достаточно надежными. Данная стратегия была, несомненно, стратегией чисто сухопутного земледельческого государства.

Поскольку лошади в Японии были дороги, а количество их не так велико, то обычно считается, что ответственным за доставку налоговых поступлений приходилось тащить груз на себе (нам такое предположение кажется сильным преувеличением ввиду явной невозможности обработки такого количества грузов только с помощью мускульной силы). В любом случае, однако, источники свидетельствуют о многочисленных случаях голода, смертей и болезней среди тех, кто занимался доставкой налогов, что говорит о предельной тяжести этого занятия.

В связи с этим, а также по причине тяжести труда тех, кто был занят строительством столичных объектов, на дорогах нарской Японии можно было обнаружить немало беглых крестьян. Для их поимки, а также для поимки других лиц, которые преступили закон, на границах важнейших провинций были учреждены заставы, пройти которые можно было лишь предъявив соответствующий пропуск. Если же беглеца поймать не удавалось, то пятидворка, к которой он был приписан, предоставляла человека ему на замену.

Вход в столицу и во дворец, равно как и выход оттуда, также осуществлялись в режиме пропускной системы. Поскольку значительная часть населения Нара владела земельными наделами (а низкоранговые чиновники зачастую сами занимались обработкой земли), то покидать пределы столицы им приходилось довольно часто. Сохранившиеся пропуска, выписанные на *моккан* (с 715 г. они стали выписываться на бумаге с приложением печати), свидетельствуют, что там указывались не только сведения о данном человеке (имя, ранг, место приписки, цель путешествия), но также масть и возраст его лошади (если, разумеется, таковая имелась). Все это, разумеется, создавало определенные неудобства для путешествующих, в том числе и для торговцев.

Сделав столицу основным хранилищем налоговых поступлений, двор затем занимался их распределением в соответствии со своими нуждами. Помимо потребления в самой столице (именно на нее приходилась основная доля потребления налогов), существовала и определенная необходимость доставки налоговых поступлений в другие места. Наиболее показательный пример представляет собой табличка-*моккан* о доставке соли в провинцию Кавати. Эта соль была доставлена из Нара, но первоначальным отправителем соли указана при этом провинция Вакаса. Поскольку Кавати расположена на пути из Вакаса в Нара, то наиболее экономически целесообразным было бы привезти соль из Вакаса непосредственно в Кавати. Однако логика централизованного государства этого времени была абсолютно другой: сначала налоговые поступления складываются в самой столице, а уже потом отправляются туда, куда сам двор сочтет необходимым.

«Внеэкономическая» логика была характерна для модуса поведения государства во всех областях его деятельности. В VIII в. был короткий период (740—745 гг.), когда резиденция императора Сё:му покинула Нара и началось строительство столицы в Куни. Однако в связи с тем, что помыслы Сё:му были направлены в тот момент на сооружение огромной статуи Будды и буддийского храма Кога-дэра, строительство Куни было приостановлено. И тогда Сё:му предпринял не слишком характерное для государственной организации централизованного типа действия — опрос чиновников и торговцев на рынке в Куни относительно того, где должна располагаться столица — в Куни или в Нанива. Мнение чиновников разделилось приблизительно поровну. Торговцы же практически единогласно высказались за Куни. Совершенно понятно, что именно торговцы в наибольшей мере руководствовались соображениями экономической целесообразности, а само обращение к ним свидетельствует об определенном желании учета и их мнения (столица с ограниченными возможностями ее населения по самообеспечению не могла существовать без рынков). Однако принятое «волево» решение (возвращение резиденции в Нара) говорит о превалировании «вперыночного» компонента в организации и функционировании «государства *рицурё*».

Созданная дорожно-транспортная система показала свою эффективность. В VIII в. расстояние между Кюсю и Нара покрывалось государевыми гонцами за 4—5 дней, а между северо-восточными районами Хонсю и столицей — за 7—8 дней.

Вместе с эрозией государственных институтов и структур в период Хэйан в начале IX в. этот срок увеличился до 6—12 дней в первом случае и до 13 дней — во втором. Это произошло ввиду сокращения количества почтовых дворов и ухудшения дорог, которые стали проживали уже и искривленное. Многие из них были заброшены, немало мостов также пришло в негодность.

В «Сарасина пикки» («Дневнике путешествия из Сарасина», XI в.) описывается возвращение в столицу бывшего губернатора провинции после окончания срока службы в Калзуса, во время которого путешественникам приходится останавливаться на ночлег в частных домах и даже строить шалаши, что было немыслимо в VIII в., когда путешествующих чиновников обязательно ждал ночлег на почтовых станциях.

Самые оживленные тракты в период Токугава не превышали в ширину 3—6 м, а комиссия западных экспертов отмечала в 1956 г.: «Дороги в Японии находятся в немыслимом состоянии. Среди индустриальных стран нет такой, которая бы в такой степени, как Япония, игнорировала дорожную инфраструктуру». В настоящее время, однако, Япония обладает одной из лучших дорожных сетей в мире.

Объем письменной информации. Мы уже писали (см. главу «Письменные источники по истории и культуре периода Нара») о том, что в Управлении по переписке сугр (Сякё:дзё) напряженно работали многочисленные переписчики. Что касается конкретного объема выполняемой ими работы, то сохранились вполне удовлетворительные данные за 772 г. Они были блестяще проанализированы Сакаэхара Тобао. Его исследование показывает, что между отдельными писцами существовала довольно существенная разница (отклонение от средних показателей для самых «трудолюбивых» и самых «ленивых» составляет до 50%). В среднем же ежедневная выработка на одного переписчика составляла 8,6 страницы (около 3800 иероглифических знаков).

Если условно принять, что количество писцов составляло 50 человек (на самом деле их количество временами достигало 100 человек), то получится, что ежедневная продукция Сякё:дзё составляла 430 страниц (190 000 знаков). При средней занятости в 20 дней в месяц (240 дней в год) получается, что ежемесячная выработка переписчиков сугр составляла 8600 страниц (3 800 000 знаков), а годовая — 103 200 страниц (45 600 000 знаков). Приведенные цифры дают некоторое представление о том, в каких объемах осуществлялось внедрение письменной культуры в VIII столетии усилиями только одного правительственного учреждения, предназначением которого было обеспечение государственных нужд буддийскими текстами. В то же самое время следует помнить, что это ведомство, в сущности, не создавало новой информации: его писцы по преимуществу лишь тиражировали уже имевшуюся информацию.

Новая информация создавалась переписчиками в других государственных учреждениях, которые имели в своем штате переписчиков (*сисё:*). Фигура переписчика имеет для нас ключевое значение, поскольку без участия переписчика на конечной стадии подготовки документов ни один из них не мог появиться на свет. Согласно законодательным сводам, в обязанности переписчиков входило «перебеливание документов, их копирование, окончательное оформление и подписывание у начальства».

Во время составления сводов бюрократическая машина еще находилась в состоянии становления — писцы были приданы в основном только палатам (*кан*) и министерствам (*сё:*). Единственной палатой, штатное расписание которой не предусматривало писцов, была Палата небесных и земных божеств — в связи с тем, что традиция передачи синтоистской традиции в VIII в. имела по преимуществу устный характер. В то же время управления, отделы, бюро были почти полностью проигнорированы. Однако уже после составления сводов мы неоднократно встречаемся с просьбами различных ведомств об увеличении количества переписчиков, что свидетельствует о возрастающем объеме работы с бумагами.

Данные о количестве переписчиков в X в. содержатся в «Энгисики». Поэтому для уяснения динамики возрастания количества письменной информации имеет смысл расчет сопоставительных данных по законодательным сводам и «Энгисики».

Мы исходим из допущения, что каждый переписчик на государственной службе выполнял тот же самый объем работы, что и переписчик в Сякё:дзё. И тогда получается, что данные Управления по переписке сутр позволяют сделать расчеты по объему производимой письменной информации центральными и провинциальными учреждениями в целом, поскольку известно, какое количество переписчиков состояло там на службе согласно законодательным сводам. Разумеется, работа переписчиков сутр и бюрократических документов имеет свою специфику. Так, переписка сутр должна была, вероятно, вестись несколько более медленными темпами, поскольку от этой работы требовалась особая тщательность. Однако, как нам представляется, допускаясь нами приравнивание не может принципиально исказить сведения об объеме выполняемых работ в разных учреждениях.

Количество переписчиков и объем копируемой ими информации в VIII и X вв.

Название учреждения	Количество писцов (данные законодательных сводов)	Количество писцов (данные «Энгисики»)	Объем копируемой информации (рассчитано по данным законодательных сводов, количество знаков в день)	Объем копируемой информации (рассчитано по данным «Энгисики», количество знаков в день)
1	2	3	4	5
Дзингикан (Палата небесных и земных божеств)	0	4	0	15 200
Дадзё:кан (Палата большого государственного совета)	10	11	38 000	41 800
Сабэикан (Палата левого цензора)	10	18	38 000	68 400
Убэикан (Палата правого цензора)	10	18	38 000	68 400
Тю:мусё: (Министерство центра)	20	20	76 000	76 000

1	2	3	4	5
Найки (переписчики при секретариате Тю:мусё:)	0	2	0	7600
Гэнмоцусики (Управление ключарей)	0	8	0	30 400
Тю:гу:сики: (Управление двора государыни)	0	8	0	30 400
Оотопэрирё: (Большой отдел охранников-тонэри)	0	4	0	15 200
Дзусёрё: (Архивный отдел)	0	5	0	19 000
Куларё: (Отдел дворцовых кладовых)	0	10	0	38 000
Нухидоно-цукаса (Швейный отдел)	0	4	0	15 200
Оммё:рё: (Астрологический отдел)	0	4	0	15 200
Утикура-но цукаса (Отдел внутренней сокровищницы)	0	7	0	26 600
Сикибусё: (Министерство кадров)	20	20	76 000	76 000
Дайгакурё: (Отдел столичной школы чиновников)	0	8	0	30 400
Сангирё: (Отдел придворных рангов)	6	0	22 800	0
Дзибусё: (Министерство управления)	10	10	38 000	38 000
Гагакурё: (Музыкальный отдел)	0	4	0	15 200
Гэмбанрё: (Отдел монахов и чужеземцев)	4	4	15 200	15 200
Мисасаги-но цукаса (Бюро государевых усыпальниц)	0	4	0	15 200
Мимбусё: (Министерство народных дел)	10	20	38 000	76 000
Сю:кэйрё: (Счетный отдел)	6	11	22 800	41 800
Сюсайрё: (Налоговый отдел)	4	7	15 200	26 600
Хё:бусё: (Военное министерство)	10	20	38 000	76 000
Хаяхито-но цукаса (Управление по делам племен хаято)	0	5	0	19 000
Гё:бусё: (Министерство наказаний)	10	10	38 000	38 000
Хандзи (Бюро судей)	0	4	0	15 200
Сюгокуси (Бюро тюрем)	0	2	0	7600
Оокурассё: (Министерство казны)	6	20	22 800	76 000
Орибо-но цукаса (Швейное бюро)	0	4	0	15 200
Кунайсё: (Министерство двора)	10	18	38 000	68 400
Дайдзэнсики (Управление дворцового стола)	0	8	0	30 400

1	2	3	4	5
Мокукурё: (Строительный отдел)	0	11	0	41 800
Оохирё: (Продовольственный отдел)	0	5	0	19 000
Сюдэнрё: (Интендантский отдел)	0	5	0	19 000
Тэньякурё: (Аптекарский отдел)	0	4	0	15 200
Канимори-но цукаса (Хозяйственное бюро)	0	5	0	19 000
Ооками-но цукаса (Бюро по делам государственной семьи)	0	2	0	7600
Найдзэнси (Бюро государева стола)	0	2	0	7600
Сакэ-но цукаса (Винокуренное бюро)	0	4	0	15 200
Унэмэ-но цукаса (Бюро по делам «унэмэ»)	0	2	0	7600
Мохитори-но цукаса (Бюро водоснабжения)	0	2	0	7600
Дандзё-тай (Ведомство инспекций)	6	6	22 800	22 800
Сакё-сики (Управление левой части столицы)	0	11	0	41 800
Укё-сики (Управление западной части столицы)	0	11	0	41 800
Химугаси-но ити-но цукаса (Бюро восточного рынка)	0	2	0	7600
Ниси-но ити-но цукаса (Бюро западного рынка)	0	2	0	7600
Сюнгубо: (Управление делами престолонаследника)	0	4	0	15 200
Тонэри-но цукаса (Бюро тонэри)	0	2	0	7600
Сюдзэнкэн (Бюро стола престолонаследника)	0	2	0	7600
Сюдзо:кэн (Бюро кладовых)	0	2	0	7600
Сюдэндзё (Хозяйственное бюро)	0	2	0	7600
Сюмэдзё (Конюшенное бюро)	0	2	0	7600
Всего	152	390	577 600	148 2000

Итак, в придворном штате в VIII в. находилось 152 переписчика. К X в. их количество увеличилось до 390. Мы исходим из предположения, что каждый переписчик работал 20 дней в месяц, т. е. 240 дней в году. Получается, таким образом, что ко-

личество письменной информации, производимой двором, составляет, по нашим оценкам, следующие цифры. Для VIII в.: 5 776 000 знаков в день, 11 552 000 знаков в месяц и 138 624 000 знаков в год. Для начала X в. соответствующие цифры составляют 1 482 000, 29 640 000 и 355 680 000 знаков. При этом в наши расчеты входят только «беловые» документы центральных учреждений на бумаге — не учитывается объем информации на многочисленных *моккан*, документы Управлений провинций, уездов и буддийских институтов, индивидуальные сочинения, переписка и др.

Чтобы лучше представить себе объем производимой государственными учреждениями информации, сравним его с количеством знаков, содержащихся в «Сёку нихонги» — основном историческом источнике VIII в. Согласно нашим подсчетам, оно составляет около 359 000 знаков. Таким образом, еще в VIII в. объем ежедневно производимой только столичными чиновниками информации намного превышал объем хроники, охватывающей события за 95 лет. Это, в частности, показывает, какой активной была работа государственного аппарата по производству письменной информации и какая ничтожная ее часть (всего около 0,003%!) находится ныне в нашем распоряжении. Разумеется, эта цифра не совсем точна — некоторые документы переписывались в нескольких экземплярах, некоторые из них наверняка приходилось переписывать несколько раз из-за ошибок переписчика или же изменений, вносимых начальством, и т. д. Однако это не может отменить того интеллектуального вызова, который бросает История историку, который вынужден восстанавливать картину лишь по нескольким точкам, которые остались на полотне.

Государство представляет собой систему с обязательной обратной связью. Поэтому нельзя забывать и о том, что значительная часть документов, производимых двором, представляла собой распоряжения, требующие ответа от Управлений провинций, которые выступали непосредственным партнером центра по коммуникативному процессу и где концентрировалась основная информация, туда посылаемая (штаты Управлений уездов не предусматривали специальной должности переписчика, функции которого выполняли другие чиновники; не было переписчиков и на уровне сел).

Хорошо отлаженная система подготовки чиновников в государственных школах производила достаточно большое количество грамотных людей. Судя по всему, их количество даже превышало потребности государственного аппарата. В 758 г. срок службы переписчиков в провинциях был даже сокращен с шести лет до четырех на том основании, что, как свидетельствует «Сёку нихонги», «количество желающих [занять должность переписчика] велико, а количество мест — мало».

Согласно законодательным сводам, все провинции делились на четыре категории: «большие», «верхние», «средние» и «нижние». Если оценить количество провинций на момент составления «Тайхо: рицурё» в начале VIII в., то получим цифру в 61 провинцию. Во времена «Энгисики» их число достигло 68.

Количество переписчиков в каждой из провинций составляло, согласно законодательным установлениям VIII в., три человека (т. е. первоначально предполагалось, что независимо от ранга провинции количество производимой там информации будет более или менее одинаковым). Кроме того, в провинции Тикудзэн находилось Главное управление по делам Сайкайдо: (9 провинций на юго-западе страны: Тикудзэн, Тикуго, Будзэн, Бунго, Хидзэн, Хиго, Хюга, Оосуми, Сацума, Ики, Цусима). С учетом этого получается, что, помимо столицы, в провинциях находилось 203 переписчика, что сопоставимо с количеством переписчиков в Нара, но несколько превышает его. По всей вероятности, это свидетельствует о том, что количество информации, вырабатываемой в провинции, приблизительно соответствовало ее объему в центре.

Количество переписчиков изменялось несколько раз на протяжении VIII в. Довольно быстро стало ясно, что количество работы в разных провинциях — различно. В 724 г. «большим» провинциям было предписано иметь четырех переписчиков, «верхним» — трех, «средним» и «малым» — по два. В 766 г. было заявлено, что имеется достаточно большое количество компетентных специалистов, но штатное расписание не позволяет увеличить их число. В связи с этим в каждой провинции число писцов было увеличено на два. Однако в 779 г. штат писцов подвергся некоторому сокращению и стал составлять пять, четыре, три и два для соответствующих категорий провинций. Это было окончательное решение, и количество провинциаль-

ных писцов по «Энгисики» совпадает с данными указа 779 г. При этом сведений по Дадзайфу не приводится — по всей вероятности, в связи с фактической утерей юго-западом своего особого статуса. Таким образом, в 68 провинциях имелось 256 переписчиков, что значительно уступает на сей раз их количеству в столице.

Получается, что при общем увеличении количества переписчиков как в центре, так и на местах их число намного больше увеличилось в столице (256,6%), чем в провинциях (126,1%). Из этого можно заключить, что и основной прирост письменной информации происходил в самой столице (главным образом за счет увеличения документации, относящейся к непосредственному обслуживанию персоны государя, его семьи и двора). Достаточно трудно определить, где кончаются церемониальные функции правителя и вступают в силу чисто физиологические потребности, но в любом случае функции тех учреждений, которые имели отношение к государю и его семье, показывают, что увеличение переписчиков в них не может говорить о возросшем влиянии императора.

Штат переписчиков Министерства государева дворца (Кунайсё:) увеличился с 10 до 68 (680%) человек — самое большое увеличение среди всех ведомств (штат переписчиков Дзингикан увеличился с 0 до 4 человек, Дадзё:кан — с 10 до 11 (110%), Сабэнкан и Убэнкан с 10 до 18 (180%), Тю:мусё: с 20 до 72 (360%), Сикибусё: — с 26 до 28 (107,7%), Дзибусё: — с 14 до 22 (157%), Мимбусё: — с 20 до 38 (190%), Хё:бусё: — 10 до 25 (250%), Гё:бусё: — с 10 до 16 (160%), Оокурасё: — с 6 до 24 человек (400%). Если же учесть штаты переписчиков дворца государыни и престолонаследника (всего 22 человека), то окажется, что документированием жизни и потребностей государя и его ближайшего окружения занималось большее количество людей, чем в любом другом ведомстве, которое занималось «общенациональными» проблемами.

Информация, грамотность, культура, общество. В дальнейшем, когда столица была перенесена в Хэйан, все больше и больше информации производилось в самой столице. Но, одновременно, все больше информации потреблялось там же. Другими словами, источник информации и ее получатель находились в Хэйан или же ближайших окрестностях. Это

утверждение, безусловно, является некоторым преувеличением, но, с другой стороны, эта же закономерность «пространственного сжатия» видна в самых разных областях жизни социума, культуры вообще.

Отправка посольств в танский Китай, Силла, Бохай была прекращена. Дорожная инфраструктура приходит в упадок. Поступление налогов ухудшается. Аристократические обитатели столицы редко покидают ее пределы. Их поэтические и прозаические произведения однозначно свидетельствуют, что они предпочитали уютные покои своих усадеб приключениям в открытом пространстве. В отличие от времени Нара, они становятся «близоруки» — они не видели (не хотели видеть), что происходит за пределами дома, стенами дворца, границами Хэйан. Социальное пространство также становится крайне ограниченным, и новые элементы не допускаются в тот несколько душноватый мир аристократов, где и принимались основные решения относительно судьбы государства.

Концентрация информации в столице была важнейшим условием формирования блестящей аристократической культуры, однако страна, провинции, уезды и села все больше выходили из-под контроля центра. В период Хэйан организация высокоцентрализованного государства предыдущего периода приходит в упадок — большинство начинаний правителей Нара не находят своего продолжения. Наши данные относительно информационных и коммуникативных процессов показывают, что институты «государства *рицурё*» превратились в политическую (говоря шире — культурную) систему без обратной связи. А такие образования, как это известно из общей теории систем, обречены на распад, что и произошло с этим государством вместе с приходом к власти сословия самураев.

Несмотря на довольно широкое распространение письменности в рамках «государства *рицурё*» и унаследованный от Китая пиетет перед грамотностью, сама идея о том, что мудрость и знания могут сами по себе послужить основанием для вертикальной мобильности, в Японии широкого распространения не получила. Японское общество оказалось намного более закрытым, чем китайское, и система конкурсных экзаменов на занятие чиновничьей должности никогда не имела там серьезного значения, ибо основным социально значимым параметром все-

гда оставалось происхождение. Выпускники столичной школы чиновников в течение многих лет после успешной сдачи экзаменов находились «в услужении» у принцев и не получали придворного ранга. Обычным делом было присвоение им младшей степени 6-го ранга после тридцати лет беспорочной службы. Если в Китае наследники сановника 1-го ранга получали по достижении совершеннолетия младшую степень 7-го ранга, то в Японии — младшую степень 5-го ранга, т. е. могли немедленно рассчитывать на занятие должности при дворе. Японская культура практически не знает фигуры мудреца, порожденного социальными низами, — одним из основных условий наличия такой мудрости является аристократическое происхождение.

Глава 16

Формирование государственной идеологии

Упрочение государственности сопровождалось активными процессами государственной самоидентификации, создания официальной идеологии. Перед правителями Ямато стояла трудная задача: создание «цивилизованного» (по дальневосточным китайским и корейским меркам) государства, т. е. «вписывание» Ямато в сложившийся дальневосточный мир на равноправных (как минимум) основаниях при сохранении собственного «лица». Крайние подходы были при этом отвергнуты. Все имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что в период Нара выбор был сделан в пользу компромиссного варианта, предполагающего маневрирование между «интернационализацией» и изоляционизмом.

Ямато и Япония. Увеличивающееся государственное самосознание Ямато проявлялось во многих областях. Весьма символичным следует признать факт изменения титулатуры правителя. Если ранее правитель Ямато именовался *оокими* («великий господин»), то в конце VII столетия (вероятно, в правление Тэмму) стал последовательно употребляться китайский астрологический даосский термин *тяньхуан* (яп. *тэнно*), обозначавший небесного императора или же Полярную звезду. Впервые обозначение китайского императора как *тяньхуан* от-

носится к 674 г. (правление Гао-цзуна, 650—683), однако там оно не получило в дальнейшем широкого распространения. Согласно даосским представлениям, *тяньхуан*, являющийся верховным божеством даосского пантеона, пребывает в небесном «фиолетовом дворце» (фиолетовый — цвет, маркирующий наибольшую сакральность), откуда он управляет даосскими мудрецами (*чжэньжэнь*, яп. *махито*). Даосский понятийный ряд был задействован и в уже упоминавшихся восьмиугольных погребениях государей, и в конструкции его трона.

Данное понятие «мудреца» входит в употребление во второй половине VII в. Так, посмертное японское имя Тэмму — Ама-но Нунахара Оки-но Махито, где «Оки» (кит. Инчжоу) — одна из священных даосских гор-островов, где обитали бессмертные. Следует помнить, что и первый по своей значимости титул *кабанэ* после реформы Тэмму также назывался *махито* и жаловался почти исключительно представителям правящей династии (пятый *кабанэ* именовался *мити-но си*, что означает «учитель-даоса»). Получается, что земной император уподобляется небесному, точно так же как и его наиболее приближенные придворные — небожителям, образуя нечто вроде пантеона. Именно поэтому в императорских указах столь часто употребляется выражение *камунагара* — «являясь божеством». Тронный зал правителя назывался либо «фиолетовым дворцом» (отсюда «японское» представление о фиолетовом цвете одеяний как прерогативе наиболее знатных придворных), либо «Залом великого предела» (*дайгоку-доно*). Понятие «Великого предела» (кит. Тай цзи) выражало идею предельного состояния бытия, из которого путем последовательного удвоения рождаются *инь* и *ян*, а затем и все сущее.

Таким образом, при формировании японской модели государственности даосским представлениям принадлежала очень значительная роль: двор Ямато представал как зеркальное отражение идеального даосского «небесного» миропорядка. Неотъемлемыми атрибутами верховного правителя считались зеркало и меч — необходимые предметы даосского ритуала.

Вкупе с давно вошедшим в практику обозначением подвешенной государю территории как «Поднебесная» (что также считалось прерогативой китайского императора) терминологическая пара *тэнно*: — Поднебесная» должна была указы-

вать на одинаковый статус правителей Ямато и Китая. В то же время необходимо помнить, что иероглифам *тэнно*: могло приписываться их японское прочтение *сумэра* (этимология неясна, наиболее правдоподобным является, по нашему мнению, предположение Сайго Нобуцуна, возводящего *сумэра* к *суму* — «быть прозрачным, ритуально чистым»). Термин *оокими* также продолжал употребляться в неофициальных текстах (например, в «Манъё:сю»).

Отчетливо отдавая себе отчет в том, что создает государство, основанное на новых принципах, правящая элита решила также сменить название государства. Если до VIII в. японцы называли свою страну Ямато, то в 702 г. мы впервые встречаемся с топонимом «Япония» («Нихон» или же «Ниппон», букв. «Присолнечная страна»). Именно так назвал свою страну Авата-но Махито, отправленный послом в танский Китай и произведший там большое впечатление своей образованностью («Махито любит читать канонические книги и исторические сочинения, пишет и толкует, манеры — превосходны»). Танская хроника также отмечает: «Япония — другое название Ямато. Эта страна находится там, где восходит солнце, и потому ей дали название Япония». При этом отмечается, что топоним Ямато японцам «не нравится».

Для китайских пространственных представлений наиболее характерна ориентация по оси север-юг, связанная с северным расположением обиталища обожествленной ипостаси первобытной единой субстанции, расположенной в виде звезды на северном небосклоне (кит. Тай и; яп. Тайицу), откуда и происходит управление Поднебесной. Сам же китайский император (земное воплощение Полярной звезды) должен был повелевать Поднебесной, будучи обращен лицом к югу. Что касается древней Японии, то здесь еще в период кофун последовательной системы ориентации курганов по сторонам света не прослеживается (хотя для китайской культуры ориентация гробниц по сторонам света имеет первостепенное значение). В «Кодзики» и «Нихон сёки» наиболее часто указываемыми направлениями являются восток и запад, т. е. основная горизонтальная ось мира проходит именно по этой линии, причем восток считался «счастливым» направлением, а запад — «несчастливым» (именно на западе располагалась «страна мертвых» — *ёми-но куни*). Перво-

степенное значение имеет противопоставление восток-запад и в синтоистском ритуале.

Думается, что для переименования страны существовало несколько оснований.

Во-первых, двор Ямато желал подчеркнуть, что отныне Китай имеет дело с обновленной страной, жизнь в которой устроена на цивилизованный манер (напомним, что непосредственно перед визитом японского посольства был введен в действие законодательный свод «Тайхо: рицурё:»). Само повое название — «Присолнечная» (т. е. лежащая на востоке) страна — явно корреспондировало (как своим двухсоставным иероглифическим обозначением, так и принципом названия, исходящим из положения в пространстве) с самоназванием Китая — «Срединная страна» (яп. Тю:гоку), т. е. в акте переименования содержался «интернационализирующий» элемент.

Во-вторых, сам акт переименования государства был призван подчеркнуть самостоятельность страны и ее независимость от Китая, поскольку те страны, правители которых получали инвестиру при дворе китайского императора, не имели права ни на введение собственного законодательства (скажем, Силя такого законодательства не имела), ни на использование собственных девизов правления, ни на несанкционированное изменение названия страны. Танский двор был вынужден согласиться с этим, хотя Япония, вероятно, и обязалась приносить дань раз в двадцать лет.

И в-третьих, процесс упрочения позиций правящего рода в его ритуально-магической функции привел к повышению статуса его прародительницы — богини солнца Аматэрасу («святая с неба» или «освещающая небо»), в связи с чем вся солярная семантика (включая пространственную) приобретала особое значение. Достаточно отметить, что престолонаследник именовался «сыном солнца, сияющего высоко» (*такатэрасу хи-но мико*), а сам акт восхождения на престол описывался как «наследование небесному солнцу» (*амацу хицуги*). Согласно предположению Ёсида Такаси, название Нихон является фамилией правящего рода, принятой им в это время. По мнению Ёсида Такаси, эта фамилия представляет собой сокращение ритуальной формулы «страна, где восходит солнце, управляемая сыном солнца» (*хи-но мико-но сирасу хи-но дэ-но кун*).

Согласно «Нихон сёки», легендарный первоимператор Дзимму так объясняет постигшее его временное поражение при покорении восточных земель: «Я — дитя Небесных богов, а сражаюсь с врагом, обратившись к солнцу. Это противоречит Пути Неба. Лучше я повернусь и отступлю, покажу, что я слаб, восславлю богов Неба, богов Земли, со спины мне божество Солнца силу придаст, буду нападать, на собственную тень ступая. Тогда, и не обогрив меч кровью, я непременно одержу победу над врагом» (пер. Л. М. Ермаковой).

Ни в буддизме, ни в китайской религиозно-философской традиции восток не имеет того значения, которое он приобрел в Японии. Как свидетельствует вышеприведенный мифологический эпизод, для японской традиции характерно понимание восточного, солнечно-го направления как несчастливой, сулящего поражение, если быть обращенным к нему лицом. Вполне возможно, что это была одна из причин, по которой правители Японии пожелали «заложить» эту магическую мину под Китай и Корею: ведь чтобы «увидеть» Японию с континента, следовало обратиться лицом к востоку.

Провокационный характер нового названия страны косвенно явствует и из записи китайской хроники «Суй-шу», в которой сообщается, в какое негодование пришел китайский император при получении послания Суйко, в котором Ямато ассоциирует себя с востоком («Сын Неба страны, где восходит солнце, обращается с посланием к Сыну Неба страны, где солнце заходит»). Обычно в этом эпизоде видят только уравнива-

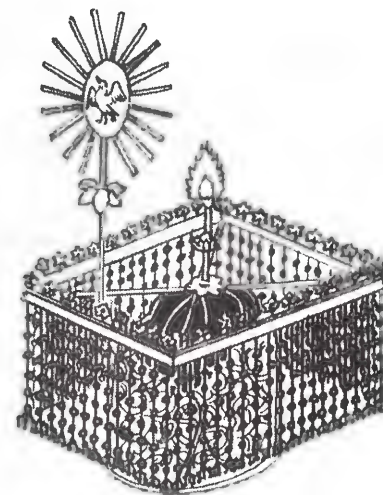

Иллюстрация 38.
Корона императора
с изображением солнца

ние статуса правителей Китая и Японии, но нам представляется, что гнев китайского императора мог быть вызван и тем, что данная формулировка игнорирует «срединное» положение Китая в геополитической модели мира.

Попытки повышения дипломатического статуса Ямато продолжают на всем протяжении VII в. Целью походов против эмиси, проведение которых активизируется в пореформенное время, было не только увеличение территории, подконтрольной государю Ямато. Пленных эмиси брали с собой даже во время визитов ко двору китайского императора. Уже в это время четко проявляется желание японцев создать свою мини-империю на китайский манер. Одним из свойств такой геополитической модели была окруженность центра (Ямато) варварскими племенами, которые признают зависимость от «метрополии» и приносят ей регулярную дань.

Чрезвычайно показательным в этом отношении было посольство 659 г., когда ко двору танского императора были доставлены мужчина и женщина из числа эмиси. На расспросы императора посланники отвечали, что эмиси живут на северо-востоке страны, не занимаются земледелием («они едят мясо и живут этим») и не строят домов (последнее, конечно же, расходилось с действительностью). Целью такой характеристики эмиси была демонстрация того, что власть благодетельного государя Ямато распространяется даже на самых диких варваров.

Таким образом, вместе с приобретением страной другого названия в начале VIII в. Японией был сделан важный шаг в процессе становления самоидентификации государственной, что создавало в дальнейшем предпосылки и для самоидентификации этнической.

На практике оба названия Японии длительное время сосуществовали (и даже сосуществуют ныне) параллельно, и двум иероглифам «*ни*» и «*хон*» зачастую приписывалось чтение «Ямато». Тем не менее, поскольку сфера употребления термина «Нихон» имела тенденцию к расширению, в своем дальнейшем изложении мы будем использовать слово «Япония» (пришло в русский язык из португальского через немецкий или французский). Что касается

обитателей архипелага, то следует иметь в виду, что еще в VIII в. корейская летопись «Самгук саги» называет обитателей архипелага «людьми Ва», а первое именование их как «японцев» (*нихондзин* — «люди Нихон») впервые встречается намного позднее в литературном памятнике рубежа XII—XIII вв. «Удзи сюи моногатари», где корейцы из Силла называют так человека, приплывшего туда из Японии. Начало широкого бытования термина *нихондзин* в среде самих японцев относится только к периоду Мэйдзи. Видимо, только начиная с этого времени можно говорить о реальном формировании японского этнического самосознания.

Кроме того, следует иметь в виду, что Япония попыталась построить выработанную Китаем геополитическую модель мира, поместив себя в ее центре. Поэтому-то японские хронисты также использовали термин «срединная страна» по отношению к Японии. Эта «срединная страна» должна быть окружена «бескультурными» странами и народами. Среди них существовало несколько градаций. Сам Китай при этом именовался «великой страной Тан» и попадал в категорию «соседней страны» (не имеет обязанностей по принесению дани), в то время как Силла и Бохай относились к «дальним соседям», обязанным приносить дань. Ни те ни другие не находились под благотворным влиянием государя, но имели возможность «вернуться» к нему. Поэтому переселенцев в Японию именовали *кикадзин*, т. е. «вернувшиеся к культурности».

Категории «соседей» были неприменимы к окраинным обитателям Японского архипелага (хято на юге Кюсю и эмиси). Хотя они номинально и проживали на территории, находящейся под цивилизующим влиянием японского правителя, а также приносили ему дань и формально входили в состав податного населения, они (в противоречие с китайской геополитической моделью) считались «варварами». Хято относились к «южным варварам», а эмиси — к «восточным» (обитатели той части северного Хонсю, которая обращена к Тихому океану) и «северным» (побережье Японского моря). Поэтому по отношению к ним и были возможны меры силового воздействия (посылка войск). Особенно настойчиво эта силовая политика проводилась на севере Хонсю.

Данная модель определяла совершенно различную внешнюю политику Японии по отношению к различным регио-

нам. Хотя Танская империя и попадала в разряд стран, не подверженных «цивилизующему» влиянию *тэнно*., но Япония приносила ей дань. В то же самое время Японии (Ямато) еще в VII в. удалось добиться особого статуса в отношениях с Китаем — ее послы являлись ко двору китайского императора, но не каждый год, как то были обязаны делать государства Корейского полуострова. Что же до Силла и Бохай, то Япония считала их своими данниками. Поэтому-то японская правящая элита с таким вниманием следила за развитием событий на Корейском полуострове, и вопрос о посылке туда войск обсуждался в VIII в. по меньшей мере дважды.

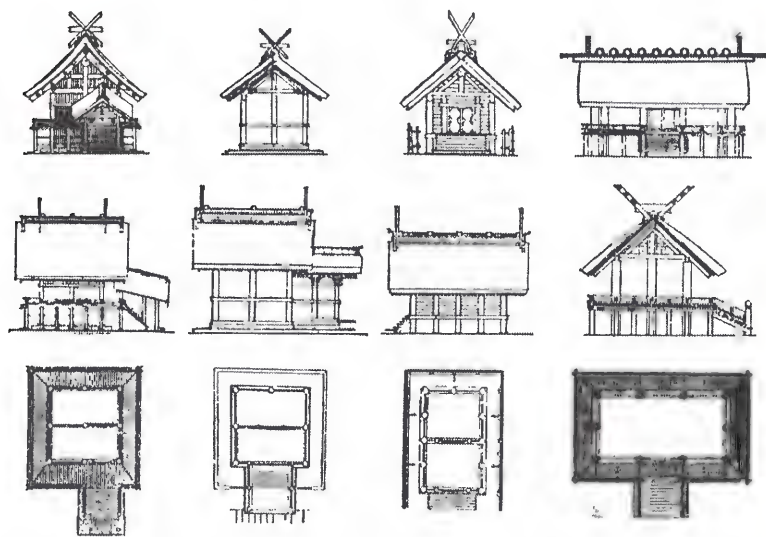

Иллюстрация 39. Типы синтоистских святилищ

Синтоизм. В VIII в. происходит стабилизация всей политической системы управления, во главе которой стоял правящий род. Несмотря на многочисленные придворные интриги, эффективность работы государственного и репрессивного аппаратов в VIII в. не вызывает сомнений. В системе государственной идеологии кодифицируется и место синтоизма (в непосредственной

временной перспективе его роль имеет явную тенденцию к увеличению). Это находит свое отражение как в законодательных сводах (где формулируется список общегосударственных синтоистских ритуалов и правила их проведения), так и в нарративных памятниках — мифологическо-летописных сводах «Кодзики» и «Нихон сёки».

Аматэрасу отныне прочно занимает главное место в синтоистском пантеоне, существенно повышается и статус ее святилища в Исэ (следует, однако, иметь в виду, что роль «императора» как основной «несущей конструкции» государственного синтоизма во многом определяется силой неписаных обычаев, ибо в японском законодательстве отсутствует систематизированное изложение статуса «императора», его прав и обязанностей).

Храмовый комплекс Исэ (префектура Миэ) состоит из двух основных святилищ: внутреннего (*найку*.) и внешнего (*гэку*.). Первый из них посвящен Аматэрасу, второй — богине пищи Тоёукэ. В «Нихон сёки» рассказывается, что Исэ было выбрано в качестве святилища правящего рода в правление Суйнин. «Аматэрасу рекла... наставление: “Эта страна Исэ... страна отдаленная [от Ямато] и прекрасная. Здесь я желаю пребывать”». Происхождение «внешнего храма» традиция связывает с тем, что Тоёукэ подносила ритуальную пищу Аматэрасу. В настоящее время обычно считается, что Тоёукэ является локальным божеством, «в ведении» которого находится та земля, на которой впоследствии было построено святилище Аматэрасу.

В это время вырабатывается система назначения в Исэ в качестве жрицы (*сайгу*.) незамужней принцессы из правящего рода, один раз в двадцать лет проводится перестройка самого храма. Окончательно кодифицируются и ритуалы, связанные с восхождением государя на престол.

Эта ритуальная процедура носит название *дайдзё:сай* (альтернативные чтения тех же иероглифов — *о:ниэ мацури* или *о:наэ мацури*), что означает «великий праздник вкушения новых плодов». Дайдзёсай — это разновидность ежегодно отправляемого в 11-й луне ритуала праздника вкушения новых плодов (*синдзё:сай* или же *ниинамэ мацури*), т. е. практикуемого во всех аграрных обще-

ствах ритуала нового урожая. Ритуал Дайдзё:сай отпирался тем или иным государем только в том году, в котором был сделан выбор в его пользу. Впервые ритуал Дайдзё:сай был исполнен при восхождении на престол Тэмму (последний по времени — в ноябре 1990 г., когда после смерти императора Сёва на престол взошел император Хэйсэй). Известно, что в древности во время этой церемонии представитель рода Имибэ преподносил государю регалии его власти (зеркало и меч), а глава Накатоми возглашал молитву-благопожелание. В ней, в частности, говорилось:

«По изволению бога и богини,
 прародителей могучих владетеля нашего,
 восемь мириад божеств
 божественным сбором собрались
 и так назначили боги:
 “Внук наш царственный, повелитель,
 деянья начав на Равнине Высокого Неба,
 мирно, спокойно правь
 страной богатых равнин тростниковых
 и тучного колоса,
 на высоком престоле небесном восседая,
 солнцу небесному наследуя.
 И как небесную трапезу,
 как долгую трапезу, вечную трапезу, —
 тысячу осеней по пять сотен осеней
 колосья драгоценные мирно, спокойно
 на священном дворе вкушай”».

(Пер. Л. М. Ермаковой)

Подготовка к церемонии начиналась в 8-й луне. Во всех основных синтоистских храмах проводился ритуал «великого очищения», для проведения которого двором отпирался принижение этим храмам. Тогда же с помощью гадания определялись два поля, откуда священный рис (*юки* и *суки*, этимология неизвестна) нового урожая доставлялся во дворец. Для его хранения строился специальный амбар. Там же изготовлялось священное сакэ. За месяц до Дайдзё:сай сам государь начинал подготовку к основному ритуалу. В первую декаду 1-й луны он совершал священное омовение (*мисоги*), чтобы очиститься от скверны перед общением с

богами. После этого он был должен во избежание ритуального загрязнения пребывать в специально построенном «дворце воздержания». Это воздержание включало в себя различные запреты, в том числе отказ от мясной пищи. Накладывались ограничения и на вербальное поведение — предписывалось говорить «сон» вместо «болезнь», «пот» вместо «кровь», «выздоровление» вместо «смерть» и т. д. Аналогичные табуации должны были соблюдать и все участники предстоящего ритуала.

Сам основной ритуал проводится в специально построенном комплексе (Дайдзё:гу:), представляющем собой три основных помещения — *юкидэн*, *сукидэн* и *кайрю:дэн* (помещение для ритуального очищения будущего императора). Туда доставляется сакэ, рис, модели гор (*симэяма*), украшенные ветками сосны и сливы, изображениями солнца и луны. В вечерних сумерках император, сопровождаемый высшими придворными, шествует в *кайрю:дэн*, где совершает омовение. Затем он направляется в *юкидэн*, где преподносит приношения божествам. Здесь же совершается некий тайный (и неизвестный нам) ритуал, который называется *оифусума* (это слово обозначает шелковое покрывало на троне), целью которого является установление коммуникации с богами и магической преемственности с прошлым правителем. Затем проводится повторное омовение и процедура повторяется в *сукидэн*.

Почти все исследователи Японии периода Нара придерживаются мнения, что синтоизм в это время играл по отношению к буддизму подчиненную роль. Это объясняется стадийной незрелостью синто и «вписанностью» буддизма в систему государственных отношений в Корее и Китае. Следует, однако, иметь в виду, что процесс институализации синтоизма протекал достаточно быстро. Кроме того, к данным письменных источников, на которые опираются эти исследователи, следует подходить с определенной осторожностью. Меньшее количество сообщений в них относительно синтоизма объясняется тем, что буддийская субкультура (в отличие от синтоистской с ее традицией устной трансляции) является по своей сути текстопорождающей, а также сравнительной «новизной» буддийского вероучения для Японии (как уже отмечалось, хроника имеет тенденцию к фиксации приращиваемой информации). Может быть, наилучшим доказательством того, насколько глубоко проникли синтоистские

ценности в общественное сознание, является актуализация мифа, наблюдаемая в придворной жизни в начале IX в.

Буддизм. Как уже отмечалось, буддизм получил распространение в VI—VII вв. в значительной степени благодаря непосредственной поддержке властей. Свою роль в формировании общегосударственной идеологии он продолжал сохранять почти на всем протяжении VIII в. Несмотря на китаезированность (во многом, правда, внешнюю) форм государственной жизни, внимание власти по отношению к буддизму явно выходило за пределы рамок, допускаемых китайской официальной политической мыслью. Во многом это объяснялось чисто политическими обстоятельствами (противостояние императорского рода и рода Фудзивара; подробнее см. главу «Политическая история»).

После правления Ко:току в «Нихон сёки» исчезают записи, формулирующие отношение правителей к буддизму и синтоизму. Это связано с достижением определенной стабильности в религиозной политике. Начиная с Тэмму она фактически направлена на обеспечение мирного сосуществования двух религий.

Если до Тэмму правители Японии обращались к буддизму лишь эпизодически, то начиная с его правления можно говорить о постоянно возрастающей роли буддизма в жизни двора. Учащаются сообщения о пожаловании буддийским храмам земельных наделов и крестьянских дворов, а при дворе государя неоднократно проводятся буддийские церемонии. Тэмму даже издал указ, согласно которому «во всех домах всех провинций» надлежало иметь буддийский алтарь и сутры. Буддийский ритуал кремации постепенно начинает вытеснять синтоистский обычай предания земле.

Постепенное изменение похоронного обряда является свидетельством не просто обращения к буддийскому ритуалу, но знаменует собой и важные изменения в самой картине мира. Поскольку синтоизм не связывал посмертную судьбу человека с его прижизненными деяниями (со своей смертью практически в любом случае он становится объектом поклонения со стороны своих потомков). Вместе с распространением буддийских этических представлений, согласно которым посмертный путь каждого человека в рай или ад определяется тем, какие он со-

вершил благодеяния и грехи, утрачивал актуальность и весь синтоистский комплекс, связанный с похоронами.

Государственное покровительство буддизму продолжается и нарсскими правителями. В Фудзивара находились четыре «государственных храма» (квалифицировались как «большие») — Дай-андзи, Якусидзи, Хо:ко:дзи (известен ранее как Асука-дэра или же Гаинго:дзи) и Кавара-дэра (Гуфукудзи). Первые три были перенесены в новую столицу Нара при ее строительстве. Место же Кавара-дэра занял также перенесенный из прежней столицы Фудзивара родовой буддийский храм (*удзидэра*) рода Фудзивара — Ко:фукудзи, который занимал огромную территорию и которому, как и трем другим, была пожалована тысяча крестьянских дворов. Кроме того, и несколько других влиятельных родов решили переселиться в Нара вместе со своими храмами. Точно известно, что среди них были род Ки (его храм назывался Кинодэра или Рэндзё:дзи) и Кадзураки (Кадзураки-дэра). Были и роды, которые строили свои родовые буддийские храмы в Нара впервые в своей истории (например, Сугавара и Саэки). Поскольку за день до смерти Фудзивара-но Фухито (720 г.) был издан указ, предписывающий провести службу в 48 столичных храмах для избавления его от недуга, то получается, что всего через десять лет после переезда двора в Нара буддийских храмов находилось там никак не меньше указанного в хронике количества.

На уровне официального летописания VIII в. функция буддизма как охранителя государства выходит на первый план — в «Сёку нихонги» содержится более двух десятков государевых указов, превозносящих магические свойства буддийской молитвы, которая способна устранить угрозы государю и его государству (в случае заговоров и мятежей). Принятие монашества отречшимися от престола (Сё:му) и даже действующими государями (Ко:кэн), а также погребальный ритуал трупосожжения уже ни у кого не вызывали удивления.

Правители VIII в. уделяли повышенное внимание строительству буддийских храмов не только в самой Нара, но и в провинции. Особенно активным в этом отношении был Сё:му, который называл себя «рабом Трех Сокровищ» (т. е. Будды, дхармы и общины; часто под этим термином понималось буддийское вероучение в целом). Именно в его правление в 742 г. началось строительство своеобразной магическо-ин-

формационной буддийской сети — «провинциальных храмов» (*кокубундзи*) — в каждой из провинций предписывалось построить мужской (20 монахов) и женский (10 монахинь) монастыри с семиярусными пагодами (в реальности многие пагоды были пятиярусными). Для материального обеспечения мужским монастырям придавалось 50 дворов и 10 *мё*: заливных полей, женским — только 10 *мё*: полей (впоследствии наделы были увеличены до 90 и 40 *мё*: соответственно). Самым крупным из обнаруженных археологами на сегодняшний день оказался монастырь в Мусаси (площадью 900 на 550 м), однако стандартный монастырь обычно занимал площадь 225 на 225 м. Молитвы в этих «провинциальных храмах» были призваны обеспечить безопасность государства от внешних и внутренних врагов, избавить от стихийных бедствий и эпидемий, принести богатый урожай.

Провинциальные буддийские храмы располагались, как правило, в непосредственной близости от Управлений провинциями, образуя вместе с ними единый административный комплекс. Сама идея создания такой религиозной суперструктуры была подсказана китайским опытом — в каждой провинции там имелся буддийский «государственный храм». Непосредственным поводом для возведения государственных храмов в провинциях были продолжавшиеся несколько лет кряду неурожаи, распространение эпидемии черной оспы, мятеж Фудзивара-но Хироцугу.

Особенной популярностью среди правящей элиты и духовенства, вовлеченного в орбиту государственной жизни, пользовались сутры, обещающие процветание и благоденствие тем странам, в которых монарх почитает Будду. В этих сутрах разрабатывается и проблема «священного правителя» (*чакравартин*), покровительствующего буддизму. Таким образом, мифологическое (синтоистское) обоснование легитимности правящей династии подкреплялось и буддийской доктриной. «Три сутры, оберегающие страну» считались: «Сутра золотого блеска» — «Конко:мё:кё:», «Сутра праведных правителей» — «Нинно:кё:» и «Лотосовая сутра» — «Хоккэкё:». Их надлежало иметь в каждом «провинциальном храме».

По мнению и ощущению правящей элиты, буддизм обладал неограниченными магическими возможностями для поддержания порядка в стране. Поэтому увлечение монахов чисто

доктринальными спорами вызывало открытое неудовольствие властей. Так, плохо скрываемое раздражение звучит в указе Гэнсё:, констатирувавшем, что монахи слишком много времени проводят в спорах о сущности кармы, игнорируя соблюдение заповедей. «Главным они считают святое учение, а не государственные планы», — утверждала она.

Общим направлением государственной политики по отношению к буддизму было его поощрение с одновременной попыткой тотального контроля. Крупным храмам и монастырям передавались в вечное владение обширные земельные наделы, но зато делами в буддийской общине в масштабе страны занимался ее глава — монах, назначаемый двором и ответственный ему (*со:дзу*: или *дайсо:дзу*).

Согласно закону о монахах («Со:нирё:»), им запрещалось вести проповедническую деятельность вне пределов храмов, они должны были проходить церемонию посвящения только в храмах, утвержденных для этой цели властями и т. д. Наказания, предусмотренные за эти нарушения, были внесены в сам текст «Со:нирё:», т. е. этот раздел законодательства обладал полной законченностью, сочетая в себе функции «гражданского» и «уголовного» кодексов — *рё:* и *рицу*. Отношение к буддизму во многом определялось политической ситуацией в стране: в периоды господства Фудзивара на деятельность буддийской общины накладывались определенные ограничения, в периоды доминирования правящего рода следовали меры по его поощрению (подробнее см. главу «Политическая история»).

Для духовенства была введена специальная 13-ступенчатая шкала рангов. Таким образом, государство делало все, чтобы превратить его в некоторое подобие чиновничьего аппарата и не допустить превращения буддийского духовенства в неконтролируемую социальную группу с самостоятельными интересами — в какой бы области они не проявлялись.

Кульминацией усилий Сё:му и его последователей по внедрению буддизма в тело государства стало строительство гигантского храма То:дайдзи. Храм в Исэ еще оставался в это время исключительно родовой святыней правящего рода, и посещение его сторонними людьми запрещалось. Роль же общегосударственного религиозного центра выполнял в VII в. буддийский храм Асука-дэра, а со второй половины VIII в. — То:дайдзи.

В указе Сё:му о начале строительства Тодайдзи (743 г.) говорилось: «Я, недостойный, с благоговением взойшел на трон. Всеми помыслами своими устремляюсь я к спасению и всеми силами своими лелею заботу о подданных. Хотя на окраинах уже процветают великодушные, Поднебесная еще не облагодетельствована Законом Будды. Воистину таинственное великоление Трех Сокровищ приводит Небо и Землю в гармонию, осчастлививает десять тысяч поколений, твари и растения набирают силу. Обещаю отлить статую (имеется в виду статуя космического Будды Вайрочаны) из меди, что найдется в стране, срою горы высокие и отстрою храм и, обратившись ко всему миру, соберу общину, и тогда, как один, имея общую цель, все вместе устремимся к просветлению. Препеждающий богатство в Поднебесной — это я. Препеждающий силу в Поднебесной — это я. Этим богатством и силой этой будет воздвигнута досточтимая статуя».

Тодайдзи стал не только центром религиозной жизни, но и местом проведения важнейших государственных церемоний, не имеющих собственно к буддизму никакого отношения. Так, церемония присвоения чиновникам рангов неоднократно проводилась именно там.

Обращаясь к буддизму как к защитнику государя и государства, японские правители окружали себя монахами, которые приобретали все большее влияние при дворе. Не случайно поэтому, что и последняя в японской истории попытка свержения правящего рода была предпринята именно монахом — До:кё: — в VIII в.

В связи с вышеуказанными событиями наблюдается не только определенная утеря буддийскими монахами своих позиций при дворе, но и повторное нарастание «синтоистской волны» во всех сферах социальной жизни, сопровождавшееся серьезным переосмыслением всего комплекса официальной идеологии.

Однако политические перипетии уже не могли оказать на развитие японского буддизма решающего влияния.

Следует иметь в виду, что помимо достаточно прочных позиций, завоеванных буддизмом в среде высшей социальной элиты, он пользовался популярностью среди достаточно многочисленной группы лиц, утеревших свои кровно-территориальные связи. Самым мощным накопителем людей, находившихся вне

притяжения традиционного общества, была столица. Эта категория населения уже в меньшей степени подпадала под защиту родовых синтоистских божеств, и поэтому ее обращение к буддизму происходило достаточно активно. Именно монахи, не получившие официального посвящения и не приписанные ни к одному из храмов, были тем основным каналом, по которому буддизм мог проникать в самые отдаленные уголки страны.

Прозелитская направленность была характерной чертой буддизма махаяны на протяжении всей истории его развития в Японии. Социологические обследования, проведенные в настоящее время, также свидетельствуют в пользу этого заключения: если синтоистские жрецы практически не занимаются прозелитской деятельностью, то буддийские священники уделяют ей значительное внимание. И относительно древности, и относительно современности можно утверждать, что адептами синто рождаются, а последователями Будды — становятся.

О начале складывания самостоятельной буддийской традиции, независимой от функционирования государственного аппарата, можно говорить с конца VIII в. Крупные храмы, получившие в собственность землю, теперь уже могли вести автономное существование. В этих храмах (например, Тодайдзи, Дайтокудзи, Ганго:дзи) начинают составляться храмовые хроники, т. е. буддизм теперь обладает самостоятельной, отдельной от государства (хотя, конечно, и связанной с ним) историей. Нерасчлененный на религиозные течения буддизм VII в. уступает место более сложному образованию, в котором можно увидеть прообразы будущих религиозных школ, которыми был столь богат средневековый японский буддизм.

Однако следует иметь в виду, что в период Нара буддийские школы еще не сложились окончательно ни организационно, ни доктринально: храмы еще не делились по принадлежности к той или иной школе, и японские монахи не писали философско-религиозных трактатов, обосновывающих предпочтительность того или иного направления. В доктринальном отношении японский буддизм VIII в. еще очень сильно зависел от Китая. Большинство знаменитых японских монахов этого времени либо родились в Китае, либо обучались там.

Первые нарративные памятники, объектом описания которых становятся буддийские ценности и святые, складываются на рубеже периодов Нара и Хэйан.

Первым из них был неоднократно упоминавшийся сборник буддийских преданий, легенд и житий «Нихон рё:ики». Этот сборник, на содержание которого народная буддийская традиция оказала значительное влияние, обладал достаточно широкой аудиторией читателей, использовался в качестве материала для подготовки проповедей и внес большой вклад в формирование того типа личности, который мы можем назвать «буддийским». Истории «Нихон рё:ики» были призваны убедить в истинности и всеобщности кармического воздаяния, возбудить универсальную и активную сострадательность. Именно в этом, с макроисторической точки зрения, и состояла общекультурная значимость буддизма. Утратив до некоторой степени свои позиции при дворе, он постоянно участвовал в процессе формирования и социализации личности, пивелируя групповой модус поведения, вырабатываемый синтоизмом.

Конфуцианство. Мы употребляем термин «конфуцианство» для обозначения не столько учения собственно Конфуция, сколько той весьма синкретичной (помимо собственно конфуцианства значительное место в ней принадлежит даосизму) системы управления, которая сложилась позднее. Конфуцианство представляет собой мощный идеологический комплекс, в котором основной сверхценностью предстает государство как таковое. Языком описания для этого государства являются семейные отношения — обязанности/права иерархического порядка, которые исполняют и которыми наделены члены этой «семьи». При этом упорядоченность внутрисемейных отношений (микрорядка) мыслится как гарантия стабильности порядка внутригосударственного (макрорядка). Составной частью государственного конфуцианства является религиозный культ самого Конфуция и отправление ритуалов в его честь (в Японии получили лишь весьма ограниченное распространение). Тем не менее идеологемы конфуцианства являются продуктом достаточно развитого рационалистического (или же — в другой терминологии — теоретического) сознания.

Усвоение конфуцианских ценностей осуществлялось в нарской Японии в школах чиновников, т. е. с 13—16 лет. Таким об-

разом, начальная социализация достаточно долго происходила в семье. Уже одно это не могло не накладывать глубокого отпечатка на степень овладения конфуцианскими текстами и их интерпретацию: японское общество и государство мало походили на китайское, выработанная к этому времени картина мира также отличалась достаточным своеобразием.

К некоторым основным отличиям, которые определяют весь модус государственного существования Японии по сравнению с Китаем, можно отнести следующие: меньшая территория и население; островное положение; безопасность от внешних угроз (угроза нашествия кочевников всегда оставалась для Китая одной из основных проблем); слабая обеспеченность минеральными ресурсами; родоплеменной характер японского общества; иная картина мира, сложившаяся под влиянием синтоизма.

Поскольку сам Китай не прилагал серьезных усилий для вовлечения Японии в орбиту своего идеологического (да и практического) влияния, диффузия китайского миропонимания происходила либо случайным образом, либо за счет вполне осознанного отбора из богатейшего китайского опыта государственного строительства того, что более всего вписывалось в привычные представления и социальные структуры. Тем не менее значение китайского влияния, его государственной мысли нельзя переоценить: именно в это время в значительной степени был выработан тот язык описания, которым японская культура пользуется и сегодня. Важнейшей составляющей китайского влияния был китайский язык как таковой, внедрение которого (прежде всего в его письменной форме) в громадной степени способствовало становлению японской письменной культуры. К тому же язык, который сам по себе всегда является носителем важнейших культурных смыслов, не мог не оказывать самого непосредственного влияния на весь модус артикуляции японского миропонимания.

Стандартными текстами, которыми пользовались в японских школах чиновников, были следующие: «Сэндзимон» (кит. «Цяньцзывэнь», «Сочинение в тысячу иероглифов», мнемонический учебный текст протяженностью в тысячу ни разу не повторяющихся знаков, использовавшийся в процессе обучения во всех странах

с иероглифической письменностью); «Луньюй» и «Сяоцзы» — записи последователей Конфуция о нем самом и его учениках. Кроме того, в школьном обучении широко использовался сборник образов классической китайской прозы и поэзии «Вэнь-сюань» Сяо-туна (составлен при династии Южная Лян), материалы которого использовались в экзаменационных работах. Большой популярностью пользовалась также раннетанская поэзия (отчасти потому, что поэзия вообще занимала в раннеяпонской культуре значительное место). Однако среднетанская поэтическая традиция в Японии VIII в. еще не представлена.

Что касается богатейшей китайской классической философской традиции (даже канонической — скажем, хотя бы «Пятикнижия»), то она явно не пользовалась особым успехом. Поскольку в деле обеспечения текстами роль государства (посольств в Китай) была очень значительна, можно предположить, что в определенной мере это было следствием целенаправленного отбора источников письменной информации.

Получается, таким образом, что, несмотря на потенциальную возможность комплексного усвоения китайской картины мира, этого не произошло. В японской мысли этого времени практически не представлены такие основополагающие концепты, как дуализм небо/земля, *дао*. В социологических построениях отсутствует акцент на наказаниях, характерный для Китая (неравнозначность *рицу* и *рё*: в японском законодательстве); целиком проигнорирована идея «мандата Неба»; предоставляемые системой конкурсных экзаменов возможности вертикальной мобильности (Китай) практически полностью заблокированы кровно-родственной структурой общества; достаточным своеобразием отличаются и японские исторические хроники.

Фундаментальное отличие между Японией и Китаем видно по тому, как была воспринята нарсским двором система ритуала — *ли* — существеннейший для Китая компонент политического, идеологического и культурного устройства.

Наибольшая роль в первичном формулировании принципов *ли* традиционно отводится Конфуцию. Все последующие и весьма многочисленные авторы и «авторские коллективы», занимавшие

ся интенсивной разработкой этой проблематики, неизменно апеллируют именно к нему.

Пронизывающая все общественное устройство система *ли* (первичное значение — «церемониальный сосуд с вином») включала в себя пять основных элементов: 1) *цзили* (яп. *китирэй*, «ритуалы счастья») — ритуалы и церемонии, связанные с поклонением предкам; 2) *сюнли* (яп. *кё:рёй*, «ритуалы несчастья») — похороны; 3) *цзяли* (яп. *карэй*, «обряды радости») — ритуалы совершеннолетия и бракосочетания, т. е. обряды жизненного цикла; 4) *биньли* (яп. *хинрёй*, «гостевые ритуалы») — дипломатические отношения; 5) *цзюньли* (яп. *гунрёй*) — военные и связанные с войной церемонии, а также практические руководства (вооружение, подготовка войска, маневры).

Первые три типа ритуалов принадлежат к сфере так называемых «домашних обрядов» (которые должны отправлять все члены социума, начиная с «сына Неба» — императора, который, в отличие от Японии, обладал фамильным именем), последние два — к области государственных. Государство при этом рассматривалось как некоторое единство, образованное из отдельных домов-семей. Считалось, что отправление вышеуказанных ритуалов и церемоний способно обеспечить гармоничное состояние как самого государства, так и всех элементов, составляющих это идеальное государство. Законы при этом играли подчиненную и инструментальную роль — оперативного средства поддержания ритуала (а значит, и социума в целом) в должном и дееспособном состоянии.

В сунском и танском Китае именно *ли* (а отнюдь не законодательство) было основным элементом государственной идеологии, дающим теоретические обоснования природы государства, целей его существования, легитимности правителя. И если императору было дано право фактического пересмотра законодательства в форме указов, то о *ли* этого сказать нельзя — точно так же, как и все его подданные, он был обязан следовать ритуальному императиву — правилам отправления ритуала (домашнего и государственного — «поклонение Небу»), которые в своей письменной форме существовали отдельно от законодательных сводов и не вносились в их текст. Считаясь «сыном Неба», император был обязан поклоняться Небу в силу своих родствен-

ных связей с ним, представлятельствуя от имени всего населения Поднебесной — «единой семьи».

Что же можно сказать о месте *ли* в нарской Японии?

Хотя первое упоминание о ритуале (в китайском понимании этого термина) как основе государственности встречается еще в начале VII в. в «Уложении» Сё:току-тайси (что, видимо, является прямым следствием приглашения знатоков «Пятикнижия» из Пэкче в правления Кэйтай и Дзёмэй) и японский придворный церемониал несет в себе многие легко узнаваемые внешние детали китайского придворного обихода (одежда, восход и заход как ограничители рабочего дня, китайские названия построек дворцового комплекса и т. п.), вряд ли можно утверждать, что китайский ритуал был воспринят как системообразующее начало. Чрезвычайно показательно, что, в отличие от законодательных сводов, никаких прямых подражаний *ли* в Японии не наблюдается.

Из всех пяти разделов *ли* японцев, судя по всему, раньше всего заинтересовали похоронные ритуалы, т. е. именно та часть обрядовой практики, которая к этому времени уже являлась значимым предметом раннегосударственной объективации (строительство курганов). Но несмотря на определенное влияние китайского погребального ритуала, нашедшего, в частности, свое выражение в регламентирующем похоронные процедуры указе 646 г. (см. главу «Курганный период (кофун)»), в исторической перспективе утвердятся все-таки буддийский обряд трупосожжения.

Китайская дипломатическая практика утвердилась лишь в VIII в. Китайский дипломатический протокол включал в себя две основные процедуры: прием послов императором непосредственно в его дворце, где проводился обмен посланиями и дарами, и пир, который тоже устраивал сам император. Традиционный же церемониал Ямато предполагал встречу с иностранными послами представителей родоплеменной аристократии из региона Кинай в «гостевых домах». Начиная с правления Суйко прием посольства может проводиться во дворце правителя (хотя по-прежнему регистрируются и случаи встречи в «гостевом доме»), но первый прием императором иностранных послов датируется лишь 698 г. (встреча Момму с посольством Силла). С тех пор на протяжении всего VIII в. японские правители принимают послов сами.

Что касается общего соотношения «законов» и «ритуала» в Японии, то необходимо отметить, что там отсутствуют независимые и обладающие самостоятельным значением установления относительно *ли*, а отдельные положения, попадавшие в сферу компетенции *ли* в Китае, в Японии были инкорпорированы в тексты самих законодательных сводов. Получается, что правила ритуалов *ли* являлись для Японии лишь одной из частей законодательства.

Типичный пример представляют собой установления о соблюдении траура: в Китае они входят в *ли*, а в Японии — являются одним из разделов «гражданского кодекса» (*рё:*).

Глубокие различия в самой природе миропонимания видны и в реальном функционировании системы наделного землепользования. Поскольку в Китае глубоко укоренилась конфуцианская идея о том, что вся земля в Поднебесной принадлежит «сыну Неба», то и все земельные участки считались наделными, т. е. данными императором в пользование. Это касалось и земли, которая реально не распределялась государством, — целины, освоенной крестьянами. Чрезвычайно быстрая эрозия японского земельного права, предоставление различного рода льгот (в том числе и при освоении целины), переход все большего количества земельных участков в юридически подтверждаемое с помощью императорских указов частное владение показывают, что одна из основных идей *ли* о том, что обработка земли возможна лишь на условиях пользования, а не владения, не нашла в Японии оснований для укоренения.

Чрезвычайно показательны различия в подходах и к определению такого фундаментального вопроса, как статус правителя. Скажем, *рё:* в Китае регламентирует одежду правителя, а в Японии — нет. Местонахождение китайского императора при проведении придворных церемоний четко фиксируется, а в Японии — снова нет. Фигура японского императора вообще фактически выведена за пределы любых письменных законодательных установлений. Не определяется даже такой важнейший для функционирования государства вопрос, как порядок престолонаследования (он был законодательно разрешен только в Японии эпохи Мэйдзи).

Необходимость регламентаций, касающихся императора, в Китае была напрямую связана с местом императора в ритуалах

ли — китайский «сын Неба» обладает не только огромными правами, но и обязанностями. Не случайно, что в Танских установлениях относительно *ли* пункто праве и обязанности императора почитать Небо идет в первых строках. Если же он по каким-то причинам не справляется со своими обязанностями, то он (или же вся династия в целом) теряет «мандат Неба» и подлежит устраниению — идея, которая в Японии принята никогда не была.

Вряд ли было бы уместно допустить, что одежды императора в Японии вообще никак не регламентировались. Однако эти регламентации существовали в устной форме — все, что относилось к статусу сакрального правителя, определению его ритуальных и церемониальных действий, не подпадало под компетенцию письменной культуры и существовало в форме обычного права.

В письменной же форме, т. е. в нарративах «Кодзики» и «Нихон сёки», имплицитно обосновывалась сакральность всей династии, несменяемость ее (но не отдельного правителя). Таким образом, точно так же, как ритуалы *ли* (содержащие в себе основные принципы легитимизации) были выведены в Китае за пределы законодательства, основной «программный документ» японского государственного устройства — синтоистский миф — обладал совершенно отдельным и особым статусом. Преподельный характер мифа и определял многие особенности функционирования не только собственно правящего дома, но и всех других влиятельных родов, японского государства и общества вообще.

В 807 г. глава старинного жреческого рода Имибэ-но Хиронари представил императору Хэйдзэй в качестве докладной записки свою родовую хронику, получившую название «Когосюи» («Дополнения к древним историям»). Приводя текст мифа, повествующего о сокрытии Аматэрасу в пещере, он особо подчеркивает роль божества-предка Имибэ в вызволении оттуда богини солнца. Это понадобилось ему для того, чтобы обосновать несправедливость существующего положения, когда при отправлении синтоистских ритуалов род Имибэ оказался отнесенным на второй план другим жреческим родом — Накатоми. И этого оказалось достаточно, чтобы наследственные привилегии дома Имибэ были восстановлены.

Еще более яркий пример представляют собой генеалогические списки «Синсэн сёдзироку», в которых все влиятельные роды (числом 1182), обитавшие в Кинай, были расклассифицированы в за-

висимости от типа предка, к которому они возводили свое происхождение (потомки императоров, потомки небесных божеств, потомки детей и внуков небесных божеств, потомки земных божеств, потомки иммигрантов). При составлении списков основным первичным источником опять же служил мифологический рассказ. Одной из главных целей «Синсэн сёдзироку» было желание ограничить влияние в придворной жизни потомков иммигрантов, служилой знати вообще и периферийной аристократии. В исторической перспективе это привело к абсолютной самогерметизации правящего класса (родоплеменной аристократии).

Получается, таким образом, что заимствование китайских общественных установлений было в значительной степени формальным, не носило системообразующего характера и не подрывало основ традиционного социального порядка.

При этом нужно себе отдавать отчет в том, что это очень часто происходило не ввиду недостатка знаний о Китае (хотя полностью исключить этот фактор тоже нельзя), но совершенно осознанно. Заимствовав многие ритуалы танского придворного церемониала (например, празднование Нового года, праздник Такабата), нарский двор отказался от такого важнейшего системообразующего ритуала, как почитание императором Неба. Не укоренился и ритуал вешанки императором весеннего поля (хотя образцы ритуальных плугов до сих пор тщательно сохраняются в сокровищнице Сё:со:ин).

Таким образом, заимствовав с достаточной легкостью многие институты и атрибуты китайской государственности (законодательство, летописание, систему «министерств», ранжирования чиновничества и конкурсных экзаменов и т. д.), японская культура, государство и общество придали им совершенно другое содержание.

Глава 17

Япония и внешний мир

Специфика исторического пути Японии не может быть понята без учета ее отношений с внешним миром. При этом сле-

дует иметь в виду, что внешнее по отношению к японскому государству пространство следует подразделить по крайней мере на две основных зоны: заграничные государства и неподвластные японскому императору племена, обитавшие на самом архипелаге.

Взаимоотношения с материковыми государствами. Связи с материком осуществлялись морем, и потому прежде всего мы должны ответить на вопрос, чем же оно было для японской культуры и цивилизации?

Ввиду своей малоосвоенности человеком, море, в отличие от суши, в доиндустриальном обществе — это почти всегда «ничья земля», и оно не вызывает территориальных конфликтов в такой степени, в какой они случаются на суше. Помимо хозяйственного использования, его значение для древности определяется прежде всего его особенностями как некоторой проводящей среды.

С одной стороны, море отделяет одну культуру от другой, а с другой — служит проводящей информационной средой. Применительно к Японии исторический парадокс заключается в том, что оно было проводником информации (если посмотреть на дело с макроисторической точки зрения) только в одном направлении: с материка — в Японию. Не существует никаких данных о переселении сколько-нибудь значительных групп «японцев» на континент. В то же самое время насчитывается по крайней мере три достаточно крупных «волны» переселенцев с Корейского полуострова на архипелаг. Каждая из них способствовала кардинальным переменам в культурной, хозяйственной и государственной жизни обитателей Японии.

1. Переселенцы III в. до н. э. — III в. н. э. В результате их взаимодействия с местным населением сформировалась «культура яёй».

2. Переселенцы второй половины V — начала VI в. — отток населения из государства Пэкче, теснимого Силла и Когурё (начало распространения буддизма и письменности в Ямато).

3. Переселенцы второй половины VII в. из Пэкче и Когурё, завоёванных Силла (формирование «государства *рицурё*»).

Так, значительная часть населения исторической Японии была образована выходцами с материка, а сама древнеяпонская культура формировалась при непосредственном участии переселенцев,

которые сумели преодолеть водный барьер, причем массовость процесса переселения указывает, что преграда эта не выглядела чрезмерной (следует, правда, иметь в виду, что поток переселенцев был направлен по наиболее короткому и легко-преодолимому маршруту — через острова Ики и Цусима в Корейском проливе).

Тем не менее остается фактом неумение (а скорее — нежелание) японцев более позднего времени (под «японцами» мы понимаем в данном случае весь комплекс социально-государственного организма) строить быстроходные и надежные корабли, приспособленные для плавания в открытом море. Вплоть до начала интенсивных контактов с европейцами в XIX в. японцы не выучились (не хотели выучиться!) серьезному мореплаванию, а их «суда» представляли собой, как правило, долбленки, сделанные из одного бревна, размером которого и лимитировался размер судна, предназначенного по преимуществу к плаванию лишь в прибрежных водах.

В XIII—XVI вв. Япония обладала значительным кораблестроительным потенциалом, и так называемые «японские пираты» (*вако*;) освоили достаточно большую часть азиатского пространства и совершали налеты на прибрежные поселения в Корее, Китае и Юго-Восточной Азии. Сёгунаты же никогда не пытались поставить их на «службу отечеству» и всегда только препятствовали их деятельности, видя в них по преимуществу «вредное» начало — им были совершенно не чужды ни несанкционированная торговля, ни дипломатические неприятности. Весьма контрастный пример представляет собой морская политика Англии — приблизительно в те же времена английские пираты при соблюдении определенных условий фактически поощрялись государством — а Фрэнсис Дрейк был даже возведен Елизаветой в рыцари.

Совершенно понятно, что до середины VII в. путешествие по морю не представляло для японцев особой проблемы: тесные связи военно-политического свойства с государствами Корейского полуострова, где Ямато имело свои интересы, обуславливали посылку туда многочисленных эмиссаров и крупных контингентов войск. Так, экспедиционный корпус 663 г. составлял 27 тысяч человек. Однако в результате серии поражений он

был вынужден вернуться на архипелаг, после чего Ямато отказывается от проведения активной внешней политики и начинает энергичное обустройство внутренней жизни. От моря начинают ждать неприятностей, усиливается охрана южной границы (японские правители боялись вторжения со стороны Силла, поэтому любые сведения о нестабильности на Корейском полуострове приводили в VIII в. японское войнство в состояние повышенной боевой готовности), строятся крепости. Японское государство впервые начинает отторгиваться от моря, маркируя его как свою государственную границу. Пожалуй, именно в этот момент был уже сделан окончательный выбор в пользу интенсивного пути хозяйствования, который сопровождался постепенным нарастанием общей интровертности культуры. И хотя расширение территории Ямато продолжалось вплоть до IX в. в северо-восточном направлении, водное расстояние, отделяющее Хонсю от Хоккайдо, преодолено не было. Более того, даже на севере Хонсю власть центра не была особенно прочной.

Нам представляется, что сложившийся в Японии хозяйственно-культурный комплекс способствовал отсутствию экспансии во внешний мир: цикл воспроизводства носил замкнутый и самодостаточный характер; территория архипелага располагала всем необходимым для его поддержания. Факторами, ограничивающими экспансионистские устремления, следует признать: отсутствие скотоводства как значимой составляющей способа хозяйственной адаптации к вмещающему ландшафту и почти неизбежно сопутствующего ему комплекса территориальной агрессивности, вызываемой потребностью в пастбищах; богатейшие морские ресурсы, которые для того времени можно принять за неисчерпаемые, т. е. не выступающие в качестве объекта борьбы за территориальное превосходство; заливное рисосеяние, автоматически предполагающее интенсивные методы хозяйствования и тщательное освоение прежде всего ближнего пространства.

Территориальная экспансия Японии началась только после «обновления Мэйдзи», т. е. только после того, как она перешла на рельсы европейского индустриального развития, которому с неизбежностью сопутствует необходимость в постоянно увеличивающемся количестве минеральных ресурсов.

Объективно существовавшие предпосылки изоляционизма дополнились историческими факторами. Нараставшая в VII—VIII вв. мирная экспансия иноземной культуры подтачивала саму идеологическую основу существования японского общества — культ предков, освящаемый синтоизмом. Может быть, наиболее зримое выражение этот процесс нашел в неудавшейся попытке смены правящей династии, предпринятой буддийским монахом До:кё:.

Выходцы из Кореи и Китая предприняли масштабные усилия ревизовать синтоистский миф за счет создания генеалогических списков «Вакан сорэкитэй фудзу» (не сохранились), согласно которым иммигранты возводили свое происхождение к божествам синтоизма. Увидев в этом процессе размывания устоявшихся социальных ценностей угрозу собственному положению, японская родоплеменная аристократия во главе с родом Фудзивара выказала явственное стремление к самогерметизации (прослеживаемое отчасти и в более раннее время), стараясь не допустить сторонние элементы в свою «кастовую» структуру. Естественно, что и вся ее социальная политика оказалась подчинена этим целям — она была рассчитана на предотвращение социальной мобильности во всех общественных сферах.

Однако способ изоляционизма, избранный японской аристократией, оказался весьма своеобразен. Провозглашенное ею следование дорогой предков распространялось в основном на социальную сферу, что теоретически могло бы при осуществлении должного контроля привести к полному блокированию потенций ко всякому развитию. Однако этого не произошло, ибо образование, наука и техника фактически не вошли в понятие формирующейся концепции национальной культуры, и, таким образом, для заимствования континентальных достижений в этих областях никогда не существовало непреодолимых препятствий.

Отказавшись от решения военно-политических задач на Корейском полуострове, японское государство, однако, еще не утратило в этот момент интереса к культурному взаимодействию с материком. Тем не менее приоритеты были резко изменены. Если раньше наибольший интерес вызывали государства Корейского полуострова (в особенности Пэкче — именно через эту

страну поступал в Японию основной объем культуросодержащей информации с материка), то теперь взоры японцев были обращены непосредственно к Китаю, который отныне стал служить основным источником культуросодержащей информации — как в области науки и техники, так и в сфере государственного строительства.

И выбор этот был совершенно осмысленным. После распада Пэкче и Когурё беженцы именно из этих стран предоставляли наиболее значительный контингент выходцев с материка, с которыми был возможен непосредственный контакт. Однако японское государство использовало их как носителей знаний не столько о Корее, сколько о Китае. Конечно, этому способствовало и осознание неоспоримого факта военного превосходства Китая — сама Силла, объединившая Корейский полуостров, находилась в очень сильной зависимости от Танской империи (*ван* получал инвеституру при дворе китайского «сына Неба», а престолонаследник должен был находиться в Китае в качестве заложника).

Ямато удалось отправить несколько миссий к суйскому двору. Помимо решения чисто дипломатических проблем целью посольств было углубленное знакомство японцев с буддизмом (хроника «Суй-шу» сообщает относительно второго посольства 607 г.: «Прознав о том, что будхисатва-сын Неба страны западного моря (т. е. китайский император) покровительствует Закону Будды, [посольство Ямато] явилось ко двору вместе с несколькими десятками послушников, чтобы они изучали Закон Будды»). Таким образом, одной из основных целей контактов с Китаем уже в это время выступает получение знаний, т. е. навык обращения с некоторой информацией.

Япония продолжала направлять посольства и в Китай танский. В период с 630 до 894 г. было назначено 19 посольств (630, 653, 654, 659, 665, 669, 701, 716, 732, 746, 750, 759, 761, 762, 775, 778, 801, 834, 894 гг.), однако в силу различных обстоятельств реально были осуществлены далеко не все посольства. Были отменены миссии 746 (10-я), 761 (13-я), 762 (14-я) и 894 (19-я) гг. Кроме того, в число указанных 19 посольств входят и посольства не совсем «настоящие»: 12-е посольство 759 г., целью которого была встреча и сопровождение предыдущего посольства Фудзивара-но Киёкава; отмененное 14-е по-

сольство 762 г., целью которого были проводы танского посла; 5-е (665 г.) и 16-е посольства (778 г.), отправленные с теми же чисто церемониальными целями.

Таким образом, в танский Китай было направлено всего 11 полноформатных посольств. Обычно их возглавляли чиновники 4-го, т. е. более высокого ранга, чем послы в Силла и Бохай (5—6-й ранги), но, тем не менее, высшая японская аристократия в посольствах не участвовала, что свидетельствует об ограниченности политических и дипломатических задач, которые стояли перед посольствами. В то же самое время пребывание в Китае бывало достаточно продолжительным (обычно около 3—4-х лет), поскольку в задачу посольств входило не только церемониальное посещение «сына Неба» и принесение дани, но и сбор информации самого различного рода, которая была необходима для государственного строительства в самой Японии. Первое в VIII в. посольство 701 г. (возглавлялось Авата-но Махито), отправленное с 32-летним перерывом в связи с кризисом на Корейском полуострове, задержалось даже на семь лет, а буддийские монахи проводили в Китае от десяти до двадцати лет. Первые посольства к тайскому двору в VII в. состояли из одного или двух кораблей (на каждом — от 120 до 160 человек). В VIII в. отправлялось уже четыре корабля. Наиболее многочисленное посольство было отправлено в 838 г. — более 600 человек.

Следует иметь в виду, что Япония, находясь в зависимости от Китая как источника информации, не приняла практики инвеституры (получение от танского императора печати, удостоверявшей легитимность японского правителя) и оставалась, таким образом, независимым государством. Несмотря на явное недовольство, Танской империи пришлось с этим смириться. Но поэтому-то и отношение к Японии было намного более прохладным, чем к другим близлежащим странам. Во время новогодней церемонии 753 г., когда в Чанъани оказались посольства сразу четырех стран, японское посольство было поставлено на последнее место (посольство Силла стояло в первом ряду «восточных варваров», посольство «сарацинов» находилось на втором месте; среди «западных варваров» на первом месте оказались тибетцы, на втором — японцы). Это вызвало сильное неудовольствие японского посольства, озвученное заместите-

лем посла Оотомо-но Комаро: «Несмотря на то что Силла издавна приписит дань Японии, ее поставили выше. Это не соотнобразуется с естественным порядком вещей». В результате этой дипломатической акции посольства Японии и Силла поменялись (или якобы поменялись) местами. Хотя этот рассказ «Сёку нихонги», основанный на отчете Комаро, вызывает сильные сомнения (так, японцы всегда квалифицировались Китаем как «восточные», а не как «западные» варвары), но, похоже, верно передаст общую дипломатическую обстановку: недовольство Китая Японией и международные амбиции последней.

Путешествие по морю считалось (да и было) делом весьма опасным, кораблекрушения случались часто, и в VIII в. около 30 процентов численного состава миссии гибли. До этого времени дело обстояло более благополучно: морской маршрут японских посольств проходил по наиболее короткому и безопасному водному пути — корабли отплывали с северного Кюсю и направлялись к Корейскому полуострову через Корейский пролив (останавливаясь на островах Ики и Цусима), откуда шли вдоль корейского побережья Желтого моря на север, затем пересекали море, причаливая на Шаньдунском полуострове (так называемый «северный» или «Силланский» маршрут). Однако этот путь в Китай занимал много времени (из-за продолжительности путешествия по суше) и требовал кооперации с корейскими (Пэкче и Силла) властями. В связи с ухудшившимися отношениями с Силла, начиная с 661 г. японские посольства все чаще выбирали «южный маршрут» — через Восточно-Китайское море, — который представлял намного большую опасность. Следует также иметь в виду, что по сравнению со своими соседями (например, Силла) японцы были неважными мореплавателями (записи о датах отправления посольских судов свидетельствуют, что японцы плохо представляли себе направление муссонных ветров), а их суда не отличались совершенством — они не были оснащены поворотным парусом, и движение против направления ветра осуществлялось на веслах. Строительство двухмачтовых парусных судов, на которых отправлялись посольства, было таким редким событием, что могло удостоиваться упоминания в хронике. Когда японцы, понавшие на материк, возвращались на попутных судах Силла, путешествие обычно заканчивалось благополучно.

Иллюстрация 40. Посольское судно VIII в.

В состав посольств входили собственно дипломаты, специалисты (врачи, астрологи, фармацевты, ремесленники), знатоки китайской письменной традиции и монахи, экипаж кораблей составлял до 40% общей численности миссии (конструктивное несовершенство судов компенсировалось мускульно-весельной силой). Помимо выполнения политико-этикетных задач, посольства являлись поставщиками разнообразной письменной информации — на приобретение книг выделялись специальные ассигнования. Не слишком большое количество посещавших Китай (в среднем за год число путешественников — по официальным каналам — можно оценить в 30—40 человек) позволяет сделать заключение, что, помимо переселенцев с материка (беженцы из Пэкче и Ко-

гурё), основным средством приобретения необходимой информации и навыков были книги, которые, после возвращения на родину, изучались, переписывались и распространялись под прямым патронажем (и одновременно контролем) государственных структур.

Подарки японцев китайскому двору состояли из природных ресурсов (серебро, агат), разнообразных образцов ткачества, растительного масла, сладостей, т. е. в отличие, скажем, от Силла не представляли собой высокотехнологичных предметов ремесленного производства.

Необходимо отметить, что, несмотря на укоренившееся мнение об открытости Танской империи, это суждение следует воспринимать с определенными оговорками. Без особого разрешения танские власти не позволяли иностранцам ни вести торговлю, ни осуществлять импорт. Эти ограничения распространялись и на книги. Так что далеко не всегда японцы могли приобрести именно те книги, которые хотели. В случае же направления в Китай официальных посольств, для приобретения книг предоставлялись намного более благоприятные возможности.

Положение меняется лишь начиная со второй половины VIII в., когда в Танской империи многие запреты на вывоз были или смягчены, или попросту перестали соблюдаться. Это вызвало бурный рост международной торговли (в том числе и книгами), которая, применительно к Японии, сначала осуществлялась силланскими, а с IX в. китайскими купцами. Несмотря на попытки японского двора сохранить государственную монополию на информацию, они в результате закончились неудачей.

Не случайно поэтому, что китайские книги воспринимались в Японии в качестве товара стратегического назначения. Они хранились в Архивном отделе (*дзусёрё*) и без специального распоряжения императора не могли быть выдаваемы даже принцам крови.

«Все средства, которые ему выделил [танский] двор, [Авата-но Махито] потратил на покупку книг. Он увез их домой с собой»

(китайская хроника «Син Тай-шу» о японском посольстве начала VIII в.).

Из документированных случаев доставки дипломатическими миссиями книг особенно плодотворным в деле их приобретения было посольство 717 г., в котором участвовали монахи Гэмбо: и Киби-но Макиби. Они вернулись в Японию в 735 г. вместе со следующим японским посольством. Эти годы они провели в учении (Гэмбо: — у буддийских патриархов, Макиби — у конфуцианских ученых). По специальному разрешению им был позволен вывоз тех книг, которые представителям «варварских стран» приобретать запрещалось. Гэмбо: привез 5000 свитков сутр, а Макиби — 130 свитков «Тан-ли» («Ритуалы династии Тан»), сочинения по астрологии, календарному делу, музыке и др.

Как по числу посольств, так и по количеству посылаемых для обучения в Китай студентов японцы намного уступали в интенсивности контактов с Китаем Силла (Силла обменивалась посольствами с Китаем до трех-четырёх раз в год, а Япония — приблизительно один раз в двадцать лет; многие силланцы делали успешную чиновничью карьеру в Китае, в то время как среди японцев таким опытом обладал только Абэ-но Накамаро, 698—770), однако знакомство японцев со всеми проявлениями китайской государственной жизни отнюдь нельзя признать в чем-то уступающим знаниям силланцев.

Согласно описи, сделанной в конце IX в. Фудзивара-но Сукэё (847—897), в государственном хранилище имелось 16 693 свитка. Практически все книги так или иначе имели отношение к науке управления государством. По иронии судьбы, к этому времени центр уже утратил значительную часть своих властных полномочий.

Почти полное отсутствие у Китая интереса к Японии давало возможность избирательного отношения к получаемой информации и интерпретации ее с точки зрения сложившихся условий и менталитета. С 632 по 778 г. в Японию из Китая было направлено восемь миссий, причем пять из них падают на период с 664 по 671 г., что было связано с проблемами передела сфер влияния, возникшими после объединения Корси под эгидой Силла. После того как на Корейском полуострове устано-

вилась определенная стабильность, следующее китайское посольство прибыло в Японию через 90 лет — в 761 г. При этом следует иметь в виду, что подавляющее большинство посольств было отправлено не от имени танского императора, а от имени военной администрации Китая в Корее (только о миссиях 632 и 778 гг. точно известно, что их возглавляли императорские послы, да и то это были чиновники всего-навсего 7-го ранга).

Кроме посольств в танский Китай, значительную роль в общении японцев с дальневосточной цивилизацией играл и обмен посольствами с Силла. Начиная с правления Тэмму и до конца VIII в. в Японию было отправлено 39 посольств (672, 673, 675, 676, 678, 679, 680, 681, 683, 684, 685, 687, 689, 690, 692, 693, 695, 697, 700, 703, 705, 709, 714, 719, 721, 723, 726, 732, 734, 738, 742, 743, 752, 760, 763, 764, 769, 774, 779 гг.).

Непосредственно после того, как Силла объединила под своей эгидой Корейский полуостров, ее отношения с Японией складывались благоприятно. При этом Япония рассматривала Силла в качестве вассального государства. Поскольку, согласно тогдашней дипломатической логике, движение послов должно было осуществляться главным образом в сторону центра, количество японских посольств в Силла за указанный срок составило всего 23 (675, 676, 681, 684, 687, 692, 696, 700, 703, 704, 706, 712, 718, 719, 722, 724, 732, 736, 740, 742, 752, 753, 779 гг.). Если в начале обмена посольствами Объединенная Силла, заинтересованная в поддержке Ямато в своем противостоянии с Китаем, присылала посольства ко двору Тэмму почти каждый год, то после возникновения у ее северных границ царства Бохай силланские правители сочли за благо замирился с Танской империей, и их недовольство гегемонистскими претензиями Ямато стало возрастать. В правление Дзинто: силланские посольства приезжают уже приблизительно один раз в два года, а при Момму — один раз в три года. В связи с известием о приеме японским двором бохайских послов в 727 г. Силла не отправляла свои миссии до 732 г.).

Во время миссии 732 г. силланский посол просил о сокращении количества посольств в Японию, но Япония потребовала регулярного принесения дани один раз в три года. Вероятно, требуемое согласие Силла не было получено, и Япония стала готовиться к войне. Однако следующее силланское посольство все-таки прибыло в Японию ровно через три года — в 735 г. Но сил-

ланский посол, будучи спрошен о целях своего визита, несожиданно ответил, что его цель заключена в объявлении о переименовании своей страны, что было равносильно заявлению о суверенитете. И тогда отношения оказались окончательно подорваны: японский двор не признал переименования и отправил посла обратно. Японское посольство в Силла, отправленное в следующем году, было также в свою очередь выслано. В связи с этим в высших придворных кругах Японии высказывалось даже мнение о необходимости направлении в Силла карательного корпуса.

Посольство Силла 752 г. возглавлялось принцем и было чрезвычайно представительным (более 700 человек). В послании правителя говорилось, что нынешний ван Силла глубоко сожалел о действиях и словах прежнего. Однако исторические обиды на Силла были столь глубоки, что, воспользовавшись внутренними беспорядками в Китае в конце 50-х годов VIII в. (мятеж Ань Лушаня), подорвавшими баланс сил на Дальнем Востоке, Япония (прежде всего в лице всемогущего Фудзивара-но Накамаро) вновь построила план покорения Силла (предполагалось отправить экспедиционный корпус на 394 кораблях в составе 47 000 пехотинцев и 17 360 матросов), но отстранение от власти Накамаро помешало его осуществлению. Однако после признания Силла Китаем контакты между Японией и Силла стали постепенно сходить на нет и прекратились после 779 г.

Еще одной страной, с которой на протяжении VIII в. Япония поддерживала достаточно регулярные связи, было государство Бохай, возникшее в конце VII в. (прекратило существование после завоевания киданями в 926 г.), царствующая династия которого была основана выходцем из Когурё Тэ Чоёном. Подавляющую часть населения составляли мохэ (общее название группы тунгусских племен). В состав Бохай входили Ляодун, северная часть Корейского полуострова и юг Приморья. Поскольку территория Бохай занимала, в частности, большую часть прежней Когурё, гранича с Силла и Тан, то случались постоянные конфликты с ними. Япония рассматривала Бохай как «варварскую страну» и свое вассальное государство (что было особенно актуально для поднятия государственного самосознания в условиях, когда Силла все время пыталась избавиться от такой зависимости). Первое бохайское посольство в Японию прибы-

ло в 727 г. и было принято Сё:му. Всего же за весь период существования этого государства в Японию было направлено 34 миссии (особенно участились с начала IX в.). В VIII столетии в Японию прибыло 14 посольств (727, 739, 752, 758, 759, 762, 771, 773, 776, 778, 779, 786, 795, 798 гг.). Поначалу посольства Бохай пытались использовать Японию в качестве своего военно-дипломатического союзника, однако со второй половины VIII в. в контактах двух стран все больше просматриваются церемониальные и обменные цели (бохайские посольства преподносили японскому двору меха, женьшень, мед; японские — продукты ткачества и лаковые изделия). Из Японии начиная с 728 г. было отправлено в Бохай 13 миссий (т. е. приблизительно столько же, сколько и в Китай), последняя из которых датируется 810 г. (до этого посольства были отправлены в 728, 740, 758, 760, 761, 762, 772, 777, 778, 796, 798, 799 гг.). Япония использовала бохайские посольства и свои посольства в Бохай для получения информации о событиях на Корейском полуострове и в Китае. Кроме того, Япония пыталась проложить маршрут в Китай через территорию Бохай (не было реализовано) в связи с нестабильными отношениями с Силла.

Бохай оказалась единственной страной, с которой Япония продолжала поддерживать посольские контакты в IX—X вв. вплоть до крушения этого государства (при этом следует отметить, что эти контакты в IX—X вв. стали односторонними — посольства отправляло только бохайское государство). Последний официальный контакт с Силла датируется 779 г., с Танской империей — 838 г. После смерти Сё:току, когда была прервана линия императоров-потомков Тэмму и воцарилась линия, ведущая свое происхождение от Тэнги, Япония умеряет свои «имперские» амбиции на международной арене и все больше вырабатывает «изоляционистский» модус существования, обусловленный как ее географическим положением и способом хозяйственной адаптации к вмещающему ландшафту, так и конкретными историческими обстоятельствами. В первую очередь они заключались в том, что исчезло осознание угрозы, исходящей с материка: и Танская империя, и Силла были озабочены прежде всего своими внутривосточными проблемами. Чрезвычайно показательно, что в 792 г., т. е. в самый разгар военных кампаний против эмиси, Япония резко сокращает свою армию: воинская повинность была от-

менена повсюду за исключением районов непосредственного контакта с эмиси (провинции Муцу, Дэва, остров Садо) и региона Сайкайдзё, что свидетельствует о глубоких изменениях в самой природе японского государства, все в большей степени приобретающего «интroversный» характер. Изменение политической обстановки на Дальнем Востоке и послужило одной из непосредственных причин достаточно быстрого выпадения Японии из системы международных отношений в регионе.

Представление Японии о себе как о местном гегемоне также полностью утрачивает свою актуальность. Когда в VIII — первой половине IX в. корейцы из Силла, корабли которых прибывало к японским берегам, просили о переходе в подданство японскому императору, то такое разрешение всегда им давалось (поскольку считалось за признание Японии в качестве местного гегемона), а во второй половине IX в. властям Кюсю было приказано снабжать их продовольствием и отправлять обратно. Когда в 918 г. было воссоздано государство Корё (Когурё), покорившее Силла в 935 г. и объединившее, таким образом, Корейский полуостров, оно пожелало восстановить официальные контакты с Японией и даже обязалось приносить дань, признавая себя вассальным по отношению к ней государством. Однако Япония это предложение отвергла. Осознав свою самодостаточность, не обменивалась Япония посольствами и с наследницей Тан — Сунской империей. Это не означает прерыва в торговых отношениях, однако они переходят в частные руки, причем морскую торговлю осуществляли прежде всего китайские и корейские (но не японские) купцы.

Зримым свидетельством существовавших посольских и иных контактов с материком является сокровищница храма Тодайдзи — Сё:со:ин (древнейшее из сохранившихся зданий храмового комплекса). Начало ее коллекции было положено после смерти Сё:му, когда его вдова — Ко:мё: — преподнесла Тодайдзи те вещи, которые он особенно любил и ценил. С тех пор сокровищница пополнялась различными предметами. Ценность коллекции признается настолько большой, что в настоящее время она выступает в массовом сознании как один из символов нации. С 1875 г. экспонирование предметов этой коллекции может быть осуществлено только при получении разрешения от императора.

Коллекция распадается на три основных части. Первая — это предметы, подаренные Ко:мё:. Судя по составленному тогда списку подаренного (около 700 предметов), утеряно было немного, и большинство из этих предметов дошло до нас. В основном они имеют континентальное происхождение. Среди них имеется различная утварь (шкафчик, ширма), музыкальные инструменты, оружие, лекарства, благовония и др. Вторая группа — это предметы буддийского культа, собранные собственнo храмом То:дайдзи (в основу положены вещи хэйанской эпохи, но есть и ведущие свое происхождение со времени основания храма — например, предметы, использовавшиеся при церемонии освящения статуи Вайрочаны). Кроме того, в Сё:со:ин находится древнейшее собрание документов («документы Сё:со:ин»). Самостоятельной ценностью обладают китайские книги суйского и танского времени, переданные в Сё:со:ин уже в эпоху Мэйдзи.

География происхождения предметов коллекции Сё:со:ин чрезвычайно широка: не говоря уже о Китае и Корее, это юг Аравийского полуострова, Восточная Африка, Индия, Персия, Суматра, Таиланд, Бирма. Однако, разумеется, эти образцы искусства и культуры были завезены в Японию не в результате прямых контактов с представителями этих цивилизаций, но при посреднической миссии Китая и Кореи (в настоящее время доказано, что многие предметы были приобретены у силанских торговцев), куда они попадали по Великому шелковому пути. В любом случае, предметы из Сё:со:ин представляют собой единичные экземпляры и характеризуют скорее широкие контакты танского Китая (там были основаны и зороастрийские, и мусульманские, и даже христианские храмы) и Кореи, чем Японии.

Наиболее многочисленные личные контакты японцев с представителями континентальной культуры осуществлялись не посольствами, а достаточно мощным потоком переселенцев с Корейского полуострова, вызванным крушением Пэкче (663 г.) и Ко:гурё (668 г.), когда Силла удалось объединить Корею. Как свидетельствуют генеалогические списки «Синсэн сёдзироку», в высшей элите японского общества около трети были исторически недавними выходцами с Корейского полуострова и из Китая.

Кроме того, японцы предпринимали усилия по привлечению тех специалистов, в услугах которых они были сами за-

интересованы. Хорошим примером подобных усилий может послужить история переселения китайского монаха Гандзин (см. главу «Политическая история»). Однако при ограниченном количестве контактов с материком целенаправленное приглашение специалистов с континента было скорее исключением, чем правилом.

Проявляя неоспоримый интерес к материковому опыту (в первую очередь — китайскому), моделируя государственное строительство по китайскому образцу, японцы делали это прежде всего с помощью письменной информации и — поначалу — в значительной степени руками уже готовых кадров из Китая и Кореи.

В этом историческом опыте заложены стереотипы культурно-исторического поведения японцев на протяжении почти всего последующего исторического периода: мудрость прирачивается прежде всего письменным словом; не столько самим искать контактов с внешним миром, сколько ожидать, когда этот внешний мир откроет тебя. В то время как начиная с IX в. китайские торговцы значительно активизировали свою деятельность, включив в нее и Японию, в самой Японии стал действовать запрет на посылку на материк частных торговых судов. Такая же ситуация сложилась и с прибытием в XVI в. в Японию португальских торговцев: именно они, а не японские купцы взяли на себя ответственность за морские перевозки. Крайне немногочисленные, приближающиеся к нулю контакты Японии с внешним миром в период Токугава также соответствуют этой модели: японцы были готовы изредка принимать иностранные суда, но не посылать свои.

Оценивая в целом характер связей Японии с внешним миром, следует отметить, что, помимо решения задач по повышению собственного престижа (как в собственных глазах, так и в глазах зарубежья), обмен между Японией и материком осуществлялся прежде всего в информационной, а не товарной сфере (товарный обмен ограничивался предметами роскоши). Японцев значительно больше интересовали идеи (в особенности это касается науки управления государством), технологические know-how, а не готовые к употреблению продукты. При этом их интерес практически исчерпывался Китаем, Кореей и Бохай. Достаточно отметить, что первая попытка непосредственного проникновения

на родину буддизма — Индию — была предпринята лишь во второй половине IX в. (путешествие туда сына императора Хэйдзэй, принца Такаока, которое завершилось его смертью в пути).

Японский архипелаг. «Внешний мир», о котором говорилось выше, лежал за морем. Но существовал и сухопутный внешний мир, расположенный на самом архипелаге. Это были, во-первых, племена юга Кюсю и прилежащих к нему островов («южные варвары» — хаято) и, во-вторых, племена на севере Хонсю, имеющие в японских источниках обобщенное уничижительное название эмиси («креветочные восточные варвары», предки айнов). И те и другие всячески противодействовали включению их в число подданных государя Японии.

Хаято были покорены сравнительно рано (непокоренные хаято именуются в «Кодзики» и «Нихон сёки» племенами кумасо), хотя их интеграция продолжалась в течение всего VIII в. Часть хаято была переселена в Центральную Японию (район Кидай и соседние провинции), и в середине VII в. они выступали в качестве охранников царских владений (*миякэ*). В период Нара они занимались производством в столице бамбуковых изделий, входили в охрану государя. Во время выездов императора они сопровождали его и лаiali по-собачьи, что должно было показать их преданность и навести ужас на врагов. Хаято на Кюсю активно противодействовали введению там надельной системы земледользования. Но жестоко подавленные восстания хаято в 713 и 720 гг. стали фактически последними их выступлениями против господства центрального правительства, после чего его отношения с обитателями южного Кюсю перенесли в политическую и экономическую плоскость. Этапами подчинения хаято было создание на Кюсю провинций Сацума и Оосуми в начале VIII в. и реальное введение надельной системы в 800 г.

Покорение и интеграция эмиси протекали особенно трудно: эмиси не восприняли рисосеяние и весь связанный с ним культурный комплекс — между ними и «японцами» существовали культурные различия стадиального характера (культуры присваивающего и производящего типа). Граница между Японией и не-Японией в начале VIII в. находилась на линии равнины Оосаки (побережье Тихого океана) — граница современных префектур Акита-Ямагата. Несмотря на то что к концу VIII столетия удалось несколько потеснить эмиси к северу, на

протяжении всего средневековья граница фактически проходила по реке Коромогава (префектура Иватэ). Определенную роль, конечно, сыграло и то, что эмиси были решительно настроены на защиту своей независимости и весьма неплохо экипированы в военном отношении (обладали конницей и развитым производством вооружения). И хотя имперские амбиции правящей элиты нарской Японии подталкивали к военной экспансии, для остальных обитателей страны эмиси не представляли собой никакого потенциально возможного источника культуросодержащей информации, ибо находились на значительно более низкой стадии развития. Не представляли они особого интереса и с точки зрения земли, которую занимали: там было маловозможно рисосеяние, т. е. интенсивное хозяйствование, к которому склонялись японцы. Окончательное покорение северных племен происходит только при сёгунате Токугава.

Для самоосознания японской правящей элиты было чрезвычайно важно, чтобы на «окраинах империи» находились «дикие» племена, которые признавали бы власть «императора». В этом случае он становился подобен танскому императору. Вот каким образом фиксирует хронист в записях 715 г. один из фрагментов церемонии встречи Нового года: «Государыня Гэнсё: вышла из дворца Дайгокудэн и приняла новогодние поздравления чиновников. Последний принц впервые надел церемониальные одежды и выстроился вместе с поздравлявшими. Эмиси из провинций Муцу и Дэва, люди южных островов Амами, Яку, Токуносима преподнесли свои дары. Во время этой церемонии по обе стороны ворот Судзакумон находились барабанщики, флейтисты и конные воины. Употребление гонгов и барабанов во время встречи Нового года ведет свое начало с этих пор» («Сёку нихонги»).

Тем не менее в VII—VIII вв. Япония, находившаяся под влиянием китайской геополитической модели, еще пыталась проводить на севере Хонсю политику ассимиляции племен эмиси.

Основными составляющими политики Японии по отношению к эмиси были следующие компоненты.

1. Масштабное насильственное переселение на север обитателей Центральной Японии. Документированное их количе-

ство составляет: для первой половины VIII в. — более 1800 дворов, для второй половины — более 19000 дворов. Эти переселенцы были освобождены от несения трудовой повинности (в связи с невозможностью или же малой продуктивностью рисосеяния ирригационные сооружения не возводились), но несли повинность воинскую, поскольку этот регион рассматривался как северная граница Ямато.

2. По отношению к самим эмиси политика состояла из двух компонентов: поощрение тех, кто признавал суверенитет государства Ямато (устройство пиров, раздача подарков, пожалование рангов вождям); карательные операции по отношению к непокорным. Эмиси, признававшие верховенство двора Ямато, были освобождены от налогообложения, но привлекались для строительства административных сооружений, крепостей, а также в качестве пограничных стражей. Вместо принятых в собственно Ямато налогов эмиси доставляли в Нара или же местным чиновникам дань (морская капуста, лошади, шкуры диких зверей), которая имела скорее не экономическое, а символическое значение (выражение покорности).

3. Переселение части эмиси с севера в другие регионы Ямато (исключая Кинай) — мера, в наиболее чистом виде указывающая на планы власти по культурной и экономической интеграции эмиси.

В то же время восстания на севере Японии, непосредственно вызываемые необходимостью участвовать в трудовых мобилизациях и строительстве, периодически возникали на протяжении всего VIII в., что приводило к неоднократной посылке туда экспедиционных корпусов, наиболее многочисленный из которых состоял, как сообщают источники, из 100 тысяч (!) человек (что, впрочем, вряд ли имеет смысл понимать буквально). В любом случае фактом остается достаточно активная военная экспансия на север Хонсю, которая, однако, стала постепенно принимать более мирные формы присутствия после отмены в 805 г. очередной экспедиции. Двор Ямато фактически оставляет попытки интеграции северного района, и объектом его «цивилизующей» деятельности становятся районы менее удаленные. Эта стратегия по отношению к эмиси вполне вписывается в общую линию культурной эволюции, для которой свойственно нарастание интровертности. Период

Хэйан характеризуется в целом мирными процессами освоения внутреннего пространства и значительной потерей интереса по отношению к пространству внешнему.

Глава 18

Картина мира

Все действия людей, а значит, и все исторические события являются следствием некоторых владеющих обществом и культурой ценностных ориентаций, которые носят обобщенное название «картины мира». Это понятие чрезвычайно смор, многогослобно и потому никогда не может быть описано во всей своей полноте. Принято считать, что основу «картины мира» составляют представления о пространстве и времени. Поэтому в данной главе мы обращаем внимание прежде всего на те модели пространства и времени, которые господствовали в культуре эпохи Нара.

Миф. Поскольку в значительной своей части эти модели были основаны на синтоистском мифе, вначале мы должны (по необходимости кратко) дать изложение главных мифологических эпизодов, из которых выясняется, что основным событием, происходящим во времени и пространстве, является для японской культуры деторождение — именно оно и составляет основной смысл мифологического (боги) и исторического (люди) существования.

Как уже говорилось, основными идеологическими целями мифологической части «Кодзики» и «Нихон сёки» было обоснование легитимности власти правящего рода и «склеивание» воедино мифологических представлений различных социальных и этнотерриториальных групп, что было призвано обеспечить единство и культурно-политическую гомогенность японского государства. При этом едва ли не главным средством формирования общегосударственной версии мифа является установление родственных отношений между богами, принадлежащими к разным традициям. Несмотря на имеющийся разноречивый во мнениях относительно соотношения определенных мифов с той или иной культурно-этнической традицией, не подлежит сомне-

нию, что известный нам сегодня «японский миф» представляет собой в значительной степени продукт волевой деятельности правящей элиты Ямато. В особенности это касается «Кодзики» (в мифологической части «Нихон сёки» присутствует многовариантность изложения мифа). Следует также иметь в виду, что в реальности не существовало единой версии того или иного мифа, и потому приводимое ниже изложение является определенной условностью. Исходя из того, что в период Нара в культуре реально функционировал только текст «Нихон сёки», в своем изложении основной упор мы делали на «главный вариант» мифа, зафиксированный в «Нихон сёки».

В настоящее время обычно принято делить мифы «Нихон сёки» и «Кодзики» на четыре основных группы.

1. Мифы о разделении Неба и Земли

Они имеют прямые параллели с мифами Центрального и Южного Китая (неразделенность первоначальной субстанции, подобной яйцу) и Полинезии (порождение земли из моря).

«В древности, когда Небо-Земля были не разрезаны и Инь-Ян не были разделены, менаина эта была подобна куриному яйцу, темна и содержала почку. И вот, чистое-светлое истончилось-растянулось и стало Небом, а тяжелое-мутное удержалось-застыло и стало Землей... Говорят, что в начале, когда происходило разделение Неба-Земли, страна-твердь плавала и двигалась, как плавают на поверхности воды играющая рыба. И тогда между Небом и Землей возникло нечто. По форме оно напоминало почку тростника. И оно превратилось в божество. Имя его — Куни-но Токо-тати-но Микото... Затем явились еще боги: Идзанаги-но Микото, Идзанами-но Микото... Став на Небесном плывущем мосту, друг с другом совет держали и рекли: “А нет ли там, на дне, страны?” И вот, взяли Небесное Яшмовое Конье, опустили его и пошевелили им. И нащупали они синий океан. Капли, падавшие с острия копья, застыли и образовался остров. Имя ему дали Оногоро-сима. Два божества тогда спустились на этот остров и восхотели, заключив брачный союз, породить земли страны» («Нихон сёки», пер. Л. М. Ермаковой).

«При этом между ними происходит такой диалог. Идзанаги спрашивает свою сестру:

— Как устроено твое тело?

— Мое тело росло-росло, но есть одно место, что так и не выросло.

— Мое тело росло-росло, но есть одно место, что слишком выросло. Потому, думаю я, то место, что у меня на теле слишком выросло, вставить в то место, что у тебя не выросло, и родить страну. Ну как, родим?

Когда так произнес, богиня Идзанами: “Это будет хорошо!” — ответила» («Кодзики», пер. Е. М. Пинус).

Это безыскусное «Хорошо!» определяет на многие века вперед одну из основных тем-доминант японской культуры. «Творить» (т. е. любить и рожать детей) — хорошо. Очень важно при этом, что собственно любовь и ее материальные следствия (потомство) оказались оценочно не разведены (как это случилось, например, в христианской культуре, во многом потому, что в ней доминирует концепция единого Творца, которому не требуется партнер по Творению), но соединены. В результате это дало впоследствии в период Хэйан старт литературным жанрам (как поэтическим, так и прозаическим), которые сделали изображение любви едва ли не основным своим содержанием. Поэзия «Манъёсю» также уделяет изображению любви огромное внимание.

Породив острова Японии, т. е. после того, как месторазвитие японской культуры и истории было определено, Идзанаги и Идзанами рожают «все десять тысяч вещей», а также множество божеств, в том числе Аматэрасу (богиня солнца), Цукиёми (бог луны) и Сусаноо (бог бури), и отправляют их по Небесному Столпу на небо. При рождении бога огня Идзанами опалает свое лоно и скрывается в Стране Мертвых (Ёмоцукуни). Идзанаги следует за ней, но сестра-супруга приходит в ярость из-за того, что он увидел ее в Стране Мертвых, и решительно изгоняет его оттуда, причем Идзанаги приходится спасаться бегством. На этом деяния Идзанаги и Идзанами прекращаются.

2. Мифы о богах Равнины Высокого Неба (Такамагахара)

В этом цикле основными героями повествования становятся Аматэрасу и Сусаноо. Поначалу отношения между братом и

сестрой складываются благополучно, и они продолжают дело, начатое Идзанаги и Идзанами, т. е. порождение детей. Однако затем, находясь на Равнине Высокого Неба, Сусаноо совершает ряд тяжких преступлений: разрушает межи на полях Аматаэрасу, испражняется во время отправления сего ритуала нового урожая, подбрасывает ей шкуру освежаемого им жеребенка, когда Аматаэрасу тклет священные одежды. И тогда, ввиду нанесенных ей оскорблений, Аматаэрасу, подобно Идзанами, скрывается. Она прячется в Небесной Пещере, и в мире наступает тьма. Другие божества Равнины Высокого Неба вынуждены предпринять основательные меры для вызволения ее оттуда. После отправления ими ряда ритуалов по вызыванию солнца Аматаэрасу покинула пещеру, и в мире снова настал свет. Однако в наказание за совершенные им безобразия Сусаноо был изгнан богами с Неба. По пути в подземную Страну Корней (Нэ-но куни) он задерживается на земле в Идзумо и спасает от гигантского восьмиголового змея девицу Кусинада-химэ, с которой сочетается браком. Потомки Сусаноо и Кусинада-химэ (в первую очередь Оокуниуси) становятся божествами, особо чтимыми в Идзумо. После сокрытия Сусаноо в Стране Корней его земные деяния заканчиваются.

Чрезвычайно значимым представляется следующее обстоятельство: соперничество между Аматаэрасу и Сусаноо (точно так же, как и между Идзанаги и Идзанами) разворачивается не между разными поколениями божеств (что так часто наблюдается, скажем, в античной мифологии), но внутри одного и того же поколения (в обоих случаях между братом и сестрой). В исторической перспективе это приводит к прочному осознанию связи поколений по восходящей линии, т. е. поколение становится не разъединяющим, а соединяющим элементом.

3. Мифы Идзумо

Исследователи японской мифологии обычно выделяют мифы, относящиеся к Сусаноо и его потомкам (главным из них является Оокуниуси) в отдельный цикл. Эти мифы зафиксированы не только в «Кодзики» и «Нихон сёки», но и в «Идзумо-фудоки». При этом обращает на себя внимание разное отношение источников к Сусаноо. Если в официальной

версии мифа он характеризуется как соперник Аматаэрасу, то «Идзумо-фудоки» представляет его и его потомков как главных мироустроителей и культурных героев (Аматаэрасу в изложении «Идзумо-фудоки» отсутствует). В связи с этим необходимо отметить социальную подоплеку мифа: будучи регионом с высокоразвитой культурой, в древности земля Идзумо представляла собой серьезного конкурента Ямато в борьбе за объединение разрозненных земель в единое раннегосударственное образование. В связи с этим и *куни-но мияцукэ* Идзумо обладали особым «мифологическим статусом» — только они при вступлении в должность должны были произносить при дворе молитву-*порито*, содержащую изложение основных мифов Идзумо (это действие считалось проявлением покорности по отношению к правителю Ямато-Японии).

4. Миф о схождении на землю прародителя «императорской» династии

Ниниги-но Микото, внук Аматаэрасу и Таками-мусуби, получает повеление управлять Срединной Страной Тростниковых Равнин (одно из древних названий Японии). Однако поскольку в этой стране было множество «дурных божеств» и «всякая трава, и все деревья были наделены речью» (т. е. земля находилась в состоянии неупорядоченности и хаоса), следовало покорить ее. После нескольких неудачных попыток посланцы богов Высокого Неба умирят непокорных земных божеств: Ниниги-но Микото, именуемый «царственным внуком», «покинул Небесный Каменный Престол, раздвинул Небесные Восемислойные Облака, священный путь проложил и спустился с Неба на пик Такатихо», который располагался на острове Кюсю. После брака с дочерью местного божества и рождения детей Ниниги-но Микото умирает. Их внуком является Каму-ямато Иварэбико Хоходэми-но Сумэра-микото — легендарный японский первоимператор, более известный впоследствии под своим посмертным именем «китайского типа» Дзимму, присвоенным ему (так же как и другим ранним правителям) задним числом, во второй половине VIII в. (выбор имен осуществлялся придворным О:ми-но Мифунэ). Дзимму покоряет многие земли и основывает страну Ямато.

Таким образом, японский миф представляет собой рассказ о последовательном появлении на свет божеств — именно акт брачного соединения с последующим рождением является его основным системообразующим элементом. Вне зависимости от деяний божеств и приписываемых им функций каждое из них «обязано» обладать некоторым потомством. После совершения акта деторождения основное предназначение божества считается исчерпанным (в одной из версий мифа в «Нихон сёки» Идзанами так и говорит Идзанаги, пришедшему за ней в Страну Мертвых: «Мы уже породили страну. Зачем же ты требуешь, чтобы я снова жила? Я останусь в здешней стране. Обратно с тобой не пойду»), и очень часто за ним следует ссора божеств-супругов, после чего одно из них совершает «божественный уход», т. е. умирает или, точнее сказать, переселяется в мир иной, бытие в котором остается за рамками повествования.

Сейчас уже невозможно сказать, что на что повлияло больше: миф на культуру VIII в. или эта культура на миф (в том его виде, как он был зафиксирован в официальной идеологии в начале VIII в.). Однако несомненной представляется их изоморфность, поскольку и миф и культура в целом объективируют, в сущности, одну и ту же ситуацию, связанную с деторождением. Постоянная озабоченность богов в мифе и людей (в «исторической» части «Кодзики» и «Нихон сёки») количеством и качеством порожденных ими детей, соперничеством из-за невест показывают, что основной составляющей «исторического процесса» (т. е. того, что происходило в прошлом — будь то «дальняя» история мифа или же история «ближняя») было наращивание всеяпонского генеалогического древа, произрастание которого невозможно без задействования брачного механизма вселенского (общепонского) масштаба. Нравы ранних японских государей есть тому лучшее подтверждение. Напомним: первое, что сообщают о них хроники, — это имена их многочисленных жен и рожденных ими детей. А чем больше детей, тем мощнее род и тем выше его шансы на выживание — биологическое и социальное. Отсюда те трогательные, порою душераздирающие легенды и предания о разделенной/неразделенной любви государей, той любви, которая считалась достойной фиксации, как дело общегосударственной важности.

«Государь [Ю:ряку] проследовал к Вакакусакабэ-но Оокими и подарил ей собаку, велев передать ей так: “Эту диковинную вещь я обрел сегодня на дороге. Это — свадебный подарок”. Сказав так, подарил... Отправился во дворец, по пути туда взмолился на гору и спел так: “В горных долинах, // Здесь и там, // Между горами в Ку-сакабэ // На этой стороне // И горами в Хэгури... // Стоит развесистый дуб // С широкими листьями. // Под ним ствол к стволу // Растет бамбук. // А вверх растет // Буйный бамбук. // Ствол к стволу — // Мы не спали так. // Буйный бамбук — // Мы не спали так хорошо. // Но потом будем тесно спать, // Любимая жена!”

Уже в другое время Ю:ряку совершал путешествие и прибыл к рске Мива. У рски находилась девушка, которая стирала белье. Она была очень красива. Государь спросил: “Ты чья?” Отвечала: “Меня зовут Хикэтабэ-но Акавико”. Государь повелел: “Не выходи замуж. Вскоре призову тебя”. Сказав так, вернулся во дворец. Акавико почтительно ждала государя, и так прошло восемьдесят лет. И тогда Акавико подумала: “Много лет прошло, пока я ждала государя. Тело стало худым и увяло, надежды больше нет. Но если не покажу, как я ждала, не смогу побороть печаль”. Подумав так, она приказала поставить сотни столов с подарками и пришла, чтобы преподнести их государю. Государь же уже забыл о своем обещании. Он спросил Акавико: “Как тебя звать, старуха? Зачем ты пришла?” Акавико отвечала: “В такой-то год и месяц я получила повеление государя и почтительно прождала восемьдесят лет. Теперь я стала старой, и надежды больше нет. Но я пришла затем, чтобы ты увидел мое верное сердце”. Государь был очень удивлен: “Я уже забыл об этом. Но ты оставалась верной мне и ждала меня, попусту растратив свои лучшие годы. Я очень сожалею”. В глубине сердца он задумал взять ее в жены, но поскольку она была очень стара, не смог жениться на ней... Когда государь направлялся во дворец Ёсино, на берегу реки ему повстречалась девушка. Она была хороша собой. Поэтому он женился на ней» («Кодзики»).

Полноформатный цикл деторождения в мифе может быть описан в виде нижеприводимой цепочки. Встреча → ухаживание → соединение → рождение детей → ссора → расставание. Удерживая в поле своего внимания всю эту единую мифологическую цепочку, культура исторического времени дробит ее на составляющие. В значительной степени благодаря этому про-

цессу в более позднее время конституируются отдельные жанры словесности, которые различаются по своим социальным и экзистенциональным функциям.

Кроме хроник, деторождение (выстраивание генеалогического древа) является конституирующим элементом генеалогических списков «Синсэн сёдзироку» (815 г.), которые сыграли огромную роль в японской культуре. Фактор происхождения был чрезвычайно значим для структурирования современного общества, которое рассматривало несоответствие происхождения нынешней ситуации как недопустимое нарушение принципов мироустройства.

Примером может послужить текст «Когосю:и» («Дополнения к древним историям», 807 г.). Пафос этого памятника заключается в том, что род Имибэ оттеснен в настоящее время на второй план другим жреческим родом — Накатоми, несмотря на то что Хирохари является прямым потомком божества Футаатама-но Микото, которое наряду с божественным прародителем Накатоми (Ама-но Коянэ-но Микото) сыграло ключевую роль при вызволении Аматаэрасу из Небесной пещеры. Этот аргумент был сочтен достаточным для восстановления прав Имибэ при проведении придворных синтоистских ритуалов.

Пространство. Уже в самых древних памятниках письменности мы наблюдаем ту выдающуюся роль, которую играют топонимы в мифологическом и историческом (квазиисторическом) повествовании. Мифологический рассказ «Кодзики» и «Нихон сёки» лишен абсолютных хронологических привязок, однако уделяет значительное внимание привязкам географическим. Практически каждый эпизод повествования имеет вполне определенные географические координаты (другое дело, что их локализация в настоящий момент не всегда возможна). Так, первый акт творения демиургов Идзанаги и Идзанами состоит в порождении восьми островов Японии, причем каждому острову не только присваивается соответствующее «обычное» мифологическо-географическое имя, но и приводится «другое имя» острова, представляющее собой теоним, т. е. имя божества, пребывающего на острове или же повелевающего им. Получается, таким образом, что и каждый природный объект на этих островах обладает первозданной сакральностью. Первое место в иерархии этой «сакральной топографии» принадлежит, без-

условно, горам (их символический заместитель — камни). На протяжении всей истории японской культуры именно горы фигурируют и в качестве наиболее значимого объекта почитания, и в качестве места, обладающего наибольшим потенциалом «чудесного».

Историческое повествование «Кодзики» и «Нихон сёки» огромное внимание уделяют также этимологизации топонимов, в которых отражаются (или якобы отражаются) деяния тех или иных героев рассказа. Частое замечание составителей о том, что в настоящее время то или иное название искажено, т. е. не передаст сути происшедшего в давние времена, свидетельствует о том значении, которое они придавали правильности соотношения топонима и событий сакральной истории.

Помимо мифологическо-летописных сводов, одним из первых памятников письменности, инициированных государством, были также «Фудоки». Содержание указа 713 г. о составлении «Фудоки» может быть суммировано следующим образом. Во-первых, следовало дать благоприятные названия («хорошие иероглифы») деревням и уездам. Имелось в виду установление единообразия в написании топонимов (если раньше топонимам в их японском произношении приписывался графический эквивалент, который мог включать в себя от одного до четырех иероглифов, то теперь предлагалось употребление в названии только двух иероглифов; такая же унификация в отношении названий провинций к этому времени была уже проведена). Во-вторых, предлагалось предоставить сведения об имеющихся в уездах полезных ископаемых, флоре и фауне, о качествах почв и происхождении топонимов, сообщить о древних преданиях и необычайных происшествиях давних времен. Таким образом, ставилась задача по инвентаризации пространства, находящегося под властью государей Японии.

Имеющиеся в нашем распоряжении тексты «Фудоки» позволяют говорить о том, что каждый из текстов, предоставленных управителями провинций, обладает определенными особенностями. В целом, однако, можно утверждать, что их составители уделили наибольшее внимание именно этимологизации топонимов, опиравшейся на мифоисторический прецедент; а также изложению мифов и преданий, что отражает общую ориентацию местных властей (культуры) на «непрагма-

тический» аспект указа. Так, подавляющее большинство топонимов «Фудоки» объясняется там исходя из мифологических реалий — в этих топонимах в VIII в. еще видели след слов или действий определенного божества или же «исторического» деятеля. Сам ландшафт (и его символическая репрезентация — топоним) представлял, таким образом, некоторую «окаменевшую историю» времен Начала.

В историческое время право на присвоение имен частям пространства переходит к земному заместителю божеств — императору» (в особенности это касается объектов антропогенного происхождения — регионы, провинции, уезды) или же наиболее прославленным членам правящего рода. Так, в «Хитати-фудоки» рассказывается, что знаменитый в древности принц крови Ямато-такэру «путешествуя вдоль берега моря, достиг проезжей части берега. В это время вблизи морского берега [хама] сушилось много морской капусты (по-местному называется *нори*). Поэтому-то деревню и назвали Норихама». Нужно иметь в виду, что в данном случае мы приводим лишь наиболее парадоксальный пример: само повествование не дает никаких непосредственных оснований для установления связи между топонимом и Ямато-такэру (сам он не давал название этой местности, и названа она не в его честь). Тем не менее источник такую связь обнаруживает, что свидетельствует о наличии в сознании культуры устойчивой связи между антропонимом члена правящего рода (самого правителя, заместителя божества) и географическим названием. Не подлежит никакому сомнению, что возникновение топонима имеет более раннее происхождение, чем вышеприведенная легенда (эта, равно как и другие этимологии «Фудоки», «Кодзики» и «Нихонги», никакой серьезной лингвистической критики не выдерживают). Также несомненно, что система культурных ценностей раннеяпонского государства такую связь всячески приветствовала.

Существует и другой аспект указа 713 г., связанного с переименованиями. Несомненно, что сам акт переименования в соответствии с повелением государя обладал и вполне символическим смыслом. Он означал, что местные управители и божества изъявляют свою покорность государю. Чрезвычайно показательно, что провинция Идзумо, известная своей независимой от собственно Ямато мифологической традицией, фак-

тически отказалась повиноваться этому указу, предпочтя оставить написание топонимов без изменения, ибо это означало бы драматическое изменение всего локального космоса и разрушение связи миф-топоним.

Обилие топонимов заметно и в раннепоэтических текстах, которые, естественно, несут в себе древний пласт магического (мифологического) потенциала. Так, в «Маньё:сю» большинство стихотворений (в особенности ранних) не может обойтись без упоминания того или иного топонима (если его нет в тексте собственно стихотворения, он очень часто содержится в прозаическом пояснении к стихотворению). Складывается впечатление, что именно топоним является одним из основных элементов «несущей» конструкции поэтического произведения.

Обращает на себя также связь топонима с «постоянным эпитетом» (*макура-котоба*). Так, например, *макура-котоба* к провинции Исэ является сочетание *камикадзэ* (божество + ветер), к бухте Мирумэ — *масокагами* («чистое, прекрасное зеркало») и т. д. В «Идзумо-фудоки» происхождение названия данной провинции выводится из считающейся первой в истории японской поэзии «короткой песни» — *танка*, якобы сложенной Сусаноо, в которой встречается словосочетание *якумо тацу* («там, где встают восьмислойные облака»), которое впоследствии стало считаться *макура-котоба* к провинции Идзумо. Приведем стихотворение «Кодзики», в котором встречаются три *макура-котоба*, причем к фабуле повествования они не имеют никакого отношения: «Поднимаюсь, // Поднимаюсь к дворцу // По реке Ямасиро, // Где гора за горой. // Миную Нара — // Землю голубой глины, // Миную Ямато — // Землю маленьких щитов. // Земля, что хочу увидеть — // Это Такамия в Кадзураки, // Где мой дом». Некоторые из *макура-котоба* не поддаются адекватной дешифровке, что свидетельствует как о древности их полузабытого происхождения, так и об осознании их важности — ибо они были удержаны культурой.

Оставляя в стороне проблему смысловой интерпретации этих постоянных эпитетов к топонимам, отметим наиболее существенное для нашего изложения: каждая местность (географический объект и его символическая манифестация — топоним) обладает (в пределе) некоторым присущим только ему качеством, которое может быть растолковано только лишь на

основании мифов и преданий (как сохранившихся, так и утерянных). Поскольку религиозная система синтоизма фактически предполагает, что ее ранний пантеон состоит из божеств, имеющих локальный характер (их власть ограничена определенным регионом), в каждое из стихотворений такого рода в качестве его составной части входит «осколок» (или же «конденсат») обращения («молитвы», «гимна»), имеющий адресатом местное божество, без чего такое стихотворение не будет обладать требуемой магической силой — *котадама* («дух слова»). Чрезвычайно показательно, что название архаического ритуала брачных игр *утагаки* может быть истолковано как «песенная изгородь», т. е. определенная сакральная территория, отгороженная песней от профанного мира. Сама же местность может называться по имени обитающего там божества (божеств), т. е. наблюдается полное совпадение теонима с топонимом. Так, согласно «Нихон сёки», местность Асо была названа по имени двух божеств — Асо-цу хико и Асо-цу химэ (цу — показатель притяжательности, *хико* и *химэ* — форманты мужского и женского имен). Очень часто наблюдается также частичное совпадение топонима и теонима — топоним (местообитание божества) входит в состав теонима.

Постоянный эпитет продолжает «работать» и в прозаическом тексте, когда тот описывает ритуально отмеченную ситуацию. Содержащие в себе очень древние пласты представлений средневековые сочинения «Котай дзингу: гисикитё» и «Яматохимэ-но микото сэйки» («Истинные записи о принцессе Яматохимэ») повествуют о перенесении храма Аматэрасу из Ямато в Исэ, осуществленное дочерью государя Суйин по имени Яматохимэ. Во время своего путешествия она спрашивает местную знать о названии земель и каждый раз получает ответ, содержащий в себе название земли с эпитетом, совпадающим с *макура-котаба*, известными нам из поэтической традиции. После открытия названия земли их правители преподносят принцессе «храмы и дома» (свои владения), т. е. открытие имеющего сакральный смысл топонима приравнивается к акту дарения, признанию своей зависимости от правящего рода.

«Подключение» магических потенций божества с помощью названия его в топонимическом коде было призвано обеспечить установление гармонических отношений в макрокосме.

В связи с этим особое значение имеет другой традиционный прием раннеяпонской поэзии — *ута-макура* (топоним-зачин, как определяет этот термин И. А. Боронина), буквально означающий «изголовье песни» (т. е. ее основу, то, на чем она покоится). Этот прием был чрезвычайно распространен в японской классической поэзии (в том числе и в «Манъё:сю»), а в средневековье ему было посвящено немало поэтологических трактатов. Эти трактаты в своей «классической» форме представляли собой некоторый каталог, где каждому топониму соответствует некоторое определение (число таких пар составляет более двух тысяч, что само по себе может служить доказательством как развитости местной поэтической традиции, так и глубины проработки реальных ландшафтов).

«Изголовье песни» представляет собой топоним, стоящий в начале стихотворения в определительной позиции, указывая как на имя нарицательное (растения, травы, продукция данной местности, луна, остров, снег и т. д.), так и на имя собственное (обычно — другой топоним), и почти никогда не имеющий непосредственного отношения к той новой, приращиваемой, собственно лирической, информации, которую сообщает автор. Например, топоним Хикэта служит определением по отношению к «молодым каштанам»: «В Хикэта // Поле с молодыми каштанами... // Когда б была молода ты, // Как сладко было б ласкать тебя! // Но состарилась ты!» (Пер. И. А. Борониной.) Если бы в стихотворении шла речь не о любви, а о чем-нибудь другом (скажем, об отгрузке свежесобранного урожая), то все равно в Хикэта продолжали бы расти те же самые каштаны!

Таким образом, *ута-макура* служит репрезентацией некоторого «вмещающего» в себя все стихотворение ландшафта, а через него (точно так же, как и в случае с *макура-котаба*) — и местного божества, с которым были связаны локальные мифы, предания, ритуалы.

При этом обращает на себя внимание, что японская поэзия, как правило, избегает прямого называния имен божеств. Это было, безусловно, вызвано запретами, налагаемыми на их произнесение в определенных ситуациях. А потому и обращение к божествам могло носить опосредованный характер. Устойчивым приемом преодоления запрета стало использование топонимического кода — топоним выступает заместителем теони-

ма. Поскольку население Японии отличалось высокой степенью оседлости, то сама связь между топонимом (повторим — заместителем теонима) и населением конкретной местности имела особенно прочный характер. Рождение в данной местности означало приобретение покровительства местного божества, и этого было достаточно, чтобы претендовать на владение ею (т. е. связь человека с божеством имеет взаимообусловленный характер). В «Нихон сёки» говорится: «Уезд Кадзураки — то место, откуда я происхожу, и наше имя происходит от названия этого уезда. А посему прошу пожаловать мне этот уезд навсегда, дабы он стал моим владением». Недаром поэтому столько японских фамилий происходят от топонимов. Причем связь эта настолько прочна, что в древности и средневековые зачастую невозможно разделить — где топоним совпадает с названием рода (клана, фамилией), а где он является простой отсылкой к месту рождения («Маро из местности N»). И в этой фамилии (топониме-теониме) заключена чрезвычайно значимая для культуры информация о мифоисторическом (квазиисторическом) прошлом.

В отличие от светской поэзии, в поэтических ритуальных текстах-молитвословиях (*норито*), зафиксированных в «Энги-сики», имя божества предавалось оглашению (разумеется, не каждодневному). Но и здесь мы наблюдаем прочную связь между теонимом и топонимом — достаточно часто они не могут употребляться по отдельности, ибо взаимно атрибутируют друг друга («По повелению великому владетеля нашего // Смирению и трепетно говорю, склоненный, // Перед богами царственными — четырьмя столпами, // Такэмикадзуты-но микото, в Касима пребывающем, // Иваинуси-но микото, в Катори пребывающем, // Амэ-но князь-но микото, в Хираока пребывающем, // Химэги-девой» (пер. Л. М. Ермаковой). В *норито* зафиксировано также много случаев совпадения теонима и топонима, т. е. божества называются по месту их обитания. При этом простое перечисление их имен (разумеется, с соблюдением определенных правил) служит гарантией исполнимости задуманного. «Говорю смиренно перед царственными богами, // пребывающими на горных подъемах, // называю, смиренный, священные имена — // Асука, Ихарэ, Осака, Хацусэ, Унэби, Миминаси. // На дальних горах, на ближних горах растущее — // большое

дерево, малое дерево, — // и ствол, и ветви срубив, сюда доставлю, // и славная обитель божественного внука воздвигнется, // от неба в укрытии, от солнца в укрытии владыка сокроется, // страной в четырех направлениях, как страной покоя, // мирно ведать станет» (пер. Л. М. Ермаковой). Наименее многочисленную группу составляют в *норито* божества, названные по закрепляемой ими функции. Однако и здесь определение божества происходит через топонимический код: **Тацута-но кадзэ-но ками** (божества ветра из **Тацута**).

Многие действия правящей элиты раннеяпонского государства становятся понятны только исходя из вышеописанной системы ценностей.

Как уже говорилось, ранние правители Японии (Ямато) назывались обычно по местоположению своего дворца. До конца VII в. каждый новый правитель селился в новом дворце. Поскольку непеременимым предикатом божества является топоним, то легитимизация правителя происходила, в частности, через строительство нового дворца в новом месте. Исходя из изложенного, можно с большой степенью вероятности утверждать, что это было вызвано желанием перенести на правителя магическую силу божества-покровителя той местности, где находился дворец.

Ранние синтоистские храмы также обычно назывались по своему местоположению, а не по имени того божества, которому они были посвящены. Названия буддийских храмов наследуют эту традицию — попытки буддийской церкви переломить ее окончились безуспешно. Прочная связь синтоистского божества с определенной местностью (их власть распространялась только на ограниченный регион) имела своим последствием отсутствие в больших количествах синтоистских святилищ в раннеяпонских столицах (Нара, Хэйан), поскольку синтоистские божества и вмещающие их храмы могут находиться только там, где они первоначально находились, и перенести их в другое место нельзя, поскольку их магическая сила ограничена пространством, в котором они находятся. В то же время буддийских храмов там находилось великое множество (напомним — в Нара они были перенесены из Фудзивара), поскольку они (полномочия будд и бодхисаттв) имеют пан-пространственный характер.

Помимо отмеченной выше связи употребляемых в антологии «Маньё:сю:» (и в других синхронных ей текстах) топонимов с мифопоэтическим восприятием мира, существует и другой важный аспект — эта антология, будучи переходной к авторскому литературному творчеству, демонстрирует, что топоним может являть собой необходимое условие для манифестации чисто лирического начала. В «Маньё:сю:» личность поэта, равно как и межличностные отношения, в значительной степени реализуются через переживание пространства.

Одной из основных тем антологии является любовь. Однако авторы антологии, в отличие от мифологическо-исторических сводов, объективируют не репродуцирующую функцию любви, о которой в стихах никогда ничего не говорится. Стихи концентрируют свое внимание на других составляющих того, что мы назвали мифологической схемой детопорождения. Мы имеем в виду встречу-ухаживание и расставание (при этом собственно соединение и ссора как таковая не становятся предметом поэтического описания).

Особенной популярностью пользуется мотив разлуки. Парадигма мифа, диктующая расставание после деторождения, в поэзии «Маньё:сю:» осмысляется как быстротечность любовных отношений, непременно идущих к концу. Этот мотив быстротечности и эфемерности с особой силой зазвучит несколько позднее, в эпоху Хэйан. Но и в VIII в. он уже слышен достаточно отчетливо. При этом переживание любовных отношений дается через пространственный код: расставание (навсегда или на время) трактуется как пребывание в разных пространственных локусах (в мифе — в разных мирах). В частности, отсюда происходит огромное количество топонимов, упоминаемых в «Маньё:сю:»: поэты (а это были люди, состоящие на государственной службе) путешествовали достаточно много (по собственной инициативе, по повелению государя, по чиновничьим делам). Ситуация «несчастной любви» в прочтении японских поэтов времени «Маньё:сю:» понимается как физическое отделение от любимой в результате некоторого путешествия. Именно временное одиночество и изоляция от привычного уклада служат одним из основных условий для проявления лирического чувства. Если для ранних поэтов «Маньё:сю:» (Какиномото-но Хитомаро) путешествие помимо разлуки было естественным поводом для любования но-

выми местами, то для более поздних стихотворцев (Оотомо-но Якамоти) оно есть прежде всего разлука.

И хотя китайская литература, с которой японцы были знакомы весьма неплохо, предоставляла им богатейший материал для осмысления на уровне сюжета, лишь один мотив прочно вошел в генофонд ранней японской поэзии. Мы имеем в виду цикл песен, воспевающих несчастную любовь Волопаса и Ткачихи (Вега и Альтаир), которые разлучены Небесной Рекой (Млечный Путь) и могут встречаться только раз в году — 7-го дня 7-й луны. В «Маньё:сю:» около двухсот (!) — из четырех с половиной тысяч — песен посвящены этой легенде. При этом авторы «Маньё:сю:» предпочитают не уснащать стихи мифологической образностью, взятой из китайской традиции, но вполне бесхитростно сводят ситуацию к разлуке влюбленных, определяемой как физическое расстояние между ними.

Сочинявшиеся японцами стихи на китайском языке в гораздо большей степени следуют китайским образцам. Вот как, например, Фудзивара-но Фусасаки (681—737) воспевает Танабата в «Кайфусо»: «В столице государя повеяло первой прохладой, // И наслаждается он осенью ранней. // В зале, изукрашенной богато, слагают стихи. // В золотом павильоне — изысканные развлечения. // Паланкин [Ткачихи] летит, как феникс, по облачной дороге, // Словно дракон, пересекает ее повозка Небесную Реку. // Если хочешь узнать о встрече бессмертных, // Посмотри, как голубая птица влетает в роскошную башню». (Согласно легенде, к императору У в день Танабата прилетела трехногая голубая птица — благоприятное знамение.)

И конечно же, при таком подходе небесная ситуация, перенесенная на землю, требует указания на то, в каких точках пространства находятся возлюбленные. Таким образом, пространство (топоним) в полной мере превращается в субстанцию лирическую. Иными словами — расстояние (дистанция между двумя локусами) является необходимым условием для проявления любовного (а во многих случаях дружеского, а также и любого другого) чувства.

Интересны различия между китайской легендой и ее японской версией. Вот образцы поэзии «Маньё:сю:».

«Над Небесной Рекою
Туман плывет.
Слышен плеск
Весла Волопаса.
Темень сгущается».

Стихотворение Ткачихи:

«Стою на берегу
Реки Небесной.
Шнур одежд развязала —
Жду, когда мой
Любимый прибудет».

Как остроумно заметил Ёсида Такаси, авторы «Мангё:сю» совершают своеобразный «подлог»: согласно китайской традиции Небесную Реку переходит Ткачиха. Японские же поэты представляют дело так, что путешествие совершает Волопас. В этом факте хорошо видно, как местные обычаи накладывают свой отпечаток на восприятие чужеземных идей. Ведь брачные обычаи высшего японского общества предполагали полигамный брак *цумадои* («исправление жены»). Его характерной особенностью является то, что, за исключением «главной супруги», остальные «жены» аристократа проживали не у него дома, а у себя. Он же время от времени ночами посещал их. Что касается брачных обычаев ханьцев, брак являлся патрилокальным, т. е. жена проживала в доме мужа. Этот же исследователь обратил внимание на то, что способ переправы через Небесную Реку в китайских и японских стихах также различается. В Китае в основном это будет переход через мост, а в Японии — переправа через реку на лодке, что было намного естественнее ввиду малого количества мостов в тогдашней Японии.

Структуру *танка* в наиболее общем виде можно определить следующим образом: начальная ее часть содержит рассказ о природном мире (чрезвычайно часто — с упоминанием топонима), вторая — дает представление о том, какие чувства испытывал в момент сочинения сам автор. Получается, что природа (топоним) становится мерилем человеческих эмоций, некоторой пантемафорой человеческого бытия.

Навязчивое переживание непрочности любовных отношений обычно однозначно соотносят с буддийской концепцией *мудзё*: — эфемерности и изменчивости всего, что присутствует в феноменальном мире. Однако, как это видно из материалов мифа и поэзии «Мангё:сю», имеющих с миропониманием буддизма минимальную связь, уже в них акт соединения божеств или же людей с неизбежностью заканчивается разлукой. По всей вероятности, это связано с древнейшими представлениями о том, что после того, как произведено (зачато) потомство, предназначение человека (божества) можно считать исчерпанным.

Что касается прозаических текстов эпохи Нара, напрямую связанных с буддийской традицией, то их объектом изображения не может являться «любовь», которая там осмысливается исключительно как «похоть».

«Даже если пламень похоти сжигает плоть и сердце, негоже совершать грязное, следуя за похотливым сердцем. Домогания глупца — все равно что мотылек, летящий в огонь. Поэтому-то в заповедях и говорится: “Скудоумная молодежь распаляется с легкостью”. В сутре “Нохангё:” (“Сутра сердца”) говорится в подтверждение: “Если знать истинный смысл пяти видов желаний (т. е. желаний, вызванных привязанностью к цвету/форме, звуку, запаху, вкусу, осязанию), не будешь радоваться наслаждениям. Трудно обуздать желания. Но предающийся им — что собака, вечно гложущая старую кость”» («Нихон рё:ики»).

Мифологическая пространственная разметка мира находила свое отражение в местоположении синтоистских храмов. Места, где, как считалось, происходили те или иные эпизоды «священной истории», были отмечены строительством синтоистских святилищ. Причем, в отличие от буддийских храмов, это могли быть и самые «примитивные» святилища, возведение которых не требовало особых трудозатрат. Такое святилище могло быть оформлено с помощью стоящих на горе ворот «П-образной» формы (*тории*; эти ворота символизируют петухов на насесте, которые кукарекали в надежде выманить Аматаэрасу из пещеры). Или же это мог быть священный камень (символический заменитель горы — считалось, что божества могут спускаться на вертикаль-

но расположенные объекты), окруженный веревкой-*симэнава* (для того, чтобы Амагэрасу не могла вернуться обратно в пещеру, вход в нее был закрыт такой же веревкой). Точно так же оформлялось и священное дерево. В случае же, если синтоистский храм все-таки возводился, то он представлял собой сравнительно небольшое деревянное сооружение, в котором никаких молений не проводилось (все синтоистские церемонии проводятся под открытым небом). Такой храм был предназначен не столько для верующих, сколько для самого божества. Он служил для того, чтобы сохранять в нем храмовую святыню (*синтай* — «тело божества»). Очень часто в качестве таковой выступало бронзовое круглое зеркало — символ солнца (бывало, что здесь покоился меч, копье, драгоценный камень — антропоморфных изображений божеств синтоизм этого времени не знает). В обычное время увидеть *синтай* было нельзя, и только в праздники створки алтаря, за которыми оно было сокрыто, могли распахиваться для его обозрения (во многих храмах *синтай* находился в особом ящичке и никогда не предьявлялся).

Мы имеем возможность наблюдать некоторые синтоистские храмы в их первозданном виде. Дело в том, что главные храмы (такой как, скажем, родовой храм правящего рода в Исе) было заведено перестраивать раз в двадцать лет. Рядом со старым храмом отстраивали точно такой же новый, а прежний после этого сносили. В этом действе нашли отражение как практические соображения (через двадцать лет дерево в японском климате приходит в ветхость), так и ритуально-магические — циклическое обновление миропорядка один раз в поколение. Кроме того, могло играть свою роль и соображение о технологической преемственности: перестройка раз в двадцать лет обеспечивала передачу мастерства от одного поколения строителей к другому.

Поскольку каждый род имел свое божество-прародителя, а каждая местность также находилась «в ведении» какого-либо божества, то в стране было огромное количество синтоистских храмов и кумирен. Согласно «Идзумо-фудоки», в девяти уездах этой провинции находилось 399 синтоистских святилищ (буддийских храмов — 11, причем в четырех уездах буддийских храмов не было вовсе).

Помимо сакральной разметки мира существовала и другая, имевшая прямое отношение к функционированию государственного аппарата. Это административное деление страны, которое было заимствовано из Китая. Как уже отмечалось, территория Японии была разделена на округа (*до*), провинции, уезды и села. Сравнительно небольшая площадь территориальных административных единиц, хорошо налаженная доставка распоряжений двора (возможная ввиду разветвленной сети дорог и почтовых станций) создавали возможность для достаточно эффективного управления страной.

Следует, однако, также иметь в виду огромные отличия, которые реально существовали внутри этого административного деления. Мы имеем в виду не только отличия в стиле жизни, происходившие вследствие природно-хозяйственных особенностей того или иного региона, но и отличия, носившие статусный характер и имевшие прямые следствия для населения. Иными словами, место проживания было непосредственно связано с правами и обязанностями его обитателей.

Всю территорию Японии можно схематически представить себе в виде ряда концентрических окружностей. В центре ее находилась столица Нара с императорским дворцом. Непосредственно к Наре прилежал «столичный район» Кинай, где сформировалась сердцевина раннеяпонской государственности. По своему статусу он резко контрастировал со всей остальной территорией Японии. В районе Кинай имела земельные надель элита японского государства (родоплеменная аристократия, из которой рекрутировалось высшее чиновничество), в связи с чем и его жители имели значительные налоговые послабления (натуральный налог *тё* был сокращен для них наполовину, а трудовая повинность отменена совсем). Только те аристократические роды, которые проживали в Кинай, были внесены в генеалогические списки «Синсэн сёдзироку», что фактически гарантировало им право на занятие высших чиновничьих должностей.

Следующую градацию представляли собой территории и провинции, находившиеся за пределами Кинай. Они назывались «внешними провинциями» (Кигэ). Они-то и представляли собой основной объект эксплуатации со стороны государства, будучи основными поставщиками налогов и людей для

несения трудовой повинности. Положение провинциальных чиновников также значительно отличалось от положения чиновников в столице и Кипай, поскольку они имели право на пошение только тех рангов, которые принадлежали к «внешним». Кроме этого, на северо-востоке Хонсю были образованы две обширных провинции (Муцу и Дэва), населенные «варварами» — эмиси. Эти провинции именовались «дальними» и фактически не подлежали регулярному налогообложению. В силу своей «удаленности» от благодетельного правителя и нежелания попасть в сферу его цивилизующего влияния (эмиси часто поднимали восстания) эти территории рассматривались двором в качестве объекта непосредственного силового воздействия.

Земли и страны, которые лежали за морем и располагались к западу от Японского архипелага, также считались пространством, обладающим особыми свойствами (подробнее см. об этом главу «Япония и внешний мир»).

Время. «Кодзики» и «Нихон сёки» подразделяют время на две основных части — «время богов» (*камиё*) и «время императоров» (*тэнно-ё*). «Время богов» (начиная от сотворения мира и до правления первого «императора» Дзимму) определяется не количественным, но только качественным образом. Его особенности проявляются только через последовательность креативных действий божеств. Можно сказать, какое из действий было раньше, а какое — позже, но «хронометраж» этих действий не становится предметом рассмотрения. При этом до тех пор, пока на острова архипелага не спустились божества с Равнины Высокого Неба, эта земля пребывала в неупорядоченности и хаосе.

Вместе с переходом повествования к историческому (квазиисторическому) времени все большее значение уделяется датировкам, осуществляемым в соответствии с 60-летним циклом. И хотя эти датировки приблизительно до середины V в. надлежит признать полностью фиктивными, следует отметить, что по отношению к «времени императоров» (времени людей) составители сводов уже осознавали необходимость измерения времени, поскольку наличие исчисляемого времени мыслилось как необходимый атрибут цивилизованного государства.

При этом в качестве «хозяина» единого для всей страны времени мог выступать только сам правитель, в связи с чем и все установления относительно его измерения имели источником

двор и самого «императора». В связи с этим «покушение» на государево время, отказ следовать ему расценивались как злодеяние, направленное против самого правителя. Так, среди «ужасных» преступлений Сога-но Эмиси, одного из самых отрицательных персонажей официальной истории VII в., кроме прямого покушения на императорскую власть числится также нарушение заведенного распорядка во дворце. «Нихон сёки» сообщает, что он ослушался установления относительно того, что следует приходить во дворец в час зайца (около 6 часов утра), а уходить — после часа змеи (около 10 часов утра).

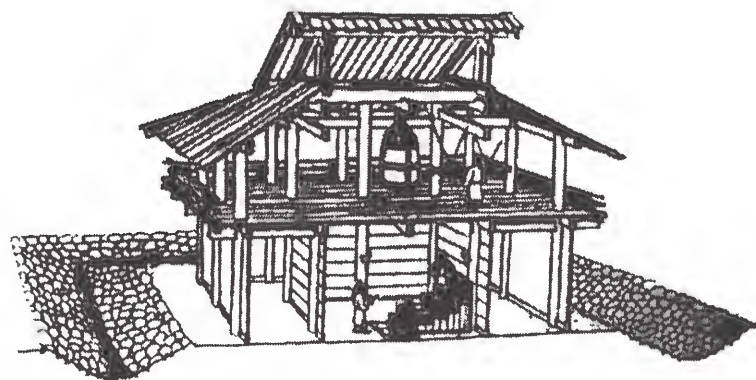

Иллюстрация 41. Клепсидра и колокол в Асука

Сосредоточение в одном месте большого количества людей, обитавших в искусственной среде (дворцовом комплексе), означало для них умаление традиционной для земледельца ориентации во времени по восходу и заходу солнца, по времени начала весенней вегетации и сбора урожая (современное слово для указания года — *тоси* — в древности обозначало «урожай»). Координированные усилия этих людей (прежде всего чиновников) были невозможны без знания ими единого для всех времени. Поэтому сведения о времени обладают государственной значимостью. Из записей «Нихон сёки» известно, что в 660 г. принц Нака-но Оэ сделал клеписидру (водяные часы). Для сведения населения время (стражи) отбивалось звоном колокола, расположенного над часа-

ми. Реконструкция такого колокола, проведенная в недавнее время, показала, что его звук распространяется на 20 километров, т. е. он мог быть слышим в любой точке долины реки Асука, где располагался в VII в. императорский дворец.

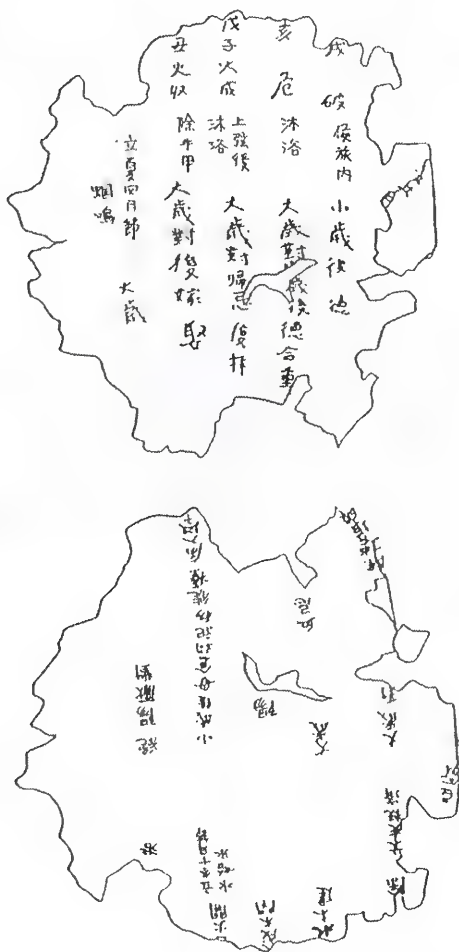

Иллюстрация 42. Фрагменты календаря за 803 и 804 гг. на «лаковой бумаге»

После окончательного формирования централизованного государства в VIII в., согласно законодательным установлениям, 1-го числа 11-й луны Астрологический отдел представлял императору календарь (состоял из двух свитков — по одному на полугодие) на следующий год, который затем должен был быть доставлен во все центральные ведомства и в управления провинций. В соответствии с этим календарем, т. е. в соответствии с единым общегосударственным временем и должен был выстраиваться весь распорядок жизни в следующем году. Согласно «Энгисики», в X в. распределению подлежали 166 экземпляров календарей.

В реальности процесс обеспечения календарями провинций выглядел в VIII в. так. В столицу приезжали командированные от Управлений провинциями. Там они переписывали календарь-образец, составленный в Оммё:рё:, и возвращались обратно. В Управлении провинции его снова копировали для передачи в уезды и провинциальные буддийские храмы (*коку-бундзи*). Поскольку время для копирования ввиду приближения нового года было крайне ограниченным, переписчики делали немало ошибок. Практически все сохранившиеся от того времени календари и их обнаруженные фрагменты содержат ошибки.

Работа Астрологического отдела основывалась на синкретическом учении Оммё:до: («Путь инь-ян»). Главными компонентами Оммё:до: являлись: идеи *инь-ян*, пять элементов, восемь триграмм (*гуа*). В Китае это учение в законченном виде было впервые сформулировано в философии Дун Чжуншу (II в. до н. э.), который инкорпировал его в конфуцианство. Универсальный дуализм *инь-ян*, циклическое взаимодействие пяти элементов, нумерология *гуа* стали в Китае универсальным языком описания (в том числе и исторического процесса). С его помощью истолковывались земные и небесные явления, осуществлялось гадание.

«Вэй-чжи» сообщает, что «люди Ва» применяют гадание по панцирю черепахи, что являлось одной из «методологий» Оммё:до:. Указания на этот обычай имеются и в ранних записях «Нихон сёки» (правление Суйнин). Однако о последовательном применении Оммё:до: можно говорить начиная с правления Суйко

(в правления Кэйтай, Киммэй и Суйко из Пэкче в Ямато приезжают специалисты по Оммё:до:). Числовую символику, присущую Оммё:до:, можно усмотреть в «Уложении 17 статей» Сё:току-тайси (8+9 как числовое выражение *инь* и *ян*), пяти цветах головных уборов первоначальной системы чиновничьего ранжирования, восьмиугольной форме императорских курганов VII в., настойчивом употреблении «восьмерки» в ранних письменных памятниках (например, счетбожеств на «восьмерки») и т. п. Плановая подготовка специалистов по Оммё:до: в школе чиновников начинается в правление Тэмму.

Окончательная институализация Оммё:до: в Японии произошла вместе с созданием Астрологического отдела Оммё:рё:, деятельность которого определялась законодательными сводами. В VIII в. основу персонала Оммё:рё: составляли потомки выходцев с материка, причем некоторые из них были буддийскими монахами, возвращенными государевым указом к светской жизни. Согласно «Энгирики», при дворе имелось 20 гадателей (*урабэ*), причем десять из них происходили с Цусима, а пять — с острова Ики, т. е. из «западного» региона, наиболее приближенного к матерiku. Однако к этому времени большинство специалистов по Оммё:до: были уже японцами.

Управление Оммё:рё: имело самое непосредственное отношение к контролю над пространством (расположение строений, захоронений) и временем (составление календарей, смена девизов правления). В Японии принципами Оммё:до: руководствовались как синтоистские жрецы, так и буддийские монахи. В 730 г. знатоки Оммё:до: появились и в патах провинций.

Интересно, что гадатели по панцирю черепахи организационно относились не к Оммё:рё:, а к Палате Небесных и Земных божеств. Это свидетельствует о том, что данный вид гадания действительно появился в Японии достаточно давно и воспринимался как принадлежность синтоистского культа. Кроме того, влияние Оммё:до: на синто усматривается в двух важнейших для Японии VIII в. государственных ритуалах: Великого Очищения (Оохараэ) и Изгнания Болезней (Цуина).

Проведение обоих ритуалов входило в компетенцию Палаты Небесных и Земных божеств. Ритуал Оохараэ проводился в последний день 6-й и 12-й лун. Хотя текст самого молитвословия, возносившего представителем рода Накатоми, является по своему происхождению безусловно японским (там содержится изложение

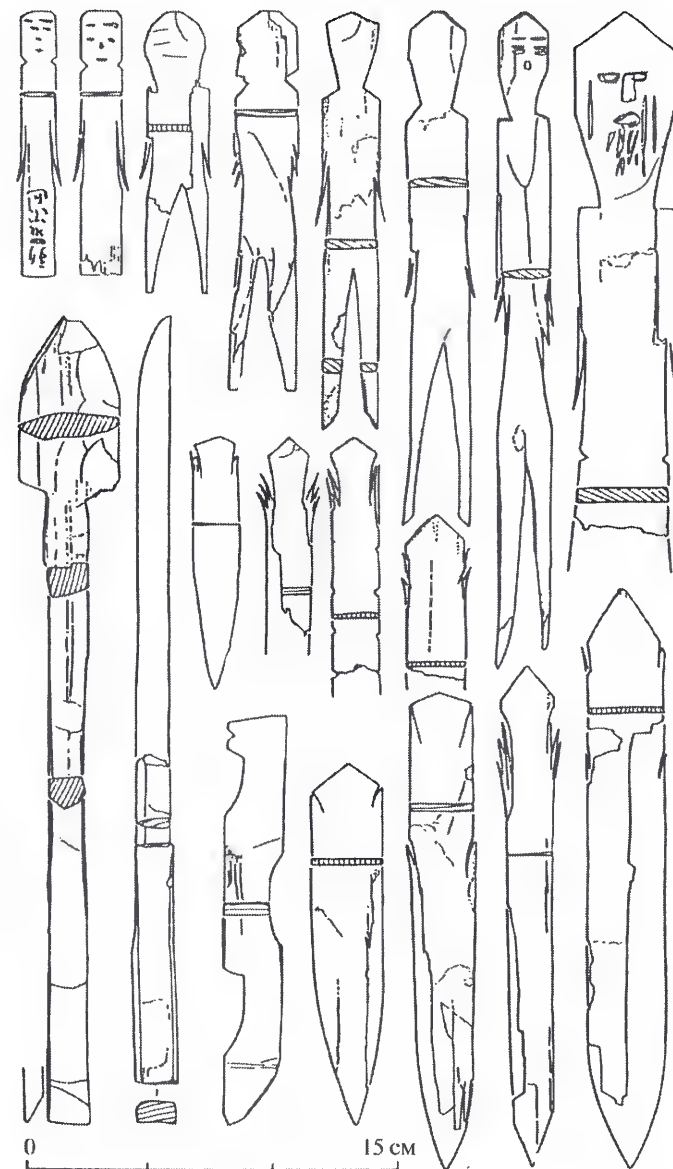

Иллюстрация 43. Фигурки, использовавшиеся в ритуале Цуина

синтоистского мифа), употреблявшиеся в этом ритуале плоские антропоморфные фигурки (золотые, серебряные или деревянные), на которые, как считалось, переходит «скверна», были принадлежностью экзорцистских обрядов Оммё:до:.

Что касается Цуина, то этот обряд проводился в один из последних дней старого года при императорском дворе, а также в синтоистских и буддийских храмах. Он ставил своей целью изгнание злых духов болезней. Хроника «Сёку нихонги» датирует начало проведения этого ритуала 706 г., а предание гласит, что монах Гё:ги убедил Момму в необходимости его проведения. В «Энгисики» содержится молитва (*норито*), возглашавшаяся по этому случаю. Принадлежностью этого ритуала также являются плоские деревянные фигурки, на которые переходила скверна. Такие фигурки были найдены при раскопках Нара.

Согласно «Нихон сёки», начиная с середины VII в. в придворный обиход постепенно входит обозначение времени через девизы правления (*нэнго*:). В Китае применение девизов началось с правления У-ди (140—85 гг. до н. э.). Девиз правления был призван, в частности, показать, что монарх получил «мандат Неба» по причине наличия у него благодетельности (кит. *де*; яп. *току*). В связи с этим в Китае первый для данного императора девиз правления всегда принимался при восхождении на престол. Однако для Японии одного этого оказалось недостаточно. Судя по всему, японцам требовалось дополнительное подтверждение того, что государь (и его непосредственное окружение) обладают достаточной благодетельностью. Поэтому в летописи «Сёку нихонги» один из первых годов правления того или иного государя почти обязательно отмечен записью о каком-либо благоприятном знаменении, в соответствии с которым и получала название следующая эра. Кроме того, так же как и в Китае, девиз мог меняться несколько раз во время одного правления в связи с конкретными событиями (благоприятными или же неблагоприятными).

Первые девизы правления японских «императоров» не носят, как правило, абстрактно-программного характера (в них отсутствуют такие важнейшие для китайской теории управления понятия, как «гармония», «гуманность» и т. п.), но напрямую связываются с появлением зрительно воспринимаемых знаме-

ний, среди которых особенно много «чудесных» (согласно китайским представлениям) мифологических животных («белый фазан», «белый феникс», «красная птица», «чудесная черепаха»). Такой подход безусловно отражает конкретно-чувственный аспект культуры тогдашней Японии, еще не вполне овладевшей достижениями теоретической культуры Китая.

Вполне понятно, что при таком отношении к знамениям осведомленность в этой области могла превращаться в мощное средство политического давления, в связи с чем частные занятия астрологией и теорией знамений не допускались, а книги, относившиеся к этим областям, были секретными, находясь в монопольном пользовании Астрологического отдела. Донесения Оммё:рё: государю были также засекречены. Все знамения делились на «большие», «средние» и «малые». Только обнаружение первых могло считаться достаточным основанием для пересмотрения эры правления. Официально одобренный список таких знамений (приводится в «Энгисики») и служил «руководством к действию».

Характер девизов правления, причины разбивания времени правления на разные девизы могут служить индикатором того, какие события считались придворной культурой наиболее важными. Если оценивать в целом свойство времени, хронометрируемого с помощью девизов правления, то оно может быть названо временем «ритуально-политическим».

В VII столетии применение девизов правления в Ямато еще не носило последовательного характера. Существует также кажущееся нам справедливым предположение, что девизы правления VII в. были приписаны задним числом, во время составления «Нихон сёки». Несмотря на приводимые «Нихон сёки» сведения относительно *нэнго*:, эпиграфические данные VII в. (*моккан*) датируют события в соответствии с 60-летним циклом летоисчисления. Этот факт указывает либо на фиктивность сведений о *нэнго*:, либо на ограниченность употребления *нэнго*: за пределами собственно двора. В любом случае в это время употребление *нэнго*: не носило систематического характера.

В соответствии с «Нихон сёки» первый девиз правления был принят в 645 г. Это был девиз Тайка — «Великие перемены» (возможный вариант перевода — «Великая культурность»), и он был

самым непосредственным образом связан с началом широко-масштабных реформ, призванных превратить Ямато в «цивилизованное» государство. «Нихон сёки» сообщает также, что во второй половине VII столетия было якобы принято еще три девиза правления.

Начиная с VIII в. и вплоть до настоящего времени в соответствии с законодательством применение девизов правления стало носить обязательный характер. Все документы, имевшие отношение к функционированию государственного аппарата, также стали датироваться согласно *нэнго*. Как уже отмечалось (см. главу «Япония и внешний мир»), принятие собственной системы летоисчисления означало независимость Японии от Китая (хотя названия некоторых девизов имели прецеденты в китайской истории, их истолкование отвечало, как правило, местным историко-культурным и политическим условиям).

Несмотря на то что европейская система летоисчисления является в настоящее время преобладающей в Японии, все официальные государственные документы в Японии продолжают датироваться в соответствии с девизами правления. Япония осталась единственной страной Дальнего Востока, где продолжает употребляться летоисчисление по девизам правления. Сравнительный анализ девизов правления, употреблявшихся в Китае и Японии на всем протяжении истории, показывает, что в Японии, в отличие от Китая, не использовались иероглифы, обозначающие «начало». Однако иероглифы, попадающие в семантическое поле «продолжения», пользовались особой популярностью.

В 701 г. с островов Цусима ко двору было доставлено золото, и в честь этого первым девизом правления Момму (взошел на престол в 697 г.) стали иероглифы «Великое сокровище» — Тайхо:. Через три года, в 704 г., Момму принял другой девиз — Кэйун («Чудесное облако»), поскольку над государевым дворцом появилось некое чудесное облако, что считалось, согласно китайским астрологическим представлениям, благоприятным знаком.

Следующий девиз — Вадо: — был введен в 708 г., т. е. на второй год правления Гэммэй. Принятие этого девиза правления было связано с обнаружением залежей меди (*до:*) в провинции

Мусаси. Полное его название может истолковываться двояко, поскольку иероглиф *ва* может означать как «гармонию», так и «Ямато». Кроме того, средневековые словари указывают, что сочетание *вадо:* означает жильную медь.

Легко заметить, что точно так же, как и в случае с обнаружением золота несколько лет назад, переименование эры правления связано с обнаружением полезных ископаемых (в Китае ни обнаружение золота, ни обнаружение меди не относятся к разряду «счастливых предзнаменований»). Дело в том, что период Нара отмечен повышенной строительной активностью (т. е. созданием антропогенной среды обитания) и, следовательно, повышенной потребностью в ресурсах. Отсюда и происходит внимание государства к инвентаризации ресурсов, имеющих на его территории. В указе 713 г. о составлении описаний провинций — «Фудоки» — управителям вменялось в обязанность, в частности, представить сведения о наличии там тех или иных ископаемых. Что касается конкретно меди, то она требовалась государству для производства бронзовых буддийских статуи и для чеканки монеты, которая, как и строительство новой столицы Нара, началась сразу вслед за обнаружением меди. Кроме того, необходимо помнить, что весь природный мир (включая все, что находится под землей) «контролировался» синтоистскими божествами, без благорасположения которых никакая успешная деятельность по освоению этого природного мира была невозможна. Таким образом, во всех девизах правления, где отражены отношения человека с природной средой, явно или неявно присутствует синтоистский компонент.

«Если станет известно о местности, где в горах и на равнинах имеются драгоценные камни, ценные породы деревьев, а также золото, яшма, серебро и другие драгоценности, и если они пригодны для нужд государства, то всегда следует сообщать об этом Палате большого государственного совета, которая должна доложить трону» («Тайхо: рицурё:», пер. К. А. Попова).

В год вступления на престол Гэнсё: (715 г.) в столице была обнаружена «чудесная черепаха» (*рэйки*), тело и панцирь которой были покрыты знаками, значимыми с точки зрения китайской религиозно-философской традиции.

Вслед за Китаем в Японии панцирь черепахи использовался для гадания (на обратной стороне панциря вырезали сетку, состоящую из вертикальных и горизонтальных черт; при нагревании на огне панцирь трескался, и по образовавшимся на лицевой стороне трещинам предсказатели судили о будущем). Кроме того, черепаха в силу ее долголетия считалась символом вечной жизни и благополучия. Не следует забывать и китайский миф, согласно которому черепаха, появившаяся из реки Ло, имела на своем панцире знаки, ставшие прототипом первых иероглифов. В связи с обнаружением «чудесной черепахи» новый девиз правления получил такое же название.

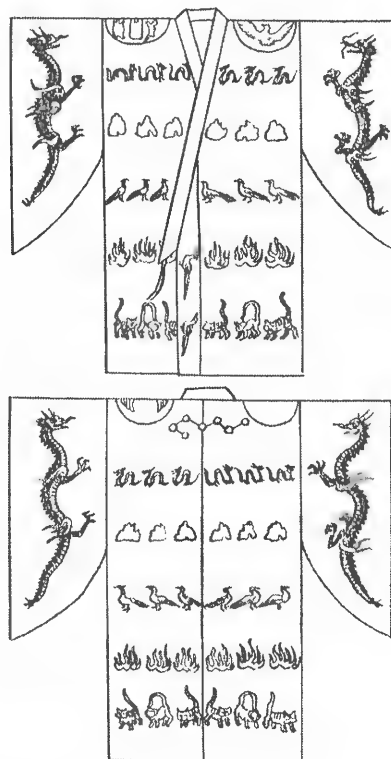

Иллюстрация 44. Одеяние императора с изображениями Солнца, Луны и семи звезд Большой Медведицы

«Длиной она в семь сун, шириной — в шесть. Левый глаз у нее белый, правый глаз у нее красный. На шее у нее были изображения трех звезд (оберегающих Полярную звезду — небесное соответствие императора), а на панцире у нее было семь звезд (ковша Большой Медведицы — медитативное созерцание ковша Большой Медведицы, соотносимого с первоначальным небесным божеством-правителем, играет огромную роль в даосизме). На обеих передних ногах у нее было изображение триграммы “Ли” (смычка, выявление, огонь), а на обеих задних ногах — сплошная черта “Ян” (мужское, активное, светлое начало). Низ живота ее был испещрен красными и белыми точками, которые переплетались в цифру 8 (обозначает множественность, всеохватность, счастливое предзнаменование)» («Сёку нихонги»).

Следующее переименование эры правления произошло всего через два года. На сей раз оно было связано не с чудесными животными, а с обнаруженным государыней Гэнсё: источником, из которого било холодное сакэ, которое, при омовении им и употреблении его внутрь, лечит болезни и возвращает здоровье (показательно, что в указе отыскивается прецедент тому в позднечаньском Китае, но не сообщается о том, что, согласно «Нихон сёки», подобный источник был обнаружен и в Японии в правление Дзито:). В связи с этим Гэнсё: приняла решение о провозглашении нового девиза правления — Ёро: (может быть переведено как «забота о престарелых») — и о преподнесении старикам, которым исполнилось более 80 лет, различных подарков, а также повышении их в ранге.

За месяц перед тем, как Гэнсё: отреклась в пользу Сё:му, представитель рода Ки преподнес двору обнаруженную в провинции Ямато «белую черепаху», что послужило причиной для переименования начальной эры правления Сё:му в Дзинги («Божественная Черепаха»).

Из 13 отмеченных «Сёку нихонги» фактов преподнесения двору черепах в 11 случаях их цвет указывается как белый (в двух случаях цвет не указан). Поскольку для китайской мифологемы черепахи ее цвет, похоже, не имеет существенного значения, следует заключить, что касательно белого цвета наблюдается преемственность по отношению к традиционным японским верованиям, считающим белый цвет сакральным.

Принятие следующего девиза правления было вновь связано с обнаружением чудесной черепахи. После того как Фудзивара вынудили к самоубийству принца Нагая (729 г.), при дворе, вероятно, ощущалась определенная неловкость, вызванная этим событием. В связи с чем Фудзивара было необходимо каким-то магическим образом оправдать как свое политическое самоуправство, так и усилившиеся позиции при дворе. По прошествии четырех месяцев после смерти Нагая, Фудзивара-но Асоми Маро (четвертый сын Фудзивара-но Фухито) лично преподнес императору Сё:му обнаруженную в столице черепаху, на панцире которой были начертано семь иероглифов («небо — владыка — почтенный — мирный — ведать (управлять) — сто — год»), которые можно интерпретировать как «пусть мирное правление почтенного небесного владыки продлится вечные времена». Два иероглифа, взятые из этого сочетания («небесный» и «мирный»), стали новым девизом правления — Тэмпё:. После принятия этого девиза сочетание «Небесный мир» входит в состав еще четырех девизов правления (в связи с этим середину VIII столетия часто называют «эрой Тэмпё:»). Это сочетание не должно вводить нас в заблуждение: поскольку на годы этих девизов приходится множество событий, связанных с политическими кризисами, оно не столько фиксирует реальную стабильность в придворной жизни, сколько отражает попытку обеспечить его с помощью назывной магии. Кроме того, обращает на себя внимание, что понимание времени как некоторой преемственности (первоначально — преемственность поколений) «работает» и на материале девизов правлений (китайская традиция не знает такой преемственности, заключающейся в непрерывном повторении элементов названий девизов).

В связи с обнаружением месторождения золота в провинции Муцу (Митиноку), которое было необходимо для позолоты статуи будды Вайрочаны при сооружении храма То:дайдзи, в 4-й луне 749 г. девиз правления был изменен на Тэмпё: кампо:, где второй компонент сочетания понимается как «помощь [при обнаружении] сокровища». При этом под «сокровищем» разумеется золото, а под «подателями помощи» — будды, небесные и земные божества синтоизма, духи предшествующих императоров, которые откликнулись на обет Сё:му построить гигантский буддийский храм. Кроме того, слово «сокровище» в

данном случае может иметь и другую, буддийскую, коннотацию, поскольку оно входило в состав термина «Три сокровища» — Будда, его учение и *сангха* (в расширительном толковании «Три сокровища» обозначали буддизм в целом).

«И вот, желая во всех землях обильной страны Полнебесной // сутру “Сайсё:о:кё:” (“Сутра золотого блеска”) ввести // и воздвигнуть статую Будды, // вознесли мы моления // богам, на Небе пребывающим, на Земле пребывающим, // и почести воздали душам государей разных времен, // начиная с государя — далекого предка, // множество людей повели за собою // и статую возводили, в сердце мечтая, // дабы несчастья пресеклись и стало добро, // тревога переменилась и жизнь выровнялась. // И вот возводили мы статую с мыслями теми, // а многие усомнились — да будет ли так? // И мы горевали — золота достанет ли? // И тут явились нам знаки слова великого, // чудесного слова Трех Сокровищ, все превосходящего, // и поняли мы, что явились те знаки, // ибо согласились на то боги, // на Небе пребывающие, на Земле пребывающие, // и счастьем нас одарили, // и души государей нам милость и ласку оказали» (из указа Сё:му, пер. Л. М. Ермаковой).

Этот девиз правления продержался всего три месяца (единственный случай переименования в течение одного и того же года) и был изменен сразу после вступления на престол Ко:кэн. Принятию нового девиза не сопутствовали никакие чудесные предзнаменования. Его название сохранило преемственность по отношению к старому — изменению подвергся только один иероглиф. Ко:кэн начал свое правление под девизом Тэмпё: сё:хо: («небесный — мир — превосходный — сокровище»). Таким образом, и этот девиз правления также косвенным образом отражал важность строительства То:дайдзи для государственной жизни и процессы взаимовлияния буддизма и синтоизма (напомним: золото для статуи Вайрочаны было обнаружено благодаря тому, что синтоистские божества, в «ведении» которых находился природный мир, открыли недра земли).

Следующее переименование случилось непосредственно под влиянием политических обстоятельств. После того как был разоблачен заговор Татибана-но Нарамаро, закончившийся тем, что Фудзивара-но Накамаро устранил своих конкурентов, ему

потребовалось оправдание для своего монопольного правления и магическое «очищение» от скверны, вызванной заговором. И чудесное предзнаменование не замедлило явиться — в провинции Суруга был обнаружен шелковичный червь, яйца которого образовывали надпись из 16 иероглифов, общий смысл которых сводился к тому, что Индра в надлежащее время (8-й день 5-й луны — годовщина смерти Сё:му) откроет «небесные ворота» для Сё:му, а правление его потомков будет долгим и успешным. В связи с этим новым девизом правления стал Тэмнё: хо:дзи, т. е. «небесный — мир — сокровище — надпись».

Дзюннин, которого поддерживал Фудзивара-но Накамаро, оказался единственным правителем, который не принял своего девиза правления. При нем продолжал использоваться девиз Ко:кэн — Тэмнё: хо:дзи. По всей вероятности, это было связано с тем, что отношения между ним и Ко:кэн оставались неотрегулированными, и после отречения она вновь стала претендовать на престол. Эта неопределенность ситуации отражена и в отсутствии у Дзюннин собственного девиза правления, что должно было указывать на его нелегитимность (это соображение справедливо и по отношению к его посмертному имени, принятому только в 1871 г.). Только после того, как Ко:кэн удалось вторично взойти на престол под именем Сё:току, был принят новый девиз.

В указе Сё:току, посвященном переименованию эры правления, упоминается о помощи синтоистских божеств, которые послали встречный ветер, предотвративший продвижение судов Накамаро, спасавшегося бегством от преследования дружины Ко:кэн. В связи с этим чудесным событием новая эра правления была названа Тэмнё: дзинго, т. е. «небесный — мир — божественный — защита».

На примере судьбы Накамаро хорошо видно, что обращение к знаменам было оружием обоюдоострым: если несколько лет назад ему удалось применить знамение в качестве средства укрепления собственной власти, то теперь другое знамение было использовано для его развенчания.

Политика тандема Сё:току-До:кё:, направленная на поощрение буддизма и продвижение ставленников До:кё:, вызывала скрытое противодействие аристократической элиты. В связи с этим Сё:току требовалось дополнительное обоснование леги-

тимности, наилучшим способом для чего было бы какое-нибудь знамение. Непосредственной причиной принятия нового девиза оказалось повсеместное (в том числе и над храмом Исэ) обнаружение чудесных семицветных и пятицветных облаков, которые могли наблюдать многие подданные. Сама Сё:току также самолично видела их. В связи с этим прежний девиз правления продержался всего два года и был изменен на Дзинго кэйун («божественный — защита — удивительный — облако», где вторая часть сочетания омонимична девизу 704 г. «Чудесное облако»). Чудесное знамение было приписано совокупной помощи синтоистских божеств, будд и душ прежних правителей. Таким образом, окончательно утверждается и открыто вербализуется «состав» официальной придворной идеологии, основными компонентами которой являются конфуцианство и религиозный даосизм (идея «мандата Неба», применяемая не по отношению ко всей династии, но по отношению к отдельным правителям, где «воля Неба» определяется по знаменам), синто (божества Неба и Земли, души предков), буддизм.

Бурные политические события, связанные с именами Ко:кэн (Сё:току), Дзюннин, Фудзивара-но Накамаро и До:кё:, закончились вместе со смертью Сё:току в 770 г. После немедленного изгнания До:кё: и воцарения Ко:нин была обнаружена белая черепаха, в связи с чем новый девиз правления получил название Хо:ки («Драгоценная черепаха»). Незадолго до окончания правления Ко:нин в связи с обнаружением «чудесных облаков» над святилищем Исэ девиз правления был изменен на Тэнъо («Отклик Неба»).

Девиз правления Камму (Энряку — «Нескончаемое время», 782 г.) одновременно явился последним девизом, зафиксированным как в период Нара, так и в VIII в. В связи с определенной стабилизацией политической обстановки в правление Камму девиз правления больше не изменялся. Его выбор подтверждает тенденцию всего предыдущего периода: изменение девиза правления связано прежде всего с благоприятными знаменами. Самого факта вступления на престол нового правителя оказывается недостаточно. Камму начал свое правление при прежнем девизе Тэнъо (781 г.). Он был изменен через один год и четыре месяца после восшествия на престол, после окончания траура по скончавшемуся Ко:нин и только после того,

как было обнаружено благоприятное знамение. На сей раз в качестве такого знамения выступает богатый урожай.

Похоже, что изменение девиза правления с одновременным обнаружением благоприятных знамений было связано с определенной политической нестабильностью в период Нара. Когда политическая система полностью стабилизируется ввиду безоговорочного доминирования Фудзивара, «исчезают» и благоприятные знамения. Начиная с правления Кокко: (884—887) смена девизов правления уже не связывается с обнаружением благоприятных знамений.

Помимо линейного времени девизов правлений, жизнь двора подчинялась и строгому графику циклических обрядов и празднеств. Их список приводится в законодательных сводах. Прежде всего, к ним относятся обряды сельскохозяйственного цикла (проводимые в несколько этапов моления об урожае и благодарение за богатый урожай). Пышными церемониями отмечено также празднование Нового года.

Одним из основных общегосударственных обрядов было «Великое очищение» (Оохараэ). В нем принимали участие император, все придворные и чиновники столицы. Ритуал проводился дважды в год (в последний день 6-й и 12-й лун) перед главными воротами дворцового комплекса — Судзакумон. Он был призван избавить страну от различных видов ритуального «загрязнения», природных катаклизмов и болезней. В окрестностях дворца обнаружены многочисленные деревянные плоские антропоморфные фигурки, на которые, как считалось, переходит ритуальная скверна. После отправления обряда их выбрасывали в ров с водой. На этих фигурках могли также писать пожелания по избавлению от болезней, и тогда тот орган, который подлежал исцелению (например, глаз), обводился тушью. В основе этого действия лежал даосский по своему происхождению обряд. Также обнаружены *моккан* с записью даосских заклинаний.

В молитве (*норито*), возглашаемой по случаю Оохараэ, в частности, говорилось: «И в стране прегрешения разные, // ошибкой, поступком совершенные // тем людям, что под небом прибавляется, — // прегрешения премногие небесными прегрешениями оз-

начили. // Те прегрешения небесные — разрушение мейей, // засыпка канав, желобов разрушение, повторный посев, // вбивание кольев, сдирание заживо шкур, // сдирание шкур сзали к переду, нечистот оставление. // И означили прегрешения земные премногие: // резать на живом кожу, резать на мертвом кожу; // люди, больные проказой; опухоль; // надругательство над собственной матерью, // надругательство над дитятей собственным... // грех соития с животными // ... Даруется изгнание прегрешений, очищение их, — // унесет их с собой в Великого Моря Равнину // богиня Сэорицухимэ, что пребывает // в стремнинах рек стремительных, // что падают, низвергаясь, // с гребней высоких гор, низких гор» (пер. Л. М. Ермаковой).

Кроме того, при дворе проводилось и множество других ритуалов годового цикла. Большинство из них были генетически связаны с синтоизмом и были направлены на урегулирование отношений с природой: обеспечение «правильного» чередования сезонов, выпадения осадков в «правильное» время и т. д., что в конечном итоге должно было обеспечить получение богатого урожая, что, естественно, считалось одним из главнейших условий благополучия государства.

Заклучение

Население Японского архипелага к началу периода Хэйан прошло длинный путь эволюции от первобытности к древнему государству. Период Нара завершает важнейший этап историко-культурного развития общества и государственности. Фактически провозгласив одной из своих основных целей создание высокоцентрализованного государства (когда всякое движение жизни в любой точке страны находится под неусыпным и безоговорочным контролем из центра), японская правящая элита обратилась к китайскому опыту государственного строительства. Начало этого процесса можно датировать приблизительно серединой VII в., когда были приняты первые указы, нацеленные на создание государственности, отвечающей тогдашним китайским представлениям (надельное землепользование, строительство постоянной столицы, повсеместное создание сети почтовых дворов и т. д.). При этом мыслилось, что основным «программным» документом станут законодательные своды («Тайхо: рицурё», 701—702 гг.; «Ёро: рицурё», 757 г.), в соответствии с письменным словом которых и должна была быть выстроена вся совокупность внутригосударственных отношений. С определенными модификациями эти законодательные своды были смоделированы по китайскому образцу.

Выполнение заложенной в сводах программы по централизации страны с неизбежностью сопровождалось осуществлением крупномасштабных проектов, что потребовало колоссального напряжения сил, аккумулировавшихся с помощью внеэкономических средств принуждения (трудовая повинность). Синдром гигантомании, начало которого можно уверенно датировать «курганым периодом», не был еще изжит. На этом пути поначалу были достигнуты достаточно серьезные успехи. Так, была воздвигнута столица Нара — колоссальный по своим масштабам для этого времени город. В этом городе был выстроен

громадный буддийский храм То:дайдзи (самое большое в мире сооружение из дерева), в «золотом павильоне» которого поместили 16-метровую бронзовую статую Вайрочаны (самая большая бронзовая статуя в мире). Еще одним крупным проектом было издание ксилографическим способом миллиона (видимо, наиболее массовый для всего мира того времени тираж) *дхарани*, каждый экземпляр которых был вложен в деревянную модель пагоды. В каждой из провинций согласно специальному указу был построен буддийский храм. Страна покрылась сетью дорог с расположенными на них почтовыми дворами. В школах чиновников осуществлялось планомерное и достаточно массовое обучение кадров государственного аппарата на основе овладения классическими памятниками китайской философской, государственной, исторической, литературной мысли. Сама организация чиновничества представляла собой, согласно законодательным сводам, стройную иерархическую систему, скопированную с китайских образцов. Создавались исторические хроники и стихотворные антологии на китайском языке, призванные подчеркнуть высокую степень овладения японцами континентальной культурой.

Главным инициатором всех этих проектов было государство, и казалось, что центр достиг высокой степени управляемости страной. Однако весьма скоро выяснилось, что реальный уровень экономического, политического, социального и культурного развития общества и государства не соответствует тем образцам, которые описывались в законодательных сводах. Поэтому «иератический автопортрет государства» (законодательные своды) достаточно быстро стал дополняться чертами, более похожими на заказчика (и одновременно исполнителя) этих законов.

Пересмотр законодательства начался достаточно скоро. Первый указ о его ревизии относится к 706 г. (касался изменений ранговых наделов). В 711 г. хроника «Сёку нихонги» уже сообщает, что «только один или два закона проводятся в жизнь; полное же осуществление невозможно», довольно наивно возлагая при этом вину на нерадивых чиновников.

Прослеживаемые по источникам изменения в законотворческой и текущей политике свидетельствуют в целом о реалистичной оценке постоянно изменяющейся ситуации и об отказе

от осуществления тех проектов, которые требовали чрезмерных усилий (строительство То:дайдзи оказалось одним из последних проявлений «синдрома гигантомании»). С другой стороны, причинами невозможности исполнения планов правящей элиты можно считать давление местных культурно-социальных условий и обстоятельств. Так, на настоящий момент следует считать доказанным, что законодательные своды, состоящие из двух основных частей (*рицу* — «уголовный кодекс» и *рё:* — «гражданский кодекс»), реально «работали» только во второй своей части, т. е. *рё:*. Что касается *рицу*, то на самом деле общество продолжало жить согласно нормам обычного права — фактически «уголовный кодекс» так и не был введен в действие, что свидетельствует о его изначальной утопичности, т. е. несоответствии местным реалиям.

Дрейф государства и общества в сторону более адекватной местным условиям модели проходил по следующим основным направлениям.

1. Земельные отношения. Основной «экономической» идеей законодательных сводов была система надельного землепользования с сохранением государственной собственности на землю. Однако с течением времени все большее количество земель переходило в частные руки с правом передачи по наследству: «жалованные» (давались за особые заслуги); земли синтоистских храмов и буддийских монастырей; целинные земли (с 743 г.). Начиная с 902 г. передел земель стал осуществляться один раз в двенадцать лет (согласно сводам, время между переделами должно было составлять шесть лет). Все это привело к концентрации пахотной земли в частных руках и подрыву экономической основы «государства *рицурё:*» — государственной собственности на землю. На смену пришла система поместного частного землевладения — *сёэн*.

2. Отношения между центром и периферией. Территориальное деление страны включало в себя более 60 провинций и около 600 уездов. В отличие от Китая, чиновники из центра присылались только на должности управителей провинций. Что касается уездов и сел, то на должности управителей и старост всегда назначались только представители местной знати. В период Хэйан вместе с развитием поместного землевладения уезды фактически превращаются в вотчины и утрачивают свое зна-

чение в качестве административной единицы государства. Таким образом, центр практически не был в состоянии обеспечить контрольные функции на административном микроуровне. Поскольку основная тяжесть сбора первичных данных (сведения о податном населении, уплате налогов и т. д.) лежала именно на уездах, то и наши совокупные знания о состоянии государственности после Нара (вплоть до сёгуната Токугава) сильно уступают в своей точности, подробности и конкретности знаниям о VIII в.

3. Армия. Пришлось распрощаться и с мечтами о сильной армии. В начале VIII в. одна «дивизия» (*гундан*) формировалась 3—4 уездами. В отсутствие реальной внешней угрозы, в результате неоднократных пересмотров системы в сторону облегчения рекрутчины, в 792 г. она была практически полностью ликвидирована (за исключением провинций Муцу, Дэва и Садо). В то же самое время личные дружины поместных владельцев имеют явную тенденцию к увеличению, что приводит в перспективе к кровавым междоусобным столкновениям.

4. Статус правителя. Самые серьезные изменения произошли и в статусе самого государя. Если для VIII в. характерна концепция «сильного» и деятельного правителя (другое дело, что в действительности так было далеко не всегда), то политическая борьба между императорским родом и родом Фудзивара привела к тому, что в период Хэйан окончательно складывается политическая система доминирования рода Фудзивара, когда правитель продолжает оставаться верховным синтоистским жрецом, но его властные полномочия имеют постоянную тенденцию к сокращению. При этом подтверждает свою действенность более ранняя система управления, когда один из влиятельных родов является поставщиком главной жены для правителя. Сыновья от этого брака становятся императорами, но их действия в значительной степени контролируются их дядями (дедами) по материнской линии (так называемый авункулат; в VI—VII вв. такую роль играл род Сога).

5. Геополитическое положение. После ряда поражений японской экспедиционной армии на Корейском полуострове в середине VII в. Япония фактически отказывается от проведения активной внешней политики, ставящей своей целью вмешательство в дела на континенте (несколько неосуществленных по-

пытках «наказать» Силла отнюдь не выглядят следствием сколько-нибудь продуманной стратегии). Однако в это время Япония еще сохраняет живой интерес по отношению к континенту. Он был обусловлен как потребностью в новой информации (приобретение технологии государственного строительства, различных умений, навыков, знаний), так и заинтересованностью в «международном» признании. Япония пытается моделировать свое поведение по отношению к внешнему миру в качестве местного гегемона и носителя «цивилизующего» начала. Осуществляется регулярный обмен посольствами с Китаем, Силла и Бохай, который, однако, вместе с нарастанием самодостаточности и интровертности японской культуры был прекращен (за исключением Бохай).

6. Система образования и конкурсных экзаменов. Формально в Японии была воспринята китайская идея конкурсных экзаменов на занятие чиновничьих должностей. Однако на практике заложенная в ней потенция вертикальной мобильности оказалась выхолащенной. Все исследования показывают, что для детей чиновника 6-го ранга и ниже было практически невозможно достичь 5-го ранга — минимально высокого для занятия должности при дворе. Продвижение по служебной лестнице в намного большей степени определялось происхождением, чем служебными заслугами. В значительной степени именно по этой причине в период Хэйан государственные школы чиновников сменяет домашнее образование и частные школы. Получается, таким образом, что и вся система чиновничьего ранжирования, целиком заимствованная из Китая, утратила свой первоначальный смысл и оказалась полностью предписанной.

Еще одним фактором, способствовавшим самогерметизации аристократии, было преодоленное ею давление служилой знати, значительную часть которой составляли переселенцы из Кореи и Китая.

7. Дорожная инфраструктура. В VIII в. была создана сеть так называемых «государственных дорог» (*кандо*), которая соединяла столицу со всеми основными регионами. По сравнению с более поздним временем эффективность системы сообщений не вызывает сомнений. Однако в период Хэйан она приходит в упадок. Это явилось одним из проявлений утери центром значительной части своих полномочий, ослабления информационного об-

мена с периферией и контроля над ней. Ослабление обратной связи между центром и периферией находит свое выражение в том, что все большее количество документации имеет адресатом и адресантом сами центральные ведомства в столице.

8. Деньги. Желание походить на Китай продиктовало необходимость в чеканке монеты (впервые пущена в обращение в 708 г.). Следующий выпуск был осуществлен только в 760 г. До 958 г. зафиксировано еще 10 эмиссий. Несмотря на настойчивые меры государства по активизации денежного оборота, в стране (за исключением столицы) продолжал господствовать натуральный обмен. В X в. чеканка собственной монеты полностью прекратилась, в Японии стали использовать китайские монеты.

9. Буддизм. Значительная часть периода Нара проходит под знаком предпринимаемых правящим родом попыток инкорпорирования буддизма в систему официальной идеологии. Однако с течением времени стало понятно, что только синтоизм с его системой сакральных генеалогий, уходящих своими корнями в мифологию, способен гарантировать традиционной аристократии занимаемое ею положение, зафиксировать социальную иммобильность. В связи с этим государственная поддержка буддизма становится намного слабее, происходит повторная актуализация всего синтоистского мифологическо-ритуального комплекса. В начале IX в. наблюдается окончательное оформление синтоистского пантеона, что способствовало созданию властных структур, абсолютно закрытых для проникновения посторонних элементов.

10. Пространство. В начале VIII в. японское государство и культура стремятся к расширению своих границ. Это находит свое выражение и в попытках продвижения на север Хонсю, и в сельскохозяйственном освоении новых земель, и в модусе описания пространства в письменных источниках (широкое употребление топонимов, локализуемых в различных частях страны, описание перемещения в пространстве тех или иных лиц).

В период Хэйан после отмены военной экспедиции против эмиси (805 г.) планы по интеграции северо-восточного региона явно отходят на второй план, колонизация не проводится, отношения с обитателями этих мест ограничиваются в основном принесением теми символической дани ко двору.

Исторические источники описывают по преимуществу пространство столицы и двора, литературные — ограничивают свое видение тем пространством, которое физически доступно взгляду (действие происходит главным образом в интерьере). Путешествия (во всяком случае, как объект изображения) сходят на нет, активное развитие получает моделирование природы, приближаемой таким образом к собственному дому (садово-парковое искусство).

11. Время. «Государство *рицурё*» начиналось с письменного оформления удовлетворявшей его концепции прошлого, имеющей своим формальным прототипом китайское летописание. Однако после того, как осознание непрерываемой легитимности правящего рода прочно входит основным элементом в модель государственного устройства, потребность в ведении хроник отпадает. Вместо составлявшихся по указу правителя хроник теперь указы предписывают составление японоязычных поэтических антологий, акцентирующих прежде всего идею циклического времени (годовой природный цикл).

12. Язык. Поскольку язык сам по себе является мощнейшим носителем вмонтированных в него культурных смыслов, то использование того или иного языка (или же соотношение нескольких) во многом определяет не только облик общества, но и его внутренние смыслы. Если VIII в. можно признать за время почти безраздельного господства китайского письменного языка, то впоследствии его коммуникативные (а значит, и смыслопорождающие) функции имеют тенденцию к сокращению: появляются новые классы текстов в прозе и поэзии (японоязычные поэтические антологии, прозаические жанры, функционировавшие на японском языке), полностью игнорирующие «государственную» тематику в ее китайском понимании. Подобная же японизация общего строя жизни видна и в других областях культуры, доступных нашему видению (живопись, скульптура, архитектура, костюм и т. д.).

Вышеприведенные данные показывают, что японское государство периода Нара (со всеми его атрибутами, включая летописание и законодательство) было в значительной степени конструктом волевой деятельности определенного и ограниченного круга лиц, а не следствием «естественной» эволюции. В связи с этим «оболочка» этого государства и его «чре-

во» отличались разительным образом. И если внешние проявления имели все признаки высокоцентрализованного государства современного (т. е. «китайского») типа, то реальные процессы адаптации и «переваривания» новых для общества идей, установлений и институтов привели совсем не к тем результатам, на которые рассчитывали творцы законодательных сводов. Архитекторы реформ жили во времена максимальной информационной открытости страны и хотели построить империю, напоминающую по своей мощи, размаху и централизации Китай. В результате же их не слишком далекие потомки оказались в стране, где периферия вела жизнь от центра вполне независимую, где власть «императора» была в значительной степени номинальной, где вместо чаемой экстравертной культуры сформировалась в высшей степени интровертная, где большинство начинаний VIII в. приобрело не слишком узнаваемый вид. Начиная с этого времени «утопичность» как форма государственного сознания в значительной степени утрачивает свое значение.

В то же самое время необходимо помнить, что к концу периода Нара формируются некоторые важнейшие историко-культурные установки, которые будут играть огромную роль в последующие эпохи. К наиболее значимым из них мы относим следующие.

- Установка на несменяемость правящей династии.
- Установка на сосуществование двух центров власти (фактической и «духовной», сакральной).
- Установка на первостепенную важность письменности в управлении и культуре. Восприятие письменного текста как основного возможного источника технологической и управленческой информации.
- Восприятие континента как поставщика важной культурной, технологической и управленческой информации.
- Установка на сознательный отбор и «редактирование» информации, поступающей извне.
- Установка на исключение страны из системы международных отношений на Дальнем Востоке (с Китаем в ее центре).
- Установка на самодостаточность собственной культуры (служит в будущем основой для формирования этнического самосознания).

— Установка на закрытость властных структур, обусловленная признанием дальнего прошлого (синтоистского мифа) прообразом современного социального положения.

— Установка на важность происхождения при определении места каждого человека в социальной иерархии.

— Установка на функционирование официальной идеологии как сочетания синто, конфуцианства и буддизма с ведущей ролью первого.

— Установка на сосуществование двух основных хозяйственных укладов: заливное рисосеяние и морской промысел. Отказ от скотоводства.

— Реальная экономическая самостоятельность регионов, обусловленная их экономической самодостаточностью (сосуществование в каждом регионе-провинции разных хозяйственных укладов с развитыми обменными процессами между носителями разных укладов), что ведет к автономизации регионов от центра.

— Установка на интенсивные методы хозяйствования.

— Отказ от ресурсопотребляющих технологий в пользу ресурсосберегающих и трудозатратных.

П
Р
И
Л
О
Ж
Е
Н
И
Я

Синхронистическая таблица

Данная таблица ставит своей целью отразить основные события в истории ранней Японии. Часть из них не обсуждается в тексте учебника. Они приводятся для лучшей ориентации в событийной истории. В качестве сопоставительного материала в колонке «События за пределами Японии» приводится хронология династий в Китае и Корее, отмечаются главные события, которые оказывали влияние на исторический процесс в Японии.

В таблице представлены датировки основных археологических периодов вместе с указанием их главных археологических, историко-культурных и хозяйственных характеристик, а также главные события истории Японии вплоть до 794 г. — времени переноса столицы страны в Хэйан.

До начала VIII в. употребляется самоназвание древнеяпонского государства — Ямато. Начиная с 702 г., когда посольство Ямато (Японии) в Китае объявило о переименовании страны, употребляется термин «Япония».

За исключением археологического раздела таблицы, все датировки колонки «События в Японии», кроме специально оговоренных случаев (указаны в круглых скобках), осуществляются согласно данным официальных хроник «Нихон сёки» и «Сёку нихонги». Цифра, выделенная жирным шрифтом в начале сообщения в графе «События в Японии», обозначает порядковый номер месяца. Аббревиатура «доп.» обозначает дополнительный (вставной) месяц. Выражение «в этом году» означает, что о данном событии сообщается в конце годового раздела хроники, но оно не имеет датировки по месяцу и дню. Следует, однако, иметь в виду, что до середины VI в. датировки японских хроник носят, как правило, условный характер. В графе «События за пределами Японии» используются данные китайских официальных хроник и корейской хроники «Самгук саги» («Исторические записи трех государств»).

Дата по григорианскому календарю	Дата по годам правления и девидам правления	События в Японии	События за пределами Японии
1	2	3	4
4000—15000 лет назад 15000—300 гг. до н. э.		Палеолит. Хозяйственные занятия: охота и собирательство. Период дзёмон (неолит). Назван по типу керамики с «веревочным орнаментом» (дзёмон). Хозяйственные занятия: собирательство, охота, рыболовство (речное и морское). Культура дзёмон распространена на всей территории архипелага (от Хоккайдо до Рюкю). В конце периода появление зачатков земледелия. Население: племена аустронезийского происхождения. Период яёй (бронзово-железный век). Назван по типу керамики, впервые обнаруженному в Яёй (район Токио). Крупные миграции с Корейского п-ва, принешие на архипелаг культуру заливого рисосаения, технологию производства металлов, шелкоткачество и др. Процесс смещения с местным населением приводит к появлению протояпонцев и протояпонской культуры. Основной ареал распространения: север Кюсю и Центральная Япония. Период кофун (курганный). Назван по многочисленным масштабным потребальным сооружениям курганного типа. Зна-	7-нач. 2 тыс. до н. э. — неолит в северном Китае. Сер. 2 — сер. 1 тыс. до н. э. — бронзовый век в Северном Китае. Сер. 1 тыс. до н. э. — III в. н. э. — ранний железный век в Северном Китае. Эпоха Шан-Инь (1766—1122 г. до н. э.). Эпоха Чжоу (1122—247 г. до н. э.). IV в. до н. э. — III в. н. э. — ранний железный век в Корее. В Китае династия Цинь (246—207 гг. до н. э.). Династия Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Династия Вэй (220—264). Образование раннекорейских государств: Силла (57 г. до н. э.), Когурё (37 г. до н. э.), Пэкче (18 г. до н. э.). В Китае: династия Цзинь (265—420). Династия Сун (420—479).
III в. до н. э. — III в. н. э.			
IV в — 592 г.			

1	2	3	4
660 г. до н. э.	Дзимму, 1 год	чительная имущественная и социальная дифференциация. Возникновение протояпонского государства (самоназвание — Ямато).	Династия Ци (479—501). Династия Лян (502—556). Династия Чань (557—588). Династия Суй (589—619).
581 г. до н. э.	Суйдзэй, 1 год	Завершен «восточный поход» мифического «первоимператора» Дзимму, (660—585 гг. до н. э.).	
549 г. до н. э.	Аннэй, 1 год	На престол взошел «император» Суйдзэй (581—549 гг. до н. э.).	
510 г. до н. э.	Итоку, 1 год	На престол взошел «император» Аннэй (549—511 гг. до н. э.).	
475 г. до н. э.	Косё, 1 год	На престол взошел «император» Итоку (510—477 гг. до н. э.).	
392 г. до н. э.	Коан, 1 год	На престол взошел «император» Косё (475—393 гг. до н. э.).	
290 г. до н. э.	Корэй, 1 год	На престол взошел «император» Коан (392—291 гг. до н. э.).	
214 г. до н. э.	Когэн, 1 год	На престол взошел «император» Корэй (290—215 гг. до н. э.).	
158 г. до н. э.	Кайка, 1 год	На престол взошел «император» Когэн (214—158 гг. до н. э.).	
97 г. до н. э.	Судзин, 1 год	На престол взошел «император» Кайка (158—98 гг. до н. э.).	
29 г. до н. э.	Суйнин, 1 год	На престол взошел «император» Судзин (97—30 гг. до н. э.).	
57	Суйнин, 86 год	Посол страны На земли Ва (Ва-но Накоку), доставивший к династии Восточная Хань лары от правителя страны На, получил от императора Гуан-ули в качестве инвестиции золотую печать («Хоу Хань шу» — «История династии Поздняя Хань»). На престол взошел «император» Кэйко: (71—130).	Бань Гу составил «Хань шу» («История династии Хань»).
71	Кэйко, 1 год		
82	Кэйко, 12 год		
107	Кэйко, 37 год	Правитель страны Ва отправил императору Китая Ань-ди 160 рабов («Хоу Хань шу»).	
131	Сэйму, 1 год	На престол взошел «император» Сэйму (131—190).	
147	Сэйму, 17 год	Началась смута в стране Ва («Вэй-чжи»).	

1	2	3	4
188	Сэйму, 48 год	Химико стала правительницей племенного союза Яматай (местоположение неизвестно), объединяющего 30 раннегогосударственных образований («Вэй-чжи»).	Ослабление ханьских наместничеств в Корее. Усиление местных (корейских) племен хан и е.
192	Тю-ай, 1 год	На престол взошел «император» Тю-ай (192—200).	В Китае (династия Вэй) вводятся новая система отбора и квалификации чиновников, получающая название «девятой категории (рангов) беспристрастных и правых» (кит. цзю пинь чжун чжэн).
201	Дзингу, колго., 1 год	Правление Дзингу, колго: (201—269).	
220	Дзингу, колго., 20 год		
239	Дзингу, колго., 39 год	Химико отправила ко двору династии Вэй посольство с дарами («Вэй-чжи»).	
240	Дзинго, колго., 40 год	Китайский посол, отправленный двором династии Вэй в Яматай, вручил правительнице Химико послание и печать («Вэй-чжи»).	
243	Дзингу, колго., 43 год	Химико отправила посольство с дарами ко двору династии Вэй («Вэй-чжи»).	
245	Дзингу, колго., 45 год	Посол Химико получил подарки от императора династии Вэй («Вэй-чжи»).	Основание государства Пэкче (по китайским источникам). Набег Когурё на северные границы Силла.
247	Дзингу, колго., 47 год	Яматай начинает войну со страной Куна (не идентифицирована). В Яматай прибыл посол династии Вэй («Вэй-чжи»).	
248	Дзингу, колго., 48 год	Кончина Химико. Правителем Ва стал мужчина, а затем девушка по имени Иё («Вэй-чжи»).	
265	Дзингу, колго., 65 год	Правительница Ва (Яматай) Иё отправила посольство ко двору династии Западная Цзинь («Цзинь шу»).	

1	2	3	4
270	О-эзин, 1 год	На престол взошел «император» О-эзин (270—310).	Падение династии Вэй и создание династии Западная Цзинь.
280	О-эзин, 11 год		В Китае (династия Западная Цзинь) вводится система надельного землепользования.
313	Нинтоку, 1 год	На престол взошел «император» Нинтоку (313—399).	
366—369	Нинтоку, 54—57 годы	Ямато устанавливает союз с Пэкче, воюет с Силла и берет под контроль область Мимана (кор. Имна) на юге Корейского полуострова.	Представление посольств Пэкче в Ямато и при дворе династии Восточная Цзинь.
372	Нинтоку, 60 год	Ван Пэкче Кынчхого передал правителю Ямато «семизубчатый меч».	Обнародование законов в Когурё.
373	Нинтоку, 61 год		Создание первой истории Пэкче «Сога» (не сохранилась).
374	Нинтоку, 62 год		Оформление Силла как единого государства на землях чинхан.
377	Нинтоку, 65 год		
382	Нинтоку, 70 год	Ямато посылает войска в Силла.	
391	Нинтоку, 79 год	Армия Ямато одерживает победы над войсками Пэкче и Силла (согласно надписи на стеле Квангэто из Когурё, установленной в 414 г.).	
399	Нинтоку, 87 год	Пэкче заключает мир с Ямато и отказывается приносить дань Когурё. Ямато нападает на Силла. Силла обращается за помощью к Когурё (стела Квангэто). Скончался «император» Нинтоку.	
400	Ритю, 1 год	Армия Ямато терпит поражение от Когурё и Силла (стела Квангэто). На престол взошел «император» Ритю: (400—405).	

1	2	3	4
404	Риппо., 5 год	Войска Ямато терпят поражение в Котурё (стела Квангэтхо). На престол взошел «император» Ханзэй (406—410). На престол взошел «император» Ингё: (412—453). Правитель Ямато посылает дань ко двору династии Восточная Цзинь («Цзинь шу»).	В столице Котурё — Куннэсон — установлена потребная стела Квангэтхо-вана (391—413) — важный источник по истории взаимоотношений Ямато и Корейских государств.
406	Ханзэй, 1 год		
412	Ингё:, 1 год		
413	Ингё:, 2 год		
414	Ингё:, 3 год		
415	Ингё:, 4 год	9. Проведено «испытание киятхом» (<i>кукапати</i>) представителей аристократических родов с целью выяснения их истинного происхождения, в связи с большим количеством фиктивных родовословных.	
420	Ингё:, 9 год		Падение династии Восточная Цзинь и начало периода «северных и южных династий» в Китае.
421	Ингё:, 10 год	Правитель Ямато посылает дань ко двору династии Сун и получает от правителя Сун инвестиру («Сун шу»).	Фань Е составил «Хоу Хань шу».
424	Ингё:, 13 год	Правитель Ямато посылает посольство ко двору династии Сун, которое доставило правителю Сун официальное послание («Сун шу»).	
425	Ингё:, 14 год		
428	Ингё:, 17 год	2. Из Ямато в Пэкче прибыл посол со свитой из 50 человек («Самгук саги»).	
430	Ингё:, 19 год	1. Правитель Ямато отправляет посольство ко двору династии Сун («Сун шу»).	

1	2	3	4
438	Ингё:, 27 год	После смерти правителя Ямато по имени Сан (не идентифицируется) его место занял Тин (Ханзэй?). 4. Тин посылает дань в сунский Китай и получает титул «правителя Ва, полководца, успокаивающего Восток» («Сун шу»). Правитель Ямато (Ингё:?) посылает миссию в сунский Китай и получает титул «правителя Ва, полководца, успокаивающего Восток» («Сун шу»). Правитель Ямато (Ингё:?) просит у китайского императора права вмешиваться в дела на Корейском п-ове и получает титул «Правителя Ва, полководца, успокаивающего Восток» («Сун шу»). На престол взошел «император» Анко: (453—456). На престол взошел «император» Юряку (456—479). 12. Отправлено посольство ко двору династии Сун с дарами («Сун шу»).	Пересмотр кодекса законов династии Северная Вэй.
443	Ингё:, 32 год		
451	Ингё:, 40 год		
453	Анко:, 1 год		
456	Юряку, 1 год	4. Прибыло посольство из Пэкче. 3. Правитель Ямато получает в Китае титул «правителя Ва, полководца, успокаивающего Восток» («Сун шу»). 11. Правитель Ямато отправляет посла с дарами ко двору династии Сун («Сун шу»).	Введение государственной надельной системы в Северном Китае.
460	Юряку, 5 год		
461	Юряку, 6 год		
462	Юряку, 7 год		
477	Юряку, 22 год		
478	Юряку, 23 год	5. Ко двору династии Сун отправлено послание с просьбой о помощи в борьбе против Котурё. Правитель Ямато получает от императора Сун титул «правителя Ва, великого полководца, успокаивающего Восток» («Сун шу»).	
479	Юряку, 24 год	Правитель Ямато получает от императора Китая (династия Шян) титул «правителя Ва, полководца, успокаивающего Восток» («Нань Цишу»). Скончался «император» Юряку.	Основание династии Южная Ци.

1	2	3	4
480	Сэйнэй, 1 год	На престол взошел «император» Сэйнэй (480—484).	В Китае (династия Северная Вэй) введена система «равных полей» (кит. Цзюнь тянь). В Силла создана система государственных почтовых станций. Чэнь Юэ составил «Сун шу» («История династии Южная Сун»).
485	Кэндзо, 1 год	На престол взошел «император» Кэндзо (485—487).	
487	Кэндзо, 3 год		
488	Нинкэн, 1 год	На престол взошел «император» Нинкэн (488—498).	Падение династии Южная Ци и образование династии Лян.
498	Бурэцу, 1 год	Род Хэгури уступает ряд властных полномочий роду Оотомо.	
502	Бурэцу, 5 год	На престол взошел «император» Бурэцу (498—506). Правитель Ямато получает от императора династии Лян титул «полководца, умиротворяющего Востока» («Записи государей династии Лян»), В связи с бездетностью Бурэцу <i>ооимура</i> Оотомо-но Канамура пригласает из провинции Эттидэн принца Охоло занять «императорский» трон. Принц Охоло становится «императором» Кэйтай (507—531).	
512	Кэйтай, 6 год	12. <i>Ооимура</i> Оотомо-но Канамура с согласия государя Кэйтай уступает правителью Пэкче четыре района Мимана. Пэкче присылает в Ямато знатоков Пяткинкэя.	Захват побережья Японского моря в Корее государством Силла. Создание кодекса законов и чиновничьего аппарата в Силла.
513	Кэйтай, 7 год	6. Пэкче присылает в Ямато знатоков Пяткинкэя.	
520	Кэйтай, 14 год		
527	Кэйтай, 21 год	6. Начало мятежа Ивай (управителя Цукуси) на о-ве Кюсю.	
528	Кэйтай, 22 год	11. Мятеж Ивай подавлен.	
531	Кэйтай, 25 год	2. Скончался государь Кэйтай. В результате борьбы за власть трон занимает Анкан (531—535). Этим (по другой версии — 471)	

1	2	3	4
532	Анкан, 2 год	годом датируется надпись на мече из кургана Инарияма, где впервые упоминаются титулы знатности <i>кабанэ</i> .	Еще один район Мимана переходит к Силла («Самгук саги»). Падение династии Северная Вэй. Введение в Силла деизов правления.
534	Анкан, 4 год		
536	Сэнка, 1 год	4. Увеличение царских владений (<i>миакэ</i>). На престол взошел «император» Сэнка (535—539). 1. Царский дворец перенесен в Ихорино, в Хинокума (преф. Нара). 2. Согласно Инаме получил одну из высших государственных должностей — «великого оми» (<i>о:оми</i>). Ван Пэкче передает в дар Ямато статуи Будды и тексты сутр (согласно версии одного из житий Сётоку-тайси). 2. Скончался государь Сэнка.	
538	Сэнка, 3 год	На престол взошел «император» Киммэй (539—571). 8. Когурё, Пэкче, Силла и Имна присылают послов с данью. Составлены подворные списки иммигрантских родов «Ая» и «Хата».	Столица Пэкче переносится в Саби.
539	Сэнка, 4 год	2. Прибыло посольство из Пэкче.	
540	Киммэй, 1 год		
544	Киммэй, 5 год		Составлена «Вэй шу» («История династии Вэй»). Создание первого тюркского каганата. Разгром сил Когурё и Пэкче войсками Силла. Силла окончательно захватывает Мимана.
550	Киммэй, 11 год		
552	Киммэй, 13 год	10. Киммэй и его ближайшее окружение решают вопрос о поклоне статуе Будды, присланной вном Пэкче Сонмён.	
554	Киммэй, 15 год	2. Из Пэкче прибыли составители календарей и врачи.	
562	Киммэй, 23 год	7. Силла присылает посланника с данью. 11. Силла присылает послов с данью.	
569	Киммэй, 29 год	4. Составлены списки работников земельных корпораций в императорском владении (<i>миакэ</i>) в Сираи.	

1	2	3	4
571	Киммэй, 31 год	3. Провозглашен указ Киммэй о необходимости восстановить власть Ямато в Мимана. Котурё доставляет дань и послание. 4. Кончина государя Киммэй. 8. Из Силла прибывает посланник с выражением соболезнования по поводу кончины Киммэй. 9. Киммэй погребен в гробнице Сакан в Хинокума (преф. Нара). 4. На престол взошел «император» Билацу (572—585). Сога-но Умако назначается на должность о-оми. глава рода Мононобэ — Мононобэ-но Югэ Мория — на должность оомурати. 5. Из Пэкче прибыли учитель медитации, чтец мантр, мастер по изготовлению буддийских статуй, строитель буддийских храмов. 2 доп. Изъявление покорности государю Ямато вождями эмиси. 10. Силла присылает дань Ямато, но дань не принята, а само посольство отослано обратно. 7. Билацу намеревается восстановить японские владения в Мимана. 2. В Силла отправлен посол. На престол взошел «император» Ёмэй (585—587). 7. Род Сога разбивает в битве род Мононобэ. Убит глава рода Мононобэ — Мононобэ-но Югэ Мория. Скончался государь Ёмэй. На престол взошел «император» Сусюн (587—592). Из Пэкче прибывает посольство и буддийские монахи. 7. Посланы чиновники для обследования границ Ямато на востоке и северо-востоке страны.	Создание династии Суй.
572	Билацу, 1 год		
577	Билацу, 6 год		
581	Билацу, 10 год		
582	Билацу, 11 год		
583	Билацу, 12 год		
584	Билацу, 13 год		
586	Ёмэй, 1 год		
587	Ёмэй, 2 год		
588	Сусюн, 1 год		
589	Сусюн, 2 год		Объединение Китая под эгидой династии Суй.

1	2	3	4
592	Сусюн, 5 год	10. Сога-но Умако организует заговор с целью убить государя Сусюн. 12. На престол взошла государыня Суйко (593—628). 4. Сё-току-тайси становится регентом. Начало строительство буддийского храма Ситэнно-дзи в Нанива. 11. Закончено строительство буддийского храма Хоко-дзи (позднее стал называться Ганго-дзи). 4. Ван Пэкче присылает принца Адхва с ланью. 11. Кисин-но Иваканэ отправляется в Силла (вернулся в 598 г.). Отправлено посольство в суйский Китай («Суй шу»). Война Ямато с Силла за Мимана.	Введение налётной системы династией Суй.
593	Суйко, 1 год		
596	Суйко, 4 год		
597	Суйко, 5 год		
600	Суйко, 8 год		Создание истории государства Когурё «Синджив» (не сохранилась).
601	Суйко, 9 год		
602	Суйко, 10 год	2. Начало строительства дворца в Икаруга. 11. Принятие решения о военном выступлении против Силла. 6—10. Военные планы сорваны из-за болезни принца Кумэ, назначенного командующим экспедиционным корпусом в Силла.	
603	Суйко, 11 год	2. Принц крови Кумэ скончался на Цукуси (совр. Кюсю). 12. Введение системы двенадцати чиновничьих рангов.	Учреждение в суйском Китае государственных зернохранилищ.
604	Суйко, 12 год	4. Введение в действие первого календаря. Обнародование «Уложения из 17 статей» Сё-току-тайси. 9. Изменены придворные церемонии.	Объявление Лояна Восточной столицей суйского Китая.
607	Суйко, 15 год	7. Отправлено посольство в суйский Китай. Созданы крупные ирригационные сооружения (пруды и канал). Повсеместно созданы императорские зернохранилища (<i>миакэ</i>).	
608	Суйко, 16 год	4. В Ямато возвратилось посольство, отправленное в 607 г. 9. В суйский Китай отправлено посольство. На учебу в Китай послано 8 человек.	
609	Суйко, 17 год	4. Из Пэкче прибыли буддийские монахи. 9. Из Китая вернулось посольство, отправленное в 608 г.	

1	2	3	4
610	Суйко, 18 год	3. Из Когурё прибыли буддийские монахи, они привезли рецептуру изготовления красок, бумаги и туши. 7. Прибыли послы Силла и Мимана.	Совершены три похода войск Суй против Когурё (612—614).
612	Суйко, 20 год	В Ямато поселился выходец из Пэкче Мимаса, владеющий искусством музыки и танца.	Вторжение торок в Китай.
614	Суйко, 22 год	6. Отправлено последнее посольство Ямато ко двору династии Суй.	Падение династии Суй и образование династии Тан.
615	Суйко, 23 год	7. Из Китая возвратилось посольство, отправленное в 614 г. Вместе с этим посольством в Ямато прибыл посол Пэкче.	Реформа чиновничьей системы в танском Китае.
618	Суйко, 26 год	8. Прибыл посол Когурё, он преподнес «местные изделия».	Нападение Пэкче на Силла.
620	Суйко, 28 год	Сё-току-тайси и Сога-но Умако составляли исторические хроники «Тэнноки» и «Кокки» (не сохранились).	Разработка начальной, административной и налоговой системы в танском Китае.
621	Суйко, 29 год	2. Скончался Сё-току-тайси. Из Силла прибыл посол с данью и грамотой.	В Китае введено новое административное деление — регионы (кит. Дао, яп. до).
623	Суйко, 31 год	7. Силла и Мимана прислали дань. Вернулись студенты, которые были отправлены на учёбу в Китай в 608 г.	Объединение Китая под эгидой династии Тан.
624	Суйко, 32 год	4. Назначены три высших буддийских иерарха — <i>содзё</i> , <i>содзю</i> и <i>ходзю</i> . Проведена перепись буддийских храмов, монахов и монахинь.	
626	Суйко, 34 год	3—7. Голод в Ямато. 5. Скончался <i>оами</i> Сога-но Умако. Его преемником стал Сога-но Эмиси.	
627	Суйко, 35 год		
628	Суйко, 36 год	3. Скончалась государыня Суйко.	

1	2	3	4
629	Дзёмэй, 1 год	1. <i>Оами</i> Сога-но Эмиси вместе с другими сановниками вручает государственную печать принцу крови Тамура («император» Дзёмэй, 629—641).	Разгром танским Китаем Восточно-тюркского каганата.
630	Дзёмэй, 2 год	3. Прибыли послы Когурё и Пэкче с данью. 8. Отправлено первое посольство в танский Китай.	Создание кодекса законов «Чжэнь-гуань люйлин» и составление генеалогического свода «Да Тан син цзучжи» («Записи семей и кланов династии Великая Тан»).
631	Дзёмэй, 3 год	3. Ван Пэкче прислал принца Пхунджан в качестве заложника.	Составлен «Чжэнь-гуань ши цзучжи» («Обзор родов, составленный в период Чжэнь-гуань») — генеалогические списки крупнейших китайских родов.
632	Дзёмэй, 4 год	10. Из танского Китая прибыло первое посольство ко двору Ямато.	
633	Дзёмэй, 5 год	1. Танское посольство отбыло на родину.	
635	Дзёмэй, 7 год	6. От Пэкче получена дань.	
636	Дзёмэй, 8 год	7. Для придворных установлены часы присутствия на службе.	
637	Дзёмэй, 9 год	3. Восстание эмиси на северных границах Ямато.	
638	Дзёмэй, 10 год	Получена дань от Пэкче, Силла и Мимана.	
639	Дзёмэй, 11 год	1. Устроен Праздник вкушения нового урожая. 9. Вернулись студенты-монахи вместе с сопровождающими из Силла.	Уничтожение танским Китаем царства Гаочан.
640	Дзёмэй, 12 год	10. В Ямато из Китая (через Корею) прибыла группа японских студентов, находившихся там на учёбе. Вместе с ними прибыли посольства из Пэкче и Силла, доставившие дань.	

1	2	3	4
641	Дзёмэй, 13 год	10. Скончался государь Дзёмэй.	Переворот Ён Гэсомуна в Когурё.
642	Когёку, 1 год	1. На престол взошла супруга Дзёмэй — Когёку (642—645). Сога-но Эмиси вновь назначен на должность <i>о.ми</i> . 2. Прибыли посольства из Когурё и Пэкче.	Нападение Когурё на Пэкче и Силла. Просьба Силла к танскому Китаю о принятии ее в полный вассалитет.
643	Когёку, 2 год	6. Прибыло посольство из Пэкче, доставившее лань. 10. Сога-но Эмиси тайно передает властные полномочия своему сыну Сога-но Ирука. 11. «Партий Сога» уничтожены претендент на престол принц Ямасиро (сын Сё-току-тайси) и его приближенные.	Первое вторжение войск танского Китая в Когурё.
644	Когёку, 3 год	1. Накатоми-но Камако назначен главным синтоистским жрецом. 11. Сога-но Эмиси и его сын Ирука присваивают себе императорские полномочия.	
645	Тайка, 1 год	6. Свержение власти рода Сога. Воцарение Котоку (645—654). Введение института престолонаследника, должностей левого, правого и внутреннего министров. Введение левизов правления (<i>дзюго</i>). Когурё, Пэкче и Силла присылают послов с ланью. 8. Назначены управители Восточных провинций. Обнародован указ о рабах. 9. Обнародован указ о поддержке государем строительства буддийских храмов. 12. Резиденция правителей Ямато перенесена в Нанива.	
646	Тайка, 2 год	1. Обнародован указ о реформах (<i>кайсин-но тэ</i>). Введено административно-территориальное деление страны. 3. Установлены допустимые размеры гробниц для принцев, сановников и чиновников. Введено состояние чиновничества. 9. Отправлено посольство в Силла для истребования заложников.	

1	2	3	4
647	Тайка, 3 год	Введена новая шкала ранжирования для чиновничества из тринадцати степеней. Прибыло посольство из Силла.	Второе вторжение войск танского Китая в Когурё. Успешный поход танских войск в Восточный Туркестан.
648	Тайка, 4 год	Прибыли послы Силла с ланью. Для отражения нападений эми-си возведен острог в Ихафуэ, для защиты границы введено состояние военных-поселенцев.	Третье вторжение войск танского Китая в Когурё. Составление «Шинь шу» («История династии Цзинь»).
649	Тайка, 5 год	2. Введена новая шкала ранжирования чиновничества из двенадцати степеней. Учреждены восемь министерств. 3. Попытка мятежа Сога-но Кура-но Ямаша-но Маро. 4. Косэ-но Токодако назначен левым министром. Отомо-но Нагатоко назначен правым министром. 5. Отправлено посольство в Силла. В этом году из Силла в качестве заложника прибыл Ким Тасу с 37 сопровождающими.	Принятие в Силла танской формы одежды и головных уборов для чиновников.
650	Хакути, 1 год	4. Прибыли послы Силла с ланью.	Упрочение влияния танского Китая в Тибете.
651	Хакути, 2 год	6. Пэкче и Силла присылают послов с ланью. 12. Публичное чтение буддийского канона. В этом году заключен союз Ямато с Пэкче, ухушлились отношения Ямато с Силла.	Введение танского кодекса законов «Юн-хуй луйлинь».
652	Хакути, 3 год	1. Окончено распределение земельных наделов (<i>хандэн</i>), предрасмотренных указом 646 г. 4. Составлены полноврнные списки (<i>косэки</i>). Образованы пятидворки и села (50 дворов). Силла и Пэкче прислали послов с ланью. 9. Закончено строительство дворца в Асука.	
653	Хакути, 4 год	5. Отправлено посольство в Тан (большая часть посольства погибла в пути). 6. Пэкче и Силла присылают послов с ланью	Создание «танского уголовного кодекса с разъяснениями и

1	2	3	4
654	Хакути, 5 год	и дарами. В этом году осуществлен переезд наследного принца и матери-государыни во дворец в Асука. 2. Отправлено посольство в танский Китай. 7. Из стран «за Западным морем» вернуться послы Ямато и привезли с собой много книг и сокровищ. 10. Скончался государь Котху. Котху, Пэкче и Силла прислали послов с выражением соболезнований. 1. Повторное воцарение Котёку (известна под именем Саймэй, 655—661). 5. Из танского Китая вернулось посольство 654 г. Котху, Пэкче и Силла прислали послов с данью. Ко двору с изъяснением покорности прибыли эмиси и хаято. 2. Котху присылает дань. 9. Из Ямато в Котху отправлено посольство. 9. Вернулись послы из стран «за Западным морем». 4. Абэ-но Оми возглавил поход против эмиси. Более двухсот эмиси прибыли ко двору с подарками. 7. Управителю уезда Нусиро приказано составить подворные списки эмиси. Два японских монаха отправились в Китай к «учителю дхармы» Сюань-цзану, дабы тот поведал им «учение о неживом и живом». 10—12. На время отсутствия государыни в столице Согано Аказ оставлен местоблюстителем престола. Прибыло посольство из Пэкче. 3. Морская экспедиция против эмиси. 7. Отправлено посольство в танский Китай. В столичных храмах читалась сутра «Урабонкё». Прибыли послы Котху.	комментариями» («Тан луй шу и»). В Силла обнародован кодекс «Ли бан бу кёк». Нападение Котху и Пэкче на Силла. Обращение Силла за помощью к танскому Китаю. Составление «Суй шу» («История династии Суй»). Неудачное наступление войск танского Китая на Котху. Составление «Ган ди» («Собрание танских церемоний»).
659	Саймэй, 5 год		Поражение армии Котху от танских войск. В Китае составлен новый генеалогический свод — «Син ши пу» («Генеалогические списки семей и кланов»).

1	2	3	4
660	Саймэй, 6 год	1. Прибыло посольство из Котху. 3. Экспедиция против эмиси. 10. Из Пэкче прибыл эмиссар с просьбой о помощи. 12. Саймэй решает послать войска на помощь Пэкче.	Разгром Пэкче силами танского Китая и Силла. В Китае составлена литературно-историческая энциклопедия «Хань юань» («Сад писмен»).
661	Саймэй, 7 год	4. Обращение Пэкче за помощью к Ямато. 5. В Ямато впервые прибыл посол из Тамна (совр. о-в Чечу). 6. Государыня Саймэй скончалась во дворце Асакура. 8. На помощь Пэкче посланы войска.	Наступление войск танского Китая на Котху.
662	Тэнти, 1 год	3. Обращение Котху за помощью к Ямато. 5. Из Ямато в Пэкче отправлен флот под командованием Адзуми-но Хирабу.	Подчинение Тамна государству Силла.
663	Тэнти, 2 год	6. Пэкче присылает дань и дары.	Падение Пэкче и начало создания на его землях наместничества Сюнцзинь.
664	Тэнти, 3 год	2. Введение новой 26-ступенчатой шкалы ранжирования чиновничества. Определены главы родов. Установлены категории слуг — <i>какибэ</i> и <i>якибэ</i> . 3. Ван Пэкче Сонгван со свитой поселен в Нанива. 5. В Ямато из Китая прибыл посланник усмирителя Пэкче Лю Жэньюаня по имени Го Уцун.	
665	Тэнти, 4 год	2. Проведено сопоставление рангов Пэкче и Ямато. 8. Начало строительства ряда крепостей в районах, находящихся в непосредственной близости от материка (в Нагато и Цукуси). Прибыл посол Тамна. 9. Из Китая прибыло посольство. 12. Отправлено посольство в Китай.	Заключение мира между Силла и наместником Пэкче (при посредничестве танского Китая).
666	Тэнти, 5 год	1. Котху присылает дань. Из Тамна прибыло посольство. 7. Ввиду стихийных бедствий отменены налоги. 10. Прибыл	Восстание против танского владычества в Котху. Активизация

1	2	3	4
667	Тэнти, 6 год	посол из Котурё для вручения дани. Расселение в районе Тохоху беженцев из Пэкче. 3. Столица перенесена в Афуки (Оми). 7. Тамна присылает посла с дарами. 11. Вернулось посольство, отправленное в Китай.	военных действий танского Килта против Котурё (666—667).
668	Тэнти, 7 год	1. Наследный принц Нака-но Оэ взойшёл на престол (государь Тэнти, 668—671). 4. Пэкче присылает дань. 7. Котурё присылает послов с данью. 9. Силла присылает посла для вручения дани.	Разгром Котурё силами Тан и Силла. Конец просуществовавшей в Корее. Создание китайской префектуры Аньдун на Корейском полуострове.
669	Тэнти, 8 год	3. Тамна присылает дань. 9. Силла присылает посла для вручения дани. Умер внутренний министр Накатоми-но Кахитари. Провозглашен указ о даровании ему и его роду фамилии Фуэ-зивара. 12. В Китай отправлено посольство.	Введение в Силла крестьянского нагельного земледельческого налога. Восстание в Котурё против Тан.
670	Тэнти, 9 год	2. Составляются подворные списки. 9. Отправлено посольство в Силла.	Силла оказывает помощь в восстании Котурё против танского Китая.
671	Тэнти, 10 год	1. Принц крови Отомо назначен главным министром. Согано Акаэ — левым министром, Накатоми-но Канэ — правым министром. Обнародован кодекс законов «Омирэ» (не сохранился). Котурё присылает дань. 2. Пэкче присылает дань. 6. Силла присылает дань. 10. Наследный принц Ооама испрашивает у государя разрешения удалиться в Ёсико, дабы «вступить на Путь Будды». 12. Скончался государь Тэнти.	
672	Тэмму, 1 год	5. Котурё присылает дань. 6. Смута года дзинсин. 8. Построен новый дворец Киймихара в Асука.	Наступление танских войск на Силла. Распространение власти Силла на танское наместничество Сюнцзинь.

1	2	3	4
673	Тэмму, 2 год	2. На престол взошёл государь Тэмму (673—686). 5. Выработаны правила о назначении и продвижении чиновников. 6 доп. Тамна присылает дань. Из Силла прибывает посольство. 8. Котурё присылает дань.	Включение владений Пэкче в административно-территориальную систему Силла.
674	Тэмму, 3 год	3. Подношение серебра управителем Цусима. 8. Родам возвращается отобранное у них ранее вооружение.	Ликвидация префектуры Аньдун и фактическое объединение Корейского п-ова под эгидой Силла.
675	Тэмму, 4 год	1. Построена первая обсерватория. 2. Обнародован указ об освобождении слуг — какиб. У принцев крови и различных родов изъяты казенные и общинные земли. Силла присылает дань. 3. Котурё присылает дань. 7. Отправлено посольство в Силла. 8. Из Тамна прислана дань. Буддийский канон «Ис-сайкё» разослан по всем провинциям.	
676	Тэмму, 5 год	1. Введено соответствие между рангом и должностью управителя провинции. 2. Из Силла прибыло посольство. 4. Упразднены дворы в кормление в западных провинциях и введены в восточных. «Людем внешних провинций» (экокудзин) разрешено поступать на государственную службу, если они являются выходцами из среды провинциальной аристократии. 10. Отправлено посольство в Силла. 11. Из Силла прибыло посольство. Во все провинции отправлены посольные для толкования сутр «Конко:мёкё» и «Нинно:кё». Котурё присылает дань.	
677	Тэмму, 6 год	5. Провозглашен указ, регулирующий распределение «священного налога, предназначенного для храмов богов Неба и Земли» (одна часть предназначалась для приношения божествам, а две части отходили жрецам). 8. Тамна присылает дань. 11. Проведен Праздник вкушения нового урожая.	

1	2	3	4
678	Тэмму, 7 год	10. Утверждена система продвижения чиновников по службе в зависимости от результатов их деятельности. 2. Котурё присылает дань. 10. Силла присылает дань. 11. Отправлено посольство на о-в Танэ (юг архипелага). Впервые возведены заставы на горах Таугута и Оосака. 4. Обнародованы указы об организационном статусе буддийской церкви и о норме дворов в кормление. 5. Котурё присылает дань. 11. Началось строительство храма Якусидзи. 1. Приказано отремонтировать храмы небесных и земных божеств в Центральном районе (Кинай) и всех других провинциях. 2. Начато составление кодекса «Киёмихарарё» (не сохранился). 3. Создана комиссия по подготовке к составлению государственной хроники. 4. Создание кодекса из 92 статей (текст не сохранился). 5. Отправлено посольство в Котурё. 8. Дети и внуки переселенцев из Кореи освобождены от налогов. Силла присылает дань. В Ямато оставлена карта острова Танэ.	Полчиение Западнокорейского каганата династии Тан.
679	Тэмму, 8 год		
680	Тэмму, 9 год		
681	Тэмму, 10 год		
682	Тэмму, 11 год	1. Обнародован указ о назначении глав родов (<i>удзи-но ками</i>). 3. Принцам крови и высшей аристократии возвращены коромовые дворы. 6. Котурё присылает дань. 8. Установлены новые правила продвижения чиновников по службе, основанные на происхождении, а не на заслугах. 1. По всей стране отменена трудовая повинность. 3. Назначены три высших должностных лица в буддийской общине (<i>содзё, содзу и рисси</i>). 4. Провозглашен указ о введении в оборот мелкой монеты. 9—10. Титул-кабанэ <i>мураидзи</i> пожалован 52 родам. 12. Во все провинции разосланы чиновники с целью провести границы между провинциями.	Открытие в Силла государственных школ. Вторжение тюрок в Китай.
683	Тэмму, 12 год		

1	2	3	4
684	Тэмму, 13 год	4 доп. Провозглашен указ о том, что военные и гражданские чиновники отныне «должны усердно овладевать оружием и учиться верховой езде». 10. Введена новая система восьми трудовых-кабанэ. В этом году решено, что провинции Ига, Исэ, Мино и Овари освобождаются от несения трудовой повинности в тот год, когда платят налоги, а в год отправления трудовой повинности — от уплаты налогов. 1. Введена шкала ранжирования для принцев (12 степеней) и чиновников (48 степеней). 2. Ранги пожалованы выходцам из танского Китая, Пэкче и Котурё. 11. Из Силла прибыл посол с данью.	Составление комментариев к танскому законодательству «Чуй-гун лойдин».
685	Тэмму, 14 год	7. На этот год налоги уменьшены наполовину, а трудовая повинность — отменена. 9. Скончался император Тэмму. 10. Раскрыт заговор принца Ооцу. Он взят под стражу и казнен.	Укрепление системы административно-территориального деления в Силла.
686	Сютё, 1 год	На престол вступила императрица Дзито: (686—697). 7. Аннулированы проценты по займам и снята часть отработок. 9. Из Силла прибыло посольство для вручения дани.	Установление в Силла государственной собственности на землю и надельной системы земледелия.
687	Дзито, 1 год	6. По всей стране налоги этого года уменьшены наполовину. 11. Эмиси доставили дань ко двору Ямато.	
688	Дзито, 2 год	6. Местным управителям пожалована книга законов в 22-х свитках — «Киёмихарарё» (текст не сохранился). 8 доп. Составляются подворные списки. Провозглашен указ о методах комплектования войск.	В Силла поля в кормление для чиновников заменены на жалование зерном.
689	Дзито, 3 год	4. Введены правила продвижения по службе ранжированного чиновничества, установлены цвета придворных одежд.	
690	Дзито, 4 год	7. Принц крови Такэти назначен правым министром. Произ-	

1	2	3	4
691	Дзито:, 5 год	ведены новые назначения управителей земель и провинций. Введены в действие правила поведения при дворе. 4. Провозглашен указ, определяющий статус рабов. 8. 18 родам приказано представить записи о могилках их предков. 10. Провозглашен указ, устанавливающий количество дворов, ответственных за присмотр за гробницами государей и предков родов. 5. После наводнения во все провинции отправлены посланцы, чтобы представить займы пострадавшим. 11. Силла присылает дань. 3. Провозглашен указ о поощрении выращивания тутовых деревьев, конопли, груши, каштанов и репы. 10. Во всех провинциях читалась сутра «Ниннокэ». 12. Государыня переехала во дворец Фулзивара.	Проникновение манихейства в Китай.
692	Дзито:, 6 год		
693	Дзито:, 7 год		
694	Дзито:, 8 год		
695	Дзито:, 9 год		
697	Момму, 1 год		
698	Момму, 2 год	3. Из Силла прибыло посольство, которое преподнесло дань и подарки. 9. В Силла отправлено посольство. 8. На престол взошел «император» Момму (697—707). По всей стране отменен зерновой налог (дэнсо) и различные виды местной трудовой повинности (дзасурэ), заменительная натуроплата (ё:) сокращена наполовину. 4. Отправлено посольство в Минамисима (группа островов южнее Кю:сю:). 12. В провинции Цусима обнаружено золото.	
699	Момму, 3 год	3. Уезд Нисикори в провинции Кавати, преподнесший императору белого голубя, освобожден от всех налогов, полатей и повинностей на один год. 12. Учреждено Управление, ответственное за чеканку монеты.	

1	2	3	4
700	Момму, 4 год	3. Принцам и чиновникам приказано изучить как японские, так и китайские административные законы (рё), а также составить уголовные законы — ричу. 6. Награждены составители кодекса «Тайхо: ричурё».	Возникновение государства Чжэнь.
701	Тайхо:, 1 год	1. Назначено посольство в Китай. Одной из его целей было объявление о переименовании страны из «Ямато» в «Нихон» («Япония» — «Присолнечная страна»). 3. Обнародован кодекс «Тайхо:рё». 6. В Кинай молились о ниспослании дождя, и на этот год был отменен натуральный налог (тё). 8. «Доктора прав» посланы в шесть регионов до: (за исключением Сайкай-до:) для разъяснения нового кодекса. 2. Обнародован кодекс «Тайхо:рицу». 3. Введена единая система мер и весов. 4. Во многих провинциях отменен рисовый налог (дэнсо:), заменительная натуроплата (ё:) уменьшена наполовину. Определены роды, имеющие кабанэ куни-но мицую и составлены новые списки этих родов. 5. Введена новая должность «политического советника» двора — санги. 7. Чиновникам разъяснены законы ричу. 10. Тексты законов ричурё: разосланы во все провинции Японии. 12. Скончалась бывшая императрица Дзито:.	В Джунгарии образовано китаяское наместничество (кит. духу-фу) Бэйтин.
702	Тайхо:, 2 год		
703	Тайхо:, 3 год	1. Во все семь регионов (до:) направлены посланцы, «дабы исправить несправедливость». Принц крови Осакабэ назначен на должность тидадэ:канлзи. 7. Проведена перепись населения. В столичном районе (кэйки) и во всех провинциях Кюсю наполовину сокращен натуральный налог (тё:), заменительная натуроплата (ё:) отменена по всей стране.	

1	2	3	4
704	Кэйун, 1 год	4. Изготовлены печати провинциальных управлений. 6. Приказано реорганизовать провинциальные военные отряды (<i>хэйси</i>) в «дивизии» (<i>гундан</i>), разделенные на 10 отрядов (<i>бан</i>), каждый из которых обязан 10 дней в году заниматься военной подготовкой. 7. Вернулись посольство из Китая. 10. По всей стране отменены все подати и повинности (<i>каяку</i>), а также поземельный налог (<i>дэнсо</i>).	В Китае обнародован «Шэнь-лун-люй-лин» («Кодекс законов периода Шэнь-тун»).
705	Кэйун, 2 год	4. В связи с засухой Момму повелел читать «Сутру Золотого блеска» в пяти столичных буддийских храмах. Во всей стране наполовину уменьшена заменительная натуроплата, населению предоставлена рисовая ссуда. Назначены два старших государственных советника (<i>дайнагон</i>) и три средних государственных советника (<i>тюнагон</i>). 8. Во многих провинциях уменьшен наполовину натуральный налог (<i>тё</i>). 9. Принц крови Холзуми назначен на должность тидзэ-канли. 10. В пять регионов — до: (за исключением <i>Сангё-до</i> : и <i>Сайкай-до</i> !) отправлены посланцы с целью помочь старикам и нуждающимся, натуральный налог для них уменьшен наполовину. Из Силла прибыло посольство с данью.	
706	Кэйун, 3 год	2. Обнародован закон относительно продвижения чиновничества по службе, размера кормовых пожатований и ос- новных налогов. 3. Принцам, сановникам и чиновникам запрещено включать в собственные владения гористые местности и пустоши без особого на то позволения. 9. Изменен размер зернового налога (он стал составлять 15 снопов риса с 1 <i>тё</i> : вместо 22 снопов с 1 <i>тё</i> !).	

1	2	3	4
707	Кэйун, 4 год	6. Скончался император Момму. 7. На престол вступила мать Момму — Гэмэй (707—715). В Кинай и во всех провинциях Кюсю отменен натуральный налог. Учрежден Отдел императорских телохранителей (<i>Дзюто: тонэрирё</i>).	
708	Вадэ, 1 год	1. В провинции Мусаси найдена мель, в связи с чем девиз правления изменен на Вадэ. 2. Создано Бюро монетного двора (<i>Дзюсэки</i>). 5. Введены в обращение медные и серебряные монеты. 9. В двух уездах провинции Ямато отменен натуральный налог.	
709	Вадэ, 2 год	3. В провинциях Муцу и Эгито назначены военачальники для борьбы с эмиси. 10. Населили Кинай и провинции Оми запрещено скрывать бродяг. Во многих провинциях были отменены натуральный и поземельный налоги.	
710	Вадэ, 3 год	3. Запрещено брать на службу в качестве телохранителей сановников и принцев жителей «внешних провинций» (<i>кигэ</i>). Столица перенесена из Фузизавра в Нара.	
711	Вадэ, 4 год	7. Объявлено порицание чиновникам, не проводившим в жизнь законы рипуэ: 12. Обнародован закон о возможности продажи чиновничьих рангов.	
712	Вадэ, 5 год	1. Составлен мифологическо-летописный свод «Коллики». 9. По всей Японии отменен поземельный налог, в провинциях Ямато, Кавати и Ямасиро отменен также натуральный налог. Образована провинция Дэва.	
713	Вадэ, 6 год	2. Установлены размеры податей (<i>тё</i> :!) и резервных запасов на случай голода (<i>гисо</i> :). 4. Образовано три новых провинции — Танго, Мимасака и Осуми. 5. Провозглашено, чтобы названия всех провинций, уездов и селений стали записываться «хорошими» знаками. Провозглашен указ о со-	Государство Чжэнь, созданное в 700 году, стало называться Бо-хай.

1	2	3	4
714	Вато:, 7 год	ставления «Фулюки». 11. Над провинциями Ига, Исэ, Овари, Микава и Дэва пронесся ураган, там отменены натуральный налог и заменительная натуроплата. 1. Установлены нормы жалюемых в кормление дворов, а также размер зернового налога с них. 2. Ки-но Асоми Киёхито и Мияэ-но Оми Фуэзимаро приказано составить историю страны. 10. Над провинциями Мино, Мусаси, Симоцукэ, Хокки, Харима и Иё пронесся ураган, там на год отменены поземельный и натуральный налоги.	В Китае провозглашен императорский указ об отсрочке выплат в государственные зернохранилища по всей стране (кит. чан пин дан), введенные для стабилизации цен на рис. В Китае обнародованы комментарии к административным законам. В Китае ликвидирована система выплат поземельного налога (кит. ли шу) в государственные зернохранилища. В Китае обнародован указ, устанавливавший статус 26 крупнейших семей (родов), запрещены браки между их членами и представителями родов, не входящих в этот реестр.
715	Рэйки, 1 год	9. На престол взошла «императрица» Гэнсё (715—724). В этом году были изменены названия многих селений.	
716	Рэйки, 2 год	5. Выходцы из Котурё, жившие по всей Японии, переехали в провинцию Мусаси, для чего в последней был учрежден уезд Кома. 8. Назначено посольство в Китай, вместе с ним отправилась студентка.	
717	Ё:ро, 1 год	4. Монаху Гёти запрещена проповедническая деятельность. 7. Введены дополнения к законам относительно размеров налогов, сроков переписи населения и составления налоговых реестров.	
718	Ё:ро, 2 год	5. Образовано четыре провинции — Ното, Ава, Иваки и Ивасиро. 9. Осуществлен перенос буддийского храма Гантодзи в Нара. В этом году Фуэзивара-но Асоми Фухито составил свод законов «Ё:ро рипурё» в 10 свитках.	

1	2	3	4
719	Ё:ро, 3 год	7. Учреждена должность инспектора провинций (ансэти).	В Китае обнародован «Кайюань лю дань» («Свод законов шести министерств династии Тан», из 1546 статей). В Бохай введены собственные девины правления.
720	Ё:ро, 4 год	3. Отомо-но Сукунэ Табито назначен командующим армией, направленной для покорения хаято. 5. Под руководством принца крови Тонэри закончено составление мифологическо-летописного свода «Нихон сёки». 8. Скончался правый министр Фуэзивара-но асоми Фухито. Принц крови Тонэри назначен на должность <i>тидадзэ: кандзи</i> . 9. Талзихи-но Махито Агатамори назначен командующим армией, направленной для покорения эмиси.	
721	Ё:ро, 5 год	1. Принц Нагата назначен правым министром. 6. Образована провинция Сува (выделена из провинции Синано). 12. Скончалась экс-императрица Гэмэй.	
722	Ё:ро, 6 год	4. Принят план освоения 1 млн тё: земли в целях «поощрения земледелия и увеличения сбора урожая». 5. Отправлено посольство в Силла. 7. Палата большого государственного совета (Далзё-кан) высказала неодобрение руководству буддийской общины (Соуго) по поводу дурных поступков, совершаемых буддийскими монахами и монахинями.	В Силла введена система «солдатских полей» (чонджон). В 722—724 гг. танский Китай провёл несколько неудачных походов против Тибета.
723	Ё:ро, 7 год	4. Обнародован закон «три поколения — одно владение». 5. Хаято из провинции Садзума прибыли ко двору с данью. 8. Из Силла прибыло посольство с данью. 11. Налеты на рабов стали даваться с 12-летнего возраста (ранее с 5-летнего).	

1	2	3	4
724	Дзинги, 1 год	2. На престол взошел император Сёму (724—749). 3. Установлены три вида ссылки: дальняя — в провинции Идзу, Ава, Хита-ти, Оки, Садо и Тоса, средняя — в Суо и Иё и ближняя — в Этидзэн и Аки. 4. Фудзивара-но Асоми Умакаи назначен командующим армией при усмирении эмиши в провинции Ива-ки. 8. Отправлено посольство в Силла. 11. Фудзивара-но Асоми Умакаи вернулся из провинции Иваки с победой. 1 доп. Эмиши, захваченные во время экспедиции 724 года, рас-селены в провинциях Иё, Идзуми и на Кюсю. 6. Пристана дань из Силла. 12. В столицу прибыло посольство из Бохай, оно доставило послание и дары. 8. В дворцовый штат введены Отдел дворцовых мастеров (Та-кумирё:) и Средняя управа дворцовой охраны (Тю:эфу). 9. Скончался малолетний престолонаследник. 2. В результате придворного заговора, вдохновленного Фу-дзивара, левый министр принц Нагая покончил с собой. 11. В Кинай учреждено Бюро по переделу пахотной земли (Хандэнси). 3. Обнародован закон относительно поощрения студентов сто-лической школы чиновников (дайгаку). 9. В ряде провинций распушена пограничная охрана (сакимори). 3. Провинция Сува вновь присоединена к Синано. 11. Наза-чены инспекторы для проверки регионов (до:). 4. Отправлено посольство в Силла. 5. Из Силла прибыло по-сольство с дарами. 8. Назначено посольство в Китай. Предста-вители центра назначены в Токайдо; Тосандо; Сангындо; и Сайкайдо.	
725	Дзинги, 2 год		
726	Дзинги, 3 год		
727	Дзинги, 4 год		
728	Дзинги, 5 год		
729	Тэмпё:, 1 год		
730	Тэмпё:, 2 год		
731	Тэмпё:, 3 год		
732	Тэмпё:, 4 год		

Тибет и танский Китай заклю-чили мирный договор.

1	2	3	4
733	Тэмпё:, 5 год	3—4. Из Нанива в Китай отправилось посольство в составе че-тырех кораблей (послом назначен Тадзихи-но Махито Хиро-нари). 1. Определены размеры, в которых управителям провинций позволено ежегодно сужать государственный рис. 11. Возвратилось посольство из Китая. Провозглашено распо-ряжение Дайсё-кан, разрешающее постриг в монахи только тем, кто усвоил определенный набор доктрин, умеет декламировать сутры и в течение трех лет вел надлежащий (согласно кодексу «Тайхорё») образ жизни. На Кюсю разразилась эпидемия оспы, которая перекинулась в район Кинай (закончилась в 737 г.). 4. Киби-но Асоми Ма-киби, находившийся в Китае на обучении, прибыл в Японию и привез с собой книги по церемониалу («Тан ли»), музыке, астрономии, а также танский календарь. Монах Гэмбо: доста-вил 5 тысяч свитков сутр. 5. В Кинай и семи регионах (ситидо:) установлено постоянное количество лиц, имеющих почетные ранги (кунгьи), и провинциальных чиновников без постов (гэ-сангьи). 6. Провозглашен указ об укрупнении буддийских хра-мов (мелкие, родовые храмы трансформировались в храмы, организованные на территориальной основе). 11. Скончался принц крови Тонэри, занимавший должность тидатсё-хандзи.	На территории провинции Юньнань образовано государ-ство Наньчжао, признавшее вассальную зависимость от тан-ского Китая.
734	Тэмпё:, 6 год		
735	Тэмпё:, 7 год		
736	Тэмпё:, 8 год	2. Прибыло посольство из Силла. 5. Во всех провинциях изменены размеры податей, вносимых полотною. Провоз-глашен указ, позволяющий управителям провинций рас-полагать на военные и другие нужды часть арендной пла-ты, взимаемой с распаханных земель, оставшихся после раздачи наделов. 11. Принцу Катзураки пожаловано но-	

1	2	3	4
737	Тэмпё:, 9 год	вое родовое имя Татибана-но Сукунэ и личное имя Мороз. 2. Вернулось посольство из Силла. 3. Во всех провинциях сооружены скульптурные триады Сяка-сандзун (Будда Шакьямуни вместе с богхисаттвами Якуо и Якудзё). Во всех провинциях приказано иметь копии сутры «Дайханкё». 4. Скончался Фудзивара-но Асоми Фусасаки — родоначальник «северного дома» (хоккэ) рода Фудзивара. 7. Скончались Фудзивара-но Асоми Маро — родоначальник «столичного дома» (кё:кэ) Фудзивара и великий министр (<i>дайдзё: дайджин</i>) Фудзивара-но Асоми Мутимаро (родоначальник «южного дома» — нанкэ). 8. Скончался Фудзивара-но Асоми Умакаи (родоначальник «церемониального дома» (сикикэ) Фудзивара. Все заболевшие оспой освобождены от поземельного налога и обязательных выплат по рисовым ссудам. Буддийский монах Гэмбо: назначен главой буддийской общины (<i>содзё:е</i>). 9. Во всех провинциях запрещена выплата частных рисовых ссуд (<i>сисуйко</i>). Принц Судзука назначен на должность <i>тидадзё: кандзи</i> . 1. Татибана-но Сукунэ Мороз назначен правым министром. 5. Распущена провинциальная гвардия (кондзё) в провинциях районов Тохай, Тосан, Сангян, Сангя и Сайкай. 8. Двору представлены карты всех провинций страны, а также входящих в их состав уездов. 5. Уменьшено количество чиновников провинциальных и уездных управ. 12. Прибыло посольство из Бохай. 1. Назначено посольство в Бохай. 3. Назначено посольство в Силла. 9. Фудзивара-но Асоми Хироцу поднял на Кюсю мя-	В Китае обнародован «Синь кай-юань ко» («Новый кодекс законов гола кай-юань»). Военная реформа в Китае.
738	Тэмпё:, 10 год		
739	Тэмпё:, 11 год		
740	Тэмпё:, 12 год		

1	2	3	4
741	Тэмпё:, 13 год	теж, в связи с чем император покинул столицу и переехал в Кунни. 10. Вернулось посольство из Бохай. Фудзивара-но Хироцу взят в плен. Вернулось посольство, посланное в Силла. Император Сё:му совершил выезд в провинцию Исэ, принц Судзука и Фудзивара-но Асоми Тоёнари назначены местоблюстителями престола. 11. Казнен Фудзивара-но Хироцу. 1. Император Сё:му сделал своей резиденцией дворец в Кунни. 3. Провозглашен указ об образовании системы буддийских монастырей по всей стране, согласно которому в каждой провинции наделажено основать два монастыря — мужской и женский (<i>кокубундзи</i>). 7. Татибана-но Сукунэ Нарамаро назначен главой Отдела столичной школы чиновников (<i>Дайтакурё:</i>). 1. Упразднено Главное управление по делам Сайкайдо: (<i>Дайзайфу</i>), его функции переданы в ведение чиновников провинции Гикудзэн. 8. В провинции Оми построен дворец Сингараки. 9. Во все провинции семи регионов (<i>ситидо:</i>) отправлены инспекторы. В столице и Китае назначены чиновники, ответственные за распределение земельных наделов (<i>хандэнси</i>). 2. Провинция Садо присоединена к провинции Этиго. 4. Прибыло посольство из Силла. 5. Правый министр Татибана-но Асоми Мороз назначен левым министром. Провозглашен закон о вечном владении освоенными целинными землями (<i>кондэн эйгэн ситзай хо:</i>), установлены пределы владений для про-	В Китае создана специальная школа для изучения даосизма.
742	Тэмпё:, 14 год		
743	Тэмпё:, 15 год		

1	2	3	4
744	Тэмпё, 16 год	2. Решено использовать дворцовый комплекс Нанива в качестве столицы. 4. Упразднены Арсенальное бюро Военного министерства (Дзохё:си) и Кузнечное бюро Министерства двора (Таняси). 9. Обнародован указ из 30 статей, где определены статус, полномочия и обязанности «разъездных инспекторов» Палаты большого государственного совета (дзюнсасуси). 6. Вновь учреждено главное Управление по делам Сайкайдэ (Далзайфу). 11. Монах Гэмбо: впол в неминость и был отправлен в провинцию Цукуси для возведения там буддийского храма. Установлены правила, регулирующие выдачу внеочередной государственной суды (кутэто:) и ее размеры. 4. В шесть регионов (кроме Сайкайдэ:) назначены чиновники, ответственные за «усмирение» варваров. Левый министр Татибана-но Сукунэ Мороз назначен главой Управления по делам Сайкайдэ.: 5. Буддийским монастырям запрещено владеть большими наделами. 6. Скончался монах Гэмбо: (согласно «Сёку нихонги», он был убит духом Фудзивара-но Хироцугу). 9. В храме Толайдзи начата отливка статуи Вайрочаны. 11. Нормы обеспечения «провинциальных храмов» увеличены до 100 дворов и 50 тэ: заливных полей. 4. Скончалась экс-императрица Гэнсё:.	В Китае «Дао-лэ цзин» формально признан важнейшей из канонических книг.
745	Тэмпё, 17 год	2. Управитель провинции Муду преподнес императору Сё:му 900 рё: (ок. 34 кг) золота, найденного синтоистским жрецом в уезде Ода. 4. Сё:му отправился в храм Толайдзи, где совершил поклонение статуе Будды Вайрочаны. 7. Сё:му отрекся от престола и пострился в монахи. На престол взошла императрица	
746	Тэмпё, 18 год		
747	Тэмпё, 19 год		
748 749	Тэмпё, 20 год Тэмпё: сё:хо:, 1 год		

1	2	3	4
750	Тэмпё: сё:хо:, 2 год	Ко:кэн (749—758). Установлены новые нормы обеспечения земель «провинциальных храмов». 8. Старший государственный советник (дайнагон) Фудзивара-но Накамаро назначен главой вновь образованного Управления двора государыни (Сиби тодай или Сибирё:). 1. Левому министру Татибана-но Сукунэ Мороз был пожалован титул-кабан асоми. 3. В провинции Суруга обнаружено золото. 9. Фудзивара-но Асоми Кийёкава назначен главой посольства в Китай, его помощником назначен Оотомо-но Сукунэ Комаро.	Китайская армия разбита войсками Арабского халифата у реки Талас (район Тянь-Шаня).
751	Тэмпё: сё:хо:, 3 год	1. Императрица Ко:кэн отправилась в храм Толайдзи. 4. Индийский монах Болай (Болхисена) назначен главой буддийской общины (солдэ:). 11. Кибэ-но Асоми Макиби назначен помощником посла в Китай. Составлена поэтическая антология на китайском языке «Кайфусо:»	
752	Тэмпё: сё:хо:, 4 год	1. Назначено посольство в Силла. 4. Проведена церемония «открытия глаз» (освящения) статуи Вайрочаны. 6. Из Силла прибыло посольство (возглавлялось сыном вана Силла) с даянью. 11. Вновь учреждена провинция Садо.	
753	Тэмпё: сё:хо:, 5 год	2. Назначено посольство в Силла. 5. Прибыло посольство из Бохай.	
754	Тэмпё: сё:хо:, 6 год	1. Вернулось посольство из Китая. Оно доставило китайского монаха Ганзин. 10. Учрежден новый разряд рисовых полей (сялэн), введенный для пропитания солдат провинциальных «дивизий» (гундан), а также солдат, охраняющих императорский дворец (эфу). 11. В Китай и в семь регионов (ситидо:) назначены «разъездные инспекторы» Государственного совета (дзюнсасуси).	

1	2	3	4
755	Тэмпё: сё:хо; 7 год	5. Скончался бывший император Сё:му. 6. Начало сооружение Сё:со:ин — сокровищницы храма Толайдзи. 1. Скончатся левый министр Татибана-но Асоми Мороз. 3. Принц Фунадо лишен звания наследника престола. 4. Наследником престола назначен принц Оохи, ставленник Фудзивара-но Накамаро. Изменены границы возрастных категорий тю:нан (юноша, девушка) и сэйтё: (взрослый мужчина, взрослая женщина), установленные кодексом «Тайхо:рё:» (по «Тайхо:рё:» тю:нан — 16—20 лет, сэйтё: с 21 года, теперь тю:нан — 18—21 год, сэйтё: с 22 лет). В каждом доме приказано хранить копию «Сяцзина» («Книги о сыновней почитательности»). 5. Обнародован кодекс «Ё:ро:рицурё:». 7. Арестованы принцы Кибуми и Фунадо, а также Оотомо-но Сукунэ Комаро, Татзихи-но Махито Усикаи, Оно-но Асоми Азумахито и др., обвиненные в заговоре против Фудзивара-но Накамаро, организованном Татибана-но Нарамаро. Правый министр Фудзивара-но Тоёнари за участие в заговоре отправлен служить на Кюсю. 7. Изменены установленные «Тайхо:рё:» границы возрастных категорий ротё: (старик, старуха) и киро (престарелый). По «Тайхо:рё:», ротё: — 61—65 лет (киро — с 66 лет), теперь ротё: — 60—65 лет, с 66 лет — киро. 8. Императрица Ко:кэн отрешлась от престола. Принц Оохи взойшел на престол (известен как император Дзюннин, 758—764). Фудзивара-но Накамаро назначен правым министром.	В Китае начата мятеж Ань-Лушаня и Ши Сымина.
756	Тэмпё: сё:хо; 8 год		Реорганизация административного деления в Силла (сопровождалась переименованием областей и малых столиц). В Силла отменено помещичье жалование центральным и местным чиновникам, введенное в 689 году (заменено системой кормлений — нотып).
757	Тэмпё: хо:дзи; 1 год		
758	Тэмпё: хо:дзи; 2 год		В Китае введена государственная соляная монополия.

1	2	3	4
759	Тэмпё: хо:дзи; 3 год	9. Вернулось посольство из Бохай. 10. Срок службы управителей провинций увеличен до шести лет (ранее составлял 4 года). 12. Установлено максимальное количество лиц, имеющих чиновничьи ранги, но не занимающих официальных постов. Для Министерства кадров — 400 человек, для Военного министерства — 200 человек. 1. Прибыло посольство из Бохай, доставившее дань. Назначено посольство в Китай (не было отправлено). 5. Во всех провинциях сооружены специальные рисовые хранилища (дзё:хэйсо:) для помощи голодающим и стабилизации цен на рис. 6. На Кюсю начались приготовления военной кампании против Силла. 1. Фудзивара-но Накамаро назначен главным министром. Прибыло посольство из Бохай, доставившее дань. 2. Скончался глава буддийской общины Бодай. 7. Введена общегосударственная система ранжирования для буддийских монахов, состоявшая из четырех рангов и тринадцати степеней. 9. Прибыло посольство из Силла, доставившее дань, дань не была принята, посольство отослано обратно. 10. Назначены посольства в Китай и Бохай. 11. В регионы Тайдзё, Нанкайдо: и Сайкайдо: назначены военные инструкторы. Подготавливаются корабли и войска для экспедиции против Силла. 2. Фудзивара-но Накамаро похоронен 1-й старший ранг. 4. Назначено посольство в Китай (не было отправлено). 6. Ко:кэн издает указ с критикой Дзюннин и заявляет о том, что отныне «крупными делами» станет заниматься сама. 11. Подготовлена армия для экспедиции против Силла.	
760	Тэмпё: хо:дзи; 4 год		
761	Тэмпё: хо:дзи; 5 год		
762	Тэмпё: хо:дзи; 6 год		

1	2	3	4
763	Тэмпё: холзи, 7 год	1. Прибыло посольство из Бохай, доставившее дань. 2. Дань из Силла возвращена обратно. 8. Управленцы должности военных инструкторов в регионах Санъёдо и Нанкайдо. 9. До:кё: назначен сё:солу.	В Китае полавлен мятеж, поднятый в 755 году Ань Лушанем и Ши Сыяном. Мятеж в провинции Шэньси.
764	Тэмпё: холзи, 8 год	7. Управлена должность военного инструктора в регионе То:кайдо. В Хаката (провинция Тикудзэн) прибыло посольство из Силла. 9. Фудзивара-но Накамаро послал военных чиновников на «три заставы», учрежденные для охраны столицы Нара, и начал накапливать войска в провинции Оми, но был убит в стычке с верными Кокэн войсками. До:кё: назначен «ветхим министром-монахом» (дайзэн дзэнзи) 10. Дзюнин смещен с трона и выслан на о-в Авадзи. Кокэн вновь возшла на престол под именем Сё:току (764—770). 11. Управлена должность военного инструктора в регионе Сайкайдо.	
765	Тэмпё: дзинго, 1 год	3. Буддийским храмам запрещено поднимать новь. 8. Принц Вакэ обвинен в измене и казнен. 10. В Авадзи скончаться экс-император Дзюнин. 10 доп. До:кё: назначен «главным министром-монахом» (дайзё дайзи дзэнзи).	
766	Тэмпё: дзинго, 2 год	1. Фудзивара-но Нагатэ назначен правым министром. 10. До:кё: назначен «императором буддийского закона» (хо:о:). Правый министр Фудзивара-но Нагатэ назначен левым министром, Киби-но Асоми Макиби — правым.	
767	Дзинго кэйун, 1 ^{го} год	3. До:кё: назначен «златкой Закона Будды» 10. В провинции Муду завершено строительство крепости Идзидзё.	
768	Дзинго кэйун, 2 год	2. В провинции Тикудзэн построена крепость Идогё.	
769	Дзинго кэйун, 3 год	9. До:кё: отправляет Вакэ-но Кийёмаро в святилище Хатяман храма Уса на Кюсю, чтобы узнать волю бога относительно восшествия До:кё: на престол.	Мятеж в провинции Гуанси.

1	2	3	4
770	Хо:ки, 1 год	3. Посольство из Силла прибыло на Кюсю. В честь него был устроен пир, затем посольство вернулось обратно в Силла. 4. Приказано изготовить миллион моделей буддийских пагод, в них были помещены буддийские заклипания — дхараны, опечатанные ксилографическим способом. 8. Скончалась императрица Сё:току. До:кё: смещен со всех престол и назначен настоятелем храма Якусидзи в провинции Симоцуку. 9. Вакэ-но Асоми Кийёмаро возвращен из ссылки. 10. Император Ко:нин (770—781) возшел на престол.	
771	Хо:ки, 2 год	1. Принц крови Осабэ назначен престолонаследником. 2. Скончался левый министр Фудзивара-но Нагатэ. 3. Правый министр Киби-но Макиби вышел в отставку. Онакатоми-но Асоми Кийёмаро назначен правым министром, а Фудзивара-но Асоми Ёсигуцу — внутренним министром (найзин). Вакэ-но Асоми Кийёмаро возвращен чиновничий ранг. 6. Посольство из Бохай прибыло в провинцию Дэва. 10. Переполнена провинция Мусаси (теперь она входит в состав То:кайдо, а не То:сандо).	
772	Хо:ки, 3 год	1. Из Бохай прибыло посольство с данью, но послание от правителя Бохай сочтено «непочтительным», посольство отправлено обратно. 4. В провинции Симоцуку скончаться До:кё: 5. Принц крови Осабэ лишен звания наследника престола.	
773	Хо:ки, 4 год	1. Престолонаследником назначен принц крови Ямабо. 6. Посольство из Бохай прибыло в провинцию Ното.	773—775 гг., мятеж в провинции Гуандун.

1	2	3	4
774	Хо:ки, 5 год	3. Из Силла прибыло посольство, после кратковременного пребывания на Кюсю оно вернулось обратно. 7. Отомо-но Сукунэ Суругамаро и др. назначены военачальниками различных степеней, ответственных за «усмирение варваров» в провинции Муду.	
775	Хо:ки, 6 год	6. Сазэки-но Сукунэ Имаэмиси назначен главой посольства в Китай. 8. Четвертую часть средств, вырученных в результате использования государственной суды (кутэто), позволено потратить для выплаты жалования столичным чиновникам.	
776	Хо:ки, 7 год	10. Скончался Киби-но Макиби.	
777	Хо:ки, 8 год	5. Для подавления мятежа эмиси в деревне Сива (провинция Дэва) из провинций Симофуса, Симоцука и Хитати посланы войска.	
778	Хо:ки, 9 год	4. Посольство из Бохай привезло дары. 6. Сазэки-но Сукунэ Имаэмиси заболел, и главой посольства в Китай назначен Оно-но Иванэ. 9. Скончался внутренний министр Фудзивара-но Ёсигуту. Посмертно Фудзивара-но Накамаро обвинен в «великой непочтительности» и лишен как титула-кабанэ (асоми), так и чиновничьего ранга (1-й старший верхней ступени). 12. Императорские войска, посланные для подавления мятежа в провинции Дэва, потерпели поражение от оставших эмиси.	
779	Хо:ки, 10 год	3. Старший государственный советник Фудзивара-но Уона назначен внутренним министром. 10—11. Вернулось посольство, посланное в Китай в 777 г. 1. Посольство из Бохай привезло дары. 2. Назначено посольство в Силла. 5. Посольство из Китая привезло дары.	

1	2	3	4
780	Хо:ки, 11 год	1. Посольство из Силла привезло дары. 2. В провинции Муду для защиты от эмиси построена крепость Какубэ-цуцэ:. 3. Фудзивара-но Цутинава назначен великим полководцем-усмирителем Востока (сэйто: тайси). 9. Фудзивара-но Огура-ро назначен великим полководцем-усмирителем Востока.	В Китае введен новый порядок налогообложения (триада повинностей была заменена налогом, собираемым дважды в год в соответствии с размером земли и общим достатком хозяйства).
781	Тэнъю:, 1 год	4. На престол взошел император Камму (781—806). Принц Савара назначен престолонаследником. Фудзивара-но Хаманари назначен главой управления по делам Сайкайдо:. 6. Правый министр Оонакатами-но Кийэмаро вышел в отставку. Внутренний министр Фудзивара-но Уона назначен левым министром. 12. Скончался экс-император Котинин.	В Китае введена винная государственная монополия. В Китае введена чайная государственная монополия.
782	Энряку, 1 год	6. Левый министр Фудзивара-но Уона вышел в отставку. Фудзивара-но Тамаро назначен правым министром.	
783	Энряку, 2 год	3. Скончался правый министр Фудзивара-но Тамаро. 6. В столице и Китае запрещено возводить новые буддийские храмы. 7. Фудзивара-но Корэкими назначен правым министром. Скончался Фудзивара-но Уона. 12. Зажиточным людям и буддийским храмам запрещено концентрировать земельные владения в своих руках.	
784	Энряку, 3 год	6. Фудзивара-но Танэцугу, Сазэки-но Имаэмиси и др. назначены ответственными за постройку дворцового комплекса в Нагаока. Запрещено строительство провинциальных буддийских храмов (указ отменен в 735 г.). 11. Управителям провинций запрещено брать целину в собственность. Император Камму перенес двор в Нагаока.	

785	Энряку, 4 год	9. В результате заговора членов рода Оотомо убит Фулзивара-но Цунэцугу. 10. В Китай изменен срок передела земли, и с целью выяснения истинного положения в вопросах землепользования туда отправлены инспекторы. 11. Принц кро-ви Атэ (будущий император Хэйдзэй) назначен престолонаследником.	В Силла введена система, согласно которой выпускники государственных школ получали чиновничьи ранги в зависимости от уровня знаний конфуцианских классиков.
786 788	Энряку, 5 год Энряку, 7 год	9. В провинции Дэва выслали посольство Бохай. 7. Ки-но Косами назначен великим полководцем-усмирителем Востока. Скончался Оонакатами-но Кийэмаро (бывший правый министр).	
789	Энряку, 8 год	7. Упразднены три заставы (Санкан), созданные для охраны Нара. 9. Ки-но Асоми Косами вернулся с победой из провинции Муду. Скончался правый министр Фулзивара-но Корэ-кими. В этом году составлена докладная записка рода Такаха-си («Такахаси узибуми»).	
790	Энряку, 9 год	2. Фулзивара-но Асоми Цугинава назначен правым министром. 3 доп. Для содержания армии, направленной против эмиси, заготовлено 140 000 коку риса. 4. На Кюсю изготовлено 2900 железных шлемов.	
791	Энряку, 10 год	7. Оотомо-но Сукунэ Отомаро назначен великим полководцем-усмирителем Востока. 8. В Китай назначены чиновники, ответственные за распределение земель. 11. Для содержания армии, направленной против эмиси, заготовлено 120 000 коку риса.	

792	Энряку, 11 год	6. Ликвидированы военные формирования в большинстве провинций. 11. Установлены правила передела земли в столичном районе. Обнародованы 83-статейные правила функционирования Ведомства инспекций цензоров (Дандзэ-дай).	
794	Энряку, 13 год	7. Городские рынки переведены из Нагаока в Хэйан. 8. Правый министр Фулзивара-но Асоми Цугинава составил первую часть исторической хроники «Сёку нихонги». 10. Император Камму и двор переехали в Хэйан.	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Раннеяпонские императоры.

Даты правления, девизы правления (*нэнго*):

Данная таблица представляет собой последовательность правлений японских «императоров» вместе с их девизами правления (выделены курсивом). Следует иметь в виду, что первые японские правители и хронология их правлений являются в значительной степени легендарными. О сколько-нибудь достоверной хронологии можно говорить приблизительно с середины VI в. Начиная с VII столетия хронология правлений носит абсолютно достоверный характер. Что касается девизов правления, то их систематическое употребление начинается с VIII в. Девизы правления, принятые до этого времени, употребляются sporadически, а сам факт их реального функционирования подвергается сомнению. Тем не менее, традиционная японская историография, начало складывания которой относится к VIII в., оперирует именно нижеприводимыми данными.

1. Дзимму, 660—585 до н. э.
2. Суйдзэй, 581—549
3. Аннэй, 549—511
4. Итоку, 510—477
5. Ко:сё:, 475—393
6. Ко:ан, 392—291
7. Ко:рэй, 290—215
8. Ко:гэн, 214—158
9. Кайка, 158—98
10. Судзин, 97—30
11. Суйнин, 29 до н. э. — 70 н. э.
12. Кэйко:, 71—130
13. Сэйму, 131—190
14. Тю:ай, 192—200
- Дзингу: Кото: (регентша), 201—269
15. О:дзин, 270—310
16. Нинтоку, 313—399

17. Ритю:, 400—405
18. Хандзэй, 406—410
19. Ингё:, 412—453
20. Анко:, 453—456
21. Ю:ряку, 456—479
22. Сэйнэй, 480—484
23. Кэндзо: (Кэнсо:), 485—487
24. Нинкэн, 488—498
25. Бурэцу, 498—506
26. Кэйтай, 507—531
27. Анкан, 531—535
28. Сэнка, 535—539
29. Киммэй, 539—571
30. Бидацу, 572—585
31. Ё:мэй, 585—587
32. Сусюн, 587—592
33. Суйко, 592—628
34. Дзёмэй, 629—641
35. Ко:гёку, 642—645 (второй раз взошла на престол под именем Саймэй)
36. Ко:току, 645—654
Тайка — 645
Хакути — 650
37. Саймэй, 655—661 (первый раз взошла на престол под именем Ко:гёку)
38. Тэнти, 668—671
39. Ко:бун, 671—672
Хакухо: — 672
40. Тэмму, 672—686
Сютё: — 686
41. Дзито:, 690—697
42. Момму, 697—707
Тайхо: — 701
Кэйун — 704
43. Гэммэй, 707—715
Вадо: — 708
44. Гэнсё:, 715—724
Рэйки — 715
Ё:ро: — 717

45. Сё:му, 724—749
Дзинги — 724
Тэмнё: — 729
46. Ко:кэн, 749—758 (вторично взошла на престол под именем Сё:току)
Тэмнё: кампо: — 749
Тэмнё: сё:хо: — 749
Тёмнё: хо:дзи — 757
47. Дзюннин, 758—764
Дзинго кэйун — 767
48. Сё:току, 764—770 (первый раз взошла на престол под именем Ко:кэн)
Тэмнё: дзинго — 765
Дзинго кэйун — 767
49. Ко:нин, 770—781
Хо:ки — 770
50. Камму, 781—806
Тэнъо: — 781
Энряку — 782

Карты Японии

Карта современной Японии

Прфектуры:

1 Хоккайдо:	27 Нара
2 Аомори	28 Миэ
3 Акита	29 Вакаяма
4 Иватэ	30 Хё:го
5 Ямагата	31 Окаяма
6 Мияги	32 Тоттори
7 Ниигата	33 Хиросима
8 Фукусима	34 Симанэ
9 Ибараги	35 Ямагути
10 Тотиги	36 Кагава
11 Гумма	37 Токусима
12 Нагано	38 Эхимэ
13 Тояма	39 Ко:ти
14 Исикава	40 Фукуока
15 Гифу	41 Сага
16 Сайтама	42 Нагасаки
17 Токио	43 Кумамото
18 Тиба	44 Ооита
19 Канагава	45 Миядзаки
20 Яманаси	46 Кагосима
21 Сидзуока	Окинава на карте
22 Айти	не отражена
23 Фукуи	
24 Сига	
25 Осака	
26 Киото	

Карта Японии (VIII в.)

1. Муцу (Митиноку)	23. Ното	46. Бинго
2. Дэва	24. Кага	47. Оки
3. Симоцукэ	25. Этидзэн	48. Идзумо
4. Хитати	26. О:ми	49. Ивами
5. Симо:са	27. Ямасиро	50. Аки
6. Кадзуса	28. Ига	51. Суо:
7. Ава(1)	29. Исэ	52. Нагато
8. Мусаси	30. Сима	53. Санауки
9. Кодзукэ	31. Ямато	54. Ава (2)
10. Садо	32. Ки	55. Тоса
11. Этиго	33. Вакаса	56. Иё
12. Этпо:	34. Танго	57. Цусима
13. Хида	35. Тамба	58. Ики
14. Мино	36. Сэццу	59. Будзэн
15. Синано	37. Кавати	60. Бунго
16. Каи	38. Талзима	61. Тикудзэн
17. Сагами	39. Харима	62. Тикуго
18. Идзу	40. Авадзи	63. Хидзэн
19. Суруга	41. Инаба	64. Хиго
20. То:то:ми	42. Мимасака	65. Хю:га
21. Микава	43. Хо:ки	66. О:суми
22. Овари	44. Бидзэн	67. Сацума
	45. Битпо:	

Список районов, округов и провинций (VIII в.)

Центральный район Кинай (5 провинций, 53 уезда)

Ямато (15 уездов, большая, ближняя)
 Кавати (14 уездов, большая, ближняя)
 Ямасиро (8 уездов, верхняя, ближняя)
 Сэццу (Цу) (13 уездов, верхняя, ближняя)
 Идзуми (образована в 716 г. из трех уездов провинции Кавати, в 740 г. упразднена, в 757 г. восстановлена; нижняя, ближняя)

Округ То:кайдо: (15 провинций, 128 уездов)

Ига (4 уезда, нижняя, ближняя)
 Исэ (13 уездов, большая, ближняя)
 Сима (2 уезда, нижняя, ближняя)
 Овари (8 уездов, верхняя, ближняя)
 Микава (8 уездов, верхняя, ближняя)
 То:то:ми (13 уездов, верхняя, среднеудаленная)
 Суруга (7 уездов, верхняя, среднеудаленная)
 Идзу (3 уезда, нижняя, среднеудаленная)
 Кая (4 уезда, верхняя, среднеудаленная)
 Сагами (8 уездов, верхняя, дальняя)
 Мусаси (21 уезд, большая, дальняя)
 Ава (образована в 718 г. из четырех уездов провинции Кадзуса, в 741 г. упразднена, восстановлена в 757 г.; 4 уезда, средняя, дальняя)
 Кадзуса (11 уездов, большая, дальняя)
 Симо:са (11 уездов, большая, дальняя)
 Хитати (21 уезд, большая, дальняя)

Округ То:сандо: (8 провинций, 112 уездов)

О:ми (12 уездов, большая, ближняя)
 Мино (18 уездов, верхняя, ближняя)
 Хида (3 уезда, нижняя, среднеудаленная)
 Синано (в 721 г. из двух уездов провинции Синано образована провинция Сува, но в 731 г. упразднена; 10 уездов, верхняя, среднеудаленная)
 Кодзукэ (14 уездов, большая, дальняя)
 Симоцукэ (9 уездов, верхняя, дальняя)
 Муцу (в 718 г. из шести уездов провинции Муцу была образована провинция Иваки, а еще из пяти уездов — провинция Ивасиро, в VIII в. провинция Муцу реально не контролировалась центральной властью; 35 уездов, большая, дальняя)

Дэва (образована в 712 г. из состава провинции Этиго, в VIII в. реально не контролировалась центральной властью; 11 уездов, верхняя, дальняя)

Округ Хокурикудо: (7 провинций, 31 уезд)

Вакаса (3 уезда, средняя, ближняя)

Этидзэн (6 уездов, большая, среднеудаленная)

Кага (образована в 823 г. из двух уездов провинции Этидзэн; 4 уезда, верхняя, среднеудаленная)

Ното (образована в 718 г. из четырех уездов провинции Этидзэн, в 741 г. вошла в состав провинции Этпо; а в 757 г. вновь образована из четырех уездов провинции Этпо; 4 уезда, средняя, среднеудаленная)

Этпо: (4 уезда, верхняя, среднеудаленная)

Этиго (7 уездов, верхняя, дальняя)

Садо (в 743 г. вошла в состав провинции Этиго, но в 752 г. вновь образована из трех уездов провинции Этиго; 3 уезда, средняя, дальняя)

Округ Сангиндо: (8 провинций, 52 уезда)

Тамба (6 уездов, верхняя, ближняя)

Танго (образована в 713 г. у из пяти уездов провинции Тамба; 5 уездов, средняя, ближняя)

Тадзима (8 уездов, верхняя, ближняя)

Инаба (7 уездов, верхняя, ближняя)

Хо:ки (6 уездов, верхняя, среднеудаленная)

Идзумо (10 уездов, верхняя, среднеудаленная)

Ивами (6 уездов, средняя, дальняя)

Оки (4 уезда, нижняя, дальняя)

Округ Сангё:до: (8 провинций, 69 уездов)

Харима (12 уездов, большая, ближняя)

Мимасака (образована в 713 г. из семи уездов провинции Бидзэн; 7 уездов, верхняя, ближняя)

Бидзэн (8 уездов, верхняя, ближняя)

Битпо: (9 уездов, верхняя, среднеудаленная)

Бинго (14 уездов, верхняя, среднеудаленная)

Аки (8 уездов, верхняя, дальняя)

Суо: (6 уездов, верхняя, дальняя)

Нагато (5 уездов, средняя, дальняя)

Округ Нанкайдо: (6 провинций, 50 уездов)

Кии (7 уездов, верхняя, ближняя)

Авадзи (2 уезда, нижняя, ближняя)

Ава (9 уездов, верхняя, среднеудаленная)

Сануки (11 уездов, верхняя, среднеудаленная)

Иё (14 уездов, верхняя, дальняя)

Тоса (7 уездов, средняя, дальняя)

Округ Сайкайдо: (11 провинций, 95 уездов)

Тикудзэн (15 уездов, верхняя, дальняя)

Тикуго (10 уездов, верхняя, дальняя)

Будзэн (8 уездов, верхняя, дальняя)

Бинго (8 уездов, верхняя, дальняя)

Хидзэн (11 уездов, верхняя, дальняя)

Хиго (14 уездов, большая, дальняя)

Хю:га (5 уездов, средняя, дальняя)

Оосуми (образована в 713 г. из четырех уездов провинции Хю:га; 8 уездов, средняя, дальняя)

Сацума (13 уездов, средняя, дальняя)

Ики (2 уезда, нижняя, дальняя)

Цусима (2 уезда, нижняя, дальняя)

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Ранги

Сопоставление первых четырех шкал ранжирования с ранговыми степенями, введенными «Тайхо:рё:» в 701 г.

603 г.	647 г.	649 г.	664 г.	701 г. («Тайхо:рё:»)
12 степеней	13 степеней	19 степеней	26 степеней	30 степеней, 9 ранговых категорий
	дайсики	дайсики	дайсики	Первый старший ранг
	сё:сики	сё:сики	сё:сики	Первый младший ранг
	дайсю	дайсю	дайсю	Второй старший ранг
	сё:сю	сё:сю	сё:сю	Второй младший ранг
	дайси	дайси	дайси	Третий старший ранг
	сё:си	сё:си	сё:си	Третий младший ранг
дайтоку, сё:току	дайкин	дайкэ (старшая и младшая степени)	дайкин (старшая, средняя и младшая степени)	Четвертый старший и младший ранг (все степени)
даинин, сё:нин	сё:кин	сё:кэ (старшая и младшая степени)	сё:кин (старшая, средняя и младшая степени)	Пятый старший и младший ранг (все степени)
дайрай, сё:рай	дайсэй	дайсэн (старшая и младшая степени)	дайсэн (старшая, средняя и младшая степени)	Шестой старший и младший ранг (все степени)
дайсин, сё:син	сё:сэй	сё:сэн (старшая и младшая степени)	сё:сэн (старшая, средняя и младшая степени)	Седьмой старший и младший ранг (все степени)
дайти, сё:ти	дайкоку	старшая степень ранга дайоцу	дайоцу (старшая, средняя (?) степени)	Восьмой старший ранг (обе степени)
		младшая степень ранга дайоцу	дайоцу (средняя (?) и младшая степени)	Восьмой младший ранг (обе степени)
	сё:коку	сё:оцу (старшая и младшая степени)	сё:оцу (старшая, средняя и младшая степени)	Начальный ранг (все степени)
	кэмму (риссин)	риссин	дайкэн (дайкон), сё:кэн (сё:кон)	

Сопоставление чиновничьих рангов 685 и 701 гг.

685 (48 степеней)	701 (30 степеней, 9 ранговых категорий)
Ранг сё: (все степени)	Первый — третий ранги
Первая большая степень ранга дзюки	Четвертый старший ранг верхней степени
Первая широкая степень ранга дзюки	Четвертый старший ранг нижней степени
Вторая большая степень ранга дзюки	Четвертый младший ранг верхней степени
Вторая широкая степень ранга дзюки	Четвертый младший ранг нижней степени
Третья большая степень ранга дзюки	Пятый старший ранг верхней степени
Третья широкая степень ранга дзюки	Пятый старший ранг нижней степени
Четвертая большая степень ранга дзюки	Пятый младший ранг верхней степени
Четвертая широкая степень ранга дзюки	Пятый младший ранг нижней степени
Первая большая и широкая степени ранга гон	Шестой старший ранг верхней степени
Вторая большая и широкая степени ранга гон	Шестой старший ранг нижней степени
Третья большая и широкая степени ранга гон	Шестой младший ранг верхней степени
Четвертая большая и широкая степени ранга гон	Шестой младший ранг нижней степени
Первая большая и широкая степени ранга му	Седьмой старший ранг верхней степени
Вторая большая и широкая степени ранга му	Седьмой старший ранг нижней степени
Третья большая и широкая степени ранга му	Седьмой младший ранг верхней степени
Четвертая большая и широкая степени ранга му	Седьмой младший ранг нижней степени
Первая большая и широкая степени ранга цун	Восьмой старший ранг верхней степени
Вторая большая и широкая степени ранга цун	Восьмой старший ранг нижней степени
Третья большая и широкая степени ранга цун	Восьмой младший ранг верхней степени
Четвертая большая и широкая степени ранга цун	Восьмой младший ранг нижней степени
Первая большая и широкая степени ранга син	Старший начальный ранг верхней степени
Вторая большая и широкая степени ранга син	Старший начальный ранг нижней степени
Третья большая и широкая степени ранга син	Младший начальный ранг верхней степени
Четвертая большая и широкая степени ранга син	Младший начальный ранг нижней степени

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Структура центрального государственного аппарата (по данным законодательных сводов)

Палата небесных и земных божеств (Дзингикан)

Палата большого государственного совета (Дадзё:кан)

Министерство центра (Тю:мусё:)

- Управление двора государыни (Тю:гусики)
- Левый и Правый отделы охранников-оотонэри (Саоотонэрирё:, Уоотонэрирё:)
- Архивный отдел (Дзусёрё:)
- Отдел дворцовых кладовых (Ути-но кура-но цукаса)
- Швейный отдел (Нуидоно-но цукаса)
- Астрологический отдел (Оммё:рё:)
- Бюро живописи (Этакуми-но цукаса)
- Аптекарьское бюро (Найякуси)
- Бюро придворных ритуалов (Найрайси)
- Министерство кадров (Сикибусё:)
- Отдел столичной школы чиновников (Дайгакурё:)
- Отдел придворных рангов (Сагъирё:)

Министерство управления (Дзибусё:)

- Музыкальный отдел (Гагакурё:)
- Отдел монахов и чужеземцев (Гэмбанрё:)
- Бюро государевых усыпальниц (Мисасаги-но цукаса)
- Бюро похоронных ритуалов (Со:гиси)

Министерство народных дел (Мимбусё:)

- Счетный отдел (Сюкэйрё:)
- Налоговый отдел (Сюсайрё:)

Военное министерство (Хё:бусё:)

- Кавалерийское бюро (Хё:мэси)
- Арсенальное бюро (Дзо:хё:си)
- Военно-музыкальное бюро (Косуйси)
- Бюро учета судов (Сюэпси)
- Бюро соколиной охоты (Сюё:си)

Министерство наказаний (Гё:бусё:)

- Бюро финансовых взысканий (Дзо:сёкуси)
- Бюро порем (Сюгокуси)

Министерство казны (Оокурасё:)

- Литейное бюро (Тэндзю:си)
- Хозяйственное бюро (Канимори-но цукаса)
- Лакировочное бюро (Нурибэ-но цукаса)
- Бюро по пошиву одежды (Нухибэ-но цукаса)
- Ткацкое бюро (Орибэ-но цукаса)

Министерство двора (Кунайсё:)

- Управление дворцового стола (Дайдзэнсики)
- Строительный отдел (Мокукурё:)
- Продовольственный отдел (Оохирё:)
- Интендантский отдел (Сюдэнрё:)
- Аптекарьский отдел (Тэгьякурё:)
- Бюро по делам государевой семьи (Оокими-но цукаса)
- Бюро государева стола (Найдзэнси)
- Винокуренное бюро (Сакэ-но цукаса)
- Кузнечное бюро (Тагъяси)
- Бюро по делам государственных рабов (Якко-но цукаса)
- Бюро садов и прудов (Соноикэ-но цукаса)
- Гончарное бюро (Цутитакуми-но цукаса)
- Бюро по делам «унэмэ» (Унэмэ-но цукаса)
- Бюро водоснабжения (Мохитори-но цукаса)
- Управление по снабжению двора маслом (Абура-но цукаса)
- Хозяйственное бюро дворца (Ути-но канимори-но цукаса)
- Посудное бюро (Хакосуэ-но цукаса)
- Красильное бюро дворца (Ути-но сомэмоно-но цукаса)

Ведомство инспекций цензоров (Дандзё:тай)

Управа внешней охраны дворца (Эмонфу)

- Бюро по делам «хаято» (Хаято-но цукаса)
- Управа левой и правой дворцовой гвардии (Сасифу, Уэсифу)
- Левая и правая управы дворцовой охраны (Сахё:эфу, Ухё:эфу)
- Отдел левой и правой конношен (Самэрё, Умэрё:)
- Отдел левого и правого арсеналов (Сахёкорё:, Ухё:корё:)
- Внутридворцовый арсенал (Найхё:го-но цукаса)

Управление левой части столицы (Сакё:сики)

- Бюро Восточного рынка (Химугаси-но ити-но цукаса)

Управление правой части столицы (Укё:сики)

- Бюро Западного рынка (Ниси-но ити-но цукаса)

Женский дворец (Току:)

Бюро управления делами (Найси-но цукаса)
 Бюро кладовых (Кура-но цукаса)
 Архивное бюро (Фуми-но цукаса)
 Аптекарское бюро (Кусури-но цукаса)
 Оружейное бюро (Цувамоно-но цукаса)
 Бюро охраны (Микадо-но цукаса)
 Интендантское бюро (Тономори-но цукаса)
 Хозяйственное бюро (Канимори-но цукаса)
 Бюро водоснабжения (Мохи гори-но цукаса)
 Бюро дворцового стола (Касивадэ-но цукаса)
 Винокуренное бюро (Сакэ-но цукаса)
 Швейное бюро (Нухитоно-но цукаса)

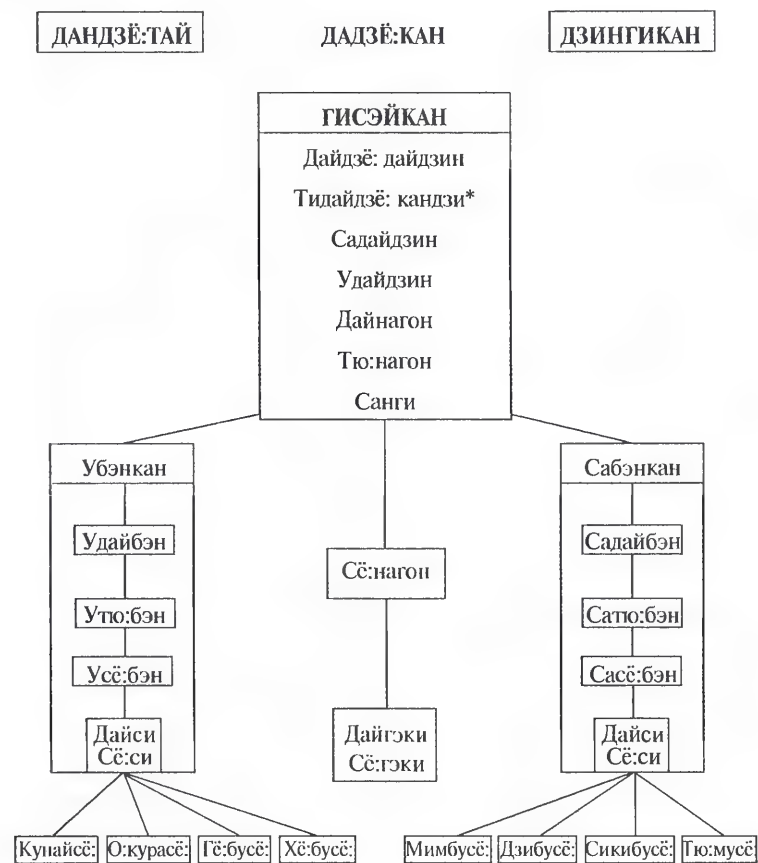
Управление делами дворца наследника престола (Сюнгү:бо:)

Бюро охранников-*тонэри* (Тонэрикап)
 Бюро стола престолонаследника (Сюдзэнкэн)
 Бюро кладовых (Сюдзо:кэн)
 Хозяйственное бюро (Сюдэпдзё)
 Архивное бюро (Сюсёдзё)
 Бюро водоснабжения (Сюсуйдзё)
 Строительное бюро (Сюкудзё)
 Арсенальное бюро (Сюхё:дзё)
 Копишенное бюро (Сюмэдзё)

Иерархия учреждений высшего звена государственного аппарата

* Должность Тидайзё: кандзи существовала в период 703—745 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Именной состав Гисэйкан в VIII — начале IX в.
(до конца правления императора Камму (806 г.)

Род и полное имя	Время пребывания в составе Гисэйкан и занимаемые должности
1	2
Императорский род	
Принц крови Осакабэ	703—705, тидадзё: кандзи
Принц крови Ходзуми	705—715, тидадзё: кандзи
Принц Нагая	718—729, дайнагон, правый министр, левый министр
Принц крови Тонэри	720—735, тидадзё: кандзи
Принц Судзука	731—745, санги, тидадзё: кандзи
Принц Сиракабэ (будущий император Ко:нин)	762—770, тю:нагон, дайнагон
Принц Ямамура	764—767, санги
Принц Мива	780—806, санги, тю:нагон, дайнагон, правый министр
Принц Итисино	787—805, санги, тю:нагон, дайнагон
Фудзивара	
Фудзивара-но Асоми Фухиго	701—720, тю:нагон, дайнагон, правый министр
Фудзивара-но Асоми Фусаки	717—737, санги
Фудзивара-но Асоми Мутимаро	721—737, тю:нагон, дайнагон, правый министр, левый министр
Фудзивара-но Асоми Умакаи	731—737, санги
Фудзивара-но Асоми Маро	731—737, санги
Фудзивара-но Асоми Тоёнари	737—765, санги, тю:нагон, дайнагон, правый министр, левый министр
Фудзивара-но Асоми Накамаро	743—764, санги, дайнагон, правый министр, главный министр
Принц Вакэ	765—765, санги
Фудзивара-но Асоми Яцука (Мататэ)	748—766, санги, тю:нагон, дайнагон
Фудзивара-но Асоми Киёкава	749—778, санги
Фудзивара-но Асоми Нагатэ	756 (757)—771, тю:нагон, дайнагон, левый министр
Фудзивара-но Асоми Митатэ	760—764, санги

1	2
Фудзивара-но Асоми Косэмаро	762—764, санги
Фудзивара-но Эми-но Асоми Масаки	762—764, санги
Фудзивара-но Асоми Отосада	762—764, санги
Фудзивара-но Эми-но Асоми Кудзумаро	762—764, санги
Фудзивара-но Эми-но Асоми Асакари	762—764, санги
Фудзивара-но Асоми Навамаро	764—779, санги, тю:нагон
Фудзивара-но Асоми Цугинава	766—796, санги, тю:нагон, дайнагон, правый министр
Фудзивара-но Асоми Тамаро	766—783, санги, тю:нагон, дайнагон, правый министр, левый министр
Фудзивара-но Асоми Уона	768—782, санги, дайнагон, внутренний министр, левый министр
Фудзивара-но Асоми Ёсицугу	771—777, внутренний министр
Фудзивара-но Асоми Момотакава	771—779, санги
Фудзивара-но Асоми Касэдэмаро	772—776, санги
Фудзивара-но Асоми Хаматаро (Хаманари)	774—782, санги
Фудзивара-но Асоми Корёкими	774—789, санги, тю:нагон, дайнагон, правый министр
Фудзивара-но Асоми Курадзимаро	774—775, санги
Фудзивара-но Асоми Изёри	777—785, санги
Фудзивара-но Асоми Такацуна	779—781, санги
Фудзивара-но Асоми Огуромаро	779—790, санги, тю:нагон, дайнагон
Фудзивара-но Асоми Танэцугу	782—785, санги, тю:нагон
Фудзивара-но Асоми Отото	790—807, санги, тю:нагон, дайнагон
Фудзивара-но Асоми Такатоси	794—807, санги, тю:нагон
Фудзивара-но Асоми Утимаро	794—812, санги, тю:нагон, дайнагон, правый министр
Фудзивара-но Асоми Санэтомо	794—797, санги
Фудзивара-но Асоми Навануси	798—817, санги, тю:нагон
Фудзивара-но Асоми Оцугу	802—843, санги, тю:нагон, дайнагон, правый министр, левый министр
Тадзихи	
Тадзихи-но Махито Сима	—701, левый министр
Тадзихи-но Махито Икэморы	718—730, тю:нагон, дайнагон
Тадзихи-но Махито Агатаморы	731—737, санги, тю:нагон

1	2
Тадзихи-но Махито Хиронари	737—739, санги, тю:нагон
Тадзихи-но Махито Хиротари	749—757, санги, тю:нагон
Тадзихи-но Махито Ханидзукури	770—771, санги
Тадзихи-но Махито Нагано	789, санги
Абэ	
Абэ-но Асоми Минуси	—703, правый министр
Абэ-но Асоми Сукунамаро	705—720, тю:нагон, дайнагон
Абэ-но Асоми Хиронива	722—732, санги, тю:нагон
Абэ-но Асоми Самимаро	757—758, санги
Абэ-но Асоми Симамаро	760—761, санги
Абэ-но Асоми Эмиси	771—772, санги
Оотомо	
Оотомо-но Сукунэ Ясумаро	703—714, санги, тю:нагон, дайнагон
Оотомо-но Сукунэ Табито	718—731, тю:нагон, дайнагон
Оотомо-но Сукунэ Мититари	731—741, санги
Оотомо-но Сукунэ Усикаи	739—749, санги, тю:нагон
Оотомо-но Сукунэ Эмаро	749—756, санги
Оотомо-но Сукунэ Суругамаро	775—776, санги
Оотомо-но Сукунэ Одзимаро	778—782, санги
Оотомо-но Сукунэ Якамоти	780—784, санги, тю:нагон
Оотомо-но Сукунэ Киэтари	790—792, санги
Ки	
Ки-но Асоми Маро	—705, дайнагон
Ки-но Асоми Маро (другой)	743—757, санги, тю:нагон
Ки-но Асоми Иимаро	757—761, санги
Ки-но Асоми Хиронива	775—777, санги
Ки-но Асоми Хиросуми	780, санги
Ки-но Асоми Фунамори	781—792, санги, тю:нагон, дайнагон
Ки-но Асоми Якамори	782—784, санги
Ки-но Асоми Косами	785—797, санги, тю:нагон, дайнагон
Ки-но Асоми Кадзинага	796—806, санги
Косэ	
Косэ-но Асоми Маро	715—717, тю:нагон
Косэ-но Асоми Оодзи	718—724, тю:нагон
Косэ-но Асоми Натэмаро	739—749, санги, тю:нагон, дайнагон
Косэ-но Асоми Сакимаро	757—761, санги

1	2
Исоноками (бывш. Мононобэ)	
Исоноками-но Асоми Маро	—717, дайнагон, правый министр, левый министр
Исоноками-но Асоми Отомаро	750—751, санги, тю:нагон
Исоноками-но Асоми Якацугу	768—781, санги, тю:нагон, дайнагон
Накатами (Оонакатами)	
Накатами-но Асоми Омимаро	708—711, тю:нагон
Накатами-но Асоми Киёмаро (с 769 г. Оонакатами)	762—781, санги, тю:нагон, дайнагон, правый министр
Оонакатами-но Асоми Коою	781—789, санги
Оонакатами-но Асоми Морона	790—797, санги
Исикава (бывш. Сога)	
Исикава-но Асоми Нэнгари	749—762, санги, тю:нагон, дайнагон
Исикава-но Асоми Тоёпари	762—772, санги, тю:нагон
Исикава-но Асоми Натари	780—788, санги, тю:нагон
Исикава-но Асоми Мамору	790—798, санги
Татибана	
Татибана-но Асоми Мороз	731—757, санги, дайнагон, правый министр, левый министр
Татибана-но Асоми Нарамаро	749—757, санги
Авада	
Авада-но Асоми Махито	702—719, санги, тю:нагон
Такамуко	
Такамуко-но Асоми Маро	702—708, санги, тю:нагон
Симоцукэно	
Симоцукэно-но Асоми Комаро	702—709, санги
Оно	
Оно-но Асоми Кэно	702—714, санги, тю:нагон
О:но	
О:но-но Асоми Адзумандо	739—742, санги
Агата Инукаи	
Агата Инукаи-но Сукунэ Ивасуки	739—742, санги
Фунъя	
Фунъя-но Махито Тину	758—770, санги, тю:нагон, дайнагон

1	2
Фунгя-но Махито Ооти	766—774, санги, тю:нагон, дайнагон
Мидзуноками	
Мидзуноками-но Махито Сияки	762—764, санги, тю:нагон
Киби	
Киби-но Асоми Макиби	764—771, санги, тю:нагон, дайнагон правый министр
Югэмикиё	
Югэмикиё-но Сукунэ Киёхито	765—770, санги, тю:нагон, дайнагон
Саэки	
Саэки-но Сукунэ Имаэмиси	784—789, санги
Вакэ	
Вакэ-но Асоми Маро	796—804, санги, тю:нагон
Саканоуэ	
Саканоуэ-но Сукунэ Тамаро	805—811, санги, тю:нагон, дайнагон
Акисино	
Акисино-но Асоми Ясухито	805—820, санги
Сугано	
Сугано-но Асоми Мамити	805—811, санги

Четыре разряда должностей

Учреждение	Название должности для глав учреждений (тё:кан, ками)	Название должности для старших помощников (дзикан, сукэ)	Название должности для младших помощников (ханкан, дзё)	Название должности для мелких служащих (сютэн, сакан)
Дзингикан	хаку	фуку	ю:	си
Дадзё:кан	дадзё: дайдзин, садайдзин, удайдзин	дайнагон, тю:нагон, санги	сау-но дайбэн, са-но тю:бэн, у-но тю:бэн, са-но сё:бэн, у-но сё:бэн, сё:нагон	си, гэки
Министерства (сё:)	кё:	дайфу, сё:фу	дайдзё:, сё:дзё:	дайроку, сё:року
Управления (сики, бо:)	дайфу	тэй	дайсин, сё:син	дайдзоку, сё:дзоку
Отделы (рё:)	то:	дзё:	дайин, сё:ин	дайдзоку, сё:дзоку
Бюро (си, цукаса)	сё:, будзэн	тэндзэн	ю:	рэйси
Женский дворец (Го:ку:)	сё:си	тэнси	сё:си	
Дайдзё:тай	ин	хицу	дайтю:, сё:тю:	дайсё, сё:сё
Сиби тю:дай	рё:	дайхицу, сё:хицу	дайтю:, сё:тю:	дайсё, сё:сё
Эмонфу, Саэсифу, Уэсифу, Сахё:эфу, Ухё:эфу	току, бэтто:	са	дайи, сё:и	дайси, сё:си
Тю:эфу, Гайэфу, Коноэфу	тайсё:	тю:дзё:, сё:сё:	сё:гэн	сё:со:
Дадзайфу	соцу	лайни	дайгэн, сё:гэн	дайтэн, сё:тэн
Кокуси (провинциальные управы)	сю, мори	сукэ	дзё:	сакан
Гунси (уездные управы)	лайрё:	сё:рё:	сюсэй	сютё:

Соответствия между рангом и должностью
в главных ведомствах центрального аппарата управления

Классы принцев и ранги чиновников	Дзингикан	Далзэ:кан (с 749 г.)	Сибя тю:дай	Тю:мусэ:	Сикибусэ:, Мин- бусэ:, Хё:бусэ:, Гё:бусэ:, Ооку- расэ: Кунайсэ:	Далдзэ:тай
1	2	3	4	5	6	7
1-й класс		дайцзэ: дайзин				
2-й класс		садайзин, удайзин				
3-й и 4-й класс		дайнагон		кё: (глава)	кё:	
1-й старший, 1-й младший		дацзэ: дайзин				
2-й старший, 2-й младший		садайзин, удайзин, найдайзин				
3-й старший		дайнагон	рё:			
3-й младший		то:нагон				Ин (с 739 г.)
4-й старший верхней ступени				кё:		
4-й старший нижней ступени		санги	дайхицу		кё:	
4-й младший верхней ступени		дайбэн (стар- ший ревизор)				ин

1	2	3	4	5	6	7
4-й младший нижней ступени	хаку		сё:хицу			
5-й старший верхней ступени		то:бэн		дайфу		
5-й старший нижней ступени	сё:бэн	лайто:			дайфу, дайхангзи	хицу
5-й младший верхней ступени				сё:фу		
5-й младший нижней ступени	дайфуку	сё:нагон	сё:то:	дзизю, дайгэнмогу	сё:фу	
6-й старший верхней ступени	сё:фуку	лайси		дайнайки		лайто:
6-й старший нижней ступени				дайцзэ:	дайцзэ: тоухангзи	сё:то:
6-й младший верхней ступени	дайю:		дайсё	сё:дзэ:		
6-й младший нижней ступени	сё:ю:			сё:хангзи, дайсюяку		
7-й старший верхней ступени		дайгэки, сё:си	сё:сё	то:найки, дайроку	дайроку	дайсё
7-й старший нижней ступени				сё:гэнмогу	Хангзи, дайдоку	дзюнсаяу
7-й младший верхней ступени		сё:гэки, сё:си				
7-й младший нижней ступени				дайгэнъяку	дайтокибэ	
8-й старший верхней ступени				сё:найки, сё:року	сё:року	сё:сё
8-й старший нижней ступени	лайси				то:токибэ, хангзи сё:доку	
8-й младший верхней ступени	сё:си	сё:тэнъяку				
8-й младший нижней ступени					сё:токибэ	

Соответствия между рангом и должностью в среднем звене
центрального аппарата управления

Ранг	Тогу:сики, Сюнгү:бо:	Когү:	Дайзэнсики, Кё:сики, Сэцүсики	Дайрё: (большой отдел)	Сё:рё: (малый отдел)	Дайси	Тюси
1	2	3	4	5	6	7	8
3-й младший		сё:си					
4-й старший верхней ступени	котайсифу						
4-й младший верхней ступени		тэнси					
4-й младший нижней ступени	дайфу						
5-й старший верхней ступени			дайфу				
5-й младший верхней ступени		сё:си		то:, мондзё: хакудзи			
5-й младший нижней ступени	Тэй (рё:), котайси гакуси		Тэй (рё:)	мондзё:ха- кудзи	то:		
6-й старший верхней ступени						сё:, будзэн	
6-й младший верхней ступени	дайсин				дзё:		
6-й младший нижней ступени	сё: син		дайсин				
7-й старший верхней ступени*			сё: син				
7-й старший нижней ступени				лайн, тайдзё: (дзё:кё:), мё:бо:хакудзи	ихакудзи, оммё:ха- кудзи, тэм- монхакудзи		

1	2	3	4	5	6	7	8
7-й младший верхней ступени				сё:ин, онъха- кудзи, сёхакудзи, санъхакудзи	Ин, оммё:си, рёкихакудзи, харихакудзи		
7-й младший нижней ступени				иси, рококу- хакудзи		ю:, тэнлэн	
8-й старший верхней ступени							ю:
8-й старший нижней ступени	дайдоку		дайдоку				
Нач. старший верхней ступени					сё:доку	рёси	
Нач. старший нижней ступени							рёси
Нач. младший верхней ступени							рёси
Нач. младший нижней ступени							рёси

Соответствия между рангом и должностью в местном аппарате управления

Классы принцев и чиновничьи ранги	Анэстиси	Дадзайфу	Дайкоку (большая провинция)	Дзё:коку (крупная провинция)	Тю:коку (средняя провинция)	Гэкоку малая (провинция)
3-й и 4-й класс		соцу				
3-й младший		соцу				
5-й старший верхней ступени	анэстиси	дайни				
5-й младший верхней ступени			сю, мори			
5-й младший нижней ступени		сё:ни		сю, мори		
6-й старший верхней ступени		дайгэн	сукэ		сю, мори	
6-й младший верхней ступени		сё:гэн		сукэ		
6-й младший нижней ступени		дайхандзи				сю, мори
7-й старший верхней ступени	кидзи	дайгэн, сё:хандзи				
7-й старший нижней ступени			дайдзё:			
7-й младший верхней ступени			сё:дзё:	дзё:		
7-й младший нижней ступени		хакудзи				
8-й старший верхней ступени		сё:тэн, санси, иси			дзё:	
8-й младший верхней ступени			дайсакан			
8-й младший нижней ступени			сёсакан	сакан		
Нач. старший нижней ступени					сакан	
Нач. младший верхней ступени						сакан

Военные ведомства

Ранг	Эмонфу, Са-но эдзифу, У-но эдзифу	Са-но хё:эфу, У-но хё:эфу	Тю:эфу (с 728 г.)	Са-но ю:дзиз, У-но ю:дзиз, Са-но кохонэ, У-но кохонэ (758—764 г.)	Дзю:то:э (759—765 г.)	Коноэфу с 765 г.)	Гайэфу (Гайэфу (765—772 г.)
1	2	3	4	5	6	7	8
3-й старший						тайсё:	
4-й младший верхней ступени			тайсё:		току		тайсё:
4-й младший нижней ступени			тю:дзё: (с 765 г.)	току, соцу		тю:дзё:	
5-й старший верхней ступени	току		сё:сё:		са		тю:дзё:, ингай тю:дзё:
5-й старший нижней ступени			сё:сё: (с 765 г.)				сё:сё:
5-й младший верхней ступени	току						сё:сё:
5-й младший нижней ступени	са, ингай са	ингай са		ёку (са)			ингай сё:сё:
6-й старший нижней ступени		са			лайи	сё:гэн	
6-й младший верхней ступени			сё:гэн		лайи	сё:гэн	
6-й младший верхней ступени			сё:гэн		лайи	сё:гэн	
6-й младший нижней ступени	дайи						

1	2	3	4	5	6	7	8
7-й старший верхней степени	сё:и				сё:и		
7-й старший нижней степени		дайи					
7-й младший верхней степени		сё:и	сё:со:				
7-й младший нижней степени			сё:со: (с 765 г.)		лайси	сё:со:	сё:со:
8-й старший нижней степени	дайси						
8-й младший верхней степени	сё:си	дайси			сё:си		

* Согласно кодексам «Тайхо:рё» и «Ё:ро:рё», существовало пять гвардейских управ (Гоэфу): Эмонфу, Са-но эдифу, У-но эдифу, Са-но хё:эфу и У-но хё:эфу. В 728 г. была образована еще одна гвардейская управа (Тю:эфу), представлявшая собой личную охрану императора. В итоге общее количество военных управ возросло до шести (Рокуэфу). В 758 г. названия и некоторые функции управ были изменены. В 759 г. была учреждена еще одна (сельмая) гвардейская управа — Дзю:то:э. Наконец, в 765 г. прежние семь управ сторожевой службы были реорганизованы и преобразованы в три «гвардейских управы»: Ко-ноэфу (Ближняя гвардейская управа), Тю:эфу (Центральная гвардейская управа) и Гайэфу (Внешняя гвардейская управа). Последняя в 772 г. была упразднена, а ее функции и служашие (*монэри*) распределены между Коноэфу, Тю:эфу и вновь восстановленными управами Са-но хё:эфу и У-но хё:эфу.

** Помимо официальных должностей существовали еще и «внештатные» (*ингай*). При этом «внештатные» должности существовали не только в военных управлениях, были они и в гражданских ведомствах, начиная от Датзэ:кан и заканчивая провинциальными управлениями.

Таблица мер и весов

Система мер и весов

Точное соотношение японских древних и современных мер на данный момент не установлено (относительно этого существует предположение, что в древности (периоды Асука-Муромати) в Японии применялись китайские (танские) меры. Согласно законодательным источникам, все меры подразделялись на: меры длины (*до*); меры объема или ёмкости (*рё*;) и меры веса (*кэнко*:). Некоторые меры делились в свою очередь на «большие» (*дай*) и обычные. За изменением мер и весов следило Министерство казны (*О:курасё*:).

Меры длины, объёма и веса

Бу — мера длины = 10 *рин* = 3,03 мм. В древности — 3,2 мм

Бу (см. *цубо*)

Го: — мера объема = 10 *сяку* = 0,18 л. В древности *го*: — ок. 0,1 л

Го: — мера площади = 10 *сяку* = 0,33 кв. м

Дайрё:. См. *рё*:

Дайсё:. См. *сё*:

Дайсяку. См. *сяку*

Дзё: — мера длины = 1) 10 *сяку* = 3,03 м; 2) 3, 78 м (для измерения тканей)

Дзин — мера длины = 1) 2, 12 м; 2) стар. 1,21~1, 55 м (для измерения высь и вглубь)

Дзюн — древняя мера веса (для измерения шелковой ваты), равнялся 2 *кин* (т. е. ок. 1,2 кг)

Кан (*каммэ*) — мера веса = 1000 *моммэ* = 3,75 кг

Кин — мера веса = 160 *моммэ* = 600 г; по подсчетам Аоки Кадзуо, в древности равнялся 596,8 г

Коку — мера объема = 10 *то* = 100 *сё*: = 1000 *го*: = 180, 391 л (ок. 150 кг). Размер *коку* в древности не был четко фиксированным, поэтому большинство исследователей при расчетах зерна, указанных в древних *коку*, исходят из его нынешнего объема. Согласно подсчетам, сделанным историком Аоки Кадзуо на основе «*Рё:-но сю:гэ*», в древности 1 *коку* приблизительно равнялось 103,5 л.

Кэн — мера длины = 6 *сяку* = 1,81 м

Мо: — мера длины = 1/10 *рин* = 0,03 мм

Моммэ — мера веса = 10 *фун* = 3,75 г

Рё: — древняя мера веса (кит. *лан*), которая приблизительно равнялась 37,3 г (для периода Токугава — 31,5 г). В древности существовала еще и такая мера веса, как «большой *рё*» (*дайрё:*), приблизительно равная 111,9 г (т. е. трем обычным *рё:*).

Ри — мера длины = 36 *тё:* = 3927 м. В древности 1 *ри* равнялось 300 *бу*, т. е. между 442,5 и 462 м (по другим сведениям ок. 654 м., в Китае — 576).

Рин — мера веса = 1/10 *фун* = 0,037 г

Рин — мера длины = 10 *мо:* = 0,303 мм

Сай — мера объема = 9,09 куб. см

Сё: — мера объема = 10 *го:* = 1,804 л. В древности *сё:* — 1,035 л.

В древности существовала еще и такая мера объема, как «большой *сё*» (*дайсё:*), которое приблизительно равнялось 0,72 л (по другой версии — 3,095 л) или трем обычным *сё:*.

Сё: — мера объема = 1/10 *сяку* = 0,0018 л

Сун — мера длины 1) 10 *бу* = 3,03 см (в древности — 3,2 см); 2) 3,8 см (для измерения тканей)

Сэ — мера площади = 30 *бу* (*цубо*) = 99,18 кв. м

Сю — древняя мера веса (ок. 0,16 г)

Сяку — мера длины 1) 10 *сун* — 30,3 см; 2) 37,8 см (для измерения тканей). В древности *сяку* приблизительно равнялось (29,5—30,8 см), а «большой *сяку*» (*дайсяку*) — 38,4 см

Сяку — мера объема = 1/10 *го:* = 10 *сё:* = 0,018 л

Сяку — мера площади = 1/100 *бу* = 1/10 *го:* = 0,033 кв. м

Сякудзимэ — мера объема = 12 куб. *сяку* = 1,324 куб. м (для измерения древесины)

Тан — мера длины = 10,6 м (для измерения тканей)

Тан — мера площади = 10 *сэ* = 0,0992 га. В древности 1 *тан* — это (0,099—0,12 га).

Тё: — мера длины = 109,09 м

Тё: — мера площади = 10 *тан* = 100 *сэ* = 0,9918 га. В древности эта мера не имела строгой фиксации и приблизительно равнялась (0,99 — 1,2 га).

То — мера объема = 10 *сё:* = 18,039 л. В древности *то* — 10,35 л.

Фун — мера веса = 10 *рин* = 0,375 г

Хики — мера длины = 2 *тан* = 21,2 м (для измерения тканей)

Хиро — мера длины = 1,81 м (для измерения длины веревок, глубины воды и т. д.)

Хо:ри (квадратный *ри*) — мера площади = 15,423 кв. м

Цубо — мера площади = 10 *го:* = 3,3 кв. м

Цука (*соку*) (сноп) — древняя мера объема. В древности соответствовала 1 *то* и 5 *сё:* и приблизительно равнялась 3,6 л.; 1 *цука* равнялся 10 *таба* (пучкам).

Указатель географических названий

Авадзи 239, 283, 347
 Айра 41
 Акита 53, 115, 402
 Аляска 73
 Амами 403
 Англия 20, 25, 31, 277, 387
 Аомори 54, 66
 Аравийский п-ов 400
 Арияма 97
 Асука, долина 87, 103, 155—157, 174—175, 346, 418
 Асука, река 152, 154, 428
 Асуха 285
 Атлантида 108
 Аэ 301
 Бива 349
 Бидзэн 197, 257
 Бирма 400
 Битпо: 284
 Борнео 104
 Бохай 217, 224, 360, 367—368, 391, 396—398, 401
 Будзэн 358
 Бунго 197, 284, 358
 Ва 106—108, 122, 133—134, 367, 429
 Вакаса 349, 351
 Вакаяма 61, 140
 Внутреннее Японское море 71, 91, 131, 347
 Волга 15
 Воронежская губ. 277

Гокинай 256
 Гумма 39, 95, 135
 Дэва 251, 256, 347, 399, 403, 426, 447
 Дэсима 31
 Европа 22, 73, 277—278
 Египет 18
 Ёкогу 145
 Ёсиногари 32
 Иба 115
 Ибараки 30
 Ивадзюку 35, 39—40
 Ивами 283
 Иварэ 164
 Иватэ 403
 Ига 283, 300—301, 303
 Идзу 283
 Идзуми 91, 131—132, 135, 244, 256, 284—285
 Идзумо 82, 85, 100—101, 132, 197, 322, 345, 414
 Иё 161, 185
 Икаруга 1 65
 Ики 358, 387, 392, 430
 Икэгами 72
 Имна, см. *Мимана*
 Инаба 283
 Инарияма 113, 136, 139—140
 Индия 21, 237, 333, 400—402
 Исэ 229, 251, 280, 283, 300, 369, 375, 415—416, 424

Итадзукэ 57
 Италия 25
 Ито 284—285
 Ихарэ 418
 Йокогама 53
 Кава 291
 Кавати 91, 131—132, 135, 244, 256, 298, 305, 351
 Кадзураки 415, 418
 Кадзуса 283, 352
 Каи 283
 Калужская губ. 277
 Ками 77, 80
 Камчатка 73
 Канто 25, 48, 72, 80, 85, 139
 Карако 72
 Карако-Каги 109
 Касима 418
 Касихара 113, 154, 179
 Кацусика 255, 291
 Кая, см. *Мимана*
 Киби 90, 132, 143, 185
 Кигэ 256, 425
 Кии 283—285, 300, 302
 Кинай 90—91, 98, 100, 108, 110, 115, 143, 167—168, 170, 178, 198, 244—245, 256, 286, 291, 300, 313, 382, 404, 425—426
 Кинки 61, 71—72, 80—81, 84—85, 88, 143
 Киото 25, 31, 61, 80, 108, 112, 192, 341
 Кобэ 90
 Когурё 131, 133—135, 158, 160—161, 219, 235, 386, 390, 393, 397, 399—400
 Кодзукэ 283
 Кока 301
 Корё, см. *Когурё*
 Корейский п-ов 13, 18, 28, 37, 42, 45, 60—61, 64—65, 78, 81, 84, 105—106, 110—111, 131—134, 142—144, 158—159, 162, 166, 174, 181, 184, 219, 250, 305, 368, 387, 390—392, 395, 398, 447
 Корсйский пролив 49, 387, 392
 Корея 22, 28, 37, 65, 74, 78, 85, 87, 91, 115, 131—132, 134, 136, 143—144, 153, 156, 159, 161, 178, 186, 198, 251, 269, 279, 332, 365, 371, 387, 389, 395, 400—401, 448, 455
 Коромогава 403
 Кувабара 302
 Кулара 175, 267, 322
 Кудзу 284
 Кумамото 139
 Куни 212, 216, 314, 323, 351
 Курасу 145
 Курильские о-ва 43
 Кэну 90, 135
 Кюсю 13, 15, 32, 41, 45—46, 48, 53, 58, 62—65, 68, 70—72, 76, 78—80, 84, 87, 90—91, 97, 100, 108—109, 132, 139, 142—143, 161, 180, 189, 211, 230—231, 250, 254, 258, 285, 347, 352, 367, 392, 399, 402
 Ло 436
 Лоян 175
 Ляодун 397
 Макимуку 109
 Масидзу 285
 Месопотамия 18
 Мива 130—131, 236, 411
 Микумо 80
 Микура 49
 Мимана 134, 142, 158
 Мимасака 256
 Миминаси 418
 Мино 251, 280
 Мирумэ 415

- Мисасаки 82
 Митиноку 438
 Мито 30
 Миэ 61, 369
 Мусаси 144, 250, 283, 374, 435
 Муцу 240, 251, 256—257, 279—
 280, 347, 399, 403, 426, 438,
 447
- Нагаока 180, 236, 238—239,
 289, 295, 309
 Нагато 283—284, 299, 347
 Накамура 291—292
 Нанива 132, 148, 155, 168, 175,
 311, 326, 346, 351
 Напкайдо: 257, 347
 Наори 284
 Нара, город 25, 39, 61, 80, 108,
 115, 132—133, 152, 176—177,
 180—181, 184, 197, 206, 212,
 214, 226, 231, 236—239,
 256—258, 280—281, 294—
 295, 298, 307—309, 311—312,
 314—323, 340—341, 344—
 348, 350—352, 373, 404, 419,
 425, 444
 Нара, долина 42, 87—88, 90—
 91, 97, 108, 130, 132—133
 Нара, преф. 61, 72, 89, 100,
 109, 132, 203, 415
 Нил 15
 Нисинори 301
 Нитори 257
 Ниу 284
 Нобатакэ 57
 Ново-Гибридные о-ва 43
 Норихама 414
 Носэ 357
 Ното 283
- Овари 90, 285, 300
 Окаяма 30, 81
 Океания 73
 Оки 322
- Окинава 19, 43, 62, 68, 70, 85
 Оми 298, 301
 О:ми 300, 303
 О:мори 31
 Оосаки 402
 О:сима 255, 291
 Оосуми 257, 358, 402
 Ооясима 100
 Оренбургская (Уфимская) губ.
 277
 Орловская губ. 277
 Осака, город 31, 61, 80—81, 86,
 90, 97, 108
 Осака, округ 61, 72
 Осакий залив 71
 Оти 161
 Охара 322
 Охима 255, 291
 Охохи 144
- Пеккан 161
 Перл-Харбор 28
 Персия 400
 Поволжье 277
 Полинезия 43, 406
 Приморье 397
 Пэкче 97, 131, 133—135, 142,
 147, 158, 160—161, 185, 238,
 305, 387, 389—390, 392—393,
 400, 430
- Россия 73, 277, 342
 Рюкю 15—16, 44, 62, 65
 Рязанская губ. 277
- Сага 32, 57
 Сагами 283
 Садо 447
 Садо, остров 49, 399
 Садо, провинция 251
 Сайкайдо: 186, 251, 257, 279—
 280, 347, 359, 399
 Сайтама 136
 Сакаи 284—285, 301—302

- Саки 131
 Санъёдо: 257, 285, 347
 Санъиндо: 257, 347
 Саратовская губ. 277
 Сахара 43
 Сахо 322
 Сацума 62, 358, 402
 Сига 61
 Сида 285
 Сидзуока 66, 115
 Сики 113, 130
 Сикоку 48, 65, 68, 70, 72, 81,
 85, 347
 Силла 82, 131, 133—134, 142—
 143, 160—162, 185, 220, 224,
 249—250, 279, 347, 360, 364,
 367, 382, 386, 390—392,
 395—400, 448
 Сима, провинция 322
 Сима, уезд 322
 Симанэ 57, 81—82
 Симахо: 291—292
 Симбирская губ. 277
 Симоса 255
 Симофуса 291
 Симоцукэ 115, 283
 Синано 283
 Сога 102, 141, 148—150, 153—
 156
 Со:нисимо 291
 Со:ноками 284, 291, 302
 Средиземное море 16
 Сугивадай 53
 Сугу 80
 Суматра 400
 Суо 299
 Суруга 283—285, 440
 Сэндай 90—91
 Сэццу 91, 149, 244, 256—257,
 287, 301
- Тадзима 283
 Таилаид 400
 Такакуси 301
- Такамадо 340
 Тамба 256, 300
 Тан 158, 397, 399
 Танго 256, 283
 Тарянаги 66
 Татибана 145
 Тацуга 419
 Тикуго 358
 Тикудзэн 30, 251, 358
 Тихий океан 15, 48, 347, 367, 402
 Тоёура 284
 То:кай 72
 То:кайдо: 257, 279—280, 347—
 348
 Токио 25, 31, 54, 60—61, 90,
 136, 341
 Токуносима 403
 Томи 165
 Тооти 301
 Торо 60, 78
 То:сандо: 257, 280, 347—348
 То:ти 284
 Тотиги 115
 Тоттори 81
 То:хоку 72
 Тю:бу 72
 Тю:гоку 72, 81, 364
- Удзи 301
 Удзигава 177
 Унэби 418
 Урал 277
 Ути 291
- Франция 277
 Фудзивара 115, 154, 156, 174—
 178, 203, 237, 256, 307—308,
 311, 314—318, 326, 346, 373,
 419
 Фукуи 349
 Фукуока 30, 57, 80
 Фукусато 30
- Харима 197, 300

- Хацусэ 418
 Хёго 61
 Хи 101
 Хигасинари 302
 Хиго 358
 Хидзэн 358
 Хикэта 417
 Хипэ 284—285
 Хираояма-сэндзука 97
 Хироси ма 81
 Хитати 197, 283, 347
 Хо-ки 283, 345
 Хоккайдо 13, 15—16, 19, 38,
 41—42, 48, 62, 65, 68, 85,
 388
 Хокурику 72, 280
 Хокурикудо: 257, 347
 Хонсю 15—16, 38, 40—41, 48,
 62, 65—66, 68, 70—71, 80—
 81, 85, 90—91, 224, 251,
 347—348, 352, 367, 388,
 402—404, 426, 449
 Хориэ 302
 Хо:соно го: 302
 Хо:эндзака 86
 Хуанцзы 45
 Хэйан 88, 180, 236, 238—239,
 256, 295, 298, 309, 340—341,
 359—360, 419
 Хэйдзё:, см. *Нара*
 Хюга 257, 358
- Цу, см. *Сэцу*
 Цугару 49
 Цукуси, см. *Кюсю*
 Цусима 298, 358, 387, 430, 434
- Чанъань 175, 315, 317, 319, 391
- Шаньдунский п-ов 392
- Эгури 285
 Этиго 283, 347
 Эпидзэн 284—285, 300—303
 Этпо: 283
- Яёй-мати 61
 Яку 403
 Ямагата 402
 Ямагути 81
 Ямада 285
 Ямапоэ 285
 Ямасиро 91, 212, 225, 244, 256,
 294, 298—299, 301—302
 Яматай 37. 107—108
 Ямато, провинция 86, 91—92,
 101, 132, 153, 156, 223, 244,
 256, 284—285, 299, 303, 416,
 437
 Янцзы 15
 Японское море 15, 47, 71, 90—
 91, 131, 347, 349, 367
 Ясука 150

Указатель имен собственных

- Абэ 245, 260, 270
 Абэ-но Асоми Минуси 242
 Абэ-но Минуси 242
 Абэ-но Накамаро 395
 Абэ-но О:нусибито 235
 Абэ-но Симамаро 327
 Абэ-но Сукунамаро 217
 Авада 245
 Авада-но Махито 242, 391,
 394
 Авата 229
 Авата-но Махито 235, 363, 376,
 394
 Агатаинукаи 245
 Агатаинукаи-но Митиё 337
 Акихито 183
 Ама-но Коянэ-но Микото
 412
 Ама-но Нунахара Оки-но
 Махито 362
 Аматаэрасу 125, 127—128, 146,
 364, 369, 384, 407—409, 412,
 416, 424
 Амэ-но Коянэ-но Микото 148,
 418
 Анахобэ 103, 149
 Анкан 141, 144
 Анко: 133
 Аояги Танэнобу 30
 Аратаи-но Хирабу 311
 Арима 156
 Асо-цу хико 416
 Асо-цу химэ 416
 Асукабэ 217—218
- Асука-но Окамото 175
 Атэ 239
 Ашока 81
 Басё 330
 Белосельский 19
 Бидацу 02—103, 147, 149, 150—
 151, 154
 Бодай 321
 Боронина И. А. 417
 Бреславец Т. И. 330
 Бродель 27
 Бурэнцу 142—143
- Вада Ацуму 132, 340
 Вайрочана 218, 321, 376, 400,
 439, 445
 Вакакусакабэ-но Оокими 411
 Вакатакэру 136
 Вакэ-но Киёмаро 231—239
 Валиньяно Алессандро 22
 Ватанабэ Хитоси 55—56
 Вовакэ-но Оми 136, 139—140
 Воки 144
- Гамо: Кумпэй 30
 Гандзин 216, 220
 Гао-цзун 362
 Гё:ги 187, 206—207, 214, 432
 Гоулэнд В. 31
 Гэмбо: 210—212, 226, 395
 Гэммэй 179, 201—202, 242,
 311, 338—339, 434
 Гэнсё: 202, 207—208, 235, 338,
 375, 403, 435, 437

- Дайго 289
 Дзёмэй 98—99, 139, 155, 175, 311
 Дзикун 222
 Дзимму 365, 409, 426
 Дзингу: 108, 131, 134
 Дзито: 103, 127, 174, 177, 179, 200, 202, 234, 283, 338, 397, 437
 Дзюнна 339
 Дзюннин 185, 202, 222—223, 225—226, 235, 441
 Дзякусэн 239
 До:кё: 225—232, 234—235, 237—239, 241, 243, 249, 376, 389, 440—441
 До:сё: 338
 Дрейк, Фрэнсис 387
 Дун Чжуншу 429
 Елизавета, королева Англии 387
 Ермакова Л. М. 101, 136, 201, 226, 365, 370, 406, 418—419, 439, 443
 Ё:мэй 147, 149, 164
 Ёсида Годо 29
 Ёсида Такаси 365, 422
 Зибольд Филипп Франц, фон 31
 Иваи 142—143
 Иваинуси-но 418
 Игами 238
 Игнатъев А. А. 19
 Идзанаги 100, 105, 406—408, 410, 412
 Идзанами 100, 105, 406—408, 412
 Идзумо-такэру 101
 Икацу 203
 Икэбэ-но Намицуки 164
 Имибэ 142, 370, 384, 412
 Имибэ-но Хиронари 384
 Ипамэ-но Сукунэ 147
 Ингё: 122, 132—133, 203
 Исикава 155, 245, 260, 270
 Исимода Сё: 252
 Исоноками 132, 260, 270
 Исоноками-но Маро 242—243
 Исоноками-но Отомаро 235
 Исоноками-но Якацугу 327
 Итидзё: 240
 Итисино 243
 Итихара 327
 Ито: Кэйсукэ 31
 Кавати-но Атаи 140
 Кагамияма Такэси 291
 Кадзураки 337
 Кадоваки Тёйдзи 254
 Какиномото-но Хитомаро 103, 420
 Камино 239
 Камицу Уэха 243
 Камицукэ-но Кими Вокума 145
 Камму 202, 237—240, 243, 289, 441
 Камуямато Иварэбико
 Хоходэми-но
 Сумэрамикото, см. *Дзимму*
 Камэй Ниммэй 30
 Каннон 161, 208, 211
 Кару 156, 166
 Касахара-но Атаи 145
 Кацубэ-но Отомаро 345
 Квангэтхо 134
 Кё:кай 198
 Ки 245, 260, 270, 373, 437
 Киби 245
 Киби-но Макиби 210—211, 330, 395
 Кибуми 217—218
 Кида Синроку 293
 Киддер Дж. 43
 Киёвара-но Нацуно 192
 Кикүти Ясуаки 281, 289
 Киммэй 142—143, 147—148, 154, 430
 Ки-но Косами 279
 Ки-но Маро 242
 Ки-но Масунага 327
 Киси Тосио 175
 Китабатакэ Тикафуса 237
 Ко:бун 157
 Ко:гёку 139, 155—156, 175
 Ко: Гэндо 235
 Коидзуми Киётака 72
 Ко:ко: 442
 Ко:кэн 202, 216—217, 223—224, 226—228, 230, 237, 321, 373, 439—441
 Кома 155, 267
 Кома-но Оояма 219, 221
 Ко:мё: 196, 210—211, 215, 217, 338, 399—400
 Ко:нин 157, 202, 232, 234—235, 237—238, 441
 Коноэ 240
 Коноэ Фумимаро 240
 Конрад Н. И. 21, 23
 Корэмунэ-но Наомото 193
 Коси-но О:маро 250
 Косэ 245
 Ко:току 147, 155, 175, 372
 Котэко 154
 Ко:эн 81
 Кояма Сюдзо 49
 Кудара 175, 267
 Кудара-но Коникиси Кэйфуку 260
 Кудзё: 240
 Ку:кай 233
 Кумасо-такэру 136
 Куни-но Токо-тати-но микото 406
 Курукума 173
 Кустинада-химэ 408
 Кэйко: 135
 Кэйтэй 142, 144, 430
 Кэндзо: 141
 Ле Гофф, Жак 277
 Макита Содзиро: 61
 Маркова В. Н. 29
 Матада Акира 235
 Мибу 318
 Мива 243
 Мидзуно Рю:таро: 284
 Миёси-но Киёюки 289
 Мин (монах) 1 67
 Минамото 271
 Минамото-но Нобу 270—271
 Мину 210, 337
 Мурао Дзиро: 285
 Мироку 149
 Миура Хироюки 253
 Мияко (дочь Фудзивара Фухи-то) 339
 Момму 98, 179, 200—202, 235, 305, 308—309, 338—339, 382, 397, 432, 434
 Мононобэ 102, 126, 131, 141—142, 148—150, 166, 245
 Мононобэ-но Мория 102, 149, 153
 Мононобэ-но Муралзи Окоси 147—148
 Морс Э. 31, 43
 Мурао Дзиро: 285
 Нагая 115, 207—210, 217, 234, 241—242, 295, 321, 326—328, 438
 Нака-но Иватомо 235
 Нака-но Оэ 155—156, 166, 427
 Накано Хидэо 286
 Накатоми 125, 148—149, 156, 166, 203—204, 245—246, 370, 384, 412, 430
 Накатоми-но Адзумахито 209, 211
 Накатоми-но Камако 147

- Накатоми-но Каматару 155—156, 167, 203
 Накатоми-но Камато 148
 Накатоми-но Киёмаро 326—327
 Накатоми-но Такануси 235
 Наоки Кодзиро 132
 Нара-но Коти Маро 291
 Ниги Хаяхи-но Микото 148
 Нидзё: 240
 Ниигобэ 327
 Николаев 19
 Нииниги-но Микото 409
 Ниикэн 132, 141
 Нинтоку 89
 Ното-но Осихито 324—325
 Нунахара 229, 367
 Нурибэ-но Кимитару 209
- Оварида-но Ясумаро 327
 Олзип 97, 132—133
 Окада Сэйси 132
 Окикабэ-но Мидзусаси 345
 Оминаси Хиносинаса 291
 Оми-но Мифунэ 409
 Оно 245
 Оно-но Аю-но Асоми 308
 Оно-но Имоко 159
 Оно-но Кэно 242
 Ооама 155, 157
 Оои 217, 223
 Оокумэнануси 221
 Оокушинуси 408
 Ооно-но Адзумабито 323
 Ооно Ясумаро 121, 327, 340
 Ооси-но Атаэ Икамаро 305
 Оотомо 126, 141, 157, 178, 202, 210, 221, 229, 239—240, 243, 245, 251, 260, 270, 329
 Оотомо-но Комаро 217, 220, 392
 Оотомо-но Комуси 211
 Оотомо-но Маро 302
 Оотомо-но Мурадзи Аратэ 154
 Оотомо-но Табито 333
- Оотомо-но Якамоти 200, 210, 220, 239, 326, 421
 Оотомо-но Ясумаро 242
 Ооцу-но Мурадзи Ооура 223
 Осабэ 238
 Осакабэ 242
 Оти-но Атаэ 161
 Отомуро 239
 Оуян Сюнь 129
 Оцука Токуро: 287
 Оэ 149
- Пинус Е. М. 407
 Попов К. А. 82, 435
- Рипо: 132—133
 Рюсон 321
- Савада Гоити 64, 291—292
 Савара 239—240
 Сага 239, 335
 Сайго Нобуцуна 363
 Саймэй 156—157, 175, 185
 Сайто: Саданори 30
 Саканоуэ-но Имики Инукаи 219
 Саканоуэ-но Имики Осикума 311
 Сакаэхара Товао 296, 324, 352
 Сахара Макото 40
 Сэки 157, 202, 210, 229, 239, 245, 251, 318, 373
 Сэки-но Имаэмиси 216, 219, 235
 Сёва 33, 370
 Сёму 115, 196, 202, 208—210, 212, 214—215, 217, 238, 241, 250, 262, 289, 314, 321, 323, 338—339, 351, 373, 375—376, 398—399, 437—440
 Сётоку 164, 202, 228, 232, 234, 245, 398, 440—441
 Сётоку-тайси 150, 155, 164, 166, 382, 430

- Сё:хо: 197
 Сиба Датито 149
 Симоцукэно 245
 Симоцукэно-но Комаро 242
 Сиояки 217
 Сираиси Таймтиро: 98, 132, 143
 Сиракабэ 234, 238
 Сога 102, 141, 148—150, 153—156, 164, 166—167, 204, 245, 270
 Сога-но Акаэ 156
 Сога-но Инамэ 147—148, 153—155
 Сога-но Ирука 155—156
 Сога-но Оми 148, 150
 Сога-но Ооми Инамэ-но Сукунэ 147
 Сога-но Умако 102, 149, 153, 155
 Сога-но Эмиси 153, 155, 427
 Соёи Дзю:си 327
 Сонмён 147
 Сугавара 373
 Сугавара-но Митидзанэ 189
 Сугано-но Мамити 182
 Судзин 131
 Судзука 210, 243
 Суйко 87, 126, 129, 138, 149, 154—155, 160, 164, 175, 346, 365, 382, 429
 Суйнин 95, 369, 416, 429
 Сусаноо 330, 407—408
 Сусюн 141, 154—155
 Сыма Цянь 128
 Сэйнэй 132
 Сэй-сёнагон 29
 Сэнка 141, 243
 Сэрицухимэ 443
 Сюань-цзун 218
 Сюо-тун 129, 380
- Табики 239
 Тадзихи 202, 210, 243
- Тадзихи-но Агатамори 235
 Тадзихи-но Икэмори 243
 Тадзихи-но Коусикаи 217
 Тадзихи-но Сима 235
 Тадзихияматобэ 318
 Таками-мусуби 409
 Такамуко 245
 Такамуко-но Куромаро 167
 Такамуко-но Маро 242
 Такано 226, 238
 Такано, см. *Ко:кэн*
 Такаока 21
 Таката Дзюн 281
 Такацукаса 240
 Такигава Масадзиро 253
 Такэда 173
 Такэмикадзути-но микото 418
 Такэрубэ 318
 Такэти 173, 203, 208
 Такэути-но Сукунэ 148
 Тамура 155
 Танабэ Ю:ити 65
 Тарэянаги 66
 Татибана 144, 202, 210, 245
 Татибана-но Мороз 210—212, 214, 216—217, 234—235, 241, 243, 338
 Татибана-но Нарамаро 217, 219, 232, 439
 Татибана-но Тоёхи, см. *Ёмэй*
 Тиисакобэ 318
 Тода Ёсими 286
 Тоётоми Хидэёси 28
 Тоёукэ 369
 Токари-но Убаи 323—324
 Токугава Иэясу 332
 Токугава Мицукуни 30
 Тома Сэйта 252
 Томи-но Обито Итихи 149—150
 Тонэри 173, 202, 208, 243
 Торао Тосия 284
 Тории Рюдзо 61
 Тэмму 103, 115, 121, 155—158, 161, 172—175, 201, 208, 234—

- 235, 238, 245, 249, 283, 338,
361—362, 370, 372, 396, 398
Тэпги 98, 151, 155—157, 175,
201—203, 205, 234, 238, 398,
430
Тэ Чоён 397
У цзэ-тянь 224
У-ди 432
Умаядо-но Тоётомими 164
Урабэ-но Осиро 325
Уэда Масааки 132
Фудзивара 125—126, 150, 156,
174—178, 184, 189, 202—212,
215—216, 219—220, 227—
230, 232—234, 238, 240—243,
245—246, 270—271, 329,
372—373, 375, 438, 442, 447
Фудзивара-но Ёсинугу 232,
234—235, 239
Фудзивара-но Каматари 203
Фудзивара-но Киёкава 219—
220, 234—235, 390
Фудзивара-но Маро 204—205,
210, 438, 539
Фудзивара-но Момотака 234,
238—239
Фудзивара-но Мугимаро 204—
205, 209, 224, 235, 242—243,
339
Фудзивара-но Навамаро 227
Фудзивара-но Нагатэ 297, 234
Фудзивара-но Накамаро 212,
215—228, 230—231, 235, 237,
243, 249, 279, 322, 327, 397,
439—441
Фудзивара-но Омимаро 204
Фудзивара-но Оцугу 240
Фудзивара-но Сукэё 395
Фудзивара-но Тадахира 195
Фудзивара-но Танэцугу 239
Фудзивара-но Тоёнари 215—
217, 227, 235
Фудзивара-но Токихира 195
Фудзивара-но Умакаи 204—205
Фудзивара-но Фусасаки 204—
205, 217, 224, 227, 242, 421,
438
Фудзивара-но Фухито 203—
208, 235, 241—243, 326—327,
337, 339, 373
Фудзивара-но Хаманари 236
Фудзивара-но Хиронугу 210—
212, 214, 226, 231, 323, 348, 374
Фудзивара-но Цугинава
(Цугутада) 182, 243
Фудзии Кадзугу 303
Фудзимуро Синъити 39—40
Фукудзава Юкити 21, 23
Фуми-но Агата 311
Фунадо 217
Фунао Ёсимаса 284
Фунъя 245
Фунъя-но Тотину 222
Фурухито-но Оэ 156
Фусэ-но Киёнао 235
Футотама-но Микото 412
Хада 267
Хандзэй 133—134
Ханихара Кадзуро 64
Хатиман 231
Хаякава Сёхати 284—285
Хиками 245
Хикэтабэ-но Акавико 411
Химико 37, 107—108
Химэгими 418
Хинамиси 103
Хироками 327
Хиронари 412
Хирохито 33
Хиэда-но Арэ 122
Ходзуми 242
Хори Итиро 104
Хэгури 141
Хэйдзэй 21, 239, 290, 341, 384
Хэйсэй 183, 370

Цинь Ши-хуан 95
Цугухито 239
Цуда Со:кити 34
Цукиёми 407

Чайлд Гордон 62

Шунъ-ди 133

Эгами Намио 132
Энити 159

Ю:ряку 132—133, 136, 140—
141, 411
Югэ 226

Югэмикиё 245

Явата Итиро 58
Ямабэ 237—238
Яmanoути Сугао 43
Ямасиро-но Оэ 155
Ямато-но Ая 154, 311
Ямато-но Ая-но Атаи Кома
155

Ямато-но Имики Хатаясу 291
Ямато-такэру 101, 131, 135—
136

Яматохимэ 416
Яно Кадзусада 30
Яцука-мидзу-омицуно 82

Указатель названий произведений

- Бонмо:кё 323
 Вэй-чжи 106—108, 405
 Вэньс-юань 118, 129, 380
 Ганго:дзи гаран энги 198
 Дзё:ганкяку 194
 Дзинно: сё:то:ки 237
 Ё:ро: рицурё: 187—188, 192,
 204, 224, 243, 248, 444
 Записки у изголовья 29
 Ивэнь-лэйдзюй 129
 Идзё: тэнкун 224
 Идзумо-куни кэйкайтё: 345
 Идзумо-фудоки 82, 197, 408—
 409, 415, 424
 Исторические записки 129,
 186
 История династии Хань 186
 История династии Цинь 186
 История поздней Хань, см.
 Хоухань-шу
 История троецарствия 186
 Кайфу:со: 204—205, 310, 421
 Канон-кё: 208
 Киёмихарарё: 174
 Книга перемен 99
 Когосю:и 384, 412
 Кодзики 33, 101, 104, 114,
 119—127, 131, 135, 145, 157,
 174, 183—185, 197, 231, 329,
 340, 342, 369, 384, 402, 405—
 408, 410—415, 417, 426
 Ко:кё:, см. Сяо-цзин
 Ко:нинкяку 194
 Конко: мё:кё: 208, 374
 Ко:тай дзингу: гисикитё 416
 Лаоцзы 118
 Ли-цзи 219
 Луный 118, 380
 Манъё:сю: 103—104, 116, 177,
 199, 308, 326, 328—329, 331,
 335, 343, 363, 407, 415, 417,
 420—423
 Нинно:кё: 374
 Нихонги 414
 Нихон ко:ки 193, 195
 Нихон рё:ики 161, 165, 198,
 226, 235, 250, 323, 423
 Нихон сандай дзицуроку 81,
 127
 Нихон сёки 33, 95, 102, 104,
 114, 119—120, 125—129, 131,
 134—136, 143—145, 147—
 149, 156, 159, 162, 164, 166—
 167, 169—170, 180, 182—186,
 231, 283, 291, 342, 363, 365,
 369, 384, 402, 404—406, 408,
 410, 412—413, 416, 418,

- 426—427, 429, 432—434, 437,
 455
 Нихонкоку кэндзайсё мокуроку
 186
 Нэхангё: 423
 Пятикнижие 186, 380, 382
 Рё:-но гигэ 192—193
 Рё:-но сю:гэ 192—193
 Руйдзю: сандай кяку 194
 Сайсё:о:кё: 439
 Самгук саги 134, 367, 455
 Сангосики 233
 Сарасина никки 352
 Сёку нихон ко:ки 193
 Сёку нихонги 6, 114, 182—186,
 191, 193, 195, 197, 206—207,
 215, 218, 229—231, 236, 238,
 271, 279—280, 291, 305—306,
 308, 311, 318, 333, 357—358,
 373, 392, 403, 432, 437, 445,
 455
 Сингё: 323
 Синсэн сё:дзироку 146, 182,
 192, 384—385, 400, 412, 425
 Син Тай-шу 395
 Со:нирё: 190, 206, 375
 Суй-шу 122, 365, 390
 Сун-шу 133
 Сэндзимон, см. Цяньцзывэнь
 Сяо-цзин 218
 Сяоцзы 380
 Тан-ли 395, 483
 Тан лю дянъ 193
 Тайхо:рицурё: 119, 179, 187—
 189, 192, 204, 224, 243, 248—
 249, 252, 255—257, 261—262,
 268, 271—272, 274, 280—281,
 358, 364, 435, 444
 То:дайдзи ёроку 320
 Удзи сюи моногатари 367
 Фудоки 182, 197, 413—414, 435
 Фусо: рякки 81
 Хитати-фудоки 414
 Хоккё:кё: 374
 Хоухань-шу 31, 186
 Цяньцзывэнь 118, 379
 Энгикяку 194
 Энгисики 194—195, 283, 305,
 353, 359, 418, 429—430,
 432—433
 Яматохимэ-но микото
 сэйки 416

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ	
Географические условия и историко-культурный процесс	13
Раздел I. ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЯПОНИЯ	
Глава 1. Общее состояние японской археологии	30
Глава 2. Палеолит	39
Глава 3. Дзё:мон (неолит)	42
Глава 4. Ясё (бронзово-железный век)	61
Глава 5. Курганный период (кофун)	85
Раздел II. РАННЕИСТОРИЧЕСКАЯ ЯПОНИЯ	
Глава 6. Письменные источники по ранней истории Японии	111
Глава 7. Формирование государства Ямато	130
Глава 8. Период Асука	152
Раздел III. ПЕРИОД НАРА	
Глава 9. Письменные источники по истории и культуре периода Нара	182
Глава 10. Политическая история	200
Глава 11. Институциональная история	243
Глава 12. Социальная структура	259
Глава 13. Экономика	275
Глава 14. Город Нара и его обитатели	308
Глава 15. Государство и информационные процессы	341
Глава 16. Формирование государственной идеологии	361
Глава 17. Япония и внешний мир	385
Глава 18. Картина мира	405

ПРИЛОЖЕНИЯ

Синхронистическая таблица	455
Раннеяпонские императоры. Даты правления, девизы правления (нэнго:)	496
Карты Японии	499
Ранги	504
Структура государственного аппарата	506
Иерархия учреждений государственного аппарата	511
Именной состав Гисэйкан	512
Четыре разряда должностей	517
Соответствия между рангом и должностью	518
Таблица мер и весов	525
 Указатель географических названий	 528
Указатель имен собственных	534
Указатель названий произведений	541

*Александр Николаевич Мещеряков
Максим Васильевич Грачев*

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

Издатель
И. А. Мадий

Главный редактор
А. Р. Вяткин

Исполнительный директор
Е. Е. Кудинов

Художник
Г. С. Джаладян

Компьютерная верстка
Н. И. Павловой

Корректор
Т. Г. Шаманова

Подписано в печать 10.05.10. Формат 60×84 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Ньютон»
Печ. л. 34. Тираж 1500 экз.
Заказ № 2596

Издательство «Наталис»
119035, Москва, Б. Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2
Телефон: (495) 637-34-38
e-mail: natalis_press@mail.ru, www.natalis.ru

По вопросам оптовой и розничной закупки книг обращаться
в магазин «Восточной коллекции» при издательстве «Наталис» по адресу:
119035, Москва, Б. Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2
Телефон: (495) 637-34-38, e-mail: natalis_press@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
<http://www.gipp.kirov.ru>; e-mail: pto@gipp.kirov.ru

ISBN 978-5-8062-0327-5

9 785806 203275 >